

Вильям Савельзон

ПУШКИН и ОРЕНБУРЖЬЕ

*Над страницами
"КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ"
и "ИСТОРИИ ПУГАЧЕВА"*

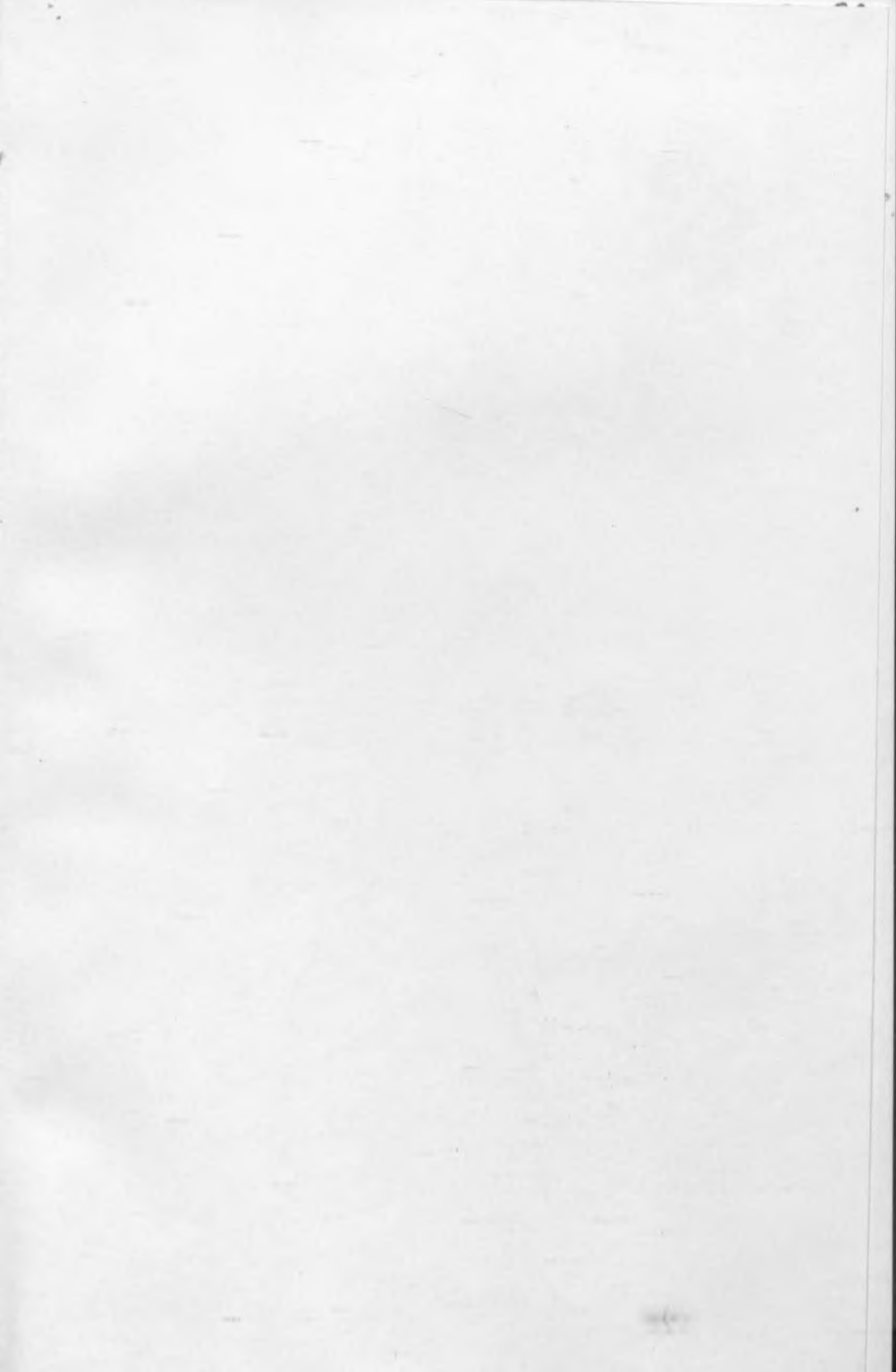
КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

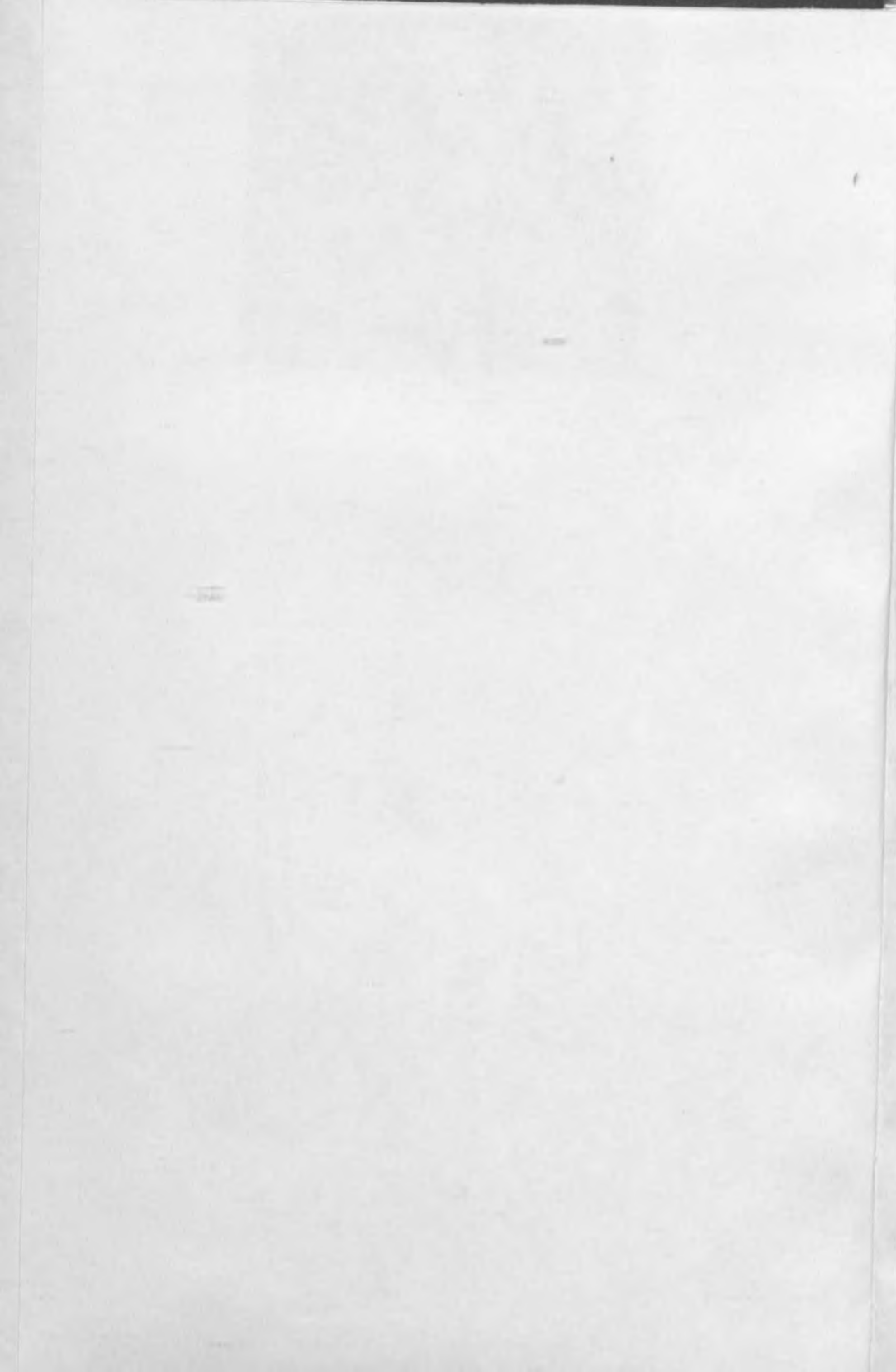
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

З ТМ© Т. 1 млн. З. 1318—84

1923
С-12

Вильям Савицкий

Вильям Савицкий

ПУШКИ И ДРЕНБУРЖЬЕ

издание в

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКИЙ ДРЕВНИЙ

МУЗЕЙ

КАРТА-СХЕМА ПУТЕШЕСТВИЯ ПУШКИНА

ор 83
с-12

ор 83.3/1

83.3/2 Рос-Арх 1-8 Пушкин

Вильям Савельзон

ПУШКИН и ОРЕНБУРЖЬЕ

Над страницами
"КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ"
и "ИСТОРИИ ПУГАЧЕВА"

а-275414
15

Издание второе,
исправленное и дополненное

ОРЕНБУРГ

2002

ОБЯЗАТЕЛЬНО

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

БЕСПЛАТНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

ББК 39.311 Я2
УДК 625.720 (03)
С98

Книга издана по заказу Главного управления
образования администрации Оренбургской области

Савельзон В. Л.

Пушкин и Оренбуржье.

С98 Над страницами "Капитанской дочки" и "Истории Пугачева".
Оренбург, ИПК "Южный Урал", 2002. - 408 с. с ил.

ISBN 5-94162-009-1

Книга, написанная талантливым оренбургским журналистом-литературоведом Вильямом Савельзоном, представляет собой роман-эссе. Автор размышляет, философствует, приводит интересные расследования, ищет взаимосвязи реальных исторических лиц с героями двух произведений Александра Сергеевича Пушкина: "Капитанской дочки" и "Истории Пугачева". Порой почти детективный ход сюжета приводит к поразительным выводам и открытиям, связанным с тем или иным конкретным историческим лицом, жившим и творившим в Оренбургском крае около двух столетий назад. Книга будет интересна не только специалистам-лингвистам и литературоведам, но и всем любителям изящной словесности. По сравнению с первым изданием, это значительно переработано и дополнено.

ББК 39.311Я2

ISBN 5-94162-009-1

©Савельзон В. Л., 1998

©Савельзон В. Л., 2002 г., с изменениями

©ИПК "Южный Урал", 2002 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

...Пушкинский юбилей. 1949 год. Москва. Перекрестье улицы Горького и Тверского бульвара. Мне тринадцать лет. Я живу в столице у тети и дяди, потому что отец - военный летчик, и мы докочевались до тамбовской деревушки, где был аэродром, но не было школы. Вот меня и отправили к родственникам в Москву.

Я в толпе наискосок от памятника-Пушкина. Только тогда поэт стоял там, где его поставил автор Опекушин, напротив нынешнего местоположения, через дорогу. На следующий год его зачем-то переставили, москвичи шутили: в ссылку.

Празднуют 150-летие Александра Сергеевича. Он большой, черно-зелено-бронзовый, чуть склонив курчавую голову, смотрит на мельтешащих на трибуне у его ног "великих писателей современности". Отчетливое чувство: все они - "великие", а он просто - Пушкин, и этим все сказано. Жара. Долгие речи, ведь выступить должно по одному классику от каждой страны "лагеря народной демократии".

Из тех, кого стоило запомнить, видится сейчас красиво-седовласый Александр Фадеев, слышится его взволнованный звонкий голос.

Отговорив и возложив венки, открыли гулянье. Под зацветающими, но уже сладко пахнущими липами вдоль дорожек Тверского бульвара - лотки с книгами Пушкина. Дядя (это уже потом я понял и оценил - на скудную свою пенсию) купил мне толстенный том "Избранное". Запах новой книги. Гладкая мелованная бумага, четкий шрифт, изящные виньетки, много черно-белых и упоительно красочных цветных иллюстраций.

Этот том со мной вот уже скоро полвека. Я прочел его тогда весь, с мелочишками вроде "Table-talk" и комментариями. Может, потому и сейчас многое помню наизусть. И когда работал над этой книгой, то легко отыскивал нужные страницы.

Рассуждая, к примеру, почему капитанская дочка в XVIII веке вряд ли могла быть Марией и что Пушкин назвал ее так, исходя из моды на имена своего, XIX века, тут же открыл книгу на примечании к "Полтаве", объясняющем эту именную загадку. Или когда дошел до "четвертого дна" пушкинского оренбургского рисунка, который мне посчастливилось "привязать" к селу Нижнеозерному, и до еле заметных строчек из Гомера на этом рисун-

ке, то сразу вспомнил и нашел, где у Пушкина в том же томе о переводе "Илиады" Гнедичем.

Я вообще уверен, что Пушкиным можно и нужно верить все происходящее. Как часто задаешься вопросом: "А что бы он сказал? Как бы оценил какое-то событие нашей жизни? Как бы поступил?"

И чем чаще мы будем стараться увидеть себя и свой век его глазами и умом - тем меньше будет в нашей жизни места глупостям, подлостям и трагедиям.

"Мой Пушкин" - называли свои книги Валерий Брюсов и Марина Цветаева. У каждого из нас - свой Пушкин.

* * *

Надо чаще перечитывать Пушкина. А нам, оренбуржцам, - особенно "Историю Пугачева" и "Капитанскую дочку", явившиеся на свет, потому что Александр Сергеевич приезжал к нам.

У Ираклия Андроникова есть прелестный рассказ, как в Тарханах на каком-то лермонтовском юбилее местный житель объяснял ему:

- Когда убитого на дуэли Лермонтова привезли сюда, к нам, мы все вышли его встречать.

- Кто - мы?

- Да местные, тарханские мужики.

Он чувствовал себя неотделимой, безвременной частицей. Так и нам хорошо бы уметь себя ощущать: мы, оренбуржцы, осенью 1833 года встречали в Бузулуке, Сорочинске, Новосергиевке, Переволоцком, Оренбурге, Бердах, Татищеве, Нижнеозерном Александра Сергеевича Пушкина.

А насчет того, что надо чаще его перечитывать, - сколько страниц в "Капитанской дочке"? Многие из нас, у кого школа начисто отбила всякое желание снова "проходить" Пушкина, скажут: "Наверно, пятьсот, а то и тысяча?" Нет, там всего-то около сотни страниц! Какому-нибудь современному "классику" этого не хватило бы даже на описание своего "босоногого детства" - вступление в очередное эпохальное произведение, оценят которое лишь библиотечные мыши.

А вот Пушкин на этой сотне страниц создал оренбургские "Войну и мир".

* * *

Во время своего большого путешествия на Волгу и Урал осенью 1833 года Александр Сергеевич побывал во многих городах: в Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске, Оренбурге, Уральске. Повсюду жадно искал свидетелей пугачевщины и места, с ней связанные, знакомился, где удавалось, с архивными материалами. В каждом городе был по несколько дней.

Но весьма любопытны психологически строки из двух его писем.

12 сентября. Заехав в село Языково, он пишет жене Наталье Николаевне в девятом дорожном письме:

"Сегодня еду в Симбирск, отобедаю у губернатора и к вечеру отправлюсь в Оренбург, последняя цель моего путешествия".

Позвольте, но ведь Пушкин после Оренбурга намеревался ехать еще и в Уральск. Почему же "последняя цель" - Оренбург?

Не могу согласиться с уральским исследователем А.И. Белым, который считает, что в Уральск Пушкин заезжать не планировал, а решение свое изменил под влиянием Даля и Перовского уже в Оренбурге. Провести по несколько дней в таких менее "пугачевских" городах, как Нижний Новгород, Казань или Симбирск - и не побывать в Уральске, где произошло столько событий пугачевщины?

Это кажется мало вероятным. Ведь Пушкин недаром выписал из рапорта генерал-майора П.М. Голицына президенту Военной коллегии З.Г. Чернышеву слова об Уральске: "начальное гнездо бунта". Тем более, этот город лежал уже на возвратном пути поэта и был сравнительно недалеко.

Прошло больше года. 19 октября 1834 года Пушкин пишет в Казань жене ректора тамошнего университета поэтессе Александре Андреевне Фукс. Хотя о ней Пушкин в одном из своих писем с дороги жене отозвался весьма насмешливо, чтобы успокоить ревность Натальи Николаевны, Фукс была человеком просвещенным, приняла поэта в своем доме очень радушно. Недаром же он дал ей свой петербургский адрес и выразил надежду, что она заедет к нему в Петербург. Александра Андреевна прислала ему потом свой поэтический сборник, где было восторженное стихотворение "На проезд Пушкина через Казань".

Отвечая Фукс на этот сильно задержавшийся в пути подарок, Пушкин объясняет: нарочного, везшего письмо Александры Андреевны, "уже не застал в Петербурге, по возвращении моем из Оренбурга".

Снова тот же конечный пункт!

Как знаменательно: все путешествие на Волгу и Урал было в сознании Пушкина прежде всего поездкой в Оренбург! Да и в воспоминаниях тех, кому он по горячим следам рассказывал о своем большом путешествии, - тоже. После Оренбурга - Уральска по пути в Болдино Пушкин заехал к братьям Языковым. Один из них - А.М. Языков записал: "Вчера был у нас Пушкин, возвращавшийся из Оренбурга и с Яика".

Интересно, что П.В. Анненков в первой биографии Пушкина главу XXXII об этом путешествии озаглавил: "...Осень 1833 года. Поездка в Оренбург и Болдино".

Даже в Ульяновске, бывшем Симбирске, который Александр Сергеевич тоже посетил в той поездке, на мемориальной доске на Советской, 16, без ревности написали: "В этом доме проездом из Петербурга в Оренбург останавливался великий народный поэт А.С. Пушкин".

По всему по этому вполне справедливо именовать этот длительный вояж августа - сентября 1833 года - оренбургским.

Оренбуржье выпало счастье: почти пять дней, с дорогой был поэт в нашем крае. Уехал из Петербурга с тяжелой душой: долги, тревога о семье, оскорбительная царская милость. Но почитайте Даля, который был с Пушкиным в Оренбурге неотлучно: Александр Сергеевич "с живостью расспрашивал", "от души хохотал", "воспламенился, в полном смысле слова"...

Каждый по себе знает: вдруг выдаются радостно-деятельные дни, все получается, даже сверх задуманного, всякий час спрессован событиями и встречами. Такими энергетически заряженными были для Пушкина оренбургские дни.

Этой энергии хватило ему до конца - увы! короткой его жизни. Ведь "Капитанская дочка" появилась лишь за несколько месяцев до роковой даты. Даже в канун гибели в одном из писем он снова касается того, что так волновало его, особенно в Оренбуржье, - истории Пугачева.

За всю свою жизнь Пушкин проехал около 33 - 34 тысяч километров. Некоторые авторы называют даже цифру в 40 тысяч. В любом случае он за недолгую свою жизнь практически обогнул земной шар по экватору. Оренбургская поездка была одной из самых продолжительных.

"Историей Пугачева" и "Капитанской дочкой" Александр Сергеевич ввел Оренбуржье в исторический и литературный оборот. Он впервые поведал пером историка и беллетриста о нашем крае России и миру.

Прибавим к этому свидетельство Гоголя в "Авторской исповеди": Пушкин "отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому". Сюжет "Ревизора", родившийся из предостерегающего письма нижегородского губернатора оренбургскому: на самом деле едет, мол, поэт с тайной ревизией.

Верно заметил оренбургский литературовед Н.Е. Прянишников:

"Оренбург, давший материал для лучшей повести на русском языке, может похвастаться и тем, что послужил, так сказать, колыбелью и лучшей русской комедии, вышедшей, кстати сказать, в одном году с "Капитанской дочкой".

...Позади очередной пушкинский юбилей. 200 лет. Время, когда нам снова надо обдумать и понять, как точно и емко звучит афоризм преподавателя русского языка Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса Аполлона Григорьева: "Пушкин - это наше всё".

ЛИЦЕЙСКИЙ ГЛОБУС

Как-то приехал я в зимний тогда еще Ленинград. Сырой холод, поземка, у сфинкса на набережной залеплены снегом глаза. С утра электричкой за полчаса добрался я до Царского Села - Пушкина. Еще минут десять автобусом - и вот он, Лицей, песчано-коричневый овальный корпус под прямым углом к Екатерининскому дворцу. Походил по парку, замерзшим озерам, обошел заиндевевшую Чесменскую колонну, бормоча ахматовское:

*Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.*

Замерз. В музее же было тепло. Познакомился с Ангелиной Ивановой Мининой, заместителем директора пушкинских музеев. Слово "Оренбург" - ключ к сердцу пушкиниста.

- Так вы из Оренбурга? Пойдемте, я покажу вам Лицей.

Это - по-петербургски. В суматошной Москве вряд ли ее коллега бросила бы дела, чтобы повести заезжего человека показать и рассказать.

И вот мы поднимаемся по лестнице, где когда-то толпились лицеисты, ожидая Державина, где юный Пушкин увидел свою первую любовь - Катеньку Бакунину. Четвертый этаж. Длинный коридор, налево и направо кельи лицеистов, как Пушкин называл.

Сердце забилося: № 14. У входа умывальный ящик, дальше низкая кровать под белым шерстяным одеялом, комод, в углу конторка.

Ангелина Ивановна прочла в глазах моих мольбу, сняла ограждающий красный шнур на пороге:

- Войдите.

И отошла, умница, на несколько минут.

Я стоял в том объеме пространства, которое несколько лет занимал он. И при всем своем закоренелом матерьялизме готов побиться об зак-

лад, что "смуглый отрок" оставил здесь какое-то излучение, что-то словно светится в этой полутемной комнатке, где в полуоконце (другая половина у соседа справа, друга "Жанно" Пущина) дворцовая арка не пускает солнце почти весь день. Вот что он видел: темно-лазоревою стену церкви при дворце, крышу, трубы и клочок белого петербургского неба.

Очнулся я от деликатного покашливания Ангелины Ивановны:

- Пойдем дальше?

Спустились на третий, учебный этаж. Странное чувство, которое можно выразить приблизительными словами: "то самое?"

Тот самый зал, знакомый по картине Репина "А.С. Пушкин на акте в Лицее 8 января 1815 года". Тот же стол под красной скатертью, стены расписаны под мрамор. Только все меньше, чем представлялось. Этот стол убирался, и лицеисты гуляли, дурачились, играли в мяч. Дальше комната с конторками для занятий. Автограф одного из первых стихотворений Пушкина "Роза" с уже оформившейся полустенографической, как запятая, буквой "з".

Следующая комната - классная. На возвышении стол и стул преподавателя. Черная доска. Амфитеатром три дуги, каждая из столов на пять человек. Пушкин сидел впереди лишь на словесности, на точных же науках - на "камчатке". Впрочем, все они тогда были гуманитариями: в журнале по словесности, языкам почти у всех 1 и 2 (оценки были наоборот). А по математике, физике у Пушкина в основном 4.

У окна, обращенного к дворцовой церкви, я увидел большой глобус. Поискал глазами, что лицеист Александр Пушкин мог увидеть в наших местах? Лента реки Урала. Мелкие буквы: "Оренбург". "Большой Сырт". "Урал".

В лицее преподавали географию, и этот глобус был все время в ходу. И обозначений на нем не так уж много, чтобы "смуглый отрок" не заметил тех, что относятся к Оренбуржью.

И я подумал, что осенние дни 1833 года, проведенные поэтом в нашем крае, произвели на него такой же эффект "то самое?" Буковки на глобусе обернулись степями, городом над уральским обрывом, приуральскими станциями-крепостями. Страшным бураном. Чернобородым Пугачевым. Сражениями и любовью.

Сколько чуть заметных "нитей", связывающих Пушкина с Оренбуржьем!

...Женившись, он был введен во владение отцовским нижегородским селцом Кистенево. Очень любопытно: одна из частей Кистенева называлась - Бунтовкой! По свидетельству автора статьи "О Болдинском имении А.С. Пушкина" А.И. Звездина, крестьяне Кистенева, как и Болдина, весной уходили гуртовщиками в оренбургские степи, и это, конечно, Александру Сергеевичу было известно.

...Не мог автор "Руслана и Людмилы" не знать былины об огромной голове богатыря, лежащей там, где Касмара (Сакмара) впадает в Яик. И

когда у горы Маяк переехал Сакмару, то, наверно, подивился судьбе, забросившей его в это былинное место.

...В конце 1826 года, когда Пушкин вернулся в Москву из михайловской ссылки, П.А. Вяземский познакомил его с поэтессой Екатериной Александровной Тимашевой. Она до того десять лет прожила в Оренбурге, и, видимо, поэт, жадный к новым местам, да еще каким - пугачевским! - не раз говорил с ней о нашем крае. Она была женой Егора Николаевича Тимашева, хозяина дома, известного оренбуржцам как "дом Тимашевых". Легенда, - увы, недостоверная, - гласит, что Пушкин в этом доме останавливался. Об этом мы побеседуем попозже.

Пожились они в Дорогобуже, на Смоленщине, когда Егор Николаевич был уланским офицером. Потом супруги переехали в Оренбург. Тимашев стал старшим адъютантом военного губернатора Г.С. Волконского, потом наказным атаманом Оренбургского казачьего войска, а с февраля интересующего нас 1833 года был избран предводителем дворянства Оренбургской губернии.

А Екатерина (Катерина) Александровна была из рода Загряжских. Это обстоятельство тоже связывает ее с Пушкиным: родственница ее, Екатерина Ивановна Загряжская - тетка Натальи Николаевны Гончаровой, жены поэта.

Супружеская жизнь четы Тимашевых не сложилась. Екатерина Александровна с детьми уехала в Москву. В ее альбом Пушкин записал посвященное ей стихотворение, которое свидетельствует и о том, что она тоже писала стихи. В собраниях сочинений А.С. Пушкина к заголовку "К.А. Тимашевой" иногда делается ссылка: "московская поэтесса".

*Я видел вас, я их читал,
Сии прелестные созданья,
Где ваши томные мечтанья
Боготворят свой идеал.
Я пил отраву в вашем взоре,
В душой исполненных чертах,
И в вашем милом разговоре,
И в ваших пламенных стихах;
Соперницы запретной розы
Блажен бессмертный идеал...
Стократ блажен, кто вам внушал
Не много рифм и много прозы.*

И дата - "20 окт. 1826. Москва".

В последней строчке - разночтения: иногда печатают: "И много рифм, и много прозы". А "запретной розой" называл П.А. Вяземский племянницу Е.А. Тимашевой красавицу Елизавету Киндякову. Через несколько дней, 9 ноября, Пушкин написал Вяземскому: "Что Тимашева? Как жаль, что я не успел с ней завести благородную интригу. Но и это не ушло".

Несмотря на шуточный тон, Пушкин очень уважительно относился к Тимашевой. Она же его боготворила. На запись, сделанную им в ее альбоме, она ответила "Посланием к учителю". Очень характерным "Посланием". В нем она, с одной стороны, отдает дань расхожему тогдашнему представлению о поэте - воспевателе дамских ножек. Но с другой - через три месяца после казни декабристов она, выказывая глубокое понимание Пушкина, пишет о том, какой болью отозвалась эта казнь в душе Александра Сергеевича.

Со стороны Тимашевой была и известная доля риска в этих стихах о "невинных" - пятирх повешенных декабристах:

*Где ты, учитель мой минутный,
Когда и кем ты увлечен?
Иль в вихре вальса, в зале шумной
Ты снова ножкой поражен...
Иль может быть воспоминания
Тебя далеко увлекли...
Друзей погибших, их страдания
Невольно душу потрясли.
Ах, прах невинных кто слезою
Горячей в дань не оросил
И кто об них в душе с тоскою
Не вспоминал и не тужил!*

Оренбургская исследовательница Л.В. Пашинина делает заманчивое допущение, что Пушкин мог поверить Тимашевой свои потаенные планы: подобно Байрону, уехать бороться за свободу греков. Действительно, в стихотворении поэтессы "К портрету Пушкина" есть строки, которые можно толковать очень широко:

*Он бы желал к брегам свободы,
Как лорд Байрон, направить путь.
Сняв иго рабства с вас, народы,
Свободу, славу в вас вдохнуть.*

Но все же, думается, это лишь предположение, и не очень вероятное. Не настолько поэт был близок с Тимашевой, чтобы делиться мыслями о побеге.

Старший сын Тимашевой Александр сделал блестящую служебную карьеру, став министром внутренних дел. Он был и скульптором-любителем, вылепил бюст графини Меренберг, младшей дочери Пушкина, Натальи. Но тут я отсылаю желающих узнать о Тимашевой побольше к статьям исследователей А. Ф. Коровина из Свердловской области и С.Е. Сорокиной из Оренбурга.

...Московским знакомым Пушкина был поэт-любитель Михаил Николаевич Сушков, оренбургский вице-губернатор, скончавшийся за полгода до приезда Александра Сергеевича в Оренбург.

...А спросите даже у знающего оренбуржца: что общего у Караван-Сарая на Парковом проспекте - и у прелестного акварельного портрета Натальи Николаевны, того, где она чуть раскоса, в платье с открытыми плечами и подвеской на лбу? Не каждый ответит: у Караван-Сарая и портрета - один автор. Художник и архитектор А.П. Брюллов, младший брат знаменитого живописца Карла Брюллова. Тот самый, который, судя по "Воспоминаниям о Пушкине" Даля, несколько архаично, но метко сказал:

"Читая Пушкина, кажется, видишь, как он жжет молнией выжигу из обносков: в один удар тряпье в золу, и блесит чистый слиток золота".

Этот же Александр Брюллов и иллюстрировал Пушкина. В год оренбургской поездки Александра Сергеевича в альманахе "Новоселье" был напечатан брюлловский рисунок к "Домику в Коломне". А 29 января 1832 года Пушкин писал П.В. Нащокину: "Портрет мой Брюллов напишет на днях". Иногда приходится читать, что имеется в виду знаменитый Карл Брюллов. Нет, речь шла об Александре. Жаль, что этот замысел не осуществился.

...В январе 1829 года Пушкин вместе с приятелем Алексеем Вульфом имели большой успех у провинциальных дам на святочных балах в старинном русском городке Старице, что несколько выше Твери по Волге. Несмотря на то, что на балах блистали и местные офицеры-улань. В "Подъезжая под Ижору" Александр Сергеевич шутил: "Хоть вампиром именован \ Я в губернии Тверской..."

Интересно, примерял ли Пушкин мысленно на себя уланский мундир? Ведь было время, когда он всерьез подумывал о военной службе. И он был бы отменным воином. М.И. Пущин, брат лицейского друга поэта и тоже декабрист, только сосланный не в Сибирь, а на Кавказ, вспоминал, как во время войны с турками увидел Александра Сергеевича "скачущего, с саблей наголо, против турок, на него летящих. Приближение наше, а за нами улан с Юзефовичем, скакавшим нас выручить, заставило турок в этом пункте удалиться, - и Пушкину не удалось попробовать своей сабли над турецкою башкою..."

Насчет мыслей Пушкина об эффектном сине-красном уланском мундире неизвестно, а вот молодой Герцен в "Былое и думы" записал о том, как к нему приехал родственник-улан:

"Сильно билось сердце, когда я увидел его со всеми шнурками и шнурочками, с саблей и в четвероугольном кивере... Утром на другой день я оделся в его мундир, надел саблю и кивер, посмотрелся в зеркало... Боже мой, как я казался себе хорош в синем куце мундире с красными выпушками! А этишкеты, а помпон, а лядунка!"

Там же, на войне с турками Пушкин встретил Василия Дурова, разжалованного из уланских офицеров за дерзкую выходку. Тот рассказывал ему о книге, написанной старшей сестрой Надеждой Дуровой -

"кавалерист-девицей", служившей, кстати, тоже в уланском полку. Получил петербургский адрес поэта и разрешение прислать рукопись для публикации в журнале. Дурова потом приезжала в Петербург, встречалась с Пушкиным. Отрывки из ее "Записок" он напечатал в своем журнале "Современник".

16 октября 1829 года, снова приехав в тверские места, Александр Сергеевич написал приятелю А.Н. Вульфу в Петербург из соседних со Старицей Малинников, что сестры Вульфа "отправились в Старицу посмотреть новых уланов". Другая сестра - сводная "Александра Ивановна заняла свое воображение отчасти талией и задней частью Кусовникова, отчасти бакенбардами и картавым выговором Юргенева". И дальше:

"В Бернове я не застал уже толсто(----) Минерву. Она с своим ревнивцем отправилась в Саратов... Писарева кто-то прибил, и ему велено подать в отставку. Князь Максютов влюблен более чем когда-нибудь".

Для чего я так подробно рассказываю о Пушкине - и уланах, и каким боком все это связано с Оренбуржьем?

Дело в том, что в Старице квартировал Оренбургский уланский полк (улань - военные, служившие в легкой кавалерии. Происхождение свое этот вид конницы ведет со времен Золотой Орды, отсюда, как сказано в словаре Брокгауза и Ефрона, "квадратный верх каски, соответствующий такому же верху шапки монгольской". В России название "улань" появилось с 1803 года).

"Минерва" и "ее ревнивец" - это Екатерина Ивановна Гладкова и ее муж, ротмистр Оренбургского уланского полка Яков Павлович Гладков. Поженились они в 1825 году, Пушкин хорошо знал Екатерину Ивановну и до этого, и после, встречаясь с ней, когда приезжал в Тверской край и в 20-е, и в 30-е годы.

С полковником Алексеем Михайловичем Кусовниковым Пушкин был знаком давно. Во всяком случае, А.Н. Вульф в своем дневнике записал: "во время пребывания Пушкина в Старице мы чаще еще виделись, ибо Пушкин знал Кусовникова еще будучи в Лицее".

Остальные - офицеры того же Оренбургского уланского полка: подполковник Александр Тихонович Юргенев, штаб-ротмистры Дмитрий Иванович Писарев (кстати, дядя критика Д.И. Писарева), князь Асфенджар Мустафин Максютов (Максутов).

Штаб-ротмистром этого полка был и Иван Петрович Вульф. Его двоюродный брат А.Н. Вульф в дневниковой записи 6 января 1829 года сообщает, что вместе с Александром Сергеевичем они "имели одно только удовольствие бесить Ивана Петровича, образ мыслей наших оттого он называл американским".

Синеглазой красавицей Катенькой Вельяшевой, жившей в Старице, Пушкин был немного увлечен. Ей он посвятил те самые "Подъезжая под

Ижоры". В тетради, которую он возил с собой в старицкие усадьбы, он нарисовал прелестную стройную девушку - Катеньку. Но она, как записал А.Н. Вульф, "была занята любовью своего тридцатилетнего кузена Ивана Петровича Вульфа, служившего в уланском полку".

Он же, А.Н. Вульф писал Пушкину из Малинников в Петербург об уже упомянутом Максютове как о хорошем знакомом Александра Сергеевича.

Уланами Пушкин поддразнивал в письме 21 июля 1825 года влюбленную в него старшую дочь П.А. Осиповой-Вульф Анну:

"Скоро ли выйдете замуж? Застали ли уланов?.. Если какой-нибудь улан скажет вам, что с вами нездорово вальсировать, не смейтесь, не жеманьтесь, не обнаруживайте, что польщены этим".

Полковником с 1826 года в Оренбургском уланском полку был Роман Романович Анреп, с которым Пушкин был тоже знаком.

О нем как о своем новом поклоннике сообщала Пушкину из Малинников 20 апреля 1826 года Анна Вульф, желая возбудить ревность поэта. (Как она это уже пыталась сделать раньше, в письме конца февраля - начала марта, видимо, придумав себе еще одного поклонника:

"Я встретила прелестного кузена, который страстно любит меня и не хотел бы ничего другого, как доказать, это на ваш манер, - если бы я пожелала. - Он не улан, как вы, может быть, предполагаете, а гвардейский офицер, прелестный молодой человек, который не изменяет мне ни с кем, - слышите ли?")

В несохранившемся ответе Пушкин, видимо, колко отозвался об Анрепе, и Анна Николаевна 2 июля в ответном письме выговорила свою обиду. Уланами Анреп командовал и в войне с турками, и Пушкин встретил его там во время боевых действий, о чем рассказывает в "Путешествии в Арзрум". Упоминание о Р.Р. Анрепе мы встретим и в первом дорожном письме к жене, 20 августа 1833 года, когда Пушкин отправился в оренбургское путешествие.

И в пушкинском "Романе в письмах" Лиза пишет из села Павловского, соседнего со Старицей, подруге Саше: "...вхожу в гостиную, нахожу толпу гостей, уланские мундиры..." Л.Ф. Керцелли, исследовательница тверского периода в творчестве Пушкина считает, что в "Романе в письмах" "как ни в каком другом, нашли себе место доподлинные черты людей, окружавших поэта во время его пребывания в Павловском".

По пути в Оренбуржье, 21 августа 1833 года Пушкин снова побывал в Тверском крае и написал жене из Павловского:

"Здесь я нашел большую перемену. Назад тому пять лет Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями; но уланы переведены, а барышни разъехались".

Известно, что поэт часто рисовал нечто, связанное с текстом, иной раз на полях, а иногда и прямо на строках. Уланы были вооружены пиками и саблями, Пушкин это видел. И на одной из страниц рукописи "Романа в письмах" он нарисовал пику и эфес, правда, как определяют специалисты, это получился эфес шпаги, а не сабли.

Несмотря на то, что к 1830 году в России был 21 армейский и два гвардейских уланских полка, а три полка и дивизия расквартированы были в других городках этой Тверской губернии, больше всего Пушкин был осведомлен о делах именно Оренбургского уланского полка и, как видим, хорошо знал многих его офицеров.

И не оренбургский ли след в "Евгении Онегине", пусть и не очень отчетливый, не отзвук ли близкого знакомства с Оренбургским полком в главе седьмой там, где после гибели Ленского Ольга становится женой улана?

*Другой увлек ее вниманье,
Другой успел ее страданье
Любовной лестью усыпить,
Улан умел ее пленить,
Улан любим ее душою...
И скоро звонкий голос Оли
В семействе Лариных умолк.
Улан, своей невольник доли
Был должен ехать с нею в полк.*

А в черновиках этой главы был и портрет улана:

*Но тут поспешными шагами
Ее настиг молодой улан.
Затянут - статен и румян,
Красуясь черными усами,
Нагнув широкие плеча
И гордо шпорами звуча.*

Предположить, что именно впечатления, связанные с оренбургскими офицерами, подсказали образ этого улана, нам позволяет и общий план "Евгения Онегина" с основными датами работы над романом в стихах и, главное, перечнем мест, где рождалась седьмая глава. Пушкин набросал этот план 26 сентября 1830 года, завершив свой труд. Глава, в которой упоминается улан, помечена: "VII песнь. Москва. Мих<айловское>. П<е-тер>. Б<ург>. Малинн<ики>. 1827., 8".

Малинники, где создавались строфы главы седьмой, где эта глава заканчивалась, отделялась и переписывалась набело, - тверское поместье доброго друга Пушкина, Прасковьи Александровны Осиповой-Вульф, тут он любил бывать. Оренбургские уланы оживляли жизнь Старицкого уезда, бывали и в Малинниках, так же, как и Пушкин в Старице. Это, как мы уже говорили, совсем рядом.

Вспомним из "Евгения Онегина", как это могло быть и в Старице:

*И вот из ближнего посада
Созревших барышень кумир,
Уездных матушек отрада,
Приехал ротный командир;
Вошел... Ах, новость, да какая!
Музыка будет полковая!
Полковник сам ее послал.
Какая радость: будет бал!*

Видимо, один из этих улан-оренбуржцев и удостоился чести попасть в роман, став мужем уездной барышни Ольги Лариной.

Как не вспомнить в этой связи и пушкинское письмо Нащокину 24 ноября 1833 года? Вернувшись из оренбургской поездки и Болдина, Александр Сергеевич пишет: "Жена была на бале, я за нею поехал - и увез с собой, как улан уездную барышню с именин городничихи".

По свидетельству историка В.Г. Семенова, полк был создан в конце XVIII века в Оренбурге как драгунский. Из Оренбурга уходил на Отечественную войну 1812 года. В Бородинском сражении оренбургские драгуны отличились на левом фланге батареи Раевского. (Может, генерал Н.Н. Раевский, которого Пушкин безмерно уважал и с семьей которого он ехал в 1820 году на юг, упоминал об этом, рассказывая о Бородине? Тем более, что путь был долгим, четырехмесячным, и Александр Сергеевич любил слушать воспоминания славного героя Отечественной войны.)

А когда русская армия перешла Березину и двинулась на Запад, полк был преобразован в уланский. В нем, кстати, служил и отличился, получив золотое оружие за храбрость, проявленную в сражении при Бородине, будущий тесть (отец второй жены) В.И. Даля майор Л.В. Соколов. Можно предположить, что в 20-х годах, когда Пушкин познакомился со многими офицерами полка, среди них были и офицеры "первого набора", оренбуржцы.

Встречи в тверских городках были Пушкину памятны и дороги, и о них он с удовольствием рассказывал. В том же письме Наталье Николаевне, где упоминалось, что тут еще пять лет назад было много улан и барышень, мы читаем:

"Ты не угадаешь, мой ангел, откуда я к тебе пишу: из Павловска; между Берновом и Малинников, о которых, вероятно, я тебе много рассказывал".

...Не мной сказано, что Пушкин неисчерпаем, как Вселенная. Так же неисчерпаема тема "Пушкин и Оренбуржье". Об этом думал я, глядя на лицейский глобус.

" НЕВОЗМОЖНО ИМЕТЬ БОЛЬШЕ УМА, ЧЕМ У ПУШКИНА..."

А теперь после разговора о том, что мог знать Пушкин заранее об Оренбуржье, поговорим о том, что ко времени его приезда знали в Оренбуржье о Пушкине.

...Жили-были две юные подруги - Софи и Сашенька. Софи была дочерью старшего сотоварища Пушкина по литературному обществу "Арзамас" Михаила Салтыкова. Сашенька - дочерью гвардейского офицера Николая Семенова. Как положено дворянским девушкам, они обучались в пансионе. Это был петербургский пансион А.Д. Шретер. Не знаю, как учили там другим предметам, но французский язык, музыку, словесность они любили и знали превосходно.

Был у подруг в пансионе любимый учитель Петр Александрович Плетнев - друг Пушкина и Дельвига, писатель, поэт, критик, издатель почти всех будущих пушкинских книг, начиная с 1826 года.

Но вот пансион позади. Подруги расстались. Как сложились их судьбы? Девятнадцати лет, в 1825 году, Софи вышла замуж в Петербурге за самого близкого лицейского друга Пушкина Антона Антоновича Дельвига. Вышла по любви. Он звал ее, по свидетельству А.П. Керн, Сонинькой, она его Антошей.

Однако брак не был безоблачно счастливым, и в основном - увы! - по вине самой Софи. Вроде бы, она хорошо устроила и вела дом, у Дельвигов любили собираться самые выдающиеся умы тех лет. Но если Антон Антонович был скромн, деликатен, то Софи бывала чрезмерно энергична, взбалмошна, устраивала семейные скандалы и не всегда была верна мужу. Написал же Дельвиг незадолго до смерти строки:

*За что, за что ты отравила
Неисцелимо жизнь мою?*

Хотя причиной смерти впечатлительного, тонкой души Дельвига в 1831 году стали не семейные неурядицы и не "гнилая горячка", как было официально объявлено. В гроб свело его хамство всесильного шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа. Тот вызвал к себе Дельвига по доносу шпиона и подлеца Ф. Булгарина о сочувствии и самого Дельвига, и участников издаваемой им "Литературной газеты", прежде всего Пушкина, фран-

цузской революции 1830 года. Главный жандарм орал, по гнусной российской привычке переходя на "ты":

- Что ты опять печатаешь недозволенное?

А ведь Дельвиг как-никак был не просто дворянин, но и барон. Он пытался возражать, но Бенкендорф, взбесившись, вопил, что упрячет и Дельвига, и Пушкина в Сибирь. Через несколько дней Дельвига не стало. "Грустно, тоска... Никто на свете не был мне ближе Дельвига", - писал Пушкин. Он не знал еще, что сбудется его пророчество: "И, мнится, очередь за мной" и что умрет следующим из лицейстов через шесть лет...

А Сашенька вернулась в свой провинциальный Оренбург и тоже вскоре вышла замуж. За Григория Силыча Карелина, человека разносторонне способного, деятельно-беспокойного, путешественника, ученого, литератора.

Помните, из школьного курса, что временщик Аракчеев, произведенный в графы, получил дворянский герб с надписью "Без лести предан", а кто-то остроумно и зло переделал в "Бес, лести предан"? Этот "кто-то" - 16-летний петербургский прапорщик Григорий Карелин. Его схватили и без суда и следствия сослали в Оренбург.

Но он не предался унынию. Описание всего, что он сделал почти за 35 лет связи с Оренбуржьем, заняло бы целую статью. Скажу коротко, что он исполнял разнообразные поручения оренбургских военных губернаторов, искал месторождения, устраивал добрые отношения со странами Средней Азии, исследовал Алтай, Саяны, Каспийское море... Кстати, он же основал на море крепость Ново-Александровск (потом переименованную в Форт-Шевченко) и получил за это в Подмоскovie поместье Трубицино, куда перевез свое семейство. Однако, уехав вновь в экспедицию на Каспий, он в Гурьеве завел новую семью и не вернулся к прежней.

Любопытно, что обе подруги своих дочерей называли одним именем - Елизавета.

И что еще интересней и что замкнуло еще один литературный круг - Александра Николаевна Карелина 16 ноября 1880 года присутствовала при рождении своего правнука - будущего великого поэта Александра Блока. А потом учила Сашуру Блока читать по пушкинским произведениям. А потом, в 84-ю годовщину гибели Пушкина, именно ее правнук А. Блок сказал гениально:

"Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни".

Итак, мы снова возвращаемся к Пушкину. Софи и Сашенька после пансиона лет пять - с 1825 по 1830 годы - активно переписывались, потом же их переписка постепенно затухла. Их письма по-французски впервые собрал, перевел и опубликовал в книге "Пушкин" в 1929 году Б.Л. Модзалевский.

И оказалось, что в Оренбурге некоторые стихи Пушкина становились известными раньше, чем среди читающей публики столиц, не говоря уж об остальной России! Что подруги были в курсе самых потаенных сторон литературной жизни страны, особенно связанных с Пушкиным.

Салтыкова следила за всеми новостями бурной жизни молодого поэта и сообщала о них подруге. Только услышав о ссылке в Михайловское, она спешит написать в Оренбург:

"Дорогой наш Пушкин ("нашим" она явно хочет сделать его и для Сашеньки. - В.С.) выслан в деревню к своему отцу за новые шалости... Я убеждена, что он создаст новые стихотворения в своем уединении, которые будут еще более остры".

Софи Салтыкова боготворила Пушкина. Она его увидит еще только через два года, лишь недавно познакомилась с будущим мужем Дельвигом, и свадьба через несколько месяцев. Но в письме в Оренбург 14 мая 1825 года она пишет очень характерное для ее восприятия Пушкина - и Дельвига:

"Невозможно иметь больше ума, чем у Пушкина, - я с ума схожу от этого. Дельвиг - очаровательный молодой человек, очень скромный, но не отличающийся красотой мальчик".

Можно подумать, что Пушкин зрелый человек, а он ведь даже на год моложе ее "мальчика" Дельвига. Вот что делает восхищение Софи пушкинскими стихами!

Даже о том, почему ей захотелось познакомиться с Дельвигом, она пишет так:

"потому что он поэт, потому что связан с моим дорогим Пушкиным, с которым вместе он был воспитан..."

В каждом ее письме в Оренбург о Пушкине - все только восторженное. В этом же письме 14 мая: "очаровательно", "восхитительно" (это о начале "Евгения Онегина", читанного ей Дельвигом). В письме через месяц: "Пушкин очарователен во всех видах, - в прозе так же, как и в стихах". В сентябре 1826 года, сообщая о приезде Пушкина в Москву: "Какое счастье!" И так далее и тому подобное.

В то же время о муже - очень мало и спокойно. Не будь Дельвиг лучшим другом Пушкина и не цени он так же высоко пушкинский дар - и взрывать можно бы. Но все, касающееся нашего великого поэта, выше любой пошлости.

В нескольких письмах петербургская подруга рассказывает о том, как она познакомилась с родителями Пушкина, его сестрой Ольгой и братом Львом и очарована ими. Но сам Александр Сергеевич в это время в михайловской ссылке. В одном письме содержится описание, весьма комическое и злое, опочечкого уездного предводителя дворянства, надзиравшего за ссылкой Пушкиным, Пещурова и его семейства. В другом же - упоминание, что Дельвиг ездил к Пушкину в Михайловское и привез его стихи.

Потом в Оренбург летит радостная весть:

"Скажу тебе, друг мой, новость, которая верно порадует тебя. Пушкину позволили выехать из деревни и жить в столице. Как мы обрадовались!"

И вот в тот день мая 1827 года, когда Софи познакомилась с живым Пушкиным:

"Я в восторге, что его увидела наконец... Вот я провела с Пушкиным вечер... Он мне очень понравился, очень мил, мы с ним уже довольно коротко познакомились. Антон об этом очень старался, так как он любит Александра, как брата".

И, может, не без легкого хвастовства, свидетельство того, как сразу привязался Пушкин к дому Дельвигов:

"Я познакомилась с Александром, он приехал вчера, и мы провели с ним день у его родителей. Сегодня вечером мы ожидаем его к себе, - он будет читать свою трагедию "Борис Годунов".

Или в другом письме - о том, что Пушкин читал лично ей 4-ю и 5-ю главы "Евгения Онегина", "так же, как и следующие, до того, что они были напечатаны".

А потом уже несколько фамильярно:

"Извини меня, Саша, что я до сих пор не посылаю тебе 4-й и 5-й главы "Онегина", - злодей Пушкин совсем забыл нас и против своего обыкновения не спешит прислать нам оные".

Надо сказать, что ее оренбургская подруга бывала к Пушкину критичнее. Может, от желания подразнить Софи, а может, и потому, что, в отличие от Софи, не попала под всезахватывающее и покоряющее личное обаяние поэта. Нет данных, что она когда-нибудь видела его вживе.

Вот образец женской логики в ответе Софи Сашеньке на некоторые критические замечания по "Евгению Онегину":

"Ты ошибаешься, думая, что мне захочется побить тебя за твое суждение о Пушкине: я вовсе не так пристрастна, как ты воображаешь, а если бы так было, то это значило бы, что я нетерпима! Я согласна, что в последних песнях "Онегина" есть слабые места, но в них и столько красот, которые их окупают. Одно, чего я не понимаю, это то, что ты не заметила Сна Татьяны. По-моему, это совершенство. О чем хочешь ты сказать, говоря, что там есть слова, поставленные только для рифмы, что недостойно Пушкина. Я боюсь, что ты имеешь в виду это место:

Читатель ждет уж рифмы: розы, и так далее, потому что я нахожу это очаровательным. Я сама заметила много пустословия и никогда не заступаюсь за Пушкина, когда не надобно за него заступаться, только эту его слабость нахожу прелестной.

4 мая 1828".

Все это интересно психологически. Давайте же перейдем к практической части переписки из Петербурга в Оренбург и обратно. Я уже говорил, что Софи присылала Сашеньке то, чего иной раз еще не знали другие почитатели пушкинского гения. Вот из письма 17 июля 1827 года:

"Пушкин только что прислал моему мужу отрывок из 4-й песни "Онегина" для "Северных цветов" (это альманах, издававшийся Дельвигом в 1825 - 1831 годах. - В.С.) ближайшего года, но я хочу, чтобы ты прочла его раньше всех. Скажи мне, как ты его находишь? Не правда ли, что это очаровательно? И не узнаешь ли ты в нем то, что мы столько раз видели и над чем вместе смеялись?"

"Посылаю тебе "Северные цветы", - начинается одно из писем из Петербурга в Оренбург. Думаю, в захолустном городе вряд ли кому-нибудь, кроме А.Н. Карелиной, этот альманах присылали и вряд ли кто-либо его выписывал. (Хотя в одном из писем содержится извинение Софи, что не прислала вовремя отрывок из "Евгения Онегина", и надежда, что подруга одолжила экземпляр для прочтения. Поэтому, может, у нее были сведения, что в Оренбурге кто-то получал альманах?)

И с понятным волнением берешь в руки томик, хранящийся в отделе редких книг Оренбургской областной библиотеки. Он маленький, 9,5 на 12,5 сантиметров. "Северные цветы на 1827 год. Изданы бароном А.А. Дельвигом. Санктпетербург. Типография департамента народного просвещения. Печатать дозволено с тем, чтобы по напечатании, до выпуска из типографии, предоставлено было в Главный Цензурный Комитет семь экземпляров сей книги для препровождения куда следует, на основании узаконений. Санктпетербург, января 18 дня 1827 года. Цензор Надворный Советник и Кавалер П. Гаевский".

Нарочно привожу подробно, чтобы можно было еще раз оценить, как надзирали тогда за вольной мыслью и свободным словом: и угрюмо-угрожающее "препровождение куда следует", и с больших букв наименование цензурной конторы и регалий цензора.

А сам по себе этот выпуск альманаха великолепен. Пушкин и активно участвовал в "Северных цветах", и привлекал лучших литераторов России. В этом выпуске на 1827 год Е. Баратынский, П. Вяземский, Д. Веневитинов, И. Козлов, Ф. Тютчев, Н. Гнедич...

Александр Сергеевич представлен тут шедеврами. "Письмо Татьяны к Онегину". "Ночной разговор Татьяны с няней". "19 октября" ("Роняет лес багряный свой убор..."). Послание к А.П. Керн "Я помню чудное мгновенье..." (Сама А.П. Керн свидетельствует: "Стихи эти я сообщила тогда барону Дельвигу, который их поместил в своих "Северных цветах". Стихотворение было напечатано с разрешения Пушкина".)

Но все же утверждать, что именно этот экземпляр альманаха держали в руках Софья Дельвиг и Александра Карелина, можно лишь предположительно. Есть карандашные пометки красивым женским почерком, а на строках "Письма Татьяны к Онегину" чуть заметны вертикальные значки над ударными словами, кто-то явно готовился к мелодекламации. Но, к сожалению, нет никаких иных, более уточняющих надписей.

Надо полагать, что Сашенька не одна читала в оренбургской глуши новые пушкинские стихи, но и показывала их многим друзьям и знакомым.

А с письмом 9 февраля 1828 года Софи прислала подруге "Северные цветы", где был портрет поэта (конечно, гравюра с него Н. Уткина). Кисти В.Тропинина, более домашний, или более романтический О. Кипренского? Оба писали в предыдущем, 1827 году. Даже не беря для проверки томик "Северных цветов" за 1828 год, можно было бы сказать точно: без сомнения, Кипренского, зная восторженную увлеченность Софи и обстоятельства появления этой гравюры:

"Вот тебе наш милый добрый Пушкин, полюби его! Рекомендую тебе его. Его портрет поразительно похож, как будто ты видишь его самого. Как бы ты его полюбила, Саша, ежели бы видела его как я, всякий день. Это человек, который выигрывает, когда его узнаешь".

Кстати сказать, если сопоставлять творческую манеру живописца и писателя, то в "Капитанской дочке" Пушкин ближе к Тропинину: герои предстают перед нами не в парадном виде, а "домашними", нарисованы добродушно и тепло. Тропинину пушкинский портрет заказал С.А. Соболевский: "нарисовать в домашнем его халате, растрепанного". Как не вспомнить хотя бы словесный портрет капитана Миронова, который озадачил Петра Гринева, представлявшего своего нового командира совсем не таким: "в колпаке и в китайчатом халате".

Об этой же гравюре с портрета работы Кипренского высоко отозвался и Е.А. Баратынский, в том же феврале 1828 года написавший Пушкину:

"Портрет твой в "Северных цветах" чрезвычайно похож и прекрасно гравирован. Дельвиг дал мне особый оттиск. Он висит теперь у меня в кабинете в благопристойном окладе".

Можно полагать, что Дельвиг дал жене для пересылки в Оренбург, кроме альманаха, еще и один "особый оттиск" заказанной им гравюры с портрета Кипренского. Висел ли этот портрет в доме Карелиных тоже в "благопристойном окладе"?

Точнее, Н. Уткин сделал не копию с работы Кипренского, а свой вариант знаменитого портрета.

Поэтому Сашенька на этом изображении не увидела Музы на заднем плане да и рук Пушкина. На гравюре лицо поэта, по сравнению с картиной, более вытянуто, и выражение глаз изменено. Правда, И.А. Гончаров именно это изображение считал самым верным:

"Лучше всего, по-моему, напоминает его гравюра Уткина с портрета Кипренского".

Трудно нам оспаривать это мнение, равно как и соглашаться с ним. Во всяком случае широкая читающая публика впервые увидела, как выглядит ее кумир.

В своей переписке подруги обсуждают "Евгения Онегина", "Цыган", "Бориса Годунова" (кстати, именно в доме Дельвигов, как мы уже видели,

Пушкин впервые читал эту трагедию), "Графа Нулина" и многие стихи. Ценны для истории и живые, яркие свидетельства о таких людях пушкинской поры, как П. Каховский, И. Якушкин... Интересно, что Сашенька в далеком Оренбурге была благодаря своей подруге в курсе литературной борьбы тех лет, читала несколько журналов, "Литературную газету".

Жена Дельвига была человеком деятельным и принимала живейшее участие в делах мужа. Обратим внимание на "у нас" в ее письме в Оренбург 13 января 1830 года:

"Надеюсь, что ты нашла разницу между "Литературною Газетою" и другими журналами. У нас критика, а не брань, и критика хорошего тона, не правда ли? Пушкин доставляет много своих статей. Разбор Истории Полевого и многие другие критические статьи принадлежат ему. Не правда ли, - хороша его проза? Ассамблея - отрывок из его же романа, только не говори об этом никому".

А в одном из писем Софи - стихи А. Дельвига, посвященные Сашеньке Семеновой-Карелиной и интересные как образец романтического видения дальнего и захолустного Оренбуржья:

*От вас бы нам, с краев Востока,
Ждать должно песен и стихов,
В соседстве вашем дух пророка,
Волшебной свежестью стихов,
Живит поклонников Корана;
Близ вас поют певцы Ирана,
Гафиз и Сади - соловьи.
Но вы, упорствуя, молчите:
Так в наказание примите
Цветы замерзшие мои.*

Писала в Оренбург Семеновой-Карелиной и Анна Керн, которой Пушкин посвятил гениальное стихотворение "Я помню чудное мгновенье..."

В доме Дельвигов очень ждали писем из Оренбурга. Вот отрывок одного из писем:

"Антоша с таким же нетерпением, как и я, ожидает получить известий о тебе и часто говорит мне: что наша Саша не пишет к нам? И каждый день, при входе ко мне, первую его заботою - спросить, не получила ли я письма из Оренбурга".

И что еще интересно: в Оренбурге был автограф Пушкина! Утверждать это можно вполне определенно.

13 октября 1824 года Софи пишет Сашеньке (они обе еще не замужем):

"Он (Плетнев. - В.С.) принес мне несколько отрывков из новой поэмы ("Евгений Онегин", глава вторая. - В.С.), которую занят в настоящий момент Пушкин, и настоятельно просит меня послать их тебе, что я и делаю. Сохрани их - это драгоценность, так как это руки самого Пушкина:

он прислал эти отрывки Дельвигу, который отдал их Плетневу, и только мы четверо знаем эти стихи. Плетенька очень просит меня не сообщать этого никому, потому что "Это уже не будет новостью для Александры Николаевны". Это его собственные слова.

Сознаюсь тебе откровенно, что мне очень хотелось снять для тебя копию этих стихов, а автограф Пушкина сохранить для себя, скрыв это от тебя, чтобы ты на это не зарилась, но Плетенька просил меня не делать этого:

"Я вам достану что-нибудь его руки, любезная Александра Сергеевна (намек на увлечение Пушкиным), а это прошу вас послать Александре Николаевне, - вы ее много утешите".

Но дальше - загадка. С одной стороны, нет никаких оснований не верить Софи, и письмо с бесценным пушкинским автографом ее оренбургская подруга получила. Но с другой - став обладательницей такой реликвии, А.Н. Семенова-Карелина, казалось бы, должна была ею дорожить. Однако об этом автографе она потом не рассказала и не написала ни слова! И в подмосковном селе Трубицыне, где она поселилась в конце жизни, ее замечательный правнук поэт Александр Блок автограф Пушкина не нашел.

Куда же делся пушкинский автограф, бывший в Оренбурге? К сожалению, никто не знает.

Очень интересно, что из писем Софи следует: несколько общих знакомых побывали в Оренбурге и наверняка рассказывали потом о городе и его обитателях Дельвигам, а, может, и Пушкину, который стал бывать в доме друга чуть ли не ежедневно. Это В.Д. Соломирский, давний пушкинский знакомый, И.А. Второв, родом оренбуржец, который в дневнике своем прямо пишет, что в доме Дельвига познакомился с Пушкиным, а потом он встретился с путешествующим в Оренбург Александром Сергеевичем в Симбирске, и, может быть, И.Е. Великопольский, который брался передать Сашеньке письмо петербургской подруги.

До Александры Николаевны Семеновой-Карелиной, конечно, дошли вести о том, как заботился Пушкин о семье рано скончавшегося друга Антона Дельвига. Финансовые дела вдовы были крайне расстроены. К тому же в суматохе похорон у нее украли ломбардные билеты на 54 тысячи рублей. И Пушкин принялся за составление альманаха "Северные цветы" в пользу семьи Дельвига. Он купил у Софии Михайловны за тысячу рублей свой портрет работы О. Кипренского.

По какому-то необъяснимому стечению обстоятельств одно из самых важных в переписке двух подруг писем пришло в Оренбург в день смерти Пушкина.

Можно приблизительно установить, где жила Сашенька, Александра Николаевна. Ее муж Григорий Силыч Карелин адресовал ей письма так: "В собственный дом, позади дома г-на Военного губернатора". Видимо, это

позади нынешнего дома по Советской, 2, выходящего и на набережную к Уралу. Тут жил в те годы военный губернатор П. К. Эссен. К приезду Пушкина здание это вконец обветшало, и губернаторской резиденцией стал "Дом Тимашевых", это Советская, 32.

Может, во всем обширном Оренбургском крае только Сашенька Семенова-Карелина знала и читала стихи Пушкина тогда, в 20-х годах, когда слава его только еще начиналась? Нет, не она одна.

В журнале "Отечественные записки", в № 64 за 1825 год напечатано "Посещение Илецкой защиты в 1824 году". Очерк не подписан, но автор его известен - П.П. Свинын. Вот несколько любопытных строк оттуда:

"Проведя несколько часов у командира 1-го Тептярского полка полковника Г.С.О., признаюсь, пленился еще более прелестными стихами Пушкина, прелестно декламированными милою, прекрасною хозяйкою".

А. Ф. Коровин, краевед из Свердловской области установил, что Г.С.О. - это Гавриил Семенович Окунев, человек весьма просвещенный, лично знавший многих будущих декабристов по боевым операциям 1812 года, по походу в Европу.

И что еще важнее, очерк П.П. Свинына в "Отечественных записках" наверняка хотя бы просматривал Пушкин, постоянный читатель этого журнала. Во всяком случае, в примечаниях к главе пятой "Истории Пугачева" Пушкин записал там, где речь идет об осаде пугачевцами Яицкого городка:

"Следующие любопытные подробности взяты мною из весьма замечательной статьи ("Оборона Яицкой крепости от партии мятежников"), напечатанной в "Отечественных записках" П.П. Свинына".

Конечно, трудно судить, знал ли Пушкин со слов Софьи Салтыковой-Дельвиг о ее оренбургском адресате Сашеньке Семеновой-Карелиной, о том, что стихи его отправляются в Оренбург? Но, надо думать, приятно было ему прочесть, как его декламируют в глухой провинции - в Илецкой защите, нынешнем Соль-Илецке.

Но, оказывается, в Оренбург первое письмо об Александре Сергеевиче пришло еще на 4 года раньше!

Его получатель - Павел Лукьянович Яковлев. Это брат пушкинского товарища по Лицею, лицейского старосты Михаила Лукьяновича Яковлева, который потом стал директором типографии II отделения Собственной его Величества канцелярии и помогал напечатать "Историю Пугачева".

Молодой Павел Яковлев весьма близко был знаком с Александром Сергеевичем, записавшим в его альбом свое стихотворение "Я люблю вечерний пир..." Они вместе служили в Иностранной коллегии, были неперенными участниками пирушек лицейских друзей. А в мае 1820 года Павел Яковлев вместе с Антоном Дельвигом провожал Александра Пушкина в южную ссылку. И хотя служил потом в скучной должности чиновника межевой канцелярии, не чужд был изящной словесности,

писал фельетоны и очерки. Осенью того же 1820 года он был в Оренбурге.

А написал ему это письмо его двоюродный дядя Александр Ефимович Измайлов, известный тогда баснописец и журналист, председатель Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Кстати, басню Измайлова о Фоме и Кузьме ("Заветное пиво") Александр Сергеевич советовал прочесть жене в письме из Болдина, вернувшись из оренбургской поездки. Александр Ефимович в период южной пушкинской ссылки довольно часто писал двоюродному племяннику о делах поэта, и очень заинтересованно.

Вот отрывок из этого письма Измайлова из Петербурга Яковлеву в Оренбург 13 сентября 1820 года:

"Нового в литературе ничего нет, кроме поэмы Пушкина "Руслан и Людмила", которую хвалят и хулят без милосердия".

В Оренбурге Яковлев был в это время с Владимиром Дмитриевичем Вольховским, другом Пушкина по Лицею. Тем самым, которому Александр Сергеевич потом пошлет "Историю Пугачева" с теплой надписью:

"Радуюсь случаю издали напомнить тебе о старом лицейском товарище, искренно тебе преданном".

Поручик Вольховский из Оренбурга направлялся в дальнее и опасное путешествие в Бухарский эмират. А Яковлев был секретарем этого русского посольства Негри в Бухару. Видимо, его взяли как сведущего в географии и топографии, а также как искусного рисовальщика, недаром было у него прозвище "Яковлев-карикатурист". Вернувшись же из похода в Бухару, он обрел еще и прозвище "узбек".

И столичная весть о Пушкине была обоим, конечно, очень радостна. Об Александре Сергеевиче они должны были наговориться вдоволь.

В Оренбурге Вольховский побывал еще дважды: в 1824 и 1825 годах, тоже отправляясь в походы по Средней Азии. В 1825 году он навестил семейство Карелиных, и тут уж речь о Пушкине шла несомненно. Кстати, рекомендовала ему Карелиных не кто иная как Софья Салтыкова, к тому времени невеста Дельвига. И в рекомендации этой упоминался Пушкин:

"Прошу тебя, дорогой друг, смотреть на этого молодого человека как на брата Антоши, так как он смотрит как на братьев на всех своих сотоварищей по Лицею, в особенности на хороших, как Пушкин, Горчаков, Вольховский и пр."

А в 1829 году Пушкин и Вольховский встретились после долгой разлуки на Кавказе, и кто знает, может быть, Владимир Дмитриевич рассказывал и о своих путешествиях, начинавшихся в Оренбурге. А что касается Яковлева, то вполне вероятно, что он сообщал о первых пушкинских литературных успехах и другим своим оренбургским знакомым.

Так что у нас в Оренбуржье довольно много знали о Пушкине задолго до его приезда.

ПОЧЕМУ ОН ПОЕХАЛ?

Осень 1833 года. Пушкин из Петербурга едет в Москву, а оттуда в большое путешествие на Волгу и Урал. В оренбургское путешествие, как мы будем называть для краткости.

Он писал, что следовать мыслям великого человека есть наука самая занимательная. Мы же будем следовать и мыслям, и делам Пушкина в этой поездке. И внешним, бытовым обстоятельствам, и обстоятельствам духовным.

Чтобы понять, почему он поехал, проанализируем строку, которой заканчивается письмо Александра Сергеевича одному из самых близких друзей - Павлу Воиновичу Нащокину. Написано оно в конце февраля 1833 года, то есть за полгода до оренбургской поездки.

Вот эта всеобъясняющая строка:

"Путешествие нужно мне нравственно и физически".

Анализировать ее, чтобы понять, почему она написана так, а не как-нибудь иначе, интересно и с сугубо, казалось бы, формальной и неожиданной стороны - стихотворческой.

Пушкинская проза - это проза поэта. Это точно подметил А.П. Чехов: "Лермонтовская "Тамань" и пушкинская "Капитанская дочка", не говоря уж о прозе других поэтов, прямо доказывают родство сочного русского стиха с изящной прозой".

Вспоминается и державинское "И в прозе глас слышен соловьиный". И хоть это сказано о Карамзине, доживи Державин до расцвета пушкинского гения, он мог бы сказать эти слова почти обо всем, что написано Александром Сергеевичем в прозе.

Коснувшись лишь чисто формальной стороны понятия "проза поэта", которое, естественно, куда шире, и оставив подробный разговор на одну из следующих глав, заметим, что многие пушкинские строки поэтически организованы. Внимательно перечитав "Капитанскую дочку", начинаешь понимать, что строчки, осевшие в памяти с детства, может, потому и осели, что нередко - стихотворного характера. Давайте напишем столбиком хотя бы это:

Я выглянул из кибитки:

Все было мрак и вихорь.

Вторая строка - ямб. Для этого и "вихорь", а не "вихрь".

Вы можете проделать этот опыт со многими другими строками и убедиться, что это действительно - в узком смысле - проза поэта. Правда, у Пушкина есть верное замечание:

"У нас употребляют прозу, как стихотворство: не из необходимости житейской, не для выражения нужной мысли, а только для приятного проявления форм". Но сам Пушкин не жеманничал.

И та строка из письма Нащокину даст нам ключ для понимания того, почему Александр Сергеевич отправился в поездку. Мы рассмотрим пока что еще не смысл, а структуру этого предложения, опять разбив его на две строки:

*Путешествие нужно мне
Нравственно и физически.*

Это - тоже строки поэта. Обе тонически организованы: по 2 ударных и по 6 безударных слогов. И - силлабически: по 8 слогов в каждой строке. Первая - чистый анапест. Однако во второй, ключевой строке поэтический размер был бы ощутимее, амфибрахией, если б она звучала наоборот: "физически и нравственно".

Но тут Пушкин "наступил на горло собственной песне", он подавил в себе поэта. И в этом таится разгадка того, что подвигло его на далекое и нелегкое путешествие в Оренбург. Именно нравственная потребность была для него на первом месте. Его душили чиновный Петербург, "светская чернь". Пушкин жаждал обновления. Новых мест, впечатлений, тем. И особенно пугачевской, запретной и так остро его влекущей.

"Давно, усталый раб, замыслил я побег". Эта строка так и просится рядом с "нужно мне нравственно".

Поэтому "физическую" потребность поездки он отнес все же на второй план, как ни тяжела была загнанность человека, ежечасно терзающегося, как содержать все разрастающееся семейство, выпутаться из долгов, все время помня: "не продается вдохновенье, но можно рукопись продать".

Заметим, кстати, что и Гринев в последней строке главы VIII утомлен после падения крепости "душевно и физически" - в той же последовательности.

Итак, последуем за Пушкиным и сначала поговорим о "нравственно".

За плечами у 33-летнего человека две ссылки: южная и северная. За ним до конца жизни неусыпный тайный полицейский надзор, каждый шаг становится известным через шпионов начальнику III отделения, шефу жандармов Бенкендорфу и главному жандарму России - царю.

Впрочем, надзор шел и в открытую. "Бдим!" - не раз показывали Пушкину жандармы. Бенкендорф письмом уведомил поэта: вы теперь обязаны все написанное или прямо представлять цензуре-царю, или передавать через меня, шефа жандармов. Пушкин принял к сведению, но не ответил в письменном виде. И через два месяца Бенкендорф вторым письмом стро-

го напомнил: не имею известия о получении вами моего первого "отзыва", но "должен однако же заключить, что оный к вам дошел, ибо вы сообщали о содержании оного некоторым особам".

Можно только представить себе психологический стресс, которому много лет подвергался Пушкин. Не может он не знать, что за ним шпионят, и говорит ли он с царем, сделавшим ему комплимент "умнейший человек России", беседует ли с Бенкендорфом или пишет ему по обязанности почтительные письма, а сам думает: они же приказали следить за мной, они читают мои письма к жене! Да и в Оренбурге, радушно встреченный губернатором Перовским, он, может, среди дружеской беседы вдруг вспоминает: и этот тоже, наверное, получил из столицы указание следить за мной и доносить о каждом моем шаге.

Кстати, распечатали ли письмо поэта к жене из Оренбурга, где есть и интимные места, жандармские руки, и читал ли письмо царь? Установить невозможно. Пушкин точно узнал, что его письма перлюстрируются и копии делаются для царя, 10 мая 1834 года. Но вполне может быть: все, что Александр Сергеевич писал жене из оренбургского путешествия, досматривалось.

На внутреннюю свободу великого поэта покушалась и всякая дрянь вроде доносчика, предателя родины, плагиатора Фаддея Булгарина. Пушкин им спуску не давал, но укусы их были болезненны.

Всего за три года до оренбургской поездки он, сватаясь к Наталье Николаевне, вынужден был, как состоящий под надзором, поставить в известность и получить "всемиловитейшее разрешение" царя, и сделал это скрепя сердце.

Разрешение было дано. Но Бенкендорф, к которому стекались все сведения о Пушкине, собранные тайными агентами и полученные из вскрывавшихся писем поэта, отвечая Пушкину по поручению царя, в своем письме нагло лгал:

"Никогда никакой полиции не давалось распоряжения иметь за Вами надзор".

И в то же время, по сути, иезуитски угрожал:

"Его императорское величество в отеческом о Вас, милостивый государь, попечении соизволил поручить мне, генералу Бенкендорфу, - не шефу жандармов, а лицу, коего он устаивает своим доверием, - наблюдать за вами и наставлять вас своими советами".

Жандармская логика: никакого надзора не было и нет, но я как надзирал, так и буду надзирать.

Поэт ехал в Оренбург, а вослед ему столичный обер-полицмейстер послал казанскому губернатору, а тот передал по эстафете дальше письмо об установлении за поэтом в местах, где он будет, тайного полицейского надзора. Даже на те несколько дней, которые Пушкин пробудет в их губерниях.

Правда, карательные ведомства иной раз работали неоперативно. Письмо ушло из Петербурга 20 сентября, как раз в тот день Александр Сергеевич уже выехал из Оренбурга в Уральск и дальше в Болдино. А Перовский получил указание надзирать за поэтом еще через месяц - 23 октября.

...Пушкин задумал писать о Пугачеве. Интересно, когда впервые мелькнула эта мысль? Зимой 1821-1822 он написал "Братьев-разбойников", дошедших до нас в виде отрывка из большой, сожженной им поэмы. Кто в "удалых шайке"?

Меж ними зрится и беглец

С берегов воинственного Дона...

Такое выражение было тогда распространенным эвфемизмом, то есть словом или выражением, употребляемыми взамен чего-то непристойного, запретного. В этом случае, может быть, - фамилии Пугачева. Эта донская примета беглеца употреблена Пушкиным в первом же упоминании о будущем "мужицком царе" в "Истории Пугачева": "Сей бродяга был Емельян Пугачев, донской казак".

Впрочем, это из области догадок. А когда пушкинское перо впервые вывело на бумаге фамилию вождя крестьянско-казацкой войны 1773 - 1775 годов?

В "Несобранных и неопубликованных текстах "Рукою Пушкина" за 15 октября - 5 ноября 1824 года (это время михайловской, северной ссылки) значится запись: "Карты, Пугачев..." Раньше этого фамилия Пугачева у поэта не зарегистрирована.

А через несколько дней, 10 - 12 ноября, Пушкин пишет брату Льву в Петербург. О продолжающемся разладе с родителями. Вопросы о Петербурге. И несколько поручений, в том числе прислать книгу "Жизнь Емельки Пугачева". Полное название этой книги "Ложный Петр III, или Жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева", издана она была в Москве в 1809 году.

Насколько характер и дела пушкинского героя далеки от "характера и злодеяний бунтовщика"! Об этом мы дальше побеседуем подробнее.

И в следующем письме - это очень показательно - Александр Сергеевич упоминает "историческое, сухое известие о Сеньке Разине". У нас еще будет случай поговорить и об этом сближении двух поэтичнейших личностей русской истории, двух предводителей величайших народных войн в России.

"Капитанская дочка" старше "Истории Пугачева". Первый план повести относится к лету 1832 года, а к историческому исследованию Пушкин приступил в начале 1833 года. Хотя появились они в свет в обратном порядке: "История Пугачева" в 1834-м, "Капитанская дочка" - в 1836-м.

Весьма любопытно свидетельство Н.В. Гоголя:

"Пушкин уже почти кончил Историю Пугачева. Это будет единственное у нас в этом роде сочинение. Замечательна очень вся жизнь Пугачева. Интересу пропасть! Совершенный роман!"

Когда это сказано? В первой половине 1833 года! Но в это время был готов лишь начальный вариант "Истории Пугачева", а о "Капитанской дочке" Пушкин только еще думал. Отчего же это Гоголь говорит да еще с таким восторгом о "романе"? Наверно, Пушкин рассказывал ему о пугачевщине так, как он умел рассказывать - с жаром, с массой рождающихся тут же художественных деталей и замыслов и вместе с тем с глубоким историческим анализом. И как жаль, что Гоголь не записал ничего из этих устных пушкинских импровизаций!

Но есть еще более ранний след будущего "романа"! 8 декабря 1832 года П.А. Плетнев пишет В.А. Жуковскому:

"Пушкин больше роется теперь по своему главному труду, т.е. по истории, да кажется в его голове и роман копышется".

Этим малопонятным словом, надо думать, обозначено то же: первый план "Капитанской дочки" уже обрастал устными импровизациями, и Пушкин по творческому нетерпению рассказывал близким людям свои первые неясные видения того, что происходило в оренбургских степях во времена пугачевщины. Хотя, кто знает, "роман" мог быть и "петровским", ведь П.А. Плетнев записал, что с 1831 года Пушкин "приступил к сочинению истории Петра Великого". Но все же в пользу "романа" именно "пугачевского" говорит упоминание лишь об "истории Петра Великого", но не о художественном произведении.

Как ни странно, но одним из обстоятельств, давших Пушкину мысль писать о Пугачеве, был царский подарок. Причем Николай I, посылая Александру Сергеевичу в феврале 1832 года "Полное собрание законов Российской империи", вероятно, хотел подать мысль создать исторический труд об одном из своих предшественников на русском троне Петре Великом. Но в этом "Полном собрании" оказались и такие материалы, как "Сентенция 1775 года января 10. О наказании смертной казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников. С присоединением объявления прощаемым преступникам".

Полагают, что именно тут Пушкин впервые встретил имя Михаила Шванвича, ставшего отдаленным прототипом и Гринева, и Швабрина. Так что царь в каком-то смысле невольно встал у колыбели "Капитанской дочки". Хотя потом и несколько подпортил новорожденную повесть, заставив Пушкина кое-что изменить. И каково было гению-Пушкину творить, прикидывая, что будет дозволено напечатать, а что нет!

А закончив свое путешествие в Болдине, 11 октября 1833 года Пушкин в письме к жене дал ей поручение:

"Мой ангел, одно слово: съезди к Плетневу и попроси его, чтоб он к

моему приезду велел переписать из Собрания законов (годов 1774 и 1775) все указы, относящиеся к Пугачеву".

И, вспомнив, что забыл о начале пугачевщины, приписал: "и 1773".

Речь все о том же многотомном "Полном собрании законов Российской империи". Можно полагать, что еще до поездки он очень внимательно изучил в этом издании все, что касалось пугачевщины, но встречи во время путешествия, новые свидетельства и мысли потребовали вновь вернуться, чтобы на знакомое посмотреть по-новому, подкрепить или, наоборот, отвергнуть какие-то предположения.

Но почему он не оставил дело до уже скорого возвращения домой, к своему "Собранию законов"? И зачем ему чужие выписки? Можно было бы понять нетерпение художника, желание получить нужные выписки поскорее, еще в Болдине, но и в письме сказано: "к моему приезду", и в дальнейшей переписке с женой есть упоминание только о полученных от нее письмах, а не о выписках.

Прочел он и все, что было об Оренбуржье. "Топографию Оренбургскую" и "Летопись" П.И. Рычкова, "Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких, Орд и степей" А.И. Левшина (кстати, левшинская статья "Этнографические известия о киргиз-кайсацких или киргиз-казацких ордах" была написана и опубликована по инициативе Пушкина) и его же, Левшина "Историческое и статистическое обозрение уральских казаков". Многие страницы этих книг имеют пушкинские пометы, так серьезно он их изучал. О высокой пушкинской оценке трудов П.И. Рычкова у нас еще будет несколько случаев поговорить, а вот о сочинении А.И. Левшина Александр Сергеевич отозвался как об "отличающемся, как и прочие произведения автора, истинной ученностью и здоровою критикою".

Естественно, Пушкину были нужны и архивные документы о крестьянско-казачьей войне 1773 - 1775 годов. Прошло уже шесть десятков лет, но все пугачевские архивы были секретными. И ему, неблагонадежному, трудно было получить дозволение работать с такими взрывоопасными для режима документами.

Как ни было противно его душе, Пушкин был вынужден пойти на хитрость.

Он попросил разрешения поработать с документами о Суворове, вовсе не намереваясь писать о полководце. Ему было известно, что в суворовском архиве он сможет найти материалы о пугачевщине, потому что Суворов, как тогда считалось, активно участвовал в разгроме восставших.

И совершенно не основательно мнение, что Александр Сергеевич задумал было суворовское произведение, но пугачевский "боковой ход" увлек его. (П.Я. Чаадаев в письме А.И. Тургеневу назвал "Капитанскую дочку" пушкинским "побочным ребенком".) Поэтому, мол, Пушкин бросил первоначальный замысел, и в результате мы получили "Капитанскую дочку" и "Историю Пугачева".

Достаточно только внимательно прочесть список дел, которые Пушкин просил военного министра графа А.И. Чернышева открыть ему:

1. Следственное дело о Пугачеве.
2. Донесения графа Суворова во время кампании 1794 года.
3. Донесения его 1799 года.
4. Приказы его к войскам.

Один из крупнейших исследователей пушкинского творчества Ю. Г. Оксман справедливо считает "случайными привесками" 2, 3 и 4 пункты. Ведь до участия в подавлении пугачевщины, кстати совсем не значительного, и после этого у Суворова были громкие победы под Туртукаем, Кинбурном, Очаковым, Фокшанами, Рымником, Измаилом... А Пушкин о них словно забыл.

Нет, ему нужно было лишь "следственное дело о Пугачеве".

К этому мнению видного ученого можно добавить, что, судя по содержанию письма, Пушкин, наверно, уже говорил с Чернышевым об архивных документах, которые хотел получить. И можно предположить, что граф, человек умный, понимал чистую формальность "суворовского довеска".

Действительно, какая тут логика: писать о великом полководце почему-то лишь на основе его донесений 1794 года, когда он подавлял польское восстание, и 1799 года - это время похода в Северную Италию и Швейцарию? Такие далекие друг от друга эпизоды в долгой военной карьере! Пушкин мог бы попросить что-то более правдоподобно-полное, но он сделал совершенно случайный выбор.

А вот что на самом деле могло бы пригодиться Пушкину в суворовском архиве, так это все, что связано с участием генералиссимуса, тогда еще генерал-поручика в доставке пленного Пугачева осенью 1774 года из Яицкого городка, где предатели-сподвижники выдали властям вождя крестьянско-казахской войны, в Симбирск.

Из того, что Пушкин знал точно, можно упомянуть более ранний документ - весны 1774 года рапорт П.А. Румянцева, командовавшего войсками на турецком фронте. Румянецв очень любопытно объяснял, почему он ослушался приказа императрицы послать подчиненного ему Суворова на войну с Пугачевым.

"Чтобы не дать подать Европе слишком великого понятия о внутренних беспокойствах государства. Такая была слава Суворова!" - так переложил автор "Истории Пугачева" объяснение Румянцева, показывающее, как велик был страх перед пугачевщиной, как боялась императрица европейской огласки того, что происходило в России. В "Истории" суворовско-пугачевским делам отведено несколько больших абзацев.

Но просить бумаги Суворова именно 1774 года рядом со "Следственным делом о Пугачеве" - значило бы слишком явно раскрыть свой замысел.

Через месяц после этого письма Чернышеву, видимо, ощутив его благорасположение, Пушкин в следующих письмах уже и не упоминает о

предыдущих и последующих военных делах Суворова, а просит - и получает - дополнительные архивные материалы по пугачевщине.

И еще один аргумент, что Пушкин вовсе не собирался писать о генералиссимусе: за несколько дней до начала переписки о предоставлении ему возможности ознакомиться с архивами Александр Сергеевич уже набросал первый из дошедших до нас планов "Капитанской дочки".

И, надо полагать, на него уже "дурь нашла", как он шутливо назвал вдохновение в письме жене из Оренбурга. "Дурь" еще не ясного пугачевского замысла.

Кстати, некоторые исследователи предполагают, что Суворов побывал и в Оренбуржье. Основание - строка из его формулярного послужного списка: "По спискам Военной коллегии показан: при 1 армии при корпусе в стороне Оренбурга - 1775 г."

Есть и прямое свидетельство - письмо Н.И. Тимашева, одного из крупнейших местных землевладельцев, очевидца обороны города от пугачевцев, от 24 мая 1775 года из Оренбурга, что он, как и многие оренбургские жители, видел Суворова в городе и даже говорил с ним. Единственно, что смущает, - это деталь: "въехал Суворов в Оренбург под именем майора Полетаева, а выехал под именем Скачкова". Зачем бы Александру Васильевичу понадобился такой маскарад, если он участвовал в военных событиях конца пугачевщины совершенно открыто?

Правда, тут сходится со строкой из формулярного списка дата: 1775 год. Суворов, действительно, был оставлен в Заволжье после разгрома пугачевцев, чтобы восстановить пограничную линию, было это в 1774-1775 годах. Может, уже закончив свою миссию, он и заехал в мае в Оренбург? Отнесем это к еще одной из многих загадок оренбургской истории.

Пожалуй, единственный возможный суворовский след в "Капитанской дочке" - реакция батюшки на чтение "Придворного календаря":

"Генерал-поручик!.. Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих российских орденов кавалер!.. А давно ли мы?.."

Пушкин знал биографию Суворова. Тот начинал службу капралом, а в 1751 году стал сержантом гвардии. Кстати, и Петруша был записан сержантом в гвардейский Семеновский полк, там же служил и близкий родственник Гриневых князь Б. Вспомним первую строку "Капитанской дочки": "Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графе Минихе". Так можно было сказать не об армейском, провинциальном, а именно о гвардейском офицере.

Поэтому Гринев-старший вполне мог быть в молодости, в 50-х годах, командиром роты в гвардии. Его чина премьер-майора (с которым он ушел в отставку, или, может, и капитана: при выходе из службы обычно давался следующий чин) - было для этого достаточно, и сержант Суворов на самом деле мог служить у него в роте.

А к пугачевским временам Суворов как раз стал генерал-поручиком. Это чин высокий, генерал-поручиков было всего несколько человек. И тот, о котором читает батюшка, мог быть и Суворовым.

К тому же он действительно был к началу пугачевщины кавалером двух орденов: за польскую кампанию в 1770 году получил крест ордена Анны с бриллиантами, а в 1771 - орден Александра Невского. В этом случае батюшка читал "Придворный календарь" на 1772 год.

Но все это, конечно, только допущение.

А в "Истории Пугачева" Суворов упоминается 14 раз, начиная с "Предисловия" и кончая последним абзацем.

И все же Пушкину так и не открыли важнейших архивных документов, и особенно того, что очень бы помогло - протоколов допросов Пугачева.

У великих интересно не только то, что они пишут, но и то написанное, что они зачеркивают. В предисловии к "Истории Пугачева" Пушкин рассказал, что "Дело" Пугачева вместе с другими важными архивными делами после петербургских наводнений поместили в лучшие условия. В рукописи следующая фраза: "Новейшая наша история спасена Николаем I". Пушкин перечитал - и вычеркнул эти слова. Ведь дальше следует: "Будущий историк, коему позволено будет распечатать дело о Пугачеве, легко исправит и дополнит мой труд - конечно, несовершенный, но добросовестный". И фраза о "спасителе"-императоре звучала бы весьма двусмысленно: спасая, запрещать использовать исторические свидетельства? В конце концов почему бы не дать самому Пушкину исправить и дополнить свой труд?

26 января 1835 года Пушкин представил царю "Замечания о бунте" как материал, который он "не решился напечатать" в "Истории Пугачева", но который "может быть любопытен для его величества".

В одном из замечаний он совершенно ясно дает понять тому, кто запретил предоставить ему все нужное для работы из боязни, что автор будет знать слишком много опасных для властей материалов, и в то же время лицемерно играл роль просвещенного покровителя Пушкина:

"Кто были сии смысленные сообщники, управляющие действиями Самозванца? - Перфильев? Шигаев? - Это должно явствовать из процесса Пугачева, но, к сожалению, я его не читал, не смев его распечатать без высочайшего на то соизволения".

Да и сравнительно не очень высокопоставленный чиновник мог дать, а мог и не дать Пушкину ознакомиться с нужными бумагами. То ли по тайному указанию царя, то ли по собственной инициативе.

К примеру, 28 августа 1835 года Пушкин, продолжая интересоваться всем, связанным с пугачевщиной, уже после выхода в свет "Истории Пугачева" и вынашивая замысел "Капитанской дочки", направил письмо управляющему Главным архивом В.А. Поленову:

"Государь император изволил мне приказать распечатать дело о Пугачеве для составления исторической выписки. В восьми связках, доставлен-

ных мне из С.-Петербургского сената, не нашел я главнейшего документа: допроса, снятого с самого Пугачева в следственной комиссии, учрежденной в Москве. Осмеливаюсь покорнейше просить Ваше превосходительство, дабы приказали снести о том с А.Ф. Малиновским, которому, вероятно, известно, где находится сей необходимый документ..."

Где находится этот документ - прекрасно знали и А.Ф. Малиновский, начальник Московского архива министерства иностранных дел, и сам В.А. Поленов. Казалось бы, есть разрешающая резолюция царя, - что еще нужно? Но следственное дело Пугачева так Пушкину и не дали. То ли дьявольская интрига Николая I, то ли привычное российское чиновничье самодурство.

Александр Сергеевич чувствовал, как трудно ему будет и собрать материалы, и опубликовать то, что напишет.

Он начинает хлопотать, чтоб ему разрешили поездку на Волгу и Урал - царь приказывает взять у него объяснения о цели поездки.

Предчувствовал поэт и цензурные вмешательства. В 1826 году Николай I, рассчитывая произвести приятное общественное впечатление, вернул Пушкина из михайловской ссылки и "явил милость": отныне только он будет августейшим цензором всех пушкинских произведений.

На деле же поэта стали душить сразу и царская, и обычная цензуры. Более того, в августе 1836 года в черновике письма Денису Давыдову он пожалуется:

"Тяжело, нечего сказать. И с одною цензурою напляшешься, каково же зависеть от целых четырех?"

Он имел в виду еще и цензуры министерства народного просвещения, духовную, военную и министерства Двора. Н.А. Некрасов сохранил для потомков предание о том, как Пушкин воскликнул, увидев исчерканные красными цензорскими чернилами гранки: "Это кровь моя проливается". "Дура", "сука" - так Александр Сергеевич в письмах называл цензуру. А в письме к одному из главных своих притеснителей А.Х. Бенкендорфу горько написал: "ни один из русских писателей не притеснен более моего".

Николай I повелит переделать даже само название труда, написанного благодаря работе лишь с теми документами, которые поэту было дозволено увидеть, и оренбургской поездке. Вместо авторской "Истории Пугачева" - "История Пугачевского бунта". У государственного преступника, мол, не может быть истории.

Но очень показательно, что, несмотря на царский запрет, Пушкин в письмах людям надежным будет упрямо повторять: "История Пугачева".

Возражал августейший цензор и против "славного каторжника" или "бедного колодника".

А через три месяца после приезда в Оренбург, после плодотворной второй "болдинской осени" Александр Сергеевич приедет в столицу - и царь преподнесет ему новогодний "подарок": великий поэт будет произве-

ден в камер-юнкеры. Это мелкое придворное звание, которое давалось в основном юнцам. К примеру, П.А. Вяземский стал камер-юнкером мальчишкой восемнадцати лет.

Недаром Александр Сергеевич переименовывал в "камер-пажи". Он, отец семейства, гордость России, будет, естественно, оскорблен.

Его знакомый Н.М. Смирнов напишет в своих "Памятных записках": "...Пушкина сделали камер-юнкером; это его взбесило, ибо сие звание точно неприлично для человека 34 лет, и оно тем более его оскорбило, что иные говорили, будто оно было дано, чтобы иметь повод приглашать ко двору его жену".

Алексей Вульф внес в свой "Дневник" очень важную мысль о том, что Пушкин негодовал "на царя за то, что он одел его в мундир, его, написавшего теперь повествование о бунте Пугачева..."

Это свидетельство как-то не очень принималось во внимание. Но давайте прочтем его еще раз. Вульф заметил точно: и до этого Пушкин никогда не раболепствовал, а уж после того, как соприкоснулся с темой пугачевской вольницы... Написав о Пугачеве, многое поняв и почувствовав впервые, Александр Сергеевич шагнул на новую ступень самоосознания.

А вскоре он с возмущением узнает, что жандармы и даже сам царь читают его письма к Наталье Николаевне. Потом пойдут подлые слухи, появится грязный анонимный пасквиль...

И то, что он напишет жене в июне 1834 года, он написал бы и в год оренбургской поездки:

"А живя в нужнике, поневоле привыкнешь к (-----)... Ух, кабы мне удрать на чистый воздух".

Но не только удрать из столичного "нужника" хотел Пушкин. Думаю, он поехал бы даже из-за встречи с одной только старухой Бунтовой из Берд, знай он наперед, как много и интересно она расскажет о Пугачеве и пугачевщине, события которой помнила прекрасно. А сколько таких встреч у него произошло и в тех городах, что он проезжал, и в бывших крепостях, ставших станицами, и в обычных селах, и на почтовых станциях!

"Народ" не был для него безликим собирательным образом. Подобно Антею, возобновлявшему свои силы, соприкоснувшись с матерью-Землей, Пушкин черпал новые силы от встреч с лучшими людьми из народа.

Надо еще учесть, что именно в 30-х годах в России окончательно сформировался новый "идеологический курс", выраженный министром народного просвещения С.С. Уваровым в формуле "самодержавие, правослабие, народность". Последнее в этой триаде понятие подразумевало единение монарха с покорным и верным народом. Пушкин же в своих "пугачевских" произведениях противопоставил охранительной народности народность подлинную.

Готовясь к поездке, Александр Сергеевич, по его словам, "прочел со вниманием все, что было напечатано о Пугачеве". Кроме того, он тщательно, с выписками прочел десять архивных книг с документами секретной экспедиции Военной коллегии и военно-походных канцелярий командующих карательными войсками.

К тому же знакомые и не очень знакомые люди, узнав о его намерении писать о пугачевщине, присылали ему рукописные мемуары и замечания. Потом Пушкин послал только что вышедшую "Историю Пугачева" с благодарственной за помощь надписью и историку Д.Н. Бантышу-Каменскому, и поэту И.И. Дмитриеву, и литератору И.И. Лажечникову, и общественному деятелю А.И. Тургеневу, и генералу К.Ф. Толю...

Но Пушкину было недостаточно этого книжно-документального знания. Ему необходимы были живые свидетельства современников пугачевщины. А их, по его расчетам, и через шесть десятилетий должно было остаться немало.

Пушкин ехал в Поволжье и на Урал, чтобы спросить о Пугачеве у народа.

И услышал в ответ то, что первой строкой записал в "Общих замечаниях", приложенных к "Истории Пугачева": "Весь черный народ был за Пугачева". Как это перекликается со словами его предка боярина Пушкина в "Борисе Годунове" о силе "мнения народного"!

Он спросил у всех слоев российского населения: у крестьян, казаков, "инородцев", мещан, дворян. В его повести и историческом труде действуют обитатели дворца, губернского города, поместья, маленькой крепости, крошечного умета... Еще и поэтому его оренбургские произведения можно назвать, как и "Евгения Онегина", "энциклопедией русской жизни".

Не могу удержаться, чтобы не процитировать меткое высказывание В.В. Розанова, относящееся целиком и к пушкинской "Капитанской дочке":

"В самом человеке он взял только природно-человеческое - то, что присуще мудрейшему из зверей, полубогу и полуживотному: вот - старость, вот - детство, вот - потехи юности и грезы девушек, вот - труды замужних и отцов, вот - наши бабушки. Все возрасты взяты Пушкиным; и каждому возрасту он сказал на ухо скрытые думки его и слово нежного участия, утешения, поддержки. И все - немногословно. О, как все коротко и многодумно!"

А о том, как Александр Сергеевич расспрашивал у народа в буквальном смысле, есть интересное свидетельство Веры Александровны Нащокиной:

"Пушкин в путешествии никогда не дожидался на станциях, пока заложат ему лошадей, а шел по дороге вперед и не пропускал ни одного встречного мужика или бабы, чтобы не потолковать с ними о хозяйстве, о семье, о нуждах, особенно же любил вмешиваться в разговоры рабочих артелей. Народный язык он знал в совершенстве и чрезвычайно скоро

умел располагать к себе крестьянскую серую толпу настолько, что мужики совершенно свободно говорили с ним обо всем".

Вспомним интересное слово, которое Пушкин нашел, описывая жене, как его приняли в Уральске атаман и казаки: "на перерыв давали мне все известия, в которых имел нужду". Атаман, может, и слышал до этого о Пушкине, казаки же вряд ли. Как же надо было уметь говорить с людьми, чтобы они сразу почувствовали живой к ним интерес и доверительно рассказывали "на перерыв"!

Позволю себе небольшое отступление на тему, определенную поэтом следующего, послепушкинского века: "Лицом к лицу \ Лица не увидать \ . Большое видится на расстоянье".

Грандиозное событие, наверно, должно отодвинуться на достаточный срок, чтобы обрасти неким флером художественности.

Эпопею об Отечественной войне 1812 года написал не современник Пушкин или кто-то из писателей того времени, а Лев Толстой почти через шесть десятков лет. "История Пугачева", будь Пушкин современником пугачевщины, могла бы писаться, может быть, по горячим следам. Но "Капитанская дочка" должна была отстоять от этих событий на определенной временной дистанции.

Показательно, как эта мысль преломилась в пушкинском письме П.А. Вяземскому за два года до оренбургской поездки. После описания зверств, творимых восставшими военными поселенцами в Старой Руссе, Александр Сергеевич замечает: "Когда в глазах такие трагедии, некогда думать о собачьей комедии нашей литературы". Речь тут может идти не о литературной борьбе, но о литературе вообще.

"Бунт старо-русской еще не прекращен", - из этого же письма. Если принять "старо-русской" не географическим, а историческим понятием, то оно бы относилось больше к пугачевщине - последнему после войн И. Болотникова, С. Разина и К. Булавина массовому движению народных низов. То, что было потом, даже ужаснувший Пушкина бунт поселенцев, - это все же локальные выступления. (Любопытно, что К. Булавин выступал "от себя", как атаман, И. Болотников выдавал себя за царского воеводу, С. Разин возил с собой в струге подставного царя, и лишь Пугачев дерзнул стать "царем Петром Третьим".)

И шесть десятилетий - совпадение с "Войной и миром", - отдаливших события крестьянско-казачьей войны, - достаточный срок, чтобы события эти становились предметом исследования уже не только исторического, но и художественного, обретали не только документально-логическую, но и образную систему.

В этом смысле оренбургская поездка Пушкина была своевременной.

"Вы всегда на больших дорогах". Сами по себе эти слова о Пушкине очень верны. Даже если принадлежат они лицемерному и опасному врагу Александра Сергеевича - шефу жандармов Бенкендорфу. Точно так же,

как верны не очень искренние слова Николая I о поэте как "умнейшем человеке России".

А кроме всего прочего, Пушкин просто страстно любил путешествовать.

И знал в этом толк. После окончания Лицея, летом 1817 года, он провожал в кругосветное плавание Федора Матюшкина, который, единственный из лицеистов, выбрал морскую службу: "в морях твои дороги" - это из стихотворения "19 октября" 1825 года. Пушкин, по воспоминаниям, давал ему "наставления, как вести журнал путешествия", объяснял "настоящую манеру записок, предостерегая его от излишнего разбора впечатлений и советуя только не забывать всех подробностей жизни, всех обстоятельств встречи с разными племенами и характерных особенностей природы".

Дорожные тетради самого поэта как раз и являют собой "настоящую манеру записок".

Сам он мог только мечтать о путешествиях. Матюшкин совершил это кругосветное плавание на шлюпе "Камчатка" и вел дневник, как он вспоминал, "по совету и плану Пушкина". А потом, когда он исследовал Северный Ледовитый океан, Пушкин написал ему стихи со знаменательной последней строкой:

*Завидую тебе, питомец моря смелый,
Под сенью парусов и в бурях поседелый!
Спокойной пристани давно ли ты достиг -
Давно ли тишины вкусил отрадный миг -
И вновь тебя зовут заманчивые волны.*

Дай руку - в нас сердца единой страстью полны.

В то время, когда Федор Матюшкин уехал на Крайний Север, другой лицейский товарищ Пушкина Владимир Вольховский отправился из Оренбурга на юг, в Бухару. И можно только представить себе, как хотелось Александру Сергеевичу странствовать по свету вместе с друзьями, "единой страстью полными"!

А вот пушкинский отрывок "С французского":

"...уже воображал себя на пироскафе (пароходе. - В.С.). Морской, свежий воздух веет мне в лицо; я долго смотрю на убегающий берег..."

Или из пушкинского некролога, написанного Леве-Веймаром:

"Пушкин никогда не бывал за границей... В разговоре с каким страданием во взгляде упоминал он о Лондоне и, в особенности, о Париже! С каким жаром отзывался он об удовольствии посещать знаменитых людей, великих ораторов, великих писателей!"

В "Путешествии в Арзрум" Пушкин написал:

"Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимой мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по Югу, то по Северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России".

Он страстно мечтал о дальних путешествиях. 23 декабря 1829 года написано стихотворение:

*Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем...*

А через несколько дней, 7 января 1830 года - новое подтверждение того, что Пушкин всерьез готовился к поездке. Из письма к Бенкендорфу: "...я желал бы сделать путешествие либо во Францию, либо в Италию. Однако если мне это не будет дозволено, я просил бы разрешения посетить Китай с отправляющейся туда миссией".

Еще через десять дней Пушкин получил явно издевательский ответ Бенкендорфа:

"Е.В. Государь Император не удостоил снизойти на вашу просьбу посетить заграничные страны, полагаю, что это слишком расстроит ваши денежные дела и в то же время отвлечет вас от ваших занятий. Ваше желание сопровождать нашу миссию в Китай также не может быть удовлетворено, так как все служащие уже назначены".

Пушкина просто не выпускали из России, он был "невыездным".

Да что говорить о загранице, когда и внутри страны Александр Сергеевич не волен был ездить, куда ему хотелось! 3 апреля 1830 года Бенкендорф написал ему:

"Что касается вашего вопроса, ко мне обращенного, можете ли вы поехать в Полтаву, чтобы повидаться с Николаем Раевским, то я должен вас уведомить, что я представлял этот вопрос на рассмотрение Императора, и Его Величество изволили мне ответить, что Он решительно запрещает вам это путешествие". Вот так творца "Полтавы" не пустили в этот город, как его же, творца "Кавказского пленника" не пускали на Кавказ.

За всю жизнь было у Пушкина лишь три больших путешествия. Первое - не по своей воле, в южную ссылку, в Кишинев и Одессу. Второе - на Кавказ и в Закавказье, на войну с турками. Он уехал самовольно, в досаде и печали оттого, что мать Наталья Николаевна не дала ясного согласия на брак своей дочери с опальным и небогатым поэтом. Здесь, в Закавказье, за рекой Арпачай он единственный раз на короткий срок пересек государственную границу России. И третье - и последнее - оренбургское.

В дороге он преображался, ему думалось легко. Мельчали на российских просторах петербургские беды и обиды. Обретали плоть самые туманные замыслы.

Была у него, думаю, еще одна, особая причина рваться на восток. По воспоминаниям декабристки Марии Николаевны Волконской, Пушкин, провожая ее в Сибирь, сказал:

"Я намерен написать книгу о Пугачеве. Я поеду на место, перееду через Урал, поеду дальше и явлюсь к вам просить пристанища в Нерчинских рудниках".

Каково соседство в устах Пушкина: Пугачев - и декабристы!

О чем думал он, добравшись до Оренбурга, можно только предполагать. Но не мог он не думать о том, что как никогда раньше близок - географически - к друзьям-декабристам. Оренбург - самый восточный пункт всех пушкинских странствий. Дальше - уже Сибирь, милые его сердцу друзья: "первый, бесценный друг" Иван Пущин, благородный, горячий Кюхля - Вильгельм Кюхельбекер, Иван Якушкин, Мария и Сергей Волконские...

Думается, была и еще одна причина отправиться за материалом, обещающим новую, очень интересную и острую тему, новые художнические перспективы. Ведь 30-е годы были и временем хоть и относительного, но все же спада интереса читателей к Пушкину. "Полтава" не имела успеха", - записал он в 1830 году.

Главная этому причина в том, что Александр Сергеевич так быстро рос как художник и мыслитель, что все больше не вмещался в свой век. (Хотя какой великий человек полностью вмещается в свое время?) И многие из публики предпочтут чеканной, сжатой глубине той же "Капитанской дочки" привычную пространную цветистость писателей типа Марлинского. В набросках статьи о Баратынском Пушкин сказал точно:

"Но лета идут - юный поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются. Песни его уже не те. А читатели те же..."

Странно и горько, что бывший директор Лицея Е. А. Энгельгардт, хорошо относившийся к своему воспитаннику, тем не менее написал в связи со слабым приемом читающей публикой "Бориса Годунова":

"В Пушкине только и было хорошего, что его стихотворный дар, да и тот, кажется, исчезает".

Что говорить о Булгарине, который ехидничал:

"Пусть уверяют, что пушкинский период кончился, что теперь наступает новая эпоха. Это может быть справедливо в отношении к столицам, но в Саратовской губернии царствует и продолжается еще пушкинский период".

Еще и поэтому Александр Сергеевич так хотел напомнить о себе читателям новыми произведениями.

Все это вместе и есть - "нравственно".

Что же он подразумевал под "физически"?

В отличие от многих современных ему писателей, которых кормили, поили, одевали и давали деньги на широкую светскую жизнь тысячи кре-

постных душ, Пушкин мог зарабатывать только своим обгрызенным гусиным пером (в последние годы жизни он опробовал и стальное, по другим сведениям, серебряное перо).

Он был небогат. С отцом у него с лицейских лет были напряженные отношения, Сергей Львович денег сыну не давал. Единственное, что отец сделал - выделил Александру Сергеевичу к свадьбе часть Болдина, то самое Кистеневое, мужики из которого уходили на заработки в оренбургские степи.

Пушкин готовил к печати "Историю Пугачева", ему нужны были и время, и деньги. Но он вынужден был хлопотать, как заложить отцовское имение, которое могли описать за долги. Сергей Львович хозяином был никаким, передоверил управление имением вору-управляющему. И чтобы спасти родителей от полного разорения, Александру Сергеевичу пришлось взять на себя управление имением. Но ничего, кроме неприятностей, это ему не принесло.

Почти всю свою взрослую жизнь Пушкин должен был материально помогать и родителям, и сестре, и безответственному брату Левушке. К примеру, тот без копейки в кармане широко жил в Петербурге, в долг нанимал квартиру, пил и ел в ресторанах, делал подарки, вел карточную игру. Долги же его вынужден был оплатить Александр Сергеевич.

А между тем сумма собственных только частных долгов к моменту смерти поэта составила 92 500 рублей. Государственной казне он остался должен 43 333 рубля.

После кончины Александра Сергеевича в его доме, как записал Жуковский, "нашлось всего-навсего триста рублей".

Гончаровы, как и Пушкины, были полуразорены; хотя в свое время у них водились большие деньги. Но их промотал дед Натальи Николаевны, в частности, и на роман с незаконной женой баронессой Эуфозиной Ульрикой Липхарт, в которую красотой пошла внучка - Наталья Гончарова. Об этом подробнее в книге И. Ободовской и М. Дементьева "Наталья Николаевна Пушкина".

Любопытно: Марина Цветаева, правда, не приводя серьезных исторических доказательств, намекала, что у предка Натальи Николаевны Абрама Гончара, имевшего "несколько прелестных дочерей", нередко бывал Петр Первый:

"Говорят, что в одну, с одной... Упоминаю, но не настаиваю. Но также не могу не упомянуть, что в одном позднем женском ...лице лицо Петра отразилось, как в зеркале".

После этого хочешь или не хочешь, но положишь рядом портреты Петра - и Натальи Николаевны и будешь вглядываться: а, может, есть что-то в этом цветаевском предположении?

Скупая теща Пушкина Наталья Ивановна, хотя и имела крупный личный капитал - имение Ярополец, деньги будущего зятя приняла.

А дед невесты Афанасий Николаевич, тот самый, что промотал имения, подарил большую медную статую Екатерины II. Императрица когда-то по дороге остановилась в Полотняном Заводе - родовом поместье Гончаровых. Сумасбродный Афанасий Николаевич за большие деньги заказал в Германии и привез эту статую, чтобы установить в имении. Она пролежала много десятилетий. Подарок молодоженам перевезли в Петербург, но Пушкин так и не смог продать статую.

За полгода до оренбургской поездки Наталья Николаевна обратилась с письмом к министру императорского двора П.М. Волконскому. Адрес на конверте написан рукой Пушкина. Полагают, что и текст составлен им. В письме идет речь о том, что статуя обошлась в сто тысяч рублей, но Пушкины были согласны продать ее императорскому двору и за 25 тысяч. На это предложение ответ не последовал. И в письме, подписанном Натальей Николаевной, просьба купить статую хотя бы по цене бронзы, из которой она сделана. П.М. Волконский на это ответил, что "императорский двор не располагает столь значительной суммой".

Царь же, определивший Пушкина на государственную службу, положил ему жалования всего 5 тысяч рублей в год. Но что это были за деньги, когда Александру Сергеевичу, чтобы покрыть лишь один карточный долг, нужно было 25 тысяч? А светская жизнь расходов требовала огромных. "Кружусь в свете, жена моя в большой моде - все это требует денег", - писал Пушкин Нащокину. Почему за неделю до приезда в Оренбург в письме к жене из Языкова он тяжело вздыхает: "нечего делать, бери его", то есть новый дом? Точнее, новую квартиру в доме Оливье "у Пантелеймона близ Цепного моста", куда жена с семейством переезжала с дачи на Черной речке. Потому что квартира эта стоила 4800 рублей, почти все годовое жалование Пушкина. А в июле 1834 года он напишет жене: "Я печатаю Пугачева... Дай, сделаю деньги, не для себя, а для тебя. Я деньги мало люблю - но уважаю в них единственный способ благопристойной независимости".

Будете в Петербурге в музее поэта на Мойке, 12, - обратите внимание: в полуоткрытом ящике комода множество листков с жирной черной надписью "Щёт". Неоплаченные счета отравляли Пушкину жизнь. "Деньги, деньги! Нужно их до зареза" - это тоже из письма Нащокину. А в письме к одному из кредиторов Александр Сергеевич упрашивал: "Я буквально без гроша. Прошу вас подождать день или два".

Как бы отвечая на вопрос, почему путешествие в Оренбург нужно ему и физически, Пушкин, испрашивая разрешения на эту поездку, писал ближайшему помощнику шефа жандармов Бенкендорфа Мордвинову:

"В продолжение двух последних лет занимался я одними историческими изысканиями, не написав ни одной строчки чисто литературной. Мне необходимо месяца два провести в совершенном уединении, дабы отдохнуть от важнейших занятий и кончить книгу, давно мною начатую, и

которая доставит мне деньги, в коих имею нужду. Мне самому совестно тратить время на суетные занятия, но что делать? Они одни доставляют мне независимость и способ прожить с моим семейством в Петербурге...

Кроме жалованья, определенного мне щедростью его величества (тут Пушкин явно саркастически шутит, речь о тех самых 5 тысячах рублей в год, далеких от "прожиточного минимума". - В.С.) нет у меня постоянного дохода, между тем жизнь в столице дорога и с умножением моего семейства умножаются и расходы.

Может быть, государю угодно знать, какую именно книгу хочу я дописать в деревне: это роман, коего большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани, и вот почему хотелось бы мне посетить обе сии губернии".

Не с этой ли "щедростью его величества" переключка в самом конце "Капитанской дочки"? Екатерина II, бабушка такого же "щедрого" Николая I, обещает Марье Ивановне: "Я беру на себя устроить ваше состояние". А через несколько строк, в эпилоге оказывается, что потомство Петра Андреевича и Марьи Ивановны "блаженствует в Симбирской губернии" в селе, принадлежащем десяти помещикам.

Пушкину приходилось залезать во все новые долги.

Незадолго перед оренбургской поездкой он пишет очень богатому знакомому бывшему адъютанту Бенкендорфа М.О. Судиенко:

"Теперь обращаюсь к тебе: 25 тысяч рублей, данных мне тобой заимобразно, на три или по крайней мере на два года, могли бы упрочить мое благосостояние".

Разве не чувствуется по этим строкам стыд, от которого поджимаются пальцы на ногах? Не видно, как противно его натуре - просить? Как неловко он шутит о своем благосостоянии? Но обстоятельства загоняли его в угол. Денег Судиенко, кстати, не дал.

Пушкин еще только отправился в оренбургскую поездку, а Наталья Николаевна, оставшаяся с двумя маленькими детьми, пишет брату Дмитрию:

"Муж оставил мне достаточно денег, но я была вынуждена всех их отдать хозяину квартиры, которую только что сняла ... вот почему я теперь без копейки в кармане".

И просить ей так же стыдно, как и Пушкину. Даже у брата и даже сравнительно небольшую сумму:

"... я беру на себя смелость умолять тебя помочь мне в том стесненном положении, в каком я нахожусь, прислав по крайней мере несколько сот рублей, если, конечно, это тебя не обременит, а в противном случае откажи мне наотрез и не сердись, что я обратилась к тебе с этой просьбой".

Особенно нуждаться в деньгах Пушкин стал, еще только решив жениться, и до конца своих дней.

"Через несколько дней женюсь, - писал он Плетневу не позднее 16 февраля 1831 года. - Заложил я моих 200 душ, взял 38.000, и вот им распределение: 11.000 теще, которая непременно хотела, чтобы дочь ее была с приданым - пиши пропало; 10.000 Нащокину, для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные. Остается 17.000 на обзаведение и житие годовичное... Взять жену без состояния - я в состоянии, но входить в долги для ее тряпок я не в состоянии. Но я упрям и должен был настоять по крайней мере на свадьбе".

Есть в одном из писем Пушкина изумительные строки, достойные мужчины. Наталья Николаевна в несохранившемся письме, наверно, написала, что жизнь принесла ему много невзгод, что без нее он был бы свободнее и счастливее. А он ответил:

"Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив".

Любопытный психологический штрих: есть что-то ревниво-женское в нелюбви, которую питала Марина Цветаева к Наталье Николаевне. Она построила логическую систему, основанную все же не на фактах, а на женской интуиции: гений-Пушкин стремился к противоположности, к пустоте, к нулю, каким и была Наталья Николаевна. Это, мол, закон природы. И опять-таки вопреки общеизвестному Цветаева считала, что жена была к Пушкину равнодушна, даже побаивалась его и только с Ланским узнала любовь.

Целая литература набралась на эту тему: любили ли Александр Сергеевич и Наталья Николаевна друг друга? И если да или нет, то как? На мой взгляд, есть в этом что-то от подглядывания в замочную скважину. Их отношения - дело только их и никого больше. И давайте говорить об этом только по дошедшим до нас их письмам и пушкинским стихам, посвященным жене. Там все сказано.

Оренбургская поездка была самой длительной разлукой Александра Сергеевича и Натальи Николаевны. Сколько любви в его дорожных письмах!

"Мой ангел" - так начинаются некоторые из них. В письме из Оренбурга 19 сентября 1833 года у него вырвалось даже:

"Что, женка? Скучно тебе? Мне тоска без тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе, ни строчки не написав. Да нельзя, мой ангел. Взятся за гуж, не говори, что не дюж - то есть: уехал писать, так пиши же роман за романом, поэму за поэмой. А уж чувствую, что дурь на меня находит - я и в коляске сочиняю, что ж будет в постеле?"

В рукописи - "Ангел", с большой буквы.

Кроме вполне естественной тоске по молодой жене, это - и о напряженнейшей духовной работе в дальней поездке. Действительно, немало бессмертных строк родилось в голове поэта в дороге. А не печатавшееся при жизни Пушкина и не отделанное стихотворение "Когда б не смутное влечение..." в автографе имеет и точную помету: "1833, дорога, сентябрь".

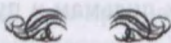
Вполне можно предположить, что в тесной коляске Пушкина во время этой долгой дороги роились образы сразу нескольких будущих произведений. В написанном по пути в Оренбург письме из Павловского он обращается к Наталье Николаевне:

"Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, - а душу твою люблю я еще более твоего лица".

Что-то знакомое в этом "Гляделась ли ты в зеркало"? Не правда ли? Не вспоминается ли "Сказка о мертвой царевне"? Известный пушкинист Б.Л. Модзалевский небезосновательно считает: эти слова Пушкина "указывают на то, что "Сказка о мертвой царевне", написанная в Болдине 4 ноября 1833 года, уже задумывалась Пушкиным". И через три месяца после расставания Александр Сергеевич вернулся с, видимо, задуманной еще в пути "большой добычей", как он сам выразился: с "Историей Пугачева", "Медным всадником", "Анджело", "Сказкой о мертвой царевне", "Сказкой о рыбаке и рыбке", несколькими стихотворениями.

Однако "Медного всадника" царь по сути дела запретил. Сказки и стихи деньги принесли небольшие. Надежда была на "Историю Пугачева". Пушкин взял в казне ссуду в 20 тысяч рублей на напечатание этого первого серьезного труда об одном из самых ярких эпизодах российской истории. Рассчитывал выручить 40 тысяч. Но получилось так на так: 20 взял, почти на 20 "История Пугачева" была продана.

Так что "нравственно" путешествие удалось. "Физически" - не очень.

КОГДА ОН ПРИЕХАЛ В ОРЕНБУРГ?

Тот, кто не любит математических расчетов, может эту главу пропустить. И зря сделает.

Во-первых, выкладки, которые тут будут, доступны любому второклас-нику.

А во-вторых, они помогут не только сделать хронометраж пребывания у нас великого человека, но и установить еще много интересного. К примеру, как Пушкин провел свой первый день, как он выглядел, и даже попробовать разрешить жаркие споры "левобережников" с "правобереж-никами".

Досадует, как мало и подчас неточно записали современники этого события. Хотя - понять их можно: приехал Пушкин! Вот он, живой, а не на портретах. Интересно, каков он в жизни? Что скажет? Как поступит? И, может, чем сильнее было впечатление, тем больше хотелось просто смот-реть и слушать. А подробно, сходу записывать - зачем? Да и некогда.

Даже Владимир Иванович Даль, повсюду сопровождавший Пушкина в Оренбурге, человек, которому больше всего веры, первые свои воспоми-нания написал лишь через семь лет и обидно кратко, на нескольких стра-ничках. А изданы они были только в 1890 году Л.Н. Майковым.

Повторю, что понять очевидцев можно. Но нам-то теперь приходится идти путем логических сопоставлений и догадок, сто раз перелистав скуд-ные документальные свидетельства.

Итак, попробуем рассчитать, когда вероятнее всего Пушкин приехал в Оренбург.

18 (по новому стилю 30) сентября 1833 года - это не подлежит сомне-нию. Ведь Александр Сергеевич в письме к жене из Оренбурга 19 сентяб-ря сообщает: "Я здесь со вчерашнего дня". Но когда точнее? Утром, днем, вечером?

У исследователей полнейший разнобой, никакими доказательствами не подкрепленный. У С.А. Попова в одном месте утром, в другом - ближе к обеду. И.Ф. Смольников ("Путешествие Пушкина в Оренбургский край") предполагает: утром. "Оренбургская пушкинская энциклопедия" в статье "Календарь оренбургской поездки Пушкина" дает "в 9-10 утра", в статье "Даль" - "вечером". Р.В. Овчинников ("Встреча в Оренбурге", "Рифей") -

ближе к вечеру. А Л.П. Гроссман ("Пушкин", ЖЗЛ) тоже без объяснений, но, видимо, хорошо прикинув, - вечером. То же у Н.Е. Прянишникова в книге "Пушкин в Оренбурге". "Вечером приезд в Оренбург" значит и в последнем, 19-томном Полном собрании сочинений Пушкина.

Так что придется нам считать самим. Дано: среднее из нескольких вариантов маршрута Симбирск - Оренбург расстояние 600 верст. Выехал Пушкин из Симбирска утром 15-го, прибыл в Оренбург 18-го. Требуется определить, когда точно в этот день 18 сентября.

Люблю перечитывать "Комментарии к "Евгению Онегину" величайшего знатока XIX века Ю.М. Лотмана. В этой толстой книге есть и подробный раздел о дворянском быте. В нем рассказывается, и как тогда, в прошлом веке, ездили. Самое большее, по Ю.М. Лотману, делали по 100 - 120 верст в день. Но в этом случае Пушкину понадобилось бы шесть суток, чтобы добраться из Симбирска в Оренбург.

Ясно, что у Ю.М. Лотмана речь идет об обычной езде, когда двигались только днем, с ночевками. Так ехала оставившая важные свидетельства о пребывании Пушкина в Оренбурге девица Евгения Воронина с семьей самарского помещика Шелашникова. В том же 1833 году она записала:

"17 сентября с восходом солнца оставили мы Самару и только 20, в среду в два часа пополудни, прибыли в Оренбург".

То есть на дорогу Самара - Оренбург им понадобилось почти трое с половиной суток. Столько же - мы увидим - сколько Александру Сергеевичу понадобилось на путь почти вдвое больший Симбирск - Оренбург через окрестности Самары.

Они, видимо, ехали "на своих". А он - на "почтовых".

Пушкин же спешил: царь разрешил ему "творческий отпуск" на четыре месяца. Отпуск получился даже и того меньше, в формуляре А.С. Пушкина значится: "В отпусках был... 1833 г. с 12 VIII по 28 XI". И надо было торопиться с объездом мест, связанных с пугачевщиной, чтобы поскорее добраться до Болдина и - творить.

Первая болдинская осень 1830 года была очень плодотворна. "Осень подходит. Это любимое мое время - здоровье мое обыкновенно крепнет - пора моих литературных трудов настает", - писал Пушкин. Такой же стала после возвращения из оренбургского путешествия и вторая болдинская осень 1833 года.

Любопытно подумать, почему, судя по февральскому 1833 года письму П. В. Нащокину, Александр Сергеевич первоначально хотел ехать летом, однако потом он сдвинул поездку на несколько месяцев? Не затем ли, чтобы, несмотря на возможные непогоду и холода в дороге, подгадать, объехав пугачевские места и собрав материалы, приехать в Болдино именно осенью, "запереться" там, как он писал, - и плодотворно работать?

Можно было бы, конечно, и ночевать на почтовых станциях. И некоторые пишущие о поездке Пушкина, не имея никаких документальных осно-

ваний, устраивают ему ночлег то в Бузулуке, то в Татищевой, то в Илеке. На больших станциях обычно первый этаж был для семьи смотрителя и ямщиков, а второй - для "чистой публики". Если станция была одноэтажной, то "чистая" половина была для проезжающих, а другая - смотрительская и ямщицкая. Но путники, которые торопились, как Пушкин, ездили и ночью; не все, но ездили.

Помните, в "Повестях Белкина" станционный смотритель Самсон Вырин не имел "покою ни днем, ни ночью"? Там же и Минский приезжает на станцию в зимний вечер, намереваясь переменить лошадей и ехать дальше в ночь. В тех же "Повестях Белкина", но в "Метели" и Бурмин, "Приехав однажды на станцию поздно вечером, /.../ велел было поскорее закладывать лошадей".

Перечитаем и пушкинские письма, написанные жене в оренбургской поездке. "Из Яропольца выехал я ночью". "Опять я в Симбирске. Третьего дня, выехав ночью, отправился я к Оренбургу". "При выезде моем вечером..." А после смерти Александра Сергеевича его вдова поехала с детьми из Петербурга в Полотняный Завод и написала отцу поэта, Сергею Львовичу: "Я проехала через Москву ночью, я только переменяла там лошадей".

В словаре Брокгауза и Ефрона о почтовой связи сказано, правда, о более позднем периоде, когда подорожные отменили: "Почтовые лошади отпускаются проезжающим во всякое время дня и ночи".

А у одного малоизвестного поэта того времени - Ф. Рындовского мы прочтем:

*То ли дело удалые
Ямщики! Их верный глаз
Служит и в часы ночные
Опытным вождем для нас.
Пушкинехал круглосуточно.*

И все же, если встать на точку зрения сторонников утреннего его приезда в Оренбург, то 600 верст от Симбирска до Оренбурга он пролетел - другого слова не подберешь - за трое суток со средней скоростью 200 верст в сутки! Хоть в книгу Гиннеса заноси.

К строкам из седьмой главы "Евгения Онегина":

*И версты, теща праздный взор,
В глазах мелькают, как забор. -*

Пушкин дал комментарий:

"Сравнение, заимствованное у К**, столь известного игривостью воображения. К... рассказывал, что, будучи однажды послан курьером от князя Потемкина к императрице, он ехал так скоро, что шпага его, высунувшись концом из тележки, стучала по верстам, как по частоколу".

Этот комментарий вспоминается при предположении о 200 верстах в сутки по дороге в Оренбург.

Но надо иметь в виду несколько очень важных обстоятельств.

Одно из них: ночная езда да по скверным дорогам была куда медленнее дневной. Учтем еще, что на этом перегоне было три ездовых ночи, когда лошади не мчались, а брели.

В "Пропущенной главе" "Капитанской дочки" Пушкин, конечно, не делал скрупулезных подсчетов, сколько времени герой, названный еще не Гриневым, а Буланиным, потратил на переправу в лодке через Волгу и на дальнейший тридцативерстный путь на тройке до родного поместья? Но привычный хронометраж ночной езды был у Александра Сергеевича в голове, поэтому его герой и едет за ночь тридцать верст. Так что три ночных пушкинских перегона - это всего верст сто из шестисот.

Примем во внимание также, что на этом длинном отрезке пути в Оренбург Пушкин потерял еще несколько часов на паромную переправу через Волгу и Самару, а также, может, через Сок, если он ехал левым берегом Волги, и Сакмару. Е. Воронина пишет об этом сакмарском пароме, хотя некоторые современные исследователи утверждают, что она спутала паром с мостом.

И еще одно важное соображение: не надо представлять, что на каждой из трех десятков почтовых станций поэта ждали свежие тройки лошадей, и их мгновенно запрягали взамен уставших троек. В дорожных письмах к жене Александр Сергеевич сетует, что лошадей приходится ждать. Ведь станционные смотрители давали их по мере готовности и по чинам. А Пушкин значился в подорожной, которую он подавал смотрителям, всего лишь титулярным советником.

Вот как выглядела его подорожная:

"СВИДЕТЕЛЬСТВО № 2842

Предъявитель сего, состоящий в ведомстве Министерства иностранных дел титулярный советник Александр Пушкин, по прошению его уволен в отпуск на четыре месяца в Казанскую и Оренбургскую губернии. Во удостоверение чего и дано сие свидетельство от Департамента хозяйственных и счетных дел с приложением печати.

С.-Петербург. Августа 12 дня 1833 года.

Вице-директор граф Виельгорский.

Начальник отделения Орлов".

Тут придется сделать небольшое отступление. Авторы некоторых книг, рассказывая об оренбургской поездке поэта, иногда называют его в это время чиновником X класса. К примеру, уже упомянутый И.Ф. Смольников в книге "Путешествие Пушкина в Оренбургский край": "По поводу же чиновников 10-го класса, коим являлся Пушкин..." Видимо, эта ошибка основывается на опубликованных и широко известных секретных донесениях полиции, следившей за Пушкиным. Причина заблуждения - несогласованность разных карательных ведомств Российской империи.

А предыстория такова. В письме А.Х. Бенкендорфу 16 апреля 1830 года Александр Сергеевич сообщал:

"Вышедши из лицея в 1817 г. с чином X класса, я не получил двух чинов, следовавших мне по праву, так как начальство мое по небрежности не представляло меня к чиnam, а я не заботился им об этом напоминать".

Пушкин не рисуется, он - это не его сделавший блестящую карьеру одноклассник по Лицею Александр Горчаков, который вспоминал о себе:

"В молодости я был так честолюбив, что одно время носил яд в кармане, решась отравиться, если обойдут местом."

Но теперь надо было думать, как обеспечить семью, и зимой 1831 года Пушкин, все еще коллежский секретарь, чиновник X класса был принят на службу. Последовал Высочайший указ от 6 декабря: "Государь император всемилостивейше пожаловать соизволил состоящего в ведомстве Гос. Коллегии Иностр. Дел колл. секр. Пушкина в титулярные советники". А это уже IX класс.

Однако полиция почему-то долго продолжала в своих донесениях иной раз именовать Пушкина чиновником X класса. Почти через год, 18 октября 1832 года полицмейстер Миллер в рапорте своему начальнику, исполняющему должность московского обер-полицмейстера, все еще писал:

"Секретно. Состоящий под секретным надзором полиции отставной чиновник 10 класса Александр Сергеев Пушкин вчерашнего числа получил из части свидетельство на выезд из Москвы в Санкт-Петербург вместе с женою своею, а как он состоит под секретным надзором, то я долгом поставляю представить о сем вашему высокоблагородию". (В коротком донесении - три "секретно"! Вот как надзирали за Пушкиным.)

Так что ко времени поездки в Оренбург поэт уже почти два года числился титулярным советником.

Но и это - чин относительно невысокий. По петровской "Табели о рангах", военное соответствие титулярному советнику, для сравнения, - штабс-капитан, морское - лейтенант. (Из лицейстов пушкинского выпуска один только уже упомянутый Александр Михайлович Горчаков поднялся по всем ступенькам "Табели" до самого верха, до I класса - канцлера. Он ушел из жизни последним из этого первого лицейского выпуска. Пушкин был "Ваше благородие", Горчаков - "Ваше высокопревосходительство". И если продолжить тему путешествия, то ему по "Правилам, изданным по высочайшему повелению для проезжающих на почтах" полагалась бы двадцатка лошадей, в то время как Пушкину - всего лишь тройка.)

Поэтому, будучи чиновником IX класса, Александр Сергеевич полушутя пишет жене:

"Смотрители... очень мало меня уважают, несмотря на то, что я пишу прекрасные стишки".

И всерьез о станции, где "не давали мне лошадей". Правда, он сообщал жене, что в Москве ездил к почт-директору А.Я. Булгакову "выпросить лист для смотрителей". Такой "Лист", по идее, должен был давать кое-

какие преимущества, и иногда делают вывод, что благодаря ему Пушкину повсюду тут же давали свежих лошадей. Но надо просто читать то, что писал сам Александр Сергеевич.

В одном дорожном письме к жене из Нижнего Новгорода Пушкин сообщает:

"Дорога хороша, но под Москвою нет лошадей, я повсюду ждал несколько часов и насилу дотащился до Нижнего сегодня, то есть в пятые сутки".

А в другом письме из этого же города приводит характерный эпизод: "Встретил я некоторую городничиху, едущую с теткой из Москвы к мужу и обижаемую на всех станциях. Она приняла меня весьма дурно и нараспев начала меня усовещевать и уговаривать: как вам не стыдно? на что это похоже? две тройки стоят на конюшне, а вы мне ни одной со вчерашнего дня не даете. - Право? - сказал я и пошел взять эти тройки для себя. Городничиха, видя, что я не смотритель, очень смутилась, начала извиняться и так меня тронула, что я уступил ей одну тройку, на которую имела она всевозможные права, а сам нанял себе другую, то есть третью, и уехал".

Так что в ожидании лошадей можно было просидеть на станции и целый день.

А вот в письме из Симбирска, откуда Пушкин отправлялся уже прямо в Оренбург:

"Стали закладывать мне лошадей - гляжу: нет ямщиков - один слеп, другой пьян и спрятался".

Некто П.П. Суворов в "Московских ведомостях" № 323 за 1901 год приводил такую картинку одного из этапов оренбургского путешествия Пушкина:

"Приезжий торопливо выпрыгнул из тарантаса, вбежал на небольшое крыльцо станции и закричал:

- Лошадей!..

Заглянув в три комнатки и не найдя в них никого, нетерпеливо произнес:

- Где смотритель? Господин смотритель!

Выглянула заспанная фигура лысого старичка в ситцевой рубашке, с пестрыми подтяжками на брюках.

- Чего изволите беспокоиться? Лошадей нет, и вам придется обождать часов пять".

У Пушкина во многих произведениях речь идет о дорожных трудностях. Достаточно одного "Станционного смотрителя". А вот из начатых им "Записок молодого человека":

"Приехав на станцию, я отдал кривому смотрителю свою подорожную и потребовал скорее лошадей. Но с неизъяснимым неудовольствием услышал я, что лошадей нет; я заглянул в почтовую книгу ...Едущий шестого класса чиновник с будущим взял двенадцать лошадей, генераль-

ша Б. - восемь, две тройки пошли с почтою, остальные две лошади взял наш брат прапорщик. На станции стояла одна курьерская тройка, и смотритель не мог ее мне дать. Если паче чаяния наскочет курьер или фельдъегерь и не найдет лошадей, то что с ним тогда будет, беда - он может лишиться места, пойти по миру".

А это из "Романа в письмах":

"Чины в России необходимость хотя бы для одних станций, где без них не добьешься лошадей".

Такие мотивы не только у Пушкина. Давайте вспомним мечты городничего из гоголевского "Ревизора" о том, как он будет ездить, став генералом:

"...фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперед: "Лошадей!" И там на станциях никому не дадут, - все дожидается - все эти титулярные, капитаны, городничие".

Думаю, хватит убедительных свидетельств, что Пушкин вынужден был на своем долгом пути терять немало времени на ожидание лошадей.

Из-за непредвиденных задержек в пути рушились планы. "В Казани буду я около третьего", - писал он жене из Москвы. На самом деле доехал лишь пятого. А в письме из Казани он сообщал, что в Болдине будет в конце сентября. Добрался же только в начале октября. А через год, снова поехав в Болдино, Александр Сергеевич сетовал в письме к жене: "Я приехал третьего дня, в четверг, поутру, - вот как тихо ездят по губернским трактам - а я еще платил почти везде двойные прогоны".

Мы-то живем представлениями нашего машинного времени и непрерывной езды, прерываемой только редкими заправками. Равно как и представлениями о машинной скорости.

Например, от Бузулука до Новосергиевки час езды на автомобиле. А тогда, на перекладных - почти весь световой сентябрьский день. Я смотрел в областном архиве карту почтовой дороги пушкинских времен и в частности этого отрезка от Бузулука до границ Оренбургского уезда. После Бузулука следующая станция в деревне Погромной.

Кстати, между этими двумя населенными пунктами у хутора Буртасова с юга в тракт Оренбург - Самара вливается "большая проезжая дорога в Уральский городок". И поскольку точный дальнейший, обратный маршрут поэта из Уральска неизвестен, именно по этой дороге Александр Сергеевич мог поехать на север, снова в Бузулук, в котором уже побывал по дороге в Оренбург, и двинуться дальше, на запад, к Волге.

Давайте на этом предположении остановимся поподробнее.

Его можно косвенно подкрепить записями В.А. Жуковского, сопровождавшего летом 1837 года наследника престола в большой поездке по России. Из Оренбурга наследник со свитой выехали, как и Пушкин, четырьмя годами ранее, в Уральск. А дальше, по записи Жуковского, "Переезд из Уральска в Бузулук".

Хотя можно бы принять и аргументы известного исследователя поездки Пушкина Ю.Л. Славянского, который полагает, что из Уральска Пушкин поехал в Болдино не "через Саратов и Пензу", как он планировал в письме к жене, а через Сызрань.

Но с таким же успехом возможно предположить, что он предпочел третий путь - дорогу опять через Бузулук. Она удлиняла путь, но зато была уже знакома. К тому же из Уральска в Болдино поэт добирался почему-то долго - целых восемь дней с заездом по пути к трем братьям Языковым меньше чем на сутки. А вот дорога через Сызрань могла бы отнять меньше времени.

Очень важное "бы": будь хорошие дорога и погода.

К нашему предположению есть и веские погодно-дорожные причины, по которым Пушкин мог поехать из Уральска именно на Бузулук. Когда он написал жене, что поедет в Болдино через Саратов и Пензу? 19 сентября, добравшись до Оренбурга. Но, наверно, только в Уральске перед выездом в Болдино он стал подробно справляться о дальнейшем пути. И оказалось, что почтового тракта до Саратова тогда еще не было.

Оставались другие варианты, о которых спорят пушкинисты. Чаще всего рассматриваются направления из Уральска на Сызрань, о чем мы уже говорили, и еще - четвертый вариант - на Самару. Но и к этим городам не было тогда почтовых трактов. То есть в пределах сотни километров от Уральска еще можно было рассчитывать на более или менее упорядоченную систему смены лошадей. А дальше надо было уже "ехать на вольных": нанимать лошадей у местных жителей. Пушкин достаточно напутешествовался за свою жизнь, чтобы знать, насколько это ненадежно.

Поэтому он должен был прикинуть: где выезд на ближайший почтовый тракт? У Бузулука, на уже знакомый тракт Оренбург - Симбирск.

А теперь перечитаем первое письмо Александра Сергеевича к жене, когда он добрался до Болдина - как он ехал из Уральска:

"При выезде моем (23 сентября) вечером пошел дождь, первый при моем выезде. Надобно тебе знать, что нынешний год была всеобщая засуха и что бог угодил на одного меня, уготовя мне везде прекраснейшую дорогу. На возвратный же путь послал он мне этот дождь и через полчаса сделал дорогу непроходимой".

Стал бы он, видя, что дело к ненастью, связываться с проселками на Саратов, Сызрань или Самару? Вряд ли. Самое разумное было потерпеть до Бузулука, а там уже ехать трактом, пусть тоже грязным, раскисшим, но все же почтовым трактом.

В этом случае он из Уральска отправился на север через уметы Теплый, Красный, Таловой (сейчас это села Теплое, Красное и Таловое Первомайского района Оренбургской области), а дальше, от умета Озерного (ныне тоже оренбургского села Озерного) дорога раздваивалась: на северо-запад

- проселок на Самару, а на север - "главная дорога", на Бузулук. Точнее, как мы уже говорили, к хутору Буртасову неподалеку от Бузулука. Теперь же эта развилка перенесена южнее, она у бывшего умета Талового.

Чтобы устранить путаницу некоторых краеведов, которые пишут, что Емельян Иванович вместе со сподвижниками обдумывал план самозванства и крестьянско-казачьей войны именно на этом, оренбургском умете, сразу надо сказать, что упоминавшийся Пушкиным в "Истории Пугачева" Таловинский, он же Таловой, или иначе Таловый умет - другой, он находился в нескольких десятках километров к западу, как сказано у Пушкина, на "Сызранской дороге" от Уральска, на территории нынешнего Озинского района Саратовской области.

И вряд ли основательны предположения, что Александр Сергеевич поехал из Уральска все же на Сызрань, чтобы заехать на "Таловинский умет" и описать его. Обстановку умета, на который в повести вожатый-Пугачев выводит заплутавших в буране: горница, освещенная лучиной, печь, лавка, полати, ставец, самовар - была одинакова на всех уметах на пушкинском пути.

Интересно и то, что в "Капитанской дочке" "городок", где отпущенные из Белогорской Пугачевым Гринев и Марья Ивановна вместо повстанческого отряда попадают в отряд Зурина, вполне может быть Бузулуком. Конечно, Пушкин не исчислял по карте, какой городок лежал бы по пути влюбленных от приуральской крепости в симбирскую вотчину Гриневых примерно в дне езды? Нельзя требовать от художественного произведения точности документа.

Но и сам Александр Сергеевич, отправься он в нижегородское Болдино из Уральска не на запад или северо-запад к Саратову, Сызрани или Самаре, а на север, тоже смог бы достичь Бузулука примерно за тот же день езды, что и Гринев, едучи из Белогорской.

К тому же Зурин говорит Гриневу, что со своим отрядом очистил дорогу в Симбирск. И прямая дорога из Белогорской в симбирское имение лежала как раз через Бузулук.

Есть такое человеческое свойство: если мы когда-то проехали определенным маршрутом, то потом, вспоминая о местах, где побывали, слыша, читая или что-то о них записывая, прежде всего мысленно представим, как бы мы тем путем проехали снова.

Так и Пушкин ехал в Оренбург из Симбирска на юг, по берегам Волги до бузулукских мест, где свернул резко на восток. Поэтому в его сознании и Гринев, оставшись в "городке" в отряде Зурина, отправил бы Марью Ивановну к своим родителям встречно по уже езженному пушкинскому пути - от Бузулука на север, на Симбирск. К тому же, по беловику "Капитанской дочки", и на службу в Оренбург Гринев ехал по заволжским степям через бедные мордовские и чувашские деревушки, то есть предположительным левобережным пушкинским маршрутом 1833 года.

Так что и Пушкин, и Гринев совершили бы круговое путешествие сначала от Бузулука в Оренбург, дальше по Уралу и снова в Бузулук.

Круговым был, кстати, и путь Пугачева: почти ровно за год, с сентября 1773 по сентябрь 1774 года он прошел от того, исторического Талового умета, откуда, собственно, и началась пугачевщина, на восток, к Оренбургу, на север, на горный Урал, на запад, на Волгу, и на юг, на Узени, почти в те же места, где он начинал и где его в конце концов арестовали предатели-сподвижники. Закованного в цепи, его повезли в Симбирск как раз через тот же Таловой, или Таловый умет. Поистине, "все возвращается на круги своя".

Что бы Александр Сергеевич мог увидеть в тогдашнем Бузулуке? Примерно то же, что в тех же записях В.А. Жуковского: "Бузулук - бедный город с большой площадью, на которой находятся полуразрушенные присутственные места". Город этот Пушкин упоминал в конспекте рычковского труда и, верно, знал, что, осадив Оренбург, Пугачев посылал во все концы отряды, один из которых - атамана И.Ф. Арапова - 30 ноября 1773 года захватил Бузулукскую крепость. Причем комендант подполковник Д.Х. Вульф бежал заранее в Самару. Но 14 февраля 1774 года царский генерал П.Д. Мансуров со своей бригадой разгромил отряд Арапова, который отступил на восток, в Сорочинскую.

Так пространно остановившись на Бузулуке как возможном пункте, где Пушкин мог побывать и вторично, на обратном пути, посмотрим на карту дальше, к Оренбургу, по Самарской дистанции, то есть линии крепостей пугачевских времен по реке Самаре.

После Погромы в 17 верстах станция Тоцкая. Еще 29 верст - самый длинный перегон - почтовая станция в Сорочинской. Через 21 версту станция в хуторе Воробьевском. Дальше, через 26 верст, станция в крепости Новосергиевской.

Даже на рассматриваемом нами в качестве примера отрезке Пушкину пришлось шесть раз перепрягать лошадей, теряя время. Да уже в Оренбургском уезде, где до города, по нашим понятиям, рукой подать, пришлось еще трижды останавливаться и перепрягать лошадей - на почтовых станциях в бывших крепостях Переволоцкой, Татишевой, Чернореченской.

Кроме ночной езды и задержек на почтовых станциях, судя по записям в дорожной книжке поэта, какое-то время заняли у него по дороге и беседы со стариками, которые могли рассказать ему о пугачевщине. В Смышляевке - это пригород нынешней Самары - с мордвином. И две записи о беседах в нынешней Оренбургской области.

"Бунтовщики 1771 года посажены были в лавки Мен.(ового) двора. Около Сергиева дня, когда наступил сенокос, их отпустили на Яик. Сядясь в телеги, они говорили при всем торжище: "То ли еще будет? Так мы тряхнем Москвою?" - "Молчать, курвины дети", - говорили им ор.(енбургские) казаки, их сопровождавшие, но они не унимались.

Папков в (Переволоцкой) Сарочинской".

Тут ошибка, повторенная потом и в "Истории Пугачева": не в 1771, а в 1772 году был этот бунт. В "Капитанской дочке" дата указана уже правильно. Но в целом рассказ этого собеседника Пушкина согласуется с показаниями на допросе Чики-Зарубина, как Пугачев еще в самом начале войны говорил ему, "что он, взяв Оренбург, придет в Москву".

"Дай срок, то ли еще будет, как пойду на Москву", - эхом отдается в устах Пугачева в XI главе "Капитанской дочки". А то, что в скобках стоит название Переволоцкой станицы-крепости, свидетельствует о том, что Пушкин не каждый раз помечал, где именно произошла мимолетная встреча, и потом не всегда мог вспомнить.

Вот запись, которая обычно печатается последней, вообще не содержит пометы, где и с кем Пушкин беседовал. И по тексту чувствуется, что она - поиски в памяти через какое-то время, что еще из услышанного в поездке осталось незаписанным? Явная разрозненность:

"Федулев, недавно умерший, вез однажды Пугачева пьяного - и ночью въехал было в Оренбург. Когда казаки решили выдать Пугачева, то он подозвал Творогова, велел ему связать себе руки, но не назад, а вперед. "Разве я разбойник", - говорил Пугачев. В Татищевой Пугачев за пьянство повесил яицкого казака".

Все оренбургские записи затем или прямо вошли в "Историю Пугачева" и "Капитанскую дочку", или косвенно повлияли на понимание Пушкиным сути и деталей пугачевщины.

К примеру, проезжая утром 17 сентября Бузулук, Пушкин мог еще раз просмотреть или просто вспомнить одну из своих записей, сделанных при подготовке к поездке:

"Казак Василий Елизаров ездил грабить и бунтовать Бузулукский уезд в 30 вер.(стах) от кр.(епости) Бузулукской, отст.(авной) переводч. (-ик) Арапов принял его с ласкою и, напоив допьяна, отобрал оружие и спасся, убив 2 злодеев".

Запись не вошла в "Историю Пугачева", но названия крепостей по реке Самаре: Бузулук, Сорочинская, Переволоцкая были уже для Пушкина, много знавшего из архивов, не просто записанными им наименованиями очередных населенных пунктов по дороге в Оренбург. За ними стояли живые события, здесь произошедшие, и участники - с обеих сторон - войны 1773 - 1775 годов.

То же было, и когда Пушкин повернул из Оренбурга на запад, по Уралу через Чернореченскую, Татищеву, Нижнеозерную, Рассыпную, по нижне-яицкой дистанции, как она называлась во времена пугачевщины, то есть по линии, укрепленной крепостями, форпостами, редутами по правому берегу Урала.

Сорочинская крепость, названная Пушкиным "Сарочинской", упоминается, кроме того, и в "Истории Пугачева", и в конспекте "Летописи" Рыч-

кова. И Александр Сергеевич уже знал, проезжая ее, что в ноябре 1773 года крепость захватили пугачевцы и держались там до марта 1774 года. Дальше была Новосергиевская, в дорожные записи не вошедшая, Пушкин упоминает о ней в "Истории Пугачева". Она стала пугачевской тоже в ноябре 1773 года и тоже в марте 1774 сдалась. О Переволоцкой ему было известно, что крепость сдалась восставшим в середине октября 1773 года, но через пять месяцев их выгнал, без особого сражения, корпус генерала П.М. Голицына. Чернореченская же, тоже не вошедшая в записную книжку, но упомянутая, естественно, в "Истории Пугачева", пала последней перед тем, как пугачевцы вышли к Оренбургу, 30 сентября 1773 года. Пугачева торжественно встретило население, а через те же пять месяцев корпус П.М. Голицына был и тут.

О лежащей уже на обратном пути из Оренбурга в Уральск Нижнеозерной, о пушкинской записи, сделанной тут, о рассказе старухи Бунтовой подробно и особо речь пойдет в следующих главах. Рассыпная же была первой крепостью на территории современной Оренбургской области, которая после короткого боя сдалась пугачевцам, двигавшимся от Яицкого городка. Офицеры во главе с комендантом майором И.Ф. Веловским были перебиты, а основная часть казаков и солдат пополнила армию повстанцев. И лишь в апреле 1774 года сюда ворвались каратели.

Кто такой упоминавшийся "Папков в Сарочинской"? Оренбургский исследователь С.А. Попов по ревизским сказкам уточнил: Иван Ларионович Попков. Значит, Пушкин зря поставил в скобках Переволоцкую, память его не подвела. А "бунтовщики 1771 года", о которых этот Папков-Попков рассказал Пушкину, - участники казачьих волнений в Яицком городке. Дальше в "Оренбургских записях":

"Он привел кн. Галицына к Сарочинской кр.(епости), но она уже была выжжена. Гал.(ицын) насыпал ему рукавицу полную денег.

В Татищ.(евой) Пугач.(ев), пришед вторично, спрашивал у атамана, есть ли в кр.(епости) провиант. Ат.(аман). по предварительной просьбе старых казаков, опасавшихся голода, отвечал, что нет. Пугач.(ев) пошел сам освидетельствовать магазины, и нашед их полными, повесил атамана на застрехе.

Елагину взрезали грудь и кожу задрали на лицо.

Лиз. Фед. Елагина выдана была в Озерную за Харлова весною - она была красавица, круглолица и невысока ростом.

Матрена в Татищ.(евой)".

Тот же С.А. Попов нашел по документам: казачья вдова Матрена Дехтярева. Елагин - комендант Татищевой крепости, полковник. Харлов - комендант Нижнеозерной крепости, майор. Другое дело, что рассказ Матрены во многом противоречил историческим фактам, и мы это еще увидим.

Для читателей, не знающих оренбургскую географию и удивляющихся, как это Татищева крепость одновременно по пути поэта и в Оренбург от

Самары, и от Оренбурга на Яицкий городок, необходимо пояснение. Татищева была дорожным узлом. Поэтому Пушкин побывал тут дважды.

Сначала по пути в Оренбург вдоль реки Самары через Бузулук-Сорочинск-Новосергиевку-Переволоцкое. Основная дорога дальше в город шла тогда не так, как сейчас напрямик на восток от Переволоцкой через сыртинские увалы, а по необходимости, чтобы не преодолевать возвышенности, спускалась по более ровному месту к югу, к Уралу, к Татищевой и снова на восток. Эту же развилку-крепость, а в его времена уже мирную станицу, Пушкин проехал и по пути из Оренбурга в Уральск на запад по правому уральскому берегу. Кстати сказать, у Татищевой до сих пор сохранился каменный мост через приток Урала Камыш-Самару, по которому простучала колесами пушкинская коляска.

Упоминания о Татищевой крепости содержатся, пожалуй, во всех его оренбургских произведениях и подготовительных материалах, кроме "Капитанской дочки". Крепость эта была интересна Александру Сергеевичу и тем, что взята была Пугачевым на следующий день после Нижнеозерной, 27 сентября 1773 года, хотя ее гарнизон и был усилен высланным из Оренбурга на подмогу сводным корпусом под командованием трусоватого бригадира Х.Х. Билова, который вышел было навстречу пугачевцам из Татищевой, но не рискуя сразиться, в Татищеву и вернулся себе на погибель. И тем, что у этой крепости в черный для повстанцев день 22 марта 1774 года генерал П.М. Голицын нанес им одно из самых страшных поражений, перебив 2500 пугачевцев и взяв в плен 4000.

В письме к жене Пушкин сообщал о своих собеседниках в этих крепостях, а в его время уже станицах, о казаках, которые ему "наперерыв давали все известия, в которых имел нужду".

Надо подумать и об одном обстоятельстве, еще больше и уплотняющем, и уточняющем график поездки Пушкина из Симбирска в Оренбург. В дорожной книжке поэта есть рисунок поперек страницы - главный аргумент в споре уже упоминавшихся "левобережников" с "правобережниками" о том, какой дорогой поехал Пушкин из Симбирска, ведь его собственных свидетельств нет.

На рисунке высокий берег, дома на горе и, понизу, деревья, церковь. Подпись: "Смоленская гора. Церковь Смол.(енская) и дом Карамзин(а). 15 сент. Волга".

"Левобережники" утверждают, что рисунок сделан с парома, на котором Пушкин из Симбирска сразу же переправился на левый берег Волги. И по смыслу, вроде бы, "Волга" означает, что рисунок сделан с воды. "Правобережники" говорят, что зарисовка сделана от кромки воды, и поэт переправлялся не у Симбирска, а южнее, у Самары или даже Сызрани.

Спор не разрешим. Нам интереснее другое: если Александр Сергеевич в то утро 15 сентября рисовал Симбирск - значит, выехал он в Оренбург не в 5-6 часов утра, как предполагают некоторые исследователи,

а не раньше 8-9 часов утра, потому что светает в этот день в полвосьмого.

И все наши расчеты, пожалуй, в пользу "левобережников". Если б Пушкин еще ходил с утра 15-го рисовать Симбирск, и только потом он велел запрягать и поехал правым берегом, то в Оренбург он приехал бы 18-го к полуночи. (В пользу "левобережников", повторю, вообще-то и довод художественно-психологический: вполне вероятно, что Пушкин отправил Гринева по своему маршруту, в вариантах рукописей "Капитанской дочки" мы прочтем, что Петр "ехал по степям заволжским".)

В общем, как хотите, а к трем предполагаемым суткам пути из Симбирска в Оренбург надо добавить еще полсутки, не меньше. Если б не прямое пушкинское свидетельство, вообще впору предположить, что Александр Сергеевич приехал в Оренбург не 18-го, а 19-го.

Итак, главный результат наших подсчетов: приняв, что из Симбирска Пушкин выехал 15-го сентября часов в 8-9, и учтя все обстоятельства, о которых мы рассуждали, можем предположить, что он мог прибыть в Оренбург 18 сентября при самом скором раскладе - часов в 17-18. Еще засветло, солнце садится в этот день в наших местах около 20.00.

Вспомним, кстати, что и Гринев приезжает в Белогорскую, "когда начало смеркаться".

Вообще-то чем больше ищешь доказательств, что Пушкин никак не мог приехать в Оренбург утром 18-го, тем больше их находишь, иной раз просто внимательно читая материалы. Вот, к примеру, беседа с тем же Попковым в Сорочинской. Александр Сергеевич не смог бы поговорить с этим человеком, так как проехал бы эту станцию-крепость ночью, чтобы успеть в губернскую военную столицу к утру или даже к полудню.

Но могу согласиться с теми читателями, которым все мои прикидки показались слишком приблизительными. Поэтому подтвердить свою версию о том, что Пушкин прибыл в Оренбург 18 сентября 1833 года в 17-18 часов, попробую и другими, более точными расчетами.

Давайте, чтобы иметь какой-то ориентир, примерно установим наивысшую среднюю скорость при тогдашней езде.

Даль в "Записках о Пушкине" сообщает о событии 1837 года:

"При проезде государя наследника - нынешнего царя нашего - из Оренбурга в Уральск я тоже находился в поезде. Мы выехали в 4 часа утра из Оренбурга и не переводя духу прискакали в 4 часа пополудни в Мухраковскую (правильнее - Мухрановскую. - В.С.) станицу".

Значит, с наибыстрейшей переменной лошадей на станциях примерно 120 верст промчались за 12 часов. То есть в самых благоприятных условиях да еще летом, когда очень рано светает, средняя скорость была около 10 верст в час.

Правда, существует и свидетельство В.А. Жуковского, старшего друга Александра Сергеевича, который тоже был в этой поездке как наставник

наследника. В дневнике, который он вел, есть запись: "Переезд из Оренбурга до Уральска... Я вместе с Перовским, сначала в тарантасе с Далем... Приезд в половине первого". На основании этой записи некоторые исследователи делают вывод: весь переезд из Оренбурга (выехали, напомним, в 4 утра) до Уральска занял около 20 часов.

Сомнительный вывод. Если, по Далю, начальные 120 верст промчались - "не переводя духу" - за 12 часов, то выходит, что оставшиеся от Мухрановской до Уральска 160 верст проскакали за 8 часов, со скоростью еще в два раза больше? Лошади, может, и мчались очень быстро, но много времени неизбежно терялось хотя бы на то, чтобы на двенадцати попутных почтовых станциях от Оренбурга до Уральска перепрягать многочисленных лошадей во все одиннадцать экипажей царского кортежа.

Кроме того, Николай I дал наследнику жесткое наставление: "Встав в 4 утра, ехать в 6 ч., не останавливаясь для обеда или завтрака на дороге до ночлега. Буде на пути есть предметы любопытные, то останавливаться для осмотра..." Так что кортеж на какое-то время мог остановиться хотя бы в той же Нижнеозерной.

Думается, "приезд в половине первого" у Жуковского - это не в ночь, а пополудни следующего дня. Тогда все сходится со скоростью почты, которая за эти же 30 часов, тоже теряя время, только чтобы перепрягать лошадей, преодолевала путь от Оренбурга до Уральска. (Об этих 30 часах у нас еще будет случай вспомнить).

После того, как мы установили верхний предел средней скорости - около 10 верст в час, проанализируем теперь все отрезки пушкинского пути от Петербурга до Оренбурга. И с помощью этого анализа постараемся установить время приезда поэта более точным способом.

Первый: Петербург - Москва. Поскольку Александр Сергеевич по пути заезжал в Павловское (оно в Тверской губернии, чуть в стороне от дороги на Москву) и в Ярополец (а для этого тоже пришлось отклониться верст на 70 на запад) средняя путевая скорость низкая, около 5 верст в час.

Такая же невысокая средняя скорость примерно 5 верст в час и на втором отрезке - от Москвы до Нижнего Новгорода, там примерно 440 верст. Выехал он из Москвы после обеда у Нащокина, то есть во второй половине дня 29 августа, а приехал в Нижний 2 сентября, "в пятые сутки", как написал жене. По-видимому, ближе к обеду, потому что в этот день успел еще побывать в бане, нанести визит губернатору и съездить на ярмарку.

Следующий отрезок Нижний Новгород - Казань. 380 верст. Выехал Пушкин, видимо, сразу после обеда у М.П. Бутурлина. В пути был двое с небольшим суток, примем 52-55 часов. Средняя скорость около 7 верст в час. Кстати, когда Пушкин только выехал в оренбургское путешествие, то, по подсчетам М.А. Цявловского, в тверских местах он ехал приблизительно с такой же скоростью 7 верст в час.

Четвертый перегон Казань - Симбирск. Тут с расстоянием проще - 239 верст, а с временем сложно. По письмам поэта и воспоминаниям современников можно только грубо предположить, что ехал он около двух суток. Другими словами, средняя скорость примерно такая же, как на первых этапах пути: около 5 верст в час.

Придется еще раз напомнить, что речь идет не о скорости бега тройки, четверки или шестерки лошадей. (На отдельных участках вместо положенной по подорожной тройки Пушкин за отдельную плату нанимал лошадей дополнительно.) Конечно, они бегут намного быстрее. Средняя же скорость пути складывается и из чистой скорости движения, и из потерь времени на ожидание лошадей, переправы, беседы, из медленной ночной езды.

По нескольким часам задержки хотя бы на нескольких из трех десятков почтовых станций на пушкинском пути из Симбирска в Оренбург - и "летит" самый стройный график, основанный только на чистой скорости бега лошадей. Но даже если свежая тройка была наготове, перепрячь - надо минут пятнадцать. И сколько часов набегало из этих пятнадцатиминуток!

Дело не меняет то, что на последнем отрезке пути Бузулук - Оренбург Пушкин, видимо, доплачивая, брал четыре лошади. В его записях значится, что тут он заплатил 50 рублей. Известно, что этот отрезок - 250 верст, а каждая "лошаде-верста" стоила 5 копеек. Отсюда легко рассчитывается четверка.

Поэтому, чтобы иметь возможность более или менее объективно считать время приезда поэта в Оренбург (а потом мы будем перепроверять и другими соображениями), зададимся вопросом: сколько времени потребовалось бы Пушкину, если б он 600 верст от Симбирска до Оренбурга преодолел со средней скоростью самого быстрого предыдущего этапа Нижний Новгород - Казань?

Разделим 600 верст на ту наивысшую среднюю скорость в 7 с небольшим верст в час, взяв даже в расчете на особо благоприятное стечение обстоятельств 7,5 верст в час. И получим около 80 часов. Опять выходит, как мы и предполагали: выехал из Симбирска 15 сентября часов в 8-9, а прибыл в Оренбург 18 сентября в 17-18 часов.

Но и позже этого временного предела Пушкин прибыл навряд ли.

Почему? Давайте рассуждать. Из того, что содержится в воспоминаниях Даля, на 18 сентября может прийти только встреча с Перовским и баня у начальника Оренбургского Неплюевского кадетского училища инженер-капитана Константина Демьяновича Артюхова.

Пушкин заехал к военному губернатору Василию Алексеевичу Перовскому (точнее - "исправляющему должность" военного губернатора. Перовский перестал быть "и.д." в декабре 1833 года, но мы чуть преждевременно будем все же именовать его военным губернатором и даже для краткости просто губернатором). Они были на "ты", потому что познакомились еще в 1817 году в Петербурге.

И, конечно, сразу хоть накоротке, но поговорили. Надо полагать, тут же распланировали завтрашний, основной день в Оренбурге. Послали гонцов за бердинским начальством, чтобы оно все приготовило к завтрашнему утреннему приезду дорогого гостя.

Наверно, все это делалось не поздно ночью, когда давно бы спали и Оренбург, и Берды. (Буду называть этот населенный пункт по-современному Бердами, потому что, как мы увидим, раньше были названия и Берда, и даже Бердо.) Да и Владимир Иванович Даль, только вернувшийся из многодневной поездки, был еще у Перовского, или же за ним было послано.

В одной из следующих глав "банная" тема будет использована для составления примерного графика первого дня Пушкина в Оренбурге. Сейчас же она потребуется только в помощь расчетам временного промежутка, когда приехал поэт. На баню еще часа два-три. А после, уже затемно Александр Сергеевич отправился ночевать на загородную дачу Перовского, езды еще на полчаса. Вряд ли он приехал на дачу позже 22 часов, это было бы невежливо.

В общем, если считать еще и с конца, то в первый свой день он пробыл в Оренбурге до этих 22 часов, как мы видим, примерно четыре-пять часов. Так что и тут все сходится.

Это и дает основания утверждать: вероятнее всего, коляска довезла Пушкина после долгого пути из Симбирска в Оренбург через Сакмарские ворота часов в 17-18. Не раньше и не позже.

Но все же не дает мне покоя, почему дотошный, вдумчивый исследователь Сергей Александрович Попов не пришел к тому выводу, к которому мы с вами только что пришли? И, кажется, я догадываюсь о причине его ошибки.

Однако прежде просто обязан сказать несколько теплых слов об этом человеке, с которым был хорошо знаком много лет.

Маленький, улыбчивый, с певучим голосом, он, казалось, лишь физически, по обязанности, паспортно существовал в XX веке. Проходил скорой мелкой походкой, держась ближе к домам, по современным улицам с их толчеей и гамом и нырял в свой крохотный кабинетик - выгородку в краеведческом музее или в областной архив там же, на Советской. Мне кажется, душой Попов жил в его любимых XVIII и XIX веках, и знал он их превосходно. Одно лишь установление имени и отчества бердинской собеседницы Пушкина обессмертило его как историка, а ему принадлежит еще несколько пушкинских открытий.

Запоздалым приветом стал для меня, когда я писал эту книгу, ранее как-то оставшийся вне поля зрения комментарий Сергея Александровича к его же очерку "Дороги сентября" в уральском литературно-краеведческом сборнике "Рифей". Там, где он писал о пушкинском рисунке Нижнеозерного: "Насколько нам известно, первым, кто связал этот эскиз Пушкина с с. Нижнеозерным, был В.Савельзон". Это тоже говорит о Попове:

когда некоторые исследователи переписывают, не ссылаясь, у других, он даже в небольшом комментарии был принципиален.

Ну что бы мне вовремя, при его жизни, порасспросить, как он эти дороги сентября считал? Не догадался. И поэтому могу сейчас лишь предполагать.

В работе "Ехал поэт в Оренбург" Сергей Александрович с присущей ему точностью указывает в главе о пути Пушкина уже из Оренбурга в Уральск:

"Расстояние от Оренбурга до Уральска по карте 1831 года составляло 281 версту. Почта в 1833 году преодолевала его за 30 часов".

Делим 281 версту на сообщенные А.С. Поповым 30 часов. И получаем среднюю скорость около 9 верст в час. Опять-таки это особая езда: без задержек, на хороших лошадях и со скорейшей сменой на станциях. Примерно так - мы уже упоминали - ехал и кортеж наследника престола.

Вы еще помните расстояние от Симбирска до Оренбурга? Около 600 верст. Если разделим их на довольно высокую почтовую скорость участка Оренбург - Уральск в 9 верст в час, то получим, что с такой же скоростью Пушкин был бы в Оренбурге из Симбирска примерно через 70 часов, т.е. трое суток.

Боюсь, что высчитанную нашим оренбургским исследователем среднюю скорость поэта от Оренбурга до Уральска он принял и за среднюю скорость пути из Симбирска в Оренбург. Оттого и утверждал в одной из своих работ, что Пушкин приехал в Оренбург 18-го утром. (Хотя напомним, что позже он пришел к выводу, что было это около полудня.)

Однако и дорога Оренбург - Уральск была лучше, и почтовая гоньба у уральских казаков была образцовой. И ехал Пушкин как друг губернатора. А о пушкинской 600-верстной езде из Симбирска в Оренбург, о том, что сильно ее замедляло, мы уже подробно говорили.

В какие дни недели Пушкин был в Оренбурге? В письме к жене он об этом не упоминает. Но несколько лет назад вырезал я из какой-то газеты нехитрое приспособление, которое позволяет высчитать, на какой день недели выпала или еще выпадет любая дата. И оно позволило рассчитать: приехал он в понедельник, уехал в среду. Это подтверждается и пушкинским письмом к жене 2 октября из Болдина: "сегодня понедельник", то есть ровно через две недели после приезда в Оренбург.

Добавлю еще, что эти дни были холодными, но сухими. В дожди он попал в начале путешествия в Центральной России и на Волге и в конце, выехав из Уральска в Болдино, а потом верст 50 пришлось обновить и санный след.

А рассчитанное нами время приезда Пушкина, как уже говорилось, поможет нам установить некоторые важные обстоятельства.

КАКИМ ОРЕНБУРГ УВИДЕЛ ПУШКИНА?

Портретов Александра Сергеевича до нас дошло несколько. Но почитайте воспоминания современников об одном и том же изображении. Некоторые говорят: "да, более или менее похож". Другие же: "даже близкого сходства нет".

Такой разноречивой вполне понятен. Застывший, позирующий Пушкин - это не Пушкин, ибо портрет не может передать движения, порыва, энергетического магнетизма - основы натуры Александра Сергеевича.

Есть, например, несколько попыток отобразить в живописи и скульптуре тему "Пушкин и Даль в Оренбурге". Даль повествует, Пушкин глубоко мысленно внимает. Может, конечно, и такие минуты были, но вспомнилось потом Владимиру Ивановичу другое - о том, как поэт осматривал Оренбург и Берды и слушал рассказы его, Даля, серьезные и не очень. "Пушкин слушал все это - извините, если не умею иначе выразиться - с большим жаром и хохотал от души".

Как жаль, что фотографию изобретут через два года после гибели поэта, а кино и телевидение появятся много позже! Лишь они смогли бы донести до нас хоть частицу живого Пушкина.

Все мы знаем классический портрет Александра Сергеевича кисти Тропинина. Но не столь известны некоторые обстоятельства появления этого портрета, характеризующие пушкинскую непоседливость, бьющую через край энергию. Заказал этот портрет, как уже упоминалось, приятель поэта Соболевский. Он вспоминал, каких трудов стоило ему заставить Пушкина аккуратно посещать мастерскую художника и часами позировать. И все равно халат и галстук на этом портрете пришлось писать отдельно, надев их на манекен, потому что Александр Сергеевич не мог усидеть на месте, и складки халата и галстука все время менялись.

Да и словесные портреты противоречат друг другу. Попробуйте на их основании понять хотя бы, какие у него были глаза. Вы прочтете и о карих, и о серо-зеленых, и о синих, и о темно-серых, и о голубых.... А я больше доверяю Вере Александровне Нащокиной, жене ближайшего друга Пушкина Павла Воиновича Нащокина.

Во-первых, женский взгляд. По себе знаю, какое мучение хотя бы приблизительно описать кого-нибудь словесно. А женщина мельком взглянет

- и пожалуйста: и цвет глаз, и прическа, и одежда как сфотографированы. Об этом с легким юмором есть у Пушкина в "Капитанской дочке": сцена в царскосельском парке, где, встретив даму, которая потом окажется Екаториной II, "Марья Ивановна... бросив несколько косвенных взглядов, успела рассмотреть ее с ног до головы".

Во-вторых, Вера Александровна прекрасно знала и любила Пушкина. В последний приезд в Москву, в 1836 году он гостил у Нащокиных целых восемнадцать дней. Итак, вот словесный портрет ее работы:

"Пушкин был невысок ростом, шатен, с сильно выющимися волосами, с голубыми глазами необычайной привлекательности. Я видела много его портретов, но с грустью должна сознаться, что ни один из них не передал и сотой доли духовной красоты его облика - особенно его удивительных глаз. Это были особые, поэтически задушевные глаза, в которых отражалась вся бездна дум и ощущений, переживаемых душою великого поэта. Других таких глаз я за всю мою долгую жизнь ни у кого не видела. Говорил он скоро, острил всегда удачно, был необыкновенно подвижен, весел, смеялся заразительно и громко, показывая два ряда ровных зубов, с которыми белизной могли равняться только перлы. На пальцах он отращивал предлинные ногти".

Веришь Нащокиной даже тогда, когда она замечает, что в последние годы жизни у Пушкина наметилась лысинка и волосы перестали виться.

А вот этот "моментальный снимок", тоже женской работы, приятельницы Бутурлиных Л.П. Никольской, нам особенно интересен, потому что Александр Сергеевич тут всего за несколько дней до приезда в Оренбург, когда по дороге был в семье нижегородского губернатора М.П. Бутурлина:

"Немного смуглое лицо его было оригинально, но некрасиво: большой открытый лоб, длинный нос, толстые губы - вообще неправильные черты. Но что у него было великолепно - это темно-серые с синеватым отливом глаза - большие, ясные. Нельзя передать выражение этих глаз: какое-то жгучее, и притом ласкающее, приятное. Я никогда не видела лица более выразительного: умное, доброе, энергичное. Когда он смеялся, блестили его белые зубы. Манеры у него были светские, но слишком подвижные. Он хорошо говорит: ах, сколько было ума и жизни в его неискusstvenной речи! А какой он веселый, любезный, прелестный! Этот дурняшка мог нравиться".

И надо иметь глаза художника И.Е. Репина, чтобы сделать такое точное замечание об известной гравюре-портрете Пушкина работы английского художника Томаса Райта:

"Обратите внимание, что в наружности Пушкина отметил англичанин. Голова общественного человека, лоб мыслителя. Виден государственный ум".

Мне кажется, никто, кроме Веры Александровны Нащокиной, не оставил нам свидетельства о голосе Пушкина. Под конец своей долгой жизни она рассказала Н. Ежову, журналисту газеты "Новое время":

"Пушкин говорил тенором, очень быстро".

Можно, наверно, согласиться с теми, кто предполагает, что поэт, как и все в эту эпоху господства французского языка, чуть грассировал, произносил "р" не так твердо, как нынче. Но Эдисон изобретет свой фонограф, к сожалению, только через сорок с лишним лет.

А вот как он смеялся - в этом все единодушны. В.А. Соллогуб в "Пережитых днях" записал, как Александр Сергеевич смеялся: "звонким детским смехом". Почти те же слова - у А.С. Данилевского: "особенно поражал его долго не выходивший из памяти совершенно детский, задумчивый смех". Графиня А.Д. Блудова рассказывала, что он смеялся "веселым, заливающимся смехом". А.О. Смирнова-Россет: "Смеется, как ребенок. У него грустная и добрая улыбка, голос очень приятный, в этом голосе есть что-то откровенное. Время от времени он насмешливо улыбается".

П.А. Вяземский вспоминал, что Пушкин легко краснел:

"По обыкновению, краска вспыхивала в лице его" (когда З. Волконская спела ему в день знакомства романс Геништы на его стихи "Погасло дневное светило". - В.С.).

И еще интересно, что рассказывали многолетнему директору заповедника в Михайловском С.С. Гейченко местные старики со слов своих дедов:

"Все Пушкин быстро делал. Ходил быстро, говорил быстро, ел наскоро. Говорил: "Ем недоедаю, святому духу в брюхе место оставляю".

А в 1829 году, когда Пушкин был в тверских местах и познакомился с оренбургскими уланами, дочь местного священника Е.Е. Смирнова заметила:

"Ходит как-то по-особому, как-то особенно легко, как будто летает".

Вот и Оренбург в те осенние дни 1833 года видел Александра Сергеевича таким, как его описали Нащокина и другие современники.

Таким, да не очень.

О нелегкой гонке в Оренбург мы уже рассуждали. В письме к жене из Оренбурга 19 сентября (1 октября) 1833 года Пушкин написал так: "насилу доехал". Это сейчас сел в Петербурге в самолет, посидел в удобном кресле два с половиной - три часа, полистал журнал - и все, прилетели, Оренбург. А у Пушкина из Петербурга в Оренбург был ровно месяц трудной дороги с редкими холодными ночлегами без всякого намека на относительный хотя бы комфорт, иной раз и о еде приходилось лишь мечтать. "Голодал, как собака", - рассказывал Пушкин, по воспоминаниям К. Савостьянова, встретившегося на одной из почтовых станций до Оренбурга.

Скачка и день и ночь выматывала, даром что на "Почтовой карте Российской империи" 1829 года дорога Самара - Бузулук - Оренбург, к примеру, обозначена как "столичная".

И в то же время в отчете оренбургского губернатора за 1834 год об этой дороге сказано:

"По бедности, малочисленности и удаленности жителей от дорог состояние их не доведено до надлежащего совершенства... при нынешнем состоянии почтовых дорог проезжающие лишены на пути своем и крова, и всякого убежища".

Вспомним строфу XXXIV из седьмой главы "Евгения Онегина":

*Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают;
Трактиров нет. В избе холодной
Высокопарный, но голодный
Для виду прейскурант висит
И тщетный дразнит аппетит,
Меж тем как сельские циклопы
Перед медлительным огнем
Российским лечат молотком
Изделье легкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.*

Интересно, что эту строфу Пушкин сопровождал без единого слова своего комментария сноской - стихотворением П.А. Вяземского "Станция". Тем самым, которое он читал после трудной дороги в Оренбург в бане у Артюхова. Две строки из "Станции" особенно перекликаются с пушкинскими стихами:

*Дорога, скажешь, хороша
И вспомнишь стих: для проходящих!*

И "столичная", и "губернские" трассы были разбиты и трясли неимоверно. Доскакав до Нижнего Новгорода, Пушкин находит в письме к жене только такие слова: "одурев с дороги".

Нам сейчас, в век автомобилей, поездов, самолетов, трудно представить себе такую езду. Кроме тряски, еще и холод, пыль, грязь.

Дорожные тяготы усугублялись тем, что 19-летний слуга Гаврила был нерадив, часто пьян, объедал и обпивал барина и о нем совсем не думал. И из-за того, что был полным балбесом, и, вероятно, из-за того, что имел претензии на некоторую родственность: его сестра Ольга - "крепостная любовь" барина. Не раз Пушкин в сердцах сгонял его с коляски и оставлял идти пешком до следующей станции.

Но кроме следов дорожной усталости, Пушкин от своих портретов отличался, приехав в Оренбург, и по другой причине.

Бриться в такой дороге - проблема. И в начале пути, в Москве он пишет жене, что не поехал на званый вечер "за неимением бального платья, и за небритие усов, которые отращаю в дорогу". Это его, видимо, так занимало, что через несколько дней, из Нижнего Новгорода он

сообщает снова: "к Пашковым на дачу я не поехал, жалея своих усов, которые только лишь ощетинились". Очень практично, Пушкин путешественник бывалый.

Из Москвы с "отрошенными" усами он выехал 29 августа. Через четыре дня был в Нижнем Новгороде. Но странно, что уже упоминавшаяся современница, видевшая его у тамошнего губернатора Бутурлина, пишет, что поэт "носил баки", а об усах ни слова. Но, может, они еще не отросли достаточно?

А вот автор книги "Путешествие Пушкина в Оренбургский край" И.Ф. Смольников так описывает встречу Александра Сергеевича с поэтом Е.А. Баратынским еще через несколько дней недалеко от Казани:

"В первые минуты Баратынский словно приглядывался к Пушкину, не узнавая его. Да и немудрено: усы и борода отросли изрядно, скрывали привычные черты лица".

А уж после Оренбурга, в конце своего путешествия, из Болдина Пушкин пишет жене:

"отпустил я себе бороду: ус да борода - молодцу похвала, выйду на улицу, дядюшкой зовут".

К.Раевский, болдинский дьякон, вспоминал, каким Александр Сергеевич вернулся из оренбургской поездки:

"Был у Пушкина в Болдине лакей из болдинских крестьян Торгашев. Пушкин один раз обратился к нему со словами: "Торгашев, остриги меня, сними усы и бороду".

А П.В. Киреевский в письме поэту Н.М. Языкову сообщил о той же поре:

"Когда Пушкин проезжал через Москву, его никто почти не видал. Он никуда не показывался, потому что ехал с бородой, в которой ему хотелось показаться жене".

Но это только далеко от столиц, в провинциальной глуши и патриархальности Александр Сергеевич мог позволить себе вольность отпустить бороду. В первые же дни по возвращении из оренбургского путешествия он, конечно, вынужден был побриться, потому что в николаевские времена дворянам воспрещалось носить бороды. Может, поэтому никто из вспоминавших Пушкина во время поездки его в Оренбург и не упомянул, чтобы не подвести, о пушкинской бороде? Уже упомянутый В.А. Соллогуб рассказывал, как Пушкин прогуливался в Петербурге с приятелем С.А. Соболевским, только что вернувшимся из-за границы и щеголявшим бородкой и усами. А тут навстречу царь. Соболевского как ветром сдуло, спрятался в магазине. Потом, когда гроза миновала, "Пушкин рассмеялся своим звонким, детским смехом и покачал головою: "Что, брат, бородка-то французская, а душонка-то все та же русская?"

Снова вернемся к строке из письма Наталье Николаевне о том, что Пушкин в Москве не поехал туда, где можно было встретить доносчиков

и нарваться на неприятности в связи с предосудительными усами и бородой. Сохранился автопортрет Александра Сергеевича 1829 года, когда он в тверской глуши встретился с оренбургскими уланами. Уверенно прорисованы усы и бородка. В провинции можно было и пофрондерствовать. Видимо, таким, как на этом рисунке, Пушкин и приехал в Оренбург четыре года спустя.

Можно предположить, что, приняв все приведенные доводы, о "заросшем в дороге лице Пушкина", приехавшего в Оренбург, пишет и доктор исторических наук Р.В. Овчинников в работе "Встреча в Оренбурге".

Кстати сказать, Пушкин и до этого отпускал бороду. Современник вспоминает Пушкина в годы михайловской ссылки: "Волос и ногтей он не стрижет, бороды не бреет".

Так что в Оренбурге он должен был быть не очень похож на себя хрестоматийного. Он и устал, и зарос за месяц странствий. Каким граф Б. в "Выстреле" увидел приехавшего к нему издалека Сильвио, таким и оренбуржцы увидели поэта - "запыленного и обросшего бородой".

Но как жаль, что никто, даже Даль, кому можно доверять вполне, не оставил нам его достоверного словесного портрета тех дней!

Есть, правда, косвенное свидетельство кадета Неплюевского училища Н. Иванова. Он вспоминал, как Пушкин, только приехав в Оренбург, в шубе и шарфе отбивался от бросившихся его обнимать:

"Только дайте ему (слуге Гавриле. - В.С.) прежде распеленать своего младенца. А то мои бакенбарды останутся в шарфе".

Лишь бакенбарды. Но надо принять во внимание, что вспоминал Иванов через 40 лет и много переврал. В частности, Иванов говорит, что Пушкин приехал в Оренбург в субботу, но ни один из оренбургских дней пребывания поэта на субботу не приходится. Утверждает, что Александр Сергеевич приехал в санях, хотя приехал он в коляске, а снег выпал только в середине октября, дней через десять после отъезда Пушкина из Оренбурга. И стихи, по Иванову, Пушкин вдруг читает сходу, пока слуга его раздевает, да только стихи эти, да еще и перевранные Ивановым, как уже говорилось, вовсе не пушкинские, а Вяземского.

Правда, есть и воспоминания Н. Кайдалова, родственника бердинского атамана. Он вроде бы присутствовал при встрече Пушкина в Бердах со старожилами. Но, по мне, они подозрительно подробны. Милицейский протокол, а не мимолетное впечатление:

"Он среднего роста, смуглый, лицо кругловатое с небольшими бакенбардами (Вот как! А на всех пушкинских портретах, начиная с середины 20-х годов, бакенбарды у него длинные, почти соединяются на подбородке. - В.С.), волосы на голове черные, курчавые, не долгие (значит, и постричься в дороге успел? - В.С.), глаза живые, губы довольно толстые. Одет был в сюртук, плотно застегнутый на все пуговицы; сверху шинель суконная с бархатным воротником и обшлагами, на голове измятая поярковая шляпа.

На руках: левой на большом, а правой на указательном пальцах по перстню. Ногти на пальцах длинные, лопатками".

Воспоминания Кайдалова, как и Иванова, впервые опубликованы через много-много лет, эти - в 1880 году. Может, кое-что действительно бывшее забылось, а небывшее вспомнилось? Ну никак не могу понять: до Оренбурга и вскоре после Пушкин с усами и бородой, а тут вдруг лишь "небольшие бакенбарды".

Вот насчет ногтей - точнее. И Нащокина права, и познакомившаяся с путешествующим к нам Пушкиным в Казани жена профессора Фукса утверждает, что Александр Сергеевич так сильно сжал руку ее мужа, что несколько дней на ней были знаки от ногтей. "Пушкин имел такие большие ногти, что мне, право, они показались не менее полувершка". То есть, более 2 сантиметров. И Даль тоже записал: "Пушкин носил ногти почти необыкновенной длины, это была причуда его". Настолько сильная причуда, что даже в нелегкой и грязной дороге он предпочел ногтей не стричь, хотя ухаживать за ними было, конечно, трудно.

Длинные ногти Пушкина подтверждаются и комической историей, которую придется упоминать в этой книге несколько раз. После его беседы в Бердах со старухой Бунтовой он ее благодарил, одарил деньгами, а на следующий день казаки привезли в Оренбург на подводе и старуху, и деньги. Темным людям задним умом Пушкин показался очень подозрительным, поэтому от греха подальше они приехали с доносом:

"Вчера-де приезжал какой-то чужой господин, приметам: собой невелик, волос черный, кудрявый, лицом смуглый, и подбивал под "пугачевщину" и дарил золотом; должно быть, антихрист, потому что вместо ногтей на пальцах когти".

При этой беседе со старухой Бунтовой присутствовала одиннадцатилетняя девочка Акулька, которую некоторые незадачливые авторы почему-то делают ко времени встречи с Пушкиным тоже старушкой, не зная, что родилась она в 1822 году. С той встречи прошло почти семь десятков лет, но Акулина Тимофеевна Блинова все еще помнила эту пушкинскую примету и рассказывала на рубеже веков одному из краеведов: "да уж очень меня занял ноготь на пальце - длинный-предлинный, у нас таких и не носят".

А как был одет Пушкин? Это мы можем представить себе по скудным свидетельствам современников, а также рассуждая логически. На очень хорошем памятнике в Оренбурге "Пушкин и Даль" работы Надежды Гавриловны Петиной Пушкин в цилиндре. Это, конечно, художественная вольность. Вряд ли Александр Сергеевич брал с собой в путешествие громоздкий цилиндр. Мягкая поярковая шляпа - другое дело: практична и занимает мало места. Хотя надо вспомнить, что он четырем годами раньше взял с собой на войну с турками цилиндр не цилиндр, но модную круглую твердую шляпу. Есть известный рисунок-автопортрет, где Пуш-

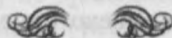
кин скачет на врага с пикой в руке, а на нем комически сочетаются косматая бурка дикого горца и эта аристократическая шляпа. Но тогда он был еще на излете молодости, холост и, как он сказал Далю, не "перебесился".

Два воспоминателя, которые были названы, - Иванов и Кайдалов - говорят по-разному: о шубе и о шинели. Поскольку Пушкин путешествовал в конце лета - начале осени, вряд ли он надевал в дорогу шубу. Другое дело, что он шубу мог везти с собой, памятуя, что из Болдино будет возвращаться в Петербург уже в холода. В Болдине же шубы могло и не быть. И поэтому предпочтительнее в Оренбурге длинная шинель, которая тогда была не только военной одеждой, вспомним хотя бы гоголевского Акакия Акакиевича и его шинель.

Можно предполагать, что на Пушкине был длиннополый скюртук с двумя рядами пуговиц и неширокие брюки, может, в неяркую полоску, как на единственном, пожалуй, портрете поэта в энергичном движении, в быстрой ходьбе, работы П.И. Челищева. Этот рисунок - поры оренбургского путешествия. Такая дорожная одежда была удобна и практична.

Шарф очень вероятен, тогда их тоже носили, они грели и защищали от дорожной пыли. А на ногах у Пушкина были, конечно, не городские щегольские туфли, а сапоги, удобные в дороге. Тогда сапоги также не были привилегией только военных. Хотя, видимо, вез он и туфли, и фрак, современница писала, что Пушкин в одном из губернских городов по дороге в Оренбург танцевал с нею во фраке.

...Вот таким увидели в Оренбурге Пушкина.

КАКИМ ПУШКИН УВИДЕЛ ОРЕНБУРГ?

Наверно, у всех нас, хотя бы в детстве, была мечта попутешествовать во времени. Если б это стало возможным, мы бы с вами перенеслись в Оренбург осени 1833 года. Тот, который видел Пушкин.

Город сейчас - и тогда настолько различаются, что надо сделать усилие, чтобы представить себе Оренбург, в котором населения всего около десяти тысяч. Сейчас в каком-нибудь селе-райцентре больше. И город еще считался довольно крупным населенным пунктом. Нынешние полуторамиллионники - соседи Самара, Челябинск были совсем маленькими городишками.

Самарская девица Евгения Воронина, приехавшая в сентябре 1833 года на три месяца в Оренбург, писала домой:

"Жалко мне так скоро оставить Оренбург. Я еще ни одного места так не любила. Не рассердитесь на меня за это! Согласитесь, что Самара не-сносна".

Да и пространственно город был невелик. Встаньте, чтоб вас не задавило, конечно, на перекрестке улиц Советской и Пушкинской (тогда - Губернской и Орской). Посмотрите окрест - и вы приблизительно представите себе границы тогдашнего Оренбурга. На юг - обрыв к Уралу, набережная. На север перспективу замкнет 16-этажка на главной городской площади. На запад взгляд наш упрется в сад имени Фрунзе. На восток - в зенитное училище. Примерно таким был город, хотя к тому же существовали и предместья: Голубиная слободка и Форштадт.

Даль писал, что с каждого перекрестка на все четыре стороны был виден крепостной вал.

Думаю, он насмешил Пушкина забавным оренбургским обычаем, описанным им потом в повести "Бикей и Мауляна". В любые гости тут было шаг шагнуть, но уважающие себя оренбуржцы велели закладывать экипаж, чтобы в собственной карете проехаться куда-нибудь за угол и с достоинством выйти, веля кучеру ждать, пока придет пора ехать назад.

Иногда ошибочно полагают: если в городе тогда была резиденция военного губернатора - значит, это был центр губернии. Нет, Оренбург являлся в то время всего лишь уездным городом. Губернским центром

была тогда Уфа. Поэтому, кстати, хозяин "дома Тимашевых", где квартировали губернаторы, Егор Николаевич Тимашев, будучи с февраля 1833 года избранным предводителем дворянства Оренбургской губернии, перебрался в Уфу.

Оренбург же был резиденцией только военного губернатора, в отличие от уфимского гражданского. Но, по оценке современника, Оренбург в то время "стоял далеко выше губернского города Уфы".

Я привел численность оренбургского населения 1833 года, употребляемую во многих источниках: 10 тысяч. Но, видно, статистика была и тогда лукава. Вот что отыскал в "Отчете Оренбургского гражданского губернатора по управлению губернией за 1833 год. Губ. город Уфа": "В Оренбурге жителей до 5 тысяч".

Тут было полторы тысячи домов, семь церквей и семь же трактиров, две мечети и две харчевни, лютеранская кирка и одиннадцать питейных домов. На весь уезд - один врач.

Что бросилось, конечно, Пушкину в глаза?

П. Свињин, бывший в городе за десять лет до Пушкина, свидетельствует:

"Оренбург - город военный: на каждом шагу встречаются в нем солдаты, казаки, пушки, платформы и другие грозные принадлежности крепостей".

Давайте посмотрим на план города пушкинских времен: Неплюевское военное училище, штаб Оренбургского корпуса, ордонанс-гауз - комендантское управление и военная тюрьма. Весь квартал по Губернской улице у Сакмарских ворот - это склады и казармы военно-инженерного ведомства. Возле Урала - снова казармы, школа военных кантонистов, дом коменданта, гауптвахта. Дальше - дома офицерских квартир, дом военного губернатора. Управление военного губернатора, манеж Неплюевского военного училища (нынешний драмтеатр). Плац-парадная площадь, где происходят разводы караулов и парады. К востоку - артиллерийские казармы, пороховые склады, арсенал, войсковая канцелярия. На обрыве и у городских ворот - кордегардии - караульни...

Был Оренбург и городом чиновничьим. Здесь, кроме обычных канцелярий, были еще и связанные с пограничным, таможенным характером города. Нельзя, конечно, одним аршином мерить всех чиновников, были и честные, исполнительные, иногда даже талантливые, как Даль. Но все же для большинства из них подходят слова гражданского губернатора:

"Польза общественная для них менее важна, нежели их собственная. Усердие их возбуждается тогда только, когда они предусматривают личные выгоды по странным их понятиям и таким образом утратили доверие населения поступками, не соответствующими их долгу".

Другой современник вспоминал, что оренбургские чиновники, сидя в присутственных местах за рабочими столами, предпочитали проводить время

в обсуждении, где лучше охота, где кто что подстрелил, где лучше клюет рыба: в Урале или Сакмаре.

В том же отчете губернатора за 1833 год сказано, что в одном из оренбургских учреждений 456 бумаг, как показала проверка, лежали под сукном... с 1828 года!

Оренбург, по словам Теодора Базинера, бывшего в городе в 1842 году, был "похож поэтому не на гражданский город, а на колонию военных и гражданских чиновников".

Город с самого своего основания был и местом ссылки.

Помните то место в пушкинском "Начале автобиографии", появившемся после оренбургской поездки, где речь о несчастливом первом браке прадеда поэта - Абрама Ганнибала? "Первая жена его, красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь". Отставим в сторону интересную, но не относящуюся к нашей теме переключку с полярным эпизодом в произведении художественном - "Арапе Петра Великого", когда французская графиня рождает от любовника - пушкинского прадеда ребенка черного.

Так вот, по разысканиям африканского ученого Д. Гнамманку, много работавшего в наших архивах, историческая неверная жена прадеда Евдокия по решению архиепископа Петербургского Феодосия должна была быть сослана в Оренбург. В 1744 году, на второй год существования города! (Правда, есть исследователи, которые полагают, что у Абрама Ганнибала детей от первого брака не было.)

Тогда же, в 1744 году, чуть было не завезли в Оренбург несчастного малолетнего Иоанна VI Антоновича, который по смерти Анны Иоановны был провозглашен императором, но вскоре был свергнут, арестован и потом в многолетнем заточении сошел с ума.

Ссылки в Оренбург бывали и более или менее почетными. После падения Петра III сюда был сослан вице-губернатором один из самых близких к императору людей конференц-секретарь Д.В. Волков.

Губернская администрация, обеспокоенная слишком большим потоком ссыльных, даже просила правительство в пушкинские времена совсем прекратить или хотя бы уменьшить ссылку в Оренбург.

Наверно, обратил Пушкин внимание на столь характерную для тогдашнего Оренбурга многонациональность. Тот же Базинер живописует:

"Тут можно увидеть казака, оживленно торгующегося из-за уздечки; там уже издали видно киргизку, едушую со своим грудным ребенком верхом на верблюде, которого за веревку тянет ее супруг... Тот, проходя мимо, заглядывает в лавку немецкого колониста... Быстрым шагом спешит мимо гибкий татарин... взгляд его направлен на офицера... Так я был на балу, который лишь редко можно встретить, да и в редких местах... Здесь можно было видеть самые различные наряды Европы и Азии: великолепные военные формы от сияющей звездами генеральской до простого, но красивого казачьего мундира; французские фраки и русские каф-

таны, бухарцев в своих белых, окантованных золотом тюбанах и хивинского посланника вместе со свитой в высоких меховых шапках; киргизских султанов и русских священнослужителей, татар и башкир; и рядом с как бы парящими в своих легких газовых платьях женами военных и чиновников - неповоротливые супружеские половины русских купцов в тяжелых шелковых материях и перегруженные разнообразными, более или менее ценными украшениями".

Кроме уже названных, можно было встретить на оренбургских улицах поляков, казахов, калмыков и даже французов и итальянцев, застрявших в городе после войны 1812 года, когда они попали в плен.

Пушкин, видимо, проехал и прошел всю главную улицу, по периметру восточную часть города, а в западной побывал только недалеко по нынешней улице Ленинской, посещая училища. На главной улице, против теперешней школы № 30, была обширная и пыльная плац-парадная площадь. Две другие площади: Базарная и Артиллерийская - находились в западной и восточной части города.

Счастье Пушкина, что у него было где остановиться в Оренбурге. Остановился он в городской гостинице, что около Базарной площади, - его постигла бы участь уже упомянутого Базинера, который в этой гостинице голодал и провел ночь, сидя на стуле, потому что продавленный диван кишел клопами. И хорошо, что было хоть холодно, но сухо. В грязь та же Базарная была недоступна для людей, носящих европейскую обувь.

Дома в городе были в основном деревянные и одноэтажные. Много было разваливающихся. Власти, дабы заставить жильцов или ремонтировать, или совсем разрушить, чтобы поставить новые дома, опечатывали печи. Но оренбуржцы даже зимой исхитрялись жить и в развалах.

По свидетельству историка, "ни улицы, ни дворы не мелись, не чистились. По городу беспрепятственно прогуливались гуси, коровы, свиньи".

Надо сказать, что Пушкин приехал в Оренбуржье не в лучшее время. 1833 год - это третий подряд засушливый, голодный год. Кроме того, четвертый год свирепствовала холера, от которой в губернии скончалось около 14 тысяч человек, а в самом Оренбурге - около тысячи.

Мало где, кроме Оренбурга, видел Пушкин вал и ров. Некогда вал, укрепленный плитняком, был до 4 метров высотой, а десятиметровой ширины ров достигал 3,5 метров глубины. Итого нападающим под огнем необходимо было вскарабкаться на семиметровую высоту.

Но когда в Оренбурге был Пушкин, крепостные сооружения были уже не нужны и пришли в негодность. Вал стал теперь местом прогулок горожан.

В крепостных стенах спокойно,

Шум дневной уж умолкал.

И вот чинно, плавно, стройно

Выступают все на вал,

писал местный поэт. Далеко не Пушкин, конечно, но спасибо ему за свидетельство.

Из того, что осталось от крепости, Александр Сергеевич с Далем, верно, осмотрели Преображенский полубастион (он был за нынешним музеем города) и Успенский (это почти у перекрестка нынешних улиц 8 Марта и Челюскинцев).

Может быть, Даль, а, может, и Перовский как человек военный, обратили особое внимание поэта, насколько город был приспособлен к возможным боевым действиям внутри его. Улицы все под прямым углом друг к другу. Если б, к примеру, пугачевцы все же ворвались в Оренбург, их бы обстреливали со всех четырех сторон из-за углов, вдоль улиц. А так как сквозных улиц было мало, ворвавшиеся, особенно конные, попадали бы в ловушки, из которых выбраться затруднительно.

Перед Оренбургом Пушкин побывал в Нижнем Новгороде и Казани, видел там кремли, в которых укрывались бы осажденные, если б нападавшие прорвались через первую линию городской обороны. В Оренбурге же роль кремля играл бы Гостиный двор, самое массивное здание в виде каре. Поэтому галереи и лавки были только внутри, а снаружи лишь стены и окна, из которых можно было отстреливаться.

На главной улице был тротуар (когда и в столицах не все улицы имели тротуары). В городе было несколько аллей и бульвар на набережной.

Зауральная роща была только для "благородной публики", простых туда не пускали. И называлась она тогда чаще не рощей, а садом.

"Ездили за Урал в сад, - описывала Е. Воронина, - где долго ходили. Виды там прелестные. Сад, который взрастила сама природа, а искусство только расчистило, расположен на берегу Урала, который протекает под самым городом. Из сада видна часть городского вала и гора, совершенно красная; на ней церковь и еще несколько беседок и мостиков; а в конце аллеи декорация замка, от которой после длинной аллеи сделан подъемный мост".

Сопоставим с тем, что почти с той же точки описал в повести "Бикей и Мауляна" В. Даль:

"Позади менового двора, верстах в двух, на том же левом, пологом берегу Урала зеленелась рощица, одна-одинехонька в обширной степи; на противоположном, крутом, европейском берегу реки высились несколько каменных зданий, разрушающийся губернаторский дом, собор - а повыше, в форштадте церковь Георгиевская..."

А глазами Е. Ворониной мы можем увидеть пейзаж более панорамно сверху, с того самого уральского красного обрыва:

"В этой необозримой степи, вдалеке от города, видны то рощицы, то горы, на которых расположены лагеря или деревеньки, там дача военного губернатора, тут лентой извивающийся Урал и, наконец, Меновой двор, строение огромное, одинокое посреди степи".

Ее же, Евгению Воронину, мы можем пригласить и свидетельницей культурной жизни города. Пишет она о званом музыкальном вечере, на котором В.Н. Верстовский, брат известного композитора А.Н. Верстовского, фантазировал на фортепиано, а потом аккомпанировал Дурасову (видимо, одному из офицеров, доехавших с Пушкиным и Далем до Берд и дальше отправившихся охотиться), который пел итальянские песни и романсы. А потом Даль с женой исполняли русские песни.

Такое совпадение: в дни пребывания Пушкина в Оренбурге Перовский получил письмо, что в город прибывает в ссылку композитор А.А. Алябьев, автор знаменитого романса на слова Дельвига "Соловей, мой соловей, голосистый соловей". Широко было распространено мнение, что Дельвиг написал эти стихи в связи с высылкой Пушкина на юг, что "соловей" - это Пушкин. Кто знает, может, Перовский поделился содержанием циркуляра об Алябьеве с Александром Сергеевичем.

А вот как описывает Воронина музей, который несколькими днями перед тем, как осмотрела его она, мог осматривать Пушкин:

"При входе внимание обращается на огромную кость, часть головы какого-то допотопного зверя... По сторонам стоят куклы в рост человеческий в разных, очень богатых азиатских костюмах... В одном ряду мордовка, калмычка и уралка, в платьях замужних женщин. Около развешаны кольчуги, седла, чепраки и разные одежды, в том числе рубашки, сшитые из рыбьих пузырей... Такие рубашки носят женщины-самоедки, они защищают тело от укушения разного рода насекомых".

Можно полагать, что Пушкину было присуще свойство быстро обываться на новом месте. В Нижнем Новгороде он, как и повсюду по дороге, всего несколько дней. Но что он пишет жене? "Что у нас за погода! Дни жаркие, с утра маленькие морозы - роскошь! Так ли у вас?" "У нас" - это в Нижнем, "у вас" - в оставленном несколько недель назад Петербурге.

Может, и Оренбург стал для него на неполных три дня - "у нас"?

Вот таким был этот город, который Даль показывал Пушкину.

Пройдет несколько лет, и Владимир Иванович, восемь лет бывший оренбуржцем, с гордостью напишет о знаменитостях, бывавших в этом городе:

"Крылов был в Оренбурге младенцем. Скобелев чуть ли не стаивал в нем на часах. У Карамзиных есть в Оренбургской губернии родовое поместье. Пушкин пробыл в Оренбурге несколько дней в 1833 году, когда писал Пугача, а Жуковский - в 1837 году, провожая государя цесаревича".

Все тут упомянутые интересны, конечно, и сами по себе. Но все же - больше через Пушкина. Что касается Крылова, Карамзина, Жуковского, то Александром Сергеевичем они были любимы, почитаемы, сделали ему немало добра. А вот Скобелев...

У замечательного историка Н.Я. Эйдельмана есть очень интересное высказывание о том, что мы, нынешние, знаем больше, чем современники

великих событий и людей, потому что нам открывается в архивах и письмах многое, им недоступное.

Конечно, Даль имел в виду не "белого генерала", героя русско-турецкой войны Михаила Дмитриевича Скобелева, а другого, тоже генерала Ивана Никитича Скобелева. Действительно, этот Скобелев в 14 лет стал солдатом 1-го Оренбургского полка, на самом деле "стаивал на часах", и лишь через 11 лет началась его успешная офицерская, а потом и генеральская карьера. Отличился он и в войне с турками, и в Отечественной войне 1812 года. Но знал бы Даль, что этот Иван Никитич, будучи генерал-полицмейстером 1-й армии, доносил в 1824 году:

"Не лучше бы оному Пушкину запретить издавать развратные произведения? Если б сочинитель вредных пасквилей немедленно, в награду лишился нескольких клочков шкуры, было бы лучше!"

Вместо слова "доносить" он изобрел "проштыкнуться". И не ведал Даль, что именно этот Скобелев несколько раз "проштыкнул" Пушкина. По его доносу Бенкендорфу в августе 1826 года началось следствие по стихотворению "Андрей Шенье", приведшее к пожизненному секретному надзору над Пушкиным! Тогда не стал бы Даль помещать недостойного человека в свои воспоминания о великом поэте.

... В Оренбурге 1833 года Александр Сергеевич, видимо, не нашел каких-то особенных примет года 1773-го. Да и вообще в этом городе не было памятников архитектуры класса нижегородского кремля или казанской башни Сююмбеке, виденных по дороге. Обычные постройки, не в очень хорошем состоянии. Губернатор Рейнсдорп доносил императрице незадолго до начала пугачевщины, что "город Оренбург нашел в самых жалких обстоятельствах, партикулярные дома, да и публичные строения, по большей части к разрушениям уже близки". Примерно такие же слова употребил и Перовский, приехав на губернаторство. Этим и объясняется, что в тех трех главах "Капитанской дочки", где действие происходит в Оренбурге, Пушкин не дал ни одной хотя бы маленькой словесной зарисовки города.

АДРЕСА ПОДЛИННЫЕ И МНИМЫЕ

Эпиграфом к этой главе я взял бы слова Анны Ахматовой: "Здесь бывал Пушкин - или: здесь не бывал Пушкин. Все остальное никому не интересно".

Нет, не заботился Александр Сергеевич о потомках-исследователях. Написал бы: "Мемориальные доски о моем пребывании повесить на этом и на том доме, здесь я ночевал, тут я обедал".

Но если всерьез, не везет в Оренбурге мемориальным доскам. Уж на что казалась достоверной доска в центре города на здании, известном как "дом Тимашевых", это Советская, 32! Она гласила: "В этом доме, собирая материалы для истории пугачевского бунта, останавливался проездом Александр Сергеевич Пушкин 18 - 20 сентября 1833 г."

Был в конце прошлого - начале этого века в Оренбурге краевед, есаул М.Л. Юдин. По воспоминаниям и документам он установил, что военный губернатор В.А. Перовский жил в этом доме. Все верно. Но вот дальнейший ход его умозаключений: гостем Перовского был Пушкин. Тоже не вызывает сомнений. И вывод: Пушкин останавливался в этом доме. А это уже логическая ошибка. Все дело в том, когда Перовский поселился в "доме Тимашевых"? А произошло это уже после отъезда Пушкина из города.

Об этом свидетельствует приехавшая в Оренбург спустя несколько часов после отъезда Пушкина девица Евгения Воронина. В письме 25 сентября 1833 года она сообщает самарской подруге, что Перовский "не более трех дней как переехал в город". То есть переезд губернатора с летней дачи состоялся 22 сентября, а Пушкин, напомним, уехал 20-го.

Еще более веским доказательством служат слова Даля: "Пушкин остановился в загородном доме у военного губернатора". Так что первую ночь он провел в загородной резиденции Перовского.

О чем тут говорить? Кто больше знал: Даль, бывший неотлучно с Пушкиным, или фантазер Юдин через 70 лет? Но до сих пор, переписывая у Юдина и друг у друга, некоторые недобросовестные краеведы твердят: нет, Пушкин в "доме Тимашевых" останавливался!

В "Исторической справке" М.Л. Юдин писал, что факт пребывания Пушкина в этом доме "находит себе подтверждение в архивных данных". Но и сам таких данных привести не мог, и до сих пор их нет.

Аргумент сторонников предположения, что Пушкин жил в "доме Тимашевых", весьма наивен: надо, мол, слушать и непосредственных свидетелей - Даля и Воронину, и авторов позднейших противоположных преданий. Но в том-то и дело, что совместить эти взаимоисключающие друг друга точки зрения невозможно. Или одно - или другое.

К тому же надо принять во внимание: версию, что Пушкин останавливался в "доме Тимашевых", отвергали все серьезные исследователи. Д.Н.Сokolov, автор книги "Пушкин в Оренбурге": поэт "в этом доме не жил". Н.Е. Прянишников в книге "Писатели-классики в Оренбургском крае": мемориальная доска о пребывании Пушкина, некоторое время висевшая на этом доме, "была помещена на нем без достаточных оснований".

Читаешь первоисточник заблуждения, маленькую серую книжку "Труды Оренбургской ученой архивной комиссии". Выпуск VI. Оренбург, 1900" - и поражаешься "научному уровню" доказательств.

На заседании комиссии 25 января 1899 года, когда вовсю шла подготовка к столетнему юбилею Пушкина, "Н.Г. Иванов сообщил, что существуют предания, будто императоры Александр I и II, а также и Пушкин во время пребывания в Оренбурге останавливались в доме против церкви Вознесения, ныне принадлежащем г. Ладыгину" (к тому времени к нему перешел "дом Тимашевых". - В.С.).

А уже на заседании 1 февраля некто "Н. Бекчурин удостоверил, что А.С. Пушкин жил в доме И.В. Ладыгина, в котором была квартира графа В.А. Перовского. Таким образом, становится вполне достоверным место пребывания Пушкина во время кратковременного пребывания его в Оренбурге".

Бекчурин через 70 лет удостоверил - чего еще надо? Меньше чем за неделю "предание" стало "удостоверенным"!

Тогда и приняли решение прибить доску на "доме Тимашевых". Но потом перешершили:

"Признать прибитие одной доски с именем Александра II и Пушкина неудобным".

И поэтому постановили прибить две отдельные доски. Из-за неимения средств доска с пушкинским именем появилась только в 1913 году, и сняли ее сравнительно недавно по настоянию оренбургских исследователей.

История этого дома, на котором, чтобы покончить с заблуждением, пора было вешать доску: "В этом доме Пушкин не останавливался", довольно широко известна, поэтому я опушу ненужные подробности. В канун пушкинского юбилейного 1999 года дом этот сгорел, не выдержав спекуляций на тему пребывания в нем поэта.

И перейду ко второй, тоже невезучей пушкинской мемориальной доске, установленной в 1937 году и еще существующей, хотя пора снимать и ее. Висит она на здании, которое в Оренбурге называют "архиерейским до-

мом", потому что с середины девятнадцатого века он принадлежал архиерею - это проезд Коммунаров, 19. А гласит она о том, что на этом месте стояла та самая летняя дача Перовского, где останавливался Пушкин.

Что это не так, доказал недавно оренбургский историк Виктор Васильевич Дорофеев. За этим доказательством - его многолетние поиски в архивах. Пригодилось ему и то, что первая его профессия - геодезист, поэтому так умелы и убедительны его составления планов города разных времен.

Желающим узнать подробнее я советую прочитать его книгу "Пушкинские места Оренбурга", вышедшую в 1997 году. А пока коротко расскажу, что ему удалось установить, анализируя планы города и документы. Оказалось, что летняя дача Перовского стояла не на месте "архиерейского дома", а юго-восточнее, на территории нынешнего военного госпиталя.

В.В. Дорофеев доказал, что это было не большое, крепкое здание, а всего лишь что-то вроде неотапливаемой дачи-павильона, где военный губернатор, недавно назначенный в Оренбург, жил, пока было тепло и пока готрвилась его городская резиденция.

Надо сказать, что оренбургский исследователь В.И. Верстуков, не соглашаясь с этим, ссылается на известный рисунок В.А. Жуковского, который, как уже упоминалось, побывал в Оренбурге в 1837 году. На рисунке, сделанном, видимо, не с балкона (уж очень низка балюстрада), а с крыши, обсаженная деревьями дорога ведет на юг, в город. По этой дороге Пушкин проехал, наверно, трижды: 18 сентября ночевать, 19 - уезжая в Берды, и утром 20 - попрощаться с Перовским. А на переднем плане фасадное здание госпитального комплекса, законченное годом раньше.

Не буду включаться в спор, рисовал ли Жуковский с места, где потом был построен "архиерейский дом", или же несколько ближе с дачи-павильона, там, где она должна была быть по планам, обнаруженным В.В. Дорофеевым.

Важнее другое: на месте пришедшего в негодность еще в 1825 году капитального загородного дома оренбургских губернаторов в пушкинское время была именно легкая дача-павильон.

Недаром же Е. Воронина называет ее "домиком". И еще, в письме подруге она сообщает, что на городскую квартиру губернатора начинают перевозить с этой дачи всю обстановку: "К нам присылают диваны, комоды, зеркала с дачи Перовского..." Будь это капитальная, с отоплением дача, где можно бы бывать не только летом, зачем тогда с осени вывозить оттуда все вещи? Есть и еще свидетельство, что Перовскому иногда приходила фантазия устраивать зимою на этой летней даче танцевальные вечера. Тогда за несколько дней до бала из-за отсутствия печей в помещении жгли спиртовки, а в самый день танцев с утра наливали в чаши одеколон, поджигали его, и синее пламя украшало и утепляло вечер.

Вот и разрешение загадки: как же самолюбивый и гостеприимный Перовский отпустил на второй день дорогого гостя к Далю? Тесно и холод-

но, "не совсем ловко", по словам Даля, оказалось после первой ночевки в даче-павильоне, вот поэтому губернатор и согласился для блага Пушкина на переезд в городской, более просторный и теплый дом.

Теперь все сошлось. Свое логическое продолжение эта разгадка получит в главе "Операция "Ф", или Загадки того сентября".

В "Воспоминаниях о Пушкине" Даль пишет, что поэт по приезде в Оренбург остановился у Перовского. И дальше: "...а на другой день перевез я его оттуда к себе".

Добросовестнейший Сергей Александрович Попов, о котором я уже рассказывал, сделал в приведенном тексте открытие, позволяющее уточнить многие обстоятельства пребывания Пушкина в Оренбурге. Ведь этих важных слов "к себе" почему-то нет в печатных изданиях воспоминаний Даля. А Попов в рукописях отыскал это "к себе".

Правда, Н.Е. Прянишников в книге "Писатели-классики в Оренбургском крае" (на эту его книгу я буду ссылаться и дальше) считал, что "перевез его к себе" означает лишь то, что Пушкин просто посетил Даля. За Прянишниковым эту версию повторяли многие: поэт побеседовал с Далем и вновь ночевал у губернатора. Хотя "перевез", кроме прямого толкования, как-то не предполагает никакого другого. Иначе было бы совсем нелепо: "перевез" - а потом снова "увез".

Но существует ведь еще запись рассказа Даля серьезным исследователем П.И. Бартеневым, где есть уже приведенное "не совсем ловко":

"С Перовским Пушкин был на "ты" и приехал прямо к нему; но в доме генерал-губернатора поэту было не совсем ловко, и он перешел к Далю".

"Перевез". "Перешел". Можно ли выразиться более определенно?

Кстати сказать, слова "не совсем ловко" можно интерпретировать, кроме свидетельства о холоде и тесноте на даче Перовского, еще и пикантным обстоятельством, о котором, по слухам, конечно, ничем документально не подтвержденным, писал через много лет тот же краевед М.Л. Юдин: вроде бы, в это время на даче жила некая молодая особа - любовница Перовского.

А где же был этот дом Даля?

Десятилетиями исследователи сокрушались: никаких свидетельств не сохранилось. И лишь в последние годы доктор филологических наук А.Г. Прокофьева разыскала записки дочери Даля, в которых есть фраза: "отец жил в доме Звенигородского". Тут уж Дорофеев принялся за энергичные поиски, документальные и картографические.

И с большой степенью вероятности доказал, что дом этот стоял на месте нынешнего здания по Ленинской, 44, это позади драмтеатра. Тут в дни празднования 200-летия со дня рождения поэта повесили, надо полагать, единственную в Оренбурге достоверную мемориальную доску: "Здесь был Пушкин".

Дорофеев установил и то, что сзади этого дома был большой сад.

Тут сходится и рассказ Е. Ворониной, слышанный от жены Даля, о том, как "две ее знакомые барышни узнали от нее, что Пушкин будет вечером у ее мужа и что они будут вдвоем сидеть в кабинете Даля. Окно этого кабинета было высоко, но у этого окна росло дерево; эти барышни забрались в сад, влезли на это дерево и из ветвей его смотрели на Пушкина, следили за всеми его движениями, как он от души хохотал; но разговора не было слышно, так как рамы были уже двойные".

Кто знает, может, тот могучий дуб позади драмтеатра, знакомый каждому оренбуржцу, - остаток того сада?

Мы уже пробовали предположить, о чем был разговор Пушкина и Перовского. А о чем Александр Сергеевич мог говорить в тот вечер с Далем? Конечно, о результатах поездки в Берды и прогулки по городу. Видимо, и об увлечении Даля на всю жизнь - собирании слов и речений. Чему Пушкин мог тут посмеяться? Не рассказу ли Даля, который тот потом записал и опубликовал: в турецком походе 1829 года Владимир Иванович нагрузил на верблюда чемоданы с первыми тысячами разрозненных записей того, что он слышал "от солдат всех местностей широкой Руси", а потом верблюд этот пропал. Даль "осиротел с утратою своих записок". И вдруг через неделю верблюд проявил сознательность, вернулся и тем, не зная того, встал у истоков "Толкового словаря живого великорусского языка". Вдруг бы Даль настолько огорчился потерей, что бросил бы затею собирать свои заметки?

ДАВАЙТЕ ПУСТИМ ЧАСЫ

Еще раз скажу: странно, как мало достоверных свидетельств о пребывании Пушкина в Оренбурге!

Совершенно непонятно, например, как же ничего, ни слова не записала, в конце концов, даже не рассказала ничего хотя бы правнуку Александру Блоку о приезде Пушкина Александра Николаевича Семенова-Карелина, о которой уже шла речь во второй главе. Ведь она была в это время в Оренбурге. Видела ли она поэта хоть мельком? Слышала ли, хотя бы от других, что он делал и говорил? Ни слова, ни строчки.

Надежные документальные свидетельства - это, безусловно, записки Владимира Ивановича Даля и Евгении Захаровны Ворониной. О многих остальных воспоминателях есть хорошая английская поговорка "Врет, как очевидец".

Ну, ладно, не повезло нам с достоверными мемуарами, но есть же второй возможный источник - архивные документы. Но они уже практически все исследованы, и серьезные находки мало вероятны. Последние подлинные открытия в архивах сделаны московским историком Реджи-нальдом Васильевичем Овчинниковым и нашим Сергеем Александровичем Поповым.

Но есть еще и третий путь - логических сопоставлений и расчетов. И тут, оказывается, поле почти не паханное.

Единственное требование ко всем пишущим: свои предположения нужно доказывать.

О пушкинском путешествии из Петербурга в Оренбург и дальше в Болдино есть уже несколько раз мною упомянутая, хорошо, с любовью и большими знаниями написанная книга И.Ф. Смольникова "Путешествие Пушкина в Оренбургский край", оказавшая явное влияние на несколько более поздних сочинений о поездке Пушкина.

Но и в ней, наряду с прямыми ошибками, вроде утверждения, что во время этой поездки великий поэт был чиновником X класса (а не IX, как было на самом деле), или сообщения о мемориальной доске в Оренбурге, на Ленинской, 19, в память посещения Пушкиным Неплюевского училища (такой доски не существует), или упоминания, что во время посещения Александром Сергеевичем Берд и его расспросов о Пугачеве, "А.Т. Бли-

нова ничего Пушкину не рассказывала, но угостила его молоком" (а что она могла рассказать о годе 1773, если родилась, как уже было сказано, в 1822? - В.С.), есть и такие утверждения: "Пушкин приехал в Оренбург утром", в тот же день "оттуда, с дачи, Пушкина повез в город Даль", "Пушкин съездил на Меновой двор в тот же день".

Откуда все это известно? Ни у самого Пушкина, ни у Даля, ни у Ворониной - у первоисточников - об этом ни слова. И собственных доказательств у Смольникова, как и у некоторых других авторов, некритически переписывающих у Смольникова его ошибки, нет. Но это так, к слову.

Кроме названных трех путей, есть и четвертый, тоже сулящий много интереснейших неожиданностей - увлекательные и очень полезные наблюдения над пушкинским текстом, казалось бы, знакомым с детства до последней запятой.

Все эти источники позволяют верить друг друга. Пример исследователям своего творчества подает сам Пушкин, который всегда шел по пути критического сопоставления источников, "поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев, и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою".

Нам предстоит рассчитать, со значительной долей вероятности, конечно, как прошли оренбургские дни Пушкина.

Главный свидетель - Владимир Иванович Даль. Один из оренбургских краеведов Н.Н. Модестов очень разумно утверждал почти столетие назад в "Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии", выпуск XXVII, Оренбург, 1913":

"Оренбургские труды Даля служат первоисточником для всех изучающих оренбургский край".

Правда, он тут же многое фантазировал вопреки "первоисточнику". В частности, о том, что Даль сопровождал Пушкина в Уральск, что Александр Сергеевич успел еще съездить из Оренбурга "в увеселительную поездку на охоту" во владение Тимашева в Ташлу нынешнего Тюльганского района. Об этом и многих других заблуждениях мы подробно поговорим в одной из следующих глав.

Но надо отдать Н.Н. Модестову и справедливость: он критиковал идею установить недостоверную мемориальную пушкинскую доску на доме Тимашевых-Ладыгина. Хотя утверждал, что городская квартира Перовского была сначала вовсе не в "доме Тимашевых", а в доме капитана Балкашина. Николай Васильевич Балкашин был одно время адъютантом Перовского, а потом стал Оренбургским гражданским губернатором с резиденцией в Уфе.

Тут Модестов явно опирался на рассказ уже упомянутой девицы Евгении Ворониной, которая 20 сентября 1833 года приехала в Оренбург с семьей самарского помещика П.И. Шелашникова. Эта семья, по Ворониной, поместилась было в "доме Тимашевых", но он оказался тесен. А Перов-

ский с дачи переехал в дом капитана Балкашина, который ему, наоборот, был слишком просторен. (Хотя известно, что губернатор осмотрел дом Балкашина и остался им не очень доволен раньше, в августе.) И Шелашниковы с Перовским поменялись квартирами.

Так что время, когда военный губернатор поселился наконец в "доме Тимашевых", переносится еще на несколько дней. Кстати, Перовский казенной квартирой тогда не пользовался, а снимал этот дом, получая от казны 1500 рублей в год.

Но эта история с тройным обменом выходит за рамки пушкинской темы, и на этом мы ее закончим. Замечу лишь еще, что Перовский Балкашина очень высоко ценил, из Хивинского похода 1839 года писал ему подробные письма, часть из них была напечатана потом в журнале "Московский архив".

Итак, что удостоверяет Даль? Сначала внимательно вчитаемся, а потом от главы к главе попробуем восстановить порядок и хронологию всех эпизодов.

"Пушкин прибыл неожиданный и нечаянный и остановился в загородном доме у военного губернатора В.Ал.Перовского, а на другой день перевез я его оттуда к себе, ездил с ним в историческую Бердинскую станицу, толковал, сколько слышал и знал местность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачевым; указывал на Георгиевскую колокольню в предместьи (Форштадте. - В.С.), куда Пугачев поднял было пушку, чтобы обстреливать город, - на остатки земляных работ между Орских и Сакмарских ворот, приписываемых преданием Пугачеву, на зауральскую рощу...

В Оренбурге Пушкину захотелось сходить в баню. Я свел его в прекрасную баню к инженер-капитану Артюхову..."

У Даля, как видите, нет хронологии, что было за чем. И жаль, потому что такой разницей у пишущих о пребывании Пушкина в Оренбурге! Каждый предполагает по своему вкусу и разумению, часто не утруждая себя рассуждениями и доказательствами.

Попробуем предположительно рассчитать, как прошли три пушкинских дня в Оренбурге.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

18 сентября (30 по новому стилю)

Пушкин подъезжал к Оренбургу. Солнце, клонившееся к закату, хорошо освещало город.

Что увидел поэт? Представить это нам поможет девица Евгения Воронина, прибывшая в Оренбург всего через два дня после приезда Александра Сергеевича.

"Переправившись (через Сакмару, которую она по неведению спутала с Уралом. - В.С.) и поднявшись на гору (Маяк. - В.С.), мы увидели с правой стороны Оренбург, с левой вдали виднелись шпили мечетей и крыши домов Татарской слободы, вблизи Тептярские кузницы, какие-то сараи, кой-где разбросанные домики. Под самым городом дача военного губернатора Перовского".

Вкратце мы уже рассмотрели некоторые обстоятельства первого оренбургского дня Пушкина. Точнее - вечера. Сейчас мы поговорим и посчитаем подробнее.

Подъехав к северным, Сакмарским воротам, Александр Сергеевич на заставе, как полагалось, показал свою дорожную. Там его зарегистрировали в книге приехавших в город. Книга эта до наших времен не дошла.

А дальше, можно утверждать, Пушкин заехал прямо с дороги к губернатору Перовскому. Это сообразуется с рассказом Даля, записанным П.И. Бартеневым: "С Перовским Пушкин был на "ты" и приехал прямо к нему". Хотя тот же М.Л. Юдин, который в числе других "удостоверил", что Пушкин останавливался в "доме Тимашевых", утверждал, что поэт "заехал не прямо к Перовскому, находя, может быть, неудобным беспокоить главного начальника края, а предпочел первоначально заехать к старому своему знакомому, с которым был на "ты", директору корпуса инженер-полковнику Артюхову. А затем уже оттуда, оправившись с дороги, Александр Сергеевич явился к военному губернатору с просьбой об оказании содействия в собирании материалов о пугачевском бунте".

Удивительная логика! Сразу заехать к губернатору неловко, а вот уж после Артюхова и его бани ехать на ночь к Перовскому - это в самый раз. А откуда Пушкин мог знать, что Артюхов сейчас в Оренбурге? И мало ли что Пушкин с Артюховым (неправильно, кстати, именуемым полковником и директором корпуса, а не училища) был на "ты". Он и с Перовским, как мы уже говорили, был коротко знаком и на "ты". К тому же многие исследователи отвергают версию о давнем, с петербургских лет знакомстве

Артюхова с Пушкиным. Самое большее, Артюхов, когда учился в Петербурге в училище в 1816 - 1820 годах, просто мог видеть Александра Сергеевича.

Кроме прямого свидетельства Даля, еще два обстоятельства, на мой взгляд, позволяют утверждать, что Пушкин приехал сразу к Перовскому.

Первое: во всех губернских городах по дороге Пушкин сначала являлся к губернаторам. Представиться, обсудить, что осмотреть, где и с кем встретиться. Заручившись их поддержкой, можно было рассчитывать на благожелательность и помощь всех их подчиненных. Тем более что материалы предстояло собирать полузапретные - о пугачевщине.

Мы как-то упускаем сейчас это обстоятельство из виду, но даже в 1855 году автор первой довольно полной биографии Пушкина Павел Васильевич Анненков посвятил оренбургской поездке поэта всего полторы странички из 350! Об "Истории Пугачева", названной, естественно, "Историей Пугачевского бунта", - всего несколько строк, очень осторожных. А о "Капитанской дочке", помещенной в № 4 "Современника", сказано лишь строкой: "Существенной частью этой книжки был роман "Капитанская дочка", напечатанный в ней целиком".

Так силен был еще страх и жестока цензура. А каково было Пушкину собирать материалы в 1833 году!

Да и рассказывать ему о Пугачеве и пугачевщине - тоже опасались. При всей внешней забавности весьма показательна сцена, описываемая девицей Евгенией Ворониной. Вскоре после отъезда Пушкина она вместе с самарским знакомым П.И. Шелашниковым приехала в Берды к Бунтовой. И он попросил старуху: расскажи, что и Пушкину рассказывала о Пугачеве, ты ведь многое помнишь. "Да, батюшка, - отвечала она, проворно слезая с печи и низко кланяясь, - нечего греха таить, моя вина". Как там у Пушкина в "Истории Пугачева"? "Правительство запретило народу толковать о Пугачеве, коего имя волновало чернь... Доныне престарелые свидетели тогдашнего смятения неохотно отвечают на вопросы любопытных".

И второе обстоятельство. Еще раз вспомним Даля: "Пушкин прибыл неожиданный и нечаянный". Никто о его приезде в Оренбург не был предупрежден. А кто был тем единственным человеком, о ком Пушкин, еще отправляясь в путешествие, точно знал, что тот в Оренбурге? Только Перовский. Естественно, к нему Александр Сергеевич и должен был сразу заехать.

Но - куда? Н.Е. Прянишников полагает, что на летнюю дачу. То есть, написав просто: "Пушкин прибыл 18-го", он, наверно, все же прикинул, что было это вечером. А в это время губернатор мог уже вернуться из города ночевать. Вероятно, наш исследователь думал, что дача эта была Пушкину по дороге в город.

Но в уже рекомендованной мною книге В.В. Дорофеева "Пушкинские места Оренбурга" автор показывает, что это были разные дороги. В этом

может убедиться и любой, кто возьмет в архиве известный план Оренбурга 1828 года: от Сакмарских ворот уходят два тракта, Казанский и Симбирский. Третья же дорога, на северо-запад, обсаженная, по карте, деревьями, ведет к загородному дому губернатора. Чтобы прибыть на дачу, Пушкин должен был бы сначала доехать Симбирским трактом до Сакмарских городских ворот, выяснить, где эта дача, и повернуть к ней по дороге-аллее. Эта лишняя езда отняла бы, конечно, какое-то время.

Хотя, вероятным на первый взгляд кажется все же и этот вариант: Перовский уже у себя на даче. Пушкин узнает дорогу и едет туда. Военный губернатор посылает в Оренбург за Далем, который потом везет гостя в город.

Но обратим внимание на фразу из воспоминаний Даля о Пушкине: "Я свел его в прекрасную баню к инженер-капитану Артюхову..." Если б в баню двинулись в город с летней дачи Перовского, то было бы: "Я повез". А у Даля - "Я свел". То есть Перовский был еще в городе.

Вспомним высчитанный нами разумный временной предел, в который поэт мог приехать в тот день 18 сентября: 17 - 18 часов. Перовский в это время мог быть еще на службе. Или в управлении военного губернатора, или в штабе корпуса, которым, помимо губернаторства, он командовал. И то и другое - это угол нынешних улиц Советской и Горького.

Для подкрепления этой версии снова вернемся к вескому "банному" соображению. Осторожный Н.Е. Прянишников в своей книге не указывает прямо, в какой именно день была баня у Артюхова. Но пишет, что Пушкин встретился с Далем лишь на следующий день, 19-го. Однако именно Даль сообщил, что привел Пушкина в артюховскую баню. Выходит, что баня была накануне отъезда Александра Сергеевича, 19-го?

Нет, здравый смысл подсказывает иное. После долгой пыльной холодной дороги отправиться не мыться и греться, а ночевать к губернатору, потом весь следующий день заниматься делами и лишь когда снова отправляться в дальнюю дорогу, пойти в баню - это очень маловероятно.

За год до этого Пушкин с юмором писал жене: "Русский человек в дороге не переодевается, и, доехав до места свинья свиньей, идет в баню, которая наша вторая мать". И по дороге в Оренбург в письме к жене из Нижнего Новгорода он первым делом сообщает, что тут же отправился в баню.

И еще: если б Пушкин прибыл не сразу к Перовскому в город, то где бы иначе он мог встретить Даля, поведшего его в артюховскую баню? Не ходить же по городу в сумерках и спрашивать: а не в Оренбурге ли находится сейчас Даль, с которым я знакомился в прошлом году в столице? И где он живет?

Кажется, ясно, что чиновник особых поручений при губернаторе Даль или был еще на службе, или Перовский послал за ним домой, это всего в двух кварталах.

Надо полагать, и Перовский, и Даль весьма обрадовались "нежданному и нечаянному" гостю. И, как мы уже предположили, с час ушло на радостные приветствия, расспросы о делах, о здоровье, о цели приезда, о литературных планах. Верно, сразу же стали планировать следующий день, и Пушкин, конечно, настаивал на самом плотном графике. Тут же, как упоминалось, был послан в Берды гонец. Иногда пишут, что 16-летний москвич Николай Кайдалов, гостивший в станице, вместе с начальником Бердинской станицы Иваном Васильевичем Гребенщиковым в тот вечер поехали в Оренбург, чтобы своими глазами посмотреть на великого поэта.

Но откуда им так быстро стало известно о Пушкине? Скорее всего, именно Перовский послал за Гребенщиковым, а Кайдалов к нему присоединился из любопытства. Он потом вспоминал:

"Мы с Ив. Вас. Гребеньщиковым (сотник Оренбургского казачьего войска, начальник станицы Бердо) отправились с вечера, чтобы к утру собрать стариков и старух, помнивших Пугачева".

Это, кстати, еще одно подтверждение тому, что Пушкин прибыл к вечеру и что губернатор был еще в городе. Прибудь поэт с утра или в середине дня - посланцы в Берды уехали бы тут же, а не вечером.

Итак, если приезд в 17 - 18 часов, час на беседы, планы, отправку гонцов, то в 18 - 19 часов Даль повел гостя в артюховскую баню.

Многие исследователи полагают: если Артюхов был начальником Неплюевского военного училища (на этом месте сейчас дом 19 по Ленинградской улице) и при училище была баня, значит, именно ее так красочно описал Даль:

"В Оренбурге Пушкину захотелось сходить в баню. Я свел его в прекрасную баню к инженер-капитану Артюхову, добрейшему, умному, веселому и чрезвычайно забавному собеседнику. В предбаннике расписаны были картины охоты, любимой забавы хозяина. Пушкин тешился этими картинами, когда веселый хозяин, круглолицый, голубоглазый, в золотых кудрях, упрашивая Пушкина ради первого знакомства (а ведь, по М.Л. Юдину, они так знакомы, что были на "ты". - В.С.) откушать пива или меду. Пушкин старался быть крайне любезным со своим хозяином и, глядя на расписной предбанник, завел речь об охоте. "Вы охотитесь, стреляете?" - "Как же-с, понемножку занимаемся и этим; не одному долгоносому довелось успокоиться в нашей сумке." - "Что же вы стреляете - уток?" - "Уток-с?" - спросил тот, вытянувшись и бросив какой-то сострадательный взгляд. "Что же? Разве вы уток не стреляете?" - "Помилуйте-с, кто будет стрелять эту падаль! Это какая-то гадкая старуха, валяется в грязи - ударишь ее по загривку, она свалится боком, как топор с полки, бьется, валяется в грязи, кувьркается... тьфу!" - "Так что же вы стреляете?" - "Нет-с, не уток. Вот как выйдешь в чистую рощицу, как запустишь своего Фингала, - а он нюх-нюх направо, нюх налево - и стойку: вытянулся, как на пружине, - одеревенел, сударь, одеревенел, окаменел! Пиль, Фингал! Как свечка заго-

релся, столбом взвился..." - "Кто, кто?" - перебил Пушкин с величайшим вниманием и участием. "Кто-с?" разумеется кто: слука, вальдшнеп. Тут царап его по сарафану... А он (продолжал Артюхов, раскинув руки врознь, как на кресте), - а он только раскинет крылья, головку набок - замрет на воздухе, умирая, как Брут!"

Пушкин расхохотался и, прислав ему через год на память "Историю Пугачевского бунта", записал: "Тому офицеру, который сравнивает вальдшнепа с Валенштейном".

Речь о том, что в конце февраля 1835 года Пушкин прислал бывшему в командировке в столице и уезжавшему назад в Оренбург Перовскому экземпляр только что вышедшей "Истории Пугачева" и еще три экземпляра: Далю, Покатилову - атаману Уральского казачьего войска и Артюхову. Жаль, что из всех четырех экземпляров дошел до нас лишь кусок обложки книги с дарственной надписью Перовскому.

Кстати сказать, и самому Далю пригодились живописные рассказы Артюхова. Сравним с далевской "Охотой на волков": "слука или боровой кулик... взвизгивает перед тобой столбиком", "он стрелял слуку по сарафану" - это о не названном "всеми любимом записном охотнике", в котором явно угадывается Артюхов.

Но уж больно не похожа эта баня на казенную. Видимо, Даль привел Пушкина в домашнюю баню Артюхова. В рассказе "Охота на волков" Даль снова вспомнил о том, как водил дорогого гостя в баню к начальнику военного училища:

"Пушкин, познакомясь с ним в Оренбурге и попарившись у него в бане с расписанным охотою предбанником..."

Вряд ли в казенной бане были картины. Как установил все тот же Виктор Васильевич Дорофеев, жил Артюхов где-то на Водяной, ныне улице Горького. Дом хоть и деревянный, но, видимо, добротный, просторный, раз оценен в 1700 рублей серебром.

Обычно "подверстывают" к бане и посещение Пушкиным военного, а также приходского училища, о чем в "Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии", выпуск XVIII, Оренбург, 1907" вспоминал через много лет генерал И.В. Чернов.

Однако трудно себе представить, что Пушкин отправился осматривать училища до или после бани. Верно, это произошло на следующий день, 19 сентября, когда он с Далем гулял по городу.

Как мы уже считали, на хорошую, неспешную баню, с беседой, с угощением - знатоки знают - надо не меньше двух, а то и трех часов. Да еще надо обсохнуть, остыть: на улице холод. Так что часов в 21 - 22 Пушкин, распрощавшись с хозяином бани и Далем, поехал в сумерках за город, на летнюю дачу Перовского, побеседовать еще и заночевать.

Три человека были Пушкину особенно и интересны, и полезны в Оренбуржье, назову их по хронологии событий: Перовский, Бунтова, Даль.

Василий Алексеевич Перовский, вопреки устоявшимся представлениям, был всего лишь на четыре года старше Пушкина, но уже успел участвовать в войне 1812 года. На Бородинском поле его ранило, оторвало фалангу пальца левой руки. (По странному стечению обстоятельств, в Оренбуржье на охоте он случайно отстрелил себе следующую фалангу этого несчастного пальца.) А через несколько дней после Бородина, в Москве он попал в плен. И был освобожден в самом конце войны, во Франции.

Молодой Перовский немного был связан с будущими декабристами, но отошел от них. Стал флигель-адъютантом наследника престола. И 14 декабря 1825 года на Сенатской площади был рядом с наследником и снова ранен. Правда, не столь героически: контужен поленом.

Вообще ему на ранения очень не везло, он получил рану и в 1828 году в русско-турецкую войну. Боли он испытывал сильнейшие, именно поэтому, поехав на оренбургское губернаторство, позаботился, чтобы приехал и Даль. Не только как толковый и честный чиновник особых поручений, но и как искусный лекарь, "вторая хирургическая перчатка" после знаменитого Н.И. Пирогова.

Василий Алексеевич был внебрачным сыном графа Алексея Кирилловича Разумовского. А фамилия Перовский, хоть и на аристократическое "ский", сконструирована из названия нынешнего района Москвы, а в то время села Перово, которым владел граф. Думается, комплекс неполноценности отравил всю жизнь Перовского и был причиной резких перепадов характера и карьеры.

Почему он получил назначение в Оренбург? Казалось бы, ему было предуготовано блестящее будущее при дворе. Его шеф Николай I, превратившись из наследника престола в императора, мог Перовского и министром сделать. Но вышло наоборот: верный, в течение десятилетия, адъютант наследника вскоре от царя был оттерт, а через 8 лет отправлен в своего рода ссылку в Оренбург. Из-за строптивости и из-за происков Нессельроде, Бенкендорфа, Клейнмихеля.

"В 1833 году, - писал историк И.Н. Захарьин, - немецкой партии удалось-таки, наконец, "сплавить" нежелательного для ее интересов человека, и В.А. Перовский получает назначение на далекую окраину России - в Оренбург, служивший в то время местом ссылки для преступников - уголовных и политических - и отличавшийся крайне суровым климатом по зимах и убийственными лихорадками летом".

Судьбы Пушкина и Перовского иной раз причудливо переплетались. "Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина" уже к июню 1817 - маю 1820 годов относит знакомство и общение поэта с В.А. Перовским. Любопытно, что Александр Сергеевич, может быть, встретился бы с Василием Алексеевичем как противник 14 декабря 1825 года, если бы не... заяц.

Пушкин, - увы! - бывал суеверен, и об этом речь пойдет в главе "Бывают странные сближения..." Он и в Оренбург приехал бы дня на два

раньше, но когда выехал из предыдущего города Симбирска, заяц перебежал ему дорогу. И Александр Сергеевич велел поворачивать назад, потому что верил примете: "Встретишь попа или зайца - быть беде".

И потом, после Оренбурга и Уральска, он писал жене из Болдина:

"Въехав в границы Болдинские, встретил я попов и так же озлился на них, как на симбирского зайца. Недаром эта встреча". (Тут примета явно не сбылась, во "вторую болдинскую осень" Пушкин написал много: "Историю Пугачева", "Медного всадника", "Анджело", сказки.)

А по одной из версий заяц, наоборот, спас ему жизнь. Накануне декабрьского восстания ссыльный Пушкин, нарушив императорский запрет, выехал из Михайловского в Петербург, но из-за встреченного зайца вернулся. О том, что он был бы 14 декабря с друзьями-декабристами, он сам смело заявил царю.

Так Пушкин и Перовский не встретились как враги на Сенатской площади.

По-видимому, в первый оренбургский вечер 18 сентября на даче состоялся самый продолжительный и откровенный разговор Пушкина с Перовским. Потом, как мы увидим дальше, времени на это уже не было.

О чем они беседовали? Несомненно, о пугачевщине, об оренбургском крае. Правда, губернатор приехал сюда лишь тремя месяцами раньше и много ценного сообщить не мог.

Интересно, знало ли правительство, что Пушкин едет собирать именно пугачевские материалы? Ведь в своих официальных прошениях о поездке он об этом ни словом не обмолвился. Просто - хочу побывать в нескольких губерниях, чтобы собрать материалы для книги.

По пушкинской дневниковой записи от 17 января 1834 года, то есть через три с половиной месяца после посещения поэтом Оренбурга, царь на балу, говоря об "Истории Пугачева", заметил ему: "Жаль, что я не знал, что ты о нем (Пугачеве. - В.С.) пишешь; я бы тебя познакомил с его сестрицей, которая тому три недели умерла в крепости Кексгольмской (с 1774-го году!)" Тут, кстати, царь перепутал все, что мог: умерла не "сестрица", а старшая дочь Пугачева, и произошло это не "тому три недели", а около восьми месяцев.

Так что царь, может, и на самом деле не знал, что Пушкин ездил за пугачевскими материалами. Но жандармы, наверно, прекрасно знали. Александр Сергеевич не скрывал своих пугачевских планов от друзей. Да и слухами земля полнилась. Д.В. Давыдов, к примеру, написал М.Н. Языкову:

"Кстати о Пушкине; знаете ли, что я слышал от людей, получивших письма из Казани? В Казани были Пушкин и Баратынский, отыскивающие сведения о Пугачеве. Из этого я заключаю, что они в союзе для сочинения какого-нибудь романа, в котором будет действовать Пугачев. И так вот решение загадки появления Пушкина в нашей (Симбирской. - В.С.) и в Оренбургской губерниях".

Тут прославленный воин предстает несколько в образе одного из героев "Ревизора": с поэтом Е.А. Баратынским Пушкин действительно встретился в Казани, но чтоб писать роман двумя перьями...

А в Оренбурге разговаривали Пушкин с Перовским, наверно, и о столице, где, как уже было сказано, они когда-то познакомились и даже перешли на "ты" (Далю Пушкин сказал "ты" уже на смертном одре), об общих знакомых.

Была в их судьбах одна женщина, которую, может, они вспомнили в тот вечер. Они оба были в нее немного и сравнительно недавно влюблены. Это южная красавица, язвительная умница Александра Осиповна Россет.

"Все мы более или менее были военнопленными красавицы". Это влюбчивый П.А. Вяземский написал и о себе, и в равной мере о Жуковском, о Лермонтове, посвятившем ей стихи. И о Пушкине, который познакомился с Россет в конце 1828 или начале 1829 года, до своей свадьбы. "Пушкин увлекался прелестью и умом ее", - свидетельствовал Вяземский. Да и сам Александр Сергеевич писал: "Она чрезвычайно мила, умна".

В марте 1832 года, за полтора года до поездки на Волгу и Урал, когда он был уже женат, да и она стала Смирновой, он подарил ей на день рождения альбом с большими листами. На первом написал: "Исторические записки А.О.С." И дальше от ее имени - пожалуй, единственное свое "женское" стихотворение.

*В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный
И как дитя была добра.
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала сразу набело.*

А Перовский... Это было, видимо, в 1831 году в Царском Селе. В то время за Александрой Осиповной ухаживал Н.М. Смирнов. (Их брак оказался не очень счастливым.) И вот что через много лет рассказала Россет-Смирнова одному из собеседников:

"Перовский проезжал в дрожжах и, скотина, даже не посмотрел на мои окошки. Пушкин сказал: "То так, то пятак, то гривенка, а что если б он теперь предложил свою руку с золотым наперстком?" (У Перовского, как говорилось, была отстрелена фаланга одного из пальцев левой руки, и чтобы скрыть это, он носил на этом пальце золотой наперсток. - В.С.) "Сейчас положила бы свою и на коленях бы его благодарила".

- И вы действительно послали бы Смирнову отказ?
- Конечно. Перовский был очень красив, храбр, добр, как ангел, у него тоже было 2000 крестьян, он был щедрым покровителем моих братьев".

Россет права, он был мужчина видный, статный, с великолепной шевелюрой и лихо подкрученными усами. Недаром внучатый племянник фаворита Екатерины II.

Василием Алексеевичем Перовским Александра Осиповна была весьма увлечена и в своих "Автобиографических записках" много рассказала о нем и о его дальнейшей судьбе. Так что на самом деле был у Пушкина с Перовским повод поговорить о красавице. И заговорились губернатор и гость, можно полагать, заполночь.

Может быть, шла у Пушкина с Перовским речь и о том, что так занимало губернатора - о движении России на юго-восток, в тогда еще "дику степь" и среднеазиатские ханства. Свидетельства Н.П. Иванова, который был мальчишкой-кадетом Неплюевского военного училища и помогал в той самой артюховской бане, когда там после дороги мылся Пушкин, требуют, как мы уже видели, осторожности, он нафантазировал много. Поэтому как материал только для предположения - его воспоминание, будто бы Александр Сергеевич "сообщил, что в Петербурге все уверены в снаряжении ученой экспедиции на Аральское море". Из соображений секретности так тогда именовался первый план будущего военного похода Перовского на Хиву, до осуществления которого было еще шесть лет.

Тот же Иванов оставил и свидетельство, что Пушкин рекомендовал, убедившись по пути в Оренбург, как тут мало лесов, "обязать киргизов (так тогда называли все степные народы, в том числе и казахов. - В.С.), чтобы каждый, женившись, сажал в степи по одному дереву. Многоженство они любят, и через это степи обросли бы лесом". Это воспоминание кажется довольно достоверным, тут и присущий Пушкину юмор, и целая серьезная программа лесоразведения, которую активно проводил в жизнь Перовский.

Иванов слышал Пушкина только в бане, где были еще Артюхов и Даль, но там не место для серьезных проблем. Если б они обсуждались, то скорее в беседе Пушкина с губернатором, который думал разрабатывать цели и маршрут похода и единственный имел власть "обязать". Откуда эта беседа могла стать известна Иванову? Может, и о будущем походе, и о лесах он мог узнать потом, прислушиваясь к разговорам о пребывании поэта в Оренбурге, о том, что мог сообщить приближенным сам Перовский?

А возвращаясь к золотому наперстку Перовского, нельзя не восхищаться изобретательностью живописцев, портретировавших оренбургского губернатора, потому что он стеснялся своего физического недостатка. На хранящемся в Оренбургском краеведческом музее поясным портрете неизвестный художник изобразил и выразительные глаза, и по моде зачесанные вперед виски, и подкрученные усы...

Но пальцы левой руки нижним обрезом полотна оставлены только на уровне средних фаланг. На известном портрете в рост работы Александра Брюллова губернатор опирается на стол левой рукой так, что виден лишь большой палец, а остальные поджаты. А на портрете тоже в рост кисти Карла Брюллова Перовский в перчатках, и все равно пальцы левой руки поджаты.

Василий Алексеевич был человеком сложным, и добрым, и жестоким. Он, к примеру, приказал запороть в тюрьме поляка, отказавшегося выйти босиком во двор, на снег, на перекличку.

С одной стороны, выступая в трудный поход на Хиву в 1839 году, Перовский в своем приказе войскам Оренбургского корпуса нашел почувствованные слова:

"Товарищи! Нас ожидают стужа и бураны и все неизбежные трудности дальнего степного и зимнего похода". А с другой, в этом походе он приказал казнить солдата, который позволил себе возмущаться, что погибших солдат не хоронили, а просто оставляли в степи, чуть забросав снегом.

Перовский был председателем военно-судной комиссии по делу петрашевцев, в том числе и поэта А.Н. Плещеева, которого приговорил к смертной казни. Но он же сделал немало, чтобы облегчить участь Плещеева, в последнюю минуту помилованного и сосланного в Оренбуржье. Рядового, каким стал ссыльный поэт, генерал-губернатор даже приглашал в свой дом!

Он и ссыльному Т.Г. Шевченко пытался помочь. Известно, как один из генералов-подчиненных Перовского поспешил к нему с докладом, узнав, что Шевченко, вопреки приказу императора, нарушил запрет рисовать. Василий Алексеевич остался верен своей манере: выслушав ретивого доносителя, он грозно на него взглянул и сказал со значением:

- Генерал, я на это ухо глух, потрудитесь повторить мне с другой стороны то, что вы сказали!

Тот сразу все понял и, перейдя к другому уху губернатора, стал докладывать ему что-то, к Шевченко не относящееся.

Генерал И.В. Чернов записал, что "Перовский в сношениях своих с подчиненными настолько далеко держался от них, что никто не мог говорить ему вне службы".

А дочь В.И. Даля Екатерина писала, что отцу "трудно было постоянно относиться к Василию Алексеевичу, как должен относиться подчиненный к своему начальнику, что Василий Алексеевич был, по выражению отца, "капризный ребенок"; то выражал желание брататься с ним, то вдруг вытянется перед ним и примет начальнический вид".

Был он очень самолюбив и, кажется, часто и себялюбив. Опытный графолог мог бы многое сказать даже о его подписи под официальными бумагами. Завитушки, росчерки были в те времена обычны. Но таких, как

у Перовского, сыскать трудно. Кроме трехвитковой завитушки после фамилии, он окружал автограф еще и сложной элегантной виньеткой.

Но в общем это был, конечно, благородный человек. Еще и потому можно уверенно предположить: Перовский или сам предложил Пушкину перебраться на второй день в городской дом Даля, или согласился с Далем насчет переезда, так как губернатор очень любил роскошь и комфорт и, по необходимости, до скорого переезда в свою городскую резиденцию, сам терпя холод и тесноту дачи-павильона, хотел комфорта для гостя.

Свою квартиру он обставлял причудливо: ковры, восточные диваны, статуи рыцарей, разнообразное холодное оружие на стенах, кальяны... Давал балы, сорил деньгами. Вот как описал современник праздник по случаю окончания строительства Благородного собрания на центральной улице города:

"Поистине блестящий бал состоялся в залах Благородного собрания; такого бала оренбуржцы еще никогда не устраивали. Блестящие мундиры, богатые туалеты, музыка, обслуживание и ужин были не хуже, чем в Петербурге, и генерал-адъютант Перовский, за здоровье которого было выпито много шампанского, был очень тронут привязанностью своих подчиненных и почитателей, а также восхищен любезностью множества женщин и девушек, среди которых было много красавиц".

Он был личностью крупной, заметной. Недаром Л.Н. Толстой задумал роман, главным героем которого должен был быть Василий Алексеевич. "Фигура Перовского, - написал он, - одна может наполнить картину из времени 20-х годов".

И мы особенно должны быть благодарными оренбургскому губернатору за то, что он сделал для Пушкина все, что мог. Недаром же на подаренном Перовскому экземпляре "Повестей Белкина" Пушкин написал: "Милому другу".

И последнее переплетение судеб великого поэта и губернатора: страшные преддуэльные месяцы зимы 1836 - 1837 годов Перовский провел в Петербурге. По воспоминаниям княгини В.Ф. Вяземской, "вечером 26 января 1837 года, в отсутствие князя, пришел к ней на минуту Пушкин и сказал ей, что будет драться с Дантесом. У княгини сидели В.А. Перовский (он был в двухмесячной командировке в Петербурге. - В.С.) и граф М.Ю. Виельгорский. Втроем они долго совещались, как быть, и до глубокой ночи ждали возвращения домой князя Петра Андреевича, который засиделся у Карамзина".

Тут неясно, поговорил ли Пушкин только с княгиней или и с ее гостями тоже. Но, кажется, что разговор был только с ней, а гости приехали позднее, иначе была бы упомянута какая-то их реакция. Да и если бы Перовский пробовал горячо отговаривать Пушкина, ничего бы у него не получилось. Взять свой дуэльный вызов назад было бы позором, да и слишком велико было стремление Александра Сергеевича защитить честь,

свою и жены. Пойти Перовскому и другим друзьям Пушкина по пути Ивана Игнатьича, который намеревался донести коменданту Белогорской о готовящейся дуэли Гринева со Швабриным? И довести все, что они узнали, до сведения "всероссийского коменданта" - императора, который единственный мог бы запретить дуэль? Нужны были время и решимость. Ждать и совещаться было мало. Да и что толку сейчас гадать, как могло бы повернуться дело?

Василий Алексеевич Перовский участвовал и в похоронных церемониях, был при отпевании Пушкина.

Предполагаемый хронометраж первого пушкинского дня, 18 сентября:

Утро	Приезд в Переволоцкую
17 - 18 часов	Приезд в Оренбург
18 - 19 часов	Беседа с Перовским и Далем
19 - 21 час	Баня у Артюхова
21 - 22 часа	Приезд на летнюю дачу Перовского

ДЕНЬ ВТОРОЙ

19 сентября (1 октября по новому стилю)

С самой большой степенью вероятности день этот, основной оренбургский день, начался поездкой в Берды.

Вспомним: Кайдалов с Гребенщиковым накануне вечером были посланы губернатором, чтобы именно наутро собрать стариков - свидетелей пугачевщины. Н.Е. Прянишников почему-то помещает эту поездку после большой прогулки с Далем по Оренбургу и - что совсем уже невероятно - кажется, после бани. Будь это так, то Пушкин и Даль вернулись бы в город не к документально зафиксированному обеду у Перовского, а дай бог к ужину.

Пушкин в первую оренбургскую ночь должен был хорошо отдохнуть, отоспаться после трудной дороги. Видимо, на даче Перовского он позавтракал.

А дальше то ли Даль и другие участники поездки в Берды (речь о них пойдет в главе "Операция "Ф", или Загадки того сентября") заехали за ним на дачу. То ли - что вероятнее - Перовский после завтрака привез Пушкина в город, и уже оттуда поэт с провожатыми отправился в Берды. Вероятнее - потому, что все равно с дачи прямо к Бердам не проедешь, а только вернувшись в Оренбург.

И потому, что с утра Пушкин еще успел написать и отослать письмо жене с таким адресом: "Ее превосходительству милостивой государыне Катерине Ивановне Загряжской в С.Петербург в Зимнем дворце. Прошу дост. Н.Н. Пушкиной" (ее инициалы и фамилия дважды подчеркнуты). То самое, единственное оренбургское письмо, помеченное 19 сентября.

Что написано оно с утра, ясно по содержанию, в нем еще ни слова о бердинских впечатлениях. Ведь о поездке в Берды, о встрече с Бунтовой он довольно подробно сообщил жене в следующем письме, уже из Болдина почти через две недели. Так важно и интересно было ему рассказать о поездке и встречах его второго оренбургского дня.

Какие выводы позволяет сделать даже не текст письма, который вы прочтете в приложении, а лишь сам факт, что оно написано утром 19-го? Это еще одно подтверждение того, что накануне, 18-го, он приехал не утром, не в полдень, а именно вечером.

Почему? Александр Сергеевич очень скучал по дому и семье. Любопытно, что такого количества писем жене, какое он написал в оренбургской поездке, он не писал ей даже в романтические годы ухаживания за ней. Поэтому, приехав в Нижний Новгород в первой половине дня 2 сентября, он успел написать и отправить жене сразу два письма. В первом сожалел, что не было времени сообщить ей о выезде из Москвы. Писал, что надеется получить письмо от нее в Симбирске. И в обоих рассказывал о первых нижегородских встречах и впечатлениях.

Ясно, что, прибыв Пушкин в Оренбург 18-го пораньше, он, наверно, письмо написал бы в этот же день, не откладывая. А в суматохе нескольких вечерних часов времени на него не осталось.

Надо подумать и о том, почему он не отложил это письмо до вечера 19-го или утра 20-го. Почтовым днем в Оренбурге была среда, которая выпадала на 20-е. Легкая почта, то есть письма и бандероли, в этот день и только раз в неделю отправлялась на Москву через Симбирск. И, видимо, Пушкин с утра 19-го уже знал, насколько плотным будет его рабочий оренбургский график и что он уедет дальше в Уральск довольно рано утром 20-го.

А если он захотел отправить письмо сам - очень ветхое здание почтовой конторы было рядом с домом Даля позади теперешнего драмтеатра. В этом случае Александру Сергеевичу пришлось немного задержаться, потому что по правилам того, доконвертного и домарочного времени, письмо взвешивали, регистрировали в книге и в специальной ведомости. Жаль, что они не сохранились. Но на письме стоит поставленный в конторе штампель: "Оренбург. 1833 год. Сентябрь. 19". Стоимость пересылки возрастала в зависимости от расстояния и определялась путем довольно громоздких расчетов. Обошлось Пушкину письмо, видимо, не очень дорого, потому что по почтовому тарифу, введенному в России через десять лет, за пересылку письма весом в один лот (12,8 грамма) отправитель платил 10 копеек, независимо от расстояния, а пушкинское письмо было тоненьким.

Тогда же, утром, когда стало ясно, что дача-павильон неудобна, наверно, обговорили переезд Пушкина к Далю.

Можно только представить себе, как жаждал Пушкин попасть в легендарную пугачевскую столицу, поговорить с очевидцами! А от Перовского, Даля да и, может, Гребенщикова с Кайдаловым он уже знал, что встретит там тех, кто 60 лет назад сам видел события крестьянско-казачьей войны и сохранил их в памяти.

Пушкин, должно быть, был в приподнятом настроении. А Даль, конечно, старался не упустить ни одного его слова.

"По пути в Берды, - вспоминал он, - Пушкин рассказывал мне, чем он занят теперь, что еще намерен и надеется сделать. Он усердно убеждал меня написать роман и повторял: "Я на вашем месте сейчас бы написал роман, но нет, не могу: у меня начато их три, - начну прекрасно, а там

недостает терпения, не слажу". Слова эти вполне согласуются с пылким духом поэта и думным творческим долготерпением художника; эти два редкие качества соединились в Пушкине, как две крайности, которые дополняют друг друга и составляют одно целое. Он носился во сне и наяву целые годы с каким-нибудь созданием, и когда оно созревало в нем, являлось перед духом его уже созданным вполне, то изливалось пламенным потоком в слова и речь: металл мгновенно стынет в воздухе, и создание готово. Пушкин потом воспламенился в полном смысле слова, коснувшись Петра Великого, и говорил, что непременно, кроме деписания о нем, создаст и художественное в память его произведение...

- Я еще не мог доселе постичь и обнять вдруг умом этого исполина: он слишком огромен для нас близоруких, и мы стоим еще к нему близко, - надо отодвинуться на два века. - Но постигаю его чувством; чем более его изучаю, тем более изумление и подобострастие лишают меня средств мыслить и судить свободно. Не надобно торопиться; надобно освоиться с предметом и постоянно им заниматься; время это исправит. Но я сделаю из этого золота что-нибудь. О, вы увидите: я еще много сделаю! Ведь даром, что товарищи мои все поседели да оплешивели, а я только что перебесился; вы не знали меня в молодости, каков я был; я не так жил, как жить бы должно; бурный небосклон позади меня, как оглянусь я".

Но не только о вещах серьезных говорили по пути в Берды Пушкин и Даль. Александр Сергеевич "хохотал от души следующему анекдоту", рассказанному Владимиром Ивановичем:

"Пугач, ворвавшись в Берды, где испуганный народ собрался в церкви и на паперти, вошел также в церковь. Народ расступился в страхе, кланялся, падал ниц. Приняв важный вид, Пугач прошел прямо в алтарь, сел на церковный престол и сказал вслух: "Как я давно не сидел на престоле!" В мужицком невежестве своем он воображал, что престол церковный есть царское седалище. Пушкин назвал его за это свиньей и много хохотал".

А где именно произошел этот казус? Даль сказал Пушкину, что это было в бердинской церкви, но в Бердах никто о подобном случае Александру Сергеевичу не рассказал. Не зафиксирован он ни в каких письменных источниках пугачевского времени, в том числе и церковных, в которых о нем обязательно было бы хоть какое-нибудь свидетельство.

Сейчас считается, что автор этого красочного мифа - подпоручик М.А. Шванвич, один из прообразов Гринева. Правда, Шванвич говорил потом на следствии, что об этом он "слышал в толпе злодеев", и что было это вовсе не в бердинской, а в Георгиевской церкви в оренбургском форштадте.

И показательно, что эпизод этот, рисующий Пугачева человеком совсем уже диким, Пушкин, хоть и получил большое удовольствие, слушая Даля, в "Историю Пугачева" не включил.

В "Капитанской дочке" в главе XI "Мятежная слобода" - явные бердинские приметы. То, что Пушкин именно здесь увидел и запомнил и чего, наверно, не прочел бы в петербургских архивах. Поэтому рассказчик Гринев точно знает бердинскую топографию: "Мы подъехали к оврагам, естественным укреплениям слободы". "Нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрестка". Пушкина тоже, когда миновал овраги и приехал в бывшую пугачевскую столицу, повели к угловой "золотой избе".

Любопытна история этого "золота". У Пушкина оно упоминается при описании пугачевского "дворца": "стены оклеены были золотою бумагою". А между тем ходили и слухи, что изба была обита чуть ли не листами чистого золота. Даль почему-то писал, что это были латунные листы. Пушкин же выяснил и записал точно: "золотою бумагою".

История ее такова: в октябре 1773 года пугачевцы захватили в районе Орска торговый караван из Бухары. Среди прочего добра там оказалось и несколько ящиков шумихи. Так, наверно, из-за шуршания, называли тогда бумагу, покрытую тонким слоем двусернистого олова. Цветом она действительно напоминала золото. Изготавливали ее на Востоке, она была недешева и модна, если это слово можно применить к давно минувшим столетиям.

Думается, это разночтение "золотая бумага" - или "латунь" объясняется тем, что в избе уже не осталось никаких следов обивки, иначе Пушкин и Даль были бы единодушны. Просто Пушкин показал себя и в этой мелочи дотошным историком. И у него в третьей главе "Истории Пугачева" есть о том, как Пугачев задарил башкирцев "верблюдами и товарами, захваченными у бухарцев" - о судьбе того самого каравана.

"Золотая изба", как в 1899 году рассказала оренбургскому историку С.Н. Севастьянову присутствовавшая при пушкинской беседе с Бунтовой казачка А.Т. Блинова, стояла на Большой улице, на углу, на красной стороне, шестиоконная. В пугачевские времена это, видимо, был самый большой и самый лучший в Бердах дом, поэтому и стал "государевым дворцом". Отсюда открывался живописный вид на близко подходившую тогда Сакмару, на озеро и на присакмарские леса. Пушкину, как вспоминала Блинова, этот пейзаж очень понравился. Сейчас на месте "золотой избы", где должно бы быть музеем, стоит коттедж. К 200-летию со дня рождения поэта тут установили памятную доску и старинную пушку.

Может быть, избу показывал Пушкину хозяин, Карп Константинович Ситников.

В записной книжке Александра Сергеевича значится: "В Берде Пугачев жил в доме Константина Ситникова". Имя это записано неразборчиво, и пушкинисты пробовали прочесть его по-разному. К тому же оно - поверх зачеркнутого "Карп". Р.В. Овчинников предполагает, что первоначально именно со слов Бунтовой Пушкин и сделал в дорожной книжке запись: "В Берде Пугачев жил в доме Карпа Ситникова".

Уже упомянутый мною оренбургский исследователь С.А. Попов, работая с автографом, убедительно доказал: да, сначала поэт записал имя современного ему хозяина дома Карпа, а потом выяснил, что в пугачевские времена домом владел отец - Константин. И вписал это имя. Кстати, активного участника пугачевщины.

Как объяснить эту ошибку?

Можно дать такое толкование: Берды маленькие, и всех своих односельчан Ирина Афанасьевна, конечно, знала хорошо, перепутать имена не могла. Просто она в свои слова вкладывала, наверно, такой смысл: в доме, который сейчас занимает Карп. А Пушкин понял по-другому: в доме, который в пугачевские времена занимал Карп. И когда разобрался, исправил Карпа на Константина.

В названии главы "Мятежная слобода" - большой смысл. П.И. Рычков написал о бердинцах: "Тутошние все были ему (то есть Пугачеву. - В.С.) приклонны". Почти все жители Берд, около пяти месяцев бывших столицей восставших, сражались в рядах пугачевцев.

Да, в Бердах Пушкина ждала очень большая удача, когда он встретил эту старуху Ирину Афанасьевну Бунтову. Вот как, по записи Е. Ворониной, та выглядела:

"Старуха свежая, здоровая, даже не беззубая".

Бунтова рассказала Ворониной:

"Приезжали господа, и один все меня заставлял рассказывать... Он награждал меня за рассказы; тут же с ним был и приятель наш, полковник Артюхов... Песни я ему пела про Пугачева. Показал он мне патрет: красавица такая написана... - "Вот, - говорит, - она станет твои песни петь".

Что за песни пела Бунтова Пушкину? Предполагается, что именно от нее он услышал, записал и включил в примечания к "Истории Пугачева" песню о капитане Сурине, которого комендант Нижнеозерной выслал на подмогу крепости Рассыпной, но рота его перешла к Пугачеву, а сам Сурин был повешен. "Он" в четвертой с конца строчке - это Пугачев:

Из Гурьева городка

Протекла кровью река.

Из крепости из Зерной

На подмогу Рассыпной

Выслан капитан Сурин

Со командою один.

Он нечаянно в крепость въехал,

Начальников перевешал,

Атаманов до пяти,

Рядовых сот до 6.

Песни Бунтова и, может, еще несколько престарелых свидетелей пугачевщины в Оренбуржье пели, хоть и опасные для поющих, но все же более или менее дозволенные. Но были и потаенные песни, которые пелись в

очень узком кругу своих и которые Пушкину, хоть и знали, но не спели бы ни за что. Можно только предположить, что среди таких песен была и старинная казачья песня "Ой, да ты батюшка вот и Оренбург город", записанная исследователями фольклора много позже. Дорого бы дал Пушкин, чтоб услышать об оренбургских степях:

*Там гулял большой атаманушка,
Ой, да атаманушка
Эх ой, да казак Емельянушка.
Ой, да он бился за нас,
Бился Емельянушка
Ой, да в битвах волю искал, эх,
Волю всенародную.*

Народных героев бесполезно назначать, как не раз бывало в нашей истории. Тут критерий один: о ком народ сам запоет, тот герой истинный.

Эти воспоминания Бунтовой, записанные Ворониной, напомним, самые свежие, записаны через несколько недель после пребывания в Бердах Пушкина. А Даль записал свои воспоминания через семь лет:

"Мы поехали в Берды. Я взял с собой ружье, и с нами было еще человек семь охотников... В Бердах мы отыскиали старуху, которая знала, видела и помнила Пугача. Пушкин разговаривал с нею целое утро; ему указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец, где разбойник казнил несколько верных долгу своему сынов отечества; указали на гребни, где, по преданию, лежит огромный клад Пугача, зашитый в рубаху, засыпанный землей и покрытый трупом человеческим, чтобы отвести всякое подозрение и обмануть кладоискателей, которые, дорывшись до трупа, должны подумать, что это - простая могила. Старуха спела также несколько песен, относившихся к тому же предмету, и Пушкин дал ей на прощанье червонец".

Вполне понятно, почему Александр Сергеевич "разговаривал с нею целое утро". Для таких встреч он и предпринял дальнейшее путешествие. То, что он видел сейчас и слышал, было для него бесценно.

А это воспоминания Н. Кайдалова, написанные почти через пятьдесят лет, того самого, что накануне вечером был послан Перовским в Берды:

"Утром приезжает Пушкин, сам друг, кажется, если не ошибаюсь, с В.И. Далем... При входе в комнату Пушкин сел к столу, вынул записную книжку и карандаш и начал расспрашивать стариков и старух, и их рассказы записывал в книжку. Одна старушка, современница Пугачева (речь, несомненно, об И.А. Бунтовой. - В.С.) много ему рассказывала и спела или проговорила песню, сложенную про Пугачева, которую Пушкин и просил повторить. Наконец расспросы кончились, он встал, поблагодарил Гребеньщикова и стариков, которым раздал несколько серебряных монет, и отправился в Оренбург".

Присутствовавшая при этой встрече в Бердах (тогда, напомним, она была еще девочкой и, естественно, носила девичью фамилию Мордвинце-

ва) Акулина Блинова рассказала потом, почти через семь десятков лет одному из оренбургских краеведов С.Н. Севастьянову:

"В каком году приезжал Пушкин, я не помню, знаю только, что день выдался теплый и ясный. Двое каких-то господ, одетых в штатское платье, шли по улице: один высокий, другой пониже - курчавый, а у дома, что наискось моего отца Мордвинцева, сидела наша бердская казачка Бунтова, имени, отчества не упомяну. Я была тут же около старушки Бунтовой, которой было лет за шестьдесят и которая оставалась на дому нянчить детей. Штатские подошли к старушке и, вероятно, увидав, что она очень древняя, один из них - курчавый - спросил Бунтову, не знает ли она что-нибудь про Пугачева? Старушка ответила, что она все знает про Пугачева и даже песню, что про него сложена. Господа попросили ее спеть. Бунтова спела им одну песню... а сами между собой смеются и говорят: "А ну-ка еще спой!" Бунтова еще спела им две. Какие слова этих песен, я не упомяну, но говорилось про Пугачева, как он воевал, как вешал... как будто в них есть слова: "Не умела ты, ворона, ясна сокола поймать".

Все время я смотрела на курчавого господина; у него лицо белое, а губы большие толстые, да уж очень меня занял ноготь на пальце - длинный предлинный, у нас таких не носят.

Господа просили показать дом, где жил Пугачев. Бунтова повела их показывать... За песни господ дали Бунтовой сколько-то денег".

В песне, что Бунтова спела, со словами "Не умела ты, ворона, ясна сокола поймать", - речь о разгроме пугачевцами генерала Кара. И "ворона" явно от звукоподражания вороньему крику "кар-р-р". К тому же, по-народному, "ворона" - "кара", "карга".

Существует и еще одно свидетельство, но уже не очевидца, а правнучки А.Т. Блиновой Александры Ивановны Пивоваровой, записанное в 1937 году:

"А какого я, внученька, человека видала? - говаривала мне бывало прабабушка. - Черноватый, курчавый, глаза большие и ногти длинные. Повстречала я его, когда воду в ведрах домой несла. Тут же и Бунтова сидела с малыми ребятами. Дело было днем. Все взрослые были на огородах. Бунтова ему песню спела про Пугачева, а я угостила его молоком".

Записавший это Д. Недачкин добавил слова собеседницы о том, как ее прабабушка рассказывала С.Н. Севастьянову в 1899 году:

"Только вряд ли им все прабабушка рассказала, что знала: возле нее сидел забитый, всего боящийся прадедушка и, подталкивая украдкой жену, шептал ей: "Лишнего, лишнего не говори!"

Не этой ли предосторожностью нужно объяснить и отсутствие в записи Севастьянова деталей об угощении Пушкина молоком - просто-душной дани гостеприимства?"

Конечно, чем дальше от времени события, тем обычно недостовернее. К примеру, что девочка Блинова в тот день, когда Пушкин приезжал, воду

в ведрах несли - этого и специально не упомянешь. Но тут интересно, что в конце-то XIX века, когда так много уже было об оренбургской поездке великого поэта написано и сказано, старая женщина фамилии пушкинской не назвала. Так и не знала, кто был тот "черноватый"? Тогда какое же сильное впечатление произвел Пушкин! Но эта запись - и еще одно подтверждение, как и более чем через век после пугачевщины тема этой крестьянско-казачьей войны была опасна, полузапретна!

Специально привел в хронологическом порядке, который, повторю, влияет на достоверность воспоминаемого, все свидетельства одной из самых важных встреч Пушкина во время оренбургского путешествия. Они и сами по себе очень интересны, и, кроме того, внимательный читатель, прочтя все свидетельства сам, будет готов вынести свое суждение, когда в следующих главах зайдет речь о некоторых спорных умозаключениях отдельных исследователей: ездил ли в Берды вместе с Пушкиным губернатор Перовский? Действительно ли Пушкин одарил Бунтову так щедро, что это наводит на мысль о большой сумме новеньких золотых червонцев, которые он взял у губернатора? На самом ли деле семиверстная дорога в Берды была так опасна, что надо было брать с собой оружие?

Надо отметить: неверно распространенное мнение, что все "Оренбургские записки" находятся в упомянутой записной книжке. Во всяком случае, "В Берде от старухи" - на отдельном листе. Видимо, уже приехав в Болдино, Пушкин сделал из черновых набросков белой свод того, что увидел и услышал в дороге, перенеся самое ценное.

О ней же, Бунтовой, хоть и опять без имени-отчества и фамилии, писал поэт жене из Болдина, вернувшись из оренбургской поездки: "В деревне Берде, где Пугачев простоял 6 месяцев, имел я une bone fortune (большую удачу. - В.С.) - нашел 75 летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год. Я от нее не отставал".

Явно она же - в пушкинских пометках к записанным воспоминаниям о Пугачеве: "Старуха в Берде", "В Берде от старухи". От нее Александр Сергеевич узнал в то утро 19 сентября 1833 года не просто новые факты и песни. Пушкин особенно после беседы с ней оценил отношение простого народа к вождю крестьянско-казачьей войны. Видимо, со слов Бунтовой он написал:

"В Берде Пугачев был любим; его казаки никого не обижали". "Весь черный народ был за Пугачева". "Уральские казаки (особливо старые люди) доньне привязаны к памяти Пугачева. Грех сказать, говорила мне 80-летняя казачка, на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал".

Со времен пугачевщины прошло к тому времени шесть десятилетий. Народ, говоря по-современному, подвергался усиленной идеологической обработке и государством, и церковью: "Пугачев был самозванцем". Но интересно, что через 15 лет после Пушкина приехал в Берды старший адъютант штаба Оренбургского отдельного корпуса А.И. Макшеев и спро-

сил старуху Бунтову, каким был из себя Емелька Пугачев. Что же она ответила? "Молодец был батюшка-государь Петр Федорович!"

Теперь чуть подробнее об этом человеке, встреча с которым много дала Пушкину - об Ирине Афанасьевне Бунтовой. Фамилия для дочери пугачевца - красноречивая, нарочно не придумаешь.

В том письме к жене из Болдина Пушкин надбавил ей два года. У него, кстати, и Пугачев - "лет сорока", хотя, по разным источникам, когда завоевал он приуральские крепости и осадил Оренбург, было ему или 33 года, или даже 31, он был еще молод, вопреки устоявшемуся нашему стереотипу.

И к нему, единственному персонажу "Капитанской дочки" в этом былинно-библейском возрасте, можно отнести эпитафию, который Пушкин выбрал к главе VII "Приступ". Сближение тут и в гибельном конце, ожидающем разбойника из народной песни - и исторического бунтовщика. Тем более, что именно в этой главе Пугачев совершает свое единственное в повести злодеяние.

Голова моя, головушка,

Голова послуживая!

Послужила моя головушка

Ровно тридцать лет и три года.

Ах, не выслужила головушка

Ни корысти себе, ни радости,

Как ни слова себе доброго

И ни рангу себе высокого;

Только выслужила головушка

Два высокие столбика,

Перекладинку кленовую,

Еще петельку шелковую.

Бунтовой же, когда поэт с ней беседовал, было не 75, как в письме, а 73. И, надо сказать, она намного пережила Пушкина. Уже упомянутый А.И. Макшеев был в Бердах в 1848 году и застал ее еще довольно бодрой. А умерла она, как установил С.А. Попов, 96 лет, да и то заболев холерой.

Родилась она в 1760 или 1761 году в крепости Нижнеозерной, в которой предстояло побывать Пушкину, двинувшись на следующий день из Оренбурга вниз по Уралу. Тринадцатилетней девочкой была свидетельницей грозной пугачевщины и хорошо ее запомнила. Потом вышла замуж в Берды. Именно от нее Александр Сергеевич так много заранее знал о Нижнеозерном.

У Бунтовой явно был талант превосходной рассказчицы. Вот, к примеру, что записал Пушкин с ее слов о Пугачеве:

"Он сидел между двумя казаками, из коих один держал серебряный топорик, а другой булаву. У Пугачева рука лежала на колене - подходящий кланялся в землю, а потом, перекрестясь, целовал его руку".

Это почти дословно вошло в "Историю Пугачева" и частично в "Капитанскую дочку".

В "Оренбургских записях" есть слова Бунтовой о пугачевском обычае: когда он "ездил куда-нибудь, то всегда бросал народу деньги". Это перешло в "Капитанскую дочку": на следующее утро после взятия Белогорской Пугачев вышел из комендантского дома, "Один из старшин подал ему мешок с медными деньгами, и он стал их метать пригоршнями".

А уж как своеобразно она могла сказать! "Так и ржут по улицам да мясничат их" - это о том, как расправлялись гусары с побежденными пугачевцами. Эти слова в пушкинском автографе даже подчеркнуты, чтобы передать колоритную прямую речь собеседницы.

Позволю себе одну догадку. В письме к жене поэт шутливо пишет о себе: "старам стала и умом плохам". Ну, как не предположить, что и это он от Бунтовой услышал, когда она поначалу отнекивалась рассказывать? Но может быть, что Пушкин тут неточно цитирует П.А. Вяземского из "Святочной шутки": "старам стала, глупам"?

По рассказам Ирины Афанасьевны он сделал две отдельные записи: "Старуха в Берде" и "В Берде от старухи".

Можно понять, почему Пушкин так ей доверял. Ведь хотя уже и почти ровно 60 лет назад, но все же своими глазами она видела все, что произошло 26 сентября 1773 года в Нижнеозерной: и штурм, и казни, и присягу Пугачеву, а в марте 1774 года - приезд израненных под Татищевой пугачевцев.

А он ведь безоговорочно поверил ей и в том, чего она видеть не могла. Из вторых уст, выйдя в Берды за Степана Бунтова, она услышала и пересказала Пушкину и о том, что Пугачева в этой станице любили, а его казаки никого не обижали, и о гибели несчастной Харловой и ее брата, и о крайне щекотливом для официальной историографии факте: "Оренбургцы после него (после разгрома Пугачева. - В.С.) ограбили жителей".

Но лишь из третьих-четвертых уст Бунтова могла услышать об обстоятельствах сватовства Пугачева к Устинье Кузнецовой в Яицком городке, в котором старуха, вероятно, и не бывала никогда. К тому же об этих обстоятельствах Пушкин имел под рукой свидетельства и "Летописи" Рычкова, и "Журнала Симонова" - коменданта Яицкого городка, и записок майора Повало-Швейковского...

Однако в основном-то именно рассказ Бунтовой об этом эпизоде вошел в главу V "Истории Пугачева"! Сравним "В Берде от старухи": "отец и мать не хотели ее выдать: она-де простая казачка, не королевна, как ей быть за государем" - и в "Истории Пугачева": "Отец и мать изумились и отвечали ему: "Помилуй, государь! Дочь наша не княжна, не королевна; как ей быть за тобою?"

Вообще надо заметить, что Пушкин как правило живому свидетельству очевидцев отдавал предпочтение, если ему был известен и

параллельный официозный документ. Это его идейно-художественный принцип.

Правда, чтобы не наводить "хрестоматийный глянец" на Ирину Афанасьевну, надо отметить, что об одном и том же она могла рассказывать по-разному.

Об обстоятельствах гибели вдовы коменданта Нижнеозерной Харловой и ее малолетнего брата много раз упоминаемая в этой книге Евгения Воронина со слов Бунтовой записала следующее:

"Жена его также была барыня добрая, прекрасная; ее да ее брата, бариона молодого, Пугачев взял к себе, с месяц держал их у себя, а там и велел расстрелять из двенадцати ружей, да чтоб больше их напугать, велел прежде выстрелить мимо, а в другой раз застрелить уж до смерти".

Здесь Пугачев - злодей и садист.

Пушкин же со слов Бунтовой занес в "Оренбургские записи" другое: "По наговору яицких казаков велел он расстрелять в Берде Харлову и 7-летнего брата ее. Перед смертью они сползлись и обнялись - так и умерли и долго лежали в кустах".

(На самом деле Коле Елагину было 11 лет, Бунтова сделала его семилетним, чтобы жалче было.)

Можно полагать, что и подчеркнутое Пушкиным "сползлись" прямо передает речь Бунтовой.

В "Капитанскую дочку" он это заносить не стал, там лишь глухое упоминание о страшной судьбе Харловой.

А вот в "Истории Пугачева" этот эпизод выглядит так:

"Молодая Харлова имела несчастье привязать к себе самозванца. Он держал ее в своем лагере под Оренбургом. Она одна имела право во всякое время входить в его кибитку; по ее просьбе прислал он в Озерную приказ - похоронить тела им повешенных при взятии крепости. Она встревожила подозрения ревнивых злодеев, и Пугачев, уступив их требованиям, предал им свою наложницу. Харлова и семилетний брат ее были расстреляны. Раненные, они сползлись друг с другом и обнялись. Тела их, брошенные в кусты, оставались долго в том же положении".

Здесь, как видим, мотивация преступления Пугачева иная. Он проявил слабость, может быть, потом даже поплакал, как поплакал он, плененный, вместе с Петром Ивановичем Рычковым по убитому пугачевцами Андрею Рычкову, сыну летописца.

Но он - не садист. Он не убивал для удовольствия. И недаром в примечаниях к главе второй "Истории Пугачева" Пушкин кратко отрецензировал словом "Болтовня" рассказ по-французски неизвестного автора о том, что Пугачев велел повесить в Нижнеозерной майора Харлова на глазах умолявшей о пощаде жены Харлова, а потом прилюдно овладел ею.

Очень показательно, что в "окончательной продукции" - "Истории Пугачева" Александр Сергеевич выбрал самый щадящий Пугачева вариант.

А ведь, оказывается, Пушкин как талантливый художник так понял, так почувствовал своего героя, что он выбрал не только самый щадящий, но и самый исторически верный вариант!

Ему не дозволено было прочитать вот эти строки, содержащиеся в протоколе допроса Пугачева в Яицком городке: Емельян Иванович показал, что в начале ноября 1773 года из своего лагеря под Оренбургом "взятую в Татищевой крепости женщину и с братом послал к бердинским казакам... А как сие увидели яицкие казаки, то выехали под дорогу и убили ее с братом до смерти за то действительно, что я ее любил. Как о сем мне было сказано после, и я об ней сожалел".

Вот как было дело! Вот к чему близок пушкинский вариант! Приходит на память и эпитет, который Пушкин нашел в главе XI "Капитанской дочки" к пугачевской "жестокости": "опрометчивая". То есть, не преднамеренная, вызванная минутным порывом.

Ни Пушкин, ни Даль ни имени-отчества, ни фамилии бердинской рассказчицы не упоминают. Фамилию установил по воспоминаниям очевидцев С.Н. Севастьянов много десятилетий спустя.

А ведь Пушкин сам подсказал ее будущим исследователям! Но они, как я считаю, просто не вчитались в строки "Оренбургских записей": "Старуха в Берде" - это как заголовок к тому, что он от нее услышал. А дальше - та самая пушкинская подсказка: когда пугачевцы, раненные в бою под Татищевой крепостью, прискакали в Нижнеозерную, то они "кинулись в избу Бунтихи: "Давай, старуха, рубашек, полотенец, тряпья".

Можно предположить уверенно, что сам-то Пушкин знал фамилию своей бердинской собеседницы - "старухи в Берде". Но он не понял, что Бунтова-то она по бердинскому мужу, а девичья ее фамилия должна быть другой, в ее случае - Бородулина. И нижеозерненская ее бабка, к которой кинулись пугачевцы, не могла поэтому быть Бунтихой.

И странно, как много путаницы с этой "Бунтихой"! Н.В. Измайлов в "Оренбургских материалах Пушкина для "Истории Пугачева" и "Капитанской дочки" считает, что эта "Бунтиха" - мать, а не бабка Ирины Афанасьевны. Но так могли назвать только пожилую женщину, бабку, а мать 13-летней Ирины была в 1773 году еще молодой.

А Р.В. Овчинников в книге "Над "пугачевскими" страницами Пушкина", рассказывая об архивных изысканиях истории рода Бунтовых, приводит имя и отчество мужа пушкинской собеседницы в Бердах Степана Дмитриевича и ее свекрови Прасковьи Степановны, добавляя ее прозвище "Бунтиха".

Исследователь не дает комментариев, и может показаться, что эта свекровь и есть та самая Бунтиха из "Оренбургских записей" Пушкина. Но эти "Бунтихи" - разные. Свекровь Ирины Афанасьевны значится в духовной росписи прихожан Бердской слободы 1773 года. Пушкинская же "Бунтиха" в 1773 году жила в Нижнеозерной крепости.

Правда, в другой своей книге "За пушкинской строкой" Р.В. Овчинников предполагает, не разъясняя, что Пушкин не понял собеседницу в Бердах и спутал: раненые казаки на самом деле ворвались в дом Бунтихи не в Нижнеозерной, а именно в Бердах.

Может, исследователь взял за основу строки из "Истории Пугачева" о том, что после разгрома под Татищевой Пугачев с шестьюдесятью казаками пробился на восток, в Берды? Но у Пушкина страницей дальше рассказано и о тех повстанцах, которые, спасаясь от гусар Хорвата, кинулись и на запад, в Нижнеозерную, "наскоро перевязывали свои раны и спешили к Яицкому городку". Думается, Пушкин не ошибся.

К тому же дальше в этой же книге Р.В. Овчинников сообщает, что от Татищевой отступили к Нижнеозерной крепости три сотни пугачевцев, (это был отряд атамана А.А. Овчинникова), а с Пугачевым в Берды пробилось четыре человека. (У Пушкина же в "Истории Пугачева" предводитель восставших с четырьмя сопровождавшими бежал позже, уже после разгрома под Сакмарским городком на север, на уральские заводы.) Но если б принять бердинский вариант - все равно не сходится с рассказом И.А. Бунтовой: к Бунтихе ворвалось не четверо, а "человек 12".

Однако вернемся к нашему хронометражу.

Положим, что в Берды отправились часов в 9 - 10. Туда час езды. Значит, прибыли в 10 - 11. Часа три, не меньше, должно было уйти на осмотр Берд и беседы. Еще раз вспомним у Даля: "целое утро". Поэтому двинулись назад, в Оренбург, около 13 - 14 часов. Вернулись, значит, в 14 - 15 часов.

По воспоминаниям Даля, обедали у Перовского. На это, на непременно расспросы хозяина о впечатлениях, на расказы Пушкина, положим, ушел час. В 15-16 часов Даль и Пушкин отправились пешком по Оренбургу. Светлого времени было еще 3-4 часа. Кажется странным недоумение автора книги "Пушкин в Оренбурге" Д.Н. Соколова: "остается недостаточно ясным, как использовал Пушкин промежуток времени между обедом и своим вечерним посещением Даля". Другого временного отрезка для этой прогулки по городу просто больше не остается: накануне Пушкин приехал поздно, а на следующий день должен был рано уехать. Посещение Берд - "целое утро" единственного полного его оренбургского дня. Когда же подробно осмотреть с Далем город, как не после обеда в этот день?

Попробуем представить, как Даль распланировал эту прогулку.

Из того, что он упоминает, есть: вид на Зауральную рошу, естественно, с набережной, где еще при Эссене был разбит бульвар. Потом отсюда было удобно по кругу, против часовой стрелки осмотреть упомянутые Владимиром Ивановичем Георгиевскую колокольню, остатки пугачевских землеройных работ между Орскими и Сакмарскими воротами. Дальше вернуться на главную улицу, зайти к "нужным людям", как выразилась в одном из писем к самарской подруге Е. Воронина, в училища, а может, и заглянуть в архив.

И к ужину, вечерней беседе (той самой, которую наблюдали с дерева две барышни-почитательницы великого поэта) и на ночлег - в дом Даля.

Примерно этим же их послеобеденным маршрутом, не торопясь, гуляя, я прошел часа за полтора-два.

Вот маршрут для тех, кто хочет совершить такую же прогулку: с набережной мимо Музея города переулками выйти на улицу Челюскинцев до пересечения с продолжением улицы Выставочной, чтобы представить себе, где у уральского берега стояла Георгиевская церковь. Если отсюда двинуться на север, по Выставочной, то мы окажемся уже за воображаемой городской чертой 1833 года. Поэтому лучше вернуться по улице Челюскинцев, войти в пределы тогдашнего города, к бывшему валу. И, свернув в Студенческий переулок, следовать по нему, сколько можно, мимо аграрного университета (на его территории, мальчишкой, в конце 40-х - начале 50-х годов прошедшего века играл на рыжем глиняном бугре - последнем остатке крепостного вала) и зенитного училища. А дальше дворами выйти к улице Володарского. Здесь надо свернуть на запад и дойти до пересечения Володарского с Советской. Тут и стояли когда-то Сакмарские ворота. И по Советской вернуться к Ленинской, 44, где был дом Даля.

Прогулка с Далем была Пушкину так же и интересна, и полезна, как и поездка в Берды. Вообще этот день - 19 сентября выдался для него на редкость удачным.

Они шли по городу... Александр Сергеевич смуглый, темноволосый. Владимир Иванович - блондин с орлиным носом и светлыми глазами. У скульптора Н.Г. Петинной есть известный и уже упоминавшийся памятник "Пушкин и Даль", открытый в Оренбурге к двухсотлетию со дня рождения поэта. Даль там рослый, и чтобы зрительно уравновесить фигуры, Пушкин - в высоком цилиндре. А рост его мы знаем точно благодаря художнику Г.Г. Чернецову. На этюде к картине "Парад на Царицыном лугу" 1832 года на обороте изображения Пушкина художник написал: "Рост 2 аршина, 5 вершков с половиною". То есть примерно 166,7 сантиметров.

Даль его уже "перевез к себе" и поэтому чувствовал себя гостеприимным хозяином.

Владимир Иванович, рассказывая об этой прогулке, честно написал, что он Пушкину "толковал, сколько слышал и знал местность". Ведь в Оренбург он приехал незадолго перед этим, за два месяца. Не с Перовским, потому что задержался в Петербурге из-за свадьбы с Юлией Андре. Хотя Н.Е. Прянишников пишет, что Даль приехал вместе с Перовским и ко времени приезда Пушкина прожил в Оренбурге полгода.

И, надо отдать должное энергичному и непоседливому Далю, он сразу же отправился в большую поездку в 2 с лишним тысячи километров по краю, по новым и очень интересным для него местам. И вернулся в канун пушкинского приезда. Поэтому Оренбурга, когда показывал Пушкину, почти не знал, не успел еще узнать.

О чем они беседовали, гуляя по Оренбургу? Конечно же, о личности Пугачева и пугачевщине. Тем более что Даль в своей первой поездке уже побывал в тех местах, куда на следующий день выезжал Пушкин, беседовал там, слушал живых свидетелей, а то и участников драматических событий. Ведь всего шесть десятков лет назад отпыхал грозный пожар крестьянско-казацкой войны.

Надо еще вспомнить, что Пушкин тогда, в сентябре 1833 года, не был ничего не знающим новичком. К этой поездке в Оренбург он изучил всю доступную литературу и архивы, приоткрыть которые разрешил ему царь. И события, и многие места в городе и в бывших крепостях заранее знал прекрасно.

Мне очень нравится мысль одного из исследователей, что Пушкин, в конце концов, мог бы создать "Историю Пугачева" и "Капитанскую дочку", сидя в Петербурге. Но добросовестность настоящего историка и писателя позвала его в оренбургское путешествие.

И еще одно обстоятельство, может, проливает свет на то, почему Пушкин взялся за пугачевщину. Для этого надо рассматривать пугачевские произведения в системе "Русская история - в творчестве Александра Сергеевича". Ведь у него - почти все этапы исторического развития страны. Древняя Русь - "Песнь о вещем Олеге", "Вадим", сказки. Московское государство - "Борис Годунов", "Русалка". Русь Петровская - "Медный всадник", "Полтава", "Арап Петра Великого". Война 1812 года - многочисленные стихи. Современная Россия - прежде всего "Евгений Онегин". А предыдущее пугачевщине народное восстание Степана Разина - "Песни о Стеньке Разине".

Поэтому Пушкин не мог обойти своим вниманием такое грандиозное событие в истории страны, как крестьянско-казацкая война под предводительством Е.И. Пугачева.

Из этой поездки он написал жене о своем творческом методе, о втором, после работы в архивах, этапе изучения материала:

"Здесь я возился со стариками современниками моего героя (Пугачева. - В.С.), объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону".

Итак, после обеда у Перовского они, наверно, пошли по главной улице к берегу Урала. Отсюда перед ними открылся прекрасный вид: внизу под обрывом река, за ней Зауральская (сейчас говорят Зауральная) роща и дальше азиатские степи.

Между прочим, через 4 месяца после того, как Даль и Жуковский были у постели умирающего Пушкина, они снова встретились, но теперь в Оренбурге. Василий Андреевич прибыл в свите наследника престола, будущего царя Александра II, совершавшего путешествие по России.

И вот что он записал в своем путевом дневнике: "Приезд в Оренбург в три часа пополудни. Тотчас с Далем на берег. Роща за Уралом".

Как видим, и Жуковского Даль прежде всего повел на берег Урала. И, надо полагать, рассказал, как осенью 1833 года показывал этот же вид Пушкину.

А тогда, 19 сентября 1833 года Даль, приведя Пушкина на уральский обрыв, как вспоминал потом Владимир Иванович, "указывал на Зауральскую рощу, откуда вор пытался ворваться по льду в крепость, открытую с этой стороны". Хотя на самом деле Пугачев атаковал крепость не с южной стороны, где берег Урала, а с юго-восточной, чуть дальше, со стороны форштадта. Было это в день, который, кто знает, мог бы стать и переломным, - 2 ноября 1773 года. Пугачевцы тогда чуть не ворвались в город.

Но губернатор Рейнсдорп провел единственную, пожалуй, за все время осады умную операцию: переправил на левый берег, в рощу, егерей с пушкой, которые ударили во фланг пугачевцев и тем заставили их отступить.

Давайте постоим здесь и мы, прежде чем отправимся дальше по городу с Пушкиным и Далем.

Набережная Урала ощущается, пожалуй, самым "пушкинским" местом Оренбурга. И не только потому, что он точно вот тут стоял, видел ту же реку, рощу за ней и дальше степи. А - по духу. Такие вольные орлиные дали открываются отсюда!

Стоишь здесь - и вспоминаются строки, сочиненные им в коляске, в дороге его по оренбургским просторам:

*Когда б не смутное влеченье
Чего-то ищущей души,
Я здесь остался б...*

Тут - заветное место города.

С самого основания Оренбурга каждого его жителя неодолимо тянет на крутояр Урала. Придем сюда в самом конце сентября - начале октября в пушкинские дни - и застынем, залюбуемся, навалившись грудью на балюстраду набережной.

Уставшее за лето солнце чуть греет лицо. "В багрец и золото" одета роща, и над ней кружат, орут вороны. Горько пахнет опадающим ломким листом и пожухшей травой. Тяжела и холодна уральская вода. В ней отражается хрустально синее небо, каким оно бывает у нас только в предзимье.

А вечный Урал-Яик оттуда, снизу в полудреме смотрит на людское коловращенье. Те, кого детьми приносили сюда показать реку, потом приходят со своими детьми, внуками. Затем исчезают навеки. "И каждый был неповторим и повторялся вновь без счета". Это из другого поэта, Бориса Пастернака.

В эти волшебные часы ощущаешь себя частичкой чего-то большого и бесконечно долгого. Безвольно и счастливо погружаешься в нечто.

И забудешься, потом дернешь головой: "Где я? Когда я?" Мгновение вечности. И вечность мгновения.

В такие дни здесь мелькают тени прошлого. Фантазия: рядом стоит и задумчиво смотрит в дали сам Пушкин. Описать его... Давно известно, что все с ним связанное хорошо пишется только до ремарки: "Входит Пушкин". Дальше перо бессильно останавливается. Или, как чуть по-другому написала "кавалерист-девица" Н.А. Дурова в своих воспоминаниях: "Входит Александр Сергеевич!... к этим словам прибавить нечего!..."

Пушкин здесь, на набережной, бодр и полон замыслов. Он прикоснулся в Оренбуржье к такому великолепному материалу! А что еще нужно творческому человеку?

А вот это - уже фантазия фантазии: герой, созданный воображением Пушкина. Фыркают, машут заиндевелыми головами уставшие к концу пути лошади. Дотащили они кибитку от дальних ворот крепости по главной улице сюда, к этому дому, улицу начинающему, окнами на Азию, где была канцелярия губернатора.

И на негнущихся от холода и долгой дороги ногах поднимается на крыльцо юный сержант Петруша Гринев. (В офицеры, в первый, самый низший чин прапорщика он будет произведен потом, в Белогорской. Хотя радушная комендантша сразу по приезду его в крепость станет именовать господином офицером.)

Его шуба - единственное яркое красное пятно на серой оренбургской улице. (Вспомним: в главе I "Капитанской дочки" "надели на меня заячий тулуп, а сверху лисью шубу". Тулуп потом будет подарен вожатому, останется одна шуба. И в реестре "барскому добру, разграбленному злодеями", который простодушный Савельич подаст Пугачеву, есть она, "лисья шуба, крытая алым ратином", ценою в 40 рублей.)

Гринев доложит о прибытии "генералу Р.", передаст отцовское письмо, будет приглашен на скупой немецкий обед. А на завтра отправится вниз по Уралу, в Белогорскую. Навстречу своей судьбе.

Мы уже предположили, что отсюда, с уральского обрыва, Даль повел Пушкина на восток, туда, где за крепостным валом, меньше чем в полукилометре, находилась Георгиевская церковь.

Александр Сергеевич шел не по абсолютно неизвестному городу, ко многому из того, что он тут увидит, он был подготовлен штудированием рычковской "Топографии Оренбургской". К примеру, он уже знал, что "Крепостное строение города Оренбурга состоит все на ровном месте, но по ситуации оно расположено иррегулярно, овальною фигурю об одиннадцати полигонах. Имеет в себе десять целых бастионов и два полубастиона".

А по дороге Даль рассказывал "о незадолго умершем здесь священнике, которого отец высек за то, что мальчик бегал на улицу собирать пятаки, коими Пугач сделал несколько выстрелов в город вместо картечи, и о так называемом секретаре Пугачева Сычугове, в то время еще живом".

Действительно, пугачевские батареи, установленные у Сакмарских и Орских ворот и у Георгиевской церкви, могли стрелять медными ятаками, довольно тяжелыми, по 150 граммов. Но, конечно, ятаков было не так много, и пугачевские артиллеристы использовали как картечь в основном куски чугунных котлов, которые они вывезли с Менowego двора и разбили.

Даля подвели и слышанные им рассказы о секретаре Пугачева Сычугове. Такого секретаря не существовало. Р.В. Овчинников установил, что 17-летний казак Сычугов, взятый в плен, какое-то время был у Пугачева писарем.

Еще дальше они подошли к тому месту, откуда открывался вид на Георгиевскую церковь почти на берегу Урала. И Даль "указывал на Георгиевскую колокольню в предместьи, куда Пугач поднял было пушку, чтобы обстреливать город".

По воспоминаниям современников, ров и вал с этой, восточной стороны за 60 лет заплывили. (Хотя еще почти тридцать лет, до 1862 года Оренбург считался крепостью 2-го класса.) И люди, которым надо было из города в форштадт или обратно, шли не через Орские ворота, а напрямик, протоптав тропинку.

Чтобы нынешнему читателю легче было представить: Преображенский полубастион был за нынешним музеем города. Успенский - у перекрестка улиц 8 Марта и Челюскинцев.

Может, Даль с Пушкиным прошли по этой тропинке за пределы крепости к Георгиевской церкви, ведь о ней Александр Сергеевич читал и услышал много интересного и, наверно, хотел бы ее осмотреть, тем более, что до нее было, как уже говорилось, недалеко. Если точно, то от городской стены - 200 саженьей, то есть около 400 метров. Да и время не торопило. (О том, что часть городского вала к тому времени все же еще сохранилась, свидетельствует и Е. Воронина, описывая вид на город из Зауральской рощи.)

В основном-то пугачевские пушки стреляли с паперти и из самой церкви, через двери. Насчет того, что пушка стреляла и с колокольни, достоверных исторических свидетельств нет.

К концу этой прогулки, выйдя к северо-востоку крепости, Даль показал Пушкину "на остатки земляных работ между Орских и Сакмарских ворот, приписываемых преданием Пугачеву". Отсюда, с этого направления, пугачевцы пытались штурмовать город в начале осады, в октябре 1773 года. Их батареи стояли у кирпичных сараев и кладбища. А чтобы защититься от орудийного огня из крепости, пугачевцы, действительно, вели земляные работы: устраивали валы.

Дальше же - логично предположить - Пушкин и Даль закончили обход восточной половины оренбургского крепостного вала и вышли к Сакмарским воротам, вновь на главную улицу, но с другого конца, противоположного уральскому берегу.

Может, осмотрели потом по обратной дороге Вознесенскую церковь, в ограде которой похоронен был предшественник Перовского граф П.П. Сухтелен. Памятник был эффектный - в виде скалы с позолоченной мемориальной доской, которую через два года украли.

Прошли вдоль Гостиного двора, его восточной длинной и глухой стороны. Все входы в лавки были изнутри, мы уже говорили, почему. Миновали одно из самых внушительных зданий города - "дом Тимашевых" в два этажа с мезонином.

В Неплюевском военном училище внимание Александра Сергеевича привлекло бы многое. В нем было два отделения: европейское и восточное. Тут готовили офицеров для казачьих частей, переводчиков и чиновников для пограничных учреждений. Было тут и девичье отделение для солдатских дочерей.

"Азиатцам" физика, артиллерийское дело и фортификация, в отличие от других воспитанников, не преподавались из нежелания дать слишком большие и опасные знания. Наверно, заглянул он и в музей при училище, осмотрел ископаемые древности, всякие этнографические диковинки.

Рядом с военным, на нынешней Ленинской улице, было приходское училище, открытое в 1832 году. Ничего тут особенно радостного не было, хотя оно являлось крупнейшим в городе: 114 детей. Как раз в дни пребывания Пушкина в городе штатный смотритель училища доносил губернатору, что преподаватели "другу (т.е. уже вторую. - В.С.) четверть без жалования служат, дров купить не на что". Нельзя не доверять генералу И.В. Чернову, который вспоминал о посещении Пушкиным этого училища.

Если же поэт посетил и уездное училище на одном из углов нынешних Советской и Горького, то и там было не лучше, в областном архиве сохранились жалобы смотрителя на ветхость и тесноту.

Побывал ли Пушкин в архиве пограничной комиссии, это нынешние дома 7 и 9 по Советской улице? Но для плодотворной работы там, как видим, времени было бы мало. Да и некоторые дела повторяли бы то, что ему уже было хорошо известно.

Но известный пушкинист Н.В. Измайлов, попав в Оренбург в 40-х годах вследствие высылки из Ленинграда, но зато получив возможность поработать в оренбургских архивах, считал, что Александр Сергеевич архив все же посетил, хотя и в этом случае нашел бы там мало для него интересного, да и нелегко и долго было бы разбираться в черновых записях частью по-немецки, частью трудно читаемой канцелярской скорописью. Ученый хотел найти подлинники документов, которые Пушкин якобы конспектировал. Но ничего не обнаружил.

И во всяком случае напраслину возвел на Пушкина оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский, почти через четыре десятка лет в рапорте военному министру обвинивший Пушкина в том, будто тот такой

беспорядок навел в архиве, что и через много лет разобраться нельзя. Думается, нерадивые оренбургские чиновники просто списали на приезжего поэта свое неумение и нежелание вести дела, как полагается. Он-то как раз был опытным архивистом, за три месяца перед поездкой в Оренбург он профессионально обработал более пяти тысяч листов, полученных из архивов Военного министерства. И беспочвенные обвинения - из рода употребляемых всеми нами присказок: "А кто виноват? Пушкин?"

Но ведь Александр Сергеевич в сносках к своим примечаниям к главе первой "Истории Пугачева" пишет определенно: "нашел я также в архиве Оренбургской пограничной комиссии"! Однако серьезный историк Р.В. Овчинников полагает эти пометки недостоверными и считает: Пушкин сделал их, чтобы скрыть от царя и Бенкендорфа, что он без их ведома получил в Петербурге доступ к некоторым секретным делам архива Военного министерства. А вот дел, которые он указал в своих примечаниях, в Оренбургском архиве просто не было, как это и установил первым Н.В. Измайлов.

Нет, тут какая-то необъяснимая загадка: "пугачевские бумаги" Секретной экспедиции Военной коллегии Александр Сергеевич получил за полгода до оренбургской поездки из архивов Военного министерства вполне легально. И отобрал из почти 3,5 тысяч документов для использования примерно десятую часть. Но зачем тогда вся эта мистификация?

И поскольку не существует окончательных, достоверных свидетельств ни "за", ни "против" того, что Пушкин побывал и поработал в оренбургском архиве, лучше оставить эту тему.

С кем еще мог видаться в этот день Александр Сергеевич?

Евгения Воронина написала очень неопределенно, что в Оренбурге он "бывал только у нужных ему по делу людей или у прежних знакомых". С прежними знакомыми ясно: Перовский и Даль. А кого отнести к категории нужных по делу?

Автор книги "Пушкин в Оренбурге" Дмитрий Николаевич Соколов приводит семейное предание:

"Пушкин во время своего приезда в Оренбург беседовал о Пугачевском бунте с моим дедом, И.А. Соколовым. В бумагах последнего сохранились отрывки исторического романа из времен пугачевщины и предшествующего ей бунта 1771 г. в Уральске; их было несколько тетрадей черновиков и несколько глав, переписанных набело. Сохранялись и отрывки записей по истории Оренбургского края XVIII века. Предание наше гласит, что дед мой задумал писать историю Пугачевского бунта, но, повидавшись с Пушкиным и узнав, что сам Пушкин ею занят, уступил ему все пригодное из своего материала, а сам, чтобы использовать свои труды, стал писать исторический роман".

П.В. Анненков, собирая сведения к своим "Материалам для биографии А.С. Пушкина", просил сына предполагаемого собеседника поэта

предоставить ему эти бумаги. Но они, оказалось, были уничтожены после смерти Ивана Артемьевича Соколова его родственниками.

В пользу версии о встрече этого оренбуржца с Пушкиным литературовед Л.Н. Большаков приводит сведения, что Соколов был врачом в Неплюевском военном училище. И он мог быть представлен Пушкину и коллегой-Далем, и начальником училища Артюховым.

Однако все это может остаться лишь легендой семьи Соколовых, ибо документального подтверждения ее нет.

Можно предположить вероятность хотя бы короткой встречи поэта с Григорием Федоровичем Генсом, который к тому времени уже 8 лет возглавлял Пограничную комиссию, где находился и архив, и собрал богатейший материал по истории и географии края, вел интересные, обстоятельные записи.

Чтобы очертить круг ярких людей, которые жили в то время в Оренбурге и с которыми Пушкину было бы и любопытно, и полезно поговорить хотя бы коротко, надо упомянуть и старшего преподавателя арабского и персидского языков Неплюевского военного училища и переводчика Оренбургской пограничной комиссии Петра Ивановича Демезона. Как раз осенью 1833 года этот блестящий знаток Востока, владевший многими языками и талантом перевоплощения, готовился к очень рискованному, но чрезвычайно важному путешествию в Бухару под видом татарина-муллы. Его путь в Бухару начался через месяц-другой после пребывания в Оренбурге Пушкина. Перовский, надо полагать, хорошо знал о готовящемся путешествии и, может, рассказал о нем Александру Сергеевичу.

Был в Оренбурге еще один человек, вскоре совершивший в закрытую для европейцев Бухару путешествие, но под видом "киргизца" - Ян (Иван) Викторович Виткевич, тоже знаток восточных языков и тоже человек несколько авантюрного склада.

А Александр Николаевич Дьяконов, преподаватель того же Неплюевского военного училища мог бы быть представлен Далем Пушкину как знаток русского языка, который помогал Владимиру Ивановичу собирать материалы для "Толкового словаря живого великорусского языка".

...Было уже темно и холодно, и Даль повел Пушкина к себе, в свой теплый и уютный дом.

В тот второй оренбургский вечер, у Даля, наверно, продолжился разговор о творчестве, который начался еще утром, по пути в Берды.

Действительно, кроме того, чему суждено было осуществиться: "Капитанской дочки", "Дубровского", например, - Пушкин к тому времени начал уже или только задумал многое: роман о Петре I "Арап Петра Великого" (и напечатал отрывки из него), роман "Рославлев", "Роман в письмах", "Роман на кавказских водах", "Русский Пелам", из римской истории, может быть, о Христе.

Весьма трудно попытаться отгадать, о каких трех начатых к этому времени романах говорил Далю, судя по "Воспоминаниям о Пушкине", по дороге в Берды "нежданный и нечаянный" гость. Точнее, о двух можно догадаться. Это несомненно "Капитанская дочка", планы которой уже были составлены, и "Дубровский". Справедливо считается, что "Дубровский" вовсе не был насовсем брошен в январе 1833 года ради новой, оренбургской повести.

Во-первых, нет никаких свидетельств, что он у автора "не пошел" и поэтому был оставлен, к тому же уже были готовы 19 глав. А во-вторых, мы еще поговорим в одной из следующих глав, как рачительно относился Пушкин к своим удачным страницам, образам, отдельным фразам. Понравившееся он переносил как заготовки, часто дословно, в другие произведения. Из "Дубровского" же не было перенесено ни строчки. (Кроме песни "Не шуми, мати зеленая дубровушка".) Это верный признак, что к нему Пушкин твердо полагал вернуться и закончить.

Через год после оренбургской поездки он снова в Болдине. В письме к жене тревожится, что за две недели не получил от нее ни строчки, пишет, как скучает. "И стихи в голову нейдут; и роман не переписываю". Иногда под этим романом подразумевают "Капитанскую дочку". Но ее к тому времени еще нет, нечего переписывать. Речь тут несомненно о том же "Дубровском".

А вот на третий упомянутый Пушкиным роман претендентов много. Естественно, это не "История Пугачева", жанр не тот. А что?

Может, это один из тех романов, которые упомянуты четырьмя абзацами выше. Может, это и "Медный всадник", строфы которого уже создавались в дороге, хотя, конечно, назвать поэму романом можно лишь с натяжкой.

Так что по всей справедливости Пушкин мог сказать Далю не о трех, а почти о десятке новых своих замыслов.

"И мысли в голове волнуются в отваге" - это и о творческом нетерпении Александра Сергеевича в те дни. Очень верно замечание Ю.М. Лотмана:

"По количеству и размаху незавершенных трудов можно судить о том вдохновенном напряжении, в котором Пушкин находился эти последние годы".

Полезно вспомнить слова брата поэта - Льва Сергеевича о том, что его великий брат "любил придавать своим героям собственные вкусы и привычки. Нигде он так не выразился, как в описании Чарского (см. "Египетские Ночи")".

Наверно, в этих словах - большая доля истины. Сопоставим из уже цитированного оренбургского письма Пушкина жене "дурь на меня находит, - я и в коляске сочиняю" со словами о Чарском в "Египетских ночах": "когда находила на него такая дрянь (так называл он вдохновение), Чарский запирался в своем кабинете и писал с утра до поздней ночи".

Теперь пора несколько побольше рассказать о третьем человеке, кто много помог Пушкину в Оренбурге - Владимире Ивановиче Дале. Думаю, Пушкин, любивший людей ярких, необычных, которых бог награждал многими талантами, поражался многогранности Даля. В нем было что-то от титанов Возрождения, которые были искусны во всем.

Действительно, трудно даже придумать что-то, в чем Даль не был бы мастером.

Моряк, учился в Морском корпусе с будущим адмиралом и героем Севастополя П.С. Нахимовым и плавал с ним.

Искусный хирург, выпускник Дерптского университета, его высоко ценил сам Н.И. Пирогов. Будучи способным и энергичным чиновником особых поручений при Перовском, он всегда брал с собой в поездки по краю хирургические инструменты. Известно, что в одну из командировок он искусно ампутировал руку больного, зараженную гангреной, и тем спас его. Кстати, он ампутировал и изувеченную в войне 1812 года руку своего тестя, майора Оренбургского уланского полка Л.В. Соколова, о котором уже шла речь.

Он был музыкант, отлично играл и пел. Да и артистическим талантом не был обделен. Е. Воронина слушала, как в Оренбурге он на вечерах читал свои сказки:

"Вечер провели мы очень приятно. Сначала явился Дурасов, потом Перовский с Далем и его женой. Перовский уехал ранее всех, тогда Даль послал за своими сказками и прочел нам две из них, презабавные и прекрасно написанные в самых народных русских выражениях. Одна под названием "О воре и бурой корове", другая: "Дочь Строева или коровушка-буренушка". И он читал их очень хорошо".

Даль - и знаток ботаники и зоологии, по его учебникам училась вся Россия. Он создал "Музеум естественных произведений Оренбургского края", то есть краеведческий музей. Знал топографию, делал съемки маршрутных карт границ Хивинского ханства.

Он был умелым слесарем, столяром, печником, в своем оренбургском доме, где принимал Пушкина, он проложил под полом и вывел в печную трубу керамические трубы и "этим достиг такой тяги и очистки воздуха, какой желать можно".

В том же пушкинском, 1833 году в Петербурге вышла его книга о том, как быстро навести мост из бочек, плотов, лодок, эту книгу издали и в Париже. Кстати сказать, есть сведения, что именно эта книга "Описание моста, наведенного на реке Висле для перехода отряда генерал-лейтенанта Ридигера" спасла Даля: за книгу "Русских сказок" он попал в зловещее Третье отделение, но был помилован царем, вспомнившим, как мост Даля позволил выйти из окружения польских повстанцев отряду генерала Ридигера, а сам Владимир Иванович успел взорвать этот мост, когда русские

войска уже переправились и к мосту подошли повстанцы. А вскоре подобный мост соединил Оренбург с Зауральной рощей.

Был он и фольклористом, за год до приезда в Оренбург под псевдонимом Казак Луганский издал те переработанные им "Русские сказки", за которые попал в Третье отделение. Во время поездок по очень обширной тогда Оренбургской губернии он собирал и народные слова, и пословицы и поговорки, и песни. В его "Толковом словаре" после услышанных им слов и примеров их употребления немало пометок "Орнб.", "урал-казч."

У Даля был дар быстро осваивать языки. Через несколько месяцев после приезда Владимир Иванович уже свободно говорил по-башкирски и по-казахски.

"Всю свою жизнь я искал случая поехать по России", - писал он, неутомимый путешественник. Да и фамилия у него, если вслушаться, - значащая для человека, обожающего дальние странствия. Ее любопытно обыграла в своем рассказе "Сюжет" Т. Толстая там, где после дуэли бредит Пушкин:

"кто-то положил остужающую руку на горячий лоб - Даль? - Даль. Даль заволакивает дымом, кто-то падает, подстреленный, на лужайке..."

В оренбургский период он создал лучшие свои повести, рассказы, очерки, в те времена его даже ставили рядом с Гоголем. Недаром, по записи А. Аммосова, умирающий Пушкин встретил приехавшего к нему Даля словами:

"- Мне приятно вас видеть не только как врача, но и как родного мне человека по нашему общему литературному ремеслу".

И в тот день 19 сентября, когда ехали в Берды, Пушкин, как записал Даль, "усердно убеждал меня написать роман". Книги Даля были в библиотеке Александра Сергеевича.

А сколько кровавых междоусобиц он предотвратил, сколько споров разрешил часто в пользу неимущих, но правых! "Пришлите справедливого Даля!" - просили степняки.

И главное, он, по его выражению, "почитал народ за ядро и корень, а высшие сословия за цвет или плесень, по делу глядя".

Очень интересное исследование провела автор книги "Рисунки Пушкина как графический дневник" Любовь Краваль. Внимательно вглядываясь в лист с несколькими пушкинскими рисунками, который значится как ПД (Пушкинский дом) № 842, л. 75, об., она разглядела портрет Даля! Он справа в группе рисунков, левым профилем, обычным для портретов работы Александра Сергеевича.

Главное доказательство - большой с горбинкой нос, о котором неизменно вспоминал чуть ли не каждый, знавший Даля. Внизу листа - путник с лошадыю. И вполне возможно, что путник этот - тоже Даль. Тот же нос, на голове киргизский башлык, такие Пушкин по дороге видел во множестве, и Даль, наверно, о них рассказывал как об очень практичных в степных

скитаниях. А лошадь у Пушкина - обычно знак дороги. Можно полагать, рисунок сделан под влиянием далевских рассказов о большой поездке по оренбургскому краю, из которой он только что вернулся. Чуть левее Даля - старческий профиль с полоской провалившегося рта и точкой умалившегося к старости глаза. Предполагается, что это - Ирина Афанасьевна Бунтова.

И рядом, почти в центре листа - предполагаемый портрет Пугачева. Единственное, что смущает в этом предположении: за несколько месяцев до поездки в Оренбург Пушкин уже знал из показаний писаря оренбургского соляного правления Полуворотова характерную деталь лица Пугачева: "нос с горбом". Но на рисунке ни намек на горбоносость. Забыл? Но ведь он использовал в повести и в "Истории Пугачева" почти все остальные детали: и то, что лицо пугачевское было без "знаков", и что борода была черная, но с небольшой проседью, и что "левый глаз щурит и часто им мигает"...

А, может, эта деталь не использована и в рисунке, и в тексте оренбургских произведений потому, что Пушкин больше доверился известным ему портретам Пугачева, где нос прямой? Так и на портрете "Пугачев в кандалах" работы неизвестного художника, и на том портрете, который для "Истории Пугачева" гравировался в Париже.

Все трое на этом рисунке: Даль, Бунтова, Пугачев - связаны композиционно. Так их связал для Пушкина оренбургско-бердинский день 19 сентября 1833 года. Однако датируются эти рисунки 2 октября, следующим после возвращения из оренбургской поездки в Болдино днем. Кстати, в письме жене, помеченном тоже 2 октября, упомянуты и Пугачев, и Бунтова.

Может, закончив письмо, Пушкин, как это у него обычно бывало, стал думать, вспоминать - рисунками? Такова была его изобразительная память, что и через две недели его рука небрежно, но точно схватила характерное в чертах оренбургских собеседников.

Дата эта психологически подтверждается и тем, что рядом с Пугачевым - портрет его второй жены Устиньи Кузнецовой, а 2 октября как раз день мученицы Иустины. Можно предположить, что лист заполнялся в такой последовательности: сначала рука Пушкина вывела именинницу Устинью, потом - Пугачева. Их, естественно, можно было воспроизвести только с сохранившихся изображений или сфантазировать.

Дальше, по хронологии путешествия пошла группа дооренбургских собеседников поэта в Казани: купец Л. Крупеников и ректор университета К. Фукс.

А потом - те, о ком уже упомянуто, оренбуржцы В. Даль и И. Бунтова.

И последняя на этом листе группа, по мнению автора книги Л. Краваль, - это те, к кому Пушкин; никому не говоря, заезжал уже после Ураль-

ска: хорошие знакомые Н. Кривцов и А. Устинов. Оба они жили тогда в своих саратовских имениях.

Это обстоятельство дает Л. Краваль повод объяснить, почему Пушкина никто не видел от Уральска до имения братьев Языковых, где он отобедал с ними, заночевал и отправился дальше в Болдино. А ведь это - несколько "пустых" дней в пушкинской биографии. Вот ее предположение:

"Если Пушкин хотел по пути с кем-то увидеться, то будучи обязан испрашивать разрешения на любую поездку (которого ему, как правило, не давали) должен был, скорее всего, ехать не трактом, а проселком и, может быть, инкогнито".

Портреты саратовских друзей, по мнению автора, выдают конспирацию так же, как и зачеркнутые, но хорошо читаемые на этом же листе слова "Пушкин - Никшуп".

Оренбургской же темы это касается лишь в той степени, насколько вероятно, что Пушкин после Уральска поехал в Болдино снова на Бузулук - Симбирск, а не на Саратов - Пензу, и, пожалуй, колеблет мое предположение.

Ну, а сами рисунки, где Александр Сергеевич набросал Даля, Бунтову, Пугачева, просто бесценны.

В Оренбуржье Владимир Иванович провел 8 лет. Автор книги "Даль" из серии ЖЗЛ В. Порудоминский считает, что Владимир Иванович попал в Оренбург не без совета, а, может, и не без помощи Пушкина.

И эти годы подарили ему два главных события его жизни.

Первое - близкое знакомство с великим поэтом.

Любопытно, что в XIX веке предположительно сыном Даля - Львом Арсланом или по его заказу была написана икона, экспонировавшаяся в Петербурге в музее истории религии и атеизма: "А.С. Пушкин и В.И. Даль в виде святых Космы и Дамиана". Эти два христианских святых великомученика - братья-врачи, погибшие от злобы и зависти окружающих. Несомненно, духовную близость Пушкина и Даля хотел подчеркнуть иконописец. Хотя икона эта смотрится больше светским живописным произведением.

Владимир Иванович был у постели умирающего поэта. Он записал:

"Мне достался от вдовы Пушкина дорогой подарок: перстень с изумрудом, который он всегда носил последнее время и называл, - не знаю почему, - талисманом; досталась от Жуковского последняя одежда Пушкина, после которой одели его, только чтобы положить в гроб. Это черный сюртук, с небольшою, в нюгток, дырочкою против правого паха".

Сюртук этот Даль передал М.П. Погодину, в день похорон которого реликвия была украдена. Судьба перстня-талисмана сложилась благоприятнее. Говорили, что с изумрудом, покровителем людей искусства, было связано поэтическое дарование Пушкина. В его библиотеке был труд Кая

Плиния Старшего "История ископаемых тел", где речь шла и о драгоценных камнях. Изумруд считался счастливым камнем для тех, кто родился в мае. Может, еще и за это его любил Александр Сергеевич, родившийся, по старому стилю, 26 мая. А 5 апреля 1837 года Даль написал В. Одоевскому, вернувшись в Оренбург:

"Перстень Пушкина, который звал он - не знаю, почему - талисманом, для меня теперь настоящий талисман. Как гляну на него, так и пробежит во мне искорка с ног до головы, и хочется приняться за что-нибудь порядочное".

Значит, перстень этот Владимир Иванович привез в Оренбург. И можно представить себе, как в своем оренбургском доме Даль часто доставал эту драгоценность, любовался густым травянистым цветом камня и вспоминал все, что связано было в его жизни с незабвенным Пушкиным.

Через много лет, в 1855 году биограф Пушкина П.В. Анненков писал: "Перстень этот находится теперь во владении В.И. Даля". А после смерти Владимира Ивановича широкая публика увидела пушкинский талисман на московской юбилейной выставке 1880 года, куда он был доставлен дочерью В.И. Даля О.В. Демидовой. Перстень хранится теперь в Петербурге, в фондах Музея А.С. Пушкина.

Довелось видеть его, тот самый, что на портрете работы Тропинина у поэта на большом пальце правой руки. Красивый изумруд квадратной формы с чуть закругленными углами и слегка выпуклой лицевой поверхностью, огранка типа "кабюшон" для лучшей игры света в камне, вставлен в массивное золотое кольцо с гладкой поверхностью.

Правда, некоторые пушкинисты считают "талисманом" другой перстень, подаренный Пушкину в Одессе при расставании Е.К. Воронцовой. Да, стихотворение "Талисман" относится, как писал И.С. Тургенев, именно к тому золотому перстню с вырезанной на камне древнееврейской надписью, которым Александр Сергеевич очень дорожил, не расставался с ним до самой смерти и запечатывал им многие известные нам письма. Но тот перстень-печатку, который снял с пальца скончавшегося поэта В.А. Жуковский и благоговейно хранил, так же, как потом хранил его И.С. Тургенев, - украли в 1917 году, и он пропал без вести. А вот другой "талисман", принадлежавший В.И. Далю, как уже сказано, жив.

Много предположений без какого-то решающего документального доказательства о посмертной маске Пушкина, которая хранится в оренбургском Музее города, и, как считается, принадлежала тоже Далю. Получил ли он ее в числе примерно полутора десятков друзей Пушкина, которым достались первые, самые качественные отливки, и привез с собой в Оренбург? Или стал обладателем этой маски позже?

В который уже раз приходится сожалеть и обижаться, что Владимир Иванович, так много за свою жизнь написав, так мало оставил сведений,

связанных с Пушкиным. Во всяком случае об этой маске он не обмолвился ни словом.

И второе событие в его жизни, связанное с Пушкиным, - начало титанического труда, на который подвигнул Дalia Александр Сергеевич: собрание, систематизация материалов будущего "Толкового словаря живого великорусского языка", в котором 200 000 слов, в том числе 80 000 зарегистрированы им впервые, и "Пословиц русского народа". Значительная часть этих слов и пословиц собрана им в наших, оренбургских местах.

Надо напомнить, что Даль, только приехав в Оренбург с молодой женой, тут же отправился в дальнюю и длительную командировку по краю. Подробнее речь о ней впереди, пока же упомяну, что он воротился как раз в канун приезда Пушкина, надо полагать, с хорошей добычей, не только выполнив поручения губернатора и познакомившись с частью обширного Оренбуржья и его жителями, но, может, и с первой оренбургской тетрадкой, заполненной новыми для него словами, пословицами и поговорками, записанными в этой поездке. Кто знает, может, он и почитал Пушкину что-нибудь из этих своих первых оренбургских записей. За семь лет, проведенных в наших краях, тетрадок таких набралось у него несколько ящичков.

Можно предположить, что и в Оренбург он поехал с Перовским не только по настоятельной просьбе Василия Алексеевича, но и потому, что надеялся значительно продвинуться в собирании материала для будущего "Словаря". Ведь Оренбуржье было краем, где смешались люди из многих уголков государства, речь их - говоры и народная мудрость чуть ли не всех мест России.

Словарь этот, кстати, помогает выяснить в пушкинском тексте некоторые детали, современному читателю уже не ясные.

Помните, Гринев едет в кибитке на восток в Оренбург, с востока же показалось белое облачко, предвещающее буран, но ямщик почему-то на это облачко "стал посматривать в сторону"? Отчего бы так? Он ведь, вроде, сидит на козлах лицом к движению?

В том-то и дело, что козлы и облучок - вещи разные. Даль объясняет, что, в отличие от кареты, у кибитки на санях нет козел, а есть облук, облучок - это жердь, которая крепится по верхнему краю санного борта. "Сидеть на облук, на облучке значит боком, свесив ноги".

Теперь все становится ясным: ямщик сидел боком к движению, оттого и посматривал на облачко в сторону. Открывается и смысл фразы о Савельиче, расстроенном проигрышем барина Зурину: "Старик угрюмо сидел на облучке, отворотясь от меня, и молчал, изредка только побрякивая". Если б он сидел впереди, лицом к движению, то как бы мог еще и отворотиться?

Пушкину, конечно, было интересно с таким человеком. Даль испытал мощное благотворное влияние Александра Сергеевича.

Но и Пушкин взял многое. К примеру, основательны предположения, что в "Медном всаднике", написанном вскоре после оренбургской поездки, чувствуется Даль. Хотя бы в простонародных словах и русизмах, которые вошли в поэму. До этого Пушкин, может, написал бы: "фамилия", "каска", "пятый этаж". А в "Медном всаднике" мы читаем: "прозвание", "медная шапка", "пятое жилье". И даже привычный Петербург у Пушкина теперь "Град Петров".

В тот день, 19 сентября, Пушкин и Даль обменялись сюжетами сказок. "О Георгии Храбром и о волке", - вспоминал Владимир Иванович, - рассказано мне А.С. Пушкиным, когда он был в Оренбурге, а мы вместе поехали в Бердскую станицу".

А Пушкин потом написал "Сказку о рыбаке и рыбке", прислав ее Далю с надписью: "Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому - сказочник Александр Пушкин".

Интересно, что сказка "О Георгии Храбром и о волке", как ее записал со слов Пушкина и вскоре опубликовал Даль, вышла не очень удобочитаемой. В ней переизбыток тюркских слов, да и русский язык - ломаный.

Вот, к примеру, волк говорит Георгию Храбром: "Пришла моя твоя просить, дело наша вот какой: моя ашать нада, курсак совсем пропал". Известный фольклорист М.К. Азадовский верно полагает, что Пушкин услышал это где-то в пути от плохо говорящего по-русски татарина или калмыка да точно так и пересказал.

Можно думать, что сам Александр Сергеевич написал бы эту сказку тем же легким ясным слогом, каким создал услышанную в подарок "Сказку о рыбаке и рыбке", убрав все этнографические языковые излишества. Он, как мы увидим, перевел в "Капитанской дочке" и "буран", и "умет". А у Даля остались неперевоенными и "ашать" - "есть", и "курсак" - "живот".

Хотя он же, Владимир Иванович, записал в "Воспоминаниях о Пушкине" пушкинский принцип: "Сказка сказкой, - говорил он, - а язык наш сам по себе, и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке".

Но при всем уважении к Далю, талантом он весьма уступал Пушкину. Это ясно и при сравнении их схожих по персонажам сказок об орле и вороне. Даль написал и опубликовал раньше, но не зря же у нас в памяти только пушкинская.

Однако давайте взглянем и с другой стороны. Какими же были пушкинские память, артистические способности, тот "жар" повествователя и как же почитал Владимир Иванович "нежданного, нечаянного" гостя, если "Сказка о Георгии Храбром и о волке" была Далем благоговейно записана и напечатана точь-в-точь, как рассказывал Пушкин! Без всякой литературной обработки.

Он вообще понимал Александра Сергеевича, как немногие, хотя его нельзя, строго говоря, назвать близким другом поэта. Перечитаем его "Воспоминания о Пушкине". Там есть место, где он, внешне соглашаясь с Пушкиным, тут же его опровергает и дополняет:

"По пути в Берды Пушкин рассказывал мне, чем он занят теперь, что еще намерен и надеется сделать. Он усердно убеждал меня написать роман и повторял: - "Я на вашем месте сейчас бы написал роман, сейчас; вы не поверите, как мне хочется написать роман, но нет, не могу: у меня начато их три, - начну прекрасно, а там недостает терпения, не слажу". Слова эти вполне согласуются с пылким духом поэта и думным творческим долго-терпением художника; эти два редкие качества соединились в Пушкине, как две крайности, которые дополняют друг друга и составляют одно целое".

Пушкинская речь тут горячая, чуть сбивчивая, живая, Даль явно старался передать точно так, как услышал. Но по сути, Пушкин говорит только о том, что названо "пылким духом поэта". И вопреки этому Даль продолжает то, что как раз не "согласуется вполне" с однобокой пушкинской самооценкой: он добавляет хорошо ему известное "творческое долготерпение художника". Ведь он оценивает с дистанции, когда весь творческий путь великого человека уже трагически рано завершился. В том числе он сравнивает, как на его глазах Пушкин с жаром искал и находил пугачевские материалы, с тем, что было написано и напечатано - с "Историей Пугачева" и "Капитанской дочкой".

Да, многое бы мы все дали, как те две оренбургские барышни, забравшиеся на дерево, но из-за двойных рам не услышавшие ничего, чтобы послушать, о чем беседовали в тот вечер Пушкин и Даль!

Может, и не только беседовали. Уже упоминалось, что у Даля и его жены (Е. Воронина описала ее так: "Мила, как нельзя более: миньятюренькая, голосок тоненький, звонкий, ну точно колибри эта интересная не-мочка") были неплохие голоса, и они часто пели на музыкальных вечерах в Оренбурге. Можно предположить, что они спели Пушкину русские народные песни и романсы.

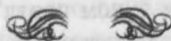
Предполагаемый хронометраж второго пушкинского дня, 19 сентября:

8 - 9 часов	Приезд с летней дачи Перовского в город
9 - 10 часов	Отъезд в Берды
10 - 11 - 13 - 14 часов	Осмотр Берд, беседы со старожилами
14 - 15 часов	Возвращение в город
15 - 16 - 18 - 19 часов	Прогулка с Далем по Оренбургу
19 - 22 часа	Беседа с Далем

Предполагают, что именно в день смерти Александра Сергеевича бу-
дущий "Толковый словарь живого великорусского языка", о котором в
Оренбурге 19 сентября 1833 года так живо беседовали Пушкин и Даль,
пополнился еще одним словом, толкование которого Владимир Иванович
записал тут же, в квартире Пушкина, на отдельном листке:

"Бессмертие - непричастность смерти, свойство, качество неумираю-
щего, вечно сущего; жизнь духовная, бесконечная, независимая от плоти.
Всегдашняя или продолжительная память о человеке на земле, по заслу-
гам или делам его.

Незабвенный, вечнопамятный".

Предполагаемый хронометраж второго пушкинского тура
19 сентября

19 - 22 июля	Беседы с Давыдовым
17 - 18 июля	Встреча с Давыдовым
15 - 16 июля	Встреча с Давыдовым
10 - 11 июля	Охота Белого, беседы со старшими
9 - 10 июля	Отъезд в Баден
8 июля	Принятие в члены Перовского клуба

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

20 сентября (2 октября по новому стилю)

Пушкин покидал Оренбург и Оренбуржье. Когда он уехал из города? Когда мог посетить по дороге бывшие крепости, захваченные за 60 лет до этого Пугачевым? Когда пересек нынешнюю границу Оренбургской области?

Нам опять придется призвать на помощь логику и элементарную арифметику.

Наверно, Пушкин накануне рассчитал час отъезда. Из чего он мог исходить? Можно уверенно предположить, что он хотел прибыть в Уральск к вечеру следующего дня. Надо было бы еще застать на службе тамошнее начальство, представиться, обсудить планы, устроиться.

Так, как получилось с приездом в Оренбург. Только тут это вышло во многом случайно. Хотя бы только из-за того, что путь из Симбирска в Оренбург был в два с половиной раза длиннее, а, значит, намного больше почтовых станций, где можно было долго ждать свежую тройку лошадей. Вспомним и другие причины, о которых уже шла речь.

Дорогу же до Уральска Александр Сергеевич мог рассчитывать с большей степенью точности.

Во-первых, он ехал уже как гость Перовского, следовательно, на станциях лошади, верно, были готовы. Почти не вызывает сомнений, что губернатор накануне отправил по уральской линии гонца, во всяком случае в Нижнеозерной Пушкина, как и в Бердах, ждали старики, помнившие "Пугача".

Во-вторых, самих станций было не так уж много: после Оренбурга - Черноречье, потом Татищево, Нижнеозерное, Рассыпное, Мухраново, Студеное, Кинделя, Иртек. И дальше, уже за нынешней оренбургской границей Кирсаново, Январцево, Рубежное, Гнилое. И Уральск. Всего на две станции больше, чем было только в пределах Оренбуржья, когда поэт ехал к нам из Симбирска.

В-третьих, почтовая связь у уральских казаков, как отмечалось, была на высоте.

В рабочих тетрадях, которые Пушкин брал с собой в дорогу, нередко вычисления столбиком расстояний, прогонных денег. Поскольку с лицейских лет он математикой не увлекался, то иной раз столбиком производит

простейшие подсчеты. Есть в его дорожной тетради рисунок-портрет, который условно называют "Башкирка". Отставим в сторону этот быстро-летный набросок узкоглазой женщины, сложившей руки на груди, и заинтересуемся только цифрами над и под рисунком. Сверху столбиком умножается 220 на 20. Получается, как Пушкин записал, 44.0. И приписано: "рубл. до Ор." Что это такое? Посчитаем по тогдашней карте, где были проставлены версты от станции до станции. Считая к Оренбургу по Сакмарской линии, по пути Пушкина со стороны Бузулука, 220 верст выйдет точно от станции Погромной. 20 копеек - это, понятно, плата в копейках за версту, как мы уже видели, за четверку лошадей. Так что, наверно, Александр Сергеевич подсчитал, сколько он должен заплатить - 44 рубля. Не совсем ясно, почему он не считал от предыдущей, крупной станции Бузулукская? И почему дальше, тоже столбиком, он из 44 вычитает 32? Что означает получившееся 12? И еще загадка: под рисунком и тоже столбиком 500 множится на те же 20, получается 100.00. По аналогии вполне можно предположить, что это расчет платы за пятисотверстный путь. Но от Симбирска до Оренбурга около 600 верст. Значит, опять отсчет ведется почему-то от второстепенной станции.

Расчета поездки из Оренбурга в Уральск не сохранилось, но он вполне мог существовать. Как он мог бы выглядеть?

Расстояние между этими двумя городами - 281 верста. Почта преодолевала это расстояние часов за 30. Средняя скорость чуть больше 9 верст в час. Но он должен был оставить себе какое-то время и на осмотр попутных бывших крепостей, и на беседы с местными жителями, особенно в Нижнеозерной, о которой, как мы уже говорили, он многое знал из уже имевшихся у него исторических источников и от Бунтовой.

Во всяком случае, самый большой раздел "Оренбургских записей" помечен: "В Озерной". Вот он:

"Из Озерной Харлов выслал жену свою 4 дня перед Пуг.(ачевым), а пожитки свои и все добро спрятал в подвале у Киселева. Пугачева пошли казаки встречать за 10 верст. Харл.(ов) (хмельной) остался с малым числом гарниз.(онных) солдат. Он к вечеру начал палить из пушек. Биллов услышал пальбу из Чесноковки (15 в.ерст) и воротился, полагая, что Пуг.(ачев) пришел. Казак стал остерегать его: "Ваше ц.(арское) в.(еличество), не подъезжайте, не равно из пушки убьют". - "Старый ты человек, - отвечал ему Пуг.(ачев), - разве на царей льются пушки?" Харл.(ов) приказывал стрелять - никто его не слушал. Он сам схватил фитиль и выстрелил по неприятелю - потом подбежал и к другой пушке - но в сие время бунтовщики ворвались. Харлова поймали и изранили. Вышибленный ударом копья глаз у него висел на щеке. Он думал откупиться и повел казаков к избе Киселева. "Кум, дай мне 40 рублей, - сказал он. - Хозяйка все у меня увезла в Ор.(енбург)". Кис.(елев) смутился. Казаки разграбили имущество Харл.(ова). Дочь Кис.(елева) упала к ним в ноги - говоря: "Госу-

дари, я невеста, этот сундук мой". Каз.(аки) его не тронули. Потом повели Харл.(ова) и с ним 6 чел. вешать в степь. Пуг.(ачев) сидел перед релями - принимал присягу. Гарнизон стал просить за Харлова, но Пуг.(ачев) был неумолим. Татарин Бикбай, осужденный за шпионство, взошел на лестницу, спросил равнодушно: "Какую петлю надевать?" - "Надевай, какую хочешь", - отвечали казаки (не видел я сам, а говорили другие, будто бы тут он перекрестился). Пуг.(ачев) был так легок, что когда он шел по улице к магазинам, то народ не успевал за ним бегом. Он, проезжая по Озерной к жене в Яицк, останавливался обыкновенно у каз.(ака) Полежаева, коего любил за звучный голос, большой рост и проворство.

Под Ил.(ецким) городком хотел он повесить Дмит. Карницкого, пойманного с письмами от Сим.(анова) к Рейнс.(дорпу). На лестнице Карн.(ицкий), обратясь к нему, сказал: "Гос.(ударь), не вели казнить, вели слово молвить". - "Говори", - сказал Пуг.(ачев). - "Гос.(ударь), я человек подлый, что прикажут, то и делаю; я не знал, что написано в письме, которое нес. Прикажи себе служить, я буду тебе верный раб". - "Пустить его, - сказал Пуг.(ачев), - умеешь ли ты писать?" - "Умею, гос.(ударь), но теперь рука дрожит". - "Дать ему стакан вина, - сказал Пуг.(ачев), - пиши указ в Расыпную". Карн.(ицкий) остался при нем писарем и вскоре стал его любимцем. Уральские каз.(аки) из ревности в Тат.(ищевой) посадили его в куль да бросили в воду. "Где Карн.(ицкий)". - Спросил Пуг.(ачев). - "Пошел к матери по Яику". - Ответили они. Пуг.(ачев) махнул рукою и ничего не сказал. Такова была воля яицк.(им) казакам!"

Ни в одной другой "Оренбургской записи" нет такой живой, непосредственной прямой речи пушкинских собеседников, чуть ли не стенографической ее передачи: "не видал я сам". А "пошел к матери по Яику" - это вовсе не ругательство. Мать сержанта жила, действительно, в Яицком городке, ниже по течению Урала.

Кстати сказать, как мы уже видели в эпизоде с казнью молодой Харловой и ее брата, у Пушкина мы зачастую встречаем толкования в пользу Пугачева, если есть разночтения в свидетельствах. Например, в записках полковника М.Н. Пекарского утверждается, что писаря приказал удавить и бросить в реку не кто иной как сам Пугачев.

Как свидетельствуют "Оренбургские записи", от стариков в Нижнеозерной Пушкин узнал любопытную деталь о коменданте крепости: в день падения крепости он был "хмельной". В "Капитанской дочке" об этом - ни намек. Но оренбургская запись отразилась в "Замечаниях о бунте", представленных царю:

"Бедный Харлов накануне взятия крепости был пьян, но я не решился того сказать, из уважения его храбрости и прекрасной смерти".

Заехал ли Александр Сергеевич в Илецкий городок, нынешнее село Илек? Точно не известно. С одной стороны, ему пришлось бы потерять время, свернув с основной дороги и переехав по мосту через Урал. С

другой же, Илецкий городок был первым относительно крупным населенным пунктом, захваченным пугачевцами. И во второй главе "Истории Пугачева" Пушкин уделил этому эпизоду большой абзац:

"С шайкой, умноженной новыми бунтовщиками, Пугачев пошел прямо к Илецкому городку и послал начальствовавшему в нем атаману Портнову повеление - выйти к нему навстречу и с ним соединиться. Он обещал казакам пожаловать их крестом и бороною (илецкие, как и яицкие, казаки были все староверцы), реками, лугами, деньгами и провиантом, свинцом и порохом, и вечною вольностию, угрожая местию в случае непослушания. Верный своему долгу, атаман думал сопротивляться; но казаки связали его и приняли Пугачева с колокольным звоном и с хлебом-солью. Пугачев повесил атамана, три дня праздновал победу и, взяв с собою всех илецких казаков и городские пушки, пошел на крепость Рассыпную".

Нынешним жителям Илека хотелось бы, конечно, чтоб существовали какие-то решающие, веские доказательства тому, что Пушкин у них был. Но все же в этом абзаце нет каких-то деталей, которые он мог бы увидеть и услышать только здесь и нигде кроме.

Нет также и сведений, знал ли Александр Сергеевич историю знаменитого портрета Пугачева, который позже оказался двойным. История эта весьма любопытна. К тому времени, когда был взят Илецкий городок, а это был первый крупный военно-политический успех повстанцев, понадобился теперь парадный портрет. Он должен был стать еще одним из доказательств того, что их предводитель - подлинно Петр III.

Но где взять холст и живописца? Вспомнили, что войдя в Илецкий городок, обнаружили портрет императрицы и со злости проткнули его в нескольких местах пиками. Холст заштопали. На портрете, хранящемся теперь в Государственном Историческом музее, швы проступают явственно. Нашелся и живописец. На обороте еле заметная надпись: "Писан лик сей 1773 года сентября 21 дня". Художник - "Иван сын Прохоров, из раскольников".

Лишь в 1924 году этот илецкий портрет был найден в запасном фонде музея. Взялись за его реставрацию, и опытный глаз заметил: что-то проступает под верхним слоем краски. Начали расчищать - и ахнули: показалось лицо злейшего врага Пугачева - императрицы, копия с портрета работы художника Эриксона. И поступили мудро, оставив оба лика. Так вышло, что изображение Пугачева закрывает, в основном, нижнюю правую часть портрета. Юго-восточную, охваченную пугачевщиной, если холст представить картой России.

Повторю, что неизвестно, видел ли этот портрет Пушкин, знал ли о нем? Фамилия живописца потом передастся в "Капитанской дочке" белогорскому капралу Прохорову. Но это может быть и случайным совпадением.

Известный пушкинист Н.В. Измайлов, комментируя запись в пушкинской дорожной тетради, помеченную "В Озерной", считал: рукой не поэта,

а его неведомого собеседника написаны слова о несчастном сержанте Дмитрие Кальминском. Он назван в этой записи почему-то Карницким. Действительно, достаточно только сравнить, как написаны буквы "к" в этой фамилии. Прямые палочки в буквах не имеют начинающего их завитка, наподобие закругленной ручки посоха, что характерно для пушкинских "к". Сержант был пойман с письмом коменданта Яицкого городка И.Д. Сиимонова. Перед виселицей "под Илецким городком" попросился к Пугачеву на службу. И был помилован и принят на службу еще и потому, что умел читать и писать. Но через несколько дней казаки "из ревности" утопили его.

И сама помета об Илецком городке означает, по мнению Н.В. Измайлова, не место, где запись была сделана, а всего лишь место действия.

Можно предположить, что на остановки, осмотры и беседы Пушкин мог оставить часа два-три, по меньшей мере. Остальное расчислялось просто: чтобы приехать в Уральск на следующий вечер, около 16 - 17 часов, надо было выехать из Оренбурга примерно в 8 часов утра.

Поэтому, положим, Александр Сергеевич после завтрака выехал из дома Даля часов в 7 утра (а солнце всходит в этот день примерно в такое время).

Он заехал на летнюю дачу проститься с Перовским и поблагодарить его - просто не мыслится, что Пушкин, не видевшийся с губернатором с прошлого обеда, не завернул бы к нему. Это Перовского оскорбило бы.

Тогда от летней дачи, выехав на почтовую дорогу, Александр Сергеевич часов в 8 утра поскакал бы навстречу движению пугачевцев шесть десятилетий лет назад по правому берегу Урала. До Нижнеозерной было 82 версты, то есть около девяти-десяти часов езды да еще хоть с кратким осмотром Чернореченской и Татищевой. Так что к Нижнеозерной он подъезжал бы часов в 17-18.

Опять, как это было, когда мы рассчитывали время приезда Пушкина в Оренбург, продублируем более точным подсчетом. Используем для этого рисунок Нижнеозерной, сделанный поэтом. О нем мы подробно будем говорить в следующих главах. Это - объективная временная веха. Такая же, как набросок Симбирска, сделанный с Волги, который определил время выезда из города не ранним утром, в темень, а при свете солнца, чтоб можно было рисовать.

Рисунок Нижнеозерной - такая же контрольная веха. Пушкин мог сделать его только засветло, не позже 17-18 часов, ибо солнце вскоре уже заходит. Зная уже самую большую скорость, с которой мог ехать поэт с кратковременными остановками в Чернореченской и Татищевой - около 8-9 верст в час, и считая время назад, от рисунка, мы снова приходим к тому же выводу: Пушкин покинул Оренбург часов в 8 утра.

Если же предположить, что Пушкин от Даля уехал на дачу Перовского попрощаться не в 7 утра, а хоть часов в 9-10, то есть сдвинуть весь дальнейший график хоть на 2-3 часа, то в потемках Александр Сергеевич

не увидел бы не только Нижнеозерной, но и тех белых меловых круч, по которым он дал название крепости Белогорская.

И раньше 7 утра, в потемках, уезжать от Даля было неловко. В такую рань поднимать всех на ноги Пушкин не стал бы. Да и ни к чему было выезжать часов в 5, выгаданные час-два ничего бы не дали в Уральске следующим вечером.

А теперь пора подвести высчитанные нами хронологические итоги всего пребывания великого поэта в Оренбурге и в Оренбуржье.

"Три пушкинских дня" в Оренбурге - это лишь по датам: 18, 19, 20 сентября. Если же вспомнить все наши расчеты: прибыл в город в 17-18 часов 18-го, уехал в 7-8 часов 20-го - то пробыл Пушкин в городе всего около 40 часов.

А если попробовать посчитать, сколько он пробыл в Оренбуржье в нынешних границах, то, вернувшись к расчетам, которые мы уже делали, можно предположить, что по пути в Оренбург границу области на южной окраине Бузулукского бора он пересек на переломе ночи к утру 17 сентября. Через несколько часов был в Бузулуке, где-то к вечеру - в Сорочинске, ранним утром 18-го - в Переволоцке.

А по дороге из Оренбурга в Уральск нынешнюю границу области за Илеком он, видимо, переехал ближе к полуночи с 20 на 21 сентября. Так что в Оренбуржье Пушкин провел около трех с четвертью суток.

Предполагаемый хронометраж третьего пушкинского дня, 20 сентября:

7 часов	Отъезд из дома Даля
8 часов	Отъезд из летней дачи Перовского
17-18 часов	Беседа в Нижнеозерной со стариками
24 часа	Пушкин покидает пределы Оренбуржья

...Коляска снова стала его дорожным домом. По дороге из Петербурга в Москву ее так растрясло, что потребовался "подправок", как писал Александр Сергеевич. Из-за этого он задержался в Москве, а ведь каждый день дозволенного царем четырехмесячного отпуска был на вес золота. "Каретник насилу выдал мне коляску, - жаловался он в письме к жене, - нет мне счастья с каретниками".

Но, видимо, на пользу пошла ему история, случившаяся за год до этого. Тогда он сэкономил сто рублей, отдав в починку не мастерам своего дела Фрибелиусу или Иохиму, а тем, кто разрядом пониже, и они его надули. А тут он, видимо, денег не пожалел, и коляска в оренбургском путешествии служила ему исправно, хотя дороги были отвратительны.

...Коляска, в темноте подпрыгивая на колдобинах, пересекла границу Оренбуржья.

Впереди у Пушкина было 1229 дней жизни и творчества.

ЧТО БЫЛО В СУНДУЧКЕ?

К пушкинской коляске был приторочен сундучок-подголовник. Такой сундучок использовали обычно купцы: днем его с капиталами внутри караулила икона, а ночью его надежнее было класть под голову, под подушку, которая хорошо укладывалась в специальной выемке на крышке.

Сундучок Пушкина был набит.

Еще в начале оренбургского путешествия Александр Сергеевич писал жене:

"Книги, взятые мною в дорогу, перебились и перетерлись в сундуке".

Интересно, что за книги взял он с собой? Точно известны несколько из них, лежавших вместе с черновой рукописью "Истории Пугачева", которая тоже была в этом сундуке, выписками из архивных дел и другими заготовками в двух десятках сшитых самодельных тетрадок и чистой бумагой. О других же книгах можно только догадываться.

Известно, что вез Александр Сергеевич "Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова" - одного из "усмирителей Пугачева".

Пушкин уже ко времени путешествия знал и понимал о Пугачеве больше, чем автор "Записок". Оттого и написал, к примеру, на полях одной из страниц этого довольно потрепанного и со множеством помет экземпляра резкое замечание "взор" - против рассуждения:

"Пугачев одарен был от природы необычайною силою телесною, мужеством, решимостью и пылкостью ума и чрезмерным честолюбием, сии дарования при надлежащем воспитании могли бы обратиться к его счастью и сделать его полезным и отличным слугою отечеству, но, по распутству матери и беспечности опекуна и дяди, способности обратились на вечную пагубу сего несчастного и на всеобщее бедствие".

Или после слов "Бригадир Билов достиг Татищевой крепости ... вскоре выступил из оной на встречу злодею, но неизвестно, отчего опять в крепость возвратился", - Пушкин презрительно пояснил: "от трусости".

В этом дорожном сундучке была и небольшая книжка В.Н. Берха "Подробное историческое известие о всех наводнениях, бывших в Санкт-Петербурге".

И в предисловии к поэме указано:

"Происшествие, описанное в сей повести, основано на истине. Подробности наводнения заимствованы из тогдашних журналов. Любопытные могут справиться с известием, составленным В.Н. Берхом".

Что это может значить? А то, что "Медный всадник", написанный в октябре 1833 года, сразу же после возвращения из оренбургской поездки в Болдино, создавался там не с нуля.

Во время страшного петербургского наводнения 7 ноября 1824 года, описание которого дано в поэме, Пушкин был в Михайловском. Конечно, он многое слышал об этом бедствии, но достал и взял с собой книгу Берха, чтобы иметь более полное представление. Поэтому, начав работу над "Медным всадником", он сделал такое примечание к тому, как это наводнение описано Адамом Мицкевичем в "Олешкевиче":

"Мицкевич прекрасными стихами описал день, предшествовавший Петербургскому наводнению... Жаль только, что описание его не точно. Снегу не было - Нева не была покрыта льдом. Наше описание вернее, хотя в нем и нет ярких красок польского поэта".

Все это и значит, что "Медный всадник" был задуман еще до поездки. И, видимо, строфы поэмы рождались в голове поэта и во время долгого оренбургского путешествия. Да и по идейному замыслу поэма и "Капитанская дочка" перекликаются: "маленький человек" - и безжалостная сила исторических событий.

Тут вспомним переписку Софьи Дельвиг с Александрой Карелиной. В одном из писем из Петербурга в Оренбург рассказывается о некоем Луковкине, который, когда спала вода, не нашел на своем месте дома, смытого Невой вместе со всем семейством. Но, конечно, этот рассказ Пушкин мог услышать не только от жены Дельвига и использовать его в "Медном всаднике". А, может, он сам рассказал Дельвигам о несчастном Луковкине, так похожем на Евгения - героя поэмы.

Можно сделать предположение, что в дорожном сундучке были уже и наброски поэмы, те, которые написаны не в болдинской тетради, а на отдельных листах. Такие, как "Над Петербургом омраченным..."

Картина наводнения дополнилась и личными впечатлениями Пушкина. Ведь в оренбургскую поездку он двинулся в день, когда Нева снова показала свой строптивый нрав. Вот как это описано в письме к жене 20 августа 1833 года:

"Ты помнишь, что от тебя уехал я в самую бурю. Приключения мои начались у Троицкого мосту. Нева была так высока, что мост стоял дыбом; веревка была протянута, и полиция не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на Черную речку".

Вот еще одно любопытное наблюдение на тему о том, что дало Пушкину путешествие в наши места. Под оренбургским "углом зрения" можно взглянуть хотя бы на то место "Медного всадника", где описывается навод-

нение. Не живыми ли пугачевскими впечатлениями, не откликом ли реальный и лексики "Истории Пугачева" объясняется несколько неожиданное сравнение наводнения в Петербурге, набросившегося на город?

... Так злодей

С свирепой шайкою своей

В село ворвавшись, ломит, режет,

Крушит и грабит; вопли, скрежет,

Насилье, брань, тревога, вой!..

И, грабежом отягощенны,

Боясь погони, утомленны,

Спешат разбойники домой,

Добычу на пути роняя.

Один из крупнейших современных пушкинистов С.А. Фомичев нашел такой возможный оренбургско-пугачевский след и в "Песнях западных славян", над которыми, по его мнению, поэт работал в Болдине той же осенью 1833 года. Он сопоставляет отрывок из "Истории Пугачева" о Георгиевской церкви в Оренбурге со строками одной из "Песен западных славян" - "Видение короля".

Вот из "Истории Пугачева":

"В церкви, куда мятежники приносили своих раненых, видны были на помосте кровавые лужи. Оклады с икон были сорваны, напрестольное одеяние изорвано в клочья. Церковь осквернена была..."

А вот из "Видения короля", тоже в церкви:

Тут он видит чудное виденье:

На помосте валяются трупы,

Между ими хлещет кровь ручьями,

Как потоки осени дождливой.

Он идет, шагая через трупы,

Кровь по щиколотку ему достигает...

А если "Песни западных славян" писались в Болдине, то вполне можно предположить, что Пушкин вез с собой в сундучке и книгу Проспера Мериме "Гюэла" - мистификацию знаменитого француза, написавшего "фольклорные" песни "иллирийских славян". Из шестнадцати "Песен", созданных Пушкиным, одиннадцать - это подражание "Гюэлу".

А две - перевод из сборника сербских песен Вука Караджича, то есть и эта книга могла быть в пушкинском багаже. (Остальные три сочинены самим Александром Сергеевичем.)

Какие еще книги и рукописи предположительно могли быть в пушкинском сундучке?

Можно полагать, что в Оренбурге сундучок пополнился. Известный исследователь Д.Н. Соколов в книге "Пушкин в Оренбурге" сделал интересное предположение. В "Медном всаднике", который Пушкин напишет через каких-то несколько недель, есть скрытая полемика с Адамом Мицке-

вичем, с его недавно опубликованными стихами "Памятник Петру Великому", "Русским друзьям", "Олешкевич".

Эти тексты записаны Александром Сергеевичем в тетради, где следом появятся черновики "Медного всадника".

Где Пушкин мог взять эти стихи? Среди оренбургских ссыльных был и друг Мицкевича Фома Зан. И Соколов делает предположение, что Даль не только рассказал поэту о поляках в Оренбурге, но и "мог даже достать ему на время рукописный или печатный экземпляр, из которого поэтому Пушкин и мог торопиться переписать, тотчас по приезде в деревню, то, что хотел перевести, и то, на что хотел отвечать".

Но это предположение все же далеко не бесспорно. Известно, что собрание сочинений Мицкевича Пушкину привез из-за границы С.А. Соболевский еще за два месяца до оренбургской поездки. Во всяком случае том четвертый, на котором есть шуточная надпись Соболевского, точно был в руках Александра Сергеевича. И еще: в Пушкинском доме в Петербурге хранится рабочая тетрадь, в которую Пушкин занес по-польски "Олешкевич", "Русским друзьям", "Памятник Петру Великому" - стихи из поэмы "Дядя". Рядом с этими записями - черновик письма А.Х. Бенкендорфу. А датирован от 22 июля 1833 года.

Так что стихи польского поэта Пушкин вероятнее всего переписал до своей поездки и вез в этой тетради, чтобы использовать в Болдине, работая над "Медным всадником".

В "Альбоме без переплета", как он называется у пушкинистов, были черновые строфы "Езерского", планы исторического романа.

Рискну предположить, что в сундучке вместе с Пушкиным путешествовал и Шекспир. П.В. Нащокин, один из близких друзей поэта, рассказывал позже пушкинисту П.И. Бартеневу:

"Читая Шекспира, он (Пушкин. - В.С.) пленился его драмой "Мера за меру" ... Вместо перевода, подобно своему "Фаусту", он переделал Шекспирово создание в своем "Анджело".

Действительно, сюжет, мотивы и образы "Меры за меру" Александр Сергеевич использовал, когда в Болдине, после оренбургского путешествия писал "Анджело".

Но в Болдине могло и не быть произведений Шекспира, и Пушкин, наверно, взял их с собой в дорогу.

Так же, как наверняка могло не быть и радищевского "Путешествия из Петербурга в Москву". И чтобы начать в Болдине свою статью "Путешествие из Москвы в Петербург", он должен был везти с собой экземпляр книги Радищева, который попал к нему летом 1833 года, тот самый, который был когда-то в Тайной канцелярии.

Что еще мог Пушкин везти с собой?

Вспомним в записи Евгении Ворониной о приезде в Берды Александра Сергеевича слова старухи Бунтовой: "патрет красавицы". Тот, который

он ей показал, с прибавлением: "Она станет твои песни петь". Лучший и известнейший акварельный портрет Натальи Николаевны А. Брюллов написал зимой 1831-1832 годов. Его и взял в дорогу Пушкин? Но акварель нежна и хрупка, что бы с ней стало в тряской дороге, когда и книги перетирались?

По Т.Г. Цявловской, замечательному специалисту по пушкинской графике, портрет работы А. Брюллова - "единственный, современный годам брака Натальи Николаевны с Пушкиным". О литографических копиях с этой акварели, которые можно было бы взять в дорогу, ничего не известно.

Хотя другой знаток графики прошлого и позапрошлого века А.В. Корнилова в работе "Картинные книги" сообщает, что обычно путешественники брали с собою акварельные портреты своих близких:

"Вставленные в кожаный или обтянутый бархатом футляр, они хорошо упаковывались в саквояжи. Остановившись в частном доме либо в гостинице, путешественник мог легко достать их и поставить на стол. На чужой стороне они напоминали о близких, оставленных на родине".

К тому же есть свидетельство, что в Казани, по пути в Оренбург Пушкин подарил поэту Е.А. Баратынскому свой карандашный портрет работы И.Е. Вивьена де Шатоборена, а изображение карандашом тоже вещь нежная.

Так что чудесная акварель могла бы побывать и в загородном доме Перовского, и в городской квартире Даля. И все же почему-то кажется, что Пушкин не решился взять в трудный путь такую хрупкую и драгоценную для него вещь.

Тогда, значит, Александр Сергеевич показывал Бунтовой один из своих рисунков. Но какой?

1833 годом датируются два рисунка. Один - карандашный, на отдельном листе. Здесь Наталья Николаевна изображена в повороте три четверти, в общем-то для Пушкина-художника не характерном, ведь почти все портреты его работы - в профиль. Этот рисунок не очень удачен, подбородок Натальи Николаевны жирно подправлялся, неверно намечена челюсть, да и рот нарисован не точно.

А ведь Бунтова говорила о "красавице".

Может, под "патретом" она подразумевала тот пушкинский рисунок, где Наталья Николаевна изображена тоже в повороте три четверти, на фоне густой чернильной штриховки, а чуть правее ее же профиль?

Это изображение очень удачно. Т.Г. Цявловская считала этот портрет "самым выразительным, самым психологическим и самым красивым", ставя его даже выше брюлловской акварели. И продолжала:

"По этому интимному портрету видим мы тот облик жены Пушкина, который он любил и который рисовался ему в разлуке с ней".

Действительно, полюбуемся, какими тонкими движениями пера Александру Сергеевичу удалось показать милые пропорции, так красившую его жену небольшую раскосость.

Чуть грустное выражение ее лица очень перекликается с "мне тоска без тебя" из оренбургского письма поэта. Пушкину, как всякому живому человеку, очень хотелось, чтобы и жена тосковала по нему. Вот она на портрете и грустит. В десятитомных собраниях сочинений, изданных в 1962 и 1973 годах "Художественной литературой", составители поместили этот рисунок как раз над письмом Наталье Николаевне из Оренбурга 19 сентября 1833 года. И это воспринимается вполне уместным.

Однако обычно портрет этот датируется 6 октября. На листе, над этим рисунком - слова: "В Европу прорубить" и другие наброски к "Медному всаднику".

Но ведь резонно предположить, что строка эта вместе с еще несколькими, неразборчивыми и уходящими под штриховку, придумалась раньше, во время оренбургской поездки, недаром Александр Сергеевич по дороге в Берды с таким жаром рассказывал Далию о замысле писать о Петре Великом.

С одной стороны, вроде бы нет оснований оспаривать установленную пушкинистами дату 6 октября, когда Пушкин уже почти неделю в Болдине. С другой же - это единственное графическое изображение Натальи Николаевны, которое Бунтова могла бы назвать "патретом красавицы". Правда, старший научный сотрудник музея А.С. Пушкина в Москве А.Я. Невский, с которым я обсуждал эту проблему, высказывает гипотезу, что какие-то рисунки, в том числе и "патрет", могли просто не сохраниться.

А в записной книжке в одну восьмую листа вез Пушкин и собирал в дальнейшем пути по Уралу оренбургские записи. И в памяти - облик и рассказы новых оренбургских друзей и знакомцев.

В отличие от других рабочих тетрадей, после смерти поэта книжка осталась в составе его библиотеки, и поэтому история над ней сжалась. Она не попала в посмертный жандармский досмотр, на ней нет жандармской нумерации листов.

ЧЕТЫРЕ "ДНА" ОРЕНБУРГСКОГО РИСУНКА ПУШКИНА

Гора литературы написана о пушкинской поездке. Меня же с того дня, когда в одном из залов еще старого, перестроенного Государственного музея А.С. Пушкина в Москве я снова увидел этот пейзаж: тройка скачет к домикам на обрыве к реке, - увлекла задача найти, где сделан этот рисунок.

В музее под ним была аккуратная табличка: "Рисунок из путевой тетради, видимо, во время поездки на Волгу и Урал". А в первой большой и серьезной книге о пушкинской графике А.М. Эфроса "Рисунки поэта", вышедшей в издательстве "Academia" в 1933 году, об этом рисунке сказано:

"Рисунок по характеру пейзажа, видимо, относится к волжской группе. Связь с путешествием Пушкина засвидетельствована совершенно виртуозным наброском дорожного экипажа, запряженного тройкой мчащихся лошадей. Поскольку рисунок относится приблизительно к 1833 году, можно предположить, что мы имеем дело с путешествием в Оренбург".

Понятные "видимо" и "можно предположить": сотрудники музея и Эфрос знают Пушкина вдоль и поперек, но никто из них явно не ездил обратным из Оренбурга маршрутом поэта по высокому правому берегу Урала на Черноречье-Татищево-Нижнеозерное и дальше в Уральск. Сейчас эта дорога малоезжая, ее значимость упала, когда проложили хороший, ныне асфальтовый тракт по низкому левому берегу реки.

Но я-то много раз ездил старой дорогой. И знаю лишь одно место точь-в-точь как на рисунке: нынешнее село, а прежде крепость, Нижнеозерное. Чтобы дать читателю еще раз почувствовать легкость и точность пера Пушкина-изорепортера, говоря по-современному, интересно сравнить рисунок - с фото, которое сделал лет десять назад с той же точки, откуда рисовал Пушкин, мой друг фотожурналист Ильдус Мансуров.

Никак не могу согласиться с комментарием к этому рисунку, данным в 18 томе Собрания сочинений Александра Сергеевича, которое издано к 200-летию поэта Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) Российской Академии наук:

"Возможно, что поэт и рисовал какой-то конкретный пейзаж, но конкретика приняла достаточно условные, абстрактные формы. Деревья, дома, тройка с бричкой - изображение лишь называет изображаемое: рисунок

максимально приближен к иероглифическому изображению. Это один из самых схематичных и вместе с тем самый экспрессивный пейзаж в пушкинских рукописях".

Думается, такой подход к пушкинской графике страдает односторонностью. Часть рисунков, безусловно, можно отнести к своего рода "иероглифам". Замечено, например, что довольно частые, может быть, бессознательно начертанные рисунки пистолетов - это своего рода сигналы преддуэльных ситуаций, в которые Пушкин попадал не раз. А лошади, которых в его рукописях - целый табун, суть знаки движения, стремления автора к перемене мест. А если эти лошади без всадника, то такие рисунки читают как отголоски мыслей о ничем не стесненной свободе.

Но такие "иероглифы" - лишь часть до сих пор во многом загадочного графического наследия Пушкина. Другая группа его рисунков, наоборот, читаема очень конкретно, узнаваемо. Это портреты и некоторые пейзажи.

В том числе, и его оренбургский рисунок.

Сошлюсь на мысль того же А.М. Эфроса:

"Общепризнанными стали несколько положений, определяющих особенности пушкинской графики, - и прежде всего то, что она является как бы "изобразительным дневником" поэта, иллюстрирующим его писания или отражающим ассоциации его раздумий во время работы, или закрепляющим зрительные образы, попавшие в поле его внимания".

Насколько точным было у Пушкина это закрепление зрительных образов? Я уже упоминал А.И. Минину, показывавшую мне Лицей. Так вот, она рассказала, кроме всего прочего, и о том, что кронверк Петропавловской крепости и крыльцо Лицея были заново построены по мимолетным рисункам Пушкина. Чертежи обнаружались позже. Сравнили - и ахнули: как точно сумел Александр Сергеевич схватить очертания, масштабы, пропорции!

Художнику Орловскому Пушкин писал: "Бери свой быстрый карандаш". И у самого поэта был быстрый и точный карандаш. Недаром же учитель рисования в Лицее С.Г. Чириков отметил в юном Александре "отличное дарование".

С глубочайшим уважением относясь к глубокой исследовательнице пушкинской графики Т. Цявловской, никак не могу принять ее безапелляционное, перекликающееся с комментарием в юбилейном издании: "С натуры Пушкин не рисовал никогда. Только по памяти, спустя годы". А как же быть с этим рисунком в дорожной тетради осени 1833 года? С рисунком Симбирска, уже упоминавшимся и датированным точно 15 сентября 1833 года?

Так что можно утверждать: оренбургский рисунок Пушкина - это не "вариация на дорожную тему", не "иероглиф", а точный документ.

И это - его второе "дно".

Скажу еще, что со времени поездки Пушкина село, как видно на фотографии, с обрыва ушло: миновала угроза набегов, зимой на гору трудно

возить грузы, далеко гонять скот на выпасы, да и земля тут - бесплодный песчаник. И люди спустились жить направо, на рисунке и фото, ближе к воде и полям.

А крепость стояла, естественно, у самого обрыва - наилучшего природного препятствия врагам. Местные жители и по сей час называют это место Буркиной горой, по фамилии хозяина, чей двор последним ушел с горы. Правда, в последнее время Нижнеозерное расстраивается во все стороны, теперь у самого обрыва, на месте крепости и тех домиков, что на рисунке, - двухэтажный коттедж и целая улица одноэтажных домов.

И уже по одной этой причине режиссер А.А. Прошкин, которому я, не бывав тут несколько лет и не зная перемен, нахвалил Буркину гору как наилучшую, самим Пушкиным подсказанную натуру к фильму "Русский бунт" по "Истории Пугачева" и "Капитанской дочке" к 200-летию Пушкина, был вынужден, когда приехали на место, отказаться от съемок в Нижнеозерном.

Кстати, под нижнеозерненским обрывом есть даже галечная коса, так и кажется: та самая, где была вторая дуэль Гринева со Швабриным. Тут зримо представляется, как они, подобно первой, неудавшейся дуэли за скирдами, "сняли мундиры, остались в одних камзолах и обнажили шпаги".

Давайте чуть отойдем в сторону от темы главы и представим себе эту сцену подробнее и живописнее. Мундиры - драгунские, ведь первоначально, в рукописи Пушкин точно указывал, что в крепости стояло подразделение Шемшинского драгунского полка.

Значит, мундиры, или кафтаны, как они тогда тоже назывались, синие, с красным воротом, обшлагами и подкладкой, с позолоченными пуговицами. Если дуэлянты явились в головных уборах, то шляпы у драгунских офицеров были черные, с золотым галуном и бантом. А под кафтан надевали по поясу шарф с кистями из черного или желтого шелка.

Нередко даже на самых лучших иллюстрациях к сцене дуэли в "Капитанской дочке" Гринев со Швабриным дерутся в каких-то темных брюках и белых рубашках. Нет, исторически достоверно они в описанных камзолах и штанах, сшитых из замши-лосины, светло-телесного цвета, какие носили тогда офицеры. У младших офицеров, какими были эти дуэлянты, камзолы были с золотым галуном.

А на ногах у них должны быть форменные высокие сапоги-ботфорты с накладными шпорами. В форму драгунского офицера входили и белые перчатки, и галстук.

Само собой, волосы их должны были быть напомажены составом на основе сала, с косичкой.

А шпаги... Видимо, это были офицерские пехотные шпаги образца 1741-1761 годов, следующий образец появился лишь в 1798 году. Кавалерийские были слишком длинные и тяжелые, чтобы использовать их на дуэли. А пехотная шпага была длиной в 97 сантиметров, ее рукоять

украшал сложный узор, головка - самая верхняя часть шпаги - круглая, дужка овальная, и крестовина была ее продолжением, конец этой перекладины-крестовины чуть загнут вниз, втулка - начало клинка - граненая, чашка - то, что под крестовиной - овальная и довольно большая. Может быть, был на эфесе и темляк - петля из ремня или ленты с кистью на конце. Хотя надо сказать, что во времена действия "Капитанской дочки" эфесы шпаг строго не регламентировались, их единообразие установилось к концу XVIII века. Можно предположить, что эфесы шпаг Гринева и Швабрина были, по зарождавшейся тогда традиции, с монограммами императоров, при которых офицер получал свой первый чин. То есть - Е II.

А сам клинок плоский, предназначенный не только для укола (Швабрин нанес Гринеvu именно укол в грудь пониже правого плеча), но и для удара.

Есть и третье "дно": рисунок - готовая авторская иллюстрация к "Капитанской дочке"!

Помните, как Петруша Гринев в кибитке подъезжает к Белогорской крепости на обрывистом берегу Урала? Только здесь, на рисунке не кибитка, а коляска, и на козлах не ямщик, а кучер и слуга Пушкина в этой поездке Гаврила. И, наверное, можно бы ставить этот рисунок в один ряд с пушкинскими авторскими иллюстрациями к "Гробовщику", "Домику в Коломне", "Сказке о попе и работнике его Балде".

Один из лучших российских иллюстраторов, в том числе и пушкинских произведений, Н.В.Кузьмин словно об этом пейзаже сказал: "Только двадцатый век научился ценить в рисунке А.С. Пушкина эту непосредственность первой мысли, брошенной на бумагу, прелесть намека".

Восхитимся тем, как Александр Сергеевич несколькими беглыми штрихами изобразил мчащихся лошадей и коляску. Вообще он любил и умел рисовать лошадей, их в его рисунках множество. Но эта тройка уникальна.

И настолько весь рисунок совершенен, что тот же художник Кузьмин, один из лучших профессиональных иллюстраторов поэта, в своем известном рисунке к III главе "Евгения Онегина" взял да и почти целиком процитировал Пушкина-художника. Тот же ракурс, тот же разбег лошадей, та же линия дороги.

И если б не намеренная ошибка Пушкина, о которой речь впереди, в главе "Летний буран или почему Иван Андреевич стал Андреем Карловичем", пушкинский рисунок был бы безусловной автоиллюстрацией к "Капитанской дочке" без поправок на кибитку и снег. Может, Петр Гринев в повести подъезжал бы к Белогорской в таком же колесном экипаже, и на козлах рядом с кучером сидел бы Савельич.

Можно попробовать немного пофантазировать, соотнести детали пушкинского рисунка с реалиями пушкинской же повести. Иными словами, пристальней, детальней рассмотреть рисунок как иллюстрацию, заселив его персонажами.

Тогда крайний слева дом - самого Гринева.

Вспомним, что урядник Максимыч, получив приказ комендантши отвести приехавшего молоденького сержанта на квартиру, приводит его "в избу, стоявшую на высоком берегу реки, на самом краю крепости". Пол-избы - одну горницу - занял Гринев, в другой половине семейство Семена Кузова, получившего постыльца за то, что пустил свою лошадь в огород Василисы Егоровны.

В этой книге мы не раз будем обращаться к обрыву - самой характерной детали и Нижнеозерной, и Белогорской.

В связи с этим интересно подумать: почему Пушкин не изобразил церковь? "Старую деревянную церковь", как сказано в "Рассказе моей бабушки" А.П. Крюкова, способного оренбургского литератора, умершего, к сожалению, на следующий год после появления своей повести в "Невском альманахе на 1832 год" от пьянства.

Ведь по архивному плану она должна была быть где-то недалеко от обрыва.

Но старожилы рассказывают, что та, пугачевских времен церковь, может, развалилась, потому их прабабушки и прадедушки толковали им про другую церковь, в середине села. Однако и в этом случае Пушкин мог чуть отодвинуть правый край рисунка, и она вошла бы "во весь рост". Ведь тогда композиция была бы законченней, эффектней?

Но в этом случае стал бы второстепенной и мелкой деталью обрыв, не случайно расположенный в середине рисунка. А он, как мы дальше увидим, - знак. И Пушкин поэтому пожертвовал церковью.

По этому случаю вновь обратимся к мудрому А.М. Эфросу: рисунки Александра Сергеевича - "не прихоть, не "просто так", "не вообще", а такое же выражение мыслей, чувств и событий, как его писания. Это - графический дневник Пушкина, который надо уметь читать, как уже научились читать невероятные черновики его стихов". Добавим - и прозы.

А еще дальше на рисунке - другие дома крепости.

Где-то тут должен быть и деревянный комендантский дом, где происходит действие нескольких глав повести, выстроенный "на высоком месте, близ деревянной же церкви".

Дом - с крыльцом. Оно будет упомянуто несколько раз. На нем "в креслах" будет сидеть захвативший Белогорскую Пугачев, верша расправу и принимая присягу. Потом на ступени этого родного крыльца упадет убитая комендантша, и тело ее будет лежать под этим крыльцом, когда победители станут пировать в доме. На крыльцо выйдет на следующий день Пугачев, чтобы со всеми поздороваться, "метать пригоршнями" медные деньги. И - увидеть сверху, поверх голов, в толпе Петра Гринева. А когда Пугачев с Гриневым приедут в крепость, на крыльцо выйдет Швабрин, чтобы рабски встретить своего хозяина.

Комендантский дом должен выделяться среди других, потому что с мезонином-светелкой Марьи Ивановны, куда вела "маленькая лестница". По ней взбежит Петр в страшном волнении за судьбу любимой девушки в только что захваченной крепости. Тут, на лестнице Швабрин сделает последнюю попытку не вызвать пугачевский гнев и скрыть правду, солгав, что Марья Ивановна его жена и что она третий день бредит.

Светелка эта станет потом и тюрьмой.

Быть может, дуговым штрихом, совершенно не характерным для прочих домов, Пушкин отметил дом коменданта, а к его временам - станичного атамана, который единственно мог иметь какие-то "архитектурные излишества"? А треугольник на крыше этого дома - светелка?

Если горницу рассказчик-Гринев описал сразу же, придя впервые в комендантский дом, то обстановку светелки он видит, естественно, только после того, как пугачевцы захватили крепость, а он побежал разыскивать свою возлюбленную.

Для этого Пугачев по воле автора начинает пир в доме попа, а потом уже продолжает в комендантском доме. Чтобы дать возможность побывать тут предварительно Гриневу.

"В первый раз отроду вошел в комнату Марьи Ивановны. Я увидел ее постелю, перерытую разбойниками; шкаф был разломан и ограблен, лампада теплилась еще перед опустелым кивотом. Уцелело и зеркальце, висевшее в пристенке".

На первом же этаже этого дома, если внимательно читать Пушкина, сени, передняя, дальше дверь в горницу - "чистенькую комнатку, убранную по-старинному".

Давайте задержимся в этой горнице, описанной весьма скупο.

Что увидел Петр Гринев, впервые придя в дом Мироновых? В горнице "на стене висел диплом офицерский за стеклом и в рамке, около него красовались картинки, представляющие взятие Кистрина и Очакова".

У Пушкина любая деталь - для чего-то, она, как мы уже видели, обязательно идет в дело несколько раз.

Оренбургский литературовед Н.Е. Прянишников подметил очень точно:

"Но тем и замечательна мудрая экономия пушкинской прозы, что ее описательная ткань насквозь динамична, так что каждый элемент описания становится затем необходимым элементом повествования".

Диплом этот появится еще раз в главе XII "Сирота". Пугачев с Гриневым возвращаются в Белогорскую. "Сердце мое заныло, когда очутились мы в давно знакомой комнате, где на стене висел еще диплом покойного коменданта, как печальная эпитафия прошедшему времени".

Ну, а "картинки, представляющие взятие Кистрина и Очакова"? Конечно, они вместе с лубочными картинками говорят о простонародном вкусе Мироновых. Но только ли?

Вот последние строки главы VII "Приступ". Василиса Егоровна увидела виселицу и на ней труп мужа. "Злодей! - закричала она в исступлении. - Что вы с ним сделали? Свет-ты мой Иван Кузьмич, удалая солдатская головушка! Не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие..."

Очаков был взят в войну России с Турцией 1735 - 1739 годов войсками фельдмаршала Миниха. Но в том же походе участвовал и Андрей Петрович Гринев, отец Петра, речь об этом - в первой же строке повести и в письме к генералу Р. Мы помним, что у самого Петра - турецкая сабля, которой он чуть не рубанул урядника Максимыча. Может, отцовский трофей?

Так что старик Гринев и старик Миронов могли быть в молодости рядом в бою. И это совпадение могло сразу же расположить Гринева к капитану Миронову и его семейству.

Кстати, в квартире-музее поэта на Мойке, 12, висит турецкая сабля, подарок генерала Паскевича Пушкину за храбрость в бою с турками и с гравировкой "Арзрум. 18 июля 1829".

Войны с турками и походы в Европу были в те годы недавней и злободневной реальностью. Ведь и кривой поручик Иван Игнатьич на просьбу стать секундantom Гринева отвечает: "ходил я под шведа и под турку: всего насмотрелся". И Савельич увещевает пылкого молодого барина:

"Охота тебе, сударь, переведываться с пьяными разбойниками! Боярское ли это дело? Не ровен час: ни за что пропадешь. И добро бы уж ходил ты на турку или на шведа, а то и грех сказать на кого".

У нас еще будет повод вспомнить знаменитое изречение А.П. Чехова о ружье, которое, если висит на сцене в первом акте, то непременно должно потом выстрелить.

Кроме офицерского диплома и еще нескольких повторяющихся деталей, в "Капитанской дочке" эти чеховские слова воплощены и буквально. У хозяина умета, с которым вожатый-Пугачев заводит тайный разговор о том, что "будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов", то есть явно о будущей крестьянско-казацкой войне, - на стене висит винтовка. Нет сомнения, что она потом много раз будет стрелять.

Вернемся в горницу. Здесь, если полистать страницы повести, кроме уже упомянутых диплома и лубочных картинок, еще и шкаф с посудой, стулья, стол, сундуки, диван, "на котором, бывало, дремал Иван Кузьмич, усypенный ворчанием своей супруги", а потом сидел Пугачев, когда приехал с Гриневым освободить Марию Ивановну.

Тут будут и мирные вечерние беседы, и военный совет в канун падения Белогорской, и Пугачев с соратниками станут петь тут "заунывную бурлацкую песню "Не шуми, мати зеленая дубровушка".

Вспомним, кто в повести бывал в этой горнице в мирное время, кроме хозяев, конечно, Гринева и Швабрина? Старик-поручик Иван Игнатьич, "казацкий урядник" Максимыч, отец Герасим с женой.

Может, Пушкин не очень хорошо представлял себе, из кого состояло общество в маленькой крепости, и этот "набор" он почерпнул из "Рассказа моей бабушки" оренбуржца А.П. Крюкова, где действие происходит в Нижнеозерной? (Еще одно сближение этой крепости с Белогорской.) Там мы читаем:

"Каждый почти вечер собирались в нашу приемную горницу старик-поручик, казачий старшина, отец Власий и еще кой-какие жители крепости".

Возьмем наугад еще несколько абзацев из Крюкова. Казаки в Нижнеозерной говорят: "кто ни поп, тот и батька", а в "Капитанской дочке" почти то же: "кто ни поп, тот батька" вложено в уста Пугачева в Белогорской. В "Рассказе" комендант крепости капитан Шпагин, как у Пушкина капитан Миронов, приказывает перед штурмом вычистить забитые от долгого бездействия всякой дрянью пушки. Оба капитана - пожилые, люди "старого века", оба своих солдат без особых успехов "учили" (это слово и у Пушкина, и у Крюкова, только у последнего оно еще и выделено курсивом). Оба описаны с легким юмором, но погибают героически.

А капитанскую дочку Настю, как и Марью Ивановну, для их спасения ждала бы отправка загодя в Оренбург, но пугачевцы опередили. Это - отклик исторического свидетельства о том, что реальный комендант Нижнеозерной перед штурмом отослал свою молодую жену из крепости. Их обеих выдают за своих племянниц у Крюкова мельничиха, у Пушкина попадя. Есть и еще переклички-совпадения.

Не преувеличивая влияния на Пушкина крюковской повести, следует обратиться к начатому в 1836 году, но оставленному Александром Сергеевичем предисловию к "Капитанской дочке" об одном из источников его повести:

"Анекдот, служащий основанием повести, нами издаваемой, известен в Оренбургском краю. Читателю легко будет распознать нить истинного происшествия, проведенную сквозь вымыслы романтические. А для нас это было бы излишним трудом. Мы решились написать сие предисловие с совсем другим намерением. [Несколько лет тому назад в одном из наших альманахов напечатан был]"

В последней незаконченной и зачеркнутой фразе речь несомненно идет об упоминавшемся "Рассказе моей бабушки". Но вот что имел в виду Пушкин под "анекдотом" - об этом спорят.

Кажется, причина споров в том, что принято все это незаконченное вступление считать смыслово единым текстом. Но если, как можно прочесть в некоторых научных работах, под "анекдотом" подразумевается использованная Пушкиным история офицера, которому Пугачев помог соединиться с любимой, то ведь у Крюкова нет среди действующих лиц - Пугачева.

И только после разгрома пугачевцев снова встречаются любящие - дочь вымышленного коменданта Нижнеозерной крепости капитана Шпа-

гина Настя и приехавший в крепость поручик Бравин. (Кстати, он, правильно, - драгун. Пушкин же, верный своей экономной манере, убрал в окончательном варианте, что, как уже упоминалось, Гринев попал в Белогорской в стоявшую там часть Шемшинского драгунского полка.)

Такая романтическая история времен пугачевщины нигде исторически не зафиксирована. И вряд ли существовала она в виде предания, которое Пушкин мог услышать.

Раз уж к слову пришлось, то такой "анекдот" Пушкин скорее мог бы почерпнуть из повести жившего в России француза Жоржа Лекуэнта Делава "Дмитрий и Надежда, или Замок на берегу Урала", напечатанной в Москве в 1808 году. Не доказано документально, что Пушкин читал эту повесть. Но автор статьи "Неизвестная параллель к "Капитанской дочке" Пушкина" Ю.Д. Левин в сборнике "Россия. Запад. Восток. Встречные течения" полагает, что вполне мог ее прочесть.

У Делава, действительно, Дмитрий, сын однодворца, взятый еще мальчиком в дом графа Сергея Борозина, просит Пугачева соединить его с невестой Надеждой, дочерью жестокосердного графа. И грозный Пугачев помогает влюбленным.

Стоит отметить и перекличку уже цитированного пушкинского начала вступления к "Капитанской дочке" с предисловием к повести Делава:

"Сей роман основан на анекдоте, и соединя в оном вымысел с истинною Историею, цель моя была сделать его занимательным".

Представляется иное: "Набросок недописанного предисловия" - не единый текст. Пушкин, начав в предисловии незаконченную фразу о том, что было напечатано в альманахе, перешел уже к другой, после "анекдота", мысли. О Крюкове и его повести.

Но еще раз скажу, что не стоит проводить очень глубокие сопоставления "Капитанской дочки" с произведениями и Крюкова, и Делава. И делать далеко идущие выводы о заимствованиях у Крюкова и тем более о взаимопроникновении литератур - русской и французской. Не тот случай. Не тот масштаб. Не то дарование.

У Делава в особенности много "развесистой клюквы". Рычков тут назван Кичковым, а коменданту крепости Верхне-Озерной автор, не разобравшись, дал весьма экзотические имя и фамилию: Вершната Озерната. Заметим, что мнимый наперсник Пугачева носит здесь фамилию Буапре. Не из нее ли Пушкин мог переделать фамилию наперсника Петра Гринева Бопре?

А смешной и невероятный старинный графский замок на берегу Урала у Оренбурга, который живописует Делава, воскрешает в памяти известную французскую литографию XVIII века "Взятие Пугачевым крепости Нижнеозерной". Тут в пушкинской "деревушке", где "улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частию покрыты соломою" художник изобразил широкую мощеную площадь, вокруг которой трех- и четы-

рехэтажные виллы. Пугачев тут в шляпе с плюмажем, а пугачевцы в чалмах.

В главе "Почему он поехал?" уже упоминалась книга "Жизнь Емельки Пугачева", которую Пушкин попросил брата Льва прислать ему в 1824 году. Сейчас есть повод чуть подробнее рассказать об этой книге.

Подлинное ее название - "Ложный Петр III или Жизнь и похождения бунтовщика Емельяна Пугачева". Издан был этот роман сверхоперативно, в том же году, когда Пугачева казнили, - в 1775. Вышел он в Лондоне по-французски как якобы перевод с русского. Автор пожелал остаться неизвестным.

Это первый роман о пугачевщине. Его читала вся Европа. Через 34 года он был переведен на русский язык. Пушкин имел его в своей библиотеке и называл пустым и глупым. Достаточно одной типично русской, по мнению автора, фамилии, которую носит в романе мифический дядя Пугачева. Ее трудно прочитать и произнести с первой попытки : Зильвазоновскондо!

Безымянному автору-иностранцу, может, и простительно. Но как часто из-за того, что мы, по словам Пушкина, "ленивы и нелюбопытны", приделываем мы сегодня "плюмажи" на события и персонажей прошлого! Как авторы этих двух "клюквенных" книг и автор фантастического изображения Нижнеозерной, мы к тому же слишком смело переносим свой скромный опыт на то, чего не знаем.

Вернемся к "анекдоту". Если это не история любви молодого офицера, то, может, согласиться с таким исследователем, как С.А. Попов, что "анекдот" - это история несчастной Харловой, ставшей наложницей Пугачева?

Однако в "Капитанской дочке" всего строка в письме Марьи Ивановны Гриневу о том, что Швабрин грозит, что с ней "то же будет, что с Лизаветой Харловой", если она не уступит его домоганиям.

Думается, загадка "анекдота" объяснена Пушкиным в письме цензору П.А. Корсакову 25 октября 1836 года:

"Роман мой основан на предании, некогда слышанном мною, будто бы один из офицеров, изменивших своему долгу и перешедших в шайки пугачевские, был помилован императрицей по просьбе престарелого отца, кинувшегося ей в ноги. Роман, как изволите видеть, ушел далеко от истины".

Первая фраза недописанного предисловия к "Капитанской дочке", как мы видим, звучит близко к тексту письма цензору. И "анекдот" - это все же история одного из случайных сообщников Пугачева подпоручика 2-го гренадерского полка Михаила Александровича Шванвича. О ней Александр Сергеевич знал и из одного из архивных документов, и из устных рассказов. В том числе и услышанных "в Оренбургском краю".

После этого отступления снова вернемся в дом коменданта. В горнице происходит действие нескольких глав повести. Именно здесь случатся

с небольшим временным разрывом два важнейших события мира и войны в судьбе Петра Гринева. Решительные объяснения с любимой - и с человеком, из-за которого рухнуло счастье, но который в конце концов соединит влюбленных - с Пугачевым.

Марье Ивановне Гринева дает клятву верности. Пугачеву с такой же твердостью отказывается давать уверение, что признает его государем, перейдет к нему на службу или хотя бы не будет против него воевать. В известной мере, здесь, в этой горнице решаются судьбы Петра Гринева и Марьи Мироновой.

За горницей - комнаты коменданта и комендантши и та, в которой лежал раненный на дуэли Гринева. Где-то тут, ближе к входу, и чулан, куда Палашка отнесла было отобранные у дуэлянтов шпаги и куда ее саму потом заперли, чтоб не подслушала военного совета. К дому пристроен "анбар", где "под ключом у комендантши" сидел изувеченный повстанец - "башкирец".

Неподалеку небольшой плац, где комендант учил своих "солдатушек", а потом была поставлена виселица. (Хотя, по "Истории Пугачева", в Нижнеозерной виселицы стояли в степи, за крепостным валом. Там же, кстати, "крестьянский царь" принимал присягу.)

Где-то рядом и дом отца Герасима, где началась попойка пугачевцев и где попадья прятала Машу. Тут же за церковью могилы родителей Марьи Ивановны, куда она пошла проститься и поплакать перед отъездом. И где-то недалеко кабак, в котором в ночь после падения крепости "светился огонь и раздавались крики запоздалых гуляк".

Вот так мы, пофантазировав, вошли в пушкинский рисунок.

Он сделан, естественно, с земли. А что если попробовать взглянуть сверху? Тогда рисунок станет объемным.

В областном госархиве удалось разыскать несколько карт Нижнеозерной крепости разных лет. Самая интересная та, что ближе всего к пушкинским временам, на большой зеленоватой кальке. Правда, с датировкой на ней что-то напутано: "1713 год", хотя Нижнеозерная основана, по Рычкову, в 1754 году. А судя по размерам крепости, это карта начала XIX века. Может, следует читать не "1713", а "1813" год?

Крепость еще обнесена валами. В плане она почти квадратная, с "вмятиной" с западной стороны, где овраг Безымянный, и "выпуклостью" с восточной, по рельефу возвышенности. Масштаб указан: в 1 дюйме - 200 сажень. Если перевести на наши меры, каждая из сторон крепости-станции была длиной около 350 метров.

Наложив на эту карту некоторые детали последующих карт, можно определить, к примеру, что Пушкин рисовал с развилки главной дороги, которая обходила крепость, и въездной.

На этой упрощенной схеме, созданной на основе карт, помечена церковь (1). Справа, об этом помнят еще старожилы, были мельницы (4).

Слева (это тоже за обрезом рисунка) указаны карды, а значит, были и скирды (3).

Откроем "Капитанскую дочку". Гринев, подъезжая к Белогорской, видит:

"С одной стороны стояли три или четыре скирды сена, полузанесенные снегом; с другой стороны скривившаяся мельница с лубочными крыльями, лениво опущенными".

За скирдами, как мы помним, чуть не состоялась первая дуэль.

Внизу, под обрывом, чтоб близко к воде, не на гору же таскать, - бани (2). Вспомним: после взятия Белогорской казак рассказывает Гриневу о Пугачеве:

"После обеда батюшка отправился в баню... а парится так жарко, что и Тарас Курочкин не вытерпел, отдал веник Фомке Бикбаеву да насилу холодной водой откачался".

(Заметим тут еще одно сближение Нижнеозерной с Белогорской: из имени реального Бикбая, упомянутого в "Оренбургских записях", того, который был повешен Пугачевым в Нижнеозерной "за шпионство", Пушкин сделал фамилию этого белогорского казака Фомки.)

Наверно, многие читатели "Капитанской дочки" обращали внимание на дальнейшие слова казака о "великом государе Петре III":

"А в бане, слышно, показывал царские свои знаки на грудях: на одной двуглавый орел, величиною с пятак, а на другой персона его".

И задавались вопросом: Пушкин придумал эти знаки, которые произвели впечатление на легковверных казаков? Отнюдь нет. В главе IV "Истории Пугачева" мы читаем среди примет Емельяна Ивановича:

"На обеих грудях знаки, оставшиеся после болезни, называемой черною немочью".

Что это за болезнь? Посмотрим в словаре Даля, памятуя, что он еще и врач. Но странно: на "Немочь" он дает: "чорная - немочь - род повального удара в легких", надо понимать, туберкулёз. А на "Чорный": чорная немочь - падучая", то есть эпилепсия. По "Словарю языка Пушкина", "черная немочь" больше ни в одном произведении не встречается.

Но при чем тут знаки на теле? Черной оспой это тоже не может быть: в приложенной к "Истории Пугачева" рычковской "Летописи" есть показания писаря Полуворотова. Там сказано: "Знаков он на лице его не приметил".

Уж если б хоть какие-то заметные знаки болезни были у Пугачева на лице, царское правительство не преминуло бы воспользоваться случаем,

чтоб объявить его клейменным каторжником. В "Истории Пугачева" есть о том, как Рейнсдорп опубликовал прокламацию, что самозванец "в самом деле донской казак Емельян Пугачев, за прежние преступления наказанный кнутом с поставлением на лице знаков. Сие показание было несправедливо. Рейнсдорп поверил ложному слуху, и мятежники потом торжествовали, укоряя его в клевете".

Правда, в примечаниях к "Истории Пугачева" Пушкин приводит показания жены Емельяна Ивановича о том, что у него "На левом виску от болезни круглый белый признак, от лица совсем отменный величиною с двухкопеечник". Но, видимо, не настолько уж "отменным" было это пятно. А о знаках на теле она свидетельствовала так: "на обеих грудях, назад тому третий год, были провалы, отчего и мнит она, что быть надобно признакам же".

Может, в XVIII веке черной немочью называли целый букет болезней, в том числе и какую-то кожную, оставляющую следы только на теле? Известно, что в русско-турецкую войну Пугачев тяжело болел, "гнили у него грудь и ноги", как писал современник. Была бы немочь бледной - было бы проще: так в старину называли малокровие. А о черной не знают даже опрошенные мной историки медицины.

Эти тайные знаки на теле непременно должны были быть у Пугачева по частому мотиву народных преданий: герой скрывается от недругов, утаивая свое происхождение, но в конце концов какие-то знаки на теле удостоверяют, кто он. Такого рода бродячие сюжеты есть еще в древнеиндийском, древнегреческом эпосах, в русских сказках.

На следствии Пугачев рассказал, что у него "на груди под титьками после бывших у него, Емельки, от болезни ран знаки". А когда он только объявился как император Петр III, то был в бане с казаком по прозвищу Еремина Курица. Тот полюбопытствовал, следы какой болезни у него на теле, а он, Пугачев объяснил: "А это знаки государские". И Еремина Курица, услыша оное, сказал: "Хорошо, коли так!"

У темных людей, бывавших в бане с Пугачевым, отпадали всякие сомнения насчет самозванства, когда они своими глазами видели эти "царские знаки".

Интересно наложить на этот план Нижнеозерной и реалии "Рассказа моей бабушки" уже упоминавшегося А.П. Крюкова. Их Пушкин должен был помнить и, наверно, ожидал тут увидеть въявь. Крюков, судя по "Рассказу", эту крепость-станицу знал хорошо. Вот что в его описании частью совпадает с пушкинским, а частью дополняет его:

"Она была так невелика, что и пятилетний ребенок не устал бы, обегавши ее вокруг; дома в ней были все маленькие, низенькие, по большей части сплетенные из прутьев, обмазанные глиною, покрытые соломою и огороженные плетнями... эта крепость имела в себе, кроме избышек на курьих ножках, старую деревянную церковь, довольно большой и столь же

старый дом крепостного начальника, караульню и длинные бревенчатые хлебные магазейны. К тому же крепость наша с трех сторон была обнесена бревенчатым тыном, с двумя воротами и с востренькими башенками по углам, а четвертая сторона плотно примыкала к Уральскому берегу, крутому, как стена, и высокому, как здешний собор". (Имеется в виду собор в Симбирске. - В.С.)

И дальше - об овраге с западной стороны, по которому спускались к Уралу и который Пушкин не описал:

"Дом бабушки-мельничихи находился на берегу Урала, в самом углу нашей крепости, или лучше сказать за крепостью, потому что он отделялся от чистого поля одним только впадающим в Урал крупным оврагом, внизу которого журчал ручеек".

Подводя итог, можно сказать, что и карта, и воспоминания, и текстовые сравнения, и логические рассуждения в совокупности еще раз показывают нам, насколько выдуманная Белогорская походит на реальную Нижнеозерную.

Хотя, справедливости ради, надо снова напомнить, что Белогорская - образ собирательный. По указанному автором местоположению - "находилась в сорока верстах от Оренбурга" - это, скорее, Татищево. И поэтому часто именно оно объявляется бесспорным прототипом Белогорской. Но, во-первых, лежит оно не на обрыве, а понизу, и не на самом берегу Урала. Во-вторых, вешают своих противников восставшие так, как было в Нижнеозерном, а в Татищевой крепости офицеров перебили во время и после боя. Из обстоятельств штурма Нижнеозерной взято в повесть и то, что комендант сам стрелял из пушки, и то, что он был тяжело ранен и был раненным повешен. Такого запоминающегося обстоятельства не было ни в одной другой крепости.

К тому же, отмерив по карте указанные сорок верст, мы попадем на пустое место. Точно в сорока верстах от Оренбурга никакого населенного пункта не было, Пушкин назвал эту цифру не по карте, а наугад. Татищево просто ближе из всех крепостей к этой точке, указанной автором для правдоподобия. В примечаниях к главе второй "Истории Пугачева" записано: "Крепость Татищева... находится в 54 верстах (прямой дорогой) от Оренбурга".

Кстати, и реальную крепость Нижнеозерную Пушкин в "Капитанской дочке" поместил не там, где она была. К "сорока верстам от Оренбурга" прибавим еще указание из главы VI "Пугачевщина": "Нижне-Озерная находилась от нашей крепости верстах в двадцати пяти". Другими словами, примерно в 65 верстах от Оренбурга. Но по "Топографии Оренбургской губернии" П.И. Рычкова, от Оренбурга до Нижнеозерной 82 версты.

Но, конечно, в Белогорской есть что-то и от других крепостей, к примеру, от Ильинской, что выше Оренбурга по Уралу на 160 верст, поэтому

Пушкин здесь не был. При ее взятии, как сказано в "Истории Пугачева", "Мятежники приближались и, разъезжая около ее, кричали часовым: "Не стреляйте и выходите вон: здесь государь". А вот штурм Белогорской в "Капитанской дочке": "Изменники кричали: "Не стреляйте; выходите вон к государю. Государь здесь!" Почти дословно.

Предсмертные слова капитана Миронова и поручика Ивана Игнатьича очень перекликаются со строками "Истории Пугачева" о взятии этой Ильинской. Пугачеву "представили капитана Камешкова и прапорщика Воронова. История должна сохранить сии смиренные имена. "Зачем вы шли на меня, на вашего государя?" - спросил победитель. - "Ты нам не государь, - отвечали пленники, - у нас в России государыня императрица Екатерина Алексеевна и государь цесаревич Павел Петрович, а ты вор и самозванец". Они тут же были повешены".

Здесь надо сказать несколько слов о том, что, конспектируя подлинные архивные материалы, Пушкин при этом уже готовил окончательные тексты, которые войдут в "Историю Пугачева" или в "Капитанскую дочку". То есть это была дважды творческая работа: взять в конспект самое важное и тут же отлить это важное в точную художественную форму.

Чтобы не уходить от истории в Ильинской, в протоколе допроса фурьера, то есть интенданта Панова, Камешков и Воронов на самом деле ответили Пугачеву, гневно спросившему, как они смели идти против государя: "А ты-де - самозванец и бунтовщик". В свою "архивную тетрадь" Пушкин записал чуть иначе: "Ты вор и самозванец". Как видим, в "Истории Пугачева" эти двое, а в "Капитанской дочке" комендант и Иван Игнатьич отвечают Пугачеву: "Ты вор и самозванец", точно, как в конспекте. Это сильнее словом "вор", так тогда называли преступников-самозванцев вообще.

И все-таки Белогорская очень многим напоминает именно Нижнеозерную. И главный довод - рисунок.

Знаменательно, что Нижнеозерное - и в конспектах исторических документов, и в черновых фрагментах рукописи "Истории Пугачева", и в ее окончательной редакции, и в "Капитанской дочке", и в "Оренбургских записях", и в дорожной записной книжке - во всех произведениях и подготовительных материалах о пугачевщине. Так много - еще только лишь об Оренбурге, настолько Нижнеозерное было Пушкину интересно и важно.

Но, вообще говоря, насколько плодотворны подобные тесные "привязки" пушкинского рисунка к его же литературному тексту?

Думается, рациональное зерно в приведенных выше рассуждениях есть. Существует немало трудов, и прежде всего Ю.М. Лотмана, которые помогают нам зримее представить жилище и быт пушкинских героев. По строфам "Онегина", например, хорошо воссоздается планировка, убранство и поместья Лариных, и городской квартиры Евгения.

Ведь в любом художественном произведении есть мир людей - и мир вещей, многое говорящий о персонажах: жилища, одежды, оружие... Этот второй мир Пушкин так же тщательно изучал и продумывал, как и первый.

В Берды, к примеру, он ездил и слушать, и смотреть. В его дорожной записной книжке есть заметка: "В Берде Пугачев жил в доме Константи-на Ситникова". Осмотрев эту "золотую избу - государев дворец", Пушкин перенес ее убранство в "Капитанскую дочку":

"Я вошел в избу, или во дворец, как называли ее мужики. Она освеще-на была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бума-гою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на веревочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток, уставленный горшками, - все было, как в обыкновенной избе".

Но тогда выходит, что Даль запомнил, когда писал потом, через семь лет: Пушкину всего лишь "указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец". Раз Александр Сергеевич так подробно описал внутреннее убран-ство, значит, он и заходил в избу, осматривал ее.

А то, чего уже не мог в Бердах увидеть, он старался точно воспроизве-сти по рассказам очевидцев. Помните, что в повести у "золотой избы", "у ворот стояло несколько винных бочек и две пушки"? Одна из пушек, может, та самая, которую в главе "Разлука" повстанцы взяли с собой из Белогор-ской. А вот бочки - из рассказа старухи Бунтовой: когда Пугачева разгро-мили под Татищевой, он примчался в Берды и "велел разбить бочки вина, стоявшие у его избы, дабы драки не учинилось". Этот рассказ использован и в "Истории Пугачева": "Пугачев велел разбить бочки вина, стоявшие у его избы, опасаясь пьянства и смятения".

Видимо, планировка и обстановка дома Мироновых - тоже не "фанта-зии на тему", а плод пушкинских наблюдений при осмотре комендантских домов в попутных бывших крепостях.

Если вернуться к рисунку и к Белогорской, то восстановить этот "мир вещей", представить, где что было, и Пушкину, и его читателю интересно и полезно. Тем более что Александр Сергеевич, как всякий талантливый иллюстратор, не пересказывает своим рисунком текст, а дополняет его.

Перейду к еще одному очень интересному обстоятельству, тоже связанному с оренбургским рисунком Пушкина. Белогорской крепости, как известно, не существовало, и за право быть самым похожим на нее спорят сейчас несколько сел по Уралу. Хотя, на мой взгляд, пушкинский рисунок - самый веский довод в пользу Нижнеозерного.

Этот спор напоминает, как когда-то семь греческих городов спорили за честь считаться родиной Гомера.

Почему пришло на ум это сравнение? Если всмотреться в оригинал рисунка, то еле заметны слева сверху какие-то греческие и русские слова. (При перепечатке они не получают.)

Что же за строки вписал по-гречески и по-русски Пушкин карандашом в путевую тетрадь? Оказывается, это начальные строки "Одиссеи" Гомера. Великой поэмы о странствиях! И это - четвертое "дно" рисунка.

В архиве А.С. Пушкина рисунок и текст значатся как ПД 840, лист № 2. Рисунок сделан чернилами, 21 на 16 сантиметров, надпись, как я уже упоминал, карандашом. Вот что удалось разобрать (выпишу только русские слова этой попытки Пушкина перевести Гомера):

Мужа... мне поведай... Муза... многообразно

Странствующий... после Тро... жертва... город... напряжен.

Это неудачная попытка Александра Сергеевича перевести первые шесть стихов "Одиссеи".

Древней и новой Грецией Пушкин весьма интересовался, в его стихах и прозе и мифология, и современные ему реалии освободительной войны греков против турок. А за три года до попытки собственного перевода "Одиссеи" и поездки в Оренбург Александр Сергеевич напечатал в № 2 "Литературной газеты" за 1830 год статью "Илиада Гомерова, переведенная Н. Гнедичем, членом Императорской Российской Академии наук..." В этой рецензии он, в частности, писал:

"Наконец вышел в свет так давно и так нетерпеливо ожидаемый перевод Илиады"!.. Приступаем к ее изучению, дабы со временем отдать отчет нашим читателям о книге, долженствующей иметь столь важное влияние на отечественную словесность".

Правда, журнал "Галатея" совсем в духе нынешней литературной борьбы перешел на личности, обвинив Пушкина: он, мол, хвалит Гнедича за то, что тот похвалил гекзаметры Дельвига, близкого друга поэта и издателя "Литературной газеты". Пушкин был вынужден дать отповедь клеветникам в № 12.

Н. Гнедича похвалы Александра Сергеевича растрогали: "Едва ли мне в жизни случится читать что-либо о моем труде, что было бы мне так утешительно и сладко". Но справедливости ради надо добавить, что Пушкин видел и недостатки перевода, отсюда его эпиграмма:

Крив был Гнедич поэт, перелагатель слепого Гомера,

Боком одним с образцом схож и его перевод.

Н. Гнедич и впрямь был крив на один глаз. А "Одиссею" впервые переведет на русский язык "побежденный учитель" Пушкина В.А. Жуковский в конце своей жизни, в 1849 году.

Но давайте вернемся к четвертому "дну" оренбургского рисунка Пушкина. Еще восьмилетним мальчиком он с жадностью читал в отцовской библиотеке "Илиаду" и "Одиссею" во французском переводе. В библиотеке поэта была изданная в Глазго на греческом языке "Одиссея" - древняя, IX века до новой эры поэма в 12 тысяч стихов о странствиях и приключениях царя Одиссея при возвращении на остров Итаку после разрушения Трои. Видимо, с текста этого экземпляра и списывал Пушкин начальные строки.

На его намерение изучать греческий язык, может быть, указывают и тоже имеющиеся в библиотеке книги "Греческого языка начальное познание" и "Сборник упражнений в греческом языке, с грамматикой". До этого времени не занимаясь греческим, Пушкин при списывании "Одиссеи" сделал ряд упрощений, описок и ошибок.

А вообще в пушкинских бумагах сохранились записки и выписки на 16 языках, не считая русского!

Выписанные шесть строк, которые пытался перевести Александр Сергеевич, могут быть переведены так:

"Поведай мне, муза, о многоопытном муже, который очень долго скитался, после того как разрушил священный город Троя, многих людей, города он видел и изучил их образ жизни, много страданий перенес он в своей душе на море, заботясь (стараясь добиться) о спасении своей жизни и о возвращении товарищей. Но и таким образом он не спас своих друзей, как ни желал".

Многое сказанное об этой попытке перевода подтверждается и в книге "Рукою Пушкина". Несобранные и неопубликованные тексты. Под редакцией М. Цявловского и др. - М., "Academia", 1936." А уже упоминавшийся автор книги "Рисунки поэта" А.М. Эфрос, впервые собравший все графическое наследие Пушкина, остроумно заметил, что греческий текст и русский перевод начала "Одиссеи" для "рисунка странствий", о котором сейчас речь, - это примечательно.

Вспомним кстати: первое письмо поэта, отправившегося в оренбургское путешествие и написанное жене из Торжка, начинается так: "Вот тебе подробная моя Одиссея".

Александр Сергеевич очень любил путешествовать, и поездка в Оренбуржье - заметная часть его странствий.

Но кроме этой надписи, которая свидетельствует только о разносторонности пушкинского гения, А.М. Эфрос обнаружил на этом листе из путевой тетради еще одну малозаметную: перечень названий художественной прозы. Сейчас, правда, считается, что это перечень пушкинских статей. И на этом основании делает вывод: "Датируется рисунок соответственно наиболее поздним названием этого перечня, приблизительно концом 1833 года, в Петербурге".

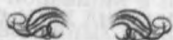
Это утверждение вроде бы колеблет мою теорию о том, что рисунок - это мимолетный набросок, сделанный Пушкиным 20 сентября 1833 года в полуверсте от восточной окраины крепости-села Нижнеозерного. Однако ведь это тоже "конец 1833 года", и перечень мог быть сделан перед самым началом путешествия поэта.

Но если кто-то найдет веские доказательства тому, что рисунок сделан уже после возвращения в Петербург, дела это, в общем, не меняет. Зрительная память у Пушкина была прекрасная, и поразивший его вид он мог несколькими штрихами воспроизвести и позже. Напомню, что и кронверк, и крыльцо Лицея он рисовал по памяти.

А может, все еще проще: карандашная надпись сделана поверх рисунка позже, а не наоборот?

Внимательно рассмотрим автограф одного из планов "Капитанской дочки", там где предполагаемая голова Шванвича и дерева. Тут рисунок тоже сделан явно раньше, чем запись. Правда, здесь и рисунок, и строчки - чернилами. А на наброске Нижнеозерного надпись сделана, в отличие от пейзажа, карандашом. Но ведь карандаш стирается быстрее, чем орешковые чернила, они в рукописи всегда выглядят более свежими. Если бы экспертиза это подтвердила - тогда и спорить не о чем.

Вот такая сложная, интересная и спорная история у виртуозного рисунка из пушкинской путевой тетради.

ОТ ШВАНВИЧА ДО ГРИНЕВА

Читая "Капитанскую дочку", слышишь согласованную многоголосицу, полифонию. И не сразу понимаешь - отчего. Лишь ближе к концу, а то и при повторном чтении обнаруживаешь, что повествователей - несколько.

Вообще-то он вроде бы один - Гринев. Единственный герой повести, для "реальности существования" которого Пушкин в набросках и в одном из вариантов повести определил даты его жизни: 1755 - 1817. Человек, прямо отвечающий эпиграфу, прошедший через все испытания, но не потерявший чести.

Такого Гринева Пушкин нашел не сразу. Может, потому и писал повесть так долго. От первого наброска до завершения - около четырех лет. "История Пугачева" далась легче и писалась практически сходу.

А за чем прежде всего ехал Пушкин в Оренбург? "Это роман, коего большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани" - из письма управляющему III отделением А.Н. Мордвинову 30 июля 1833 года. "Уехал писать - так пиши же роман за романом" - из письма жене через полтора месяца, 19 сентября, из Оренбурга. "Вы не поверите, как мне хочется написать роман" - в тот же день, 19-го говорит Пушкин Далу.

Роман! Он вез с собой первую редакцию "Истории Пугачева", собирал архивные данные и свидетельства очевидцев для дальнейшего исторического исследования, но ехал прежде всего за романом.

Можно думать, что живые и очень полезные впечатления этой поездки, особенно там, где развивались главные события начального этапа пугачевщины, - на Урале, во-первых, дали толчок прежде всего художественному осмыслению пугачевщины, а во-вторых, сузили географию повести главным образом до пределов Оренбуржья. Симбирский и казанский эпизоды оказались лишь частями первой и последней глав "Капитанской дочки", хотя прежде планировалось, что основное действие произойдет в Симбирской губернии и в Казани. В одном из планов действие должно было развернуться и в Петербурге, но петербургскими оказались в конце концов лишь две последние странички повести.

А без точно найденного главного героя нет романа, как Пушкин называл свое будущее произведение. Все остальные персонажи намечены еще

по предварительным планам. Гринева же, такого, каким мы его любим и знаем по "Капитанской дочке", в этих планах почти не угадывается.

Приехав в Болдино, Пушкин написал жене:

"Вот уже неделю, как я в Болдине, привожу в порядок мои записки о Пугачеве, а стихи пока еще спят".

"Спала" еще и будущая "Капитанская дочка". До тех пор, пока не появится Петр Гринев.

Эволюция этого главного героя достаточно разработана в пушкинистике. Хочется только добавить, что с каждым новым вариантом плана он менялся разительно, как никакой другой.

Был и Шванвич, который "Вступает к Пугачеву. Он предвод. (ительствует) шайкой". Однако Пушкин почувствовал натяжку. Существовало, особенно в период грубого социологизирования истории и литературоведения, немало попыток притянуть того же Шванвича в пугачевский лагерь идейно. Так же, как и сделать из самого Пушкина революционера. Сам Пушкин знал, что дворянин, попавший в пугачевское войско - это не исключительный случай, что швабриных было немало:

"Показание некоторых историков, утверждавших, что ни один дворянин не был замешан в пугачевском бунте, совершенно несправедливо. Множество офицеров (по чину своему сделавшиеся дворянами) служили в рядах Пугачева, не считая тех, которые из робости пристали к нему".

Важный штрих: когда повстанцы под Юзеевой разгромили корпус Кара, немало офицеров было казнено на месте, но Шванвич был пощажён по просьбе пленных солдат.

Но совершенно права одна из интереснейших исследователей пушкинского творчества, и в частности, "Капитанской дочки", Н.Н. Петрунина:

"Реальная русская история XVIII века не знает представителей "петербургской гвардейской оппозиции", которые становились бы "активными союзниками Пугачева". Тут важно слово "активными".

Был, с другой стороны, в одном из планов и Валуев, который по сути дела являлся лишь свидетелем событий, и это тоже не устраивало автора. И главное - ни один из этих героев не отвечал эпиграфу повести.

Ю.Г. Оксман в одном из самых серьезных исследований "Капитанской дочки" (он называет ее романом) - "Пушкин в работе над романом" считает:

"Работа над задуманным романом не пошла дальше начальных набросков плана, ибо изучение архивных материалов о пугачевщине, доступ к которым Пушкин получил 23 февраля 1833 года, настолько его увлекло, что вместо романа он сразу же принялся за "Историю Пугачева".

Не смею спорить с почтенным пушкинистом, хотя он в чем-то опирается тут на письмо Пушкина Бенкендорфу 6 декабря 1833 года, но все же можно предположить, что промедление не связано лишь с впечатлением,

которое произвели на Пушкина архивные материалы. Кажется вполне допустимым, что повесть была отложена и из-за того, что мучительно не складывался облик главного героя. А без этого не на чем было строить и всю конструкцию будущего произведения.

Счастливое решение пришло, когда Александр Сергеевич разделил задуманного было героя на Швабрина и Гринева. И появился конфликт. Один сберег честь. Другой - нет. Гринев заслужил право вести повествование.

Самая решающая минута в жизни Гринева даже не та, когда его "притащили под виселицу", там он действовал в состоянии аффекта, недаром же через несколько часов он уже считает, что назвать Пугачева самозванцем в беседе с глазу на глаз - это "бесполезная хвастливость".

Главный выбор он делает глубоко осознанно. Пугачев требует прямо ответить, признает ли его этот мальчишка-офицер великим государем? Гринев не рисуется перед читателем, как он делает и всякий раз, без утайки рассказывая о своих страхах и минутах нетвердости духа. Признавшись, что колебался, он все же дает трудно давшийся честный ответ. Вспомним - почему. "Наконец (и еще ныне с самодовольствием поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческою".

Чувство долга. Водораздел между гриневыми и швабриными всех времен и поколений.

Интересно, что фамилии, которые Пушкин сначала перебирал для героя повести: Шванвич, Буланин, Башарин, - он не выдумывал. Реально существовали и принимали участие в войне 1773 - 1775 годов и подпоручик Михаил Шванвич, и прапорщик Иван Буланин, и капитан Иван Башарин.

Кто знает, может быть, ход, использованный потом в "Капитанской дочке": двух офицеров предводитель восставших приказывает повесить, но третьего (сказочная цифра) по какой-то причине щадит - пришел Пушкину в голову, когда он узнал из архивных источников, а потом и написал в "Истории Пугачева", что, захватив крепость Ильинскую, Пугачев повесил капитана Камешкова и прапорщика Воронова, но следующего - этого капитана Башарина помиловал. Тоже понаблюдав за казнью первых двух офицеров и отвернувшись, когда пришла пора вешать третьего.

И окончательную фамилию - Гринев - Александр Сергеевич не стал придумывать. Эта крестьянско-казацкая война знала подпоручика А.М. Гринева, о котором Пушкин прочел в правительственной информации об окончании процесса Пугачева. Этот Гринев тоже, как Шванвич и Башарин, был обвинен в связях с пугачевцами (прапорщик Буланин был убит повстанцами). Знала эта война и подполковника П.Б. Гринева, командовавшего одним из отрядов правительственных войск, упомянутого в главе V "Истории Пугачева".

Единственный Валуев из шестого варианта плана не имел привязки к событиям войны. Но его Пушкин, скорее всего, исключил по другой при-

чине: П.А. Валуев, будущий граф и министр внутренних дел стал, как раз когда писалась "Капитанская дочка", зятем друзей поэта Вяземских, и ассоциации с ним автору не были нужны.

Гринев же Пушкину так понравился, что сначала он дал эту фамилию Зурину, она осталась за ним в "Пропущенной главе", а потом отобрал и отдал в конце концов главному герою.

Можно сделать интересное предположение. По "Этимологическому словарю русского языка" А.Г. Преображенского, древнее слово "гридь, гринь" означало "воин". Если Пушкин это знал, то причина появления фамилии главного героя глубже, чем просто использование готовой, чем-то безотчетно понравившейся реальной фамилии подлинных участников войны. И тогда фамилия Гринев - единственная "значащая" в "Капитанской дочке".

Интересно задуматься и о том, что, наверное, в принципе не бывает произведений "бесшовных". Предварительно замысленное, много раз измененное и, казалось бы, совсем автором позабытое, остается все же где-то на задворках творческого сознания. И прорывается так, что и сам автор не замечает.

У читателя же определенное преимущество: он ведь знакомится с произведением наново, целиком. И поэтому нередко ощущает: тут в повествовании какой-то необъяснимый "шов".

В "Капитанской дочке" их, "швов", если читать внимательно, довольно много, и мы уже их отмечали и еще будем иметь случаи отметить.

Для этого вернемся к одному из прототипов героя повести Михаилу Александровичу Шванвичу, до пугачевщины, кстати, прожившему три года в Оренбурге, а потом не по своей воле примкнувшему к Пугачеву и даже жалованному "шубой с царского плеча". Личность это была живописная, достойный сын, как писал Пушкин, "кронштадтского коменданта, разрубившего некогда палашом в трактирной ссоре щеку Алексея Орлова (Чесменского)".

В первом плане повести этот Шванвич-младший, совсем по его характеру, "за буйство сослан в деревню", а во втором, уже ближе к сюжету "Капитанской дочки", "за буйство сослан в гарнизон". Но вот в следующем плане он уже не буен, а в дальнейших планах и вовсе исчезает. И в конце концов героем становится чистый юноша Гринев.

Но след Шванвича остался в не измененном Пушкиным эпиграфе к главе II:

*Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашел,
Что не добрый ли да меня конь завез:
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, добрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.*

И еще один след замысленного было в двух первых планах буйного Шванвича. Вспомним, что спрашивает у Гринева, приехавшего в Белогорскую, Иван Игнатьич, заподозрив предосудительную причину перевода из столицы: "чаятельно, за неприличные гвардии офицеру поступки". Это Шванвич был офицером, а Гринев-то пока что сержант, в столице и в гвардейском полку вообще не был, и в офицеры он будет произведен только в следующей главе. Но Пушкин как будто забывает об этом.

Можно утверждать, что подлинные фамилии, которые Пушкин опробовал для главного героя повести - только своего рода "закрепляющие знаки", не больше. Действительно, попытаемся соотнести реально существовавших людей - и тех литературных героев, которые должны были, по разным пушкинским планам, носить их фамилии.

М.А. Шванвич, как видим, близок к Шванвичу из двух первых планов, составленных Пушкиным. Но и то - реальный был пленен после разгрома корпуса Кара, под разными предлогами уклонялся от службы у Пугачева, а потом и вовсе при удобном случае сбежал в Оренбург. В планах же он куда активнее: "предводительствует шайкой", а потом, когда восстание разгромлено, он взят в плен царскими войсками.

С подлинным капитаном Иваном Башариным у его однофамильца из следующего пушкинского плана и вовсе ничего схожего. Капитан был "из солдатских детей", взят в плен в Ильинской крепости и вынужденно командовал небольшим отрядом пугачевцев до самой своей гибели в бою. А что же Башарин из плана? Он и гвардейский офицер, и в капитаны произведен самим Пугачевым, и является к Михельсону, "отличается против Пугачева".

Реальный П.А. Валуев, пушкинский знакомец, вообще 1814 (по другим данным - 1815) года рождения.

Прапорщик Иван Буланин, фамилию которого Пушкин взял из списка убитых пугачевцами около Пензы, тоже далек: просто жертва восставших.

И, наконец, каждый, читавший "Капитанскую дочку", видит, как далек юный герой повести от старого воина, подполковника П.Б. Гринева, активного участника разгрома пугачевцев в Заволжье, Оренбуржье, Верхнем и Нижнем Поволжье. Пожалуй, ближе всех подпоручик А.М. Гринев, о нем, как уже говорилось, Пушкин узнал из правительственной информации 10 января 1775 года об окончании процесса Пугачева. А.М. Гринев значится в этой информации среди тех, кто "находились под караулом, будучи сначала подозреваемы в сообщении с злодеями, но по следствию оказались невинными". Однако других подробностей в этом документе не было.

Полезно подумать: а почему Пушкин избрал для своей повести мемуарную форму? Ведь "Капитанскую дочку" он мог бы написать и прямо от своего, авторского лица. Убедительный ответ дает известный пушкинист С.А. Фомичев:

"Начав путь прозаика как мемуарист (имеется в виду, что первым опытом Пушкина-прозаика были автобиографические записки, начатые в 1821 году, перебеленные в 1825 году и почти целиком уничтоженные в ожидании жандармского обыска. - В.С.), он постоянно ориентировался в своих исканиях в области художественной прозы прежде всего на мемуары, свои и чужие, в большей степени, нежели какой-нибудь другой писатель, оценив художественную выразительность документов эпохи, преломленных через заинтересованное отношение наблюдателя, этой эпохой сформированного".

Уже 5 августа 1833 года, перед отъездом в оренбургское путешествие, Пушкин выбрал форму будущего произведения. Именно записками вымышленного повествователя вырисовалось у него начало вступления, не вошедшее в окончательный текст и помеченное этой датой.

"Любезный друг мой Петруша! - обращается постаревший Петр Андреевич Гринев к своему с Марьей Ивановной внуку в "Проекте вступления к роману". - Начинаю для тебя свои записки, или лучше искреннюю исповедь, с полным уверением, что признания мои послужат к пользе твоей".

Правда, этот "Проект" - догриневский. Он, как видим, написан Пушкиным еще до оренбургской поездки поэта. Тогда герой задуманной повести звался еще Башариным. Но в плане его судьба уже была связана с "комендантской дочкой". А вчерне "Капитанская дочка" закончена была 23 июля 1836 года, почти через три года.

Однако "Проект" этот кажется написанным специально к окончательному варианту повести. И не только потому, что автор обращается к "Петру", а это имя в нашем сознании связано с фамилией "Гринев". Если не знать хронологии или просто отставить ее в сторону, то такое вступление, напечатанное перед началом известного нам текста "Капитанской дочки", было бы очень к месту.

Поэтому, держа в уме историю написания "Проекта", можно, вероятно, рассматривать его и как гриневский: постаревший Петр Андреевич Гринев именно так писал бы своему внуку.

Так мы и будем рассматривать в дальнейшем эти двадцать пушкинских строк.

Этот "Проект вступления" хорошо согласуется с внутренней хронологией повести. Если Петр Гринев и Марья Миронова поженились в 1774 (его освободили в конце года) или 1775 году, то ко времени написания Петром Андреевичем этих строк, где-то до 1812 года, у него вполне мог быть внук-подросток. По одному из вариантов рукописи, - первенец.

А то, что его дед пишет в годы, предшествовавшие Отечественной войне, - ясно: будь это позже, повествователь бы не обошел ее хоть упоминанием. К тому же в главе VI "Пугачевщина" Гринев-отец сообщает: "ныне

дожил я до кроткого царствования императора Александра". Значит, это вскоре после 1801 года - года воцарения этого императора.

Итак, записки повествователя. Так же, как, скажем, "Повести Белкина". Уже упомянутый С.А. Фомичев вполне справедливо говорит об "обмирщении" прозаической манеры Пушкина 30-х годов, о "Капитанской дочке" как повести, "изложенной с позиций наивного сознания и здравого смысла". И далее: "Белкинское начало в Петруше Гриневе несомненно".

А если мы обратим внимание на форму, то вспомним, что в "Повестях покойного Ивана Петровича Белкина" и в "Капитанской дочке" Пушкин применяет один и тот же прием: повествователи - и Белкин, и Гринев - умерли, и их рукописи попадают к постороннему человеку, который их печатает, "взявшись хлопотать".

Но есть ли в "Капитанской дочке" этот единый повествователь? Хотя формально от первой строки и до эпилога пишет пожилой и поэтому трудно представимый Петр Андреевич Гринев, у читателя разительное впечатление, будто повествователь на глазах двоится.

Каждый, кто читал повесть, наверно, заметил одну любопытную особенность: глаза скользят по строкам "Капитанской дочки" - и вдруг натыкаются на то, как не принято писать в художественном произведении:

"В это время мальчик вошел и подал мне записку от И.И. Зурина". "Отведи г. офицеру квартиру". "С А.И. Швабриным, разумеется, виделся я каждый день; но час от часу беседа его становилась для меня менее приятною". "Г. прапорщик! - продолжал он, обращаясь ко мне. - Извольте объяснить нам ваше мнение". "Г. коллежский советник, скажите нам ваше мнение!" "З тела висели на перекладине", "Пугачев бежал, преследуемый Ив. Ив. Михельсоном" - это из "Пропущенной главы". (Хотя, как будто об этом случае, в письме П.А. Плетневу пятью годами раньше Пушкин просил в "Повестях Белкина", как приличествует произведениям художественным, "Имена печатать полные, напр. Иван Иванович Иванов, а не И. Ив. Ив - чь".) Или генерал Р. говорит Гриневу: "ты будешь офицером переведен в *** полк". Звездочки - в прямой речи персонажа?

Тут полезно порассуждать о соотношении этих двух повествователей.

Что такое "Капитанская дочка"? По "Проекту вступления к роману", как мы будем считать, это семейные записки П.А. Гринева. Кстати, незавершенные, недаром повесть заканчивается многоточием. Примем во внимание и то, что в главе XII после прощальных слов Пугачева: "Авось увидимся когда-нибудь" следует: "Мы точно с ним увиделись, но в каких обстоятельствах!" Однако об этих страшных обстоятельствах - о сцене казни Пугачева рассказывает уже не повествователь, а "Издатель" в послесловии.

В семейных, или "семейственных", как сказано в повести, записках вполне уместны и инициалы, и "Г. прапорщик" (даже в прямой речи), и

цифра вместо буквенного числительного, и "Ив. Ив. Михельсоном", и звездочки. В главе X "Осада города" этот жанр прямо подтвержден: "Не стану описывать оренбургскую осаду, которая принадлежит истории, а не семейственным запискам".

И в то же время в этой же главе явно беллетристическое:

"Читатель легко себе представит, что я не преминул явиться на совет, долженствовавший иметь такое влияние на судьбу мою". "Вдруг мысль мелькнула в голове моей: в чем она состояла, читатель увидит из следующей главы, как говорят старинные романисты".

Так для кого же писана "Капитанская дочка" - для внука Петруши или для широкого читателя?

В том-то и особая прелесть этого произведения, что в нем авторское многоголосие. Старик П.А. Гринев, как летописец, повествует в "семейственных записках". Молодой Петр Гринев - рассказывает в художественном произведении.

Мы заметим, кстати, и то, что в летописи-повествовании поэтому практически нет реплик Гринева в диалогах его с различными действующими лицами, как это и подобает "запискам". Реплики эти в основном там, где ведется живой рассказ.

Поэтому с известной долей условности, конечно, можно бы первого Гринева назвать летописцем, второго - рассказчиком.

Там, где сказка о любви, приключения, опасности, страсти, там, где Пугачев все время помогает в нужную минуту, - рассказывает молодой человек, умеющий переступить через классовые предубеждения и ценить "душу живу". Такой Гринев благодарен судьбе, что свела его "с этим ужасным человеком, извергом, злодеем для всех, кроме одного меня. Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему".

Там же, где идет пересказ чисто исторических событий, хоть и нечасто, но слово берет помещик, словно забывший свою молодость и относящийся к себе, молодому, снисходительно и в то же время и с оттенком осуждения:

"Ты увидишь, - пишет он в "Проекте вступления к роману" своему будущему читателю-внуку, - что, захваченный пылкостью моих страстей во многие заблуждения, находясь несколько раз в самых затруднительных обстоятельствах, я выплыл наконец и, слава богу, дожил до старости, заслужив и почтение моих ближних и добрых знакомых".

Гринев-старик изрекает дворянские сентенции. Под его пером всего через главу после "сильного сочувствия" Пугачеву предводитель крестьянско-казацкой войны уже "презренный бунтовщик".

Молодой Гринев как бы ведет дневник о событиях только нынешнего дня. А старый - автор обзорных исторических записок. И еще справедливо будет сказать, что постаревший летописец-Гринев обращается со своими сентенциями к своему внуку. Молодой же живым и страстным рассказом обращается к все новым поколениям читателей.

Есть в главе XIII "Капитанской дочки" "Арест" странная на первый взгляд фраза, мимо которой как-то проходят исследователи. А между тем она очень важна. Вот что пишет тот, молодой Гринев о Пугачеве:

"Мысль о нем неразлучно была во мне с мыслию о пощаде, данной мне им в одной из ужасных минут его жизни".

Ужасна минута не для Гринева, который стоял уже у виселицы, в шаге от смерти, а для Пугачева, покойно сидевшего "в креслах на крыльце комендантского дома" и наблюдавшего за казнями!

Понять - значит найти ключ к Гриневу.

Предположим, в этой книге нет никакой исторической основы, а действует просто человек по фамилии Пугачев, вымышленный герой. Тогда единственный жестокий поступок его в повести - эти казни после взятия Белогорской. И, свершив казни, этот добрый, благородный в других главах повести человек стал душегубом? Погубил чужие души и тем самым свою? Поэтому и написал эту фразу об "ужасной минуте" молодой Гринев, которого мы считаем истинным повествователем, мало общего имеющим с благополучным помещиком? ("Что вы, что вы это над собой сделали!" - отчаянно воскликнет потом у Достоевского в "Преступлении и наказании" Сонечка Мармеладова, когда Раскольников расскажет ей, что он убил двух женщин.)

Ведь важнее всего для Петра Гринева - "душа жива". Не в узко религиозном, а в общечеловеческом смысле. Не сгубить ни свою, ни чужую, не причинять зла, не трусить, не ловчить, не предавать убеждений, быть верным слову. Роль эпиграфа к "Капитанской дочке" столь велика, что мы не удивились бы, если б Пушкин сделал его названием повести.

Некоторые морально-этические вопросы волновали Пушкина с особой силой на каких-то отдельных этапах его жизни. Многие же - сквозные в его жизни и творчестве. Такие, как вопросы чести. В "Капитанской дочке", как мы видели, первоначального Шванвича он разделил на двух противоположных героев именно по принципу верности чести.

Вспомним: после того, как юный Петруша Гринев проиграл Зурину почти все деньги, выделенные отцом в дорогу, он в порыве раскаяния дает Савельичу "слово впредь без его согласия не располагать ни единою копейкою". И в этой же главе, дальше, он, забывшись, приказывает было Савельичу выдать спасителю-вожатому полтину на водку. И получает отказ.

Казалось бы, кто отказывает? Холоп, раб. Его ли слушаться? Но ведь Гринев дал слово. И он считает бесчестным это слово не сдержать: "Я не мог спорить с Савельичем. Деньги, по моему обещанию, находились в полном его распоряжении".

Но ведь Петруша не давал слова насчет тулупчика. Поэтому и считает вправе приказать подарить его вожатому. Это, кстати, очень полезно и для сюжета: лишний стакан водки Пугачев тут же позабыл бы, а вот память о тулупчике долговечнее.

Здесь же, в этой сцене в уме Петр Гринев, как и свойственно молодости, во многом поддается чужому влиянию и легко переменяет мнения. Например, ямщик называл буран бедой, и Петруша был согласен. Но вот в тепле и безопасности умета прижимистый Савельич негодуяще ворчит в ответ на приказ барчука выдать жоному полтину на водку: "За что это? За то, что ты же изволил подвести его к постоялому двору?" И что Гринев? Ему "досадно, однако ж, что не мог отблагодарить человека, выручившего меня если не из беды, то по крайней мере из очень неприятного положения". Всего несколько абзацев - и беда уже не беда.

Но если речь о главном - о слове чести - тут уж Петр неколебим. Это, кстати, заметит и оценит наблюдающий эту сцену Пугачев. Отсюда начнется его особая симпатия к юному дворянину.

Обратимся для подкрепления мысли об этой сквозной пушкинской теме к "Анджело", произведению, написанному после возвращения из оренбургской поездки в Болдине. Нарушая введенный им же суровый закон, Анджело, в порыве страсти склоняя Изабеллу к плотскому греху, обещает спасти жизнь ее брата: "Клянусь \ От слова моего теперь не отопрусь, \ Клянуся честью". На что Изабелла с долей иронии отвечает: "О много, много чести!" Ибо в ее понимании честь выше любого закона.

Все это - о разных Петрах Гриневых.

А что же сам Пушкин? Он укрылся за подписью "Издатель", которому принадлежит лишь меньше двадцати строк эпилога: "Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринева..." И дальше конспективно о том, что по воле императрицы герой повести был освобожден в конце 1774 года, присутствовал при казни Пугачева, женился на Марье Ивановне, а рукопись его записок передана "Издателю" одним из внуков Гринева.

В последней фразе эпилога "Издатель" берет на себя ответственность за перемену некоторых собственных имен, так что не на совести Гринева подлинный генерал Рейнсдорп, превращенный в генерала Р. Остальных героев повести перемена имен собственных, кстати, не коснулась.

Пушкин далеко не равнозначен ни летописцу, ни рассказчику. Да и возможна ли вообще у большого писателя полная передача своего "я" в пользование самому симпатичному герою? Вопрос очень важный с точки зрения понимания, что есть художественное творчество? Автор "Основ теории литературы" Л.И. Тимофеев утверждает:

"В ряде случаев автор для более полного раскрытия своего героя или в случае изображения положительного героя, который своими взглядами выражает взгляды автора, передает повествование герою, от лица которого и ведется рассказ. Пушкин в "Капитанской дочке" передает повествование Гриневу - положительному герою".

Но простодушно полностью "передать слово" попросту невозможно, как бы ни старался автор. Идейно-художественно он всегда объемнее любого повествователя. И всегда "передает слово" - для чего-то. Тот, кто прочтет

повесть, не может не заметить, насколько внешний прием - воспоминания, мемуары П.А. Гринева - не исчерпывает прием внутренний, трехголосость "Капитанской дочки": Пушкин, летописец, рассказчик. По меньшей мере, по трем причинам.

Во-первых, автор создал интереснейшие образы этих двух Гриневых: Петра и Петра Андреевича.

Старый - мы уже говорили - как бы берет изредка слово, когда надо изречь суждения, не в последнюю очередь предназначенные для усыпления бдительности жестокой цензуры. Молодой же, весьма удачно внедренный в оба противоборствующих лагеря, талантливо знакомит нас и с Пугачевым, и с генералом Р., с ходом военных советов в обеих ставках, с участниками боевых действий в Белогорской, Оренбурге, Бердах.

Любопытно также, как Пушкин организует лексическое и стилистическое различие этих двух Гриневых. Старик пишет свои записки уже в новом, XIX веке. Почти сорок лет прошло со времен пугачевщины, за эти десятилетия значительно изменился и литературный язык. Но странное дело: молодой говорит в XVIII веке языком пушкинской эпохи, за исключением любовного стишка, как заявляет Швабрин, в духе "Василья Кирилыча Тредьяковского", посвященного Маше ("Но глаза, что мя пленили", "Зря меня в сей лютой части"), впрочем, по мотивам и лексике стихи эти сходны и с виршами Михаила Попова, Николая Николева, Василия Капниста, Юрия Нелединского-Мелецкого и многих других поэтов конца XVIII века. И когда Пушкину все же нужно обозначить эпоху языковыми средствами, он, в частности, в батюшкином письме юному Гринеvu вставляет "дуелей", "сей", "ибо".

А вот пожилой Петр Андреевич Гринев, живущий и пишущий уже в новые времена, в новой языковой среде, изъясняется архаично. Хотя должно быть, вроде бы, наоборот. "Прежде нежели приступлю к описанию странных происшествий, коим я был свидетель..." - так старомодно пишется стариком-Гриневым в XIX веке.

Но через несколько абзацев юный Гринев изъясняется слогом пушкинских повестей, хотя дата - третьей четверти века XVIII: "Однажды вечером (это было в начале октября 1773 года) сидел я дома один, слушая вой осеннего ветра и смотря в окно на тучи, бегущие мимо луны". Эта фраза понадобится еще нам в дальнейшем для любопытных временных подсчетов.

Интересно, что сам Пушкин в возрасте Петра Гринева тоже написал стихотворение "К Маше", в чем-то перекликающееся с гриневским:

"...О Маша, Маша, поспеши -

И за четыре мне куплета

Мою награду напиши..."

Да и стихотворение Гринева - наполовину пушкинское: Александр Сергеевич обработал, сократив, песню, которую взял из хранившегося в его библиотеке "Собрания разных песен" М.Д. Чулкова.

Тут невольно вспоминается и мысль Марины Цветаевой, что Пушкин "пиитом-то П. Гринева, вопреки всякой вероятности, сделал, чтобы теснее отождествить себя с ним".

Рассматривая в витрине музея последнее гусиное перо Пушкина, аккуратно очиненное, со срезом наискосок и прорезанной щелью для ровного стока чернил, обгрызенное донельзя, вспоминаешь гриневское "сидел я за элегией и грыз перо в ожидании рифмы".

Приходит на ум в связи с этим и то, что первого гувернера Саши Пушкина француза Монфора прогнали со двора, как и гриневского гувернера Бопре, за одни и те же грехи - за пьянство и амуры с крепостными девками.

И еще сближение: и Пушкин, и Гринев рано вылетели из родительского гнезда.

Юный Гринев - чистая душа. Никаких стереотипов и идеологических шор. Он еще умеет видеть жизнь и людей, какие они есть. Старому этого уже не дано, тот уже выразитель "взглядов и идей". Дважды в повести Гринев употребляет по отношению к Пугачеву слово "злодей". И оба "злодея" - повествователя-старика.

Во-вторых, Пушкин знает больше, чем оба Гринева, и мы с ним - тоже. Это дает нам какое-то особенное чувство. Не превосходства над героем повести, нет. Но какого-то соавторства.

К примеру, в главе "Суд" арестованный Петр Гринев теряет в догадках, кто же главный на него доноситель? И изумлен, когда вводят Швабрина. (Заметим, кстати, что у Пушкина и знаки препинания иной раз психологичны: "Через несколько минут загремели цепи, дверь отворилась, и вошел - Швабрин". Не просто "вошел Швабрин", а через тире. И в этом тире - изумление Гринева.)

Но мы-то уже знаем по предыдущим главам и абзацам этой главы, кто именно должен был войти. Никем другим, кроме как Швабриным, он быть не может, - сразу соображаем мы.

Кто еще в Белогорской распространял "обдуманную клевету"? (Кстати, книжный Швабрин высмеивает из ревности стихи Гринева, посвященные Маше, точно так же, как в реальности "демон" Пушкина Александр Раевский из ревности же высмеял стихотворение "Дионея", в котором влюбленный Пушкин, как полагают, воспевал в 1821 году красавицу Анну из ханского рода Гиреев. Быть может, Пушкину вспомнилась эта давняя история, когда он писал "Капитанскую дочку" и обдумывал причину дуэли своих персонажей?)

Кто еще мог знать и сообщить следственной комиссии, что Гринев был в пиру у Пугачева, получил отдарок за стакан водки и заячий тулупчик - шубу и лошадь? Кто иной знал в деталях о "странной дружбе" молодого дворянина и предводителя восставших?

Сделаю отступление: интересно задуматься, почему Гринева привезли именно в Казанскую следственную комиссию, хотя такие же комиссии

были и в Яицком городке, и в Оренбурге, и в Самаре, и в Симбирске, и в Москве? Чтобы расширить географию повести? Может быть. Чтобы дать какую-то зарисовку Казани, используя то, что Пушкин видел в этом городе по дороге в Оренбург? А это - вряд ли. Чтобы написать: "Я приехал в Казань, опустевшую и погорелую. По улицам, вместо домов, лежали груды углей и торчали закопченные стены без крыш и окон", - необязательно было в 1833 году осматривать город и расспрашивать горожан, достаточно было прочесть документы об обстоятельствах взятия Казани Пугачевым.

Можно предположить другое. В записях Пушкина есть одна, помеченная "Слышал от сенатора Баранова" - об участии будущего поэта Г.Р. Державина в антипугачевских акциях. Александр Сергеевич многое знал о Державине. Знал, может быть, и о том, что тот - казанец и явился к А.И. Бибикову, главному начальнику войск, сражавшихся с пугачевцами, в Казань, упросив взять его к себе как казанца и гвардейского офицера. В конце 1773 года Державин был членом именно Казанской следственной комиссии. И в "Капитанской дочке" в числе допрашивающих Гринева - "гвардейский офицер лет двадцати восьми". Надо заметить, что Державин был тогда всего на два года старше, ему было 30. И капитан этот так же излишне жесток, как и Державин из пушкинской записи: поэт Дмитриев рассказал Александру Сергеевичу, что будущий создатель од повесил двух пугачевцев "из поэтического любопытства". Это обстоятельство так поразило Пушкина, что он почти слово в слово повторил его и в "Замечаниях о бунте".

Конечно, державинский "след" - это гипотеза, не больше. Но какой художник слова скажет: этот образ, эту коллизию я сконструировал целиком "из головы", и в них ни грамма нет биографических перекличек с известными мне людьми и с тем, что с ними приключилось? Художественное мышление Пушкина было особо ассоциативным, в его писательском хозяйстве ничего не пропадало даром. Естественно, этот мелькнувший на странице "Капитанской дочки" гвардейский капитан - не точно Державин, что-то от Гавриила Романовича слилось с биографическими данными других людей. В частности, в "Истории Пугачева" есть у Пушкина С.И. Маврин, тоже член Казанской следственной комиссии. Этот - 29 лет, и был он точно капитаном гвардии (Державин - подпоручиком). Он должен был заинтересовать Александра Сергеевича тем, что был опытным следователем (заметим, что не генерал, руководитель комиссии, а именно этот капитан "потребовал, чтобы меня поставили на очную ставку с главным доносителем") и первым допрашивал в Яицком городке плененного Пугачева.

Кстати, интересно по "Артикулу воинскому", введенному Петром Великим, посмотреть юридическую сторону обвинений, которые Швабрин в Следственной комиссии "повторил слабым, но смелым голосом". Он должен прекрасно знать этот "Артикул", поэтому и выбрал статьи, которые должны наверняка уничтожить соперника:

"По его словам, я отряжен был от Пугачева в Оренбург шпионом; ежедневно выезжал на перестрелки, дабы передавать письменные известия о всем, что делалось в городе; что наконец явно передался самозванцу..."

Гринев-то надеется совсем оправдаться, потому что "наездничество", то есть самостоятельные вылазки из крепости, чем и была его начавшаяся поездка из Оренбурга в Белогорскую, поощрялось.

А Швабрин, как сейчас выражаются, "шьет" Петру Артикулы 99 и 124 - о перебежчиках и шпионах. По первому, "который весьма к неприятелю перебежит, того имя к виселице прибито и оный как нарушитель присяги, шельмом и изменником публично объявлен имеет быть, и пожитки его забраны. И ежели он пойман будет, без всякой милости и процесса повесить его надлежит". По второму, "оный имеет, яко шельм и изменник, чести, пожитков и живота лишен, и четвертован быть". Кстати, именно этим словом шельм, только по-немецки, аттестует самого Швабрина генерал Р., узнав о его предательстве.

Вернемся к сцене допроса Гринева в Казанской следственной комиссии и к знанию, которое Пушкин дает нам. Точно так же, как мы заранее догадались, что сейчас введут Швабрина, мы уже давно поняли, что вожатый - и Пугачев, взявший Белогорскую и чинящий расправу, - одно и то же лицо. Но Гринев не догадывается.

А вспомним в той же главе II "Вожатый" полный большого тайного смысла иносказательный разговор хозяина умета с Пугачевым. Гринев признается: "Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора". Нам же общий смысл реплик, которыми обмениваются хозяин с вожатым, сразу понятен.

Тут уместна аналогия с загадкой и разгадкой, запрятанными автором в начале "Пиковой дамы". Германн будет биться над тем, как угадать три заветные карты, пойдет на преступление, чтобы овладеть тайной. Но современный Пушкину читатель уже знал наперед эти карты из первого же внутреннего монолога Германна: "Нет! Расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что утроит, усмерит мой капитал..." Тройка, семерка и "капитал", который на языке игроков обозначал туза.

Рассказчик в "Капитанской дочке" видит, но не понимает то, что сразу понимаем мы.

Урядник Максимыч усмехается, услышав на военном совете в Белогорской, что его казаки ненадежны. Швабрин, узнав, что подступающий Пугачев силен, произносит загадочные слова: "Важного покаместь еще ничего не вижу. Если же..." Гринев только увидел и услышал, а мы уже начинаем догадываться: и Максимыч, и Швабрин предадут не далее чем в следующей главе.

Понаблюдаем дальше над тем, как блестяще используются в повести мотивы предвидения, когда именно Пушкин как бы поднимает нас над течением повествования.

Этот урядник Максимыч нарисован с симпатией. Ведь именно он доставит к стенам осажденного Оренбурга Гриневу отчаянное письмо Марьи Ивановны, которое сыграет большую роль в судьбе влюбленных. Но в то же время Максимыч изменник.

Как выходит из положения Пушкин?

В главе VII "Приступ" не кто иной как казачий урядник Максимыч должен бы явиться к Гриневу "с донесением, что наши казаки ночью выступили из крепости, взяв насильно с собою Юлая, и что около крепости разьежжают неведомые люди".

Однако вместо него приходит какой-то капрал: урядник бежал к Пугачеву.

Интересно будет поступать Пушкин с этим Максимычем, вроде бы, третьестепенным героем повести. Он его станет все время заботливо убирать из поля зрения читателей, чтобы не оправдались наши предчувствия по отношению к уряднику, могущему после присоединения к пугачевцам совершить что-то страшное.

Просто "четыре человека" подсказали к стенам крепости с пугачевским письмом и окровавленной головой Юлая. И комендантшу Василису Егоровну убивает - чтобы мы чего не подумали - просто "молодой казак". Специально будет сказано, что урядника не было за столом во время пугачевского пира после захвата Белогорской.

Объявится Максимыч только в сцене казней. На вопрос Пугачева "Который комендант?", урядник выходит из толпы и указывает на капитана Миронова. Нехорошо поступает, но нам ясно, что указать мог любой в этой толпе. И грех Максимыча невелик. Поэтому он с чистой совестью может потом передать Гриневу письмо Марьи Ивановны.

Урядник еще пригодится Пушкину, чтобы передать и пугачевский отдарок - тулуп и лошадь. И в одной из последних глав можно было бы просто написать "пугачевец принес", но все по тому же принципу проследивания судеб персонажей, даже проходных, значит: "Через час урядник принес мне пропуск, подписанный каракульками Пугачева, и позвал меня к нему от его имени". Об этой пушкинской "скупости" мы поговорим в одной из дальнейших глав.

А вот по отношению к Швабрину автор, наоборот, все новыми деталями укрепляет наши подозрения. Мы замечаем, что на валу крепости в начале штурма - все четыре упомянутых в повести офицера: комендант, поручик Иван Игнатьич, Гринева. И Швабрин. От нас не ускользает, что его нет в дальнейшей фразе: "Комендант, Иван Игнатьич и я мигом очутились за крепостным валом; но обробелый гарнизон не тронулся".

Собственно, мы уже почти уверены. И только Гринева "к неописанному изумлению" видит "среди мятежных старшин Швабрина, обстриженно-го в кружок и в казацком кафтане".

Кстати, мы уже видели, для чего Пугачев в день взятия Белогорской начинает пир в доме попа, а заканчивает в комендантском доме. Есть и другая причина, связанная с этой используемой Пушкиным "фигурой выведения из поля зрения читателя", как можно, наверно, назвать по аналогии с "фигурой умолчания".

"А каков Швабрин, Алексей Иванович? Ведь остригся в кружок и теперь у нас тут же с ними пирует!" - восклицает попадья, когда Гринев прибегает к ней в дом в тревоге за Машу.

Но через несколько абзацев, когда Гринев зван Пугачевым на продолжение пира в комендантский дом, специально оговаривается, что Швабрина тут не было. Зачем? Иначе сберегшему честь Петру пришлось бы сидеть рядом - наравне - с изменником Швабриным. Из-за этого совсем другому он бы воспринимал сцену застолья. Все тот же тонкий пушкинский психологизм.

А вспомним, как уверены сначала комендант и его жена в том, что Белогорскую Пугачеву не взять. И вдруг перед самым приступом капитан Миронов приказывает жене и дочери: "Ступайте, ступайте домой; да, коли успеешь, надень на Машу сарафан". Зачем сарафан надеть - понятно: чтобы попробовать спасти дочь, выдав за казачку. И вот это "коли успеешь"...

Комендант уже знает, и мы тоже догадываемся: страшная развязка совсем близко. Ивану Кузьмичу и Василисе Егоровне осталось жить всего несколько абзацев.

Все дело в том, что рассказчик существует, плывет в сюжетном потоке, организованном Пушкиным. А нас, читателей, как мы уже заметили, он поднимает над этим потоком. И мы сходу соображаем, что, зачем и почему появляется в повести.

Г.П. Макогоненко в работе "Исторический роман о народной войне" совершенно точен: "Гринев, художественно оправданно, делает все, что нужно Пушкину".

Правда, есть в повести одно место, где и рассказчик вдруг странным образом поднимается к этому знанию. Оно в главе VIII "Незванный гость", где провидческое чувство Гринева обострено и потрясением от задевшей его крылом, казалось бы, неминуемой смерти на виселице, и необъяснимым помилованием Пугачевым, и тем противоречием, которое впервые его разрывает:

"Долг требовал, чтоб я явился туда, где служба моя могла еще быть полезна отечеству в настоящих затруднительных обстоятельствах... Но любовь сильно советовала мне остаться при Марье Ивановне и быть ей защитником и покровителем".

Следующая после этих слов фраза как бы приподнимает Гринева над потоком событий, дает ему новое зрение: "Хотя я и предвидел скорую и несомненную перемену в обстоятельствах". Пушкин дает своему герою возможность как бы заглянуть в следующие главы повести.

И если продолжить разговор об отличиях автора - и старого и молодого Гриневых, то, в-третьих, Пушкин не равнозначен своим героям еще и вот почему: когда Гринев-старший с "важностью забавной" судит, к примеру, что "всякие насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот", - мы понимаем: это не мысли самого Пушкина. Хотя бы потому, что сердцу Александра Сергеевича были милы "бунтовщики"-декабристы. И вообще потому, что он был куда более разносторонним и глубоким мыслителем.

Гринев дивится "быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия". А Пушкин, поставив последнюю точку в повести, 19 октября 1836 года в неотправленном письме П.Я. Чаадаеву говорит об обратном: "Нужно сознаться, что наша общественная жизнь - грустная вещь. Это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству - поистине могут привести в отчаяние".

Подлинную позицию Пушкина можно понять, вспомнив хотя бы "башкирца" в соседних главах VI "Пугачевщина" и VII "Приступ". (Изувеченный - это прилагательное Пушкин почему-то написал по-французски - башкирец, в отличие от многих других персонажей, был задуман уже в одном из ранних планов повести весной 1833 года и четырежды упомянут в четырех строчках плана, настолько он был для автора важен.)

"Самый честный и добрый", но выполняющий свой долг, как он его понимает, комендант Иван Кузьмич Миронов приказывает пытать этого "башкирца", схваченного с воззваниями Пугачева. (За коменданта Нижнеозерной Харлова, как сказано в "Истории Пугачева", гарнизон стал просить, чтоб не казнить его. За Миронова же, хотевшего пытать "башкирца", гарнизон бы не заступился. Поэтому, надо полагать, в "Капитанской дочке" народ - солдаты и казаки - безмолвствует, когда коменданта казнят.)

Дальнейшая картина заставляет нас, как и Гринева, ужаснуться.

"Башкирец с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого росту, тощ и сгорблен; но узенькие глаза его сверкали еще огнем. "Эхе!" - сказал комендант, узнав, по страшным его приметам, одного из бунтовщиков, наказанных в 1741 году. - Да ты, видно, старый волк, побывал в наших капканах. Ты, знать, не впервые уже бунтуешь, коли у тебя так гладко выстрогана башка".

И его бы пытали, чтобы вызнать о пугачевцах, но "башкирец застонал слабым, умоляющим голосом, и, кивая головою, открыл рот, в котором вместо языка шевелился короткий обрубок". Непригоден для пытки оказался старик.

В "Замечаниях о бунте", предназначенных для царя, Пушкин смело написал о "наших капканах":

"Казни, произведенные в Башкирии генералом князем Урусовым, невероятны. Около 130 человек были умерщвлены после всевозможных мучений! "Остальных, человек до тысячи (пишет Рычков), простили, отрезав им носы и уши". - Многие из сих прощенных должны были быть живы во время пугачевского бунта".

Удивительно ли, что в следующей главе Петр Гринев видит: коменданта Миронова "потасили к виселице. На ее перекладине очутился верхом изуверченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке веревку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузьмича, вздернутого на воздух".

В этой главе восставшие вешают противников-дворян. В "Пропущенной главе" офицеры-дворяне приказывают вздернуть восставших на виселицу, установленную на плоту, и пустить для устрашения вниз по Волге. А через страницу-другую дворянин Швабрин приказывает повесить дворян Гриневых, названных еще Буланиными. (В этом некоторые исследователи видят некий пушкинский намек на то, что, противу традициям, царь-первый дворянин приказал повесить, а не расстрелять пятерых дворян-декабристов, что было бы смертью более почетной.)

У пугачевца, подсказавшего к валу перед штурмом Белогорской, "на копье воткнута была голова Юлая, которую, стряхнув, перекинул он к нам чрез частокол". А в "Пропущенной главе" офицер Зурин, названный тут еще Гриневым, "настоял на том, чтобы голова земского была несколько часов выставлена на шесте у кабака". А ведь этот Андрюшка земский несколькими абзацами раньше только ранен.

Зверство за зверство.

Что же противопоставить этому круговороту зла? Ответ в пушкинском "Памятнике":

*... Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.*

Сейчас в некоторых новых работах о Пугачеве и крестьянско-казачьей войне прочтешь: Емельян Иванович - лишь кровавый разбойник, а его народное войско - сплошь убийцы и грабители. Не ново. Это повторение официальных историографических задов царских времен. В советский период маятник качнулся в другую сторону: Пугачев - только светлая личность, предводитель справедливо восставшего народа, и все жестокое, что было сделано, исторически оправданно.

Но и "красным" и "белым" все давно и умно ответил Пушкин. Надо читать его, чтобы понять: в гражданских войнах не бывает только правых или только виноватых. Это трагедии всего народа, когда одна его часть режет другую и наоборот.

В соседних строках, записанных Пушкиным в Бердах от старухи Бунтовой, - и расстрелянные безвинно пугачевцами красавица Харлова с братом, и царские гусары, которые "мясничат" пугачевцев. Чья кровь, чьи жизни ценнее?

У Иосифа Бродского есть небесспорная, но интересная мысль: многие из тех, кого мы называем великими писателями, на самом деле всего лишь мастера стиля, социальных наблюдений, бытописания... Но этого мало. Подлинно великие - это те, кто смогли привнести в мир какую-то духовную идею.

В качестве примера он приводит Достоевского, нашедшего, что в человеке две бездны: Добро и Зло, и он всю жизнь мечется между ними.

Ну а Пушкин? Его духовная идея - борьба Добра и Зла, в которой трудно, но все же побеждает Добро. Пушкинский гуманизм был подлинным философско-художественным открытием его века и задал тон всей русской литературе. "Капитанская дочка" - одно из лучших воплощений этой мощной духовной идеи.

Если говорить о "содрогнувшемся" Петре Гриневе то, по словам Ю.М. Лотмана, "в нем видны черты более высокой, более гуманной человеческой организации, выходящей за пределы его времени. Ответ пушкинской мечты о подлинно человеческих общественных отношениях падает и на Гринева".

И дальше очень точное наблюдение:

"В этом - глубокое отличие Гринева от Швабрина, который без остатка умещается в игре социальных сил своего времени. Гринев у пугачевцев на подозрении как дворянин и заступник за дочь их врага, у правительства - как друг Пугачева. Он не "пришелся" ни к одному лагерю. Швабрин - к обоим: дворянин со всеми дворянскими предрассудками (дуэль), с чисто сословным презрением к достоинству другого человека, он становится слугой Пугачева. Швабрин морально ниже, чем рядовой дворянин Зурин, который, воспитанный в кругу сословных представлений, не чувствует их бесчеловечность, но служит тому, в справедливость чего верит. Для Пушкина в "Капитанской дочке" правильный путь состоит не в том, чтобы из одного лагеря современности перейти в другой, а в том, чтобы подняться над "жестоким веком", сохранив в себе гуманность, человеческое достоинство и уважение к живой жизни других людей. В этом для него состоит подлинный путь к народу".

Для понимания идейно-нравственных позиций Пушкина очень важно сопоставление молодого Гринева и Пугачева. Вначале оба они действуют в рамках своих этических и юридических классовых норм.

Но волей Пушкина в решающие моменты они - только двое во всей повести - преступают эти узкие нормы и поднимаются к нормам более широким - общечеловеческим. Они вдруг ощущают, что - применю современное сравнение - настроены на близкие духовные волны. Не на одну - а

на близкие, потому что главное их различие особенно точно выясняется в отношении к притче об орле и вороне: что есть подлинная свобода?

Здесь они говорят на разных языках. И по убеждениям, и лексически. Гринев, перед тем говоривший свободно, совершенно в том же стиле, что и Пугачев, вдруг впадает в сентенцию, словно он сразу стареет на несколько десятков лет и передает слово себе-старика: "Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни?" И тем контрастнее у Пугачева в ответ несогласие и дерзкая мечта о победе в яростной войне: "Как знать? Авось и удастся!" И дальше вдохновенный образец народного красноречия и мудрости - сказка об орле и вороне.

В остальном же дворянин внезапно обнаруживает в "разбойнике-самозванце" живого человека, способного понять движения юной души и не раздумывая идти на помощь.

А беглый казак по достоинству оценивает в молодом офицере верность долгу и любви.

Оттого они так симпатизируют друг другу. В этой книге не раз мы уже искали и будем еще искать "следы" - непреднамеренно оставшиеся в окончательном тексте приметы обстоятельств и характеров, по какой-то причине измененных Пушкиным. Но след следу рознь. Внимание автора труда "Пушкин", знаменитого Б.В. Томашевского остановили слова Гринева, прощающегося с Пугачевым: "В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему". Пушкинист увидел тут рудимент первоначального авторского замысла, по которому герой повести переходил на сторону пугачевцев.

Есть такой след или нет - спорить не имеет смысла. Подумаем о другой стороне дела: мог ли вообще, как говорится, существовать в природе любой иной юный Гринев, чем тот, которого мы знаем и любим по "Капитанской дочке"? Дело, наверно, не только в том, что против всякого другого Гринева восстает наш социальный и художественный читательский опыт. Какое насилие надо было бы сделать над собой и автору, и читателю, чтобы даже попытаться представить себе иного Гринева, не "сберегшего честь"! Все стройное здание повести тут же развалится, безвозвратно порвутся связи Гринев - Марья Ивановна, Гринев - Пугачев, Гринев - Швабрин, Гринев - родители, Гринев - и обитатели Белогорской.

Пушкинский перебор вариантов характера и поступков героя - это перебор вариантов чисто умозрительных в поисках единственно жизнеспособного.

Это относится и к дошедшим до нас уже частично цитированным планам "Капитанской дочки". Некоторые из них кажутся просто надуманными схемами. "Кулачный бой - Шванвич - Перфильев". Герой повести - кулачный боец в духе лермонтовского купца Калашникова? "Помещик пристань держит". Трудно представить себе старика Гринева содержате-

лем пристани, то есть постоянного двора, умета. Герой "спасает отца своего, который его не узнает". Мелодрама, и очень нереальная.

Так же от надуманных к все более жизненным меняются от плана к плану мотивировки появления героя в стане Пугачева. Сначала он сознательно "вступает к Пугачеву", "предводительствует шайкой". Дальше помягче: он не сознательно становится пугачевцем, а лишь попав в плен ("попущен Пугачевым при взятии крепости").

Окончательного плана "Капитанской дочки" нет, или он не дошел до нас. Но его легко составить по известной нам редакции. Отсеивается нереальное, появляется удивительно действенный и изящный ход: встреча в буране - подарок-тулупчик - куда более широкий отдарок-спасение от петли после взятия Белогорской - дальнейшие связи Гринева с Пугачевым, не предательство, не подневолье после пленения, а сцепление счастливых обстоятельств.

Хотя справедливости ради надо сказать, что в окончательный, стройный и реалистичный план какими-то кусочками вошли отдельные обстоятельства планов предыдущих. "Степная крепость - подступает Пугачев". "Старый комендант отправляет дочь в ближнюю крепость". "Валуев приезжает в крепость. Муж и жена Горисовы. Оба душа в душу - Маша, их балованная дочь (барышня Марья Горисова). Он влюбляется тихо и мирно. Получают известие, и капитан советуется с женою... Капитан укрепляется, готовится к обороне (а дочь отсылает), подступает. Крепость осаждена... Валуев ранен - в доме коменданта... - взят в стан Пугачева. От него отпущен в Оренбург. Валуев в Оренбурге. Совет... Губернатор. Таможенный смотритель... Получает письмо от Марьи Ивановны".

Нет, все-таки интересно вернуться к тому, "след" или не "след" - "сильное сочувствие"? Мертворожденный пугачевец Гринев как раз и не был бы способен на это движение души. Как всякий предатель, он, может, даже проклинал бы про себя своего грозного повелителя, все больше понимая, что продал душу и в конце концов проиграет, и очень сильно.

В том-то и гениальность Пушкина, что его герой, не изменяя себе, но будучи человеком чистым, незашоренным, оценивает притягательную незаурядность Пугачева. Он по-сыновьи тянется к своему "посаженному отцу", каким тот привиделся в пророческом сне. Даже - так и кажется - если б Пугачев и не оказал великой услуги, не спас, не соединил Петра с невестой, было бы это "сочувствие".

И уже рассмотренная нами гриневская фраза "Сильное сочувствие влекло меня к нему" читается как признание "со-чувствия" их обоих. Настолько мощно это со-чувствие, что вспоминаешь цветаевское:

"Слова Гринева о капитанской дочке Маше: "Чудные обстоятельства соединили нас неразрывно, ничто не может нас разлучить" - куда более относятся к Пугачеву, отца этой капитанской дочки, на его, Гринева, глазах вздернувшего на виселицу".

И откуда только взял В.Г. Белинский, что Гринев - это "ничтожный, бесчувственный характер"? (Эта же несправедливая оценка относится и к Марье Ивановне.) Из более поздних исследователей совершенно невозможно согласиться с Виктором Шкловским: "У Пушкина же все время есть снисходительно-пренебрежительное отношение к Гриневу". Если прочесть повесть непредвзято, то юный Петруша Гринев, пожалуй, самый симпатичный автору герой. Да и старый в последней строке проекта вступления наказывает внуку Петруше по-пушкински сохранить "в сердце твоём два прекрасные качества, много в тебе замеченные: доброту и благородство".

И главное: "сберегший честь смолоду" Гринев близок "невольнику чести" Пушкину.

Объединяет их и благородство. Не все, прочитавшие к тому же "Капитанскую дочку" очень давно, помнят, почему Швабрин после дуэли был освобожден из-под стражи. А ведь это было сделано по просьбе раненного Гринева, который простил своего врага. Простил искренно, по наивности всех благородных людей полагая такую же широкую душу и в том, кого прощает. А через несколько абзацев он просит прощения у несправедливо им обиженного Савельича - у своего раба!

А вспомним слова Е.А. Карамзиной, которая была у постели умирающего Пушкина: "Данзас сказал ему, что готов отомстить за него тому, кто его поразил. - "Нет, нет, - ответил Пушкин, - мир, мир". Александр Сергеевич перед смертью простил своего врага.

И у верного своего слуги Никиты он, может, не раз просил прощения за необдуманные поступки, поговорить об этом будет случай дальше.

Можно многое сказать об антиподах Гриневе и Швабрине. Но достаточно будет еще только вспомнить, как высокомерен Швабрин. Первое его появление в повести - это объяснение, почему поспешил познакомиться с только что приехавшим: "желание увидеть, наконец, человеческое лицо". А для Гринева все лица - "человеческие". Он быстро привязывается к обитателям Белогорской, все ему по-своему интересны. Швабрин играет демоническую личность, будучи просто бездушным и черствым человеком. Гринев же не играет никого, он такой, какой есть, человек естественный.

Продолжу тему неравнозначности "авторов": Пушкина - и Гриневых. Кажется, непосредственно от Александра Сергеевича и юмор, которым повесть пронизана, как, пожалуй, ни одно другое его произведение. В соединении с трагизмом - тоже ни одно произведение не знает такого количества страстей, крови, порушенных судеб - эта юмористическая сторона дает совершенно особенное, многомерное восприятие событий "Капитанской дочки".

И юный, и старый Гриневы наделены многими положительными качествами, но только не юмором. В их прямой речи, в отличие от пугачевской, ни одной шутки. Петр может только подтрунивать над Савельичем да вторить смеху Пугачева.

Поэтому и юмор в повествовании воспринимается нами, как присущий не Гриневым. Они - люди слишком серьезные.

И когда мы хохочем, читая очаровательно тонкие смешные строчки, то словно сам Пушкин вдруг на мгновение улыбнулся - и тут же снова передал слово Гриневым.

Ну, не могли они так пошутить, к примеру, о племяннице придворного истопника, у которой остановилась Марья Ивановна, приехавшая в Царское Село просить заступничества за жениха. Эта всего лишь племянница истопника, оказывается, "посвятила ее во все таинства придворной жизни", и разговор ее "стоил нескольких страниц исторических записок и был бы драгоценен для потомства"!

А уж из первой главы надо чуть ли не абзацами переписать, чтобы привести образцы пушкинского юмора.

И то, как Петруша с пятилетнего возраста "отдан был на руки стрелянному Савельичу" и "под его надзором на двенадцатом году выучился русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля". И как "батюшка нанял француза, мосье Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла". И как батюшка, пришедши посмотреть, как мосье Бопре учит сына, обнаружил француза смертельно пьяным, в то время как Петрушка "был занят делом", трудясь над выписанной из Москвы географической картой, - "прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды", чтобы вышел воздушный змей.

Тут, кстати, переключка с фразой из пушкинского письма С.А. Соболевскому: "Деньги же эти - трудовые, в поте лица моего выпонтированные у нашего друга Полторацкого". То же комическое обыгрывание слов, которые сами по себе взятые обозначают какую-то общественно-полезную деятельность, но в этих двух ситуациях сочетаются с действиями, от такой деятельности весьма далекими. В языкознании это объясняется ситуативными ограничениями на употребление языковых единиц.

А озорная мысль Пушкина привести слова полуграмотного учителя Петруши, изобразив ее так: Бопре, парикмахер и солдат, приехал в Россию как "pour etre outchitel"? Ведь француз толком даже не понимает значения самого этого слова "учитель".

В повести есть место, где Пушкин, кажется, шутит уже прямо о себе. Точнее - о том, как невежды судят о поэте. После приезда из оренбургского путешествия в Болдино он в письме 11 октября 1833 года сообщает жене:

"Знаешь ли, что обо мне говорят в соседних губерниях? Вот как описывают мои занятия: как Пушкин стихи пишет - перед ним стоит штоф славнейшей наливки - он хлоп стакан, другой, третий - и уж начнет писать!"

Наверно, об этом глубокомысленном высказывании поэт вспомнил через какое-то время, когда написал в повести, там где обитатели Белогорской судят о сочинителях: "комендант заметил, что все они люди беспутные и горькие пьяницы".

МАРИЯ ИВАНОВНА И МАРЬЯ ИВАНОВНА

Назвать героя - значит дать ему судьбу. Над имянаречением Пушкин размышлял, как правило, долго и нелегко.

... Жило в Тригорском, а также в нескольких имениях Тверской губернии большое семейство Осиповых-Вульфов. Нет, наверно, другой семьи, с которой Пушкин был бы так связан. Познакомился в 1817 году после лицея. А простился с одной из сестер Вульф накануне своей смерти.

Семейство было в основном женское. У Прасковьи Александровны Осиповой-Вульф, хозяйки Тригорского, было несколько родных дочерей и падчерица. Предпоследняя дочь - Мария Ивановна.

Запомним это имя-отчество. Мария Ивановна Осипова, почти все свои 76 лет прожив в Тригорском, что в трех верстах от пушкинского Михайловского, имеет и некоторое отношение к Оренбургскому краю. Точнее - к "Капитанской дочке" в кавычках и к капитанской дочке без кавычек.

В 1835 году, в один из своих приездов в Тригорское (в мае или сентябре) Пушкин написал ей стихи:

*Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать.
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! Уж не бывать!
Прошли восторги и печали
И легковверные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.*

Не надо представлять себе, что Александр Сергеевич был ею увлечен: он уже отец семейства, она - 15-летняя девочка.

Нет, он видел в ней другую. И, наверно, датировать эти стихи надо все-таки сентябрем, потому что 11-18 сентября 1835 года он написал Александру, падчерице П.А. Осиповой-Вульф в Псков: "Я пишу к Вам, а наискось от меня сидите Вы сами в образе Марии Ивановны. Вы не поверите, как она напоминает прежнее время". Этой Александрой он тоже не был очень уж увлечен, хотя посвятил ей гениальное: "Я вас люблю, хоть я бешусь..."

Но эта тема уведет нас слишком далеко в сторону. Интересующихся могу отослать к известной книге П.К. Губера "Дон-жуанский список Пушкина".

Но и Мария, как ее старшие сестры Анна и Евпраксия, как Александра, обожала Пушкина. На это можно списать и те очень важные для биографии поэта свидетельства, которые иной раз и свидетельствами назвать нельзя, а, пожалуй, только поздним отражением семейных рассказов и преданий, связанных с великим человеком.

Ну что, к примеру, она, пятилетняя, могла сама помнить о том, когда именно в декабре 1825 года Пушкин поехал было из Михайловского в Петербург да воротился, потому что заяц дорогу перебежал и поп встретился? Очень многие пушкинисты считают, что Александр Сергеевич выехал до декабрьского восстания и мог бы быть с друзьями-декабристами на Сенатской площади. Есть письменные свидетельства, что Пушкин об этой версии говорил как об истинной.

А вот Мария Ивановна рассказывала пушкинисту М.И. Семевскому, что весть о восстании привез из Петербурга их повар Арсений. Это был первый в жизни Пушкина свидетель декабристского восстания. Мария Ивановна оставила свидетельство, что Александр Сергеевич "страшно побледнел". Можно представить себе, как он был потрясен. Он жадно расспрашивал повара и поехал было в столицу уже после подавления восстания. А перед этим изготовил измененным почерком "билет" на имя крепостного Алексея Хохлова. И есть исследователи, которые отдают предпочтение ее версии.

Но мне кажется более основательным предположение известного исследователя М.А. Цявловского в "Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799 - 1826". Он полагает, что Мария Ивановна объединила два отдельных эпизода: самовольную неудачную поездку поэта и приезд повара Арсения - в один. Вспомним, что об этой неудачной поездке рассказывал сам Пушкин, мы обязаны верить ему.

Так что логичнее расставить события следующим образом: вначале Александр Сергеевич до восстания декабристов едет было в Петербург, но возвращается. А уже через несколько дней весть о восстании привозит повар Арсений.

Марию Ивановну косвенно вспоминает Пушкин во втором письме жене из своего путешествия осенью 1833 года, заехав в Павловское, то самое, где бывали оренбургские уланы:

"вместо всех Анет, Евпраксий, Саш, Маш etc. живет управитель"

Анеты - А.Н. и А.И. Вульф, А.П. Керн, Евпраксия - Е.Н. Вульф, Саша - А.И. Осипова. А Маша - та самая Мария Ивановна.

Язычок у нее был острый. Она весьма зло и смешно рассказывала про то, как почитатели Пушкина через много лет приезжали осматривать полуразвалившийся дом в Михайловском и "слушали басни старосты, кото-

рый не только не служил при Александре Сергеевиче, но даже не видал его, потому что был прислан сюда Натальей Николаевной уже по вторичном выходе ее замуж... Все это не мешало старосте пускаться в рассказы о Пушкине посетителям Михайловского".

Однако сама Мария Ивановна - увы! - иногда недалеко уходила от этого старосты. Но - опять скажу - все из любви к Пушкину. Великой любви.

Ей выпало вместе с матерью и младшей сестрой в феврале 1837 года присутствовать при погребении Александра Сергеевича. Сопровождавший его тело А.И. Тургенев, познакомившись с нею, назвал ее "милой и умной почитательницей великого русского таланта Пушкина". Когда Пушкина погребли, Тургенев посетил с Машей, единственной из всего семейства Осиповых-Вульф, Михайловское: "я поехал с милой дочерью, несмотря на желание и на убеждение жандарма не ездить, а спешить в обратный путь. Дорогой Марья Ивановна объясняла мне Пушкина в деревенской жизни его, показывала урочища, любимые сосны, два озера, покрытых снегом, и мы вошли в домик поэта, где он прожил свою ссылку и написал лучшие стихи свои". В те же дни мать шестнадцатилетней Марии Ивановны писала: "Она с благоговением спрятала издание "Онегина". И, оставаясь до смерти в 1896 году владелицей Тригорского, Пушкина она любила, читала и почитала.

Но пора уже от Марии Ивановны перейти к Марье Ивановне. От псковской, тригорской - к оренбургской, белогорской. От реальной к вымышленной.

Вчерне "Капитанская дочка" была закончена 23 июля 1836 года. Переписывал набело Пушкин сам. И представил в цензуру. Цензор П.А. Корсаков запросил его, прочтя последнюю часть: "Существовала ли девица Миронова и действительно ли была у покойной императрицы?"

Этот вопрос был задан не зря. Если б Пушкин ответил, что написал чисто историческую книгу, то его обязали бы дать подтверждение всем фамилиям и эпизодам. Но цензор был братом лицейского товарища, и 25 октября 1836 года в своем ответе ему Александр Сергеевич подсказал, как им совместно избежать затруднений: "Роман, как изволите видеть, ушел далеко от истины". Чистая беллетристика, и поэтому, мол, нет оснований ни для каких придинок.

И в этом же ответе цензору: "Имя девицы Мироновой вымышлено". Как толковать эти слова? "Имя", конечно, упомянуто в общем смысле: "фамилия". Ведь Марья Ивановна единственная из героев повести соприкасается с императрицей Екатериной II, все аудиенции которой исторически зафиксированы. И девицы Мироновой в официальных бумагах, конечно, нет.

Однако эту фразу Пушкина можно толковать и по-другому, еще шире: дочь вымышлена, как и ее отец, командир тоже вымышленной Белогорской крепости.

Но если воспринимать совсем в узком смысле, буквально, то как раз "имя девицы Мироновой" может иметь и связь с реальностью.

Мария Ивановна Осипова, о которой я уже немало рассказал, вспоминала через много лет: "В мою честь, если хотите знать, названа сама героиня этой повести". Действительно, М.И. Осипова - тезка М.И. Мироновой, капитанской дочки. Только та - Марья, а не Мария, звучит простонароднее. Мы это сейчас подробно обсудим.

Скажу только, что такое смелое ее заявление, как и, скажем, заявление ее сводного брата Алексея Вульфа, что Пушкин писал Ленского в основном с него, требует обращения осторожного.

К тому же Мария Ивановна дальше вспоминала: "Был у нас буфетчик Пимен Ильин - и тот попал в повесть". Но нет в "Капитанской дочке" никакого Пимена. Есть Пимен в "Борисе Годунове", но уж больно далек ученый монах от буфетчика. Хотя - кто знает, может, имя этого Пимена-буфетчика и осело в памяти Пушкина, но ассоциировалось с чем-то черным, старым?

Область имен, отчеств, фамилий и ассоциаций, вызываемых ими, их творческая вольная и невольная переработка - дело тонкое и малообъяснимое. Мне довелось встречать людей, которые утверждают, что "видят" имена в цвете.

И вот, наконец, мы добрались до имени Мария - Марья. Поговорим сначала о двух вариантах имени, а потом уж о конкретных девицах Осиповой и Мироновой.

Казалось бы, Марией (Марьей) Ивановной Пушкин назвал героиню повести потому, что Иван да Марья - самые народные имена. И тем самым хотел обозначить этим именем-отчеством близость капитанской дочки к одному из своих идеалов русской женственности, не испорченной "светом", близкой к народной массе.

Каким уж дворянским было семейство Мироновых, владея на всех троих всего лишь одной крепостной душой - Палашкой? Гриневы по сравнению с ними богачи. Помните, в главе III "Крепость" комендантша расспрашивает прибывшего в крепость Гринева, каково состояние его родителей? "Услыша, что у батюшки триста душ крестьян, "легко ли! - сказала она. - Ведь есть же на свете богатые люди!" А между тем в рукописи было даже "пятьсот душ". Пушкин, видимо, почувствовал, что слишком контрастна будет пропасть между Гриневыми и Мироновыми, и в последнюю минуту двести душ отобрал. (Может, он при этом примерил на себя, ведь в сентябре 1830 года Александр Сергеевич был введен во владение сельцом Кистеневым, или Кистеневкой - частью болдинского имения, выделенной к его свадьбе отцом. А в этой Кистеневке было чуть поменьше - около двухсот душ.)

Что касается имени Иван, то на протяжении столетий оно было одним из самых употребительных в многомиллионных "низах". Но и среди дво-

рян оно тоже не ощущалось "низким". Достаточно вспомнить одного из ближайших пушкинских друзей Ивана Ивановича Пущина.

Однако таблица частотности употребления женских имен во второй половине XVIII века, составленная В. Никоновым в весьма любопытной книге "Имя и общество", показывает: в это время, когда происходит действие "Капитанской дочки", Мария отнюдь не была именем "простым". Подавляющее большинство Марий было более или менее родовитыми дворянками. Среди воспитанниц Смольнинского института благородных девиц Марии по численности только чуть уступали Аннам в списке из почти 100 имен.

И только уже потом, в пушкинской первой половине XIX века, имя Мария заметно пошло в "низы". "Капитанская дочка" создавалась в те времена, когда частотность употребления этого имени в "верхах" и в "низах" выравнилась. Таким образом, называя Марией (Марьей) свою неродовитую героиню, жившую во второй половине предыдущего века, Пушкин невольно жил "именной модой" своего времени.

Любопытно, что нечто похожее мы обнаружим в одном из комментариев Александра Сергеевича к поэме "Полтава" о героине, которую он тоже нарек Марией:

"У Кочубея было несколько дочерей. Та, о которой здесь упоминается, называлась Матреной".

Почему же поэт изменил исторической правде? Да по той же причине: в начале XVIII века, когда происходило действие "Полтавы", имя Матрена было у русских дворянок весьма модным, в четверке самых употребляемых. Но во времена Пушкина это имя стало ощущаться как грубо-простонародное, хотя в переводе тоже звучит гордо: "госпожа". А в моду вошла Мария. Вот поэт и переделал Матрену в Марию.

Кстати, и имя матери Марьи Мироновой, которую звали Василисой Егоровной, тоже интересно проверить по никоновским таблицам. Ни одной Василисы среди смолянок не было. А вот имя более родовитой матери Петра Гринева Евдокии (Авдотьи) Васильевны носило немало воспитанниц Смольнинского института благородных девиц, хотя охотно употреблялось оно и в "низах".

Чтобы уж закончить тему социальности имен и именных форм, перечтем письмо, в котором помещик Андрей Петрович Гринев отчитывает сына за намерения жениться.

Как он именует возлюбленную сына? "Марья Иванова дочь Миронова".

В тех изданиях "Капитанской дочки", которые печатаются по беловику, значится по-другому: "Марья Ивановна дочь Миронова". В частности, так в том "Избранном", которое мне подарили в 1949 году.

А "Марья Иванова дочь Миронова" значится в "Капитанской дочке", вышедшей в серии "Литературные памятники". Там приводится чисто журнальный вариант (отдельное издание Александру Сергеевичу увидеть

было не суждено, и при его жизни повесть была напечатана в журнале "Современник" за считанные месяцы до роковой дуэли). "Марья Иванова дочь Миронова" и в тех книгах, которые печатаются по комбинации беловика с журнальным текстом. Так в большом академическом издании сочинений А.С. Пушкина. По нему печатаются сейчас практически все издания повести.

Думается, Пушкин в последний момент перед выходом повести в свет внес очень важное изменение. Чтобы ощутить эту значимую перемену "Ивановны" на "Иванова дочь Миронова", надо вспомнить, как много говорила эта тонкость современному читателю.

Еще московские бояре яростно боролись с царем за право писаться полным отчеством с "-ичем". Отстаивая, скажем, "Федор Иванович", а не прежнее "Федор Иванов сын", шли на плаху. И только Екатерина II приказала "особ первых пяти классов (по петровской Табели о рангах) писать полным отчеством (Ивановичем), лиц от шестого до восьмого класса включительно - полуотчеством (Ивановым сыном), а всех остальных без отчества". Однако затем при ней же отчество было распространено на всех дворян. "Подлый" же народ, низкого происхождения остался с полуотчеством. В пушкинские времена его бердинская собеседница старуха Ирина Афанасьевна Бунтова в ревизской сказке, то есть в переписи значилась как "Ирина Афанасьева дочь, по мужу Бунтова".

И, именуя нежеланную сноху "Марья Иванова дочь Миронова", старик Гринев знал, что делал. Он намекал на худородность той, кого выбрал его сын. Губернатора-то он в этом же письме величает по-другому: "Андреем Карловичем".

Сейчас нам такая тонкость неощутима. А вот Петр оскорблен за свою любимую, прочтя отцовское письмо:

"Пренебрежение, с каким он упоминал о Марье Ивановне, казалось мне столь же непристойным, как и несправедливым".

После этих гневных строк перечтем письмо. И убедимся, что о Марье Ивановне там вообще ничего нет, ни плохого, ни хорошего. Что же оскорбило Петра? Одна только именная форма: "Марья Иванова дочь Миронова". И он в противовес тут же, прочтя письмо, называет суженую достойно: "Марья Ивановна".

Есть еще два места в повести о том же: как много значило для человека его полное имя-отчество. Откроем "Пропущенную главу":

"Где Андрюшка земский", - закричал я ему. - Кликнуть его ко мне".

"Я сам Андрей Афанасьевич, а не Андрюшка, - отвечал он мне, гордо подбочась".

Крепостной во времена пугачевщины, почувствовав себя вольным человеком, первое, что сделал, - взял себе полное отчество.

А чем не в последнюю очередь добился Гринев того, что Савельич не остался с ним, вступившим в предпоследней главе в отряд Зурина, а от-

правился с Марьей Ивановной в гриневское поместье? Тем, что, прося, назвал его "Друг ты мой, Архип Савельич!" Полным именем-отчеством.

Раз уж к слову пришлось, Пушкин был очень чуток и в имянаречении вымышленных мужчин-героев повести. Быть может, кто другой и населил бы свое произведение сплошь Василиями, Григориями, Дмитриями, Игнатиями, Леонтиями, Матвеями, Николаями (эти имена, как видите, оканчиваются на "й") или же Аниками, Вавилами, Гаврилами, Данилами, Никитами (имена на "а").

Но только не Пушкин. Давайте выпишем все мужские имена из "Капитанской дочки" и рассортируем на три группы по окончаниям: на твердый согласный, на "й" и на "а".

Итак, в повести в первой группе: Петр (дед и внук). Архип (Савельич). Отец Герасим. Пять Иванов (капитан Миронов, поручик, Полежаев, Зурин и Ванька, повешенный на плоту в "Пропущенной главе". По начальному варианту это - второй слуга Гринева, поэтому-то Петр "сильно был поражен и не мог удержаться от жалобного восклицания: это был Ванька, бедный мой Ванька, по глупости своей приставший к Пугачеву". Но эта тема не получила своего развития). Семен (Кузов). Степан (Парамонов). Тарас (Курочкин).

Во второй: Алексей (Швабрин) и три Андрея (Гринев-отец, генерал Р., земский в "Пропущенной главе"). Башкир Юлай не в счет, речь о русских именах.

В третьей: Фомка - Фома (Бикбаев).

А теперь сравним с данными В. Никонова из книги "Имя и общество". В XVIII веке на твердый согласный оканчивалось около 60 процентов мужских русских имен. На "й" - примерно 26 процентов. На "а" - всего 14 процентов. В следующем, пушкинском XIX веке на твердый согласный осталось столько же, на "й" увеличилось на десять процентов, а на "а" соответственно на эти же десять процентов уменьшилось.

Сочтем соотношение мужских имен в повести - и окажется, что Пушкин, будучи художником с идеальным именным слухом, с большой точностью выдержал реально существовавшие в живой практике "процентные нормы".

Теперь пора уже перейти к конкретным тригорской М.И. Осиповой и белогорской М.И. Мироновой. В утверждении Марии Ивановны, что в ее честь названа Марья Ивановна, очень много и преклонения перед Пушкиным, и естественного желания погреться в лучах его славы.

Что сближает этих девушек? Возраст. Хотя Марии Осиповой в год выхода "Капитанской дочки" было шестнадцать, а Марье Мироновой "лет осмнадцать".

По тем временам, особенно Марья Миронова, - "девки на выданье". Поэтому мать с простодушным намеком объясняет приехавшему в крепость молодому дворянину Гриневу: "Хорошо, коли найдется добрый человек; а то сиди себе в девках вековой невестой". В XVIII веке замуже-

ство 14-15-летних девочек было обычным делом. Старик Вяземский отговаривал сына, А.Н. Вяземского от женитьбы на красавице Корсаковой: "она старая дева, уже за 20". А потом, уже в минуту приближающейся гибели намеком и пророчеством прозвучат почти те же слова из уст капитана Миронова: "Коли найдется добрый человек, дай бог вам любовь да совет".

Пожалуй, к обеим подойдут уже цитированные слова А.И. Тургенева "милая и умная". Кстати, в последней главе повести у Пушкина речь о "милой капитанской дочке". Обе способны на глубокое чувство.

Но по характеру, мне кажется, они разные. Осипова, судя по ее воспоминаниям, энергичная непоседа. Миронова тиха и застенчива. И если искать аналог, то они соотносятся, скорее всего, как Ольга с Татьяной из "Евгения Онегина".

Недаром П.А. Вяземский во "Взгляде на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина" подметил, говоря о Марье Ивановне: "Она другая Татьяна того же поэта". Пушкинский идеал русской женщины вместил бы их обеих, при всех их сходствах и различиях.

Александр Сергеевич был тонким знатоком женской души. Как великопечно по-женски говорит Марья Ивановна о Швабрине:

"Я не люблю Алексея Иваныча. Он очень мне противен; а странно: ни за что бы я не хотела, чтоб и я ему так же не нравилась!"

Интересна перекличка этих ее слов со словами тоже Марьи, но Дмитриевны, живущей тоже в крепости, но только на Кавказе - из "Хаджи-Мурата" Л.Н. Толстого. (У нас еще будет случай убедиться, как внешнее толстовское неприятие пушкинской художественной манеры иной раз оборачивается чуть ли не прямыми невольными заимствованиями, так сильно влияние творчества Пушкина на многие последующие поколения писателей.) Этой Марье Дмитриевне неприятен офицер Бутлер, тоже, как и Шванвич, перешедший из гвардии:

"Она совершенно искренно и решительно отвергала ухаживания Бутлера, но ей неприятно было, что он все последнее время сторонился ее".

Пушкин, кстати, понял бы и Марину Цветаеву, которая ненавидела и презирала Марью Миронову, считая ее безликой и пустой. Цветаева как женщина не могла быть вполне беспристрастна и к великому поэту, и к его женским образам. В названии ее книги "Мой Пушкин" слишком сильно ударение на "мой". Во всяком случае, цветаевское "дура Маша" несправедливо.

Любопытно, что только в третьем варианте плана будущей "Капитанской дочки", написанном в 1833 году, возникает этот женский персонаж. На листе рукописи, как это обычно для Пушкина, появляются и рисунки, которыми он мыслил так же, как и словами.

Вверху - два холма, поросших деревьями, похожими на дубы. Может, так он бессознательно прощался с "Дубровским", отставленным для рабо-

ты над пугачевскими произведениями? В левом углу сверху - мужская голова с усами, большим лбом, зачесанными вперед, по моде, висками. Она почти над словом "Шванвич" и, может, уже набросок внешности именно этого предполагаемого им героя будущей повести. Не вымышленного потом Швабрина, а исторического подпоручика Шванвича, перешедшего к Пугачеву.

Но нет ни одной женской головки на этом листе, потому что капитанская дочка Марья Ивановна Миронова еще не существовала даже в самом общем замысле.

Однако письменно уже мелькнуло что-то похожее: "Марья Ал. сосватана..." А сверху вставка, мысль пришла позже: "...за плем.(янного), кот.(орого) не люб.(ит)". Не правда ли, отдаленно намечается линия Маша - Швабрин? Но в этом наброске Шванвич в одном лице и Швабрин, и Гринев. Поэтому дальше летучим пушкинским почерком: "Он предводит(ительствует) шайкой, является к Марье Ал. - спасает семейство и всех". А тут уже какой-то намек на будущую линию Маша - Гринев. Но здесь отчество обозначено: "Ал." Мария Александровна? Алексеевна?

Вообще-то в жизни Пушкина к тому времени уже существовала одна Мария Александровна - его любимая маленькая дочка. На ее детском портрете, который можно увидеть в Петербурге в квартире-музее поэта на Мойке, 12, она круглолица, с гладко зачесанными волосами, точь-в-точь такая, какой Пушкин словесно изобразил капитанскую дочку.

Сравним портрет Марьи Мироновой - "круглолицая, румяная, со светлорусыми волосами, гладко зачесанными за уши" - со словесным портретом из "Оренбургских записей" поэта. От Матрены в Татищевой он записал о жене коменданта Нижнеозерной уже цитированное в одной из предыдущих глав: "Лиз.Фед.Елагина выдана была в Озерную за Харлова весною. Она была красавица, круглолица и невысока ростом". Этот портрет, можно ручаться, точен. Матрене в грозном 1773 было 22-24 года, и она должна была хорошо запомнить внешность татищевской комендантской дочки, которая была несколько моложе ее. Сходство заметное.

Интересно заметить, что в письме жене 14 сентября 1835 года, когда "Капитанская дочка" уже владела творческим воображением Пушкина, он, шутя, называет дочь так:

"целую ручку у Марьи Александровны".

Марья, а не Марии. Опробует этот вариант имени и отчества, использованный в третьем наброске плана, хотя, как мы увидим несколькими абзацами ниже, к этому времени он уже склоняется к отчеству "Ивановна".

И что еще интересно, совершенно круглое лицо и гладко зачесанные волосы - у девушки на пушкинском рисунке карандашом, поверх которого строки стихотворного перевода из Саути "На Испанию родную...". Автор уже упоминавшейся книги "Рисунки Пушкина как графический дневник"

Любовь Краваль увидела в ней Марию Ивановну Осипову. Одно из веских доказательств - характерная "именинность" рисунков Пушкина, которой он часто зашифровывал даты: 27 июля - день рождения М.И. Осиповой, 22 июля - день святой Марии Магдалины. А рисунок и стихи как раз июльские. Может, исходя и из внешности своей и героини повести, утверждала Мария Ивановна, что она в какой-то мере прототип Марьи Ивановны Мироновой?

Так что Марья Ивановна из "Капитанской дочки", видимо, не случайно носит черты сразу и Елагиной-Харловой, и М.И. Осиповой, и еще маленькой Маши Пушкиной.

И еще любопытно, что Пушкин обвел поверх карандаша чернилами этот девичий портрет, а также козлинообразный профиль мужчины на этом же листе рядом.

Л.А. Краваль предполагает, что это не кто иной, как отец поэта Сергей Львович Пушкин. Его с сыном никогда не связывали теплые отношения. А после смерти жены - матери Александра Сергеевича он, подав повод для сплетен и насмешек, сватался ... к юной Марии Осиповой. Курьез: молоденькая девушка могла бы стать мачехой А.С. Пушкина.

Но спасибо, что в одном из любовных посланий Сергей Львович дал ее портрет:

*Люблю я звук ее речей
И кудри русые, густые,
Ресницы длинные очей,
И розы на щеках живые.*

Имя "Мария" поэт любил. Вспомним "Бахчисарайский фонтан", "Полтаву", "Метель" - там Мария попроще происхождением, потому она Гавриловна, "Дубровский" - там то Мария, то Марья, но Кирилловна, отчество более знатное, Пушкин это тонко чувствовал. Марья Миронова замыкает целую цепь пушкинских "Марий". Начинаясь эта цепь в 1821-1823 годах романтической полячкой Марией в "Бахчисарайском фонтане", аристократкой, жившей у себя в Польше в "роскошном замке". Закончилась в 1836 году Марьей Мироновой, реалистичнейшей дочерью выбившегося из низов коменданта захолустной оренбургской крепости. В какой-то мере это - иллюстрация движения пушкинского творчества от юношеского романтизма к зрелому реализму.

Для Пушкина это имя, как, наверно, ни одно другое, само по себе почему-то имело устойчивую образность. Чтобы стать у него Марией-Марьей, героиня должна быть лет 17-18, застенчива, ("тихий нрав" отмечен даже в аристократке Марии из "Бахчисарайского фонтана"), чувства ее должны быть глубоки - и по силе, и по потаенности. И по возможности беззащитна.

Таковы и две хронологические соседки-тезки Марьи Ивановны Мироновой: в "Дубровском", которого Пушкин оставил ради "Капитанской дочки" в начале 1833 года, и в "Марье Шонинг", начатой, но не оконченной

в 1834 - 1835 годах, когда шла работа над оренбургской повестью. Причем Марья Шонинг, как и Марья Ивановна, сирота, сталкивающаяся с жестокостью общественного закона. Может, Пушкин попробовал поискать в этой незаконченной повести вариант женской судьбы, тот конфликт нежного, одинокого создания с безжалостной средой, разрешение которого он нашел в "Капитанской дочке"?

Можно предположить и то, что имя героини повести он отыскал не "вслепую". Мы помним песенку, которую со значением напевает негодяй Швабрин:

*Капитанская дочь,
Не ходи гулять в полночь.*

Однако в рукописи повести были и следующие две строчки этой песенки, которую Пушкин взял из сборника Ивана Прача "Собрание народных русских песен":

*Заря утренняя взошла,
Ко мне Машенька пришла.*

Почему были убраны эти две строчки? Надо полагать потому, что намек швабринский был бы уж очень грубым. Но, может, эта "Машенька" запала в память Пушкина, когда он читал сборник, а потом вовремя всплыла, когда он думал, как назвать капитанскую дочь?

Пищу для наблюдений над этим именем и его вариантами да и над отчеством тоже давала сама окружающая жизнь.

Например, экономка, которая жила у Пушкиных после свадьбы Александра Сергеевича и Натальи Николаевны и вела их хозяйство, упоминается в пушкинских письмах к П.В. Нащокину в мае и июне 1831 года как "Марья Ивановна". А вот Римская-Корсакова - быт и обитателей ее дома Пушкин хотел изобразить в "Романе на Кавказских водах" - была, естественно, Марией Ивановной.

Он составлял все новые и новые планы. И лишь в очередном, видимо, апрельском плане 1833 года появляется строка: "Старый комендант отправляет свою дочь в ближнюю крепость". (В окончательный вариант этот эпизод войдет, только будет неудачным: пугачевцы уже отрезали путь на Оренбург, и Маша остается в крепости.)

...Александр Сергеевич съездил в Оренбург. После этого прошло уже полтора года. Он все раздумывает над будущей повестью, делает все новые наброски. Но окончательной Марьи Мироновой еще нет.

Однако в начале 1835 года она уже появляется, в неясном отсвете семейства П.А. Осиповой-Вульф. Имя-отчество в очередном плане повести уже окончательные: М.Ив. - Марья Ивановна. Естественно, оно связывается с именем-отчеством отца: Иван Кузьмич. И в отчестве капитана тоже социальный смысл. Кузьмич никак и никогда не мог бы стать человеком "света". Он - плебей, хоть и не крепостной.

Когда пушкинский знакомец флигель-адъютант В. Новосильцев сделал было предложение провинциальной барышне, мать отговорила его со смехом: "Вспомни, что ты, а жена твоя будет Пахомовна".

А в "Отрывке" Пушкин так шутит над обнищавшими представителями древних родов, которые "ныне пашут сами и, встречаясь друг со другом на своих бороздах, отряхают сохи и говорят: "Бог помочь, князь Антип Кузьмич, а сколько твое княжое здоровье сегодня напало?" - "Спасибо, князь Ерема Авдеевич..."

Итак, имя-отчество героини повести наконец-то определилось. Но фамилия пока что иная: Горисова. Чувствуете некоторую неестественность этой фамилии? А все дело в том, что в семье Вульфов, в Малинниках, которые мы упоминали там, где речь шла об оренбургских уланах, жила девушка-сирота. Пушкин знал ее настолько хорошо, что в 1828 году шутиливо писал, что "намерен на днях в нее влюбиться". Это была тоже Мария, но - Васильевна - Борисова. Он отбросил в Б нижний кружок, вот вам и Г, Горисова.

Окончательные имя, отчество, фамилию капитанская дочка, как и вся повесть - название, - получит только в самые последние месяцы. И Мирановой она станет так же не случайно, как и Марьей Ивановной. Но об этом мы поговорим в одной из следующих глав.

А почему все же повесть свою Александр Сергеевич назвал "Капитанская дочка"? Вроде бы, логичнее было бы "Гринев" или "Пугачев".

Отвечу я по-одесски, вопросом на вопрос: а вы давно читали эту повесть? Перечитайте, взгляните на нее свежим глазом. И вы обнаружите, может, странную вещь. Да, Марья Ивановна Миранова тиха и кротка. "Видно, мне не судьба... покоримся воле божией". Так говорит она любимому, узнав, что его отец против женитьбы на ней сына.

Письмо старика-Гринева о бедной "Марье Ивановой дочери Мирановой", которая Петру не пара, приводит на ум слова Князя из "Русалки" о людях своего сословия: "Не по сердцу они / Себе подруг берут, а по расчетам". Что ждет Марью Ивановну? Неужто судьба дочери мельника? Смирится? Наложит на себя руки?

Она при опасности падает в обмороки, за что ей тоже досталось от Марины Цветаевой. Это не модные в XVIII веке обмороки светских дам, "траги-нервические явления", как сказано в "Евгении Онегине".

"Маша трусиха. До сих пор не может слышать выстрела из ружья: так и затрепещется. И как тому два года Иван Кузьмич выдумал в мои именины палить из нашей пушки, так она, моя голубушка, чуть со страха на тот свет не отправилась", - рассказывает Гриневу ее мать.

И главное - Марья Ивановна не участвует в исторических событиях, она их только издали наблюдает. Известно, что П.И. Чайковский подумывал создать оперу по мотивам пушкинской повести. Об одной из трудностей, которые его остановили, он написал:

"Героиня, Марья Ивановна, недостаточно интересна и характерна, ибо она безупречно добрая и честная девушка и больше ничего, а этого для музыки недостаточно".

Так ли это? Непредвзято полистаем знакомые страницы повести. Найдем слова Марьи Ивановны, обращенные к Петру Гриневу: "я не выйду за тебя без благословения твоих родителей. Без их благословения не будет тебе счастья".

Хоть и живет она в глухой крепости, но все же, наверно, знает, что по тогдашним законам дети, вступившие в брак без согласия родителей, могли быть по жалобе отца или матери подвергнуты тюремному заключению или лишены прав наследования имущества. Но не это ее останавливает. А то, что без благословения родителей ее любимый не будет счастлив. Не внешний, а внутренний, нравственный закон для нее важнее.

А кто в вихре великих несчастий оказывается самым стойким? Она. "Эта трусиха" готова умереть, но не идти за нелюбимого. Борется за свою любовь. В первый раз Гринева от смертной казни спасает Пугачев. Во второй раз от казни, правда, замененной ссылкой на вечное поселение в Сибирь, от бесчестия, что хуже смерти, спасает она, Марья Ивановна.

Глубокий историзм великого поэта в том, что он понимал двуединство и противоречие объективного хода исторических событий - и счастья и прав отдельной личности. Видимо, в последний период жизни размышления на эту тему стали особенно зрелыми. Ведь та же тема - и в "Медном всаднике", который писался в одно время с "Историей Пугачева" и набросками "Капитанской дочки".

Еще работая над "Борисом Годуновым", Пушкин нашел точную формулу: "Что движет трагедией? Какова цель ее? Судьба человеческая, судьба народная". Личность в истории - и история в личности. И опять, как мы рассматривали пушкинскую фразу "путешествие нужно мне нравственно и физически", обратим внимание на то, какую из "судеб" Александр Сергеевич поставил первой? "Судьба человеческая"!

В страшном столкновении разных социальных сил, когда отдельная человеческая личность, казалось бы - ничто, именно эта личность для Пушкина - главное мерило.

И она, Марья Ивановна Миронова - героиня повести, если иметь в виду не просто литературоведческий термин, а суть. Она и одно из действующих лиц повести, если сделать ударение на "действующих".

Ю.М. Лотман, анализируя "Капитанскую дочку", сделал такое наблюдение: почти все персонажи вступают между собой в два вида отношений. "Договора" - и "вручения себя".

Что такое "договор"? Это услуга за услугу. К примеру, за то, что Пугачев спас заплутавших в буране, Гринева вознаграждает его: дарит ему тулупчик. А за это Пугачев, пообещавший ему при расставании "Век не забуду ваших милостей", в свою очередь, прикажет не казнить Гринева.

В отношении "договора" хочет войти с Марьей Ивановной, судя по ее письму Гриневу в Оренбург, и Швабрин: "Алексей Иванович принуждает меня выйти за него замуж. Он говорит, что спас мне жизнь, потому что прикрыл обман Акулины Памфиловны, которая сказала злодеям, будто бы я ее племянница".

А "вручение себя" - это просьба о милости, всецелое, безусловное подчинение стоящему выше тебя. Гринев несколько раз "вручает себя" Пугачеву:

" - Голова моя в твоей власти: отпустишь меня - спасибо; казнишь - бог тебе судья, а я сказал тебе правду".

" - Я офицер и дворянин; вчера еще дрался противу тебя, а сегодня еду с тобой в одной кибитке, и счастье всей моей жизни зависит от тебя.

- Что ж? - спросил Пугачев. - Страшно тебе?

Я отвечал, что быв однажды уже им помилован, я надеялся не только на его пощаду, но даже и на помощь".

" Слушай, - продолжал я, видя его доброе расположение. - Как тебя называть не знаю, да и знать не хочу... Но бог видит, что жизнью моей рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести. Ты мой благодетель. Доверши как начал: отпусти меня с бедною сиротою, куда нам бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою не случилось, каждый день будем бога молить о спасении грешной твоей души".

Правда, последняя фраза похожа уже и на "договор".

Марья Ивановна же в отношении "договора" не вступает ни с кем. А "вручением себя" могла бы быть ее фраза в разговоре с Екатериной II:

"Я приехала просить милости, а не правосудия".

Но несмотря на внешнюю форму "вручения себя", на самом деле убежденная в своей правоте Марья Ивановна вовсе не милости просит. Она ведь добивается именно правосудия, доказывая императрице, что суд вынес несправедливое решение. О милости она просила бы, если б думала, что Гринев виновен.

Заметим, что языковых красок досталось Марье Ивановне, пожалуй, меньше всех. Показательно, что, в отличие от других главных действующих лиц, ее косвенная речь не выделена, она совпадает с авторской. Нет и каких-то побочных примет, хотя в то же время Акулина Памфиловна явно угадывается там, где речь про Палашку, "девку бойкую, которая и урядника заставляет плясать по своей дудке". Или мы сразу узнаем Анну Власьевну в пересказе о том, что государыня "изволила вчерашний день говорить у себя за столом".

Марья Ивановна молчунья, "в высшей степени была одарена скромностию и осторожностью", "скрывала от всех свои слезы и страдания". И о своей любви и тревоге за Петра она предпочитает сказать косвенно.

Сначала в разговоре с Гриневым после дуэли - о том, что мужчины, повздорив, "готовы резаться и жертвовать не только жизнью, но и совестью и благополучием тех, которые..." (Она очень встревожена, потому что представляет себе как дочь военного, какое серьезное наказание даже раненному Гриневу полагается за участие в дуэли. Ведь в уже упоминавшемся "Артикуле воинском" Петра Великого, Артикуле 99 сказано об участниках запрещенных дуэлей, что "как вызыватель, так и кто выйдет, имеет быть казнен, а именно повешен, хотя из них кто будет ранен".)

И потом почти дословно то же - в письме к любимому из заточения в домашней тюрьме: "Палаша слышала также от Максимыча, что вас он часто издали видит на вылазках и что вы совсем себя не бережете и не думаете о тех, которые за вас со слезами бога молят".

Эти качества - от сдерживаемой внутренней силы натуры.

Во всей повести она участвует всего в трех диалогах. Но - с главными персонажами. И каждый из них - сюжетная веха.

Первый с Гриневым - о том, как она переживала за него, и о гнусной роли Швабрина. Отсюда начинается любовная линия.

Второй - с Пугачевым. Сколько твердости в одном лишь "Я лучше решилась умереть и умру, если меня не избавят!" Отец умер, не покорился. Она готова сделать то же.

И третий диалог - с Екатериной II.

Подробнее об этом диалоге мы поговорим в той главе, где речь пойдет о языке "Капитанской дочки". Пока же заметим только, что по репликам Марьи Ивановны читается вся ее предыдущая жизнь. "Точно так-с", "никак нет-с". Это - девушка, воспитанная в крепости. "Неправда, ей-богу неправда!" Тут просторечие провинциалки и страсть убежденности.

Интересно, если говорить снова и снова о пушкинском психологизме, слово "сирота" в отношении Марьи Ивановны в устах Пугачева - и Екатерины II. "Кто из моих людей смеет обижать сироту?" - закричал он". И: "Вы сирота, вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?"

Для Пугачева слово "сирота" ярко, фольклорно окрашено сочувствием, стремлением защитить обиженную жизнь. В устах же Екатерины II это слово - лишь безразличная констатация нынешнего семейного положения ее собеседницы.

"Вся любовь Пушкина ушла на Пугачева (Машу любит Гринев, а не Пушкин.) - на Екатерину осталась только казенная почтительность". Если с первой частью этого утверждения Марины Цветаевой можно поспорить, то вторая безусловно верна.

У Пушкина в варианте эпилога было лишь, что письмо императрицы к батюшке Андрею Петровичу "содержит оправдание сына его". А в окончательном тексте автор счел нужным добавить "и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова".

А почему Марья Ивановна встречает императрицу там, "где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева"? На этот вопрос ответит каждый, кто знает Царско-сельский парк и русскую живопись конца XVIII века. Ведь на известном портрете Екатерины II кисти В.Л. Боровиковского 1791 года она изображена, как и в повести, с собачкой у памятника Румянцеву.

Пушкин взял с этого портрета все: и собачку, и обелиск, и императрицу. И даже то, что "она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке". Душегрейки, правда, нет, но, по догадке В.Б. Шкловского, Пушкин демонстративно не стал переодевать Екатерину II (все же не лето, а осень), и душегрейка могла бы быть надета для тепла под платье.

Екатерининской холодной созерцательностью дышит и пейзаж Царского Села:

"Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, осеняющих берег".

Чьими глазами увиден этот пейзаж? Марья Ивановна его не замечает, вся поглощенная своей бедой и поисками, как спасти суженого, ей не до красот и достопримечательностей. Ведь когда все счастливо разрешилось, она и не подумала хоть краем глаза взглянуть на Петербург и тут же помчалась с драгоценным письмом императрицы обратно в деревню. Картины величавой природы увиденны глазами императрицы, которая этим утром прогуливалась.

До этого слова "прогуливалась" все в заключительной главе повести кажется ясным. Но это слово... Где мы его уже видели? Несколькими абзацами раньше. Там, где племянница придворного истопника, просвещая только что приехавшую Марью Ивановну, "рассказала, в котором часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофей, прогуливалась". А "Марья Ивановна слушала ее со вниманием".

Значит, Марья Ивановна вызнала, когда можно встретить императрицу в парке - и накануне специально пошла в парк с этой племянницей истопника, которая "рассказывала историю каждой аллеи и каждого мостика"? На разведку?

И дальше: отчего у приезжей, вышедшей поутру просто погулять, оказывается в кармане "сложенная бумага" - прошение о помиловании Петра Гринева?

И почему Марья Ивановна, если встретила всего лишь незнакомую даму, то следила глазами, какое впечатление произведет прошение и "испугалась строгому выражению этого лица, за минуту столь приятному и спокойному"?

Неужели милая, правдивая Марья Ивановна в борьбе за свою любовь неразборчива в средствах и идет на все: подстраивает встречу и тонко играет свою роль? И ни при чем вмешательство провидения? А ведь это

мотив столь частый, что всю "Капитанскую дочку" можно бы назвать "повестью провидения". У Пушкина, как мы не раз видели, ни одна деталь не лишняя, все - для чего-то.

Тут возникает проблема субъективности читательского восприятия и многозначности пушкинской детали. Ведь каждую ситуацию можно толковать по-разному.

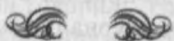
К примеру, рассказом племянницы истопника и портретом незнакомки Пушкин, может быть, подготавливает читателя к тому, что встреча состоится в парке на прогулке и что это будет императрица?

Вспомним, что такое уже случалось в повести. Автор подготавливал нас к тому, что Гринев видел захватившего Белогорскую Пугачева, но не понимал, что это - вожатый. А нам это понимание давал.

Точно так же современный Пушкину читатель, хорошо знавший портреты Екатерины II, наверно, сразу же догадывался, кто эта дама, которой, "казалось, лет сорок. Лицо ее, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и легкая улыбка имели прелесть неизъяснимую".

И вовсе не подкарауливала Марья Ивановна императрицу, и прошение она имела при себе только из-за пушкинского лаконизма. Иначе глава, в которой героиня шла бы по дворцовым инстанциям к императрице, разбухла бы. А тут одна сцена - и все решено. Ну, а то, что следит за выражением лица Екатерины II - Марья Ивановна просто проверяет возможную реакцию императрицы, когда той попадает в руки прошение.

Я склонен к этому толкованию, потому что существует внутренняя логика образа. Мы сжились с Марьей Ивановной такой, какая она во всех предыдущих главах. И рушить сложившийся образ одной лишь последней сценой мастер никогда не станет.

"ЗВЕРСКИЙ РЕБЕНОК"

Есть в разных главах "Капитанской дочки" вроде бы ничем не связанные очаровательная сцена - и одна лишь малозаметная фраза.

Вспомним, как наивный и верный Савельич подает Пугачеву список разграбленного барского добра:

"Это что?" - спросил важно Пугачев. - "Прочитай, так изволишь увидеть", - отвечал Савельич. Пугачев принял бумагу и долго рассматривал с видом значительным. "Что ты так мудрено пишешь?" - сказал он наконец. - Наши светлые очи не могут тут ничего разобрать. Где мой обер-секретарь?"

Как мы увидим дальше, эта сцена напоминает читанные Пушкиным в материалах следствия показания офицера Шванвича о том, какое представление устроил Пугачев, дабы скрыть свою неграмотность.

А вот фраза в конце главы "Сирота": "Через час урядник принес мне пропуск, подписанный каракульками Пугачева".

Как же так: читать Емельян Иванович не умеет, а писать может? Что самое интересное - верно и то, и другое.

Конечно, Пугачев был неграмотен. Но Пушкин, думаю, был и тронут, и удивлен, когда, листая, дошел до конца журнала Оренбургской губернской канцелярии 1773 года, который ему позволили получить из архива Военного министерства за полгода до приезда в Оренбург.

Там в виде приложения к журналу было три листа. Один - по-русски, это указ Пугачева 17 декабря 1773 года, писанный, видимо, рукой его секретаря Ивана Почиталина. Другой - тот же указ, но по-немецки, написанный взятым в плен офицером Михаилом Шванвичем, которого Пушкин по первоначальному плану хотел сделать героем "Капитанской дочки". Третий же "автограф" Пугачева - совершенно бессмысленные завитушки, как "пишут" детсадовские детишки.

А в самом журнале Пушкин прочел, при каких обстоятельствах появились в Оренбурге эти три листа: 20 декабря 1773 года казак-пугачевец привязал их к палке и воткнул в снег недалеко от городского вала. Когда он удалился, из крепости подскакал казак-оренбуржец. Взял письма и доставил к губернатору, который сообразил насчет третьего "автографа".

"видно, самим им, воров Пугачевым, для уверения находящихся в толпе его, намаранной и не изъявляющий никаких литер".

Можно полагать, Пушкин представил себе: под почтительными взорами присутствующих, в безмолвии Пугачев требует письменные принадлежности и, потев, неловко зажав перо привычными только к сабле грубыми пальцами, серьезно, усердно выводит эти завитушки и росчерки. Закончив же, строго объявляет приближенным, что им не понять написанного: это он по-немецки написал, а вообще владеет двенадцатью языками.

Немногие знающие, что это блеф, держат язык за зубами. А все остальные в восхищении: ай да царь-батюшка Петр Федорович, а еще брешут, что простой казак!

Да он и знающих обманывал. Сподвижник Пугачева Иван Зарубин-Чика, получивший от "императора Петра III" титул "графа Чернышева", на допросе показал: он не верил, что Емельян Иванович - император, прямо о том сказал и получил ответ: "Ну, коли так, то смотри же, держи втайне: я де подлинно донской казак Емельян Иванов". (Тут Пугачев называет себя, как полагалось "подлому" сословию, Ивановым, то есть Ивановым сыном. - В.С.)

Но и он, Зарубин, как записано в протоколе допроса, "хоша грамоте и не умеет, но утверждает, что злодей писал прямым письмом, ибо видел он то сам".

А как блистательно разыграл предводитель восставших экзамен, устроенным им, неграмотным, пленному офицеру Шванвичу, владеющему несколькими иностранными языками!

Потом, взятый в плен уже царскими войсками, Шванвич на следствии красочно рассказывал:

"Призвал меня Пугачев к себе и говорил: "Я-де слышал, что ты умеешь говорить на иностранных языках". На то я сказал: "Умею, надеюсь государь!" А он дал мне перо в руки и лист бумаги, приказывал написать внизу, указав место пальцем, по-шведски. Но как я не знал по-шведски, то написал по-немецки. А потом он говорил: "Напиши еще, какой ты знаешь язык?" То я написал ему и по-французски (писал же сии слова: "Ваше величество Петр Третий"). А Пугачев, взяв тот лист, и смотрел про себя, и сказал: "Мастер".

И тот листок тоже сохранился в архивах. Над немецкой и французской строками рукой Пугачева неумелые и корявые их копии. Так и видишь: отпустив Шванвича и оставшись один, грозный "Пугач" с любопытством и усердием, высунув кончик языка, переписывает мудреные иностранные буквы.

Что-то в этом есть детское, ей-Богу! Как там у Марины Цветаевой? "Зверский ребенок, в себе неповинный, во зле - неповинный".

Точно так же что-то детское есть и в том, как он хвастает. Пушкин улыбается вместе с нами:

" - Я воюю хоть куда.. Знают ли у вас в Оренбурге о сражении под Юзеевой? Сорок енералов убито, четыре армии взято в полон. Как ты думаешь: прусский король мог ли бы со мною потягаться?"

Хвастливость разбойника показалась мне забавна. "Сам как ты думаешь? - сказал я ему. - Управился ли бы ты с Фридериком?"

- С Федором Федоровичем? А как же нет? С вашими енералами ведь я же управляюсь; а они его бивали".

Кстати, а почему Гринев спрашивает именно о Фридрихе? Потому что Пушкин хорошо знал, что Пугачев - участник Семилетней войны с Фридрихом и действительно не раз "управлялся" с немцами.

Нет, не зря Пушкин называет писанное рукой Пугачева не каракулями, а - каракульками.

Даже в самых правдивых исторических исследованиях жизнь предстает неким цветком, засушенным в гербарии, "безуханным", по слову Пушкина. Общее строение сохраняется, но все уже бестелесно, бесцветно, безароматно. И каждый такой жизненный штрих - словно живой водой сбрызнуть.

Пугачев скопировал писаря. Пушкин скопировал Пугачева. Последние строки одного из "автографов" Александр Сергеевич воспроизвел в числе иллюстраций к "Истории Пугачева" с подписью: "Снимок с начертаний, сделанных рукою безграмотного Пугачева".

Кстати, этот двойной автограф Шванвича-Пугачева и еще два "автографа" самого Емельяна Ивановича нашли в Бердах, в той "золотой избе", которая служила дворцом полгода, с ноября 1773 по март 1774 года, и где Пушкин побывал через шесть десятков лет.

Александр Сергеевич, представляя себе Пугачева, наверно, понял тут его с неожиданной и любопытной стороны. Не знавший грамоты человек страдал от этого не только потому, что, войдя в роль царя, не мог бесконечно блефовать и отговариваться, что по какой-то "великой причине" не может подписывать бумаги собственноручно, пока не возьмет Москвы. Думается, богато одаренный природой Пугачев просто тосковал по недоступной ему грамоте, по книгам и наукам, уважал знания. Он и первого пленного сержанта Дмитрия Кальминского не повесил, вопреки требованиям казаков, не потому только, что пожалел его молодость и нуждался в писаре, а и за то, наверное, что тому была доступна грамота.

Пушкинское видение Пугачева было стереоскопическим.

В самом деле, не будучи военным, он показал в "Истории Пугачева" и "Капитанской дочке" одаренность Емельяна Ивановича как полководца, который бивал ученых царских генералов и не единожды. Вспомним, к примеру, о чем в "Истории Пугачева" разговаривал Суворов с подконвойным вождем крестьянско-казацкой войны:

"Суворов с любопытством расспрашивал славного мятежника о его военных действиях и намерениях..."

Это был разговор профессионалов-полководцев.

Угадано и отображено и пугачевское политическое чутье, как тонко чувствовал Емельян Иванович чаяния разных слоев русского и нерусского населения и своими указами и манифестами часто добивался побед и без сражений. В "Замечаниях о бунте" - приложении к "Истории Пугачева", предназначенном для Николая I, Пушкин указал:

"Разбирая меры, предпринятые Пугачевым и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самые надежные и самые действительные к своей цели. Правительство с своей стороны действовало слабо, медленно, ошибочно".

Думается, он сознательно взял эпитафией к "Истории Пугачева" слова архимандрита Платона Любарского о том, что пугачевские "все затеи не от разума и воинского распорядка, но от дерзости, случая и удачи зависели". Вот вам, как бы говорит нам автор, распространенный взгляд на Пугачева. Читайте дальше "мой труд - конечно, несовершенный, но добросовестный" - сравнивайте и делайте непредвзятые выводы.

Это не обычный эпитафия, задающий дальнейшему повествованию тон, содержащий основную идею, а эпитафия опровергаемый. И оттого это опровержение особенно убедительно.

В "Истории Пугачева" есть, конечно, абзацы, несколько схожие с суждением Любарского. К примеру, этот:

"Яицкие казаки, зачинщики бунта, управляли действиями прошлеца, не имевшего другого достоинства, кроме некоторых военных познаний и дерзости необыкновенной".

Но вся история крестьянско-казацкой войны, по Пушкину, свидетельствует о недюжинном полководческом таланте Пугачева, а не только о "случае и удаче".

Нечто похожее - опровергаемый эпитафия - встретим мы и в "Капитанской дочке". Главе II "Вожатый" предпослан эпитафия из старинной песни "Сторона ль моя, сторонушка, / Сторона незнакомая!" А в тексте - опровергающий диалог во время бурана Гринев и вожатого:

"- Послушай, мужичок, - сказал я ему, - знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довести меня до ночлега?"

- Сторона мне знакомая, - отвечал дорожный, - слава богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперек".

Каждый, кто помнит последние эпизоды "Истории Пугачева", ощущает, наверно, какую-то психологическую нестыковку. Пугачев, зная, что ему конец, смело, дерзко отвечает Панину:

"Как же смел ты, вор, назваться государем? - продолжал Панин. - Я не ворон (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), я вороненок, а ворон-то еще летает".

Дальше речь о том, что "старые люди еще рассказывают о его смелых ответах на вопросы проезжих господ", что "многие женщины падали в обморок от его огненного взора и грозного голоса".

Но вот следующая строка:

"Перед судом он оказал неожиданную слабость духа. Принуждены были постепенно приготовить его к услышанию смертного приговора".

Еще несколько строк - и на Лобном месте Пугачев говорит уверенно, громко, хоть и прерывающимся голосом:

"Прости, народ православный; отпусти в чем я согрубил пред тобою... прости, народ православный!"

Не перед императрицей, не перед властями кается - перед народом.

В чем же дело? Нет ли здесь тоже опровержения той предыдущей строчки о слабости духа вождя народной войны? Расхожая версия об этой слабости, официально описанной Екатериной Великой в ее письмах, обязательная хотя бы к упоминанию в "Истории Пугачева", тут же опровергается хорошо известным Пушкину свидетельством И.И. Дмитриева, очевидца, об эпизоде с Паниным.

Восхищался Пушкин не только умом, военным и политическим талантами Пугачева, но и пугачевским даром слова.

Он скопировал карандашом первый указ Пугачева от 17 сентября 1773 года. В "Истории Пугачева" по цензурным соображениям лишь глухо упомянут этот указ. Когда восставшие подошли к Яицкому городку, ныне Уральску, отец будущего великого баснописца капитан Крылов с двумястами казаками выступили за городской вал.

"К ним выехал навстречу казак, держа над головою возмутительное (т.е. призывающее к смуте, мятежу. - В.С.) письмо от самозванца. Казаки потребовали, чтоб письмо было им прочтено. Крылов тому противился. Произошел мятеж, и половина отряда тут же передалась на сторону самозванца и потащила с собою пятьдесят верных казаков, ухватя за узды их лошадей".

Но в "Замечаниях о бунте", приложенных к "Истории Пугачева", посланной царю, Пушкин рискнул дать взвешенную характеристику этого указа:

"Первое возмутительное воззвание Пугачева к Яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного. Оно тем более подействовало, что объявления или публикации Рейнсдорпа были писаны столь же вяло, как и правильно, длинными обиняками, с глаголами на конце периодов".

Действительно, сравним. Вот отрывок из того первого пугачевского указа 17 сентября 1773 года, переписанного Пушкиным в "архивную тетрадь":

"Во имянном моем указе изображено Яицкому войску: как вы, други мои, прежним царям служили до капли своей до крови, дяды и отцы ваши, так и вы послужити за свое отечество мне, великому государю амператору Петру Федоровичу. Когда вы устоити за свое отечество, и не истечет ваша

слава казачья от ныне и до веку и у детей ваших. Будити мною, великим государем, жалованы: казаки и калмыки и татары. И которые мне, государю императорскому величеству Петру Федоровичю, винны были, и я, государь Петр Федорович, во всех винах прощаю и жаловаю я вас: рякою с вершин и до усья и землею, и травами, и денежным жалованьям, и свинцом, и порахам, и хлебным провизиям".

А вот хоть уже несколько облагороженный конспектирующим Пушкиным, но все же вялый и неэмоциональный текст пугачевского оппонента (цитаты из Рейнсдорпа выделены самим Александром Сергеевичем):

"Вы можете получить снисхождение понеже предерзость ваша приписана быть может невежеству вашему..." Или вот отрывок из тоже читанного Пушкиным манифеста генерала Потемкина: "О, народ Российския преславныя державы! Опамятуйся, помысли в душе своей, какое страшное зло производится ныне..."

Да кого же в народе, даже если отвлечься от содержания, могла тронуть эта болтовня, писанная "темным и запутанным слогом", как сказано в "Истории Пугачева"?

Конечно, указы и манифесты восставших писаны несколькими грамотными казаками, в основном молодым Иваном Почиталиным, "Иванушкой", как любовно звал его Пугачев. Но чеканность и ум в них - пугачевские. "Я жалую вас... всем тем, что вы желаете во всю жизнь вашу. И будьте подобными степным зверям" (то есть такими же вольными и сильными) - это он пишет башкирам. Или вот еще: Василию Торопову с пятью его товарищами "дана власть тех, кто не поддается, рубить без всякого прекословия, без остановки и без крику и без стону".

Каково? Пушкин, сам мастер слова, высоко оценил пугачевское творчество.

Думаю, немало и хохотал, и восхищался Александр Сергеевич, когда полностью воспроизводил одно из самых сочных писем пугачевцев. Оно воскрешает в нашей памяти репинскую картину, где запорожцы пишут письмо турецкому султану, - хохот, соленые словечки, сознание своей веселой, буйной силы. Примерно так же, наверно, писали восставшие во главе со своим предводителем послание губернатору Рейнсдорпу в осажденный Оренбург.

Чтобы понять письмо, необходимо сказать, что Рейнсдорп додумался поставить в степи за городской стеной капканы, чтобы ловить мятежников. Ни одного не поймал, конечно, а капканы пугачевцы, посмеявшись вволю, забрали себе. И еще: в городе был голод. Пушкин это письмо в "Историю Пугачева" вставил как примечание и уж наверняка оценил "веселое лукавство ума", "грубые, но сильные выражения".

Вот отрывки из этого ядреного письма:

"Оренбургскому губернатору, сатанину внуку, дьявольскому сыну... Ведай, мошенник, известно, да и по всему тебе, бестия, знать должно, сколь

ты не опробовал своего всескверного счастья, однако ссастия ваше служит единому твоему отцу, - сатане. Разумей, бестия, хотя ты, по действию сатанину, во многих местах капканы и расставил, однако ваши труды остаются вотще... На тебя веревку свить можем. Не сомневайся ты, мошенник, из бляди зделан... А здесь не безызвестно, что вы и мертвечину в честь кушаете.

И тако, объявля вам сие, да и пребудем, по склонности вашей, ко услугам готовы".

А в главе XI "Капитанской дочки" "Мятежная слобода" атаман Белобородов говорит, что "в Оренбурге голод и мор, что там едят мертвечину, и то за честь", - так Пушкин вводит в повесть часть письма пугачевцев.

Возникает естественный вопрос: как же Александру Сергеевичу удалось, хоть в примечании, но опубликовать такой силы документ? Пришлось идти на хитрость. Так же, как он сделает позже в "Капитанской дочке". Глава VI "Пугачевщина":

"Иван Кузьмич в присутствии жены прочел нам воззвание Пугачева, писанное каким-нибудь полуграмотным казаком. (Юный Иванушка Почиталин, как мы видели по первому пугачевскому указу, и на самом деле был не очень грамотен. - В.С.) Разбойник объявлял о своем намерении немедленно идти на нашу крепость, приглашая казаков и солдат в свою шайку, а командиров увещевал не сопротивляться, угрожая казнью в противном случае. Воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей.

- Каков мошенник! - воскликнула комендантша. - Что смеет еще нам предлагать! Выйти к нему навстречу и положить к ногам его знамена!"

Царь - верховный цензор Пушкина - не разрешил бы цитировать "возмутительный указ" Пугачева. И этот указ довольно близко к тексту пересказывает комендантша. Давайте сравним ее слова с тем, как было в указе: "Выдите вы из града вон, вынесите знамена и оружие, приклоните знамена и оружие пред вашим государем". Придираться к автору было и трудно, и поздно.

Похожий способ он применил, думая, как опубликовать то самое ядовитое письмо Рейнсдорпу. Пушкин сделал так: основной текст "Истории Пугачева" он обязан был представить и действительно представил царю в конце 1833 года. А письмо он поместил, как было уже сказано, в примечания к книге, которые на цензурирование Николаю I не посылались.

Прочтем еще раз внимательно все о Пугачеве, особенно в "Капитанской дочке" - и еще раз откроется нам, как свежо и умно увидел Пушкин человека, которого до него описывали мрачным душегубом, отказывая ему в любой живой сочувственной черте.

Занятно, как Пугачев, лишь только удостоверился, что Гринев его не признает императором, тут же прощает и забывает. И величает его приветливо-весело "Вашим благородием", словно нет рядом своенравных атама-

нов, с которыми ему "должно держать ухо востро". И словно продолжается сцена на постоялом дворе в главе "Вожатый".

Интересно и то, что подметил известный философ С.Л. Франк, немало писавший и о Пушкине:

"Холодная, злая ирония, горькая сатира, основанная на отвращении, как у Гоголя и часто у Достоевского, ему (Пушкину. - В.С.) чужда. Ирония Пушкина или грустна, или благодушно шутлива, но всегда снисходительна. Она заставляет читателя если не любить, то сочувственно понимать почти всех его героев, даже дикого злодея Пугачева".

Швабрин, ставший хоть и небольшим, но командиром его войска, устает от Пугачева только полупрезрительного "ты". Сам он, конечно, обращается к крестьянскому царю на "вы". С Гриневым же Емельян Иванович на другом "ты" - дружеском и находит естественным, что и тот с ним, "государем" - на "ты". Швабрин задумал в случае опасности предать свою императрицу, которой присягал, еще до штурма крепости. Гринев же, трижды твердо давший отпор всемогущему вождю победителей: не признал Петром III, не пошел на службу и не дал слова не воевать против него - люб Пугачеву и уважаем.

Пугачев судит людей по себе.

Психологически очень важен эпизод в главе XII "Сирота". Пугачев благодушен, весел: он сделал доброе дело, соединил любящих Петра и Машу. Шутит, не послать ли сразу за попом и не сыграть ли свадьбу, на которой станет посаженным отцом молодых.

И вдруг Швабрин все портит: Гринев - обманщик, Марья Ивановна вовсе не поповская племянница, а дочь казненного коменданта.

Отчего же у Пугачева "лицо омрачилось"? Не оттого ведь, что он так жаждет смерти и несчастной Марьи Ивановны. А оттого, что бесстрашный и честный Гринев - солгал.

"Ты мне этого не сказал". У Пушкина никак не обозначен пугачевский вздох, но мы, читатели, его слышим.

Ведь Пугачев трагически одинок. И душу свою открыть - он же живой человек, ему это тоже нужно - он может только молоденькому дворянину. "Улица моя тесна; воли мне мало", - это он говорит именно Гриневу.

А кому еще верить? Буйным атаманам? Да они "при первой неудаче свою шею выкупят моею головою", это он тоже может доверительно сказать только Петру. Травленный волк, он не может не предчувствовать, что даже единственный в повести незвероватый его сподвижник - Чумаков, "молодой казак, стройный и красивый", тот, который запекает любимую песню своего вождя "Не шуми, мати зеленая дубровушка", - предаст. Как случилось и в жизни, когда ровно через год Чумаков и другие, "узнав о обещанном манифестах ея императорского величества прощении тем, кто явится с чистым покаянием, условились между собой Емельку Пугачева

связать и привести в Яицкий городок". Так было сказано в царском манифесте о предателях, выкупивших себе жизни ценой жизни Пугачева. Он не верит и таким, как Швабрин, которые раболепствуют из страха за свою жизнь.

Единственный человек, которому Пугачев верит, как самому себе, - это, казалось бы, самый далекий от него и социально, и по культуре, и по всем другим мыслимым причинам, честный и от этого неуступчивый, не поддакивающий, берегущий честь Петр Гринев. И вот этот человек, которого крестьянский царь любит какой-то отцовской любовью, - тоже лжец?

Емельяну Ивановичу не хочется этому верить, он готов услышать оправдание, пусть даже более или менее правдоподобное, и тут же простить.

И узнав, как было дело, Пугачев облегченно смеется, приходит в "доброе расположение": нет, Петр, как и он сам, не может обмануть!

Раз уж к слову пришлось, вот еще пример тонкой психологической обусловленности у Пушкина. Гринев приездом в Берды ставит Пугачева в несколько двусмысленное положение. Назавтра назначена поездка в Белогорскую. Но где переночевать офицеру со слугой? Гости-то они лишь для Пугачева, а для его сподвижников - лютые враги.

И поэтому по воле автора в конце оргии Пугачев задремлет, не успев дать распоряжения. Так что "По распоряжению Хлопуши, караульный отвел меня в приказную избу, где я нашел и Савельича и где меня оставили с ним взаперти".

Все, теперь и крестьянский царь не ломает голову, как выйти из щекотливого положения и устроить своего гостя, не велеть же посадить под замок в приказную избу, где Белобородов предлагал пытать Гринева, и атаманы получают возможность поступить с приехавшими так, как они считают нужным.

Впервые только у Пушкина "Пугач" и сам шутит, и чужие шутки понимает. И великодушен он, и смеется от сердца, и "с каким-то диким вдохновением" не рассказывает, а исполняет мудрую притчу. Может рассудить метко, глубоко.

Посмотрим, что Пушкин перенес из "Оренбургских записей" в "Историю Пугачева" в том месте, где речь идет о взятии Нижнеозерной. Ближе всего в текстах "Записей" - и "Истории", оказывается, пугачевский ответ-афоризм на предостережение казака не подъезжать к крепости близко, чтоб не убило выстрелом из пушки.

"Старый ты человек, - отвечал ему Пуг.(ачев), - разве на царей льются пушки?" Это из "Оренбургских записей".

"Старый ты человек, - отвечал самозванец, - разве пушки льются на царей?" Это из "Истории Пугачева".

Александр Сергеевич, видно, восхитился мудрой, точной фразой, потому и оставил ее, чуть подправив. Можно предположить, что из поэтического

чутья. В новом варианте вторая часть фразы: "Разве пушки льются на царей?" - стала хореем. И что еще интересно - фраза эта содержится в показаниях пленного пугачевца Тимофея Мясникова. Другими словами, она не плод народного творчества, а свидетельство того, что собеседники Пушкина обладали хорошей памятью и через шесть десятков лет точно передавали детали и живописные слова.

В "Капитанской дочке" Пугачев говорит Гриневу то же, что в "Истории Пугачева" - Денису Пьянову: "Улица моя тесна". Всего три слова, а как много в них! Как не согласиться с П.А. Вяземским:

"Сам Пугачев обрисован метко и впечатлительно. Его видишь, его слышишь".

Заметим, с каким мастерством Пушкин организует стилевое разнообразие речи Пугачева - не только бродяги-вожатого, но и вождя. Входя в роль, умный и переимчивый Пугачев умеет говорить, подстраиваясь под язык собеседника. Одно дело - с Савельичем:

"Это, старинушка, уж не твоя печаль, пропью ли я или нет. Его благородие мне жалует шубу с своего плеча: его на то барская воля, а твое холопское дело не спорить и слушаться".

Другое - с Гриневым, где Пугачев изъясняется и литературно:

"Доселе оружие мое было счастливо".

Много раз у нас уже был и еще будет повод поговорить об этой интересной и важной стороне: и читатели-современники, и мы, нынешние, не можем не попасть под обаяние так хорошо угаданной Пушкиным разносторонней натуры Пугачева. В том числе и ее художественности, артистичности.

Интересно, что у всех персонажей повести наряду с прямой речью есть и косвенная, которая часто нужна там, где надо в сокращенном виде передать информацию, не требующую более распространенной и специально оформленной прямой речи. У всех, кроме Пугачева.

Почему? Наверно, потому, что у Пугачева нет ни одной проходной реплики, речь его так точна, красочна и важна для движения действия и характеров, что Пушкин решил не передавать косвенно ни одного слова этого колоритного и масштабного человека.

Высоко оценив роман М.Н. Загоскина "Юрий Милославский, или Русские в 1612 году", Александр Сергеевич сделал замечание о речи Минина: "в ней нет порывов народного красноречия". А в "Капитанской дочке", если в двух словах сказать о том, как изъясняется Пугачев, иного, кроме как "народное красноречие", - не найдешь.

"Веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться", - это Пушкин сказал и о Пугачеве, отмечая лучшие качества русского человека. Каким новым, непохожим представал Пугачев перед читателями, привыкшими только к "злодею Емельке" - головорезу в красной рубаше!

Отчего так плотно ложится в ткань повести пугачевская сказка об орле и вороне? Оттого, что предводитель крестьянско-казацкой войны поднят Пушкиным на пьедестал народной легенды.

В 1824 году Александр Сергеевич писал брату Льву о Степане Разине как о "единственном поэтическом лице русской истории". Думается, через десяток лет, когда он углубился в пугачевскую тему, он относил к поэтическим лицам и Емельяна Ивановича Пугачева.

Пушкин назвал свой первый русский подлинно научный труд о пугачевщине уважительно: "История Пугачева". А вот как назывался официальный "труд" на эту же тему: "Описание происхождения, дел и сокрушения злодея, бунтовщика и самозванца Емельяна Пугачева".

Сравним, каким представлен в "Капитанской дочке" вожьд восставших - и генерал Р., оренбургский губернатор.

Горячий, широкодушный Пугачев бросает все свои дела под осажденным Оренбургом и мчится с Гриневым в Белогорскую освобождать его невесту и составлять семейное счастье молодых людей.

А вот как реагирует генерал Р., узнав о судьбе семьи Мироновых. Это уже не легкий юмор, с каким в первой главе описан быт гриневского поместья. Вроде бы тот же прием сочетания несочетаемого, но уже не смешно, а страшно, когда генерал Р., узнав об ужасной судьбе жены коменданта Миронова и не оставляя важного занятия - бережно укутывать соломой яблони в своем саду, сочувствует: "И мадам Миронов добрая была дама, и какая майстерица грибы солить!"

И на призыв Гринева помочь, там, где Пугачев мгновенно загорелся и начал действовать, его жалкий антипод только и может, что спокойно посочувствовать: "Ай-ай-ай! - Заметил генерал. - Это плохо, очень плохо".

Можно сделать по этому поводу интересное предположение, почему в одном из вариантов повести Гринев сразу после отказа генерала Р. намеренно ехал в Берды, чтобы просить у Пугачева помочь освободить Марью Ивановну. Наверно, у Пушкина мелькнула мысль сделать пробным камнем реакции генерала Р. - и Пугачева. Для беглого казака Емельяна, человека "подлого сословия" спасение любви, даже чужой - достаточный повод для безоглядного, немедленного действия. Для дворянина, генерала - повод для некоторой даже иронии и пустопорожней болтовни.

Вот какие слова находит Пушкин о Пугачеве в повести:

"Сметливость его и тонкость чутья меня изумили". "Наружность его показалась мне замечательна". "Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское". "Пугачев смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец он засмеялся, и с такой непритворной веселостию, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не знаю чему". "Мы расстались дружески".

Интересно, когда Александр Сергеевич рисовал портрет Пугачева в повести, то старался как можно меньше фантазировать и максимально использовать свидетельства очевидцев. Даже это "прищуривая левый глаз" - из показаний о Пугачеве писаря оренбургского соляного правления Полуворотова: "... левый глаз щурит и часто им мигает".

Для читающей публики допушкинской поры откровением прозвучала карамзинская фраза из "Бедной Лизы": "...ибо и крестьянки любить умеют!" А пушкинский мужик Пугачев умеет и любить, и миловать, и страдать, и деятельно сочувствовать, и поэтически загораться...

До Пушкина так никто не смел да и не умел писать. Назвать Пугачева "славным мятежником"! Одно это было крамолой неслыханной.

И приходит на ум цветаевское: "Пушкин Николая опасался, Петра боготворил, а Пугачева - любил".

Добавьте ее же: "Пушкин на нас Пугачева... навел, как наводят сон, горячку, чару..."

Слово найдено: чара! Автор Пугачевым очаровывает. Гринева и нас, читателей.

Вдохновенная пугачевская сказка об орле и вороне - о главном в этом человеке: свобода любой ценой. Но представляется вполне уместным и сближение этой сказки с песнью Председателя в "Пире во время чумы". Заложенное в природе человеческой, но внятно ощущаемое лишь недожизненными людьми стремление испытать судьбу на грани жизни и смерти было присуще в полной мере и самому Пушкину. Это его собственные выношенные мысли - и "лучше раз напиться живой кровью, а там, что бог даст!", и из "Пира во время чумы":

*Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане -
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.*

*Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья -
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обрести и ведать мог.*

Это предположение подкрепляется и тем, что "Пир во время чумы", созданный болдинской осенью 1830 года, представляет собой вольный перевод первого акта пьесы пушкинского современника Д. Вильсона

"Чумной город". Но песнь Председателя - оригинальные стихи Пушкина, которых у Вильсона нет.

Мы найдем в "Капитанской дочке" явную полемику с расхожими, обязательными для всякого благонамеренного автора описаниями Пугачева. К примеру, В.Б. Броневский, разбранивший "Историю Пугачева", в "Истории войска Донского" живописал: "Емелька... свирепый, как тигр". А вот пушкинский портрет Пугачева в повести: "Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъясляли ничего свирепого". Не "жестокое", не "ужасное", а нарочно то же слово, что читатель запомнил у Броневского: "свирепого".

А как великолепно "живая картина" в пугачевской ставке в Бердах-Москве! (Вспомним примечание к главе третьей "Истории Пугачева", что Емельян Иванович и его приближенные называли "Бердскую слободу - Москвою, деревню Каргале - Петербургом, а Сакмарский городок - Киевом".)

Раскроем повесть на главе XI "Мятежная слобода", там где Гринева вводят во "дворец":

"Пугачев сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке и важно подбочась. Около него стояло несколько из главных его товарищей, с видом притворного подобострастия. Видно было, что весть о прибытии офицера из Оренбурга пробудила в бунтовщиках сильное любопытство и что они приготовились встретить меня с торжеством".

Почему называю эту сцену "живой картиной"? В "Летописи" П.И. Рычкова, помещенной Пушкиным в приложение к "Истории Пугачева", есть показание корнета Пустовалова, который был у пугачевцев в плену, но незадолго до их разгрома в Оренбуржье бежал 16 марта 1774 года из Берд в Оренбург. После примет Емельяна Ивановича, частью использованных и в "Истории Пугачева", и в "Капитанской дочке", там сказано:

"Когда случается он в Берде, то все распоряжает сам и за всем смотрит не только днем, но и по ночам; с сообщниками своими, которых он любит, нередко вместе обедает и напивается допьяна, которые обще с ним сидят в шапках, а иногда-де и в рубашках, и поют бурлацкие песни без всякого ему почтения; но когда-де выходит он на базар, тогда снимают шапки и ходят за ним без шапок". (Это интересно перекликается со строками из недатированной сказки Пушкина "Жених". Там разбойники "За стол садятся, не молясь / И шапок не снимая". - В.С.)

Поэтому и представляется зримо: бердинский караул докладывает об офицере из Оренбурга. И чтобы произвести на него впечатление, Пугачев и его соратники, которые только что без чинов пили и пели, мгновенно входят в роль: царь-батюшка - и его верноподданные "господа-енералы".

И надо быть Пугачевым, чтобы разом разрушить эту "живую картину":

"Пугачев узнал меня с первого взгляду. Поддельная важность его вдруг исчезла. "А, ваше благородие! - сказал он мне с живостию. - Как поживаешь? За чем тебя бог принес?"

А вот императрица Екатерина - человек иного рода. Она-то не откажется сполна получить удовольствие от эффектно выстроенной сцены. Продолжая тайную игру, она посылает карету за наивной провинциалкой, не понявшей, что разговаривала в парке с самой Екатериной Великой. И, не раскрывая, зачем, велит, чтобы Марья Ивановна "ехала одна и в том, в чем ее застанут". Во дворце, окруженная роскошно одетыми придворными, она являет свой царский лик, явно наслаждаясь эффектной точкой прелестного анекдота, как тогда принято было говорить.

И недаром Пушкин вычеркнул написанную было пугачевскую фразу в сцене встречи Гринева с предводителем крестьянско-казачьей войны в бердинской "золотой избе": "Дело твое разберем завтра". Не мог такой человек спокойно оставить до завтра восстановление справедливости - освобождение Марьи Ивановны из рук негодяя Швабрина.

"Человечность, вторгаясь в мир безжалостных социальных конфликтов, позволяет героям "Капитанской дочки" возвыситься над "жестоким веком", - метко сказал Ю.М. Лотман. А кто вместе с вполне понятной жестокостью проявляет в повести Пушкина наибольшую человечность? Пугачев.

Все остальные в повести поступают по писанным и неписанным законам дворянского мира - и стихии крестьянского бунта. По этим законам добрый Миронов хочет пытать башкирца, а злой атаман Белобородов - Гринева. По ним же родной отец выносит Петру приговор: "ошельмованный изменник". А императрица издает именное повеление об освобождении Гринева не потому, что сразу поверила Маше, а, надо думать, приказав проверить обстоятельства его дела.

Один лишь человек трижды поступает против закона своей среды, который требует от него истреблять всех дворян, ни в чем не проявляя к ним милости. И это - Пугачев. Он спасает Гринева от смерти, прощает ему отказ признать его царем, служить или хотя бы не воевать против него и помогает вызволить невесту. В "жестокий век" только он проявляет милость, если не к падшим, то к попавшим в беду людям, достойным его сочувствия и помощи.

А тема милости, проявляемой вопреки безжалостному общественному закону, интересовала Пушкина еще с 20-х годов.

Эту тему пугачевского конфликта милости - и требований классовых, побуждающих быть жестко последовательным, интересно развил в известной работе "Идейная структура "Капитанской дочки" Ю.М. Лотман:

"Он милостив, следовательно, непоследователен, ибо отступает от принципов, которые сам считает справедливыми. Но эта непоследовательность спасительна, ибо человечность таит в себе возможность более глубоких исторических концепций, чем социально оправданные, но схематичные и социально релятивные "законы".

"Волк или человек?" - гадают заблудившиеся в бурне, завидев что-то темное, движущееся - Пугачева. Волком он обернется для нескольких действующих лиц повести. Но для Гринева - человеком, способным на добро и благородство. Вожатым не только в бурне, он в известном смысле помогает Петру Гриневу найти дорогу к самому себе.

Марина Цветаева верно подметила, что у Пушкина - два разных Пугачева. В "Истории", где только сухие факты, он в основном жесток. В повести "Капитанская дочка" - он всякий. То есть - живой. Любопытно, как два разных талантливых человека пользуются при оценке Пугачева оксюморонами, то есть сжатым и оттого парадоксальным сочетанием-противопоставлением чего-то разностороннего, иначе не отразить жизненного богатства изображаемого человека. Снова вспомним "зверского ребенка" М.И. Цветаевой и добавим слова П.И. Чайковского, когда он объяснял, почему не может написать оперу о Пугачеве и почему опера эта, если и напишет, цензурой не будет пропущена: "изображать его приходится таким, каким он у Пушкина, т.е. в сущности удивительно симпатичным злодеем".

Не могу не привести в этой связи слова историка В.О. Ключевского, которые только на первый взгляд кажутся несколько парадоксальными:

"Пушкин был историком там, где не думал быть им и где часто не удается стать им настоящему историку. "Капитанская дочка" была написана между делом, среди работ над пугачевщиной, но в ней больше истории, чем в "Истории пугачевского бунта", которая кажется длинным объяснительным примечанием к роману".

В книге "Мой Пушкин" Марина Цветаева сделала тонкое замечание, которое многое объясняет в творческой психологии Александра Сергеевича:

"Теперь - очная ставка дат: "Капитанская дочка" - 1836 г., "История Пугачевского бунта" - 1834 г. И наш первый изумленный вопрос: как Пушкин своего Пугачева написал - з н а я? Было бы наоборот, то есть будь "Капитанская дочка" написана первой, было бы естественно: Пушкин сначала своего Пугачева вообразил, а потом - узнал. (Как всякий поэт в любви.) Но здесь он сначала узнал, а потом вообразил".

И дальше у нее смелая мысль: если б Петр Гринев попал в руки Пугачева из пушкинского исторического труда, то был бы убит несмотря ни на что. Но, встретившись с Пугачевым из "Капитанской дочки", он помилован, его судьба старанием грозного для других "Пугача" устраивается счастливо.

Можно заметить еще, что два Пугачева - это два полярных аргумента в вечном и неразрешимом споре о роли личности в истории.

Во второй главе пушкинского исторического труда "яицкие заговорщики... положили быть новому мятежу. Самозванство показалось им надежную пружиною. Для сего нужен был только пришлец, дерзкий и реши-

тельный, еще неизвестный народу. Выбор их пал на Пугачева". То есть, как у нас совсем еще недавно говорилось, предводитель крестьянско-казацкой войны всего навсего "выразитель" взглядов и чаяний, в данном случае только игрушка в руках судьбы вообще и ящичих заговорщиков в частности.

Но в повести Пугачев, опасющийся, конечно, своих "ребят", которые предадут в трудную минуту, как и случилось в жизни, - самодостаточная личность, яркая и твердая. Будь на его месте любой из его "енералов" - не стала бы пугачевщина таким пожаром, охватившим половину империи и заставившим трепетать самодержавную царицу и ее подлинных генералов.

О самородном таланте этого человека может судить каждый читатель "Капитанской дочки".

В какой-то мере Пугачевых из "Капитанской дочки" - и "Истории Пугачева" поможет понять то, что сказал Пушкин Далю о том, как он ищет творческое воплощение личности Петра Великого:

"Я еще не мог доселе постичь и обнять вдруг умом этого исполина... - но постигаю его чувством".

Емельян Иванович из повести постигнут больше чувством. Из исторического труда - умом. Наверно, еще точнее сказать так: непрестанное "постижение чувством" вместе со стремлением "постичь и обнять умом", наверно, ключи к тому, каким получился Пугачев в повести.

Необходимо снова отметить и то, что ни один из Пугачевых, особенно тот, что в повести, не писан только какой-то одной краской, особенно черной. Это - и от мудрости пушкинской, и от склада его личности. Молодой повествователь Гринев в полной мере наделен тем, что отличало и его творца и что метко подмечено Белинским:

"Пушкин по самой натуре своей был существом любящим, симпатичным, готовым от полноты сердца протянуть руки каждому, кто казался ему "человеком".

Очень важно, что в "Капитанской дочке" вообще нет окончательных ангелов (исключение, может, лишь Марья Ивановна, какой влюбленный видит в предмете своей страсти хоть малое пятнышко?) Но нет и таких же окончательных злодеев. Уж, казалось бы, Швабрин - негодяй из негодяев. Но ведь и он, топя своими ложными показаниями соперника-Петра, тоже не называет следственной комиссии имени Марьи Ивановны. И Гринев, прекрасно зная черную душу Швабрина, все же предполагает - почему: "оттого ли, что в сердце его таилась искра того же чувства, которое и меня заставляло молчать".

Да и генерал Р., человек, по повести, не очень достойный, в своем письме в Казанскую следственную комиссию, хоть оно и оборвано чтением "строного старика" на полуслове, кажется, старается по мере сил

обелить подследственного Гринева: "... что касается до его поведения, то я могу..." Тут слышится дальнейшее, что-то вроде: "засвидетельствовать, что упреков ему не было". Ведь в предыдущих строках генерал Р. старается не подлаживаться под вполне возможное отрицательное мнение комиссии и поэтому просто излагает факты о службе своего бывшего подчиненного.

К тому же в начале его письма есть тонкое "якобы": "На запрос вашего превосходительства касательно прапорщика Гринева, якобы замешанного в нынешнем смятении..." То ли это слово значит, что генерал Р. вообще не верит обвинению, то ли он напоминает, что это обвинение еще совсем не доказано.

Да и Екатерине Великой, если уточнить то, что мы говорили о ней страницей раньше, при всей ее мимолетности появления в повести, холодной просчитанности действий, Пушкин буквально штрихом, но придал какую-то теплую, живую деталь. Действительно, отчего императрица, узнав, что Марья Ивановна остановилась у "посвященной во все таинства придворной жизни" племянницы придворного истопника Анны Власьевны - столичного аналога белогорской "первой вестовщицы" Акулины Памфиловны, "примолвила с улыбкою: - А! Знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрече"?

Потому что знает, что "вестовщица" тут же поймет, что молодая провинциалка говорила с императрицей, и разнесет эту весть. И тем самым сорвет эффект, уже продуманный ею, Екатериной. Погубит "живую картину" сродни той, что организовал в Бердах для Гринева Пугачев. Ее придворные, точно так же, как "придворные" Пугачева, должны были стать свидетелями монаршей мудрости и подыграть в роли статистов. Таким образом, это своего рода парные, перекликающиеся сцены - в "золотой избе" и во дворце.

И, точно предугадав, что "вестовщица" потащится во дворец вместе с Марьей Ивановной и разовьет бурную деятельность по переодеванию гостя в какой-нибудь "желтый роброн повивальной бабушки", и, наверно, посмеявшись про себя, Екатерина приказывает посланному камер-лакею объявить, "что государыне угодно было, чтоб Марья Ивановна ехала одна, и в том, в чем ее застанут".

Отметим еще и то, что Марья Ивановна, которой, конечно, страх как хотелось рассказать о своей встрече в парке с неизвестной дамой, так же умеет держать слово, как и ее жених. И ни намеком не обмолвилась, только слушая болтовню Анны Власьевны.

Тем более "всякий" - Пугачев. У Цветаевой о нем есть такие слова: "живой мужик". Нужно ли удивляться горьким строкам, написанным Пушкиным в "Дневнике" в феврале 1835 года:

"В публике очень бранят моего Пугачева, а что еще хуже - не покупают. Уваров (председатель Главного управления цензуры, недоброжелатель

поэта. - В.С.) большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении".

Это - об "Истории Пугачева". "Истории" новаторской, чисто пушкинской с умением выслушать разные точки зрения, дать "крупный план" героя, с талантом живого слова художника, с глубоким пониманием "мнения народного". А уж как "светская чернь" приняла Пугачева из "Капитанской дочки" - и так ясно.

Но правомерно ли ставить вопрос так: какой Пугачев - "живее всех живых"?

Об этом можно много размышлять и спорить. Литератор и критик В.А. Соллогуб в свое время высказал мысль, что в "Истории Пугачева" "Пушкин превозмог самого себя ... "Капитанская дочка" была, так сказать, наградой за пугачевский бунт". Надо понимать - за "Историю пугачевского бунта", как тогда назывался этот исторический труд. За невольное самоограничение художника в пользу историка.

Понятно, что сравнивать можно только сравнимое. У каждого жанра - свои внутренние законы. И говорить можно только о том, что больше удалось внутри жанра. Тут у каждого может быть свое мнение.

А кроме того, думается, Пушкин знал и ценил суждение одного из своих литературных предшественников, упомянутых в "Капитанской дочке", В.К. Тредиаковского, высказанное в работе "Мнение о начале поэзии и стихов вообще":

"От сего, что пиит есть творитель, вымыслитель и подражатель, не заключается, что он был лживец. Ложь есть слово против разума и совести, то есть когда разум или прямо не знает, так ли есть то, что язык говорит, или когда совесть точно известна, что то не так, как уста блядословят. Но пиитическое вымышление бывает по разуму, то есть как вещь могла быть, или долженствовала".

"По разуму и по совести" Пушкина, его Пугачев из повести мог таким быть.

Вовсе не отрицая великих заслуг Пушкина-историка, можно согласиться с Ю.Г. Оксманом: "в "Истории Пугачева" оказались только мастерские этюды к портрету Пугачева, но не цельный и законченный образ вождя крестьянского движения". И Цветаева не уточняет, где именно Пугачев - "живой мужик". Но она как большой художник, чувствует, имеет в виду Пугачева из повести.

Дело еще и в том, что в "Истории Пугачева" не так уж много личности самого "крестьянского царя". Это в основном эпопея зарождения, хода крестьянско-казацкой войны и разгрома повстанцев.

Н.Я. Эйдельман высказывал даже такую мысль, кажущуюся крамольной: царь, хоть и сделал Пушкину много зла, все же правильно повелел переделать "Историю Пугачева" в "Историю Пугачевского бунта", ибо это второе название точнее выражает суть.

А вот в "Капитанской дочке" Пугачев на первом плане. Он активно действует в большинстве глав повести. И, как мы уже отмечали, она вполне могла бы называться, скажем, "Гринев и Пугачев".

Но, может, в "Истории Пугачева" герой ближе к истинному уже в силу только самого жанра исторического исследования? А в повести он, герой, неизбежно домышлен?

Не думаю, чтоб это было так. Вообще в принципе нельзя сравнивать, какой способ постижения действительности вернее: исторический - или художественный? Они просто разные по своей природе. Не могу разделить точку зрения Марины Цветаевой: "В "Капитанской дочке" Пушкин-историограф побит Пушкиным-поэтом".

Тогда встает следующий вопрос: почему же Пугачев из повести получился у Пушкина объемнее, с намного большими достоинствами? Можно полагать, потому что за два года, разделяющие исторический труд и повесть, постоянно думая о колоссальной, колоритной фигуре Емельяна Ивановича, обогащаясь все новыми материалами, Пушкин стал глубже понимать своего героя. К слову, П.А. Вяземский очень хорошо написал: "В Пушкине было верное понимание истории - свойство, которым одарены не все историки". Недаром Александр Сергеевич предполагал и дальнейшее продолжение работы над "Историей Пугачева".

Тут можно вспомнить и суждение Аристотеля о том, что история повествует о действительном, а литература - о вероятном. А по "отцу кибернетики" Н. Винеру, сообщение о вероятном информационно насыщеннее сообщения о точно случившемся.

Интересно задуматься и вот над чем: не странно ли, что один из вождей декабристов смелый и талантливый Кондратий Федорович Рылеев - один из "освободителей крестьян", каким он видится в зашифрованной десятой главе "Евгения Онегина" - выбирал героями своих дум и поэм Ивана Сусанина, Ермака, Андрея Войнаровского - сподвижника Мазепы... Но не остановил свой взгляд на фигуре столь заметной - крестьянского царя.

А вот "Капитанская дочка" Пушкина стала своего рода думой о Пугачеве. Или, по слову П.А. Вяземского, "былиной о Пугачеве".

Может, причина в том, что декабристы, по известной формулировке, были страшно далеки от народа, а вот Пушкин - безусловно куда ближе, был на стороне восставших? И поэтому отважился взяться за пугачевскую тему?

Но слишком много навредили подлинному Пушкину вульгаризаторы, делавшие его пламенным революционером. В его очень многозначной фразе "Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный" - предмет раздумий и споров целых поколений исследователей. Как известно, Л.Н. Толстой возражал этим словам Пушкина:

"И совсем это неверно, что русский бунт бессмысленный. Если разобратся как следует, то поводом всякого крестьянского бунта всегда оказываются очень разумные и справедливые требования".

Хотя что касается этой стороны дела, то у Пушкина и Пугачев, и тот же изуверенный башкирец вполне осознают и блюдут свои, как недавно говорилось, классовые интересы и требования. Но у Александра Сергеевича, кажется, речь о другом. В "Пропущенной главе" после слов "Не приведи бог видеть русский бунт - бессмысленный и беспощадный" (эту формулировку он тут снова привел, так она была для него важна, но чуть изменил, вставив тире, в основном тексте повести стоит запятая) следует:

"Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая голова полушка, да и своя шейка копейка".

Читатель может попробовать вспомнить, упоминалась ли эта фраза сравнительно недавно, в эпоху соцреализма, когда речь шла о мировоззрении Пушкина? И не вспомнит, ибо фраза эта замалчивалась, потому что считалась чуть ли не чистой контрреволюцией, позорящей светлый пушкинский облик. Будь их воля, ревнители пушкинской "прогрессивности" вымарывали бы эту фразу во всех изданиях "Капитанской дочки".

Но прочтем со вниманием и пониманием - о чем она? О том же, о страшном море крови и безвинных жертвах с обеих сторон расколовшегося народа. Цель не оправдывает средства. Гуманизм - превыше всего.

Бессмысленный этот бунт еще и потому, что при всех чудовищных жертвах крестьянское восстание в России никогда не приводило к победе.

Важно и другое: у Пушкина столкновение социальных стихий сопряжено со столкновением, со спором-единством имперской государственности - и свободы, трагичности исторической предопределенности - и гуманизма.

Не касаясь сложного комплекса социально-политических взглядов Александра Сергеевича, можно лишь предположить, что Пугачев до Пушкина никому из писателей и поэтов, и Рылееву в том числе, не казался достаточно поэтической исторической личностью.

Пушкинское величие - и в том, каким свежим взглядом увидел он "Пугача".

Очень важная особенность обоих Пугачевых - и в "Истории", и в "Капитанской дочке" в том, что они показаны в становлении, в развитии.

В историческом труде - от "неизвестного бродяги", "который по казацким дворам шатался" до полководца, все меры которого удачны и умны по сравнению с оренбургским губернатором: "Казалось, все меры, предпринимаемые Рейнсдорпом, обращались ему во вред". До личности благородно-трагической хотя бы в сцене ареста предателями-сподвижниками:

"Я давно видел вашу измену, сказал Пугачев и подозревая своего любимца, илецкого казака Творогова, протянул ему свои руки и сказал: вяжи! Творогов хотел ему скрутить локти назад. Пугачев не дался. Разве я разбойник? говорил он гневно".

А в повести - это путь от "пьяницы оголелого" до "орла", который предвидит страшный свой конец, но - "чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст!"

И когда мы размышляем об этом росте, то начинаем понимать две его причины.

Во-первых, события широкой крестьянско-казацкой войны, вождем которой Емельян Пугачев поначалу оказался волей судьбы, делают его вождем истинным.

Во-вторых, и это психологически интересно и вполне допустимо, он же великолепный актер от природы, и в роль народного царя, как это бывает с личностями высоко талантливыми, он настолько вживается, что уже сама эта роль движет им.

Понаблюдаем, как артистично меняет он свою речь даже в одном абзаце. На пиру в Белогорской с глазу на глаз с Гриневым, довольный произведенным эффектом, он сначала все тот же бродяга-вожатый:

"Я чаю, небо с овчинку показалось?.. Я тотчас узнал старого хрыча".

Но тут же, уже в царском образе:

"Я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда принужден был скрываться от своих недругов".

Однако, как только чувствует он, что Гринев - кремь и бесполезно играть перед ним царя, он снова становится самим собой:

"Кто ни поп, тот батька... Казнить так казнить, миловать так миловать".

А теперь давайте подумаем о том, что тоже относится к образу крестьянского вождя, - о сильных сказочных элементах в повести "Капитанская дочка".

Пушкинист В.С. Непомнящий в своей книге "Поэзия и судьба" справедливо заметил:

"Сегодня уже трудно не видеть, что структура первого нашего реалистического романа в прозе - насловь сказочная, и уже не только в силу всегдашнего тяготения Пушкина к сказочности и фантастике вообще (а это необычайно важно для понимания его реформаторской роли, но учитывается недостаточно), а вследствие углубленного, серьезного изучения зрелым мастером творческого и философского опыта народа, - опыта, отложившегося в строгой поэтике сказки".

В.С. Непомнящий делает смелые сопоставления "сказочного царя Пугачева", каким он виделся народу, даже со "сказочным царем Салтаном": "в сказке простолюдин вспоминает, что царь - тоже человек".

К этому можно добавить, что для рядового мужика или казака-пугачевца подлинный Петр III при фантастически предположенной личной встрече показался бы царем меньше, чем Пугачев. Ведь простой человек конструировал царский образ в основном из своих представлений, навеянных в том числе и сказкой.

Ну какой царь - подлинный Петр III? Тщедушный, в прусском мундирчике, с орденом, подаренным Фридрихом Великим, отпрыск немецких герцогов Шлезвиг-Гольштейн-Готторпских. Тот, о котором Фридрих сказал: "Петр позволил свергнуть себя с престола, как ребенок, которого отсылают спать".

То ли дело царь, о котором с восторгом рассказывает Гринеvu казак, прибегавший с известием, "что-де великий государь требует тебя к себе":

"Ну, ваше благородие, по всему видно, что персона знатная: за обедом скушать изволил двух жареных поросят, а парится так жарко, что и Тарас Курочкин не вытерпел, отдал веник Фомке Бикбаеву да насилу холодной водой откачался. Нечего сказать: все приемы такие важные... А в бане, слышно, показывал царские свои знаки на грудях: на одной двуглавый орел, величиною с пятак, а на другой персона его".

И правильно сделал Гринеv, что "не почел нужным оспаривать мнения казака", все равно ничего бы не доказал. Потому что в народно-сказочном представлении царь - тот же мужик, только всего ему дано больше, чем человеку обыкновенному. И двух поросят скушать изволил, и парится жарче всех.

А о таком сказочном мотиве, как особые таинственные отличительные знаки на теле, подтверждающие его высокое происхождение, в данном случае - "царские знаки на грудях" - мы уже говорили, когда зашла речь о "черной немочи".

Царь для такого казака должен быть не таким, каким был в реальной действительности невидный Петр III с жидкими невыразительными глазами. Он должен быть таким, каким Пугачев сидит после взятия Белогорской на крыльце комендантского дома:

"На нем был красивый казачий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза".

Весь "царский набор": и кафтан расшитый, и глаза сверкающие. Что еще надо? И изба в Бердах, оклеенная золотой бумагой, куда более дворец, нежели какой-то неведомый петербургский Зимний.

Показательно, что Пушкин в своей повести не воспользовался тем, что занес в "Оренбургские записки" со слов И.А. Бунтовой - свидетельством о том, как Пугачев "сидел между двумя казаками, из коих один держал серебряный топорик, а другой булаву". Потом это почти дословно вошло в "Историю Пугачева": "По бокам его сидели два казака, один с булавою, другой с серебряным топором". Почему же в "Капитанской дочке" Пушкин опустил такую живописную деталь?

Можно предложить версию: он посчитал, что топорик и булава - единственные истинно царские атрибуты (хоть наивные пугачевцы ошиблись более чем на столетие, эти знаки власти царя были во времена боярской Руси). И опустил упоминание о них, чтобы ярче показать нам: и без этих

знаков для простого народа не было вопроса, подлинный ли перед ним государь-император.

Кстати, продолжив эту тему, можно только предположить, что Пушкин видел картину "Пугачев устрешенный". Этот большой портрет плененного самозванца приказал написать своему крепостному живописцу один из официальных "усмирителей бунта" граф, генерал-аншеф Петр Иванович Панин. Тот самый, который, как записано в "Истории Пугачева", назвал плененного предводителя восставших вором, услышал в ответ смелое "Я не ворон, я вороненок, а ворон-то еще летает" и, "заметив, что дерзость Пугачева поразила народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови и вырвал у него клоч борода".

Это полотно сейчас в Москве, в Историческом музее. Там Пугачев, уронив шапку наземь, отпрянул со страхом и смотрит в правый нижний угол. Оттуда в облаках дыма тянется к нему из преисподней горбоносый дьявол. Слева видна какая-то река, наверно, Урал или Волга, а за ней горит-полыхает барская усадьба. Старший научный сотрудник этого музея З.А. Огризко, показавшая мне и двойной, и этот портрет, обратила мое внимание:

- Смотрите, как одет Емельян Иванович здесь - и на известном по школьному учебнику истории портрету Пугачева в оковах. Там он в обычном тулупчике, а здесь - как былинный витязь в красивом кафтане, подпоясанном кушаком, в красных сапогах! Пугачев был среднего роста, а здесь вон каким богатырем изображен! Как ни опасно было - сочувствовал "злодею" крепостной художник, в душе считал его подлинным царем. И представлял его именно таким.

Тот художник, который, может, сам видел расправу.

А вспомним для сравнения, как толкуют о Пугачеве два мужика в неоконченном романе М.Ю. Лермонтова "Вадим", создаваемом в то же время, когда Пушкин писал свои пугачевские произведения:

- "А что, у него серебряный кафтан-то?

- Эко диво серебряный, чай, не только кафтан, да и сапоги-то золотые".

Лермонтов тут тоже явно опирается на народные предания, на народные представления о мужицком царе. Только Пушкину рассказывали мужики поволжские и поуральские, а Лермонтову - пензенские.

Чуть ли не каждый исследователь пушкинского творчества, сверяя "Оренбургские записи" с текстом "Капитанской дочки", констатирует: в повесть почему-то не вошла и очень живая деталь из того раздела "Записей", которая помечена "В Озерной":

"Пугачев был так легок, что когда он шел по улице к магазинам, то народ не успевал за ним бегом".

А ведь ясно - почему. Не вязалось с народно-сказочным представлением о царе. Он должен быть по-царски важен, неспешен. Лихой казак

Пугачев одним махом взлетел бы в седло, когда уезжал после казней в Белогорской. Но он же царь! И поэтому "Ему подвели белого коня, украшенного богатой сбруей. Два казака взяли его под руки и посадили на седло".

Пушкин вовсе не придумал эту выразительную деталь. В главе второй "Истории Пугачева" он приводит свидетельство очевидца:

"самозванец стал сходить с лошади при помощи двух из его казаков, подхвативших его под руки".

Продолжим тему сказочности в "Капитанской дочке". Со "сказочной" точки зрения перечитаем повесть - и увидим, что композиция ее предстанет такой: первые две главы - зачин, завязка. Далее основное действие, заканчивающееся сначала обычной для сказки плохой развязкой: союз молодых разрушил своим письмом Гринев-отец.

А потом, в точности по теории сказки, герои один за другим проходят круги испытаний. Чем дальше, тем труднее. И прорыв к хорошей развязке: добрый молодец Петр Гринев освободил от злодея красну девицу с помощью способствующей силы - Пугачева - и хоть сейчас честным миром да за свадьбку. И зря ворчал Савельич во время бурана: "И куда спешим? Добро бы на свадьбу!"

Оставшиеся две главы читаются просто эпилогом, хотя в самой последней снова вмешаются "чудные обстоятельства", как называет Гринев столь частые почти сказочные вмешательства "провидения": дама на скамейке в парке Царского Села окажется императрицей и помилует оклеветанного Гринева.

Конец сказки о любви, выстоявшей и победившей все преграды.

Известный в свое время критик Н.Н. Страхов сказал интересно, но излишне категорично:

"Капитанская дочка" есть рассказ о том, как Петр Гринев женится на дочери капитана Миронова... все приключения жениха и невесты касаются не изменения их чувств, простых и ясных от самого начала, а составляют случайные препятствия, мешавшие простой развязке, - не помехи страсти, а помехи женитьбе".

Он же определял жанр повести как "хронику семейную".

Нет, не совсем то. Точнее, одна сторона дела. Ведь "хроника семейная" неотделима от хроники народной трагедии - пугачевщины. У мастера и мыслителя, каким был Пушкин, не могло быть в "Капитанской дочке" просто рассказа о том, как двое полюбили в кровавом 1773 году и в конце концов соединили свои судьбы. Все обусловлено важнейшими общественными проблемами от особенностей "русского бунта" до не разрешимой гармонически коллизии: личность - и посягающая на ее права и счастье суровая историческая действительность. Любовно-сказочная линия переплетается в повести с линией широкого народного движения. Оттого так сильно воздействие "Капитанской дочки".

А сказочность в повести, конечно, очень ощутима. Поэтому стоит продолжить разговор об этом подробнее.

Перелистаем страницы: как в сказке, герой одно за другим проходит испытания. И каждый раз тут как тут добрая сила - Пугачев. Вмешается, поможет - и до следующего раза. На Гринева эта сила воздействует трижды: вызволяет из бурана; спасает от виселицы и дальше снова в Белогорской вырывает суженую героя из лап злодея: "Выходи, красная девица; дарую тебе волю. Я государь". И исчезает, устроив счастье молодых.

И не сказочный ли мотив в письме Марьи Ивановны, которое урядник Максимыч доставляет из Белогорской крепости к оренбургским стенам Петру Гриневу? Негодяй Швабрин, сообщает она, "согласился ждать еще три дня; а коли через три дня за него не выду, так уж никакой пощады не будет". И, как сказочный герой, Гринев говорит Савельичу: "Если через три дня я не ворочусь..."

Снова чисто фольклорная цифра. С трех раз, за три дня - без этого сказки не бывает. Три крушения иллюзий, как мы уже видели, испытывает Петр. Трижды, проходя испытание, он отвечает Пугачеву "нет". И мы, с детства подготовленные "сказочным опытом", ждем, что к исходу третьего дня добро обязательно восторжествует над злом. Марья Ивановна, которая в "горячке, и третий день, как бредит без умолку", уже "решилась умереть". Но - счастливая развязка. "Выручили красную девицу!" - совсем как в сказке заключает радостный, довольный Пугачев.

А чтобы уложиться в эти три дня, Пушкин сознательно "сжимает" время. Подразумевается: день на письмо и его доставку герою. День поисков путей к спасению возлюбленной. День на поездку с Пугачевым. Реально путь от Берд до Белогорской по зимней дороге потребовал бы немало времени.

Но тут Гринев лишь сел в пугачевскую "кибитку, запряженную тройкою татарских лошадей", поговорил, поспорил с Пугачевым, послушал сказку старой калмычки, поразмышлял - и "Вдруг увидел я деревушку на крутом берегу Урала" - Белогорскую.

И - спасение и счастье, как полагается, в самую последнюю минуту.

А кончается эта глава XII "Сирота", где все устроилось и решилось, сказочно-кинематографическим прощальным планом:

"Пугачев уехал. Я долго смотрел на белую степь, по которой неслась его тройка".

Не эта ли художественно-символическая сцена прощания с дорогим и близким подсознательно навеяла В.А. Жуковскому строки, как уезжал - мертвый - Пушкин:

"Ящик с гробом поставили на сани; в полночь сани тронулись; при свете месяца я провожал их несколько времени глазами; скоро они поворотили за угол дома; и все, что было на земле Пушкин, навсегда пропало из глаз моих"?

По Марине Цветаевой, для которой "Капитанская дочка" начиналась и заканчивалась с появлением и исчезновением Пугачева, тут - конец повести. Теперь Пугачев мелькнет лишь строкой послесловия.

А между тем, какая тонкая пушкинская психологичность в этом "я долго смотрел на белую степь...", лишь обозначенном, но не раскрытом каким-нибудь пространством диалогом Гриневы и Марьи Ивановны и тем будоражащим нашу фантазию! О чем раздумывают эти двое, что говорят о страшном своем благодетеле? Каждый читатель слышит свое.

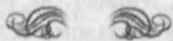
Кстати сказать, Пушкин любил такие концовки. Вспомним хотя бы, чем заканчивает он "Пир во время чумы":

"Уходят. Пир продолжается. Председатель остается, погруженный в глубокую задумчивость".

Очень свеж и поучителен взгляд на Пушкина Марины Цветаевой. Большой поэт судит о большом поэте. Поэтому так часто ссылаешься именно на нее. Есть, конечно, доля поэтического преувеличения в оценке Мариной Цветаевой удивительного пушкинского героя - Пугачева, но еще больше поэтической же выразительности:

"Любопытно, что все, решительно все фигуры "Капитанской дочки" - каждая в своем направлении - контрфигуры Пугачева: добрый разбойник Пугачев - низкий злодей Швабрин; Пугачев, восставший на царицу, - комендант, за эту царицу умирающий; дикий волк Пугачев - преданный пес Савельич; огневой Пугачев и белокрылый немецкий генерал, - вплоть до физического контраста физически очаровывающего нас Пугачева и его страшной оравы (рваные ноздри Хлопуши). Пугачев и Екатерина, наконец. И еще любопытнее, что пугачевская контрфигура покрывает, подавляет, затмевает - все. Всех обращает в фигурантов...

В "Капитанской дочке" единственное действующее лицо - Пугачев. Вся вещь оживает при звоне его колокольчика. Мы все глядим во все глаза и слушаем во все уши: ну, что-то будет? И что бы ни было: есть Пугачев - мы есьмы".

ПОЧЕМУ КОМЕНДАНТ - МИРОНОВ И КАПИТАН?

Мы уже упоминали, что Мирановой героиня повести стала далеко не случайно. Почему же семейство коменданта Белогорской крепости получило от Пушкина такую фамилию?

Имя Мирон в русской традиции XVII - XIX веков утвердилось как простонародное. Недаром в одном из черновиков "Евгения Онегина" в сцене святочного гадания для комического эффекта после "Как ваше имя? Смотрит он..." Пушкин вместо окончательного "Агафон" ставил "Мирон". Поэтому и фамилия "Миранов" воспринималась в пугачевские и в пушкинские времена как очень простецкая.

Например, имя Мирон как подчеркнуто простонародное мы встретим у писателей конца XVIII века Владимира Игнатьевича Лукина в переделке иностранной комедии "Щепетильник" и Михаила Ивановича Попова в комической опере "Анюта".

Вот поэтому и получил фамилию "Миранов" комендант Белогорской крепости, "вышедший в офицеры из солдатских детей".

Правда, известный пушкинист Н.В. Измайлов производил фамилию эту из отчества коменданта Татищевой крепости Григория Мирановича Елагина.

Но ведь пушкинская собеседница Матрена ошиблась, и поэтому в дорожной записной книжке поэта дочь Елагина значится как "Лиз. Фед.", и он не исправил эту ошибку. А ведь Пушкин, работая в архивах, мог бы встретить правильное имя-отчество или хотя бы инициалы Елагина в делах канцелярии Рейнсдорпа. Может, не встретил или, встретив, потом запаматовал? Но каким же образом, если следовать предположению Измайлова, Пушкин в таком случае, полагая только, что Елагина звали Федором, мог придумать его отчество и из него вывести фамилию Миранов?

Как известно, дочь Елагина незадолго до пугачевщины была выдана за реального коменданта Нижнеозерной Харлова. После падения крепости приглянулась Пугачеву, была взята в наложницы, а потом ее с малолетним братом убили. И звали ее не "Лиз. Фед.", а Татьяной Григорьевной, как установлено по архивным документам.

Что касается имени Харловой, то, естественно, после ошибки в пушкинской записной книжке ошибается в повести и Марья Иванова. Она пишет Гриневу: Швабрин грозил, если откажется выйти за него, Швабрина, замуж, то с ней "то же будет, что с Лизаветой Харловой".

И хоть измайловская версия еще раз сближает Белогорскую с Нижнеозерной, мое "онегинское" объяснение, думаю, покажется читателю более убедительным. Заметим, что Пушкин, перенося часть "Оренбургских записей" в "Историю Пугачева", опустил это "Лиз. Фед.". Может, он где-то все же услышал, хотя бы от стариков в бывших уральских крепостях, что Елагин не был Федором, а значит, ошиблась Матрена в Татищевой? А, может, сомневался и в имени дочери Елагина, и поэтому в "Истории Пугачева" назвал ее просто "молодой женой Харлова"?

Можно бы предложить, кстати, и еще несколько версий. Хотя бы такую: главе "Сирота" предпослан "яблоневый" эпиграф: "Как у нашей у яблонки..." Быть может, когда Пушкин подыскивал фамилию для капитанского семейства, мелькнула у него какая-то ассоциация: ведь "миронкой" в Петербурге называли сорт яблок?

Интересно и то, что Пушкин не любил все еще модные в его литературные времена "значащие" фамилии. (Правда, тут надо вспомнить наше предположение в одной из предыдущих глав, что Гринев - фамилия "значащая": от древнерусского "гринь" - воин.) Уже упоминавшийся оренбургский литератор А.П. Крюков в 1832 году опубликовал свою повесть "Рассказ моей бабушки", которую Пушкин использовал, работая над "Капитанской дочкой". Там коменданту Нижнеозерной придумана фамилия Шпагин, а возлюбленному его дочери поручику Бравин - из разряда Правдиных, Милонов, Скалозубов, Молчалиных...

Пушкинская фамилия "Мионов" - точнее, она "работает" не внешним эффектом, а сущностью.

Правда, с некоторой натяжкой можно к "значащей" отнести фамилию Швабрин. Кто знает, может быть, Пушкин неосознанно противопоставил романтическому крюковскому "Шпагину" намеренно снижающего "Швабрина"? Там шпага, тут - швабра?

А почему Пушкин сделал И.К. Мионова капитаном? Тут есть над чем поразмышлять.

Предварительно надо отметить: как мы уже не раз видели и еще увидим, Пушкин мастерски распоряжается деталью. В том числе и такой, как чины действующих лиц.

Прапорщик, поручик, капитан - все это были тогда, в отличие от нашего времени, именно чины, а не воинские звания. Дело в том, что по петровской Табели о рангах они были в точном соответствии с чинами гражданскими, придворными, а младшие, старшие офицеры и генералы соответственно же титуловались. И кроме того, чины были связаны с сословной

иерархией: до поручика - почетное гражданство, до подполковника - личное, а выше - потомственное дворянство.

Шванвич, как говорит Марья Ивановна, "хорошей фамилии и имеет состояние". В отличие от Гринева он, видимо, не только с детства был приписан к гвардейскому полку, но и служил в нем. И, как тут же сообщает приехавшему в крепость Гриневу комендантша, "вот уже пятый год к нам переведен за смертоубийство. Бог знает, какой грех его попутал; он, изволишь видеть, поехал за город с одним поручиком, да взяли с собою шпаги, да и ну друг в друга пырять; а Алексей Иванович и заколол поручика, да еще при двух свидетелях!"

Дуэльная предыстория Швабрина нужна автору еще и в связи с будущей дуэлью с Гриневым: это опасный противник. Но читателю-современнику и без этой предыстории только по чину Швабрина было ясно, что он изгнан из гвардии за какое-то преступление. Он, видимо, такой же поручик, как и убитый им на дуэли (а они были запрещены).

Служба в гвардии была привилегией. И при обычном переводе из нее в армейский полк офицер получал повышение сразу на два чина. То есть Швабрин, будь он просто переведен, стал бы, как и комендант, капитаном. А он оставлен в том же чине.

Так же продумана и служебная лестница Зурина. В первой главе он - ротмистр, чин не столь высокий. Поэтому он может и подпоить, обыграть недоросля, свести его к беспутной Аринушке. А вот в главе XIII "Арест", всего через полгода он уже майор. В "Пропущенной главе" Пушкин сделал его, носящего еще фамилию Гринев, даже полковником. Поэтому он может быть командиром отряда, чтобы иметь право взять Петра Гринева в свой отряд, и получить потом секретный приказ о гриневском аресте.

Ну, а теперь о том, почему же Миронов - капитан.

Давайте вспомним звания всех реальных комендантов приуральских крепостей от Оренбурга вниз по течению, по пути поэта в пределах нынешнего Оренбуржья. Чернореченская - майор Х. Краузе (у Пушкина в главе II "Истории Пугачева" он назван Крузе), за несколько часов до падения крепости бежавший в губернский центр. Татищева - полковник Г.М. Елагин. Нижнеозерная - майор З.И. Харлов. Рассыпная - майор И.Ф. Веловской.

"Капитан" был слишком низким званием для коменданта крепости. Эта должность была майорской. Полковник Елагин, вышедший было в отставку, но по бедности снова попросившийся на военную службу, был послан комендантом в Татищеву с предупреждением, что если он, полковник, откажется занять более низкую майорскую должность, то вообще жалования не получит.

Так что у Пушкина должны были быть серьезные основания, чтобы сделать коменданта Миронова всего лишь капитаном.

Рискну предположить, что это произошло под влиянием рассказов великого баснописца И.А. Крылова об отце - капитане Андрее Прохорови-

че Крылове, который, по сути, руководил обороной Яицкого городка (ныне Уральска). Отчество, заметим, такое же просторечное, что и отчество Миронова - Кузьмич. Может быть, Пушкин и этим намеренно хотел сблизить капитанов: вымышленного и реального?

Кстати сказать, этот Крылов служил в том самом Оренбургском драгунском полку, который потом стал уланским и опосредованно вошел в роман "Евгений Онегин".

Четырехлетний Ваню и жену капитан Крылов успел переправить при подходе пугачевцев из Яицкого городка в Оренбург. Конечно, помнить что-то интересное для истории и Пушкина сам Иван Андреевич не мог. Но он рассказал много важного об осаде Оренбурга и Яицкого городка из того, что слышал позже от взрослых участников событий и, прежде всего, от отца.

"Показания Крылова (поэта)" Пушкин записал в апреле 1833 года. Звание отца там в самой первой строке: "Отец Крылова (капитан) был при Симанове в Яицком городке". А через несколько строк: "Крылов, как сын капитанский..." К зиме 1834 - 1835 годов звание это перешло и в план будущей "Капитанской дочки".

"Валуев (так пока что зовется главный герой. - В.С.) приезжает в креп.(ость). Муж и жена Горисовы. Оба душа в душу - Маша, их балованная дочь (барышня Марья Горис.(ова). Он влюбляется тихо и мирно. Получают известие, и капит.(ан) советуется с женою. Казак, привезший письмо, подговаривает крепость - капит.(ан) укрепляется, готовится к обороне..."

Как хороший сын баснописец, наверно, преувеличил роль отца в обороне Яицкого городка, сделав номинального главу обороны полковника И.Д. Симонова совершенным ничтожеством.

И Пушкин в основном принял эту оценку. "Симонов оробел, - читаем мы в главе IV "Истории Пугачева", - к счастью, в крепости находился капитан Крылов, человек решительный и благоразумный. Он в первую минуту беспорядка принял начальство над гарнизоном и сделал нужные распоряжения". Об А.П. Крылове - и в главах II и V "Истории".

Нечто похожее - сын об отце - мы найдем в предыдущей главе "Истории Пугачева". Там упоминается генерал Нащокин, который к пугачевщине отношения прямого не имеет. Просто сказано, что именно ему сдал свою бригаду генерал Кар, который потом был разгромлен Пугачевым. Упомянув этого Нащокина в основном тексте, Пушкин смог написать о нем и в предназначенных императору "Замечаниях о бунте". Зачем он это сделал? Видимо, тоже под влиянием рассказов своего близкого друга П.В. Нащокина об отце.

И еще, как полагает Н.Я. Эйдельман, "конечно, тут был умысел - как-то помочь Павлу Воиновичу, который как раз тогда женился, скрывался и бедствовал: вдруг царь призовет, расспросит о Нащокине-отце, вдруг поощрит, наградит".

Возвращаясь к Крылову, заметим, что некоторые схожие детали штурма Яицкого городка использованы и в главе V "Истории Пугачева", и в главе VII "Приступ" "Капитанской дочки".

В повести, в главе X "Осада города", есть явно навеянное записанными Пушкиным "Показаниями Крылова (поэта)". Гринев рассказывает об оренбургской осаде:

"Все с унынием ожидали решения своей участи; все охали от дороговизны, которая в самом деле была ужасна. Жители привыкли к ядрам, залетающим на их дворы".

А вот из "показаний" великого баснописца - "капитанского сына":

"На их двор упало несколько ядер, он помнит голод и то, что за кулебуки заплачено было его матерью (и то тихонько) 25 р.!"

Можно думать, когда Пушкин осматривал Оренбург, он вспоминал и то, что полгода назад слышал от Крылова, представлял его живущим где-то здесь, на этих улочках, в этих домах, играющим где-то в этих дворах.

С капитаном А.П. Крыловым Пушкин был заочно знаком и по анонимной статье в "Отечественных записках" за 1824 год "Оборона крепости Яика от партии мятежников".

Он назвал эту статью "весьма замечательной", считал, что она "носит драгоценную печать истины, неукрашенной и простодушной" (примечание к V главе "Истории Пугачева"). Р.В. Овчинникову удалось установить, что статья эта - литературная переработка текста письма капитана Крылова, по-видимому, П.И. Рычкова. Пушкин законспектировал первую часть статьи.

Капитаны Крылов и Миронов очень схожи. "Энциклопедия литературных произведений" в статье о "Капитанской дочке" утверждает даже, что "А.П. Крылов стал одним из прототипов капитана Миронова".

Оба выслужились из солдат, оба пасынки крепостнической России. Они дворяне только по чину. И выше капитана им было не подняться. От Ивана Кузьмича Миронова, названного подчеркнуто простолюдином, и до его солдат дистанция куда меньше, чем до его подчиненного, "выписанного из гвардии за поединок" Алексея Швабрина, не говоря уж о генерале Р. и членах военного совета в Оренбурге. (Заметим, что Миронов и Пугачев одинаково обращаются к своим подчиненным: "детушки!")

И в то же время оба - служаки, без громких слов верные своему долгу, и ради него готовые на смерть. Стой капитан Крылов рядом с капитаном Мироновым перед грозным Пугачевым, требующим перепрыгнуть, - он пошел бы на виселицу с теми же твердыми и простыми словами: "Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!"

Так что с уверенностью можно ответить на вопрос: Пушкин специально сделал коменданта Белогорской Миронова капитаном - или это звание пришло случайно из уже вспоминаемой нами песни о капитанской дочке из сборника Ивана Прача? Или из "Анекдота", напечатанного в жур-

нале "Детское чтение для сердца и разума. Часть седьмая, Москва, в университетской типографии, у Н.Н. Новикова, 1786"? Анекдот этот сильно напоминает встречу Марьи Ивановны с императрицей: дочь капитана, погибшего на войне, на прогулке встречает офицера, рассказывает ему о своей беде, он приглашает ее на следующий день во дворец, и она видит, что незнакомец - император Иосиф Второй.

Конечно же, выбор был глубоко осознанным.

На ум приходит и толстовский капитан Тушин. Эти три капитана и в жизни, и в литературе - незаметные герои России. О таких известный историк В.О. Ключевский сказал:

"Они с русскими солдатами вынесли на своих плечах дорогие лавры Минихов, Румянцевых и Суворовых".

А, казалось бы, невелик труд придумать персонажу чин, имя, отчество, фамилию. У Пушкина бывало по-разному. Иной раз герой получал их сразу же. Но иногда, как это было с "Капитанской дочкой", шли долгие и трудные поиски. И особенно нелегко искал в этот раз Александр Сергеевич, как назвать героев этой повести.

Я думал уж о форме плана

И как героя назову.

Сделаю небольшое отступление об этих двух на первый взгляд таких ясных строках из "Евгения Онегина" - о пушкинском подходе к имяназванию как к делу ответственному, требующему долгого и тщательного обдумывания.

Обычно считается, что эти строки - о поисках, как назвать героя романа в стихах. Но ведь он уже назван в самом начале первой главы! А приведенные строки находятся уже в конце этой главы. Поэтому логично предположить, что поэт думает о плане и имени героя произведения, которое только еще последует после очень нескорого завершения "Евгения Онегина", в далеком будущем. Ведь процитированным строкам предшествует:

Тогда-то и начну писать

Поэму песен в двадцать пять.

И можно лишь представить себе: уже наступает пора отправлять новорожденную повесть, только обретающую название "Капитанская дочка", в типографию. Но некоторые герои еще томительно безымянны. И вдруг Пушкина осеняет: нашел! И рука его торопливо вписывает имена, которые нам, читателям, кажутся такими естественно точными и единственно возможными.

"РУССКИЙ КАЛЕБ"

Отчество, которое чаще всего упоминается в "Капитанской дочке", - Савельич. О том, что верного слугу Петра Гринёва звали Архип, мы узнаем впервые лишь из подписи под письмом отцу-Гринёву: "Верный холоп ваш Архип Савельев".

Пушкин и тут обнаруживает тонкое чутье. Обычно недоросль-барчук называл своего даже старого слугу по имени. И у иного хозяина Савельич звался бы Архипом или даже Архипкой. Ведь зовет же гончаровский Обломов своего престарелого слугу-няньку Захаром.

Но одиночное отчество в особых случаях было данью уважения и фамильярности. Этот обычай живет и сейчас в деревне. Петр Гринёв своего слугу любит, хоть и бранит иной раз. Оттого тот не Архип - Архипка, а - Савельич.

Любопытно, что об этом русском обычае употреблять одиночное отчество в знак уважения знали и многие иностранцы. И жена Александра I, въезжая в 1814 году в Берлин, весьма обиделась, когда простодушные немцы кричали ей: "Виват, Алексеевна!"

Один из первых читателей "Капитанской дочки" писатель, философ и музыкант князь Владимир Федорович Одоевский, человек, чье мнение Пушкин ценил, 26 октября 1836 года, прочтя повесть, откликнулся восхищенным письмом. И есть в этом письме довольно неожиданная мысль о верном слуге Гринёва:

"Савельич чудо! Это лицо самое трагическое, т.е. которого больше всех жаль в повести".

Савельич, этот комический старикан - лицо трагическое?

На первый взгляд, Одоевский хватил через край. Но недаром уже упомянутое письмо он начинает: "Капитанскую дочь" я читал два раза сряду". И заканчивает: "может быть, как прочту в третий раз, лучше пойму".

Так и нам, современным читателям стоит не раз перечитать короткий пушкинский шедевр, чтобы понять, насколько прав был Одоевский!

"Ума холодное наблюденье" скажет нам: пугачевцы-"злодеи", "разбойники", "мошенники", как их аттестует крепостной Савельич, - воюют и за его волю. И какой-нибудь Хлопуша должен быть ему милее всех бар Гринёвых, вместе взятых.

А "сердца горестные заметы" помогут нам понять иное. "Капитанская дочка" - книга народная в том смысле, что в ней - все исторические и социальные типы, которые вместе только и могут составить емкое и разнообразное понятие "народ". И в этом смысле холоп Савельич такой же "народ", как и тот же Хлопуша.

Виссарион Григорьевич Белинский в одиннадцатой статье "Сочинения Александра Пушкина" называет Савельича "русским Калемом". В отечественной литературе немало портретов верных слуг. Но критик сравнил Савельича с героем хорошо известного тогдашней читающей публике романа Вальтера Скотта "Ламмермурская невеста". Почему?

Не в последнюю очередь, конечно, потому, что Пушкин зачитывался Скоттом. "Читаю романы Вальтер Скотта, от которых я в восхищении", - пишет он жене 25 сентября 1835 года. Героев умершего всего за год до пушкинской оренбургской поездки шотландского романиста он и цитировал. Да и в некоторых сюжетных ходах обоих писателей можно усмотреть сходство.

К примеру, сцена встречи в Царскосельском парке Марьи Ивановны с не узнанной ею императрицей, пересмотревшей после этой встречи "дело" Гринева, чем-то напоминает сцену из романа Скотта "Эдинбургская темница". Там героиня встречается с не узнанной королевой Каролиной, и в результате тоже пересматривается несправедливое "дело". Существует целая литература о параллелях у Скотта - и Пушкина.

Любопытно записанное П.И. Бартеневым воспоминание П.В. Нащокина: "Пушкину все хотелось написать большой роман. Раз он откровенно сказал Нащокину: "Погоди, дай мне собраться, я за пояс заткну Вальтер Скотта". Чем Пушкин намеревался "заткнуть за пояс" великого шотландца? Положив рядом пушкинскую повесть и любой роман В. Скотта, подумаем: чем же? Количеством страниц? Но трудно представить себе Александра Сергеевича автором многотомных романов. Скоттовской "живописностью"? Но сам слог "Капитанской дочки" - эталон пушкинской экономной простоты. Занимательностью? Это уже ближе. Глубиной характеров, умением на малой площади создать широкую картину, обнажить коренные проблемы человеческой природы - это уже совсем точно.

Наверно, излишне категорично сказал Н.Г. Чернышевский, что "Капитанская дочка" "прямо возникла из романов Вальтер-Скотта". Пушкин был предшественником многого и многих, но ничьим прямым продолжателем и подражателем он не был.

И в Савельиче при желании можно найти не подражание, конечно, Калему, не влияние, но какую-то родственность.

Поскольку проза шотландца цветистее, объемнее экономно-точной пушкинской, тот, кто читал "Ламмермурскую невесту", мог бы с хорошей долей фантазии одарить ни словом не описанного Савельича внешностью Калеба - верного слуги молодого дворянина Рэвенсвуда. К тому же стари-

ки внешне интернациональны в том смысле, что годы стирают какие-то резкие черты молодости и национальности.

Вот таким мог быть и слуга юного дворянина Гринева: "Это был худой белый как лунь старик с большой лысиной и крупными чертами лица".

Да и внутренне они многим похожи. "Рэвенсвуд (хозяин Калеба. - В.С.) хорошо знал упрямый характер старика и поэтому воздержался от бесполезного спора" - у Скотта. "Я знал, что с Савельичем спорить было нечего", "зная упрямство дядьки моего" - у Пушкина. Кaleb: "У меня есть господин, пока жив наследник рода Рэвенсвуда. Я слуга, я родился слугой вашего отца, нет, еще вашего деда! Я родился, чтобы служить семье Рэвенсвуда, жил для них и умру за них!" Савельич в письме к старику-Гриневу: "верный ваш слуга, господских приказаний слушаюсь и усердно вам всегда служил и дожил до седых волос". А до этого он вспоминает и отца, и деда нынешнего своего господина, которым он тоже служил.

Таких сопоставлений можно сделать немало.

Но есть одно, что разнит их и является одной из основ того трагизма, который подметил Одоевский. Кaleb, которого господин оскорбил, назвав собакой, в холопском упоении подхватывает: "Да, я собака, к тому же старая собака".

В Савельиче та же всепоглощающая страсть, он рожден, воспитан и жизнь прожил - слугой. Он не обижается на грубые попреки барчука. На то, что Петру и в голову не пришло хотя бы доброе слово сказать старику, бросившемуся сначала закрыть своей грудью от дуэльной швабринской шпаги, а потом просить Пугачева повесить его, а не молодого хозяина. И на то, что старый Гринев незаслуженно ругает, что не донес о дуэли, а младший, наоборот, что якобы донес. Его страсть выше этого: служить верой и правдой. "Одна, но пламенная страсть". Все другие его черты, хорошие и плохие, суть производные из этого основного качества.

К примеру, он несомненно деликатен. Ведь не оскорби его Петр несправедливым попреком в шпионстве, так и не показал бы ему Савельич гневного батюшкина письма с угрозами сослать свиней пасты. И деликатность эта имеет ту же основу: все пережить в себе, лишь бы не потревожить душевный покой молодого хозяина.

Внутренний мир Савельича прост и ясен. Крепостной, человек-вещь ощущает себя частицей системы - господского поместья. При первом прочтении повести нам может показаться, что он ревнует к прошелье-французу Бопре. Но нет, его чувство - другое. Дважды горько сетует он на то, что взяли месье Бопре, "как будто и своих людей не стало!" Он - свой, Бопре - чужак извне.

Так же дважды горюет он, что на этого Бопре трачены лишние деньги. А казалось бы, что ему до господских расходов?

Примечательно: у него и в мыслях нет сердиться на набедокурившего барчука: "Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват". И не гнева

крутого старика-Гринева он боится, хотя знает, что расправа за то, что недоглядел, будет скорой и жестокой. Его мучит другое: не оправдал оказанного доверия: "Как покажусь я на глаза господам? Что скажут они, как узнают, что дитя пьет и играет".

В последний раз в повести Савельич, который так же преданно служит теперь невесте своего хозяина и уезжает с ней в Петербург, упомянут с эпитетом "верный". Этот же эпитет применим к нему при любом упоминании, а Савельич действует, начиная с первого же абзаца во всех главах "Капитанской дочки", за исключением главы VI, так важен этот персонаж.

"Бог видит, бежал я заслонить тебя своею грудью от шпаги Алексея Иваныча! Старость проклятая помешала", - отвечает он на попрек Петра. Да ему и божиться не надо, барчук для него - главное в жизни. И не для эффекта, валясь в ноги Пугачеву, Савельич кричит: "Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради вели повесить хоть меня старика!"

Он за Петра на смерть готов. И руку Пугачева поцеловать для спасения барского дитяти для него не грех. Не отягощенный гриневским понятием о чести, он благодарит Пугачева при отъезде в Белогорскую: "Спасибо, государь, спасибо, отец родной!". "Государя" его хозяин не выговорит и с петлей на шее, у Савельича же иные понятия: все хорошо, что во благо ненаглядного хозяина.

Во всем этом он полностью "русский Калев". Но разница - и огромная - в том, что с холопством в Савельиче странно уживается и чувство собственного достоинства. Есть предел, ниже которого он не может опуститься. Такое совпадение: старик-Гринев, как и Рэвенсвуд своего Калеба, тоже называет его "старым псом". И что же отвечает Савельич, которого барин в порошок может стереть? "Я не старый пес, а верный ваш слуга". То есть: хоть я и преданный крепостной, но я - человек. И от этого звания не откажусь ни за что.

Конечно, нельзя говорить о каком-то сходстве, но все же есть что-то, что заставляет нас вспомнить строку из пушкинского письма к жене после того, как великий поэт был "пожалован" царем в камер-юнкеры: "я могу быть подданным, даже рабом, - но холопом и шутом не буду и у царя небесного".

Неправоммерно каждому персонажу художественного произведения подыскивать прототип. Но - увлекательно. Особенно тогда, когда не надо натягивать, когда образуются любопытные параллели.

Кто больше всего был Савельичем в жизни Пушкина?

Конечно, в Савельиче не могло не быть многого от крепостного Никиты Тимофеевича Козлова - преданного "дядьки", камердинера Пушкина, с небольшим перерывом состоявшего при нем с детства и до самой смерти поэта. Родом Никита был из уже упоминавшегося нижегородского Кисте-

нева, и, может, или сам бывал с гуртоправами в Оренбуржье, или знал о нем от кого-то из родственников и знакомых.

Он старше Александра Сергеевича лет на двадцать и на столько же пережил его. Весь смысл его жизни был в Пушкине.

Коротко напомним только, что любовь была обоюдной. Молодой Пушкин на дуэль вызвал товарища по лицу Модеста Корфа, ударившего Никиту палкой. Козлов был вместе с Александром Сергеевичем в южной ссылке. А в Петербурге сыщик Фогель безуспешно пытался подкупить Никиту, чтобы получить возможность прочесть пушкинские вольнолюбивые стихи. Несколько лет он провел снова в нижегородском имении. И опять при Пушкине Никита Козлов стал служить перед свадьбой поэта с Натальей Николаевной. Бегал в цензуру и в типографию с произведениями Александра Сергеевича.

Он внес на руках в дом смертельно раненного поэта. "Грустно тебе нести меня?" - превозмогая боль, спросил его Пушкин. Провожая в последний путь, Никита, омертвев с горя, обнял пушкинский гроб и в мороз недвижно ехал в санях от Петербурга до Святогорского монастыря. "Не отходил почти от гроба, ни ест, ни пьет", - свидетельствовал жандармский полковник Ракеев.

Проецируя верного Савельича на верного Никиту, веришь, что, если бы позволили обстоятельства, тот тоже помчался бы, чтобы заслонить Александра Сергеевича своей грудью от смерти. И что он так же ворчал на опрометчивые поступки барина, иной раз было, за что.

Стиль - это человек, давно известно. Чтобы услышать живую речь Савельича, достаточно вспомнить только, как он встречает доставленного от беспутной Аринушки пьяного барчука: "Где ты это нагрузился? Ахти, господи! Отроду такого греха не бывало!" Одной этой фразы уже достаточно, чтобы представить, кто таков Савельич.

Так же, как достаточно сочных и к месту пословиц и поговорок: "зашел к куме, да застрял в тюрьме", "с лихой собаки хоть шерсти клок", "из огня да в полымя", "быль молодцу не упрек: конь о четырех ногах, да спотыкается". Последнюю поговорку, как и некоторые другие свои речи, он в повести повторяет дважды, в старости мозг уже не так изобретателен, повторы неизбежны.

Есть в "Капитанской дочке" другой повтор-перекличка: белогорский казак прибегает к Гриневу с вестью, "что-де великий государь требует тебя к себе", а потом старый Гринев, получив известие о мнимой измене сына, расспрашивает Савельича, который "не утаил, что барин бывал в гостях у Емельки Пугачева и что-де злодей его таки жаловал".

Грамматически этот оборот с "что-де" оформлен по-разному, в первом случае это косвенно-прямая речь, а во втором - косвенная. Но это еще один из множества примеров сочной народной речи, которой наделены все жители Белогорской, кроме Швабрина и отчасти Гринева, и все дей-

ствующие лица в Бердах. Этот народно-фольклорный языковой пласт органически сочетается в повести и с языком светским ("Я рада, что могла сдержать вам свое слово и исполнить вашу просьбу"), и с официальным ("изъясните мне, в чем состоит ваша просьба"), и профессиональным ("неприятелю легко будет отрезать вас от коммуникации с главным стратегическим пунктом")...

Конечно, никто не записал живую речь Никиты Козлова, но недаром Пушкин называл его "доморощенным стихотворцем" на темы народных сказок. Видно, как и Савельич, сыпал он пословицами и поговорками, немало черпал из народной мудрости, умел и от себя сказать красочно. Недаром он - зять Арины Родионовны.

Лексика страдания, эмоциональнейших переживаний за своего барчука в речи Савельича - все эти "ахнул", "изумился", "сказал с глубоким вздохом" (дважды в повести), "с глубокой горечью", "со слезами", "с досадой", "жалким голосом", "чуть не завыл", "чуть не зарыдал", "жалобные моления"... Недаром чуть ли не каждая вторая его реплика заканчивается восклицательным или вопросительным знаком.

А в каждой сцене его спора с Гриневым автор дает возрастающую градацию эмоций Савельича. В симбирском трактире Петр требует у него выдать сто рублей, чтобы отдать Зурину. По мере того, как до Савельича доходят все новые подробности, что вверенное ему "дитя" и пьет, и деньги проигрывает, и деньги эти надо отдать, - он сначала "изумленный", через несколько строк - "приведенный в большее изумление", а потом и вовсе "сплеснул руками и остолбенел". А когда в уме барчук велит ему дать вожатому сначала полтину на водку, а потом и заячий тулупчик, Савельич сперва "нахмурился", потом "отвечал сердитым голосом", а дальше "чуть не завыл".

Нет, не зря Одоевский нашел о Савельиче это слово: "чудо". У писателя, талантом поменьше пушкинского, одной этой беззаветной верности хозяину хватило бы, чтобы дать нам тип такого слуги. Но в "Капитанской дочке" не одной этой краской нарисован верный Савельич. Может, о характеристике образа этого человека - "трагический" вернее было бы сказать "траги-комический"?

Подметим только одно, что делает Савельича живым "чудом". Нет в повести человека, более здравомыслящего, чем он. Практичный, всего в жизни хлебнувший, осторожный. Он был бы не он, если б не посоветовал молодому барину прислушаться к предупреждению ямщика и вернуться, чтоб не попасть в буран.

И в то же время нет человека более наивно-смешного. Ладно уж, что, в слепой любви к вступившему уже в военную службу Петру, он не замечает комизма: "дитя хочет жениться", "скажи, что тебе родители крепко-накрепко заказали не играть, кроме как в орехи" и тому подобное.

Или смешно прикусывает язык, потому что никак не применится к обстановке, при Пугачеве прося Гринева: "Что тебе стоит? Плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку", "Не покинь меня на старости лет посреди этих "мошен..."

Да и Пугачев, кажется, махнул на бестолкового рукой, предпочел не расслышать весьма неуместную благодарность, за то, что взят в поездку в Белогорскую: "Век за тебя буду бога молить, а о заячем тулупе и упоминать уж не стану". У Пугачева сил уже нет на него.

Но Савельич, этот мудрый старик, - совсем уж дитя, когда совершенно ничего не понимает в том, почему грозный Пугачев сменил гнев на милость и послал им с барином, шедшим в Оренбург пешком, лошадь и тулуп. Он был опасно наивен чуть раньше, когда в самый неподходящий момент сунулся со своим "реестром барскому добру, раскраденному злодеями". А тут уж совсем смешно объясняет, что он понял из всего происшедшего:

"Вот видишь ли, сударь, - сказал старик, - что я недаром подал мошеннику челобитье: вору-то стало совестно, хотя башкирская долговязая кляча да овчинный тулуп не стоят и половины того, что они мошенники, у нас украли, и того, что ты сам изволил пожаловать".

И если Гринева "не мог удержаться от смеха" несколькими абзацами раньше после неудачного челобитья Савельича, от нервного смеха-разрядки после ужаса падения Белогорской и казней, то уж, выслушав глубоко-мысленное заключение своего слуги, он должен был и вовсе расхохотаться. Но сентенцией Савельича глава закончилась.

Опытный психолог Пушкин недаром завершил рассказ о белогорских ужасах этими смешными суждениями Савельича и шутливой сценкой с урядником, который "потерял" посланную Пугачевым полтину и с удовольствием принял совет Гринева постараться подобрать эту полтину на возвратном пути и взять ее себе на водку. Свойство человеческой психологии: кошмар изживается смехом.

СТАРИЧОК В ГЛАЗЕТОВОМ КАФТАНЕ

Почему Пушкин в сцене военного совета у генерала Р. сделал исключение, хоть и не назвав, но выделив, кроме Гринева, лишь еще одного из приглашенных?

В него стоит всмотреться пристальнее.

Глава X "Осада города". Гринев является в назначенный час к генералу. "Я застал у него одного из городских чиновников, помнится, директора таможи, толстого и румяного старичка в глазетовом кафтане". Показан старичок с симпатией, Гринев отмечает в нем "сметливость и природный ум".

Любопытно, что этого персонажа Пушкин придумал года за полтора до окончательной редакции повести, когда еще и многие главные герои не были определены, но когда он уже ознакомился со значительной частью исторических материалов.

Почему?

Военный совет 7 октября 1773 года, о котором идет речь, удостоверен и подробно описан оренбургским летописцем Петром Ивановичем Рычковым. Причем Пушкин в рассказе об этом совете довольно точно следует за Рычковым.

Так вот, в одном из вариантов плана "Капитанской дочки" зимы 1834 - 1835 годов уже есть этот военный совет и намечены его участники: "Комендант. Губернат.(ор). Тамож.(енный) см.(отритель). Прокурор".

Не кажется ли странным присутствие на военном совете какого-то таможенного смотрителя?

А что если предположить, что Пушкин, внимательно изучивший и труды, и биографию Рычкова, решил таким способом увековечить его в "Капитанской дочке", пусть и безымянно? Может, из своеобразной благодарности за богатые сведения, почерпнутые из "Летописи" и "Топографии Оренбургской".

Ведь Рычков - в какой-то степени предшественник Пушкина как автор первого исторического труда о пугачевщине. В повести, как и в "Истории Пугачева", эти сведения использованы и при описании тягот оренбургской обороны, и для характеристики Рейнсдорпа, и в сцене военного совета у губернатора, и во многих других местах. У Пушкина было

целых три списка "Летописи", причем третий он получил в подарок от П.М. Языкова уже по пути в Оренбург.

Предположение, что старичок - это во многом именно П.И. Рычков, можно подкрепить и тем, что Александр Сергеевич прочел в рычковской "Летописи", там где описан этот военный совет 7 октября и все присутствовавшие, совершенно точное указание: "между ними и я находился".

Пушкин очень доверял свидетельствам Петра Ивановича. Вот характерный пример. Поэт имел копию показаний жены Пугачева, что ее муж "веру содержал истинно православную, в церковь Божию ходил, исповедался и святых тайн приобщался". Казалось бы, ей-то можно довериться?

Но у Рыčkова он прочел обратное: "Сам он в церковь никогда не ходит". Кому поверил Пушкин? Оренбургскому летописцу. И в "Истории Пугачева" появилась строка о том, что Пугачев, будучи раскольников, в церкви никогда не бывал. (Правда, сейчас установлено, что Пугачев раскольников не был, и права все-таки жена Емельяна Ивановича.)

А когда Пушкин прочел в переписке Бибикова с Чернышевым упоминание о глубоком оренбургском снеге, то, видимо, не то, чтобы засомневался, но по свойственной ему дотошности решил проверить.

Нашел - и отчеркнул в рычковской "Топографии Оренбургской" слова о том, что в губернии снега бывают в 3 аршина и больше. И со спокойной душой написал в "Истории Пугачева" о "глубине снега" как одной из причин неудач вылазок осажденных и о "глубоком снеге" у Татищевой, когда егеря на лыжах "заняли все выгодные высоты" и сыграли свою роль в разгроме пугачевцев.

А в "Капитанской дочке" с полной уверенностью написал, что оренбургская пехота несколько раз пыталась дать бой Пугачеву, выходя из крепости, "но глубина снега мешала ей действовать удачно противу рассеянных наездников".

Пушкин взял сторону Рыčkова, который Рейнсдорпа характеризовал как человека бездарного, бездеятельного и глупого. Помните цену, которую назначает в "Капитанской дочке" губернатор на военном совете в Оренбурге? "Можно будет обещать за голову бездельника... рублей семьдесят или даже сто". На самом же деле Рейнсдорп, когда Пугачев только еще подступил к приуральским крепостям, сознавал опасность и разослал указание обещать 500 рублей за выдачу Пугачева живым и 250 рублей за мертвого. И Пушкин знал об этом. Но, как видим, губернатор в повести по-рычковски назначает за "государственного преступника" смешную цену.

А как тоже по-рычковски далек губернатор от реалий жизни, когда важно рисует Гринева картину военной службы в Белогорской: "Там ты будешь на службе настоящей, научишься дисциплине!" И буквально через несколько строк - растерянность Петра, увидевшего, что службы настоящей, дисциплины в Белогорской крепости и духу нет.

Или вспомним тоже навеянную Рычковым фразу из главы "Осада города":

"Скажу вкратце, что сия осада по неосторожности местного начальства была гибельна для жителей, которые претерпели голод и всевозможные бедствия".

Пушкинское доверие Рычкову тем показательнее, что Александр Сергеевич знал: императрица Екатерина Великая деятельность Рейнсдорпа оценивала совсем по-иному. В именном Указе она отметила, что оренбургский губернатор "мужественным духом и неустанными трудами подавал достохвальный пример бодрствования" гарнизону и жителям Оренбурга.

Вспомним еще слова Александра Сергеевича, какими он характеризовал труд оренбургского летописца в письме Г.И. Спасскому в июле 1833 года:

"Мне сказывали, что у Вас находится любопытная рукопись Рыčkова, касающаяся времен Пугачева. Вы оказали бы мне истинное благодеяние, если б позволили пользоваться несколько дней сею драгоценностию".

Вот какое слово нашел: "драгоценностию"! Не преминул Пушкин упомянуть Рыčkова в "Истории Пугачева", особенно подчеркнув и его ученое звание, и деловую сметку: "По предложению Рыčkова (академика, находившегося в то время в Оренбурге), стали жарить бычачьи и лошадиные кожи и, мелко изрубив, мешать в хлебы". Но в "Капитанской дочке" назвать Рыčkова прямо по фамилии - было бы уже слишком, ведь в сцене военного совета назван один только губернатор и, естественно, рассказчик Гринев, а имена многих значительных лиц, руководителей обороны Оренбурга опущены. И Петра Ивановича, кстати, не академика, а члена-корреспондента Петербургской Академии наук, никак нельзя причислить к самым главным руководителям обороны.

Расходился же Александр Сергеевич с Рычковым в принципе: воззрения того были охранительными, а Пушкин был объективнее. Наглядный пример, как понимали они "справедливое". Рычков, описывая предшествующие пугачевщине события, борьбу верхушки казачьего общества с простыми казаками, записал в "Летописи": "Атаманская сторона всегда была послушнее и справедливее". А вот мнение Пушкина: "Казаки ... покушались довести до сведения самой императрицы справедливые свои жалобы". Словно специально полемизировал с Петром Ивановичем.

Можно насчитать всего несколько случаев, когда Пушкин разошелся с Рычковым. Один из них: в первой главе "Истории Пугачева" упоминается своего рода "Ева", прародительница казачьих родов на берегах Яика. "Донные просвященные и гостеприимные жители уральских берегов пьют на своих пирах здоровье бабушки Гугнихи". О донском казаке Василии Гугне, переселившемся на Яик, и его жене Гугнихе Пушкин прочел в рычковской "Топографии Оренбургской". Но Рычков принял на веру народное предание, что Гугни поселились на Яике в XIV веке. А Пушкин назвал это

сведение "баснословным", потому что из других исторических трудов знал, что казачье переселение произошло двумя веками позднее. Но, повторю, он в основном Рычкову очень верил.

С характеристикой, данной безымянному старичку в глаzetовом кафтане, очень перекликается то, что Пушкин написал о "Летописи" Рычкова:

"Она отличается смиренной добросовестностью в развитии истины, добродушным и дельным изложением оной, которые составляют неоценимое достоинство умных людей того времени".

Старичок и верно, по сцене у губернатора, человек умный и дельный. Правда, есть в пушкинском описании старичка в глаzetовом кафтане и изрядная доля юмора. В повести, пожалуй, только одна Марья Ивановна - человек без недостатков. На остальных у автора в палитре не одна краска.

На военном совете в Оренбурге всем "разнесли по чашке чаю". Но пока Гринев кратко излагал свое мнение, "старичок в глаzetовом кафтане поспешно допил третью свою чашку, значительно разбавленную ромом". Мы и раз, и другой прочли эту сцену, и, наконец, почувствовали: что-то тут не так. Что? Ах да, разбавлять можно лишь что-то крепкое - водой, на худой конец чаем. А старичок-то ромом разбавляет чай. Да еще третью чашку. Видно, он, как мосье Бопре, "не был врагом бутылки".

Итак, в одном из планов будущей "Капитанской дочки" на военный совет к генерал-губернатору приглашен таможенный смотритель, человек ранга совсем невысокого. Хотя, подумаем снова: если уж приглашать на этот военный совет, то не какого-то таможенного смотрителя, а самого бы директора таможни. Но директором во времена пугачевской осады был надворный советник Петр Степанович Обухов (он упомянут во II главе "Истории Пугачева"). Рычков же был тогда управляющим соляными делами, статским советником.

Но ведь прежде, в петербургский период, Рычков и на самом деле работал в таможне!

Однако придется обратить внимание и на то, что подлинный директор таможни был надворным советником. Губернатор же называет старичка коллежским советником, этот чин в петровской Табели о рангах выше, это уже VI класс, когда надворный - VII класс. Да и сам старичок говорит: "будь я киргизский баран, а не коллежский советник".

Не сходится, вроде бы. И не Обухов, но и не Рычков.

Но вспомним, как полностью называется книга, проштудированная Пушкиным? "Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное Коллежским Советником и Императорской Академии Наук Корреспондентом Петром Рычковым".

Коллежским советником! Чин старичку Пушкин дал прежний рычковский, с которым оренбургский летописец вошел в историю.

А все градации Табели о рангах Александр Сергеевич знал точно. Например, Гринев обращается к генералу Р. "ваше превосходительство".

Действительно, так положено было титуловать господ IV и III классов - генерал-майора (тайного советника) и генерал-лейтенанта (действительного тайного советника). Будь Р. полковником, он именовался бы "ваше высокоблагородие". И вахмистр из отряда Зурина, хоть и юмористически бестолково, но точно по Табели о рангах передает приказание своего начальника, не знавшего, что приехали именно Петр Гринев с Марьей Ивановной, а не пугачевский кум с женой:

"Только его высокоблагородие приказал ваше благородие отвести в острог, а ее благородие приказано привести к его высокоблагородию, ваше благородие!"

Зурин - майор и поэтому "высокоблагородие". Гринев же прапорщик, он просто "благородие", поэтому и жена его тоже должна титуловаться "благородием".

А наружность Рычкова была известна Пушкину по гравюрному портрету Петра Ивановича работы Н. Брезе, созданному почти во времена действия "Капитанской дочки" - в 1776 году.

На этой гравюре не определишь, есть ли румянец, но у Рычкова на самом деле довольно полное лицо. И кафтан на нем, действительно, расшитый, глазетовый. Может, Пушкин и одел Петра Ивановича в повести точь-в-точь, как на этом портрете? Так, как - мы это дальше увидим - он одел императрицу Екатерину точно по портрету В.Л. Боровиковского.

А в московском музее А.С. Пушкина экспонируется и гравюра работы А.А. Осипова, сделанная позже, уже в 20-х годах пушкинского века. На ней Рычков тоже в глазетовом кафтане, но его полное лицо грубее, чем у Брезе.

И еще одно соображение: если многие участники совета были людьми и довольно молодыми, и среднего возраста (подлинному генералу Рейнсдорпу, как мы говорили, было 43-44 года), то Рычков - и Пушкин это хорошо знал - подлинно был "старичком", ему был уже 61 год, по тем временам возраст очень почтенный.

Так что "рычковская" версия мне кажется небезосновательной.

ДВУЛИКИЙ ПОЛЕЖАЕВ И ДРУГИЕ

В "Капитанской дочке" несколько персонажей "из жизни": Пугачев, его атаманы и Екатерина II. Не мог же Пушкин выдумать другого крестьянского вождя и другую императрицу.

Но есть, оказывается, еще два персонажа одновременно "из жизни" и, как говорится, "из головы": Полежаев и Акулина Памфиловна.

В "Оренбургских записях" приведены слова бердинской старухи Бунтовой о том, что Пугачев, проезжая через ее родную крепость Нижнеозерную, "останавливался обыкновенно у каз.(ака) Полежаева, коего любил за звучный голос, большой рост и проворство".

Но раскроем главу III "Крепость". Капитанша велит отвести только что приехавшему Петру Гриневу "квартиру да почище". - "Слушаю, Василиса Егоровна, - отвечал урядник. - Не поместить ли его благородие к Ивану Полежаеву?" - "Врешь, Максимыч, - сказала капитанша, - у Полежаева и так тесно; он же мне кум и помнит, что мы его начальники". В реальной Нижнеозерной, как мы помним, опять-таки по рассказу Бунтовой, кумом коменданта был казак Киселев.

Итак, Полежаев живет одновременно и в придуманной Белогорской, и в исторической Нижнеозерной.

Он как бы связывает художественный вымысел "Капитанской дочки" с реалиями "Оренбургских записей". Может, для того, чтобы "распознать" истинного происшествия, проведенную сквозь вымыслы романтические", как написал Пушкин в наброске недописанного предисловия к повести?

Хотя особой исторической ценности этот Полежаев не представляет, да и не очень нужен для дальнейшего развития сюжета. Но почему эта фамилия потребовалась Пушкину? Из историко-литературных "окрестностей" есть только современник Пушкина поэт Александр Полежаев, если с именем, то его отец мещанин Иван Полежаев. Нет, это слишком далеко.

Несомненно, Александр Сергеевич искал в Нижнеозерной кого-то из Полежаевых. Но не нашел. Можно бы подумать, что расположение Пугачева к историческому Полежаеву сыграло свою черную роль, когда началась расправа с восставшими. Но неоднократно цитированный мною ис-

торик Р.В. Овчинников установил, что род Полежаевых вымер в Нижнеозерной естественным путем где-то на исходе XVIII века.

И мелькнула мысль провести своего рода инвентаризацию персонажей "Капитанской дочки" и "Оренбургских записей". Точнее - их фамилий.

Заметно, что у Пушкина много бесфамильных. В повести это белогорцы урядник Максимыч, кривой поручик Иван Игнатьич, отец Герасим с женой Акулиной Памфиловной, служанка Палаша, крещеный калмык Юлай. Три фамилии: Мироновы, Гринев, Швабрин - явно вымышлены по той же причине, по какой вымышлена Белогорская крепость, иначе автору пришлось бы нарушать подлинную историю: офицеров с такими фамилиями ни в одной оренбургской крепости не было.

Но, может, как в случае с Полежаевым, есть и другие реальные прототипы в Нижнеозерной из тех, кто с фамилиями? Кто на это может претендовать? Семен Кузов. Капрал Прохоров, который подрался в бане с Устиной Негулиной из-за шайки горячей воды. Цирюльник Степан Парамонов, он, как следует из письма Савельича старому барину, лечил Петра Гринева после дуэли. Казаки Тарас Курочкин и Фомка Бикбаев, которые парились вместе с Пугачевым.

Но оказалось, что в нынешнем Нижнеозерном ни одной из этих фамилий нет.

Нет и Разиных. Помните из "Оренбургских записей" рассказ Бунтовой о расправах с побежденными пугачевцами:

"Когда разлился Яик, тела поплыли вниз. Казачка Разина, каждый день прибревши к берегу, пригребала палкою к себе мимо плывущие трупы, переворачивая их и приговаривая: "Ты ли, Степушка, ты ли мое детище? Не твои ли черны кудри свежа вода моет?" Но видя, что не он, тихо отталкивала тело и плакала".

Эти строки идут сразу же за строками о том, как в Нижнеозерную примчались раненные пугачевцы. То есть тут - указание на то, что Разины жили именно в этой крепости. К тому же тела, плывущие по Уралу, - погибших в сражении 22 марта 1773 под Татищевой, а она как раз выше по течению.

Любопытно сравнить, что из эпизода, услышанного от Бунтовой, Пушкин перенес в "Историю Пугачева"? Вот как это звучит в историческом труде:

"Вскоре настала весенняя оттепель; реки вскрылись, и тела убитых под Татищевой поплыли мимо крепостей. Жены и матери стояли у берега, стараясь узнать между ними своих мужей и сыновей. В Озерной старая казачка каждый день бродила над Яиком, клюкою подгребая к берегу плывущие трупы и приговаривая: Не ты ли мое детище? Не ты ли мой Степушка? Не твои ли черные кудри свежа вода моет? И видя лицо незнакомое, тихо отталкивала труп".

Как видим, "Разин" исчез, но зато появилось точное место действия: Озерная, так иногда для краткости называли Нижнеозерную.

Здесь, в книжном варианте, нет фамилии Разин, но повторяется имя Степан, Степушка. В сочетании этих двух отрывков "Оренбургских записей" и "Истории Пугачева" получается имя и фамилия предводителя самого крупного народного выступления, предшествовавшего пугачевщине. Недаром Степана Разина Пушкин называл "Пугачевым того времени".

Откуда же Бунтова взяла этого Степушку Разина? Народное ли это творчество, связавшее двух вождей мощных восстаний, разделенных веком, - Разина и Пугачева? Тем более, что тут чисто фольклорны "черны кудри", "свежа вода". Летом 1820 года в донских станицах пели Пушкину песни, рассказывали предания о заступнике народном - Степане Разине. И в 1826 году Пушкин создал "Песни о Стеньке Разине". Если б сбылся замысел написать "разинскую" поэму, то, переложенные в стихи, эти трагические строки могли бы стать мощным ее финалом.

Или старуха Бунтова девчонкой знала реальных Разиных?

Ведь Разин могло быть и не фамилией, а прозвищем. В нынешнем селе и сейчас существуют вприбавок к остальным еще и неофициальные фамилии-прозвища. Как рассказывали старожилы, была в Нижнеозерной такая "уличная фамилия" Разины. И с детства Бунтова об этом, конечно, помнила.

Это повсеместный российский обычай. М.М. Пришвин в "Кашеевой цепи" писал:

"В Ельце, моем родном городе, все старинные купеческие фамилии были двойные: первое имя, хотя бы наше, Пришвины, было имя родовое и официальное, а второе имя считалось уличным: наше уличное имя было Алпатовы, и так точно было у всех: Лавровы, Ростовцевы, Горшковы, Хренниковы, Романовы, Заусайловы, Лагутины - у всех решительно были вторые, "уличные" имена".

И еще: у того же цирюльника "Парамонов" - это, вероятно, не фамилия. Он - Степан Парамонов сын. Точно так же, например, как в законспектированном Пушкиным протоколе допроса пугачевца Ивана Ивановича Кайгородова тот назван Ивановым, то есть Ивановым сыном. Если помните, и в "Гробовщике" герой именуется в одном месте Адрианом Прохоровичем, а в другом - Адрианом Прохоровым. То есть Адрианом Прохоровым сыном.

"Офамиливание" низов общества началось на Руси значительно позже, после отмены крепостного права.

Но продолжим разговор о Разине. Очень показательно, что не одному Пушкину пришло в голову это сближение Разин - Пугачев. Петр Иванович Рычков, переживая пугачевскую осаду за крепостными стенами Оренбурга, создавал труд тоже о восстании Степана Разина.

Может быть, Пушкин почувствовал неопределенность "Степушки" и поэтому против "старая казачка" все же приписал в рукописи "Истории Пугачева", справа от текста крамольную фамилию. Наверно, он знал, на что идет, предоставляя в таком виде рукопись "августейшему цензору" Николаю I, но решил все же попробовать, чем черт не шутит. Царь, как и следовало ожидать, всполошился, отчеркнул "разинскую" фразу и написал рядом указание "Лучше выпустить, ибо связи нет с делом".

Кстати, Пугачев и Разин еще в двадцатые годы промелькнули в письме Пушкину от А.Х. Бенкендорфа, который сообщил отзыв Николая I на представленные ему произведения Пушкина, в том числе и на "Песни о Стеньке Разине". О них царь сказал:

"При всем поэтическом своем достоинстве неприличны к напечатанию. Сверх того, церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева".

Ослушаться Пушкин не мог, но он применил испытанный прием: убранный эпизод перенес в примечания, поневоле опустив все же "Разина". И таким образом спас для потомков трагедийной силы народное предание. Только через столетие "История Пугачева" стала печататься так, как написал сначала Пушкин. Но все же без фамилии Разина, ведь Александр Сергеевич вписывал ее, так сказать, справочно, вне текста.

Ученые спорили, а мог ли быть в Нижнеозерной и окрестностях казак с такими намекающими на "Пугачева того времени" не только фамилией, но и именем? Конец спорам положил человек, о котором я уже упоминал и немного рассказывал: Сергей Александрович Попов, наш оренбургский исследователь. Работая в архивах, он нашел Степана Разина, который еще при Пушкине был жив и обитал в Кинделинском форпосте! В Кинделе, кстати, Александр Сергеевич хоть недолго, но останавливался, ведь там была четвертая после Нижнеозерной почтовая станция на его пути из Оренбурга в Уральск. И, зная это Пушкин, он мог бы повидать Разина. И расспросить о пугачевщине, ведь этот Степан Разин сражался в войсках Пугачева! Тогда "Оренбургские записи" стали бы еще богаче, а в "Истории Пугачева" и "Капитанской дочке", может, появились бы новые эпизоды.

Больше того, Попов работал над версией, что кинделинский Степан Андреевич Разин мог быть потомком исторического Степана Тимофеевича Разина.

Есть в "Оренбургских записях" и тот Киселев, кум коменданта Нижнеозерной Харлова, к которому израненный комендант повел пугачевцев, думая откупиться. И его дочь, которая упала пугачевцам "в ноги, говоря: "Государь, я невеста, этот сундук мой".

Как установил Р.В. Овчинников, Пушкин 20 сентября 1833 года, приехав в Нижнеозерную, мог беседовать с 65-летним Иваном Степановичем Киселевым, сыном харловского "кума". Мне же лет пятнадцать-двадцать назад довелось встретиться в Нижнеозерной с бабушкой Киселевой. Сейчас ее уже нет в живых. Вместе с ней род Киселевых угас.

И еще одна нижеозернинская пугачевская фамилия. Когда вешали защитников крепости, "татарин Бикбай, осужденный за шпионство, взошел на лестницу, спросил равнодушно: "Какую петлю надевать?" "Надевай, какую хочешь", - отвечали казаки". Его сын Гали Бикбов Усманов мог быть собеседником Пушкина, и, может, ему принадлежат следующие затем слова: "Не видел я сам, а говорили другие, будто бы тут он перекрестился". Усмановы в нынешнем селе есть.

Наконец, сама Бунтова, урожденная Бородулина, дочь пугачевца. Фамилии такой в Нижнеозерном сейчас нет. Но местные жители считают, что она со временем переделалась в Болодурины. Тогда ныне здравствующая пенсионерка Анна Алексеевна Болодурина - и потомок пугачевца, и родня Ирины Афанасьевны Бунтовой.

Есть еще "косвенная фамилия". Бунтова рассказала о донской предыстории Пугачева и о том, что "в Озерной узнал он одну дончиху и дал ей горсть золота". Из других источников известно, что местный казак Алексей Донсков (такую фамилию давали пришедшим с Дона) был у Пугачева писарем. Урожденной Донсковой была и одна из пушкинских собеседниц. В Нижнеозерном еще лет десять назад я был знаком с семьей механизатора Ивана Николаевича Донскова. Но семья эта из села уехала, и осталась одна лишь пожилая женщина Мария Васильевна Донскова.

Хоть это и выходит за рамки "Капитанской дочки", "Истории Пугачева" и "Оренбургских записей", но местные краеведы, в основном С.Н. Севастьянов, беседуя со старожилами, вызнали еще несколько фамилий людей, с которыми говорил в Нижнеозерном Пушкин.

Видимо, предупрежденный Перовским, как Гребенщиков в Бердах, собрал стариков и зауряд-сотник, атаман Нижнеозернинской станицы Василий Иванович Агапов. Теми же краеведами предполагается, что устроил гостю, уставшему за полдня утомительной скачки, обед, повел показывать бывшую крепость, вид с обрыва на Урал глубоко под ногами, пойменные леса на том берегу, а за ними - азиатские дали.

Не думаю, чтобы Пушкин затратил на Нижнеозерную более часа: он должен был торопиться, чтобы не выбиться из намеченного графика переезда в Уральск. Но все же более чем вероятно, что тут была самая продолжительная остановка на всем пути из Оренбурга.

Косвенным тому доказательством может послужить сравнение двух соседних пушкинских "Оренбургских записей". В Татищевой у него была, быть может, всего одна собеседница, та самая Матрена, потому что некогда было собирать всех стариков станицы. Вот она и дала несколько сведений абсолютно неверных. О том, что жена коменданта Харлова "Лиз. Фед." на самом деле была Татьяной Григорьевной, мы уже говорили. Но и рассказанная Матреной, записанная Пушкиным и тоже уже упоминавшаяся история о том, что татищевский атаман обманул Пугачева насчет отсутствия провианта в крепости и был за то повешен на застрехе, - чистый вымысел.

А вот записи, сделанные в Нижнеозерной, правде не перечат. Видимо, еще и потому, что рассказчиков собрано было для Пушкина много, и они друг друга проверяли. Да и беседа была обстоятельной.

О причинах, почему Александра Сергеевича так заинтересовало это село на крутом уральском берегу - Нижнеозерное, мы уже говорили и не раз снова вспомним.

Фамилия человека, так хорошо все там устроившего, - Агапов - в селе сохранилась. Нынешний житель Нижнеозерного Спиридон Петрович Агапов - потомок атамана.

А старая мать того зауряд-сотника, атамана Марфа Сергеевна Пичугина, по преданию, спела Пушкину песню "Из Гурьева городка протекла кровью река. Из крепости из Зерной...", которая потом вошла в примечания к "Истории Пугачева". Но мы уже говорили, что многие пушкинисты считают: песня эта записана от Бунтовой в Бердах. Кстати, Пичугина и Бунтова - сверстницы, обе девочками были свидетельницами штурма Нижнеозерной, казней и, присягая, целовали руку Пугачеву. По тому же преданию Пушкин одарил платками и Пичугину, и еще одну старуху - Пальгуеву.

Агаповы, Донсковы и Пичугины связаны родством. В 1899 году Василий Васильевич Агапов, генерал-майор в отставке рассказал краеведу С.Н. Севастьянову, когда речь зашла об этой песне о "Зерной" крепости:

"Вероятно, Пушкин записал эту песню в Нижне-Озерной, выслушав ее от Марфы Сергеевны Пичугиной, по первому муже Агаповой, матери моего отца, рожденной Донсковой (она подходила к руке Пугачева двенадцатилетней девочкой в числе прочих)".

Р.В. Овчинников установил, что мать этой певуны Анна Игнатьевна Донскова как раз и была той самой "дончихой", которую в Нижнеозерной узнал и одарил Пугачев.

Рассказы нижеозернинских стариков хорошо дополнили слышанное в Бердах от Бунтовой, в частности, о том, как Пугачев принимал в этой крепости у местных жителей присягу.

А обстоятельства штурма Нижнеозерной Пушкин записал от старожилов скупой, одной строчкой. Однако мы можем полнее услышать эти рассказы, если прочтем показания пленного пугачевца Бикмурата Ниязова:

"На другой день поутру и к Озерной в великом числе людей показался (Пугачев. - В.С.), и вдруг всею злодейскою толпою зделали нападение. И только лишь один раз успел комендант с своего бастиона выпалить из пушки, как они в крепостные ворота ворвались".

Перечтем сцену из "Капитанской дочки" - и еще раз убедимся, как похоже это на сцену взятия Белогорской.

АКУЛИНА ПАМФИЛОВНА - ТРИГОРСКАЯ И БЕЛОГОРСКАЯ

В михайловской ссылке чуть ли не единственной отрадой были для Александра Сергеевича частые, почти ежедневные, поездки и пешие прогулки в соседнее Тригорское, где жила Прасковья Александровна Осипова-Вульф. И с ней, и с ее старшими дочерьми, и с гостившей у нее летом 1825 года племянницей Анной Петровной Керн были у поэта самые теплые, иногда и очень близкие отношения.

Поэтические воплощения этих увлечений - вершины мировой любовной лирики. "Я помню чудное мгновенье...", посвященное Анне Керн, "Я вас люблю, хоть я бешусь..." - АLINE (Александре) Осиповой - падчерице Прасковьи Александровны.

Но эта тема заведет нас далеко в сторону и от "Капитанской дочки", и от Белогорской-Нижнеозерной.

В "Санкт-Петербургских ведомостях" в № 139 за 1866 год М.И. Семеновский приводит свою запись рассказа одной из дочерей - Марии Ивановны Осиповой:

"Жила тогда у нас ключницей Акулина Памфиловна - ворчунья ужасная. Бывало, беседуем мы все до поздней ночи - Пушкину и захочется яблок: вот и пойдем мы просить Акулину Памфиловну: "Принеси, да принеси моченых яблок". А та и разворчитсЯ. Вот Пушкин раз и говорит ей шутя: "Акулина Памфиловна, полноте, не сердитесь, завтра же произведу вас в попадьи". И точно под именем ее чуть ли не в "Капитанской дочке" и вывел попадью".

То, что от Пушкина "моченым яблокам доставалось нередко" - это писал и его близкий друг П.А. Вяземский.

Но для нас важнее другое. Откроем вторую "белогорскую" главу "Капитанской дочки" - "Поединок". Гринев рассказывает:

"Обедал почти всегда у коменданта, где обыкновенно проводил остаток дня и куда вечером иногда являлся отец Герасим с женою Акулиной Памфиловной, первую вестовщицею во всем околотке".

Вот она, Акулина Памфиловна, попадьЯ!

Потом в главе "Пугачевщина" она, оказывается, "совершенно особенным образом" умеет готовить, правда, не моченые яблоки, а соленые

огурцы. Дальше в этой же главе Маша Миронова, когда ей сделалось дурно после вести о том, что Пугачев близко, оказывается у Акулины Памфиловны на попечении. Пока что на короткое время. Но в следующей главе "Незванный гость" Акулина Памфиловна спасает Машу, спрятав у себя в доме, который пугачевцы, люди хоть немного, но религиозные, не решились разграбить.

И тут "первая вестовщица", то есть самая известная в Белогорской сплетница, показывает себя женщиной героической. Она вынуждена поить в своем доме гуляющих на радостях Пугачева с его атаманами и Швабриным и тайком выхаживать в соседней комнате больную Машу, обманывая Пугачева, что это ее племянница. Но Швабрин-то вот-вот выдаст. Попадья понимает: если узнают, что Маша - дочь капитана Миронова, их обоих не пощадят. Но она уже "приготовилась к мученической смерти". И оказывается сметлива и тверда.

В следующей главе "Разлука" Гринев, отправляясь в Оренбург, поручает ей лежащую в сильной горячке "ту, которую почитал уже своею женою". Потом в главе "Осада города" "Марья Миронова", как она подписывается под письмом Петру Гриневу, пишет и об Акулине Памфиловне, а сам Гринев рассказывает генералу Р., что оставил Машу "на руках у попадьи".

Листаем следующую главу "Сирота" - тут важная для представления о Пугачеве-человеке сценка: узнав всю правду о капитанской дочке, грозный Пугачев вдруг с улыбкой оценивает мужество и хитрость Акулины Памфиловны, которая обвела вокруг пальца его атаманов и спасла Машу: "Хорошо сделала кумушка-попадья, что обманула их".

А потом она подробно рассказывает Гриневу и нам, читателям, все происшедшее в Белогорской за время переноса действия в Оренбург и Берду. (Пушкин на этом сэкономил главу-другую.) И как много она сделала: устроила, что Маша, насильно забранная Швабриным, написала Гриневу письмо, решившее в повести судьбу любящих и давшее новый толчок сюжету. Дипломатично использовала чары служанки Палашки, к которой неравнодушен урядник Максимыч, послала это письмо с урядником под Оренбург, чтобы попало в руки Гринева.

Для ее характеристики интересно, что, узнав о великодушии Пугачева, она находит для него после всех ужасов восстания хорошие, относительно, конечно, слова: "Добро, спасибо злодею и за это". (Это же выражение она употребляет и по отношению к Швабрину, который знал, что она выдала Машу за свою племянницу, "однако не выдал, спасибо ему и за это".)

И интересно, что А.А. Вишневский в работе "Из комментариев к "Евгению Онегину" в 21-м выпуске "Временника Пушкинской комиссии" заметил неожиданную невольную перекличку этих слов белогорской попадьи с итальянским выражением в романе в стихах:

*И альманахи, и журналы,
Где поученья нам твердят,
Где нынче так меня бранят,
А где такие мадригалы
Себе встречал я иногда:
E sempre bene, господа.*

Оказывается, *e sempre bene* на самом деле переводится не так, как в нынешних примечаниях к "Евгению Онегину", не "И отлично, господа". Иначе получается, что Пушкин в этом стихе благодарит тех, кто теперь его бранят, а раньше хвалили. Точнее это итальянское выражение переводится именно так же чуть иронично, как употребляет его по-русски Акулина Памфиловна: "спасибо и за это".

В следующем большом абзаце после рассказа попадьи и Марья Ивановна пересказывает Гриневу все, с ней происшедшее.

Восстановив справедливость в Белогорской и соединив влюбленных, Пугачев еще раз оценивает все то, что сделала попадья. Уезжая из крепости, он, "увидя в толпе Акулину Памфиловну, погрозил пальцем и мигнул значительно".

И последние слова, которые слышат в Белогорской отъезжающие вслед за Пугачевым Маша и Гринев, - ее, Акулины Памфиловны:

"Прощай, Марья Ивановна, моя голубушка! Прощайте, Петр Андреич, сокол наш ясный! - говорила добрая попадья, - счастливый путь, и дай Бог вам обоим счастья!"

Так подробно я рассказываю об этом в общем-то второстепенном персонаже потому, что при внимательном чтении оказывается, что на Акулине Памфиловне, действующей чуть ли не в половине глав повести, во многом держится весь сюжет. Да и сама по себе как она интересна!

А началось вроде бы с пустяка, с той ключницы из Тригорского, за годы до создания "Капитанской дочки".

Внутренний мир, характер Акулины Памфиловны высвечиваются энергичной ее деятельностью. Чтобы судить о ее происхождении, уровне образования, достаточно "укокошить", "с нами сила крестная", "хорош гусь", "промчи, бог, тучу мимо". О возрасте, спасибо, свидетельствует хоть то, что и Пугачев, и муж обращаются к ней "старуха", а то бы она могла быть в повести и молодой женщиной.

А вот какова она внешне... Другой бы и лицо попадьи описал подробно, и прическу, и выражение глаз, и во что одета, и как выглядит ее жилище...

У Пушкина же об этом - ничего.

"Капитанская дочка", как и вся пушкинская проза, - повесть действия, а не психологизма, утомительного описательства, лирических и исторических отступлений. Он скуп на описания, детали, оттого Л.Н. Толстой называл его прозу "голой".

Но это же пушкинское волшебство недосказанности! Помните, что сказала барышня-крестьянка Лиза Муромская своей болтливой служанке? "Ах, Настя, как ты скучна с вечными своими подробностями!" Каждый, прочитавший повесть, нарисует себе Акулину Памфиловну по-своему, но очень живо, красочно. И будет клясться, что все это он в повести вычитал. Словно о "Капитанской дочке", писал Пушкин 16 июня 1835 года

В.А. Дурову:

"Что касается до слога, то чем он проще, тем будет лучше. Главное: истина, искренность. Предмет сам по себе так занимателен, что никаких украшений не требует. Они даже повредили бы ему".

Интересно, что недосказанность эта не только плод точного художнического расчета. Она к тому же востребована даже самым неподготовленным читателем, которому, казалось бы, подавай подробностей, да побольше. В 20-х годах минувшего века учитель-подвижник А.М. Топоров, читая Пушкина крестьянам дальнего алтайского села, записывал их безыскусные суждения, и получилась замечательная книга "Крестьяне о писателях".

И вот что подметили эти, в большинстве своем совсем неподготовленные, неграмотные люди. И.А. Стекачев: "Фразы у Пушкина вообще укладистые и легкие. Из одной фразы во-о-о какая картина раздувается! Писание Пушкина, как алмаз: вещичка маленькая, а стоит дорого". И еще один его отзыв: "У него на художественных сравнениях не запинаешься. У нынешних писателей больше образов и сравнений, но они надоедают. У Пушкина их меньше, они между делом, а выходят лучше". Однофамилица Пушкина их меньше, они между делом, а выходят лучше". Однофамилица поэта старая крестьянка А.Т. Пушкина: "У Пушкина подробностей мало, а ты сам дальше обдумываешь". И очень верные слова об этой фантазии, пробужденной точной, экономной строкой, нашел А.А. Зайцев: "Герои описаны, как настоящие, живые. Прочитаешь про какое-нибудь лицо - и кажется, что ты с ним давно познакомился. Пушкин описал крепость в "Капитанской дочке" так, как будто я там сам был, и недавно был".

Итак, как и в случае с Полежаевым, две Акулины Памфиловны. Одна реальная, псковская, тригорская. Другая вымышленная, оренбургская, белогорская. Думаю, М.И. Осипова домыслила, что из-за какого-то сходства Пушкин взял эту ключницу да и вставил попадеей в "Капитанскую дочку". Вернее всего, что простолюдное имя-отчество "Акулина Памфиловна" запало до поры до времени в "пассивную память" Пушкина, как, может, было и с Полежаевым.

В книге В. Никонова "Имя и общество" Акулина стоит в длинном списке "крестьянских" имен. Есть у попадеей в повести тезка - кривая коровница Акулька в поместье Гриневых. Акулиной зовут и дочку grobovщика в "Повестях Белкина".

Надо признать, что принцип отбора "высоких" и "низких" имен модой века совершенно непонятен. Акулина - такого же древнего происхождения, как и имя императрицы Екатерины - "чистая". И в переводе Акулина

звучит не менее благородно - "орлица". Хотя не в значении тут дело, оно вряд ли ощущалось. И в "Барышне-крестьянке" Лиза (а имя Елизавета было "высоким") меняет не только свою одежду, но и имя, назвавшись Акулиной. И Алексей Берестов верит, что перед ним крестьянка.

Это имя латинского происхождения, но к нему вполне применимо пушкинское примечание к "Евгению Онегину": "Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например: Агафон, Филат, Федора, Фекла и проч., употребляются у нас только между простолюдинами".

Правда, В.Никонов считает, что "Акулина" приобрела невыгодное значение от производного "Акулька" - "дура".

Хоть это и лежит в стороне от темы, надо все же сказать, что есть писатели, в творчестве которых есть намеренные "именные переключки" с Пушкиным. Тут прежде всех приходит на ум Федор Михайлович Достоевский. Вряд ли случайно написано у него в "Дядюшкином сне" имя-отчество первой вестовщицы-сплетницы в городе: Акулина, правда, не Памфиловна, а Панфиловна. Акулина Панфиловна есть и в "Селе Степанчиково". А вот в "Идиоте" есть Швабрин, в "Зимних заметках о летних впечатлениях" - Бопре. Но эти двое очень далеки от пушкинских однофамильцев. Зачем же Достоевскому понадобилось брать именно эти фамилии? Засело в памяти с детства и просилось под перо? Просто без видимой связи переключнулось с Пушкиным?

...В нескольких главах мы попробовали "заселить" рисунок Пушкина людьми, жившими в Белогорской и Нижнеозерной.

О них Н.В. Гоголь емко и точно сказал в "Выбранных местах из переписки с друзьями":

"В первый раз выступили истинно русские характеры: простой комендант крепости, капитанша, поручик; сама крепость с единственной пушкой, бестолковщина времени и простое величие простых людей, все не только самая правда, но еще как бы лучше ее. Так оно и быть должно: на то и призванье поэта, чтобы из нас же взять нас и нас же возвратить нам в очищенном и лучшем виде".

До Пушкина не было в литературе - народа, да еще в роковые дни социального потрясения. Пейзанство, клевета, восторги народным смирением и послушанием - этого было, хоть отбавляй. Пушкин первым сказал правду.

Вспомним "Речь о Пушкине" Ф.М. Достоевского, слова, так переключившиеся с отзывами неграмотных крестьян из дальнего села:

"Читая Пушкина, читаем правду о русских людях, полную правду, и вот этой-то полной правды о себе самих, которую он нам так беспристрастно про нас рассказывает, мы почти уже и не слышим теперь или столь редко слышим, что и Пушкину пожалуй бы не поверили, если б он не вывел и не поставил он перед нами этих русских людей столь осязаемо и бесспорно, что усомниться в них или оспорить их совсем невозможно".

"СЛЫШЬ ТЫ!"

Вспомним еще раз мироновское "слышь ты!" Как много объясняет оно нам в Иване Кузьмиче! С этим присловьем он бытово, по-домашнему входит в действие повести: "А слышь ты, Василиса Егоровна, - отвечал Иван Кузьмич, - я был занят службой: солдатушек учил". С ним и уходит: на героическую смерть.

Как гениально точно и неожиданно поставлено это "слышь ты" после твердых слов собравшего последние силы, изнемогавшего от раны старого капитана: "Ты мне не государь, ты вор и самозванец!"

Этого не объяснишь, но из-за "слышь ты!" вся сцена вдруг становится для нас и по-особому видимой, и по-особому слышимой. Магия таланта!

Полистаем толстые тома "Словаря языка Пушкина".

Просторечное "слышь ты" капитана Миронова (вспомним главу об именнаяречении) больше ни один пушкинский герой не произносит, автор дал эту языковую краску одному лишь Ивану Кузьмичу. 2 раза в значении "послушай-ка" и 6 раз как вводное предложение для усиления того, что сообщается.

Помните, при первом появлении в повести Пугачев - "в одном ху-денском армяке"? Уж, казалось бы, это слово "армяк" - верхняя одежда из толстого сукна - могло быть употребляемо Пушкиным не раз и в стихах, и в прозе. Но, оказывается, оно встречается только пять раз и лишь в оренбургских произведениях. 3 раза в "Капитанской дочке" и 2 раза в "Истории Пугачева".

Слово "глазетовый" (о старичке в глазетовом, то есть из особой парчи с серебряной или золотой вышивкой кафтане) у Пушкина зарегистрировано всего 2 раза. И только в "Капитанской дочке".

Даже "тулупчик", тот самый, заячий, подаренный Гриневым Пугачеву, встречается лишь трижды, в "Капитанской дочке".

Причем любопытна история появления в повести этого слова. Среди документов, тщательно изученных Пушкиным, был и "Реестр, что украдено у надворного советника Буткевича при хуторе в пригороде Заинске". Пушкин скопировал его, еще только набрасывая первые планы "Капитанской дочки", в 1833 году.

В "Реестре" перечислено, что пугачевцы забрали у этого Буткевича. Список подробный: 33 наименования. Причем "кобылы большие", "котлы медные", "овса 30 четвертей" соседствуют с "два человека дворовых".

Нет сомнений, что Пушкин помнил его, создавая "реестр барскому добру, раскраденному злодеями", который наивный и преданный своим господам Савельич в самый неподходящий момент вручает Пугачеву.

Из реестра подлинного Пушкин перенес в реестр Савельича "одеяло ситцевое, другое тафтяное на хлопчатой бумаге - четыре рубля", добавив только "тафтяное" и снизив его цену с 19 рублей, "двенадцать рубах полотняных голландских с манжетами на десять рублей", добавив "голландских", убрав "мужских" и тоже снизив цену с 60 рублей. "Два халата, один хивинский, другой полосатый, - на 20 рубл." из реестра Буткевича превратились в "два халата, миткалевый и шелковый и полосатый на шесть рублей". (Пушкин представлял себе цены в описываемое время и корректировал несомненно жадное завышение цен Буткевичем на всякий случай, вдруг да удастся выбить какую-нибудь компенсацию.)

Понятно, что отставлены все предметы, которых у Гринева не должно было быть. И, наоборот, добавлены "мундир из тонкого зеленого сукна на семь рублей", "штаны белые суконные на пять рублей" и "погребец с чайною посудой на два рубля с полтиною".

А вот "два тулупа, один мерлушетой, второй беличьего меху, - 60 рублей" из списка Буткевича превратились в реестре Савельича в "шуба лисья, крытая алым ратином, 40 рублей" и "еще заячий тулупчик, пожалованный твоей милости на постоялом дворе, 15 рублей".

Можно примерно представить ход пушкинской мысли:

"Бурани. Кто-то должен спасти героя. Кто? Разбойник-вожатый. Нет, пусть это будет сам Пугачев. Чем герой может отдарить спасителя зимой?"

И тут, быть может, и вспомнился тулуп из реестра Буткевича. И превратился в заячий тулупчик.

Правда, возможен и иной след. Один из прототипов Швабрина и Гринева поручик Михаил Шванвич был взят в плен. Пугачев, увидя, что на нем "кафтан худ", подарил ему шубу "на мерлушатам лапчатом меху". И сказал ему примерно то же, что говорит в повести Гринева:

"Служи мне верой и правдой, и я тебя не покину".

Такое же, как "тулупчик", вроде бы, широко известное слово "эшафот", во всех произведениях Александр Сергеевич написал лишь 2 раза, и оба - опять в "Капитанской дочке". То же можно сказать о слове "старинушка" - это о Савельиче. Один раз и лишь в "Капитанской дочке" мы встретим "траншею", "злодейски". "Комендантша" встречается 20 раз - и тоже только в "Капитанской дочке".

Некоторые интересующие нас слова мы найдем, конечно, и не в "оренбургских" произведениях. Но, скажем, из 5 слов "взбунтовать" 4 мы прочтем в "Истории Пугачева".

Из 16 употреблений слова "сержант" 12 раз оно содержится в "Капитанской дочке" и "Истории Пугачева". Это и генерал-поручик, бывший когда-то сержантом у старика Гринева, и Петр Гринев, записанный с детства сержантом в гвардейский Семеновский полк, и неведомый сержант в Ильинской крепости, и сержант-караульный у оренбургских ворот, который, узнав, что Гринев едет из павшей Белогорской крепости, сразу же повел его в дом генерала...

8 раз и только в "оренбургских" произведениях - слово "офицерский", 2 раза - "премьер-майор". Из 104 употреблений слова "комендант" 98 - тоже в "оренбургских" повести и историческом труде.

То, что военные слова употреблены Пушкиным или только, или большей частью в "Капитанской дочке" или "Истории Пугачева" - это понятно: они самые батальные его произведения.

Вспомним снова это "слышь ты!" Уже само по себе присловье это свидетельствует о Миронове как о человеке из "низов" полнее, нежели если б Пушкин сделал большое отступление о биографии коменданта. Миронов вообще говорит на языке Пугачева, а не Швабрина или Рейнсдорпа (сравним хотя бы, что о Василисе Егоровне муж отзывается: "баба-то не робкого десятка", а Швабрин: "прехрабрая дама").

И каждый в "Капитанской дочке" говорит сочно и точно.

Очень индивидуальна косвенная речь Петра Гринева, какой, собственно и является большая часть повести, и мы этого уже касались. (Интересно, что опытный стилист Пушкин четыре абзаца подряд в главе X "Осада города" начинает с "Я". Чтобы подчеркнуть, что повествование - от первого лица?)

Сейчас вспомним только то место, где в Бердах "дядька был в таком изумлении при виде всего, что происходило, что не сделал мне никакого вопроса. Он улегся в темноте и долго вздыхал и охал; наконец захрапел..."

И уже по одной этой фразе, если остановиться на ней поподробнее, можно многое сказать о биографии Петра Гринева.

Вспомним, кстати, и гоголевского Анушкина из "Женитьбы": "А как, позвольте еще вам сделать вопрос, - на каком языке изъясняются в Сицилии?" А в самой "Капитанской дочке" еще раньше, в главе V "Любовь": "Я хотел сделать Савельичу некоторые вопросы". Как мы уже видели, у Пушкина в одном из писем есть "сделать путешествие".

С одной стороны тут, может быть, калька (по-французски - копия), то есть заимствование слов и выражений из другого языка путем буквального перевода частей заимствуемой единицы: "не сделал мне никакого вопроса". Весьма скудные знания дал Гриневу мосье Бопре, но все же что-то в голове осталось. Ведь в первые свои недели в Белогорской Петр брал у Швабрина почитать французские книги и упражнялся в переводах.

Вообще надо отметить некоторую долю авторского комического преувеличения при описании детства недоросля Гринева. Это далеко не фон-

визинский типаж. Правда, рассказчик вспоминает: "на двенадцатом году выучился я русской грамоте". И после изгнания мосье Бопре продолжал "жить недорослем, гоня голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем минуло мне шестнадцать лет".

Но на семнадцатом году он, как видим, довольно начитан. Здесь, быть может, след первоначального главного героя повести - реально существовавшего Михаила Шванвича, взятого повстанцами в плен у деревни Юзеево и против воли служившего Пугачеву. Вот Шванвич, действительно, получил хорошее воспитание, знал французский и немецкий, фехтование и многое другое.

Такой психологический след, оставшийся у автора от первого замысла, может объяснить и то, каким Гринев описывает себя, молодого, перед началом приступа Белогорской, когда Марья Ивановна взглянула на него:

"Я невольно стиснул рукоять моей шпаги, вспомня, что накануне получил ее из ее рук, как бы на защиту моей любезной. Сердце мое горело. Я воображал себя ее рыцарем. Я жаждал доказать, что был достоин ее доверенности, и с нетерпением стал ожидать решительной минуты".

Это - человек, начитавшийся рыцарских романов. И когда в "Пропущенной главе" Швабрин насмешливо называет его Дон-Кишотом Белогорским и рыцарем, это может быть намеком на литературные увлечения Петруши.

Но как бы то ни было, мы почти не замечаем этого "шва" в истории юного Гринева и принимаем его таким, каким он предстает нам после первой главы, почитая ее вводной, не столь уж скрупулезно соответствующей дальнейшему повествованию. Хотя интересна и мысль одного из современных исследователей о том, что психологическое правдоподобие и не было здесь для Пушкина главной задачей, а, напротив, автор хотел изобразить недоросля, а потом показать нам русского дворянина, человека чести. И при помощи одного образа нарисовать два социально-психологических состояния, не очень озабочиваясь "реальностью" их соединения. Действительно, вспомним цветаевское о вчерашнем недоросле-Петре: "16-летний Гринев судит и действует, как 36-летний Пушкин".

Отметим также, справедливости ради, что в тексте немало о быстром саморазвитии Петра Гринева. Например, он рассказывает (и доказывает высоким литературным уровнем того, что пишет):

"занимался литературою. Опыты мои, для тогдашнего времени, были изрядны, и Александр Петрович Сумароков, несколько лет после, очень их похвалял".

Однако А.П. Сумароков умер в 1777 году, а по хронологии "Капитанской дочки" Гринев был освобожден из заключения лишь в конце 1774 года. И на встречи с поэтом, учение у него были считанные месяцы. Так что Гринев для своего времени был сравнительно неплохо образован, даровит и восприимчив.

Заметим, кстати, отношение его и Швабрина к своим литературным учителям: Гринев говорит о Сумарокове с благодарностью, Швабрин же - и в этом он весь - хулит стих, сочиненный Петром: "песня нехороша... такие стихи достойны учителя моего, Василья Кирилыча Тредьяковского, и очень напоминают мне его любовные куплеты". Так и кажется, что Гриневу в уста Пушкин мог вложить дальше свои фразы из письма И.И. Лажечникову: "За Василия Тредьяковского, признаюсь, я готов с вами поспорить. Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей".

Гринев может так разительно и быстро меняться еще и потому, что ему дана поэтическая, тонкая натура. Ибо без нее так не написать о том, как пели пугачевцы "Не шуми, мати зеленая дубровушка":

"Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обреченными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, - все потрясло меня каким-то пиитическим ужасом".

Вообще-то говоря, это - шире - и точная формулировка отношения самого Пушкина к пугачевщине: "пиитический ужас".

И очень интересно заметить, вернувшись к приведенной несколькими абзацами выше для примера фразе Гринева: рядом с калькой из какого-то иноземного языка "сделать вопрос" автор ставит просторечнейшее "захрапел". Это уже язык дворни и Савельича, тоже родной для Петруши. Речь Гринева, как мы видим, стилистически весьма разнообразна.

(А если уж упомянут Савельич, то в письме его к барину-старика Гриневу Пушкин явно вспоминает забавное смешение "ты" и "вы", какое было в письмах к нему няни, Арины Родионовны. Вспомним хотя бы эту строку Савельича: "Милостивое писание ваше я получил, в котором изволишь гневаться на меня".)

Понаблюдаем подробнее за новаторским, точным и изящным языком повести. Градациями "ты" и "вы" - не только в письме Савельича - Пушкин пользуется очень умело. Недаром о возможностях, которые дает русскому языку, в отличие от некоторых других, тонкая игра этими двумя местоимениями, у него есть прелестное восьмистишие:

*Пустое вы сердечным ты
Она, обмолвясь, заменила
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как вы милы!
И мыслю: как тебя люблю!*

А как в "Капитанской дочке"? В первом диалоге Петр и Маша друг с другом, естественно, на "вы". Но вот раненный на дуэли за честь Марьи Ивановны Гринев после ее "жаркого и свежего" поцелуя впервые говорит ей "ты". Она же, натура более сдержанная, хотя и испытывает к нему нежные чувства, даже первое полупризнание в любви делает еще с дистанции "вы": "Поберегите себя хоть для меня".

Но идут дни. Петр предлагает ей руку и сердце. И впервые слышит в ответ вместо "подумайте" - "подумай": "но подумай хорошенько, - прибавила она, - со стороны твоих родных не будет ли препятствия?"

Отец запрещает их брак. Еще не зная содержания письма, женской интуицией она чувствует его содержание - и сразу возвращается к "вы". В этом "вы" - и ее гордость, и желание помочь любимому, если он захочет быть покорным отцу и задумает разорвать отношения с ней. "Делать нечего, Петр Андреич; будьте хоть вы счастливы..." Но она уже внутренне привыкла к "ты", и поэтому тут же путает эти местоимения. "Коли найдешь себе суженую, коли полюбишь другую - бог с тобою, Петр Андреич..." И в этом смещении - смятение ее души.

А потом, когда с помощью Пугачева она освобождена и прощается с Гриневым, уезжая к своим будущим свекру и свекрови, снова в ее речи это милое смещение "вы" и "ты". Только тут в ее "ты" уже окончательная уверенность, что это "ты" теперь навсегда, что бы ни случилось:

"Прощайте, Петр Андреич! - сказала она тихим голосом. - Придется ли нам увидаться или нет, бог один это знает; но век не забуду вас, до могилы ты один останешься в моем сердце".

Или обратим внимание на то, как Швабрин реагирует на гриневское "ты лжешь, мерзавец!":

"Это тебе так не пройдет, - сказал он, стиснув мне руку. - Вы мне дадите сатисфакцию".

Опытный дуэлянт переходит на официальное "вы". Но Гринев-то пылок и молод, ему не форма главное, а низкий поступок низкого человека, который не заслуживает "вы". Поэтому для него Швабрин - "ты":

"Изволь; когда хочешь! - ответил я, обрадовавшись".

Вот что может сделать мастер слова одной лишь игрой местоимений!

Когда говорят персонажи Пушкина, их - слышишь. Например, Василиса Егоровна изъясняется сочно, зачастую перебивая саму себя, разговаривая сразу с несколькими людьми. И вот как это выглядит на бумаге. Первая сцена с ее участием, когда она успевает еще и "разматывать нитки, которые держал, распылив на руках, кривой старичок в офицерском мундире":

"Полно врать пустяки, - сказала ему капитанша, - ты видишь, молодой человек с дороги устал; ему не до тебя... (держи-ка руки прямее...) А ты, мой батюшка, - продолжала она, обращаясь ко мне, - не печалься, что тебя упекли в наше захолустье".

И в следующем абзаце:

"Врешь, Максимыч, - сказала капитанша, - у Полежаева и так тесно; он же мне кум и помнит, что мы его начальники. (Начальники - это она с мужем! - В.С.) Отведи г. офицера... как ваше имя и отчество, мой батюшка?"

Вообще речь любого персонажа - это чудо пушкинского художественного слуха и вкуса. Вспомним как пример еще два диалога, в которых участвует кривой поручик Иван Игнатьич. Персонаж третьестепенный, но - как он говорит!

"А смею спросить, - продолжал он, - зачем изволили перейти из гвардии в гарнизон?"

Тут он старается не ударить в грязь лицом перед только что приехавшим Гриневым, мы, мол, тоже не лыком шиты. Капитанша же прямолинейнее: она, как мы только что видели, точнее - слышали, словно бы переводит слова поручика:

"А ты, мой батюшка, - продолжала она, обращаясь ко мне, - не печалься, что тебя упекли в наше захолустье".

Но вскоре Иван Игнатьич привыкает к Гриневу и понимает, что не за чем "образованность показывать". И в следующем диалоге уже он выступает в роли "переводчика".

"Я в коротких словах объяснил ему, - вспоминает Гринев, - что я поссорился с Алексеем Ивановичем, а его, Ивана Игнатьича, прошу быть моим секундантом. Иван Игнатьич выслушал меня со вниманием, вытараща на меня свой единственный глаз. "Вы изволите говорить, - сказал он мне, - что хотите Алексея Иваныча заколоть и желаете, чтоб я при том был свидетелем?"

Это, кстати сказать, еще раз убеждает начитавшегося романов Гринева, в какую глушь он попал: тут не знают, что такое дуэль.

Первые поколения читателей "Капитанской дочки", лучше, чем мы, знакомые с дуэльными правилами, захолустность Белогорской выводили уже из одного того, как пришлось сражаться Гриневу со Швабриным. Грубейшие нарушения строгого дуэльного кодекса: у каждого обязаны были быть секунданты, которые после вызова должны быть посредниками в обсуждении условий, как драться. В повести же договариваются сами дуэлянты. Кроме того, оба от вызова до дуэли не должны были видеться друг с другом, но Гринев и Швабрин вынуждены и встречаться, и разговаривать. В общем, дуэль по-провинциальному.

Продолжив разговор о том, как говорят персонажи повести, вспомним, с каким художественным вкусом организует Пушкин речь генерала Р. Вначале тот говорит по-русски очень плохо, с бросающимся в глаза, вернее - в уши немецким акцентом, "в его речи сильно отзывался немецкий выговор" (подлинный губернатор Рейнсдорп был по документам "дацкой нации", генерала Р. Пушкин делает немцем):

"Поже мой! - сказал он. - Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был еще твоих лет; а теперь вот уш какой у него молотец! Ах, фремя, фремя!"

Пушкин обозначил густым акцентом иноземность генерала Р. - и хватит. В дальнейшем в главе "Осада города" генерал Р. говорит уже так же, как, скажем, коренной русак Гринев-отец:

"Что такое, батюшка? - спросил изумленный старик. - Что я могу для тебя сделать? Говори".

Вспомним обратный пример, который мы уже видели. "Сказку о Георгии Храбром и о волке" Даль с самого начала и до конца до утомительности перегрузил тюркскими и ломаными русскими словами.

У Пушкина было больше чувства меры. Он не стал дальше утомлять читателя "фременем". Но он почувствовал, что какой-то след иноземности в конце все-таки надо дать. Поэтому одна из последних в повести реплик генерала Р. звучит так: "О, этот Швабрин превеликий Schelm". Комично звучит это сочетание простонародного "превеликий" с немецким словом "шельма", написанным к тому же латинскими буквами.

Но и в чисто русской речи генерала тонкий стилист Пушкин умеет дать "грамматический акцент": "а нападения неприятеля силой артиллерий и (буде окажется возможным) вылазками - отражать". В немецком языке глагол в инфинитиве так и ставится - в конце предложения. Да и в некоторых других формах немецкий глагол, в отличие от русского, любит становиться в конце. Отсюда у генерала Р.: "я совершенно с мнением господина прапорщика согласен", "наступательные движения оборонительным предпочитают".

Пушкин позаботился и об "именном акценте". Имя-отчество подлинного Рейнсдорпа звучит вполне по-русски: Иван Андреевич. В набросках повести автор искал варианты, как уйти от настоящего оренбургского губернатора. О том, чем И.А. Рейнсдорп не устраивал Пушкина, речь в другой главе этой книги. Один из опробованных вариантов - перестановка имени и отчества: Андрей Иванович. Но окончательно остановился он, введя иноземное "Карл": генерал Р. стал Андреем Карловичем. Впервые мы знакомимся с этим именем-отчеством, когда батюшка, отправляя сына в Оренбург, отдает ему пакет:

"Вот тебе письмо к Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу".

И это отчество подготавливает нас к встрече с обрусевшим немцем. Без этой именной подготовки немецкий выговор губернатора застал бы нас врасплох: почему это генерал Андрей Иванович Р. говорит с таким иностранным акцентом? Но вообще-то надо заметить, что хотя в повести и не называется иноземная фамилия Рейнсдорп, ее Пушкин и первые поколения читателей, для которых недавней историей были персонажи и события 1773 - 1774 годов, все же явно держали в уме, встречая в повести генерала Р. В отличие от современного читателя, если он специально не занимался крестьянско-казачьей войной и историей Оренбуржья.

И напоследок, после того, как сначала мы слышали эту русско-немецкую речь, а потом она сошла на нет, чтобы мы не забыли, что генерал все-таки иностранец, Пушкин с улыбкой дает ему запутаться в русской поговорке:

"Миленькие вдовушки в девках не сидят; то есть я хотел сказать, что вдовушка скорее найдет себе мужа, нежели девица".

Интересно сопоставить с этим, как Пушкин, работая над "Историей Пугачева", отредактировал рапорт И.И. Михельсона от 28 марта 1774 года. У немца Михельсона: "Сию толпу, как ни опасно оставлять у себя в заду..." Пушкин снял невольный комизм оттого, что для автора русский язык - не родной: "Михельсон, оставя их у себя в тылу..." В рапорте другого немца К. Муфеля от 31 декабря 1773 года: "Ударил в палаши и, попирая, рубил их через весь город". У Пушкина: "Драгуны ударили в палаши и въехали в город, рубя и попирая бегущих". В этих пушкинских "переводах" убран ненужный немецкий акцент.

Отметим еще, как умел Пушкин характеризовать своих героев речью, которая по всем канонам ни прямой, ни косвенной речью не является. Внимательно перечитаем хотя бы главу XIV "Суд".

Марья Ивановна приехала в поместье Гриневых. Родители Петра встретили ее "с тем искренним радушием, которое отличало людей старого века". Чьи это слова: "Они видели благодать божию в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту"? Да это же матушка говорит! А это: "Батюшка не хотел верить, чтоб я мог быть замешан в гнусном бунте, коего цель была ниспровержение престола и истребление дворянского рода"? Конечно же, это батюшкины слова!

Тут мы имеем дело с несобственно-прямой речью - тонким стилистическим приемом, отличным и от прямой, и от косвенной речи тем, что в одно целое сливается речь автора с почти не осязаемой, но все же психологически чужой речью. Ведь это не Петруша Гринев говорит о беспутном, но добром к нему месье Бопре: батюшка, узнав о проступках иноземного гувернера, "тотчас потребовал каналью француза". Тут отзвук решительно высказанного батюшкиного приказания.

Замечательный филолог В.В. Виноградов, разрабатывавший проблемы русской стилистики, говоря о "Капитанской дочке", точно заметил, что "прием несобственно прямой или чужой речи расширял смысловую перспективу повествования, содействуя свободному и разнообразному отражению быта и характеров изображаемого времени, - при сравнительно немногочисленных отклонениях или отступлениях повествовательного стиля от норм современного Пушкину литературного языка".

Он имел при этом в виду и то, что мы уже не раз отмечали: великодушное пушкинское чувство языка. Архаизмов в речи героев повести о событиях века XVIII - по пальцам можно пересчитать, не ими достигается "аромат эпохи", он в "экспрессивных красках повествования", в "семанти-

ческом колорите изображения", употребляя формулировки ученого. Все в "Капитанской дочке" думают и действуют так, как присуще было их веку, но, как правило, говорят и описаны языком пушкинского времени.

Интересно, что Пушкин не поддался искушению "отыгаться" хотя бы на письменных документах в повести, которые, по своей природе, вроде бы, требовали особой близости к языку изображаемой эпохи. Нет, в грозном письме к Савельичу батюшка тот же, что и в беседе с сыном и женой. Единственная, пожалуй, примета века предыдущего в этом письме - слово "дуелей" вместо вошедшего в пушкинские времена в обиход "дуэлей".

Если говорить о форме, то М.М. Бахтин относил такое употребление несобственно-прямой речи к словесно-аналитической модификации, которая "вводит в косвенную конструкцию слова и обороты чужой речи, характеризующие субъективную и стилистическую физиономию чужого высказывания или выражения".

Надо сказать, что Пушкин был одним из родоначальников такого рода словесно-аналитической модификации в русской литературе. Потом же, как это хорошо показал в своих работах М.М. Бахтин (рассматривавший почему-то в основном стихотворные произведения Александра Сергеевича и обошедший вниманием "Капитанскую дочку"), опыт Пушкина был усвоен и развит Гоголем, Толстым, Достоевским.

А вот еще один пример точного пушкинского психологизма, нашедшего выверенную словесную форму. В начале этой же главы "Суд" арестованного Гринева привозят под конвоем двух гусар с саблями наголо в Казань, в следственную комиссию. Нет, не привозят: "Я приехал в Казань, опустошенную и погорелую". Гринев еще не свыкся со своим арестантством, поэтому и активное "приехал". Здесь действующее лицо - "я". Но куда денешься, арестант есть арестант. Поэтому дальше - "Меня привезли в крепость". Предложение грамматически неопределенно-личное: арестант теряет личность. А потом уже как о совсем безликой вещи: "Гусары сдали меня караульному офицеру". Тут подлежащее - "гусары", а "меня" - всего лишь второстепенный член предложения. И ярко смыслово окрашенное слово "сдали".

Дальше абзац нейтрального текста о том, как Петр чувствовал себя в "тесной и темной конурке". Он вкусил "сладость молитвы, изливаемой из чистого, но растерзанного сердца". Вот это "растерзанного сердца" сразу делает уже закаленного воина мальчишкой, начитавшимся романов, каким был он в первых главах.

Стоит хотя бы мельком сказать и о том, как скуп Пушкин на диалоги. Никто, даже "первая вестовица", в повести не болтает. Диалог - только в очень необходимых случаях, как правило, дающих оправданный толчок дальнейшему развитию сюжета. Потому что он - сильное художественное средство, злоупотреблять которым, как делают недаровитые писатели, нельзя.

Другой бы не отказал себе в удовольствии написать в духе романтической прозы тех лет большую чувствительную сцену встречи влюбленных, когда после страшных испытаний все счастливо разрешилось. Молодые люди, столько пережившие, снова вместе. Будет долгий взволнованный диалог? Нет, иначе Пушкин не был бы Пушкиным.

"Я схватил ее руку и долго не мог вымолвить ни одного слова. Мы оба молчали от полноты сердца".

И все. Этого достаточно. Это сильнее любого самого мастерского диалога.

Иногда в повести нет диалога просто из-за того, что он был бы бессмыслен по логике характеров. Пугачев с Гриневым едут в Белогорскую. Петр, движимый лучшими чувствами, пытается спасти, предлагает прибегнуть к милости императрицы. Пугачев отвечает мудрой сказкой об орле и вороне. И когда молодой офицер не соглашается с мудростью и народа, и своего собеседника: "жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину", - Пушкин прекращает спор.

Новых аргументов не будет, все уже сказано. И поэтому - "Пугачев посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал. Оба мы замолчали, погружаясь каждый в свои размышления".

В этой сцене Гринев и Пугачев говорят на разных языках не только смыслово, но также стилистически и грамматически. Пушкин чуть ли не впервые в повести вкладывает в уста юного Гринева реплику, словно бы из официального письма: "Не лучше ли тебе отстать от них самому, забыв временно, да прибегнуть к милосердию государыни?" А Пугачев отвечает "с каким-то диким вдохновением" свободно льющейся поэтической сказкой, которая с "ребячества" определяет всю его жизнь.

Правда, после того, как грозный для всех остальных "Пугач" составил счастье влюбленных, в душе Гринева снова возникает естественное стремление спасти благодетеля. Он просто не мог не сделать хоть еще одной попытки. "Я пламенно желал вырвать его из среды злодеев, которыми он предводительствовал, и спасти его голову, пока еще было время".

Будет новый диалог на эту тему? Зачем? Нет, автор его не допускает: "Швабрин и народ, толпящиеся около нас, помешали мне высказать все, чем исполнено было сердце".

Да и в самых необходимых диалогах Пушкин экономит очевидные реплики. Дело, может быть, даже не только в экономии, но и в своеобразной борьбе с монотонностью вопросно-ответной системы. Вот допрос Гринева в следственной комиссии:

"Меня спросили о моем имени и звании. Генерал осведомился, не сын ли я Андрея Петровича Гринева? И на ответ мой возразил сурово: "Жаль, что такой почтенный человек имеет такого недостойного сына!"

Это - диалог через реплику, пропущены очевидные ответы Гринева об имени, звании и чей он сын. Мы-то все это знаем.

И лишь 14-репличный диалог Марьи Ивановны с императрицей, словно нечаянно включенный в повесть отрывок из пьесы, позволил себе Пушкин, чтобы дать нам услышать важнейший для сюжета разговор, который в пересказе очень многое потерял бы да и занял бы куда больше места.

Тут и тревожно-ожидательная интонация Марьи Ивановны, и непосредственность провинциалки, и трижды повторенные "точно так-с", дважды - "никак нет-с" и четырежды - "я приехала". И в то же время явно хорошо заранее продуманная четкая формулировка основного: "Я приехала просить милости, а не правосудия". Это психологически контрастирует с ровными, холодно-любезными репликами императрицы.

Надо специально перечитать этот диалог, чтобы увидеть, как мастерски он сделан, сцеплен и слеplen.

Приезжая, оказывается, не знает императрицу ни в лицо, ни даже по портретам. Поэтому естественна первая реплика Екатерины: "Вы верно не здешние?" Понятно, почему императрица дальше спросит: "Вы приехали с вашими родными?" Она хочет узнать, почему такая молодая девушка бродит одна. А если приехавшая издалека девушка - сирота, то логично и умозаключение: значит, она приехала жаловаться "на несправедливость и обиду"? Если же она приехала за милостью, а не за правосудием, то заинтересованная императрица уже не может не задать следующий вопрос: "Позвольте спросить, кто вы таковы?" И когда Марья Ивановна назовет себя: "Я дочь капитана Миронова", Екатерина (литературная, конечно, подлинная вряд ли помнила бы какого-то Ивана Кузьмича) уже не может не воскликнуть: "Капитана Миронова! Того самого, что был комендантом в одной из оренбургских крепостей?"

Вот так за каких-то семь реплик с каждой стороны удалось, что называется, с нуля добраться до сути дела, за которым приехала Марья Ивановна.

Знаменитый русский историк Василий Осипович Ключевский, когда писал о Екатерине Великой через столетие после ее царствования, пользовался, конечно, множеством документов. Но так и кажется навеянным пушкинской "Капитанской дочкой" и, в частности, диалогом, о котором мы сейчас говорили, вот эта его характеристика императрицы:

"У нее был один счастливый дар, производивший наиболее сильное впечатление: памятьливость, наблюдательность, догадливость, чутье положения, умение быстро схватить и обобщить все наличные данные, чтобы вовремя выбрать тон".

Предположение это имеет основания, потому что Ключевский, высоко ценя Пушкина, ставил его слова как историка, писателя, психолога наравне, а то и выше свидетельств современников Екатерины.

Да, "тон" эта встреченная Марьей Ивановной в парке незнакомка выбирает безукоризненно точно. Но в то же время как психологически

любопытна неожиданная короткая словесная схватка молоденькой провинциалки с самой Екатериной Великой! Узнав, что Марья Ивановна просит за Гринева, Екатерина (тоже литературная, конечно, исторической откуда знать какого-то прапорщика), не замечая, что выходит из роли, выносит приговор, окончательный и обжалованию не подлежащий:

"Вы просите за Гринева? - сказала дама с холодным видом. - Императрица не может его простить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безнравственный и вредный негодяй".

И вдруг слышит в ответ: "Ах, неправда!"

Как могла бы у другого автора отреагировать Екатерина? Продолжила бы нотацию? А у Пушкина императрица, как какая-нибудь Палашка: "Как неправда! - возразила дама, вся вспыхнув".

Ни у одного литератора, который возьмется сделать из "Капитанской дочки" пьесу, не поднимется рука выпустить из этого мастерски написанного диалога хоть слово.

Однако как быть с тем, что иной раз вызывает читательское недоумение? Каждый, наверно, знает, какую полемику вызвала стилистическая шероховатость Льва Толстого в повести "Дьявол": "И, Боже мой, с какой прелестью рисовало ему ее его воображение". Кто только не упрекал писателя в неграмотном стечении сразу трех местоимений!

Но ведь и у Пушкина в "Капитанской дочке" есть к чему придраться. Вспомним, как после "воровского" разговора хозяина умета с вожатым следует: "дело шло о делах Яицкого войска". А после прочтения гневного послания батюшки Марья Ивановна "возвратила мне письмо дрожащею рукою и сказала дрожащим голосом".

Что это? Стилистическая небрежность?

Думается, все о толстовской да и о пушкинской "ошибках" сказал К.А. Федин:

"Это не небрежность, не нарочитость, не обдуманная грубость речи, а только простота. Так говорится в жизни, когда не изыскивают форму, а заботятся лишь о передаче душевного состояния, выражения мысли".

И еще об одной из особенностей пушкинской повести. В "Капитанской дочке" из всех "цветных" прилагательных запоминаются "черный", "темный" - и "белый". Она, в основном, повесть "черно-белая", беря термин у смежного искусства - кинематографии. В первом же пейзаже "белая степь", "белое облачко", "белая туча", "темное небо", "увидел я что-то черное". И в последующем, более коротком пейзаже "река еще не замерзла, и ее свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом".

В то время, как избалованный иными новеллистами читатель, хотя бы там, где после бурана просто "солнце сияло", ждет и розово-синих красочных тонов дальних снежных равнин, и мириад фиолетовых, голубых, зеленых, красных, желтых искорок снега ближнего.

Речь идет не только об изобразительной "черно-белости". Черно-белое - хорошо знают кинематографисты - внутренне напряженнее, требовательнее, оно не прощает ошибок, которые можно было бы замалевать буйством изобразительных красок. Зато, возвращаясь к беллетристике, тут и преимущество в особой "светосиле объектива", на одну словоединицу приходится большая нагрузка.

Здесь, по крайней мере, три выигрыша: особые психологичность, краткость, недосказанность.

Разберем эту мысль подробнее. Царскосельский дворец должен был поразить воображение провинциалки, видевшей до сих пор только мазанки Белогорской да нероскошный дом Гриневых. Но - "она прошла длинный ряд пустых великолепных комнат". И все. Не могла Марья Ивановна, ослепленная ужасом позора и возможной казни любимого, рассмотреть какие-нибудь прелестные кружева янтарной резьбы, изящество статуй и лепнины, блеск золота. По дворцовой анфиладе она идет быстро, у нее темно в глазах, и мысль одна: спасти!

Об опять-таки черно-белой краткости речь уже шла и пойдет дальше. Жена зрителя Анна Власьевна вывалила на провинциалку красочные сведения об императрице и дворе, и разговор ее, шутит Пушкин, "стоил нескольких страниц исторических записок". Но сам-то он эти страницы выбросил. А вот другой с удовольствием вывалил бы на полглавы эту пустопорожнюю болтовню. Известно, что Мериме, переводя Пушкина, добавлял чуть ли не половину отсебятины. Если у Александра Сергеевича в "Пиковой даме" просто "Окна померкли", то в переводе Мериме "Окна первого этажа померкли, в доме воцарилась тишина".

Это - к следующему преимуществу "черно-белости": к недосказанности. "Окна померкли" - и наше воображение рисует нам наступившие темноту и тишину. Мериме же, как ему кажется, расцвечивает повествование. Но он выключает наше воображение пересказанностью. Нам становится незачем со-творить с автором. Зачем нам "первый этаж"? Зачем "воцарившаяся в доме тишина", как будто могло произойти что-то вроде хорового пения или бальной музыки?

"Черно-белость" - от неприятия Пушкиным западных и отечественных "цветных" романистов, о которых он сказал: "Сколько несообразностей, ненужных мелочей, важных упущений! Сколько изысканности! А сверх всего, как мало жизни!"

Не раз мы уже имели случай заметить скудость Пушкина на изобразительные средства. Полистайте "Капитанскую дочку" - много ли вы найдете сравнительных оборотов с "как" или "как будто"? И много ли красочных эпитетов?

Но когда мы их встречаем, то вспоминаем гоголевское:

"Его эпитет так отчетист и смел, что иногда один заменяет целое описание; кисть его летает".

А современник Пушкина В.Ф. Одоевский выразился о пушкинских антиподах так:

"Многие писатели, желая расцветить, оживить свое произведение, кидаются в метафоры; от сего происходит только бомбасть".

Но слово Пушкина не только точно, свежо и емко. У Юрия Олеши есть запись о том, что некоторые стихи поэта непостижимым образом обгоняют свое время, они могли бы быть только у поэтов будущих веков, новых поэтических школ. И пример - из "Каменного гостя": "Когда сюда, на этот гордый гроб \ Пойдете кудри наклонять и плакать".

А некоторые эпитеты и сравнения из "Капитанской дочки"? Белогорские свиньи отвечают старухе, зовущей их к корыту, "дружелюбным хрюканьем". Пугачев сначала на Савельича, сунувшегося со своим реестром, а потом на Гринева, не сказавшего ему полной правды о Марье Ивановне, устремляет "огненные свои глаза". А буран, воющий "с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным"?

Из предшественников и современников так не писал никто.

Поскольку в этой главе речь идет о художественном мастерстве Пушкина, надо снова сказать и о пейзажах, хотя их в стостраничной повести совсем немного. Нечего говорить, что написаны они мастерски, по принципу "недосказанность сильнее пересказанности". Несколько строк - и мы видим. И - чувствуем, потому что они очень психологичны.

Мы уже говорили, что царскосельский пейзаж - салонно-картинный и холодный - увиден глазами императрицы Екатерины и много нам о ней говорит.

А вот Гринев едет к месту своей службы. Ему невесело - и "Вокруг меня простирались печальные пустыни". Но молодость легко меняет настроения, поэтому, когда спаслись от бурана, то "Солнце сияло. Снег лежал ослепительной пеленою на необозримой степи".

Потом снова приходят мысли о том, где придется проводить свои молодые годы вместо развеселого Петербурга, - и уральские "свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах". И то же слово, что о "пустынях" в первом пейзаже: "Я погрузился в размышления, большею частью печальные".

Оно же и в следующем пейзаже: все в Белогорской оказалось даже хуже, чем Гринев предполагал, поэтому в "узенькое окошко" отведенной ему половины избы он видит: "передо мною простиралась печальная степь".

А вот, наоборот, тонко-психологический пейзаж-контраст. Зверства человеческие - и равнодушие природы. Преходящее - и вечное. Всего строчка, но от нее мурашки по спине:

"Ночь была тихая и морозная. Месяц и звезды ярко сияли, освещая площадь и виселицу".

Если несколькими главами назад в литературно-романтически окрашенном пейзаже-предчувствии пугачевской бури Гринев видит "тучи,

бегущие мимо луны", то сейчас - месяц в тихой ночи. "Месяц" потому, что вся сцена окрашена фольклорно, как в страшной сказке.

Пушкин сталкивает историческое - и природное, эти две стихии, первая из которых воплощает непредсказуемую изменчивость, а вторая - неизменную повторяемость.

Доводилось читать у Н.Н. Прокофьевой в "Энциклопедии литературных произведений", что пушкинские пейзажи в "Капитанской дочке" даже социальные. В том смысле, что они разделены: "дворянские" - осенние, а "крестьянские" - зимние. Но тут и выбор невелик: осенний - царскосельский, два-три зимних - оренбургские. Да и не совсем ясен принцип, кому какое время года досталось. Могло бы быть и наоборот.

Чтобы не уходить далеко от пушкинского пейзажа, воспользуемся случаем поговорить снова о прозе поэта. О звукописи "Капитанской дочки".

Возьмем для примера всего три пейзажные строчки:

"Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом - и скоро стали".

Вы пробежали глазами, а еще лучше - прочли вслух с детства знакомые строки - и снова поразились их образностью и почувствовали какую-то магию живописи словом. Как это Пушкин делает?

Первым серьезным исследователем этой загадки был Валерий Брюсов в работах "Медный всадник", "Стихотворная техника Пушкина", "Звукопись Пушкина".

"Медный всадник", - писал он, - одна сплошная звукопись. Следовало бы выписать каждый стих повести, чтобы раскрыть богатство звуковых сочетаний и звуковой образности, скрытой в ней. Не будем уже говорить о поразительном, по звукописи, изображении скачки Медного Всадника по потрясенной мостовой:

*Как будто грома грохотанье,
Тяжело-звонкое скаканье...*

Можно добавить к наблюденному Брюсовым, что и само название поэмы, если мы посмотрим свежим взглядом, точнее - услышим свежим ухом, таит загадку и разгадку: как это - "Медный всадник"? Ведь памятник Петру отлит, точнее, из бронзы. И в тексте поэмы - "кумир на бронзовом коне". Но "Бронзовый всадник" для Пушкина не подходило по стихотворному размеру и, главное, не звучало. И он пожертвовал фактической стороной для звукописи: медный всадник. Это повторяющееся "дн" воедино скрепляет оба слова и придает им величавое звучание. Что-то от колокольного "дон, дон!"

Брюсов касается только пушкинского стиха. Но ведь и проза поэта - отзвук поэтических находок. Выпишем, как это часто делает Брюсов со стихотворными строчками, опорные выразительные звуки этого трехстроч-

ного пейзажа из "Капитанской дочки": в - в - с - р - р - в - в - с - с - в - в - р - з - с - ш - з - с - ш - с - з - с - с - ч - ш - ш - ш - с - с.

Да это же буран ревет, завывает, свистит, шипит!

Жаль расставаться с чудным зимним оренбургским пейзажем, одним из самых кратких и вместе с тем самых выразительных в мировой литературе. Вначале кибитка Гринева едет по скучно-однообразным просторам. Случайно ли стечение сразу четырех "п" - одного из самых "незвучных звуков": "Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами"? А в предыдущем и в последующем предложениях на это же "п" - глаголы: "приближался", "покрыто". Но вот "Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось с снежным морем. Все исчезло". Буйство звуков изобразительных: р,з,в,с,ш,ж,ч!

Среди пушкинских аллитераций, то есть переклички, повторения согласных, мы обнаружим в тех же трех строках "Я выглянул из кибитки..." почти все виды, которые Брюсов в изобилии находил в пушкинских стихах. И сопоставим их с прозой: "грома грохотанье" - "мрак и вихорь", в этом случае неточное обратное рондо, то есть повторение начального звука одного слова и конечного звука другого в зеркальном порядке.

Брюсов отыскал в стихах Пушкина анафору - повторение сходных звуков в начале слов - четыре раза в одной строке: "И пальцы просятся к перу, перо - к бумаге". Но в пейзаже, о котором мы говорим, анафора еще звукописнее: "Ветер выл с такой свирепой выразительностью". Тоже четыре раза, но уже с двумя, изобразительными звуками ве - вы - ви - вы.

Нашел Брюсов и пример изящного сочетания анафор в начале и конце стихотворной строчки, когда два слова на один звук и два на другой: "Дивились долгому любви моей мученью". Но и в нашем пейзаже похожее: "Лошади шли шагом - и скоро стали".

Чтобы убедиться, что мы имеем дело с закономерностью, обратимся к еще одному столь же образному маленькому пейзажу, послебуранному:

"Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла. Солнце сияло. Снег лежал ослепительной пеленою на необозримой степи".

Здесь, естественно, уже почти нет тревожных, свистящих и шипящих з,с,ч,ш. Зато снова любимые Пушкиным аллитерации. Сложная прерывная "проснувшись поутру довольно поздно" сочетается с анафорой в конце строки "довольно поздно". Разнообразны аллитерации со звуком "н" по всему этому пейзажу: ну - но - но - но - но - не. Мы видим во втором предложении и анафору со - си. А в первом рондо ро - ру.

Давайте обратим внимание в этом исполненном света пейзаже на звук "л", который повторяется в словах "солнце", "сияло", "ослепительной"... Случайность? Или воплощение мысли поэта, которую передал П.В. Нащокин:

"Пушкин заметил, между прочим, что на всех языках в словах, означающих свет, блеск, слышится буква л".

Надо было иметь пушкинскую наблюдательность, чтобы подметить эту психолингвистическую особенность. И верно, "л" - в слове "свет" во многих языках, которые знал Александр Сергеевич: и во французском *lumière*, и в немецком *Licht*, и в английском *light*, и в латинском *luminis*. В русском же звука "л" (точнее все же вести речь не о букве, а о звуке) в слове "свет" нет, но этот звук появляется в существительных "солнце", "блеск", в прилагательном "ослепительный". Опять вернемся к этому чудо-пейзажу в главе "Вожатый", к только что процитированным двум послебуранным строкам: десять светоносных "л", в том числе в словах, на которые падает свет от "солнце"! Не углубляясь дальше в эти очень интересные разыскания, прислушаемся еще раз к Валерию Брюсову:

"Сложнейшие звуковые рисунки у Пушкина становятся очевидны лишь тогда, когда проследишь букву за буквой, звук за звуком. В этом-то, вероятно, и таится не достигнутая никем "пленительность" пушкинских стихов".

И добавим после того, что мы сейчас увидели: а так же и прозы. Во всяком случае, "Капитанской дочки" - точно.

Если в одной из первых глав понятие проза поэта рассматривалось лишь с точки зрения стихотворной метрики в некоторых прозаических строках (кстати, и во втором пейзаже начало, как мы можем заметить, звучит, как в стихе: "Проснувшись поутру довольно поздно"), то теперь можно добавить еще и замечательную пушкинскую образность, и его выразительную звукопись.

И вот что еще интересно отметить, говоря о прозе поэта. Известный литературовед А.Н. Веселовский писал:

"Язык поэзии инфильтруется в язык прозы; наоборот, прозой начинают писать произведения, содержание которых облекалось когда-то, или, казалось, естественно облеклось бы в поэтическую форму".

Кажется, "Капитанская дочка", с этой точки зрения, - одна из самых поэтических. Легко вообразить: будь она написана не в середине 30-х годов, в эпоху поворота к зрелой прозе, а в 20-е, то вполне могла бы быть поэмой. Там нашлось бы место и "ветер выл с такой свирепой выразительностью", и сказке об орле и вороне, и "сверкающим, огненным глазам" Пугачева, и всей любовно-героической истории Петра Гринёва и Маши...

Когда-то Валерий Брюсов тонко заметил, что мы несколько самонадеянны, когда говорим, что и сейчас вполне понимаем Пушкина. По Брюсову, мы не всегда поймем классика, если не будем представлять себе пушкинское мировоззрение и эпоху. Эта мысль, собственно, и лежит в основе всей книги, которую читатель держит сейчас перед глазами.

Но речь надо вести и о том, что необходимо знать некоторые особенности пушкинского языка, нами сейчас иногда не понимаемого или понимаемого приблизительно. Брюсов приводил в пример начало стихотворения "Свободы сеятель пустынный..." Мы должны знать, что сеятель этот не в пустыне производил посевы. "Пустынный" во времена Пушкина озна-

чало и "одиноким". Теперь все становится на свои места: библейский образ одинокого сеятеля разумного, доброго, вечного, труды которого остаются втуне.

Если мысль Брюсова применить к "Капитанской дочке" (он как поэт, мы это уже заметили, предпочитает вести речь о пушкинской поэзии), то когда комендант Иван Кузьмич Миронов бросает в лицо Пугачеву: "Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!" - он хочет обвинить не в воровстве в современном понимании этого слова. По "Словарю" Даля, "встарь вор значило мошенник, своровать значит смошенничать, сплутовать". Воров в нынешнем значении слова Пугачев был бы назван тогдашним словом "тать" (по Далю, "тать - прямое название тайного похитителя"). Иван Кузьмич хочет заклеить Пугачева как человека, мошеннически выдающего себя за императора Петра III.

Заканчивая эту главу о языке Пушкина и - шире - его художественном мастерстве, снова хочется сказать: поистине слово Пушкина - точное, емкое, зримое. Чувствуемое. Единственно возможное.

Ну, а говоря о языке повести "Капитанская дочка" в целом, нельзя не заметить, что он, пожалуй, самый богатый во всей беллетристике Пушкина. Тут и высокий, и низкий "штиль", живая простонародность, "канцелярит" своего века, "пиитичность", образцы иносказания, пародии, жаргона, элементы языка будущей, послепушкинской литературы... И если мы уже говорили, что повесть можно бы назвать энциклопедией русской и, в частности, оренбургской жизни своего времени, то это относится не только к истории, жизненным типам, этнографии, географии, природе и прочему, но и к языку "низов" и "верхов", к средствам выразительности и лексике этого языка второй половины XVIII века.

Чем больше наблюдаешь за языком пушкинских произведений, тем глубже понимаешь слова Ивана Сергеевича Тургенева из "Речи по поводу открытия памятника А.С. Пушкина в Москве":

"Ему одному пришлось исполнить две работы, в других странах разделенные целым столетием и более, а именно: установить язык и создать литературу".

ЛЕТНИЙ БУРАН, ИЛИ ПОЧЕМУ ИВАН АНДРЕЕВИЧ СТАЛ АНДРЕЕМ КАРЛОВИЧЕМ

Задумывались ли вы, когда случился тот самый вошедший во все хрестоматии буран?

"Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным..."

Это гениальное описание мы с детства не заучиваем - оно само западает в память, потому что - совершенство. И, замороженные, мы просто забываем полистать повесть, чтобы прикинуть, когда это было.

- Как это - когда? - переспрашивают у меня все, кому я задаю этот вопрос. - Ну, в декабре, январе. А вероятнее - в феврале или, может, и в марте, когда у нас в Оренбуржье особенно часто буранит.

Даже Петр Андреевич Вяземский, полный тезка Гринева, человек вдумчивый, любящий и понимающий Пушкина, прослушав 1 ноября 1836 года авторское чтение "Капитанской дочки" и сделав несколько дельных замечаний, целиком Пушкиным принятых, не заметил возможной хронологической ошибки Александра Сергеевича. Вернее, увидел ее не там:

"Кажется, зимою у тебя река где-то не замерзла, а темнеет в берегах, покрытых снегом. Оно бывает с начала, но у тебя чуть ли не посреди зимы".

То есть Вяземский, как и мы, тоже считал, что буран случился в середине зимы.

Кстати сказать, такова образная сила пушкинских "буранных" абзацев, что мы как-то забываем: Александр Сергеевич и снегов оренбургских не видел, не то что бурана.

Он как бы примерил снежную пелену к тем осенним пейзажам, которые запомнились ему, когда ехал оренбургской дорогой.

К "печальным пустыням, пересеченным холмами и оврагами" - это типичный вид тех мест, что лежат между Бузулуком и Оренбургом. А "Река еще не замерзла, и ее свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом. За ними простирались киргизские степи" - это вид с крутого правого берега Урала, которым поэт ехал из Оренбурга дальше в Уральск.

Пушкин ведь описал бурю в основном по очерку С.Т. Аксакова "Буря", произведению А.О. Корниловича "За богом молитва, за царем служба не пропадают" и по "Топографии Оренбургской" П.И. Рычкова.

Вот, что мог почерпнуть Пушкин у Аксакова:

"Снеговая белая туча, огромная, как небо, обтянула весь горизонт и последний свет красной, погорелой вечерней зари быстро задернула густою пеленою. Вдруг настала ночь... наступил буря со всей яростью, со всеми своими ужасами. Разыгрался пустынный ветер на приволье, взрыв снеговые степи, как пух лебяжий вскинул их до небес... Все одел белый мрак, непроницаемый, как мрак самой темной осенней ночи! Все слилось, все смешалось: земля, воздух, небо превратились в пучину кипящего снежного праха, который слепил глаза, занимал дыхание, ревел, свистал, выл, стонал, бил, трепал, вертел со всех сторон, сверху и снизу, обвивался, как змей, и душил все, что ему ни попадалось... Буря свирепела час от часу. Бушевал всю ночь и весь следующий день, так что не было никакой езды. Глубокие овраги сделались высокими буграми... Наконец, стало понемногу затихать волнение снежного океана, которое и тогда еще продолжается, когда небо уже блестит безоблачной синевою. Прошла еще ночь. Утих буйный ветер, улеглись снега. Степи представляли вид бурного моря, внезапно оледеневшего".

Можно убедиться, перечитав сцену бури у Пушкина, как много взято им у Аксакова.

К тому же явно под влиянием аксаковских строк: "небольшой обоз тянулся по узенькой, как ход крестьянских саней, проселочной дорожке, или лучше сказать - следу, будто недавно проложенному по необозримым снежным пустыням" написана вот эта строка в "Капитанской дочке": "кибитка ехала по узкой дороге, или точнее по следу, проложенному крестьянскими санями".

Есть и еще один источник - произведение А.О. Корниловича "За богом молитва, за царем служба не пропадают", которое Пушкин мог прочесть в альманахе "Полярная звезда на 1825 год" и о котором почему-то не упоминают многие, пишущие о "Капитанской дочке".

Здесь "небольшое белое облако, появляющееся среди ясного дня на синем небе, возвещает жителям о предстоящей грозе... В одно мгновение облако распространяется по всему небу. Сильный ветер начинает мести землю, унося с собой все, что ни встречает на пути. При дневном свете не видишь дня. Снежные равнины представляют вид волнующегося моря..."

Сравним из "Капитанской дочки": "...увидел в самом деле на краю неба белое облачко... Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало бурю... Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облежала небо... Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось с снежным морем. Все исчезло".

У А.О. Корниловича, кстати, барин и слуга тоже находят в метели жилье, ночуют и с утра, после улегшегося бурана, отправляются дальше. Интересно и то, что дом, где путники из "За богом молитва..." спасаются от метели и стужи, принадлежит капитану Бердину.

Не вспомнилось ли это Пушкину в Бердах? А в комнате капитана Бердина, как и у капитана Миронова, висит в рамке патент на капитанский чин. У А.О. Корниловича незнакомец, оказавшийся потом Петром I, соединяет капитанскую дочку с любимым-офицером, честно исполняющим свой долг. У Пушкина это делает "Петр III" - Пугачев.

Но прежде чем продолжить разговор о буране, надо сразу сказать: да, некоторые детали сходятся, но из-под пера А.О. Корниловича при всем уважении к нему, будущему декабристу вышло произведение небольших художественных достоинств. А из-под пушкинского пера - шедевр.

А у Рычкова описание бурана суше, научнее, чем приведенные выше: "...бури, по тамошнему названию бураны, бывают со снегом и при самом жестоком морозе, что оттого многие люди замерзают и пропадают... Бураны тем более опаснее, что иногда при весьма тихой и умеренной погоде в один час такая туча или буран наступит и такой шум причинит, что при сильном снеге и лежащий на земле несет и тем весь воздух столько сгустит, что в трех саженях ничего видеть невозможно".

Может, Пушкин многое узнал о буранах и по рассказам оренбургских собеседников.

А ведь его буран вероятнее всего мог быть... летом!

Зачем тогда Пушкин ошибся? Не почему, а - зачем?

Начнем рассуждать издалека: вообще о некоторых неувязках в "Капитанской дочке".

Внимательный читатель замечает, наверно: Петруша Гринев уезжает из дома служить сержантом гвардии. Генерал Р. в Оренбурге, отправляя его в Белогорскую, говорит, что Петр будет переведен офицером в полк. Дальше, в Белогорской одноглазый старичок, расспрашивая приехавшего, предполагает, что тот переведен в полк из гвардии "за неприличные гвардии офицеру поступки". А комендантша тут же командует уряднику: "отведи г. офицеру квартиру, да почище". Но в начале следующей главы мы читаем, что только через несколько недель Гринев "был произведен в офицеры".

Пишет автор, как следует из "Проекта вступления к роману", в назидание внуку, тоже Петру.

Хотя надо сказать, что в тексте повести мы видим несколько иной поворот: "Молодой человек! Если записки мои попадутся в твои руки..." Здесь уже явный отход от семейных записок. Внуку они попали бы сразу же и безусловно. А тут - "если". Это - обращение ко всему молодому поколению, которому необходимо мудрое назидание много видевшего в жизни человека.

Может быть, из-за того, что сменился адресат записок старого Гринева, Пушкин и снял "Проект вступления к роману"?

К слову, видимо, в роду Гриневых имена Петр и Андрей чередовались. Упомянутый в первых же строках "Капитанской дочки" батюшка - Андрей Петрович. Герой повести - Петр Андреевич. (Сначала он у Пушкина так и звался - полным отчеством, но к выходу повести в свет стал Андреем, попроще.) Имя его сына в "Проекте вступления к роману" не указано, но, наверно, Андрей. А внук - снова Петр.

Подобная традиция не была редкостью. Летописец Оренбуржья Рычков был Петром (правда, Ивановичем), старший сын его, погибший в бою с пугачевцами, - Андрей Петрович, внук - Петр Андреевич, как Гринев.

Но - ближе к времени в повести. Интересно, что до главы VI в "Капитанской дочке" нет точных временных вех.

Даже в начальной строке повести "Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17.. году" Пушкин не хочет связывать себе руки более определенной датой. В рукописи же дата отставки была точной: "в 1762 году". А в окончательном тексте автор оставил лишь неопределенное "в 17.. году" потому, что даты не увязывались друг с другом.

Ведь по тексту повести женился батюшка уже после своей отставки. И тогда "рукописному" Петру, отправившемуся на службу в Оренбург, всего-то около десяти лет! Но вообще-то говоря, Гринев-отец мог выйти в отставку не только в 1762 году, когда Петр III, которому он оставался верен, был свергнут Екатериной, но и раньше: в 1741 году при восшествии на престол Елизаветы Миних тоже пал. Но тогда бы выходило, что Петру уже под тридцать, какой он недоросль? (Но вообще-то 1762 год предпочтительнее и тем, что завязывает судьбы Гриневых с Петром III подлинным и с "Петром III"-Пугачевым, и тем, что именно этот император издал манифест о вольности дворянства, по которому, кстати, дворяне получили право выхода в отставку.)

Вот Пушкин и устранил затруднение самым простым способом, заменив две последние цифры точками. Интересно, что в первой публикации в журнале "Современник" значится: 17... То есть с многоточием, еще более подчеркивающим неопределенность даты. Сейчас же печатается 17.. Здесь точки заменяют пропущенные десятилетие и год.

Тут интересна переключка второй фразы "Капитанской дочки" с фразой из "Недоросля" Д.И. Фонвизина. У Пушкина: "С тех пор жил он в своей симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сестры умерли во младенчестве". У Фонвизина: "Покойник батюшка женился на покойнице матушке. Она была по прозванию Приплодиных. Нас, детей, было с них восемнадцать человек; да, кроме меня с братцем, все, по власти господней, примерли".

В пушкинской повести не только временных вех, но и вех пространственных тоже очень мало.

О буране (в главе II "Вожатый") можно лишь угадать, что случился он, видимо, где-то между Бузулуком и Оренбургом. Петр Гринев, как и Пушкин через 60 лет, едет в Оренбург из Симбирска. Оба видят один и тот же пейзаж, описанный в повести: "печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами", "необозримая степь".

Этот пейзаж, кстати, очень схож с описанным ехавшей той же дорогой девицей Евгенией Ворониной, много раз нами с благодарностью вспоминаемой. Она приехала в Оренбург, как уже упоминалось, в день отъезда Пушкина и - спасибо ей - догадалась по свежим следам собрать бесценные сведения о пребывании у нас поэта. Вот ее пейзаж: "пустынная дорога", "от станции нет ни селений, ни гор, ни лесов: все пусто, все гладко, степь сливается с небом".

Заволжье, а потом южная окраина Бузулукского бора - это и сравнительно населенная, и лесистая местность. А вот дальше к Оренбургу - все по Пушкину. Да кроме того, Гринев вспоминает: "Я приближался к месту моего назначения". То есть буран застиг его ближе к Оренбургу.

Чувствуя, что затянул вступление к тому летнему бурану, предлагаю обратиться к главе VI "Пугачевщина". Первые четыре абзаца - о яицких волнениях. А вот пятый, если не проскочить его в нетерпеливом ожидании дальнейших событий - это начало интересной загадки.

"Однажды вечером (это было в начале октября 1773 года) сидел я дома один, слушая вой осеннего ветра и смотря в окно на тучи, бегущие мимо луны". (Бросается в глаза переключка с "Рассказом моей бабушки", где у оренбуржца А.П. Крюкова действие происходит в Нижнеозерной крепости. Там тоже "вечер... темный, ненастный, с проливным дождем, с сильным ветром; короче, со всею свитою угрюмого октября, в начале которого это случилось".)

Тут, если помните, Гринева зовут к коменданту Белогорской крепости, который оглашает секретную бумагу из Оренбурга о появлении Емельяна Пугачева с его войском. Сейчас действие повести, в первых главах спокойное, стремительно рванется. Что тоже очень важно, - впервые в повести появляются и более или менее точная дата, и эти имя и фамилия: октябрь 1773 года, Емельян Пугачев.

Эта дата: "в начале октября" послужит нам отправной точкой для любопытных расчетов.

Сперва - когда Гринев приехал в Белогорскую крепость? Внимательно листаем страницы повести назад.

До этого вечера, когда события помчатся, у него с неделю хандра, оттого что суровый батюшка решительно запретил жениться на Марье Ивановне. Путешествие писем из Белогорской в Симбирскую губернию батюшке и ответного - еще недели две, никак не меньше. Перед этим была

дуэль и выздоровление от раны. "Я целый месяц был на краю гроба", - говорит Гринев. И еще до этого: "прошло несколько недель, и жизнь моя в Белогорской крепости сделалась для меня не только сносною, но даже и приятною".

Можно расчислить даже время, когда состоялась дуэль. Петр Гринев через несколько дней после ранения на дуэли пишет отцу. И получает ответ: "Письмо твое, в котором просишь ты нас о родительском нашем благословлении и согласии на брак с Марьей Ивановой дочерью Мироновой, мы получили 15 сего месяца". То есть 15 сентября, потому что через несколько недель, в начале следующей главы, будет то самое "в начале октября", о котором мы уже говорили. И если письмо в симбирское имение шло с неделю, то дуэль состоялась в начале сентября 1773 года.

Так что же выходит в результате всех наших временных выкладок? То, что до "в начале октября" Гринев уже прожил в Белогорской месяца два, не меньше. А ведь в буран он попал еще раньше, по дороге из Симбирска в Оренбург.

Значит, буран мог случиться ... в июле или августе!

Есть в "Капитанской дочке" еще одно место, где Пушкин упорствует, с большой точностью повторяя ту же ошибку. Перелистаем вперед две страницы в той же VI главе.

При вести о взятии Нижнеозерной накануне падения Белогорской Гринев вспоминает:

"Комендант Нижне-Озерной крепости, тихий и скромный молодой человек, был мне знаком: месяца за два перед тем проезжал он из Оренбурга с молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузьмича". (Правда, тут Пушкин ошибся непреднамеренно: коменданту Нижнеозерной, "молодому человеку" З.И. Харлову, было 42 года, а вот жена его, Татьяна, урожденная Елагина, на самом деле была молода, 17 лет.)

Отсчет делаем опять от того же "это было в начале октября 1773 года". И опять минус те же два месяца к тому времени, когда Гринев в Белогорской познакомился с комендантом Нижнеозерной и его женой. А может, и больше, ведь у Петра Гринева к этому времени уже начался роман с Марьей Мироновой. В первом варианте рукописи после "останавливался у Ивана Кузьмича" были строки о том, что капитанская дочка ревновала своего возлюбленного, который "слишком разговорился с прекрасною гостью".

Так что как ни рассуждай, от летнего бурана никуда не денешься.

Если мы перечитаем "Капитанскую дочку", приняв эту версию, то обнаружим интересную вещь: в повести - несколько хронологий!

Одну из них, о которой мы начали говорить, можно назвать основной, потому что ей измеряется главное: пугачевщина и история Петра Гринева и Марьи Ивановны. Другие же хронологии противоречат и основной, и друг другу. И рассматривать их нужно, лишь соотнося с основной.

Рассмотрим несколько примеров таких побочных временных вех в "Капитанской дочке".

В первой главе не очень точно, но дается примета, когда все началось, когда переломилась судьба недоросля Петруши. "Однажды осенью" матушка варит варенье, а батюшка, листая "Придворный календарь" и восклицая "Генерал-поручик! Он у меня в роте был сержантом!", вдруг принимает решение послать сына, кстати, записанного тоже сержантом, на военную службу. Может, сержантское совпадение направило ход мыслей Гриневатца?

Это "однажды осенью" тоже не согласуется с летним бураном. И, главное, с хронологией всего дальнейшего действия повести. Правильнее было бы, конечно, "однажды летом".

А вот на эту веху надо обратить особое внимание, потому что обычно мы проскакиваем строчки, поспешая лишь за смыслом и не останавливая себя вопросом "Как же так?" После попытки дуэли, которая по ходу событий состоялась в сентябре, Марья Ивановна рассказывает Гриневу, что Швабрин к ней сватался. "В прошлом году. Месяца два до вашего приезда".

Эта дата совершенно выпадает из основной хронологии повести. Летом ли приехал Гринев в Белогорскую, осенью ли или даже в начале зимы - все равно не подходит.

Среди других можно упомянуть еще одну хронологическую нестыковку: зная характер батюшки (он "не любил ни переменять свои намерения, ни откладывать их исполнение"), понимаешь, что решение послать сына в Оренбург, принятое, по тексту первой главы, "однажды осенью", тут же было и исполнено. "На другой день поутру" Петр покидает отчий дом. Через день-другой в Симбирске он видит из трактирного окна грязный переулок. Тут все пока сцепляется друг с другом. Но еще через день-два молодой Гринев едет уже по снежным равнинам и попадает в буран!

И побочная хронология, связанная с "однажды осенью", никоим образом не совмещается с другой - когда Швабрин сватался. Никак два месяца назад не может быть - в прошлом году.

Хотя - предложить объяснение можно. Из прочитанного, а может, и услышанного об оренбургских буранах Пушкин знал, что самые сильные метели в наших местах случаются обычно во второй половине зимы. И, в подсознании учитывая это обстоятельство, он и отнес сватовство Швабрина к прошлому году, за два месяца до приезда Гринева, посчитав этот приезд январем или февралем.

Не сообразуется с тем, что Петр Гринев года еще не прослужил, и фраза в "Пропущенной главе": "три года военной жизни так изменили меня, что они (родители. - В.С.) не могли меня узнать".

Ее иногда толкуют как веху еще одной побочной хронологии и свидетельство того, что на самом деле Гринев прибыл в Белогорскую не к

событиям пугачевщины, в 1773 году, а намного ранее. Таким образом, никакого "летнего бурана" не было, а Петр попал в буран, произошедший в свой естественный срок зимой три года назад. На этом строили свои доводы некоторые критики первого издания этой книги.

Могут дать им еще один сильный аргумент: в одном из набросков Пушкин расчислил год рождения Петра: 1755. Хотя уже упоминалось, что брак Гринева-отца с матушкой, по другому наброску, был не раньше 1762 года, когда после падения Миниха батюшка вышел в отставку. Но пусть будет 1755. Перед отъездом Петра на службу, осенью матушка в главе I "Сержант гвардии" говорит, что ему идет "семнадцатый годок". Тут год его приезда в Белогорскую должен быть 1771. Вроде бы и спорить не о чем.

Нет, не сходится. Высчитав в наброске год рождения как 1755 и тем обусловив приезд Гринева годом 1771, Пушкин дальше об этом забывает. Обратим внимание на первые абзацы главы VI "Пугачевщина". Там после описания "возмущения" в Яицком городке, убийства генерала Траубенберга в 1772 году и последовавшего затем внешнего успокоения Гринев ясно сообщает: "Это случилось несколько времени перед прибытием моим в Белогорскую крепость". То есть "три года назад" опровергаются.

Надо учесть, что упоминание о трех годах военной жизни содержится в единственной сохранившейся черновой главе - "Пропущенной", все остальные черновики Пушкин уничтожил. Но в ней запечатлены следы еще далеко не завершенного замысла.

Учтя, как много и полезно Пушкин изменил даже при переводе беловика в окончательный, журнальный вариант, можно с уверенностью предположить, что он убрал бы эти выбивающиеся из хронологии три года, если бы решил вставить эту главу в ткань повести.

Правда, вроде бы можно согласиться и с промежуточным, компромиссным вариантом: буран, по тексту "Капитанской дочки", мог произойти не за три года до этого, а зимой предыдущей, 1772 - 1773 годов.

Особенно если обратим внимание на еще одно упоминание 1772 года. В уме Петр Гринев не понял "воровского" разговора хозяина с вожатым, "но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмиренного после бунта 1772 года". Бунт, как известно, был в феврале 1772 года, а полностью подавлен летом.

Следовательно, слова "только что усмиренного" в сочетании с бураном могут привести, скажем, к буранному ноябрю-декабрю этого же 1772 года. И тогда сойдется, что Швабрин сватался за два месяца до прибытия Гринева в прошлом году.

Но в подкрепление основной хронологии, по которой почти все главные события повести, в том числе и буран, происходят в 1773 году, можно вспомнить еще очень многое.

Пугачев оттого сразу вспоминает ("тотчас узнал") Гринева с Савельичем, захватив Белогорскую, что видел их недавно и свежа память об этой

встрече в буране. А если б она отстояла на большее время, то было бы неправдоподобно, что Пугачев за многими новыми встречами и событиями вспомнил так давно прошедшее.

Точно так же Зурин, если б прошел значительный срок, вряд ли встретил Петра: "Ба-ба-ба, Петр Андреич! Какими судьбами?" Сколько еще немысленней он за это время обыграл бы по трактирам! А уж если вспомнил - значит, сравнительно недавно подпоил Гринева в симбирском трактире и вытянул из него сто рублей.

Или вот еще: если Марье Ивановне "лет осьмнадцать" в 1771 году, то к встрече с императрицей в конце 1774 года ей было бы двадцать два. А мы уже говорили о тогдашних представлениях о женском возрасте, и поэтому никак не назвала бы жена зрителя Марью Ивановну "молодой девушкой", а Екатерина не сказала бы: "вы так еще молоды".

Можно вспомнить еще из пушкинских "Оренбургских записей": Матрена в Татищевой рассказала, что дочь тамошнего коменданта Елагина "выдана была в Озерную за Харлова весною". Имеется в виду, понятно, в роковом 1773 году, потому так и запомнилось Матрене. Действительно, Елагины приехали в Татищеву в начале 1773 года и в том же году выдали дочь за нижеозернинского коменданта Харлова, видимо, в апреле - мае, когда обычно гуляли свадьбы. Да и старики в Нижнеозерной могли рассказать памятное им, что Харлов женился именно за несколько месяцев до гибели.

И в "Капитанской дочке", как мы видели, недавно прибывший Гринев знакомится с комендантом соседней Нижнеозерной крепости и его молодой женой, которые проезжают из Оренбурга в Нижнеозерную через Белогорскую лишь "месяца за два" до захвата Пугачевым приуральских крепостей осенью 1773 года. Это отлично согласуется с основной хронологией повести, с "летним бураном" и приездом Гринева в Белогорскую в июле - августе. Как раз в это время молодожены и могли проезжать домой после свадебного путешествия в губернский город.

Естественно, Пушкин не мог и не должен был в повести расчислять абсолютно все даты. Но в его память и во временное ощущение событий пугачевщины могла войти такая живая, значимая деталь: всего несколько месяцев семейного счастья Харловых - и ужасная развязка.

И вообще, за исключением последних глав, в "Капитанской дочке" единицы отсчета времени - дни и недели, нигде слова нет хотя бы о месяце. И это читателем ощущается приметой, вполне соответствующей внутреннему напряженному логико-психологическому хронометражу повести.

Так что и буран (еще раз скажу, что по логике повести, а не в реальной жизни, конечно), и начало военной службы Гринева - это, на мой взгляд, все же лето именно 1773 года.

Хотя пора подумать, а стоит ли вообще так скрупулезно расчислять время повести? Это ведь не документальный очерк.

Тем более, что и в "Рассказе моей бабушки" А.П. Крюков вроде бы должен был с особой тщательностью выверять хронологию, ибо действие происходит в реальной Нижнеозерной крепости в реальное время пугачевщины. Но у него озадачивает уже первая фраза:

"Бабушка моя (скончавшаяся лет пять тому назад, на 81 году своей жизни)..."

Если вести счет даже от 1832 года, когда "Рассказ" был напечатан, то в пугачевском 1773 году ей должно было бы быть 26 лет, а вовсе не 16, как сказано несколькими страницами дальше. И взята была крепость не в марте, как у Крюкова, а в сентябре. У Пушкина в "Капитанской дочке", как мы помним, крепость пала в начале октября, ошибка, по сравнению с крюковской - всего ничего.

Так что, может, и не стоит всегда так тщательно просчитывать хронологию событий. И лучше призвать на помощь художественную логику.

А она-то как раз и не дает даже почти годового, а тем более трехгодичного зазора между приездом Гринева в Белогорскую и началом пугачевщины.

Поэтому, кроме доводов о том, что, по этой художественной логике, и отъезд из поместья, и проигрыш Зурину, и встреча в буране, и проезд супругов Харловых - это совсем незадолго до основных, 1773 года событий повести, сверим свое ощущение с ощущением такого художника, как Марина Цветаева, которая чувствовала Пушкина очень тонко:

"Между Гриневым - дома и Гриневым - на военном совете - три месяца времени, а на самом деле по крайней мере десять лет роста".

То есть для Цветаевой вопроса не было: Петр - "мальчишка, вырвавшийся на волю" - покидает родное гнездо летом 1773 года, но через три месяца, в октябре он, так разительно созревший, уже высказывает свое продуманное и ответственное мнение на военном совете в Оренбурге после падения Белогорской.

Блистательное объяснение пушкинской загадки разнотолкуемого художественного времени "Капитанской дочки".

Что ж, Пушкин всегда был абсолютно равнодушен к правдоподобности хронологии событий, как это видим мы на примере "летнего бурана"?

Вовсе нет. К примеру, в отличие от некоторых других глав повести, "Пропущенная" продуманно и согласованно датирована. Последняя строка перед этой пропущенной Пушкиным главой рассказывает, что Зурин с отрядом, в который влился Гринев, получили весть о взятии пугачевцами Казани и по приказу направились к Волге. Но в этой не вошедшей в окончательный текст главе Гринев-Буланин переправился первым и поспешил в родное имение, тревожась о родителях и Марье Ивановне. Тревожась, оказывается, не напрасно: тут бунт, село захватывает отряд повстанцев во главе с соперником за руку Марьи Ивановны, который в окончательном тексте "Капитанской дочки" получит фамилию Швабрин.

Бунт подавлен, и батюшка велит мужикам: "Чтоб у меня к Ильину дню все сено было в копнах". Пушкин здесь все рассчитал: Казань пала 12 июля 1774 года. Ильин день - 20 июля.

Убедимся и вернувшись к главе "Пугачевщина", где действие начинается стремительно развиваться. Мы только что считали от этого "в начале октября" назад, к бурану. Давайте теперь посчитаем вперед и снова убедимся, что автор в повести бывает и абсолютно точен.

Примем, что тот вечер "в начале октября" - это 1 число. И читаем дальше. Следующий день, 2 октября. В крепости начинаются приготовления к отпору восставшим, посылают в дальнюю разведку урядника. Он "возвратился через два дня", 4 октября. На следующий день, 5-го, пугачевцы захватывают Белогорскую. 6-го к вечеру Гринев с Савельичем на подаренной Пугачевым лошади уезжают в Оренбург. Следовательно, 7 октября он прибывает в губернскую столицу, рассказывает генералу Р. обо всем случившемся и принимает участие в военном совете, который должен решить, что делать: обороняться - или наступать.

Эта дата прекрасно согласуется с "Летописью" П.И. Рычкова. И по ней тоже, как мы уже упоминали, совет состоялся точно 7 октября. Так и кажется, что Пушкин с пером в руке рассчитал этот временной отрезок со скрупулезностью историка.

Правда, в этом раскладе может быть некоторый зазор. У Пушкина после 2 октября, когда и комендантша узнает о приближении восставших, сказано: "вскоре все заговорили о Пугачеве". Может, на это "вскоре" надо бы положить еще день-два? Но Александр Сергеевич блестяще разрешает наши сомнения на этот счет.

Не было этих лишних дней. Ведь Василиса Егоровна, узнав грозную весть, дала мужу слово не рассказывать никому и "сдержала свое обещание и никому не сказала ни одного слова, кроме как попадье, и то потому только, что корова ее ходила еще в степи и могла быть захвачена злодеями". А так как попадья эта рекомендована нам двумя главами раньше "первой вестовщицею во всем околотке", то есть первой сплетницей, - ясно, что "все заговорили о Пугачеве" тут же, в тот же день.

Так что Пушкин в творимой им хронологии бывал и точен, и безразличен к исторической точности.

А как же с вроде бы принципиальным пушкинским примечанием еще к "Евгению Онегину": "Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю"?

Ну, во-первых, и в "Евгении Онегине" автор не всегда придерживался этого календарного принципа. Помните, в главе пятой: "Снег выпал только в январе"? На самом же деле той зимой 1820 - 1821 года, когда происходит действие главы, снег выпал очень рано, в сентябре. Но, как сказал в комментариях к "Евгению Онегину" Ю.М. Лотман, "любые реалии, входя в текст романа, получают значение художественных деталей".

А во-вторых и в-главных, все дело в том, что "Капитанская дочка" - художественное произведение. И поэтому в повести свое, художественное время. (И, кстати, к Нижнеозерной, основанной в 1754 году, не подходит реплика комендантши: "Слава богу, двадцать второй год в ней проживаем". Иначе год действия выйдет не 1773, а 1776. Пушкин вовсе не обязан был всегда выверять в повести арифметически точно любую дату. И если б год действия в "Капитанской дочке" минус эти 22 года дали бы год основания какой-то из подлинных поуральских крепостей, это вовсе не значило бы, что автор специально подогнал даты, чтобы с реальным временем совпало время художественное.)

Об особенностях художественного времени вообще, и в "Капитанской дочке" в частности, мы подробнее поговорим в следующей главе. А пока подумаем об очень важной роли бурана.

В самом деле, в нем, счастливо придуманном Пушкиным, - все начала и концы сюжета. Нет бурана - нет встречи со спасителем-вожатым, стакана вина и заячьего тулупчика, нет особых взаимоотношений грозного "Пугача" с молоденьким дворянином. Без встречи в буране Гринев увидел бы Пугачева разве что с виселицы. И не стал бы его собеседником, свидетелем, участником и потом описателем событий "изнутри".

И не смог бы сам Пушкин, противореча устоявшемуся образу злодеа-душегуба, показать нам широкую и грешную душу самородка Емельяна Ивановича Пугачева.

Да и не было бы всей повести - эпопеи о крестьянско-казахской войне.

Буран не влезал в реальную хронологию. И Пушкин ею пожертвовал. За этим он и ошибся.

Может быть, слово "буран" Пушкин впервые услышал в Оренбуржье? Ведь до поездки не было его ни в художественных произведениях, ни в переписке Александра Сергеевича. Это сегодня каждый, благодаря Аксакову, Пушкину, Далю знает, что оно значит. А тогда для рядового читателя это слово было непонятным.

Даль в своем словаре дал такое определение:

"Буран (вост.) пурга, степная выюга, мятелица, при северном, сильном ветре. Буран снизу, когда вихорь вздымает и крутит снежинки с земли, буран сверху, когда в то же время идет снег".

Пометой "вост." он отметил восточное, тюркское происхождение этого слова. Поэтому, как мы уже говорили, во второй, "буранной" главе "Капитанской дочки" Пушкин не прямо, но косвенно перевел это слово как "метель". Понятно, что местный житель-ямщик только бураном и называет, в то время как Гринев поначалу с непривычки заменяет это слово синонимами. Кстати, пушкинский буран - второго рода, сверху: "Пошел мелкий снег - и вдруг повалил хлопьями".

Точно так же в этой второй главе сразу же переведено еще одно новое слово: "Постоялый двор, или, по-тамошнему, умет, находился в сторо-

не, в степи, далече от всякого селения, и очень походил на разбойническую пристань".

Кстати, если Пушкин даже не слышал слова "умет" в Оренбуржье, он мог его прочитать в упоминавшемся очерке С.Т. Аксакова "Буран", напечатанном в следующем после оренбургской поездки году. И кто знает, не взял ли Александр Сергеевич из этого очерка "боковой ход": в буран спасается тот, кто терпелив, кто пережидает непогоду, не плутая бесцельно? Здравомыслие ямщика из "Капитанской дочки" ("Что же ты не едешь?" - спросил я ямщика с нетерпением. "Да что ехать? - ответил он, слезая с облучка. - Невесть и так куда заехали: дороги нет и мгла кругом".) - не от здравомыслия ли "седовласого старшины обоза" из "Бурана", который вместе с еще несколькими обозниками остались на месте, в то время как один из нетерпеливых и неопытных заплутал и замерз, замеченный, как весной выяснилось, прислонясь к забору умета, которого не заметил?

Но если мы примем, что слово "буран" Пушкин до Оренбурга не знал, это поможет уточнить, когда он написал дополнение к плану повести: "Башарин дорогою во время бурана спасает башкирца". Новое слово - свидетельство того, что запись сделана не раньше сентября - октября 1833 года, хотя некоторые ученые датируют ее более ранним сроком.

Дело в том, что фраза с "бураном" содержится в так называемом "Третьем альбоме" - третьей рабочей тетради поэта 1833 - 1835 годов. Эта тетрадь в четвертую долю листа 200 на 258 миллиметров с белыми ватманскими листами и вклеенными цветными. А фраза - на одном из листов, оторванных у корешка и потом сшитых жандармами, изъявшими бумаги Александра Сергеевича сразу после его смерти. И хронологию установить очень трудно. Поэтому уточнить ее и поможет оренбургский "буран".

Кстати, другое новое, восточного происхождения, услышанное, видимо, в оренбургской поездке слово - "буерак" Пушкин сначала понял неправильно. В рукописи "Истории Пугачева" значится: "Пугачев стоял на буераке". Потом уточнил у кого-то и исправил, снабдив пояснением, что буерак - это небольшой овраг. Кстати, Пушкин ввел в широкое литературное употребление еще одно слово: "шаматон" (после оно писалось "шема-тон"), то есть гуляка, пустой человек. Так, батюшка, провожая Петра на службу, надеется, что он "будет солдат, а не шаматон".

А что за башкирца спасает герой повести, названный еще Башариным? Этот ход был сложнее: Пугачев, узнав о благородном поступке Башарина, "щадит его, говоря башкирцу: "Ты своею головою отвечаешь за него". (Опять проза поэта: стихотворный размер - анапест. Как не вспомнить Ю.Н. Тынянова, который в своей работе "О композиции "Евгения Онегина" сделал верное наблюдение: "Художественная проза с самого начала новой русской литературы в звуковом отношении организуется не менее заботливо, чем стих"?)

В окончательной редакции Пушкин все сделал проще и полезнее для дальнейшего сюжета: сам Пугачев спасает в буран Гринева.

А по "Словарю языка Пушкина" Александр Сергеевич во всем своем творчестве семь раз употребляет слово "буран". Один раз в "Истории Пугачева" и шесть - в различных грамматических формах - в "Капитанской дочке".

Надо заметить попутно, что многое Пушкин сделал в последнюю минуту, когда переписывал окончательный вариант "Капитанской дочки" перед отправкой в типографию и потом по гранкам перед печатанием журнала. Так появились и фамилии главного героя и героини, и названия самого произведения и Белогорской - по белым меловым горам, что не доезжая Нижнеозерной, до поры до времени запавшим в пассивную память... Такое с Пушкиным случалось и раньше: 15 августа 1831 года в уже упоминавшемся письме к ведавшему его издательскими делами П.А. Плетневу, послав ему рукопись "Повестей Белкина", он дает указание "В сказке "Смотритель" назвать гусара Минским, и сим именем заменить везде ***". То есть вся повесть "Смотритель" была задумана, написана вчерне и потом переписана набело - с тремя звездочками каждый раз, когда надо было назвать этого героя!

Любопытно, что Александр Сергеевич почему-то не очень любил, во всяком случае, в "Капитанской дочке", придумывать географические названия. Не поименовать крепость он не мог, не называть же Белогорскую всю повесть Н-ской или все время ставить звездочки, как это было даже в беловике почти готовой "Капитанской дочки". А вот в "Пропущенной главе" упомянуты три пункта, в том числе и всего-навсего какой-то перевоз - и все обозначены звездочками. Даже деревня, где родовое поместье Гриневых, не называется Гриневкой или на худой конец какой-нибудь Еловкой по еловой роще перед деревней.

Снова возвращаясь к бурану, заметим, что ход "метель - кабак - разбойн.(ик) вожатый" появился уже в третьем варианте плана будущей повести, хотя место действия по этому плану еще не Оренбуржье, а одна из поволжских губерний. Словом "метель" начинается рукописная строка, оно подстать стихии размашисто, с необычным "т": как энергичный хвостик от "з" или "д".

Потом, тоже еще до оренбургской поездки, в следующем варианте плана - опять встреча во время метели.

Правда, в последнем дошедшем до нас варианте плана этого хода уже нет. Но в беловой рукописи Пушкин, оценив все сюжетные и художественные достоинства, построил на встрече в буране главу II "Вожатый". И в конечном итоге вся повесть стала держаться на этом буране.

Буранная "ошибка" Пушкина - вынужденная.

Ко всему уже сказанному о ней, добавлю еще одно важное обстоятельство: если бы буран случился в свое природное зимнее время в кон-

це 1773 года, то Петруша Гринев просто не успел бы на войну, к захвату Пугачевым приуральских крепостей, одной из которых была вымышленная Белогорская. А крепости эти пали, и началась осада Оренбурга - осенью 1773 года. И это уже история, которой автор не мог пренебречь. Не мог же он перенести время этих военных действий на весну.

Ради другого сильного художественного хода Пушкину пришлось пойти даже на такой рискованный шаг, как замена реального генерал-поручика Ивана Андреевича Рейнсдорпа, имя которого как губернатора и командующего обороной Оренбурга от пугачевцев было еще у всех в памяти, на генерала Андрея Карловича Р.

Почему же Пушкин вынужден был пойти на такой шаг?

Тут нас ожидает интересный поворот.

Гвардеец-семеновец Петр Гринев мог бы попасть в глухую оренбургскую деревушку-крепость только так, как предположил было кривой поручик Иван Игнатьич: "за неприличные гвардии офицеру поступки". Например, "за буйство", как было в первом варианте плана повести. В другом плане осталось что-то похожее: "Башарин отцом своим привезен в П.(етер) б.(ург) и записан в гвардию - за шалость сослан в гарнизон".

Но это были бы совсем другой герой и совсем другая повесть.

Пушкин же в конце концов пришел к совершенно иной ситуации. Старик-Гринев - человек старой закалки, человек чести, и таким же хочет видеть сына. Недаром, провожая Петра на службу, он полностью воспроизводит пословицу, которая в усеченном виде стала эпиграфом повести: "береги платье снову, а честь смолоду". Подобные твердые оппозиционеры были Пушкиным любимы. Они и в "Дубровском", и в "Моей родословной", "Родословной Пушкиных и Ганнибалов".

А вспомним возглас Бориса Годунова в одноименной трагедии: "Противен мне род Пушкиных мятежный". В этом возгласе слышно и негодование Александра I по поводу строптивости самого поэта - потомка легендарного, негшибаемого Гаврилы Пушкина. Показательно, что своего предка-оппозиционера поэт называет в трагедии "опальным изгнанником" - точно так же, как называл себя, сосланного в Михайловское. О своем деде Льве Александровиче Александр Сергеевич писал:

*Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.*

Очень любопытно, что Пушкин сближает историю своего рода с историей рода Гриневых. Вот горестные причитания Гринева-отца, узнавшего об аресте сына:

"Не казнь страшна: прашур мой умер на лобном месте, отстаивая то, что почитал святынею своей совести".

А вот почти те же слова в "Моей родословной" о Пушкиных:

*Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.*

И в "Начале автобиографии" Пушкин с благодарностью пишет, что после опалы и ссылки в Сибирь прадеда Абрама Ганнибала именно Миних "спас его", вернув и дав службу. Ганнибал был обязан Миниху и тем, что по его рекомендации получил чин инженер-капитана.

В противопоставлении дворянства "старого", родовитого - и "нового" (а эта тема была для Пушкина важной, и он часто размышлял о ней) в какой-то степени коренится и противопоставление Гриневых, дворянство которых вполне может идти с допетровских времен (князь Б., их близкий родственник может быть из удельных князей вроде Вяземских) - с Швабриным, чей род, как род Шванвичей, поднялся совсем недавно.

Итак, старый Гринев решает:

"Петруша в Петербург не поедет. Чему научится он, служа в Петербурге? Мотать да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает пороху, да будет солдат, а не шаматон".

Куда послать сына? Конечно, к какому-нибудь старому другу, товарищу по прежним походам. Такой человек - генерал Р. в далеком Оренбурге.

Но никак не мог быть реальный генерал Рейнсдорп "старинным товарищем и другом", "старым камрадом" Гриневу-отцу, который "в молодости своей служил при графе Минихе". И, судя по его письму, участвовал в русско-турецкой войне 1735 - 1739 годов, где русской армией командовал генерал-фельдмаршал Бурхард Кристоф Миних, а то и - судя по "старый проказ" с Каролинкой - в походе 1734 года под Данциг.

Ведь И.А. Рейнсдорп родился около 1730 года, и во времена походов Миниха был совсем мальчиком. В службу же он вступил лишь в конце 1746 года, когда Миних уже был сослан. Пушкин должен был это знать, потому что тщательно изучил все материалы о Рейнсдорпе.

Правда, Р.В. Овчинников считает, что по архивным и мемуарным материалам Пушкин не мог бы установить подлинного возраста Рейнсдорпа. (Хотя в бумагах поэта сохранилась выписка из биографии Рейнсдорпа, взятой из "Словаря достопамятных людей русской земли" Бантыш-Каменского.) Но даже если прав Овчинников, то Пушкин мог узнать хотя бы приблизительно о возрасте губернатора, беседуя в Оренбуржье. Не так уж много было губернаторов, а этот властвовал сравнительно недавно и долго - 13 лет. Так что кто-то мог и помнить или знать от старших хотя бы, что Рейнсдорп вовсе не был глубоким стариком.

Пушкин опять пожертвовал историей ради цельного и оригинального художественного вымысла.

Вместо 43-44-летнего генерал-поручика Ивана Андреевича Рейнсдорпа мы видим в повести "мужчину роста высокого, но уже сгорбленного

старостию. Длинные волосы его были совсем белы". Пушкин и одевает генерала Р. по придуманному возрасту: "Старый полинялый мундир напоминал воина времен Анны Иоанновны". Ведь турецкая война была в царствование этой императрицы.

Но на известном портрете даже пятидесятилетнего Рейнсдорпа тот не только не сгорблен, а, наоборот, словно штык проглотил, лицо моложавое, на голове парик, но ясно, что до седины еще далеко, и мундир новехонький. Нет сведений, видел ли этот портрет Пушкин, но текстом повести он как можно дальше отходит от реального генерал-поручика.

Дряхлость генерала Р. нужна автору и как мотивировка его старческой инертности, нерешительности и безволия.

И наверно, только не приняв всего того, что мы сейчас говорили о вынужденной подмене Рейнсдорпа "генералом Р.", П. Я. Чаадаев написал А.И. Тургеневу: "Старый немецкий генерал был бы удачнее в качестве исторического лица, ведь эпоха-то глубоко историческая".

Кстати сказать, в "Дубровском" с лицом полностью вымышленным - Троекуровым - "ошибка" Пушкина еще разительнее. Если внимательно прочитать и просчитать, то Троекурову должно быть около ста лет. И автор, наоборот, вдвое омолодил его, иначе дряхлый старик не мог бы быть жестоким и энергичным врагом.

И еще о границах художественного вымысла. Все доступные ему материалы о пугачевщине Пушкин изучил скрупулезно, многие даже переписал или законспектировал. О сподвижниках Пугачева он знал очень много. Но давайте внимательно перечитаем все, что о них есть в "Капитанской дочке", обратив мимоходом внимание, что Пушкин сознательно "развел" по два самых известных сподвижника по двум пирам - белогорскому (Чумаков и Чика-Зарубин) и бердинскому (Белобородов и Соколов-Хлопуша). Если б кто-то из них повторился, это придало бы ненужный автору особый упор на кого-то одного.

В первую попойку, после взятия Белогорской крепости, Пугачев "часто обращался к человеку лет пятидесяти, называя его то графом, то Тимофеичем, а иногда величая его дядюшкой". Но из "Истории Пугачева", из третьей главы, известно, что "графом Чернышевым" он называл Ивана Никифоровича Зарубина - Чику. И был Чика еще далеко не "лет пятидесяти", ему было 37 лет.

А "Тимофеичем" был Афанасий Тимофеевич Соколов-Хлопуша. К тому же он у Пугачева ходил только в полковниках, да и был освобожден губернатором из оренбургской тюрьмы и, будучи посланным к предводителю восставших с увещательным письмом, перешел к пугачевцам в начале октября 1773 года, позже захвата Нижнеозерной.

"Графом", только Орловым - и об этом тоже сказано в главе III "Истории Пугачева" - был и Федор Федотович Чумаков, "молодой казак, стройный и красивый", который в том же застолье запекает по приказу

Пугачева "Не шуми, мати зеленая дубровушка". Кстати, подлинный Чумаков не был молод, наоборот, из всех собравшихся на пир атаманов он, может, самый старший, ему было 44 года.

Во втором же застолье, в Берде, присутствуют тот самый, настоящий "Тимофеич" - Соколов-Хлопуша и еще один пугачевский сподвижник - Иван Наумович Белобородов. Но ведь это зима 1773 - 1774 годов, а на деле "Наумыч" впервые встретился с Пугачевым лишь в мае 1774 года на Горном Урале, куда бежали разбитые под Оренбургом повстанцы.

Тут Пушкин, не имея достоверных сведений о Белобородове, зря доверился рукописи, присланной ему историком Д.Н. Бантышом-Каменским. "Наумыч" наугад изображен глубоким стариком, хотя ему было всего лишь немного за тридцать, он ровесник Пугачева. И если в художественном произведении - "Капитанской дочке" такая вольность допустима, то в "Истории Пугачева" ошибка досадна: "Отставной артиллерийский капрал (это - точно, он был артиллеристом. - В.С.) Белобородов пользовался полной доверенностью самозванца. Он вместе с Падуровым заведовал письменными делами у безграмотного Пугачева и ввел строгий порядок и повиновение в шайках бунтовщиков". Это, к сожалению, тоже не соответствует действительности. "Наумыч" штабником не был. Но воевал хорошо, и по праву Пушкин назвал его "одним из самых смысленных сообщников Пугачева".

Не все ладно и с Афанасием Соколовым-Хлопушей. Гриневу он показался "лет сорока пяти". Но реальный Хлопуша был, наоборот, старше, ему было около 60.

Однако как не вспомнить снова, что мы, нынешние, знаем о Пугачеве и его соратниках гораздо больше, потому что нам теперь доступны все прежде закрытые архивы и что недаром потрудились несколько поколений историков. И художественный вымысел Пушкина тут вынужденный. Будь известно ему то, что знаем сейчас мы, некоторые сцены "Капитанской дочки" были бы написаны по-другому.

Интересна маленькая деталь. Почему именно Хлопуша, а не дважды названный Пугачевым фельдмаршалом "Наумыч" Белобородов распоряжается, когда предводитель восстания задремал, отвести Гринева под замок в приказную избу? Может, потому, что Пушкину как раз было известно, что в Бердах Хлопуша был у себя дома, его все знали и слушались. Сюда, в Берды, его сослали, когда поймали на грабежах и отправили на поселение в Оренбуржье, и он прожил тут 15 лет.

Но не известного или известного не достоверно было больше. И в этой сцене в Бердах, а произошла она, как следует из письма генерала Р., - 24 февраля 1774 года, - Пугачев называет Белобородова фельдмаршалом в полном соответствии с пушкинской выпиской из полученных от Бантыша-Каменского материалов: "пожалован... в начале 1774 года в старшие войсковые атаманы и в фельдмаршалы". На самом же деле Белобородов, как уже говорилось, был пугачевским полковником и атаманом.

А судя по бердинской сцене повести, Белобородов, который, как уже упоминалось, присоединился к вождю восстания только через восемь месяцев после падения приуральских крепостей и в Бердах вообще никогда не был, должен был быть рядом с Пугачевым даже еще раньше, при взятии Белогорской. Вспомним, в главе XI, в Бердах "Наумыч", уже зная, говорит Пугачеву о Гриневе: "Он тебя государем не признает". Ведь в эту встречу в Бердах Гринев ни словом не обмолвился, признает он самозванца государем или нет.

Однако нет худа без добра, и в первой сцене о не очень твердо знающем свой "сценарий" Пугачеве и об атмосфере в его штабе много говорит это смешение "графа", "Тимофеича" и "дядюшки". Во второй автору показался интересным контраст: тщедушный престарелый замухрышка "Наумыч" - Белобородов оказывается самым жестоким и умным среди пугачевских сподвижников и требует допросить Гринева с пристрастием, "с огоньком", а еще лучше - повесить.

Эти ошибки - и с бураном, и с губернатором, и с пугачевскими сподвижниками - можно бы назвать вынужденными или хотя бы работающими на художественный замысел.

Общий же метод Пушкина, наоборот, отсекает ради художественности повествования лишние, хотя и уточняющие, подробности. Автору удобнее в условном пространстве, где у него руки не связаны конкретными деталями и обстоятельствами.

В окончательном, журнальном тексте повести генерал Р. назначает Гринева в *** полк, части которого стоят по уральским крепостям. В собственноручно переписанном беловике (черновики Пушкин уничтожил) было точнее: "в Шемшинский драгунский полк" (он, действительно, был расквартирован по Уралу). Хотя драгунский след остался в главе VI "Пугачевщина": "В крепости между казаками заметно стало необыкновенное волнение; во всех улицах они толпились в кучки, тихо разговаривали между собою и расходились, увидя драгуна или гарнизонного солдата".

Заметим, что по этой же причине в во многом батальной повести не описан в военной форме определенных полков или родов войск никто, кроме генерала Р., да и тот всего лишь в "старом полинялом мундире". Гринев же вовсе неизвестно в какую форму одет, и мы лишь догадываемся по этому следу, что в драгунскую, комендант предстает перед нами "в колпаке и в китайчатом халате", Швабрин только "в казацком кафтане".

Вот еще несколько примеров того, как Пушкин развязывал себе руки.

Было: "Я ехал по степям завожским... Я видел одни бедные мордовские и чувашские деревушки". Это, кстати, аргумент "левобережников": через мордовские и чувашские деревушки сам Пушкин проезжал бы, если б сразу в Симбирске переправился через Волгу и дальше ехал левым берегом. Стало просто: "Я приближался к месту моего назначения".

Об отце Петра Гринева было: "вышел в отставку в 1762 году". Стало: "вышел в отставку премьер-майором в 17.. году". О причине этой замены мы уже говорили.

В главе "Арест" Зурин, в отряд которого вступил Гринев, "получил повеление переправиться через Волгу", а в рукописи было добавлено конкретное "и спешить к Симбирску, дабы не дать распространиться разгорающемуся пожару. Мысль, что предстоял мне случай заехать к нам в деревню, обнять родителей и увидеться с Марьей Ивановной, одушевляла меня радостью; я прыгал как ребенок и повторял, обнимая Зурина: "В Симбирск! в Симбирск!" Зурин вздыхал и говорил, пожимая плечами: "Нет, тебе несдобровать, женишься, ни за что пропадешь!"

Но бывало, что Пушкин убирал оказавшееся лишним и потому, что оно было исторически неточным. После "Обещаешься ли служить мне с усердием?" в рукописи Пугачев соображал Гринева: "Ступай ко мне в службу, и я пожалую тебя в князья Потемкины. Обещаешься ли служить с усердием мне, моему государю?" Пушкин был не из упрямых самолюбцев и слушал здравые советы. В этом случае он внял письму П.А. Вяземского: "Кто-то заметил, кажется Долгорукий, что Потемкин не был в пугачевщину еще первым лицом и, следовательно, нельзя было Пугачеву сказать: "Сделаю тебя фельдмаршалом, сделаю Потемкиным". И хронологически неверное было убрано.

Внял Александр Сергеевич и другому совету. Когда старик Гринев решает послать сына на военную службу, он, как мы помним, спрашивает у жены: "Где его пашпорт?" В рукописи же старик спрашивал: "Где его абшид?" Вяземский заметил: "Абшит" говорится только об указе отставки, а у тебя, кажется, взят он в другом смысле". Пушкин беспрекословно вписал "пашпорт".

В этом письме Вяземский сделал замечание и не только о фактической стороне дела, но и о стиле: "Важные поступки" где-то, кажется, о Пугачеве у тебя сказано. Гоголь может быть в претензии". В таких случаях авторы бывают особенно неуступчивыми. И что же Пушкин? Понял, что "поступки" - это не из лексикона белогорского казака, прибежавшего к Гриневу рассказать, как моется в бане Пугачев. Так, действительно, мог сказать современник Гоголь. Александр Сергеевич согласился и написал взамен: "все приемы такие важные".

Тут уместны еще несколько слов о том, как Пушкин относился к советам людей, мнением которых дорожил. Тот же Вяземский, прослушав авторское чтение "Капитанской дочки", заметил еще одну шероховатость:

"Можно ли было молодого человека, записанного в гвардию, прямо по своему произволу определить в армию? А отец Петра Андреевича так поступил, - написал письмо к генералу, и только. Если уж есть письмо, то, кажется, в письме нужно просить генерала о содействии его к переводу в армию. А то письмо неправдоподобно. Не будь письма налицо, можно пред-

полагать, что эти побочные обстоятельства выпущены автором, - но в письме они необходимы".

Что же сделал Пушкин? Он поступил более тонко. Батюшкино письмо в окончательном тексте повести по-прежнему не цитируется (а то пропала бы комическая сценка с "так он еще помнит стары наши проказ", "держат в ешовых рукавицах" и прочим). И мы не знаем, была ли там просьба к генералу Р. соблюсти все формальности и сообщить в Семеновский полк, куда Петр еще ребенком был записан сержантом, что вместо этого юный Гринев поступил в армию, под его командование.

Об этом не говорит прямо и генерал Р., к которому Петр явился в Оренбурге. Но то, что совет Вяземского учтен, мы узнаем косвенно. Генерал обещает Гриневу, что все нужное будет сделано, что Петр будет офицером переведен в полк, одна из частей которого стояла в Белогорской.

А поскольку даже губернатор не мог своим приказом произвести сержанта, к тому же гвардейского, в офицеры, читателю ясно: официальное письмо в Петербург будет написано тут же.

После того, как мы подробно поговорили и о летнем буране, и о генерале Р., обратимся к той странице "Капитанской дочки", где описан военный совет в Оренбурге 7 октября. Здесь нас тоже ждет немало интересного.

В повести этот совет собирается за несколько дней до того, как пугачевцы подходят к Оренбургу, хотя в реальности к тому времени они уже охватили город с запада и севера, а потом и с востока. Но тут у автора, как мы не раз говорили, право на художественный домysel.

Однако непонятно, почему на этом военном совете "кроме самого генерала, не было ни одного военного человека". Ведь у Рычкова Пушкин прочел, что были и обер-комендант генерал-майор К.И. Валленштерн, атаман Оренбургского казачьего войска подполковник В.И. Могутов, батальонные командиры майоры Ф. Даллеровский, В. Молостов, И. Скимонтов.

Никак не придумаешь, к чему пушкинская деталь, что на военном совете одни штатские. Вот в "Истории Пугачева" сказано достоверно: "Рейнсдорп собрал опять совет из военных и гражданских своих чиновников".

Может быть, в повести сказалась оценка, данная Пушкиным чуть раньше в той же главе "Истории Пугачева": "К несчастью, между военными начальниками не было ни одного, знавшего свое дело"? И вспомнились живописные слова одного из главных "усмирителей" Пугачева генерал-аншефа А.И. Бибикова из его письма к графу Чернышеву 21 января 1774 года: "Скареды и срамцы здешние гарнизоны всего боятся, никуда носа не смеют показать, сидят по местам, как сурки, только что рапорты страшные присылают"?

А вот то, что автор не стал приводить ни одной фамилии присутствовавших, позволив себе только чуть выделить "старичка в глазетовом кафтане", как мы предположили, П.И. Рычкова - это понятно: Пушкин не хочет

затруднять наше восприятие ненужными подробностями. Они - просто "приглашенные", "чиновники".

Заметим только, что в "Истории Пугачева" "На сем совете действительный статский советник Старов-Милюков один объявил мнение, достойное военного человека: "итти противу бунтовщиков". Он был одним из высших чинов на этом совете. А в повести этим одним смелым человеком становится, наоборот, самый младший по чину прапорщик Петр Гринев:

"Я встал и, в коротких словах описав сперва Пугачева и шайку его, сказал утвердительно, что самозванцу способа не было устоять противу правильного оружия".

При создании повести Пушкин сознательно убирал и конкретные исторические фамилии.

Если посмотрим предварительные планы, то в "Капитанской дочке" могли бы действовать и Долгополов - аферист, предлагавший свой способ поймать Пугачева, и Перфильев, один из самых стойких пугачевских соратников, и любимец Екатерины II Орлов, и живший во времена событий повести в Петербурге французский философ Дидро, рекомендовавший освободить крепостных в России, и царский военачальник Михельсон. А кто из подлинных остался? Пугачев, менее заметно четыре его сподвижника - Чика, Хлопуша, Белобородов, Чумаков - да Екатерина II. (Кстати, любопытно совпадение, связывающее императрицу с Оренбургом: основание города на его нынешнем месте и решение о приезде в Россию принцессы Ангальт-Цербстской Софии Фредерики Августы - будущей Екатерины Великой - 1743 год. И еще: когда Г.Р. Державин преподнес императрице свою оду "Фелица", она одарила его щедро и в благодарственном письме подписалась "киргиз-кайсацкой царевной". И свой адрес поставила: Оренбург, так как город был для нее символом Востока. Может быть, Пушкину обо всем этом было любопытно знать.)

..."Поверил я алгеброй гармонию" - это из пушкинского "Моцарта и Сальери". Согласившись, что у автора художественного произведения есть право на домысел, интересно все же поверить гармонию повести алгеброй реальных событий 1773 - 1774 годов. Потому что тут случай почти уникальный в мировом искусстве: автор в одно и то же время и писатель-художник в "Капитанской дочке", и исследователь в "Истории Пугачева".

Домысел и реальность переплетаются в повести причудливо. Вы заметили: Пушкин, описав бурю, дальше словно забывает о нем, если иметь в виду версию "летнего бурана"? И потом, через много недель, по нашим подсчетам - 7 октября, подъезжая к Оренбургу уже со стороны павшей Белогорской крепости, Гринев видит только еще работы по укреплению городских стен, причем колодники под началом гарнизонных инвалидов лопатами копают землю.

Авторы книги "Повесть А.С. Пушкина "Капитанская дочка". Комментарии" М.И. Гилельсон и И.Б. Мушина полагают, что тут некоторая неточ-

ность - насчет инвалидов. Так же, как нарушена историческая правда, когда в Белогорской перед комендантом выстроилось "человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах". В Оренбурге в 1833 году Пушкин, действительно, мог видеть инвалидные роты, но их создали только в конце XVIII, а в пугачевские времена их не было, инвалидов селили по монастырям и богадельням. Правда, слово "инвалид" могло быть употреблено в старинном смысле "ветеран".

Тем более, что и в повести А.П. Крюкова "Рассказ моей бабушки" в Нижнеозерной было "около полусотни... старых и закоптелых солдат, которые хотя и были немножко дряхленьки, но все-таки держались на своих ногах".

Запоздалые работы по укреплению городских стен - это явное использование свидетельства П.И. Рычкова из "Летописи": "Ежели бы Пугачев, не мешкав в Татищевой и Чернореченской крепостях, прямо к Оренбургу устремился, то б ему ворваться в город никакой трудности не было; ибо городские валы и рвы в таком состоянии были, что во многих местах безо всякого затруднения на лошадях въезжать было можно".

И инвалиды через два месяца после бурана копают землю, и генерал Р. занят в своем саду осенней, а не зимней работой: окутывает соломой стволы яблонь и обрезает сухие ветви. Деревья - еще только "обнаженные дыханием осени". Пушкин как бы вспоминает, что в "Истории Пугачева" записал исторически точно: "16 октября выпал снег", то есть еще только через десять дней.

Небезынтересно, как та же первая хронологическая дата: "в начале октября" аукается в конце повести. Вспомним, что сообщает оренбургский губернатор генерал Р. в Казанскую следственную комиссию в главе XIV "Суд": "Онный прапорщик Гринев находился на службе в Оренбурге от начала октября прошлого 1773 года до 24 февраля нынешнего года". Первая дата расплывчата, вторая обозначена точнее. И не зря.

Тут мы сталкиваемся с проблемой границ допустимости художественного вымысла в исторической реальности.

То, что Гринев отправился выручать невесту именно 24 февраля, придает повествованию оттенок правдоподобности. Хотя поехать он мог в любой день зимы 1773 - 1774 годов, это дела не меняло бы. Эта дата прекрасно согласуется со следующей, когда любящие воссоединились, Петр отправил невесту в отцовское поместье и вступил в отряд Зурина: "Это было в конце февраля". (Тут заметим мимоходом, что февраль был для Пушкина "прощальным" месяцем. Именно в феврале и в его судьбе были расставания с любимыми, и в некоторых его произведениях в этом месяце герои прощаются.)

А вот утверждение, что прапорщик был в Оренбурге "от начала октября", - вынужденно расплывчато по двум причинам.

Во-первых, оно повторяет ту первую дату в главе VI "это было в начале октября" (с поправкой на неделю от получения в Белогорской известия о Пугачеве до приезда Гринева в Оренбург).

Во-вторых, Пушкин помнит, что в "Истории Пугачева" указал: "5 октября Пугачев со своими силами расположился лагерем на казачьих лугах, в пяти верстах от Оренбурга". То есть практически начиналась осада города. И писателю не хочется вдаваться в подробности, как Гриневу удалось проникнуть в город. Ведь это мы, а не автор, высчитали точно, что прапорщик из павшей Белогорской прибыл в Оренбург 7 октября, а сам Пушкин объявлять эту дату не стал.

И это понятно: дату падения рядовой крепости, тем более вымышленной, можно было измыслить. Но дата начала осады губернской столицы - Оренбурга принадлежит уже истории. И Пушкин нашел способ примирить события повести и исторические реалии.

Если не утомили занимательные подсчеты, вспомним, что в "Истории Пугачева" Нижнеозерная, как и было в действительности, взята пугачевцами еще 26 сентября, за несколько дней до того, как в "Капитанской дочке" к коменданту Белогорской только еще приходит первое известие о пугачевщине.

Неожиданный результат мы получим, если задумаемся, когда бы исторически верно пришло в Нижнеозерную-Белогорскую то известие из Оренбурга, с которого все и началось, если не в тот вечер "в начале октября"? За 5 дней до штурма. То есть 21 сентября 1773 года (для века XIX - 20 сентября).

А это как раз тот день, когда Александр Сергеевич ровно через шестьдесят лет приехал в Нижнеозерную. Совпадение, конечно. Но - любопытное.

И последнее "ошибочное" обстоятельство, о котором мы побеседуем в этой главе.

Ю.Г. Оксман в известной статье "Пушкин в работе над романом" считает, что автор "Капитанской дочки" вынужденно изменил мотивировку появления Гринева в ставке Пугачева в Бердах. После неуспеха "Истории Пугачева" у публики, запрещения "Медного всадника" надо было обеспечить повести (или, как называет Оксман, - роману) цензурное прохождение.

Действительно, сначала Петр Гринев, получив отказ генерала Р. помочь спасти Марию Миронову, решал обратиться за помощью прямо к Пугачеву.

В беловике об этом было сказано определенно: "Я направил путь к Бердской слободе, к пристанищу Пугачева". А в окончательном варианте повести стало так: "Путь мой шел мимо Бердской слободы, пристанища пугачевского". Большая разница.

В рукописи "Савельич, онемев от изумления", понимает, что молодой барин специально приехал вместе с ним в пугачевскую столицу:

"Вскоре засверкали бердские огни. Я поехал прямо на них. "Куда, куда ты? - кричал Савельич, догоняя меня, - это горят огни у разбойников. Объедем их, пока нас не увидали. Петр Андреич - батюшка Петр Андреич!.. Не погуби! Господи владыко... пропадет мое дитя!"

Но в окончательном варианте верный Савельич едет с Гриневым не в Берды, а в Белогорскую, и его страшит только, что "никуда проезду нет от разбойников".

Первоначально Хлопуша говорил "Наумычу" Белобородову о Гриневе: "Офицер к нам волею приехал, а ты уж и вешать его". Но эти слова Пушкин, в корне изменив замысел, вычеркнул.

Было, когда бердинский караул окружил Гринева с Савельичем: "Я объявил им, что еду из Оренбурга к их начальнику".

В беловике большой абзац, начинающийся этими словами, перечеркнут решительными косыми линиями. А слева крестиком помечен вариант-вставка: "Я надеялся объехать слободу благополучно, как вдруг". В окончательной же редакции молодой офицер совсем уже прорвался через караул повстанцев и двинулся в Белогорскую. Но не мог бросить в беде отставшего Савельича, вернулся, пугачевцы схватили его и силой доставили к "царю-батюшке".

Даже больше, только уже после того, как Пугачев стал расспрашивать доставленного к нему Гринева о цели поездки, Петр вдруг решает просить о помощи. Потому что понял: "Провидение... подавало мне случай привести в действие мое намерение". А то бы, может, и не попросил, предпочел бы действовать на свой страх и риск. В беловике же он, приехав к Пугачеву, первым делом говорил: "прибегаю к твоему суду. Жалуюсь на одного из твоих людей, и прошу тебя защитить сироту, которую он обижает". Как видим, перемена в окончательном тексте повести в сравнении с беловиком коренная.

Но, думается, кроме подмеченной Ю.Г. Оксманом, есть и другая причина изменения пушкинского замысла. Обращение за содействием к Пугачеву было бы в духе тех "старинных романистов", которых Пушкин с юмором поминает в последней фразе главы X. Ведь одно дело вынужденная встреча с Пугачевым на плацу в Белогорской у виселицы, а потом на пирушке - и совсем другое поехать в логово врага, нарушая присягу, обратиться за помощью к предводителю восставших.

А присягу молодой прапорщик блюдет свято. Например, тут, в ставке Пугачева Гринев, отчетливо понимая, что повстанцы прекрасно знают истинное положение в осажденном голодающем Оренбурге, все равно "по долгу присяги стал уверять, что все это пустые слухи и что в Оренбурге довольно всяких запасов". Атаман Белобородов его тут же уличил и стал уговаривать Пугачева повесить офицера. И "слова проклятого старика, казалось, поколебали Пугачева". Но иначе поступить Гринев не мог.

Новый замысел Пушкина: его герой едет в Белогорскую, а не к Пугачеву в Берды - стал тоньше и еще больше в пользу Гринева. Он сам решает сражаться за свою любовь, а там - будь что будет. Мы-то знаем, что все равно Пугачев поможет, спасет. Но уже по воле providения - это любимый пушкинский мотив - а не по прямой просьбе.

Однако в окончательном варианте повести остался след варианта первоначального. Меняя замысел, Пушкин не заменил эпиграф к этой главе:

В ту пору лев был сыт, хоть сроду он свиреп.

"Зачем пожаловать изволил в мой вертеп?" -

Спросил он ласково.

А. Сумароков

Здесь, как видим, речь о госте, а не о пленнике. (Кстати, тут явная мистификация: нет у Сумарокова этих стихов, их сочинил сам Пушкин, точно подражая сумароковскому стилю. Отметим, что тут, у Пушкина, Пугачев - хозяин вертепа, - лев, зверь царственный, так же как он - царственная птица - орел в сказке об орле и вороне, тоже, может быть, сочиненной самим Александром Сергеевичем, потому что фольклорного прототипа этой "калмыцкой сказки" не найдено.

Есть и еще несколько "швов". Вспомним, что Хлопуша в перепалке с Белобородовым говорит: "я губил супротивника, а не гостя". Ведь в окончательном варианте Гринев не гость, он не по воле своей попал в Берды.

Прав и Ю.Г. Оксман, увидев след первого замысла в оставшихся в "Капитанской дочке" словах о "мысли", мелькнувшей у Гринева, когда он получил отказ у генерала Р. В рукописи было определеннее: "странная мысль". Оставшаяся просто "мысль" стала читаться как замысел самому отправиться в Белогорскую. "Странная мысль" означала поездку в Берды за помощью к Пугачеву.

Однако Пушкин не насовсем отбросил это словосочетание, важное для характеристики главного героя. Он полностью перенес его чуть дальше, в то место, где Гриневу, уже попавшему неволью в ставку Пугачева, странной покажется даже мысль просить содействовать в освобождении Марьи Ивановны. Хотя этот поступок куда менее может затронуть честь молодого офицера.

Но трудно было известному пушкинисту увидеть другой оставшийся "шов". Для этого надо знать оренбургскую географию. Если Гринев решил сам ехать прямо в Белогорскую да еще зимой, когда Сакмара замерзла, то, выехав из города, он мог пересечь реку сразу же почти у впадения ее в Урал - и двинуться дальше на запад по правобережной цепочке приуральских крепостей. А его с Савельичем почему-то понесло намного севернее, чуть ли не на десяток километров вверх по Сакмаре: "Путь мой шел мимо Бердской слободы, пристанища пугачевского".

Помимо воли Гринева Пушкин послал его непрямою дорогой - к Бердам.

Но без этой "ошибки" сюжет "Капитанской дочки" очень многое потерял бы. Не было бы великолепной сцены в бердинской "золотой избе", очень важной дорожной беседы Пугачева с Гриневым, сказки об орле и вороне. Да и вообще трудно представить себе, как бы иначе автор снова свел Петра с предводителем восставших, как бы перенес действие опять в Белогорскую и освободил Марью Ивановну.

Без этой "ошибки" совершенно невозможно было бы свести концы с концами во второй части повести.

СКУПОЙ РЫЦАРЬ

"Старый Савельич, его камердинер, сказывал мне, что первые годы супружества были счастливы". Это - об отце и матери героя.

Читатель, хорошо знакомый с "Капитанской дочкой", воскликнет:
- Да нет там этой строки!

И будет совершенно прав. Этот старый слуга Савельич - из другого пушкинского произведения, из начатого и оставленного романа "Русский Пелам", который обычно датируется 1834 годом, то есть временем, когда обдумывалась и "Капитанская дочка". Там же, кстати, мы встретим и пьяницу гувернера-француза, напоминающего мосье Бопре.

Александр Сергеевич был в каком-то смысле "скупым рыцарем". Причина - в необычайной плотности художественной ткани его произведений. И просто в его явных симпатиях, иногда и не объяснимых, к каким-то персонажам, фразам и деталям.

Мы уже имели случай заметить скупость, с какой Пушкин распоряжается языковыми средствами. Теперь посмотрим, как он экономил детали и переносил понравившееся в другие произведения.

Откроем в повести главу VII "Приступ" на том месте, где комендант Белогорской выпалил из пушки в мятежников: "Картечьхватила в самую середину толпы". Точно эту же фразу мы встретим в "Путешествии в Арзрум", законченном незадолго до оренбургской повести. Только там русские артиллеристы стреляют в турок.

В другом пушкинском "Путешествии" - "Путешествии из Москвы в Петербург", законченном за год до "Капитанской дочки", читаем: "Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений..." Да это ведь почти дословно - в главе VI "Капитанской дочки" "Пугачевщина"!

В уже упомянутом "Русском Пеламе" "отец мой был пожалован сержантом, когда еще бабушка была им брюхата". А вот в одном из вариантов "Капитанской дочки": "Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом". И в конце главы II "Вожа-тый" в окончательном тексте повести очень похожее: "почти в утробе матери я был уже гвардии сержантом!"

В "Дубровском" разбойник-караульщик запекает ту же песню, что и Чумаков в "Капитанской дочке": "Не шуми, мати зеленая дубровушка".

А в черновике "Барышни-крестьянки" Настя напевала песенку "Капитанская дочь / Не ходи гулять в полночь", ту, что потом будет петь Швабрин.

В "Капитанской дочке" есть "прачка Палашка, толстая и рябая девка, и кривая коровница Акулька". В "Дубровском" автор объединил их в "Акулину, толстую, рябую девку".

А в первом абзаце "Пиковой дамы" мы встретим Сурина, участника офицерской карточной игры. Но если другие - Нурумов, Томский, Германн будут действовать еще не раз, то Сурин упомянут лишь единожды и потом исчезает. Вот это для экономного Пушкина совсем не характерно.

Фамилия этого мимолетного персонажа - оренбургская. Капитан П.И. Сурин был выслан комендантом Нижнеозерной крепости с ротой солдат и сотней казаков в помощь Рассыпной. Но Пугачев разбил отряд, а капитана повесил. Сурина Пушкин упоминал неоднократно: в "Истории Пугачева", в примечании к ней, в записной книжке.

Почему же в "Пиковой даме", написанной болдинской осенью 1833 года по возвращении из оренбургского путешествия, вдруг мелькнула эта фамилия? Почему она вспомнилась Пушкину?

Нетрудно предположить, что она может трактоваться и как созданная по тому же "речному" принципу, что и Ленский, Онегин. Реку Суру, кстати, Александр Сергеевич хорошо знал. По дороге в Оренбург на пароме через эту реку он записал от спутницы рассказ о коменданте одной из крепостей, который вместе с помощником в свой смертный час действовал точно так же, как в "Капитанской дочке" капитан Миронов с поручиком Иваном Игнатьичем: "не захотели присягнуть и в глаза обличали самозванца".

Генерал Р. существует тоже не только в "Капитанской дочке", но и в неоконченном произведении "Гости съезжались на дачу..." Причем тут он тоже седой, так как сказано, что красит волосы. Любопытно, кстати: фамилий на "Р" не так уж много, но Пушкин почему-то любил инициал Р., когда речь шла о вымышленном герое. Некто Р. есть еще и в "Метели", и в "Барышне-крестьянке", и в "Романе в письмах".

Так же любил он и Б. Господа и госпожи Б. есть в "Капитанской дочке", "Истории села Горюхина", "Рославлеве", "Гости съезжались на дачу", "Записках молодого человека".

Вспомнив "князя Б., близкого нашего родственника", как он аттестован в первом абзаце "Капитанской дочки", заметим, как экономит Пушкин самых незначительных действующих лиц уже внутри повести. Ведь этот же князь Б. в последней главе появится опять, чтобы написать письмо старику Гриневу об аресте Петра.

Даже совсем уж незаметный персонаж - "старый инвалид", первый встретившийся Гриневу белогорец, который сидел в передней комендант-

ского дома на столе и нашивал синюю заплату на локоть зеленого мундира, - и тот вскоре понадобится, чтобы сначала от имени Василисы Егоровны позвать приехавшего накануне Петра обедать, а потом вместе с Палашкой накрывать на стол.

А давайте вспомним капрала, который, вместо бежавшего Максимыча, пришел доложить Гриневу об измене в крепости и появлении в степи пугачевцев. Другой писатель бросил бы этого капрала: мелькнул - и ладно. Но не таков Пушкин. Он умеет несколькими штрихами нарисовать жизненную линию даже третьестепенного действующего лица.

Белогорская пала. Повесили не только коменданта и поручика Ивана Игнатьича, ведь после неожиданного помилования Гринев "стал смотреть на продолжение ужасной комедии". Виселица с жертвами упоминается и в двух следующих главах.

А в третьей, когда Савельич сунулся к Пугачеву со своим реестром "барскому добру, раскраденному злодеями" и тот подозвал прочесть "обер-секретаря", то "молодой малый в капральском мундире проворно подбежал к Пугачеву".

Не капрал - а малый в капральском мундире, большая разница.

И мы понимаем, что не только три офицера отказались присягать самозванцу. Наверно, и капрал окончил свою жизнь на виселице. А мундир с него снял тот самый "обер-секретарь", который вопреки громкому титулу "стал по складам читать".

Между прочим, и это снова говорит в пользу сближения Нижнеозерной и Белогорской, Пушкин знал приложенный к рапорту Рейнсдорпа в Военную коллегию "Реэстр убитым от самозванца людям", в котором говорится: "В Нижне-Озерной крепости комендант Харлов, прапорщики Фигнер, Кабалеров, комендантский писарь Скопин, казачий капрал Бикбай повешены".

По догадке Р.В. Овчинникова, именно капрал Бикбай командовал лазутчиками, которые, согласно предсмертному рапорту коменданта Харлова, накануне падения Нижнеозерной совершили вылазку в пугачевский лагерь, захватили трех повстанцев и доставили в крепость. И победители, конечно, не могли ему этого простить.

Так что у белогорского капрала, судьбу которого Пушкин проследил на нескольких страницах, существовал прототип.

Мы говорим о пушкинской экономности на примере "Капитанской дочки". Но это - общий принцип, который распространяется на все творчество Александра Сергеевича.

Уже упоминался неожиданный синоним "вдохновения" - "дрянь", употребленный в "Египетских ночах". Однако полистаем пушкинский томик - и наткнемся в "Отрывке" почти дословно на то же самое:

"Когда находила на него такая дрянь (так называл он вдохновение), то он запирался в своей комнате и писал в постеле с утра до позднего вечера".

Читаем "Роман в письмах" - и вспоминаем, что уже встречали некоторые строки в "Метели" и "Барышне-крестьянке".

В "Дубровском" няня Владимира Орина Егоровна пишет ему: "Приезжай ты к нам, соколик мой ясный, мы тебе и лошадей вышлем..." А вот что писала самому Пушкину его няня Арина Родионовна: "Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское, всех лошадей на дорогу выставлю".

Пушкин очень неохотно вводит новых персонажей и так же неохотно расстается со старыми. Если в конце первой же главы повести сказано, что Гринев, в пух и прах проигравшийся Зурину, выехал из Симбирска, "не простясь с моим учителем и не думая с ним уже когда-нибудь увидеться", то мы уверены, что Зурин еще обязательно встретится.

И с вожатым Гринев не предполагает встретиться снова, но - встречается.

"В ДОЛЖНОЙ СОРАЗМЕРНОСТИ"

"Капитанская дочка" - само совершенство. Во всех смыслах. В том числе и в композиционном. Повесть удивительно гармонично сложена.

Точны слова известного писателя В.А. Соллогуба в "Опытах критических оценок: Пушкин в его сочинениях" о том, что автор "Капитанской дочки" "спокойно распределил в должной соразмерности все части своего рассказа, утвердил свой слог достоинством, спокойствием и лаконизмом истории и передал просто, но гармоническим языком исторический эпизод".

Как это Пушкину удалось?

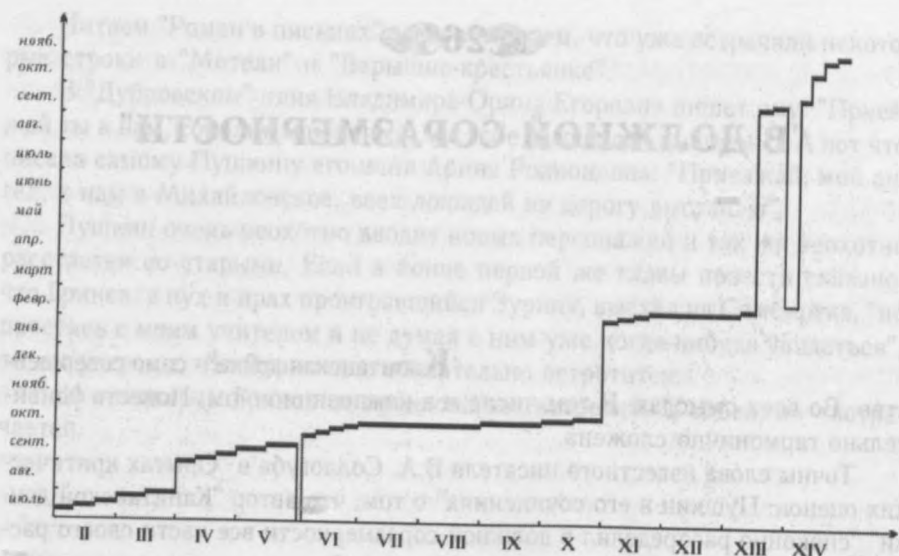
Мы уже начали разговор о художественном времени. Кроме того, что автор волен распоряжаться им, у этого времени есть несколько любопытных свойств, и об этом мы сейчас поговорим на примере "Капитанской дочки".

Художественное время, если брать его упрощенное толкование, - это реальное, историческое время за вычетом промежуточного времени, не отраженного в произведении. Томас Манн сказал очаровательно точно: "На прекрасном празднике повествования и воспроизведения пропуски играют важную и неперемнную роль".

Поучительные выводы мы получим, если составим график отношения в повести художественного времени - к времени реальному. На оси абсцисс отложим художественное время, взяв главы II - XIV и опустив главу I и послесловие, иначе размеры графика резко увеличатся. А на оси ординат отложим реальное время: месяцы с июля 1773 года по ноябрь 1774 года - от первой встречи Гринёва с вожатым-Пугачевым до отъезда из Царского Села Марьи Ивановны, получившей из рук императрицы помилование для Петра и письмо к будущему свекру.

Такой временной график особенно показателен именно для "Капитанской дочки", где автор иногда старается тщательно датировать события, часто уточняя даже, когда именно происходит действие: утром ли, днем или вечером, или на следующий день. И события происходят в строго хронологической последовательности, за исключением последней главы.

В ней мы столкнемся с обратным временем: пребывание Марьи Ивановны у будущих свекра и свекрови, сразу же полюбивших ее, хронологи-

чески происходит до предшествующих событий второй части предыдущей и начала этой заключительной главы.

Поэтому специально оговаривается: "Я не был свидетелем всему, о чем остается мне уведомить читателя; но я так часто слышал о том рассказы, что малейшие подробности врезались в мою память и что мне кажется, будто бы я тут же невидимо присутствовал".

Здесь заканчивается повествование от первого лица, которое требует, чтобы рассказчик непременно был в гуще событий. Следующий после "уведомления читателя" абзац вынужденно начинается уже по-иному. От "Марья Ивановна принята была моими родителями..." - и до самого конца повести "В тот же день Марья Ивановна, не полюбопытствовав взглянуть на Петербург, обратно поехала в деревню..." Обе эти фразы не случайно содержат имя героини последнего отрезка повести. Гринев в этом отрезке - лицо пассивное, ему остается только ждать развязки.

У Пушкина бывали и куда более резкие хронологические перестановки: в "Выстреле" он начинает даже с середины, а затем лишь переходит к тому, что хронологически является началом.

Правда, когда в повести увеличивается промежуточное, "пустое" время, точные даты исчезают. Но их иногда можно установить косвенно. Например, Гринев уезжает из осажденного Оренбурга 24 февраля 1774 года - это следует через несколько глав из письма генерала Р. в Казанскую следственную комиссию.

Таким способом можно и примерно установить время ареста Гринева. Оно - вскоре после получения "известия о поимке самозванца". Арестовали Пугачева его сподвижники, по "Истории Пугачева", 14 сентября 1774 года. (На самом деле - 8 сентября. А 14 сентября передали его

царским войскам.) Некоторые же даты можно предположить лишь с точностью до недели-другой.

Хотя снова приходится напомнить о праве писателя произвольно распоряжаться художественным временем.

По этому праву Пушкин начинает вторую главу повести бураном в июле и заканчивает последнюю главу только еще пожелтевшими липами в Царскосельском парке, хотя по приблизительным подсчетам это уже ноябрь, когда на самом деле петербургская осень давно оголяет деревья и заливает дождями. Ведь в послесловии Издателя сказано, что Петр Гринев "был освобожден от заключения в конце 1774 года", и случилось это, конечно же, вскоре после встречи Марьи Ивановны с императрицей.

Но вот о чем интересно подумать: даже если сравнительно небольшой отрезок произведения автором датирован, то это уже настраивает читателя на временной ритм, который ожидаемо должен подчинить себе и те отрезки, где время действия условно.

Если говорить о "Капитанской дочке", то в ней Пушкин обозначает довольно точно началом октября цепь событий в Белогорской и Оренбурге. Потом он перестает расчислять время действия некоторых глав. Но, помимо авторской воли, в сознании читателя продолжает звучать заданный хронологически-ритмовый строй.

Может быть, это один из законов восприятия времени художественного произведения?

На графике получились довольно причудливые ступеньки. Выделенные отрезки - это действие в "Капитанской дочке". Тонкие вертикальные линии - это пропущенное, промежуточное время.

Какие выводы поможет сделать этот график?

Если мы построим такие же графики произведений допушкинской русской прозы, то заметим, что у Пушкина художественное время протекает многообразнее. А это - простор для фантазии и творческого мастерства Александра Сергеевича.

Кроме того, мы осознаем, насколько плотно художественное время "Капитанской дочки". В самых напряженных, решающих главах - общие ступеньки. В главах VII "Приступ" и VIII "Незванный гость" действие происходит в длинный, драматичный день падения Белогорской. А во второй части главы XI "Мятежная слобода", всей главе XII "Сирота" и начале главы XIII "Арест" такая же общая ступенька: столько событий уместилось в день, когда Гринев с Пугачевым приехали в Белогорскую, освободили Машу, а потом грозный для всех "Пугач" благословил и отпустил на все четыре стороны влюбленных!

Как видим, много глав с небольшими ступеньками внутри каждой насыщенной событиями главы. Обычно это действие "сегодня" - "и на другой день" - а часто "еще на следующий день".

Все художественное время повести, как нетрудно заметить, распадается на пять "плато". Что мы можем о них сказать? Первое: они довольно симметричны, по два более коротких вокруг длинного в середине. Отсюда ощущение уравновешенности композиционного построения "Капитанской дочки". Второе: разрывы между этими "плато"-промежуточное время - заметно увеличиваются к концу, задавая определенный ритм. А это придает композиции динамичность.

Нетрудно понять и природу провалов в графике. Один - это довольно обширное историческое отступление в начале главы VI, сделанное для того, чтобы мы узнали предысторию пугачевщины. Оно простирается вниз, под ось абсцисс минимум до 1772 года.

Другой - симметричный, в главе XIV - это пропуски в сюжете, позволяющие опустить ненужные подробности о монотонной жизни Гринев в тюрьме и о таком же ничем не примечательном житье Марьи Ивановны в гриневском поместье.

Интересны и еще по меньшей мере семь более узких провалов, которые на графике не изобразишь из-за их мелкого масштаба. Назначение их - иное. Сюжетно необходимо, чтобы герои обменивались информацией о том, что с ними случилось. Но мы-то, читатели, все уже знаем из текста. Поэтому меньше абзаца дает автор попадье, чтоб она пересказала Гриневу то, что произошло в Белогорской за время его отсутствия. Примерно столько же получает Гринев, который своим следователям из Казанской комиссии "рассказал, как началось мое знакомство с Пугачевым в степи, во время бурана" и т. д.

Остальные информации - буквально в одну фразу. Это ответное повествование Гринев попадье: "Я в свою очередь рассказал ей вкратце свою историю". Потом "Марья Ивановна рассказала мне все, что с ней случилось с самого взятия крепости". И еще два ее коротких экскурса в прошлое: она "рассказала моим родителям о странном знакомстве моем с Пугачевым", а в Царском Селе императрице "она с жаром рассказала все, что уже известно моему читателю". В последнем случае уже прямо говорится о вынужденном характере таких мини-отступлений. Кроме того, сам Гринев "рассказал свои похождения" Зурину, попав в его отряд.

Нетрудно заметить, что все эти провалы-отступления поворачивают художественное время вспять.

В повести существует и параллельное время: к примеру, о заточении Марьи Ивановны и притязаниях Швабрина сообщают Гриневу сначала сама Марья Ивановна в своем письме, а потом попадья. Гринев же в это время "умирал со скуки" вдалеке, в осажденном Оренбурге. Или: в то время, когда до стариков-Гриневых доходит весть об "измене" сына, а потом Марья Ивановна едет в столицу и получает аудиенцию у Екатерины II, самого Петра "опять отвели в тюрьму и с тех пор уже к допросу не требовали".

На графике невозможно отдельно отразить диалоги. Можно лишь сказать; что в них художественное время совпадает с реальным.

Здесь прослеживаются объективные закономерности. Если же к слову сказать о просто совпадениях, то 14 глав повести плюс пропущенная в сумме дают 15 - количество букв в имени и фамилии "Александр Пушкин". А количество ступенек графика, то есть дней, в которые что-то происходило в "Капитанской дочке" - 30 - это в сумме количество букв в именах и фамилиях трех главных героев повести "Петр Гринев Марья Миронова Пугачев".

Особая плотность текста, беззазорность задается уже первыми строками. "Да кто ж его отец?" - заканчивается эпиграф Княжнина. А следующая строка, пушкинская как бы отвечает на это, подхватывает: "Отец мой Андрей Петрович Гринев..." и т. д.

Что еще содействует стройности композиции повести, держит сюжет, как обручи - бочку? Пушкин воспользовался распространенным художественным приемом: "кольцом". Вспомнив снова, что "Капитанская дочка" - это проза поэта, назовем прием этот и своеобразной рифмовкой.

Он "закольцевал" буран, который у него и в начале повести, и в конце. Ведь оклеветанный Гринев объяснил суду в предпоследней главе: "Началось мое знакомство с Пугачевым в степи, во время бурана". И когда в последней главе Марья Ивановна, как мы уже упоминали, "с жаром рассказала все, что уже известно моему читателю", той даме, которая оказалась Екатериной II, обязательно было и о встрече в буране.

Такое "кольцо" - яркое художественное средство. Оно позволяет подчеркнуть что-то особо важное для понимания произведения. Поэтому кажется странным, что исследователи пушкинского творчества как-то пропустили и другое очень важное "кольцо".

"Разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват. Да обоих и накажи", - командует комендантша. Известно, что эта фраза стала предметом принципиального спора Белинского с Гоголем. В "Выбранных местах из переписки с друзьями" Гоголь ею восхитился. Белинский же в "Письме к Гоголю" разгневался:

"А ваше понятие о национальном русском суде и расправе, идеал которого нашли вы в словах глупой бабы в повести Пушкина и по разуму которого должно пороть и правого, и виноватого? Да это и так у нас делается вчистую, хотя чаще всего порют только правого, если нечем откупиться от преступления - быть без вины виноватым".

А вот и пушкинское "кольцо", оно в конце "Пропущенной главы", там, где горькая правда о том, что не было правых и виноватых в жестокой войне:

"Мы проходили через селения, разоренные Пугачевым, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что оставлено было им разбойниками... Начальники отдельных отрядов, посланных в погоню за Пугачевым, тогда

уже бегущим к Астрахани, самовластно наказывали виновных и безвинных".

Тут уж вершили те же суд и расправу именем всероссийской комендантши Екатерины II.

И это пушкинское "кольцо" во многом, на мой взгляд, объясняет то, что написал Александр Сергеевич через предложение после "самовластно наказывали виновных и безвинных". Фразу необъятно глубокую, поэтому и спорят о ней вот уже полтора века историки и политики:

"Не приведи бог видеть русский бунт - бессмысленный и беспощадный".

Пушкин, без сомнения, понимал: строка о том, что царские "начальники ... самовластно наказывали виновных и безвинных", через цензуру не пройдет. Видимо, это явилось одной из причин, почему он вынужден был убрать из Беловой рукописи главу, которую назвал "Пропущенной". Те строки из крамольного текста он частично перенес из "Пропущенной" в главу XIII "Арест". Здесь самая опасная фраза смягчена: "начальники самовластно наказывали и миловали".

Своего рода "кольцо" есть и в начале главы IV "Поединок" - и в конце главы V "Любовь". "Прошло несколько недель, и жизнь моя в Белогорской крепости сделалась для меня не только сносною, но даже и приятною". Для молодого офицера события в мире его личной жизни и в во внешнем мире больших общественных потрясений - суть явления одного порядка. Отсюда и абзац:

"Несмотря на предсказания, башкирцы не возмущались. Спокойствие царствовало вокруг нашей крепости. Но мир был прерван внезапным междоусобием".

Тут речь идет уже о другом - о возмущении душевного мира Петра Гринева. Дуэль с негодяем Швабриным. А потом - крушение надежд.

Уже третье. Первое было, когда Петр узнал: "Вместо веселой петербургской жизни ожидала меня гарнизонная скука в стороне глухой и отдаленной".

Вторая утрата еще остававшихся иллюзий: и Белогорская крепость не оправдала ожиданий:

"Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал; но ничего не видел, кроме деревушки, окруженной бревенчатым забором".

Гринева, начитавшийся книг об этикете, войдя в первый раз в комендантский дом, велит доложить о себе хозяевам. На что слышит патриархальный ответ:

"Войди, батюшка, - отвечал инвалид, - наши дома".

Его первый командир - комендант крепости, вместо бравого вояки, оказывается стариком в колпаке и халате, и всем тут командует его жена, которая аттестует капитана все с тем же патриархальным простодушием:

"Только слава, что солдат учишь: ни им служба не дается, ни ты в ней толку не ведаешь. Сидел бы дома да богу молился, так было бы лучше".

А гарнизон крепости - кучка "стареньких инвалидов".

И теперь третье потрясение: батюшка не позволил жениться на Марье Мироновой.

Отсюда и переключка-кольцо, но теперь уже с отрицанием через несколько страниц: "Жизнь моя сделалась мне несносна".

И если внутренний, душевный гриневский "мир был прерван внезапным междоусобием", то этот мотив спокойствия, внезапно сменяемого бурными событиями, снова возникнет, когда будет прервана пугачевщиной и привычная устойчивость внешнего, большого мира:

"Неожиданные происшествия, имевшие важные влияния на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение".

Если уж к слову пришлось, то у Пушкина нередко такие неожиданно поворотные обстоятельства. Вспомним из "Истории села Горюхина": "Нечаянный случай разрешил мои недоумения".

"Закольцована" и глава II "Вожатый", в которой Гринев въезжает в Оренбуржье. "Я приближался к месту моего назначения". Он попадает в буран, встречается с вожатым-Пугачевым, счастливо избавляется от опасности, является в Оренбурге к генералу Р., получает назначение в Белогорскую. И последняя фраза главы: "На другой день я простился с генералом и отправился к месту моего назначения".

Есть в повести и еще повторы-переключки, которые композиционно скрепляют сюжет.

В первой главе "однажды осенью" Гринев-отец читает "Придворный календарь", матушка хлопочет по хозяйству, варит варенье. На этом семейном совете решается важное дело: отправить Петрушу на службу в Оренбург. В последней главе "однажды вечером" старик-Гринев читает все тот же "Придворный календарь", мать тоже занята, вяжет. И решается тоже важный шаг: Марья Ивановна поедет в Петербург.

А другой повтор-кольцо - в начале IX главы "Разлука" и в эпилоге. Пугачев спас Петра Гринева от виселицы. На следующее утро пощаженный молодой офицер приходит к комендантскому дому, где народ приветствует вожда восставших. "Пугачев, увидев меня в толпе, кивнул мне головою и подозвал к себе". А в последних строках повести уже автор- "Издатель" рассказывает, что Гринев "присутствовал при казни Пугачева, который узнал его в толпе и кивнул ему головою". В первый раз Пугачев здоровается, во второй - прощается навек.

"Головою", казалось бы, избыточное слово, "кивнул" вроде бы достаточно. Но в эпилоге это слово "головою" необходимо, ибо после запятой дальше: "которая через минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу".

Такие "кольца", кроме большого смыслового эффекта, работают и на композиционную уравновешенность, которую наглядно показал нам график.

Подобный же секрет стройности повести заключен и в других парных сюжетных ходах и деталях, которые рассыпаны по "Капитанской дочке". Вспомним хотя бы некоторые.

Спасение Марьи Ивановны - спасение Гринева. Марья Ивановна у постели лежащего в бесспамятстве после дуэли Гринев - Гринев у ложа Марьи Ивановны, лежащей в бесспамятстве и в бреду после страшных событий в Белогорской.

Гринев дарит вожатому заячий тулупчик - Пугачев отдаривается тулупом овчинным.

Две встречи молодого героя повести с Пугачевым на пирах-военных советах; тоже по две встречи - с генералом Р. и с Зуриным. Два его приезда в Белогорскую.

Два сходных осенних пейзажа 1773 и 1774 годов: генерал Р. осматривает яблони, "обнаженные дыханием осени" - Марья Ивановна идет по Царскосельскому парку, где "солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени".

Дважды видит Пугачев Марью Ивановну: у попадьи за перегородкой в бесспамятстве и в светлице комендантского дома-тюрьмы Швабрина, причём Пугачев тут ее не узнает.

Дважды проговаривается комендантше простодушный Иван Игнатьич - о дуэли и о Пугачеве, и дважды один и тот же нехитрый прием применяет такой же простодушный комендант, чтобы выпроводить на время жену.

Дважды ссылается Пугачев на Гришку Отрепьева, который "поцарствовал же над Москвою", как на пример "удачи удалому".

А разве не перекликаются эпизоды с участием Петра Гринева - и Зурина и Швабрина? Оба - своего рода змеи-искусители молодого человека, наивного и открытого. Зурин, чтобы вытянуть деньги, подпаивает Гринева, рассказывая армейские байки, от которых тот "со смеху чуть не валялся". А Швабрин, сразу распознав и оценив очевидного соперника в борьбе за сердце Марьи Ивановны, зло шутит, черня семейство коменданта, и Петр, снова не понимая, участником какой игры он невольно становится, "смеялся от чистого сердца".

А вот этот повтор-перекличка в "Капитанской дочке" связывает ее с "Историей Пугачева". "Не стану описывать оренбургскую осаду, которая принадлежит истории, а не семейственным запискам" - "Не стану описывать нашего похода и окончания войны. Скажу коротко, что бедствие доходило до крайности". Тут Пушкин, верный своему принципу простоты и краткости повествования, явно отсылает желающих узнать о пугачевщине подробнее к своему историческому труду.

...Пушкин - одна из самых гармонических личностей в мировой истории. В нем, не споря, удивительно сочетались поэт, беллетрист, драматург, историк, критик, фольклорист, лингвист, философ, теоретик литературы, журналист, редактор, политик... Здесь поневоле ставишь многоточие. Как, к примеру, определить, кем был Пушкин, когда задумался над проблемами только еще начинавших проектироваться и строиться железных дорог? А он в письме В.Ф. Одоевскому предвидит, что в нашем климате встанет проблема борьбы со снежными заносами: "Для сего должна быть выдумана новая машина, во что бы то ни стало". Каков размах: от тонкой лирики до очистки путей от снега!

В нем соседствовали эпикурейское "Подыдем стаканы, содвинем их разом!" с выстраданной мудростью "Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?" Его разносторонний русский характер впитал в себя и необузданную страстность эфиопского предка Ганнибала, и созерцательную рассудочность прусского предка Радши.

И просто физически он был гармоническим, изящным созданием природы. Будучи роста небольшого - мы уже говорили: 166,7 сантиметра - он, по воспоминаниям современников, казался выше из-за того, что был очень пропорционально сложен.

И это обстоятельство очень интересно перекликается... с композицией "Капитанской дочки".

Термин "золотое сечение", "золотая пропорция" ввел Леонардо да Винчи. А его современник монах и математик Лука Пачоли назвал свою книгу даже "Божественная пропорция". Он вкладывал такой математико-теологический смысл в эту пропорцию: Бог-отец так соотносится с Богом-сыном, как Бог-Дух Святой с Богом-отцом.

Но этот принцип деления в точно определенных пропорциях знала еще древность. Отчего так красиво-стройны египетские пирамиды, Парфенон или микельанджеловский Давид? Оттого, что созданы с учетом "золотого сечения".

Прочитую автора книги "Золотое сечение в живописи" Ф.В. Ковалева о том, что это сечение "является высокоорганизованной формой, способствующей наиболее ясному выражению содержания, наилегчайшему зрительному восприятию и появлению у зрителя ощущения красоты".

Действительно, давайте вспомним хотя бы две широко известные "пушкинские" картины: "А.С. Пушкин на акте в Лицее 8 января 1815 года" И.Е. Репина и "Александр Сергеевич Пушкин в селе Михайловском" Н.Н. Ге. На обеих фигуры поэта, читающего свои стихи, смещены относительно центра на точно рассчитанное расстояние. На первой вправо, на второй влево. И обе картины как бы поют.

Строго говоря, "золотое сечение" зиждется на физиологических основах восприятия окружающего мира человеческим глазом. Но, может быть,

оно верно и для любого композиционного восприятия человека, в том числе и литературы? Ведь наибольший объем информации мы получаем через зрение. В том числе и от литературы - читаемой.

Так что же такое "золотое сечение"? Это деление в крайнем и среднем отношениях, гармоническое деление отрезка АС таким образом, что большая его часть АВ относится к меньшей ВС так, как весь отрезок АС относится к АВ. Формула простая $AB:BC=AC:AB$. Приблизительно-арифметически можно рассчитать, что большая часть отрезка должна быть равна примерно 8 частям, а меньшая - 5. Весь же отрезок, естественно, - 13. Это - и идеальная пропорция мужского тела. Если весь рост определить в 13 долей, то нижняя часть гармонически сложенной фигуры до пупка составит 8 долей, а верхняя - 5.

В этом "золотом сечении" разгадка, почему так гармонически пропорциональны и автор повести "Капитанская дочка", и ее композиция, делающая произведение чудом соразмерности.

В повести 14 глав. Первая читается как вводная.

Потом действие идет по нарастающей. Буран. Первая встреча Гринева с Пугачевым. Любовь к Марье Ивановне. Штурм и падение Белогорской. Новая встреча героя с теперь уже крестьянским царем. Нежданное помилование. Решающая беседа, когда Гринев, как мы уже говорили, трижды отказывается: признать Пугачева императором, служить ему и не воевать против него, если будет отпущен в Оренбург. И в главе IX Гринев покидает Белогорскую.

Если бы Пушкину пришлось в голову разделить повесть на два тома, то первый кончился бы, наверно, этим эпизодом в главе IX "Разлука". Это - отрезок АВ.

А "том второй" - ВС - вбирает в себя уже иное: два симметричных спасения. Гринев освобождает с помощью Пугачева из заточения Машу, которая оказывается в беде из-за того, что суровые законы крестьянского бунта губят ее семью и угрожают ее счастью. А потом Марья Ивановна освобождает из заточения Петра Гринева, которого могут погубить законы уже дворянской государственности. Так что отношение "тома первого" к "тому второму" - первая составляющая золотого сечения - АВ:ВС.

Если же взять всю повесть целиком как АС, то она так же четко соотносится с "томом первым", АВ. Как мы уже имели другой повод заметить, вся "Капитанская дочка" от первой встречи Гринева с Пугачевым до последней, когда Петр присутствует при казни самозванца, знаково перекликается с "томом первым". Пугачев, за мгновение до смерти, с Лобного места узнав в толпе Гринева, кивает ему головой. Так же, как кивнул в конце "тома первого", то есть в главе IX, "Петр III" в Белогорской, узнав в толпе молодого офицера. Дважды в повести в мгновения трагедии - и торжества Пугачев связующим взглядом своим находит Петра Гринева. Узнавая-прощаясь - и узнавая-выделяя.

Сочтем арифметически и смыслово соотношения "тома первого" к "тому второму" - и всей повести к "тому первому". Золотое сечение!

В сочетании с известной композиционной симметричностью, которую нам наглядно показал график соотношения художественного и реального времен, волшебная асимметрия золотого сечения дает поразительный эффект совершенства.

Намеренно ли использовал Пушкин в "Капитанской дочке" "золотую пропорцию"? Или, наоборот, этот процесс и во всем его творчестве был подсознательным? А, может, к тому же ответно влиял на формирование гармонической личности Александра Сергеевича?

Вопрос сложный и спорный. Но не зря Леонардо да Винчи интересно размышлял о том, что художественный образ должен не только соответствовать внешнему миру, но и отвечать заложенной в человеке потребности в гармонии:

"Наша душа состоит из гармонии, а гармония зарождается только в те мгновения, когда пропорциональность объектов становится видимой и слышимой".

Тут полезно снова вернуться к тому, что такое проза поэта. У Бунина есть важная для понимания сути дела мысль: писатель, приступая к произведению, должен "найти звук". Обычно эти слова толкуют так: речь об особом ритме прозы, задающем тонкое ритмичное звучание фразы. Но Бунин, наверно, сказал и о другом: при всем функциональном различии ритма поэзии - и прозы, их общность - в согласованном, гармоничном звучании всех частей произведения. Эта гармония - счастливое дитя таланта, интуиции, вкуса, точного понимания художественной задачи. И "Капитанская дочка" тому подтверждение.

Понаблюдав за особенностями композиции, о которых шла речь в этой главе, давайте снова заглянем в конец повести. Мы уже говорили в одной из предыдущих глав, что она заканчивается как-то необычно, неожиданно: многоточием.

Отчего же Пушкин так оборвал свою повесть? Зачем отнес к конспективному послесловию то, что могло бы стать содержанием еще многих и многих глав - "томом третьим"? Казалось бы, "Капитанская дочка" только выиграла бы, если бы мы прочли подробные описания и казни Пугачева и его соратников, и свадьбы и семейной жизни юной четы Гриневых, и судеб потомства...

А тут - получила Марья Ивановна письмо императрицы, села в карету и поехала в деревню к родителям жениха. И все, многоточие и конец.

Чтобы найти разгадку, подумаем и о том, почему Пушкин заканчивал многоточием некоторые другие произведения. Такой прием у него, к примеру, в стихах 1830 года, написанных один за другим: "Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы", "Герой", "В начале жизни школу помню я...", "Для берегов отчизны дальней..." И зачем Александру Сергеевичу пона-

добились фиктивные номера якобы пропущенных строф "Евгения Онегина"?

Можно предположить, что все это явления одного порядка. И много-точия, и номера строф, которых не существовало в природе, - это проявление одного из пушкинских эстетических открытий, которое после него в русской литературе стали использовать широко.

Такие точки и номера - вовсе не пустое, ничего не значащее место на книжной странице. Они несут большую смысловую и художественную нагрузку, не меньшую, чем "оформленный буквами" текст. И являются частью контекста произведения, который много шире текста.

В пушкинском "Послании" Плетневу с юмором приводятся требования к автору читателей, привыкших к традиции:

*Что должно своего героя
Как бы то ни было женить,
По крайней мере уморить,
И, лица прочие пристроя,
Отдав им дружеский поклон,
Из лабиринта вывести вон.*

А ведь Пушкин, действительно, в тексте повести ни Пугачева не "пристроил" на плаху, ни Гринева не оженил.

Но тем самым он и подразнил читателей-консерваторов, и дал возможность и им, и более понятливым читателям, и будущим поколениям домыслить, дорисовать то, что за многоточием. И - выдержал оптимальные для повести размеры и событийно-временной ритм.

А.С. Пушкин. Автопортрет.

*"Нет, весь я не умру -
душа в заветной лире
Мой прах переживет
и тленья убежит..."*

Портрет работы
О. Кипренского

Художник Г. Чернецов.
Слева направо: Крылов,
Пушкин, Жуковский, Гнедич.
Благодаря записи на оборо-
те эскиза мы знаем рост
Пушкина - 166,7 сантимет-
ров. 1832 год.

"Косая Мадонна" - Наталья Николаевна Пушкина за год до поездки поэта в Оренбуржье. Акварель Александра Брюллова. Может быть, этот чудесный портрет Александр Сергеевич брал с собой в дорогу.

Этот портрет жены
А.С. Пушкин набросал, при-
ехав после оренбургской по-
ездки в Болдино поверх
строк "Медного всадника".
Многие считают этот ми-
могетный рисунок лучшим
изображением Н.Н. Пушки-
ной.

А.О. Смирнова-Рассвет. Мо-
жет быть, о ней, женщине
красивой и незаурядной,
говорили в Оренбурге Пуш-
кин и Перовский.

Справа - Сашенька, Александра Николаевна Карелина, получавшая в Оренбурге от своей петербургской подруги Софьи Дельвиц письма о Пушкине и его творчестве. А.Н. Карелина присутствовала при родах правнука - Александра Блока и учила его читать по пушкинской прозе и поэзии.

Красавец, человек умный и энергичный, сделавший так много для Оренбургского края, - генерал-губернатор В.А. Перовский, друг Пушкина.

В.И. Даль был с Пушкиным неотлучно в Оренбурге. Пушкин подвиг его на создание "Толкового словаря живого великорусского языка".

Вот так, беседуя, шли по Оренбургу Пушкин и Даль 19 сентября 1833 года. Автор памятника в самом центре города оренбургский скульптор Н.Г. Петина. Открыт памятник к 200-летию со дня рождения поэта.

На иконе - Пушкин и Даль!
Чтобы не нарушать канона, они изобра-
жены в виде святых Космы и Дамиана.

Лицей в Царском Селе
Рисунок Пушкина на руко-
писи VIII главы "Евгения
Онегина". Через полтора
века восстановили крыльцо
по этому рисунку. А потом
обнаружили чертежи - и
ахнули, как точно схваты-
вал натуру во всем одарен-
ный Пушкин.

Рисунок Пушкина (зачерк-
нут перевертыш Никитин).
Вверху слева направо: Еме-
льян Пугачев, его жена
Устинья, профили старухи
Бунтовой и Даля. Внизу:
Даль в дорожном костю-
ме с лошады, всегда гото-
вый к дальним поездкам.

Этот пушкинский рисунок до сих во многих изданиях толкуется как некая вариация на дорожные темы, неизвестно где. Но сопоставьте с фото И. Мансурова, сделанном с места, откуда рисовал поэт. "Тот же обрыв, тот же разбег дороги к селу, тот же лесок на том берегу Урала. Да, это бывшая крепость, а ныне село Нижнеозерное. Рисунок сделан к вечеру 20 сентября 1833 года.

Современному иллюстратору "Евгения Онегина" М. Кузьмину пушкинский рисунок так понравился, что он просто "протитировал" и тройку, и разбег дороги.

...А таким сыграл его в фильме "Русский бунт", который снимался в Оренбуржье, артист В. Машков. Фото В. Бушухина.

"Оренбургский Ломоносов"
Петр Иванович Рычков.
Художник Н. Брезе, 1776 год.
Не он ли "старичок в гла-
зетовом кафтане" из главы
"Осада города" повести
"Капитанская дочка".

Портрет Екатерины II.
Художник В. Боровиковский, 1794 год.
В "Капитанской дочке", в последней главе
"Суд" Пушкин взял и обелиск в честь по-
бед графа П.А. Румянцева, и собачку, и
наряд Екатерины.

Н. Фаворский, иллюстрация к главе "Любовь" повести "Капитанская дочка". "И вдруг ее губки коснулись моей щеки, и я почувствовал их жаркий и свежий поцелуй. Огонь пробежал по мне".

С. Герасимов, иллюстрация к главе "Приступ" повести "Капитанская дочка". "Пугачев сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нем был красивый казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза. Лицо его показалось мне знакомым".

ЗНАКИ

У современника Пушкина Александра Александровича Бестужева-Марлинского в повести "Аммалат-бек" горянка склоняется над раненым. И что же он видит в эту секунду? Идет целый абзац этнографически дотошного описания и горянки, и ее наряда, вплоть до мелких эмалированных пуговиц.

А вот раненый Петр Гринев в схожей сцене: "Марья Ивановна подошла к моей кровати и наклонилась ко мне. "Что, как вы себя чувствуете?" - сказала она".

Ни одного эпитета, ни одной живописной детали. Не мог влюбленный и раненый Гринев в такой миг рассматривать внешность своей избранницы. Все сказано Пушкиным не прямым описанием, а живым действием. Магия этих всего-то двух фраз: мы как бы слышим нежный, дрожащий от волнения, "ангельский", как сказано через несколько строк, голосок Марьи Ивановны. (Это прилагательное так идет Марье Ивановне, что в "Пропущенной главе" она хранит и "ангельское спокойствие".)

Да и единственный на всю повесть словесный ее портрет, как мы видели, весьма скуп: "Тут вошла девушка лет осьмнадцати, круглолицая, румяная, со светлорусыми волосами, гладко зачесанными за уши, которые у ней так и горели". И все, больше ни в одной сцене к этому облику капитанской дочки не добавлено ни слова.

Творчество Пушкина чрезвычайно емко. Отсюда и особая роль знаков-символов, если понимать под ними образы, наполненные особо глубоким философско-художественным смыслом. В "Медном всаднике", к примеру, это и памятник Петру, и наводнение.

Поговорим о **знаках** в "Капитанской дочке".

Чернобородость Пугачева.

Впервые в повести будущий предводитель восставших появляется беспортретным "вожатым", который возникает из слепой буранной круговерти, словно порождение этой стихии. Лица в такой ситуации не рассмотришь. Пройдет лишь несколько минут - и задремавшему в возке Гриневу привидится некто с черной бородой. Он страшен и жесток, убивает направо и налево. Разбойники в фольклоре все чернобородые, и деталь эту Петруша Гринев воспринимает во сне как должное.

Молодой дворянин в ужасе: мать просит его подойти к чернобородому, поцеловать руку, попросить благословения. Дальше действие - и результат этого действия: "Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны".

Но странное дело: Петр Гринев несколько не боится чернобородого убийцы. Тот, оказывается, простил несогласие целовать у него руку (так будет и потом въяве, в главе "Приступ"). И крушит он других. Гринев же понимает, предугадывает: для него этот человек не опасен, потому что ласково его зовет и уговаривает не бояться.

Это вроде бы неожиданное для Пугачева слово "ласково" встретится и еще раз, по отношению к любимой Петра Гринева: "Потом обратился он к Марье Ивановне и сказал ей ласково: "выходи, красная девица; дарую тебе волю. Я государь".

Нельзя пройти и мимо того, что мать называет чернобородого мужика посаженным отцом Петра, а сам Пугачев несколько глав спустя предлагает Гриневу стать его посаженным отцом на свадьбе с Марьей Ивановной. Получается любопытная перекличка: настоящий отец Петра был приверженцем тезки - императора Петра III, и их судьбы были накрепко связаны. Судьба сына так же крепко связана с судьбой самозванного Петра III.

"Вещие сны" Пушкин использовал и до этого как необычный емкий сюжетный ход. Вспомним хотя бы сны Руслана, Алеко, сон Татьяны в "Евгении Онегине", где она прозревает дуэль и смерть Ленского, или в "Борисе Годунове" сон Григория Отрепьева, которому привиделось, что он поднимется высоко, но затем, "падая стремглав", со стыдом и страхом, погибнет в кипящей, как муравейник, Москве (этого самозванца Пугачев, тоже самозванец, дважды, как мы видели, вспоминает в "Капитанской дочке"), или сон Марьи Гавриловны в "Метели", когда, как будет потом в действительности, Владимир тяжело ранен...

Такие сны связаны накрепко с темой провидения, рока, предсказаний, столь волновавшей Пушкина, об этом разговор будет в одной из последних глав. Это тревожащий, но манящий искус заглянуть за поворот судьбы. Случайная угадка на службе рока.

Пушкинисты насчитывают 11 "вещих снов" в произведениях Александра Сергеевича, и есть на эту тему отдельные исследования. И ближе всего по структуре, оказывается, сны Гринева и Татьяны. И там и тут - смерть другого, потеря пути, тьма-метель, какой-то дом, холодное оружие как орудие убийства.

Сон Гринева - как бы тоже самый общий конспект будущих событий повести.

"Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю с ним странные обстоятельства моей жизни", - записывает пятидесятилетний повествова-

тель Петр Андреевич Гринев, через три с лишним десятка лет в деталях помня свой пророческий сон во время оренбургского бурана.

Двучастность снов пушкинских героев первым заметил М.О. Гершензон. Особенно в снах Руслана, Марьи Гавриловны и Гринева. А ведь эта двучастность - на протяжении практически всей творческой жизни Пушкина: Руслан - это 1819 год, Гринев - 1836. Значит, мы имеем дело с хорошо продуманным и освоенным приемом.

Первая часть, по тексту "Капитанской дочки", - "существенность". Вторая - "мечтания".

"Существенность" - это "Вдруг увидел я ворота - и въехал на барский двор нашей усадьбы. Первою мыслью моею было опасение, чтобы батюшка не прогневался на меня..." Конечно, Петр ощущает, что набедокурил, тут же ослушался, забыл строгие отцовские наставления. И его опасения, если так можно сказать, от реалий жизни. Но дальнейшее-то откуда: чернобородый страшный для всех, кроме Петра, мужик, кровавые ужасы? Пока что на самом деле были только проигрыш Зурину, попойка и беспутство.

Значит, "мечтания" - это уже провидческая работа души. Но не на голом месте, а что-то тоже из "существенности", но схваченной неуловимой для грубой реальности неожиданной, глубокой связью, преображенной фантазией, предположением, предчувствием.

Все, что привиделось - сбывается. "Не бойсь", - среди трупов и крови подбадривает его чернобородый во сне, тебя это, мол, не коснется. "Не бось, не бось", - подбадривают наяву через несколько глав пугачевцы, тоже, как и во сне, среди трупов и крови, ведущие его к виселице, и смерть опять обходит Петра стороной.

Нет ли тут, кстати, следа письма об уже упоминавшемся бунте старорусских поселенцев? Написал его Пушкину литератор Н.М. Коншин, бывший в следственной комиссии по этому бунту. Вот что там замечено: "Жалеют и истязают; величают вашими высокоблагородиями и бьют дубинами, - и это все вместе".

Но вот вожатый спасает заплутавших в буране. Теперь в тепле и относительном комфорте умета Гринева уместно взглянуть в него, ведущего "воровской" разговор с хозяином. И снова, но теперь уже наяву - черная борода. После вещего сна внутренне, подсознательно Петр готов к этому совпадению, объединяющему мужика с топором - и спасителя.

Когда еще у Пушкина встретишь в одном абзаце один и тот же эпипет - дважды? "Я взглянул на полати и увидел черную бороду". И через несколько строк: "В черной бороде его показывалась проседь" (это почти дословно из главы II "Истории Пугачева": "черная борода его начала седеть").

Стилевой огрех? Нет, у Пушкина ничего случайного не бывает. Он повторяет намеренно. И намеренно только Пугачев чернобород. У Хлопу-

ши, например, в главе XI борода - рыжая. Чернобородость - **знак**. Пугачевской силы, опасной, но в то же время для Гринева доброй, и широкой натуры. Ведь в народном эпосе есть и благородные разбойники.

Посмотрим, как распорядится автор этим знаком дальше.

В сцене взятия Белогорской крепости и казней Пугачев описан, как нигде больше, ярко. Теперь Петру Гриневу, естественно, любопытно разглядеть Пугачева, поэтому он и видит так подробно. Но чуть ли не самого бросающегося в глаза - черной бороды - не видит!

Он предпочитает только намекнуть: "Лицо его показалось мне знаком". И узнать - и совсем не узнать он сейчас не может. Иначе надо будет жертвовать следующей сценой, одной из основных в повести. Недаром же очень предусмотрительно в конце главы "Вожатый" Гринев-рассказчик вставляет фразу, что он "скоро забыл о вчерашней вьюге, о своем вожатом и о заячьем тулупе".

А увидь Гринев этот **знак** - черную бороду, он бы узнал и при всем народе не просто повторил бы шаблон царских манифестов, известный всем и никого не убеждающий: "вор и самозванец". Он припомнил бы "мужичка", как он назвал вожатого, пропившего свой тулуп, пожалованного стаканом водки и тулупчиком заячьим. Он бы сделал это "под виселицею в глазах всего народа и в первом пылу негодования".

И вряд ли тогда "Петр III" и смог бы, и стал бы при всех проявлять великодушие. Гриневу тогда бы, наверно, не спастись. Повесть на этом эпизоде надо было бы кончать.

Что так бы и произошло - вспомним, в каком месте чтения реестра Савельича "Это что еще! - Вскричал Пугачев, сверкнув огненными глазами"? Когда список дошел до "Еще заячий тулупчик, пожалованный твоей милости на постоялом дворе". При начале чтения он лишь хмурился, а как дошло до того, чего вспоминать не хочется и опасно, - сразу взорвался, прервал чтение: "Заячий тулуп! Я-те дам заячий тулуп! Да знаешь ли ты, что я с тебя живого кожу велю содрать на тулупы"?

Так что, опустив **знак** - чернобородость, Пушкин смог мастерски построить сцену взаимного неузнавания, просто необходимого для логики последующих событий. Ведь и Пугачев Гринева не узнает, хотя, наверное, внимательнее. Точнее - не видит. "Вешать его!" - Сказал Пугачев, не взглянув уже на меня".

Пушкин придумывает психологически верно: двух офицеров, от которых предводитель восставших требовал, но не дождался присяги себе, уже повесили. Ясно, что и следующий откажется, это подтвердил и предатель Швабрин, который "подошел к Пугачеву и сказал ему на ухо несколько слов".

Пугачев узнал Гринева сначала только по Савельичу, бросившемуся спасать барина. А узнав и вспомнив сделанное ему добро, не взявшись, как сделал бы минутой раньше, оттого, что офицер не целует протянутую

ему руку, а смягчил остроту ситуации шуткой: "Его благородие, знать, одурел от радости".

Конфликт разрядился, Гринев показал свою смелость, Пугачев - широкую душу. Отсутствие ожидаемого **знака** обыграно. Повесть можно продолжать.

А снова понадобится этот **знак** разбойника - спасителя - поэтической натуры еще раз: в одной из ключевых сцен, потрясшей рассказчика "каким-то пиитическим ужасом". Пугачев, "подпирая черную бороду своим широким кулаком", поет вместе со сподвижниками "Не шуми, мати зеленая дубровушка". А после этого, оставшись наедине, самозванец и молоденький офицер заведут откровенный, провидческий разговор о своих судьбах.

И грозный спаситель Пугачев окажет милость, несоразмерную со стаканом водки и заячьим тулупчиком: "Ступай себе на все четыре стороны и делай, что хочешь". И не раз потом проявит великодушие, не сравнимое с помилованием Гринева Екатериной II. Она больше не по-царски, а по-женски тронута романтической историей и восстановить справедливость может одним словом. Пугачев же, помогая дворянину-офицеру, рискует перед своими разбойными непредсказуемыми атаманами.

А все-таки, вернувшись к тому, что чернобородый приснился Петру прежде, чем он потом рассмотрел в уме чернобородого Пугачева, - может, между буранных строк читается нам, когда снова к ним обратимся, что Гринев все же хоть мельком сразу же заметил что-то особенное во внешности нежданного вожатого, почуял его внутреннюю бунтарскую силу? И это замеченное переработалось через несколько минут, во сне, "мечтанием", душевной деятельностью, куда более тонкой, чем приблизительные чувственные восприятия?

Такой же **знак** - сам буран.

Смятение природы и истории. Буйная, слепая, страшная сила. Буран и вожатый-Пугачев слиты и по времени появления в повести, и сущностно.

Дочитав "Капитанскую дочку", невольно вернешься мыслью к тому, с чего начались все потрясения, все беды и счастья, все сцепления сюжета - к бурану. Он и его последствия во взаимоотношениях Пугачева с Гриневым - от второй главы повести до заключительной четырнадцатой. Без бурана нет повести. Он идет навстречь, настигает Гринева. Чуть не погубив, но все же дав возможность счастливо спастись.

Сначала - от бунта природной стихии. А потом и не раз - от стихии "русского бунта, бессмысленного и беспощадного".

И кто спаситель? Вожатый, вождь этого бунта. "Что-то черное", "незнакомый предмет", "добрый человек", "мужичок", "дорожный", "страшный мужик", "вожатый", "мужик", "бродяга", "собака", "разбойник", "пьяница оголелый", "вор", "самозванец", "отец родной", "злодей", "государь", "окаянный", "атаман", "бестия", "великий государь", "персона знатная", "мошенник", "человек смышленный", "батюшка", "отец наш", "бездельник", "благодетель", "ужасный

человек, изверг, злодей". Ни у кого в повести нет такого обилия разнополярных наименований. От первого появления Пугачева, когда с главы "Вожатый" начинается природно-социальная круговерть, и до заключительных строк повести, до последнего его взгляда за мгновение до того, как голова, мертвая и окровавленная, была показана народу, - все началось и прошло под знаком бурана.

Очень интересно понаблюдать за этим словом "буран", внимательно читая повесть. Мы видели, что Гринев, как и Пушкин, слова этого, никогда в Оренбуржье не бывав, не знают. И вполне понятно, что впервые его произносит человек местный. "Ямщик объяснил мне, что облачко предвещало буран". Логично, что в следующей фразе рассказчик-Гринев поясняет-переводит для широкого читателя: "Я слышал о тамошних метелях". И сам, с непривычки, потом вместо "буран" говорит то "метель", то "буря".

Но странное дело, он вдруг произносит именно это слово, когда вспоминает тот "пророческий сон": "Мне показалось, буран еще свирепствовал..." Сон о грозном и добром черноморском мужике, который может благословить его взамен отца, по-отечески.

С этим новым словом "буран" Петр Гринев вступает в новую действительность.

"Льва узнают по когтям". Это одна из любимых Александром Сергеевичем поговорок. Один только абзац - сон Петра Гринева может дать богатую пищу для наблюдений за пушкинским мастерством. Как тонко играет он глагольными временами! Вот этого почему-то не заметил М.О. Гершензон в своей обстоятельной статье "Сны Пушкина".

"Я находился в том состоянии чувств и души, когда сущность, уступая мечтаньям, сливается с ними в неясных видениях первосония". Так начинается этот абзац. В этих "видениях" - глаголы прошедшего времени, как во всем повествовании. "Увидел я ворота", "въехал на барский двор".

Потом "первосоние" начинает переходить в глубокий сон. Границей служит фраза, в которой странно сочетаются глаголы прошедшего и настоящего времени: "С беспокойством я выпрыгнул из кибитки и вижу: матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения".

Зыбкая условность "первосония" сменяется безусловностью сна. Действие теперь ватное, аморфное, в полутонах: "комната слабо освещена", "я тихонько подхожу", "матушка приподнимает полог".

Сейчас Петр увидит умирающего отца, он это чувствует. И разум его делает первое усилие сопротивления - возвращаются глаголы досонного прошедшего времени: "я стал на колени и устремил глаза мои на больного". Но снова наваливается сон с глаголами настоящего времени: "Вместо отца моего вижу в постели лежит мужик с черной бородою, весело на меня поглядывая".

И тут второй, более сильный рывок сознания, чтобы вырваться из кошмара, вернуться в реальность. Снова глаголы прошедшего времени: "мужик вскочил", "выхватил топор", "стал махать во все стороны" и т. д. И, наконец: "Ужас и недоумение овладели мною... И в эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельич дергал меня за руку, говоря: "Выходи, сударь: приехали".

Течение сна и яви выравнились во времени.

Лев Толстой, если говорить о художественной манере, как мы уже заметили, в какой-то мере антипод Пушкина. В "Дневнике" 31 октября 1853 года он записал: "Я читал "Капитанскую дочку", и увы! должен сознаться, что теперь уже проза Пушкина стара - не слогом, но манерой изложения".

Но очень любопытно - и на этом надо хотя бы вскользь остановиться, размышляя о поистине магической художнической власти Пушкина - что в рассказе "Метель", написанном всего лишь годом позже этой записи, Толстой вольно, а, скорее, невольно во многом повторяет в сне автора-героя так глубоко, оказывается, запавший в память сон Гринева!

В "Метели" границей первосонья и глубокого сна тоже становится фраза, где после привычного глагола прошедшего времени "думал я сквозь сон" появляется глагол настоящего времени "я забываюсь".

В обоих снах заплутавшим в метель грезится жилье, и в этом жилье обоих героев могут убить. И там, и тут - мотив целования руки убийцы и бегства от него, как это бывает в кошмарном сне, тягуче-жуткого. В "Капитанской дочке" убийца "ласково меня кликал", в "Метели" - "ласкает меня".

Герои обоих произведений, спасаясь от кошмара, совершают рывок из "сонного" настоящего времени в прошедшее время повествования. Мы только что видели, как это происходит в "Капитанской дочке". А вот в "Метели": "Я открываю глаза. Ветер закинул мне на лицо полу Алешкиной шинели". Потом опять, как и у Пушкина, провал в сон, опять побеждают глаголы настоящего времени: "Я снова закрываю глаза и засыпаю". И окончательное выравнивание времени сна и времени повествования - в конце эпизода.

Кстати, С.Т. Аксаков, чье описание бурана использовал Пушкин, написал Л.Н. Толстому, прочитав "Метель", но используя восточный, оренбургский синоним: "Метель" - превосходный рассказ. Я могу об этом судить лучше многих: не один раз испытал я ужас зимних буранов".

Тут очень интересно хотя бы в нескольких словах сказать о том, что эталонная повесть "Капитанская дочка", знакомая абсолютно всем, кто читает по-русски, с детства настолько глубоко входит в наше сознание, что потом мы всю жизнь, осознанно или неосознанно, несчетное количество раз цитируем ее, точно или неточно, парафразируем, пародируем, заимствуем из нее имена, образы и мотивы. Так за сияющим ядром кометы тянет-

ся миллионнокилометровый хвост. Об одном примере у нас уже был случай поговорить в главе об Акулине Памфиловне.

Еще при жизни Пушкина, в 1835 году "Барон Брамбеус" - литературный псевдоним посредственного писателя, редактора "Библиотеки для чтения" и не очень достойного человека Осипа (Юлиана) Сенковского - "промышлял", как это назвал Пушкин, именем Белкина, напечатав в своем журнале "Потерянную для света повесть" и подписав ее фамилией вымышленного пушкинского автора "Повестей Белкина". Александр Сергеевич написал тут же М.П. Погодину, "что этот Белкин не мой Белкин и что за его нелепость я не отвечаю", а потом попросил П.А. Плетнева "объявить, что настоящий Белкин умер и не принимает на свою долю грехов своего омонима".

Что называется, для чистоты опыта возьмем несколько произведений, авторов которых никак не назовешь подражателями Пушкина и истовыми последователями его школы.

Уж куда далека от прозрачной, героико-лиричной пушкинской повести, к примеру, "История города Глупова" М.Е. Салтыкова-Щедрина. Разные полюса в литературе. Но тем любопытнее перечитать эту сочную сатиру, держа в уме произведения и обстоятельства жизни и творчества Пушкина. И сколько раз мы воскликнем: тут Щедрин намеренно обыграл ту же ситуацию, здесь воспользовался пушкинским словом, а там что-то аукнулось безотчетно.

Оставим в стороне явную переключку названия с пушкинской "Историей села Горюхина" или фамилию глуповского градоначальника Двоекуров, родственную Троекурову из "Дубровского". Или то, что в огне пожара в "Дубровском" - Архипушка, а в "Истории города Глупова" - Архипушко. Или как глуповская жительница девица де-Сан-Кюлот не зря "впоследствии же оказалась сестрою Марата", ведь Салтыков-Щедрин знал биографию Пушкина и то, что в Лицее преподавал Давыд Иванович де Будри, оказавшийся братом Марата. Или авторское сравнение градоначальника Бородавкина с Фарлафом из "Руслана и Людмилы". Если же вспомнить "Table-talk" и "Историю Пугачева", строки, как "праздные москвичи" приходили посмотреть на сидящего в клетке Емельяна Ивановича, то и у Салтыкова-Щедрина глуповцы "в часы досуга" приходят поглазеть на заточенную в клетку самозванку Клементинку. А "Издатель" в "Истории города Глупова" многое почерпнул у "Издателей" "Истории села Горюхина" и "Капитанской дочки".

А если ближе к этой повести Пушкина, глуповцы с небольшими изменениями поют ту же песню, что и пугачевцы - "Не шуми, мати зелена дубровушка!" Самозванка Ираида Лукинишна Палеологова, подобно самозванцу Пугачеву, "бросала в народ медными деньгами". И пародийная переключка с пушкинской сценой у виселицы после штурма Пугачева - щедринской сцены, когда эта Ираидка грозно спрашивает у приведен-

ного пред ее очи помощника градоначальника и уже связанного стряпчего: "Признаете ли вы меня за градоначальницу?" и слышит твердый отказ.

Или вдруг встречается у сатирика в главе о глуповских градоначальниках очень пушкинская фраза, несколько раз, как замечает каждый читатель повести, повторяемая в разных вариациях в "Капитанской дочке". Вот как звучит она у Салтыкова-Щедрина: "как вдруг неожиданное обстоятельство дало делу совершенно неожиданный оборот".

Так же далека от пушкинского произведения повесть ученого и писателя А.В. Чаянова "Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина..." Но случайно ли, что отец юного героя, "служивший еще при Минихе" - почти дословно по "Капитанской дочке" - отсылает сына из родного гнезда с запечатанным пакетом? Или это вольный или невольный отголосок детства и юности Чаянова, прошедших в пушкинско-онегинском районе Москвы "у Харитонья", и читанного еще в том же детстве шедевра - "Капитанской дочки"?

А в интересной книге исследователя творчества Бориса Пастернака И.П. Смирнова "Роман тайн "Доктор Живаго" одна из глав называется "Евграф-Пугачев". Автор доказывает, что "брат Юрия Живаго Евграф играет в пастернаковском романе ту же роль, которую вменил Пугачеву Пушкин в "Капитанской дочке". Действительно, в дневнике Юрия сказано о роли брата близко к пушкинской роли Пугачева:

"Вот уже второй раз вторгается он в мою жизнь добрым гением, избавителем, разрешающим все затруднения. Может быть, состав каждой биографии наряду со встречающимися в ней действующими силами требует еще и участия тайной неведомой силы, лица почти символического, являющегося на помощь без зова".

В "Докторе Живаго", который, как и "История города Глупова", и "Необычайные, но истинные приключения", вроде бы, очень и очень далек от "Капитанской дочки", оказывается еще немало других параллелей и прямых ссылок, таких, как "В местности было что-то замкнутое, недосказанное. От нее веяло пугачевщиной в преломлении Пушкина".

Автор этой книги о Пастернаке ищет следы пушкинского влияния и на еще одно весьма далекое произведение - повесть Вячеслава Шишкова "Ватага".

А. и Б. Стругацкие с улыбкой начинают свою "повесть-сказку для научных работников младшего возраста" "Понедельник начинается в субботу" пушкинской фразой из "Капитанской дочки": "Я приближался к месту моего назначения".

Велимир Хлебников, почти не вводивший в свою сложную поэзию прозаические образы и реалии, подобрал зычий тулупчик из пушкинской повести: "В Пугачевском тулупчике \ Я иду по Москве". А еще почти через век у Евгения Евтушенко в стихотворении "Потеря": "Неужели

нам жить суждено \ то в маниловском, молю побитом халате \ то в тулупчике заячьем драпом \ с плеча Пугача?"

Но, пожалуй, больше всего реминисценций в повести довольно известного в начале XX века писателя Б.А. Садовского "Черты из жизни моей". Вот его-то, пожалуй, можно отнести к подражателям. Здесь и такой же шестнадцатилетний дворянин, которого строгий отец посылает на военную службу с письмом к соратнику по былым походам, только происходит это на шесть лет после Петруши Гринева, в 1779 году, из "родовой деревни близ Симбирска", может быть, соседней с гриневской "симбирской деревней". Тут и сам старик, весьма похожий на Гринева-отца тем, что "по кончине Государя Петра Третьего взял отставку", то есть такой же старозаветный рыцарь чести, верный тому, кому присягал, и презиравший временщиков. Он дает сыну такой же наказ "честно служить и помнить присягу". И точно, как Зурин, незнакомец в трактире подпивает юного героя и обдирает, как липку, только не в бильярд, а в карты.

А уж "русский бунт, бессмысленный и беспощадный" - в тысячах полемических статей, в исторических исследованиях, в прозе и стихах, от ленинского "Проекта программы нашей партии", от "Николая Второго" юриста и общественного деятеля А.Ф. Кони, "Пламени" Александра Блока и до самых свежих номеров газет и книг. Причем эту формулу пишущие иной раз произвольно переиначивают, обыгрывая нужные им повороты мысли.

И, наверно, одна из самых высоких наград для писателя - когда народ начинает его цитировать, когда художественное произведение перерабатывается народным творчеством и включается в него. Несколько десятилетий назад фольклорная экспедиция на Южном Урале записала в одном из сел от стариков притчу-сказку об Орле и Вороне, основанную на той, что рассказывает Пугачев Гриневу.

Подобных примеров - отголосков "Капитанской дочки" в последующей русской и советской литературе и в фольклоре - множество. Но, повторю, это должно быть предметом специального исследования.

...Когда вы подъезжаете к Нижнеозерному правобережной дорогой, которой ехал Пушкин, то наверняка не упустите этот момент: село растянулось на длинном холме, и он круто и высоко обрывается к Уралу.

Этот обрыв - тоже **знак**.

Великий мастер слова, Пушкин был скуп и бережлив к детали. У него ничего нет просто так, проходно и на один раз. Скажем, впервые въезжая в Белогорскую, Гринева в главе "Крепость" видит "старую чугунную пушку". Потом она появится, когда в главе "Пугачевщина" перед подходом повстанцев по приказу коменданта Иван Игнатьич очищает ее от всякой дряни, которой мальчишки набили за годы бездействия. Затем в главе "Приступ" пушка стреляет по пугачевцам, хоть и бесполезно. А дальше она поедет под Оренбург участвовать в осаде: "Несколько пушек, между коих узнал я и нашу, - рассказывает автор в главе "Разлука", - поставлены были

на походные лафеты". И, может, именно ее видит Гринев в Берде в главе "Мятежная слобода" у ворот "золотой избы". Причем интересно, что в беловике не было фразы: "У ворот стояло несколько винных бочек и две пушки". Как уже упоминалось, бочки Александр Сергеевич, видимо, взял из своей "Оренбургской записи", о них ему рассказала "Старуха в Бердах", явно Бунтова: "Когда он (Пугачев. - В.С.) прибежал из Татищевой, то велел разбить бочки вина, стоявшие у его избы, дабы драки не учинилось". А пушки он вписал в окончательный текст, видимо, вспомнив ту, белогорскую, и тем завершив ее "биографию".

Так же внимателен к детали и Пушкин-художник. Вернемся к его оренбургскому рисунку. Ровно в середине композиции - тот самый обрыв - самая характерная черта бывшей крепости Нижнеозерной. Понизу Пушкин даже чуть подправил очертания этого обрыва, чтоб рисунок был точнее.

Об этом обрыве он уже знал. Вероятно - из рассказа бердинской собеседницы Ирины Афанасьевны Бунтовой, уроженки этой крепости. Точно - из читанного им перед поездкой и уже много раз упомянутого "Рассказа моей бабушки" оренбуржца А.П. Крюкова.

Вспомним, что действие там происходит как раз в Нижнеозерной крепости, тоже во времена пугачевщины. И Пушкин из этого "Рассказа" знал и ожидал характерную особенность пейзажа: крепость "плотно при-мыкала к Уральскому берегу, крутому, как стена, и высокому, как здешний (как уже говорилось в одной из предыдущих глав, имеется в виду симбирский. - В.С.) собор".

В примечаниях к "Истории Пугачева" только о Нижнеозерной названа эта примета: "Она выстроена на высоком берегу Яика".

В начале главы "Крепость" Гринев подъезжает к Белогорской: "Дорога шла по крутому берегу Яика". Можно быть уверенным, что эта деталь Пушкину - для чего-то. И верно: в следующей главе, но уже в самом конце деталь повторится: "Спустиась по крутой тропинке, мы остановились у самой реки и обнажили шпаги". Через несколько строк крутизна и высота обрыва станут причиной ранения Гринева: старик Савельич не успеет помешать дуэли, потому что сбегает к своему барину "по нагорной тропинке".

И еще раз появится в повести этот обрыв - уже как опознавательный знак Белогорской крепости и - шире - нового крутого "обрыва" судьбы. Пугачев бросает все дела под Оренбургом и едет вместе с Гриневым спасать Марию Миронову и составлять счастье влюбленных. "Вдруг я увидел деревушку на крутом берегу Яика, с частоколом и колокольней - и через четверть часа въезжали мы в Белогорскую крепость".

Снова, как и восемь глав назад, Гринев в той же точке, откуда увидел крепость впервые, и откуда Пушкин рисовал село шестьдесят лет спустя. Это - тоже самый конец, но главы "Мятежная слобода".

Случайно ли, что этот **знак** - обрыв то в начале, то в конце глав, то есть в самых запоминающихся местах? Думаю - нет.

Здесь, у Нижнеозерной, в виду обрыва, в одной из ключевых, определяющих действие точек, графически закреплённой пушкинским рисунком, происходит в повести очень многое.

Где-то здесь Пугачёв рассказывает Гриневу "сказку старой калмычки" об орле и вороне. В этом же месте посланный Пугачёвым урядник, нагнав пеших Гринева и Савельича, передаёт щедрый и жизненно необходимый им отдарок: лошадь и тулуп, утай, правда, полтину.

Отсюда Пугачёв, уезжая под Оренбург, после того, как помог молодому дворянину и дочери казённого по его приказу коменданта крепости, крикнет из кибитки Гриневу: "Прощай, ваше благородие! Авось увидимся когда-нибудь". Не думая, что увидит его теперь только с эшафота, за секунду до смерти.

Своего рода знаком является и дата, которой завершается "Капитанская дочка" и которая стоит после подписи "Издатель": "19 окт. 1836." (Хотя сначала стояла реальная дата: "23 июля".) Просто невероятно лишь случайное совпадение её с одной из самых дорогих для Пушкина дат - лицейской годовщиной. 19 октября - это святой для Пушкина и его друзей день. День воспоминаний о минувшем, подведения итогов. Александр Сергеевич захотел, чтобы именно этим днём была помечена дата, когда окончено, как окажется, его последнее прозаическое произведение, появившееся в печати при жизни, так уж случилось.

Эта дата - и **знак** самого Пушкина, который предпочёл скрыться за "Издателем". Это - его подпись. Так же, как и "№ 14", по номеру его лицейской "кельи", - пушкинская подпись в письмах к друзьям по Лицею.

"ОПЕРАЦИЯ "Ф", ИЛИ ЗАГАДКИ ТОГО СЕНТЯБРЯ

Мы не раз уже говорили о том, как много нафантазировано об оренбургской поездке Пушкина. И из-за скудности исходных достоверных материалов. И просто из-за недобросовестности иных исследователей. Такой, к примеру, когда, как мы уже видели, вопреки Далю некто Н. Бекчурин через много лет взял да и "удостоверил", что Пушкин останавливался в городской резиденции губернатора Перовского - "доме Тимашевых".

Вроде бы, к домыслам и ошибкам надо относиться спокойно, пусть себе дремлют на страницах старых и не очень старых книг. Но беда в том, что они, эти ошибки, доверчиво тиражируются, им верят те, кто только впервые встречается с темой "Пушкин и Оренбуржье".

Так что есть загадки мнимые - и те, которые действительно требуют серьезного анализа и дальнейших поисков.

Пример мнимой загадки мы прочтем в одной из недавних юбилейных книг об Оренбуржье, где местный краевед в статье с многообещающим названием "Вот и узнай правду" почему-то без комментариев перепечатывает бредовые рассказы "очевидца" приезда Пушкина в Оренбург помещика А.А. Щигалева. Есть только ссылка на публикатора этих бредней в 1883 году, который "предупреждает нас, что не все в записках Щигалева вольный вымысел и фантазия".

Бедный Пушкин в гробу бы перевернулся, узнав от этого Щигалева, что приехал в Оренбург не в сентябре, а в июле. И пробыл тут 12 дней! Очень красочно и подробно живописуется, как летним вечером "собралась кучка любопытных на улице, в том числе и я, грешный" и как эта кучка лицезрела великого поэта: "Пушкин что-то говорил и махал руками, указывая на разные стороны". Все оренбургские дни Пушкин гуляет, катается то в коляске, то на лодке по Уралу, танцует, обедает. "Хотели Пушкину дать обед от города, по подписке. Отказался. Очень жалы!" Он "ездит верхом с большой кавалькадой дам, учиняет смотр войскам, любитесь фейерверком..." Умора! Некому было вызвать лжеца на дуэль.

Или вот еще: говоря языком криминалистов, Перовский, Пушкин и Даль были подельниками, должны бы проходить по одному делу, если б "операция "Ф" выплыла наружу. Исправляющий должность оренбургского

военного губернатора Василий Алексеевич Перовский, вынашивая честолюбивые замыслы, ибо "История Пугачева" укрупняла значение и Оренбургского края, и самого его, Перовского, взял из казны немалую сумму золотом без отчета и отдал ее Александру Сергеевичу Пушкину.

А чтобы скрыть должностное преступление, приказал Владимиру Ивановичу Далю, своему чиновнику по особым поручениям, совершить подлог. На самом деле уехав с Пушкиным утром 20 сентября в Уральск, нарочно пометить следующим днем, 21 сентября и Оренбургом рапорт на имя Перовского: прошу выдать 307 рублей 50 копеек за предыдущую командировку в Уральск, Гурьев и обратно. Потом Даль получил и тысячу рублей ассигнациями "на разные предметы по делам службы".

И Пушкин деньги принял.

Погодите возмущаться. Все, изложенное выше - это конспективное изложение статьи "Сентябрь 1833. А.С. Пушкин и В.И. Даль", напечатанной в таком уважаемом издании, как "Временник пушкинской комиссии" (Л.: "Наука", 1991, вып. 24). Автор - Ю.П. Фесенко. Поэтому я и пошутил насчет "операции "Ф".

Но шуткой очень дурного тона была бы одна мысль, что Пушкин мог взять заведомо незаконные деньги. Александр Сергеевич был очень щепетилен. Вспомним, какой эпиграф он выбрал для "Капитанской дочки": "Береги честь смолоду". Даже на смертном одре он продиктовал Данзасу, своему другу и секунданту, прежде всего список неучтенных долгов, на которые по каким-то причинам не было расписок или заемных писем.

Он не мог допустить, чтобы по его смерти кто-то сказал, что Пушкин утаил хоть копеечный свой долг.

И на этом можно было бы прекратить полемику с автором статьи. Вся эта детективная история даже поверхностно слишком запутанна, чтобы быть истинной: а зачем все-таки Перовскому надо было отсылать Далья с Пушкиным?

Правда, автор полагает, что Перовский вряд ли бы отпустил Пушкина в Уральск без знающего спутника, а то Пушкин в Бердах сделал все, чтобы его посчитали "антихристом". Действительно, по воспоминаниям Н. Кайдалова, Пушкин в Бердах "суеверным старикам, а особенно старухам, не понравился и произвел на них неприятное впечатление тем, что, вошедши в комнату, не снял шляпы и не перекрестился на иконы и имел большие ногти". Но ведь Даль был в Бердах рядом - и ничего не делал, чтобы Александр Сергеевич не выглядел "антихристом".

Все эти рассуждения понадобились автору для доказательства: Даль сопровождал Пушкина из Оренбурга в Уральск.

Хотя - разве Александр Сергеевич и Владимир Иванович, если бы действительно совершили вместе такое интересное путешествие по пугачевским местам, не упомянули бы его хоть строчкой в воспоминаниях, в письмах, в рассказах друзьям и знакомым? Но переройте все, написанное

обоими, - там ни слова о совместной поездке. И это один из самых веских аргументов в пользу того, что Даль с Пушкиным в Уральск не ездил.

Кроме того, в Оренбургском областном архиве есть "Дело о командировании (оренбургским военным губернатором состоящего при нем для особых поручений) (это вписано позже. - В.С.) доктора медицины Даля) в землю Уральского войска", начатое 17 августа 1833 года и прекращенное 17 августа 1834 года.

Прочтем эти большого формата плотные листы, исписанные почерками и губернского чиновника, и Перовского, и Даля. У Владимира Ивановича буквы мелкие, аккуратные, буква Д в подписи кудрява, артистична. В том самом рапорте от 21 сентября 1833 года - из Оренбурга, когда Пушкин подъезжал уже к Уральску, - Даль сообщает подробно о предыдущей своей поездке, когда он исколесил две с лишним тысячи верст. И поскольку ездил на свои, покорнейше просит Перовского повелеть выдать ему эти деньги.

Вполне правдоподобно, потому что на предшествующем листе "Дела" от 17 августа 1833 года Перовский повелевает Далю отправиться в эту большую командировку, но о выдаче командировочных не упоминается. И получить эти 307 рублей 50 копеек Владимир Иванович смог только после длинной бюрократической канители.

Следующий, после его рапорта 21 сентября лист - это предписание Перовского "казначею канцелярии моей господину 10 класса Андриюкову" выдать Далю деньги. Еще один лист, 26 сентября, - казенная палата только еще определила "о возврате в экстраординарную сумму Вашего превосходительства 307 рублей 50 копеек".

Ваше внимание остановили эти слова - "экстраординарная сумма"? Автор статьи во "Временнике Пушкинской комиссии" как раз и делает из "экстраординарных" трат Перовского далеко идущие выводы.

В общем-то, действительно, губернатор Перовский человек был сложный. Властный, мало с кем считающийся повелитель, хоть и только военный, отдаленной от столицы огромной губернии. Мог одарить своей милостью, но мог и шкуру спустить. В том "Отношении" казначею Андриюкову он зачеркнул приказ выдать Далю деньги "с распиской его по шнуrowой книге", а написал поверху: "под особую расписку, не занося их в расход до особого предписания".

Такое распоряжение действительно может навести на мысль, что тут что-то нечисто. Но, думаю, все объясняется тем, что Даль ведь был не просто чиновником, а - по особым поручениям. Снова перелистаем "Дело". В первом предписании Далю сказано: задание обследовать земли войска Уральского Владимир Иванович должен "по соображению личного моего с Вами объяснения". Тот, от 21 сентября, рапорт Даля: "Объехав по предписанию Вашего превосходительства земли войска Уральского и имея уже честь отдать вам лично отчет о сей поездке..."

То есть поручения Перовского бывали, наверно, настолько деликатного свойства, что он приказывал оплачивать их исполнение только "под особую расписку". А через некоторое время губернатор дал Владимиру Ивановичу даже открытое предписание, которое обязывало всех без исключения представителей власти на территории Оренбургской губернии, включая султанов и глав башкирских селений, оказывать ему содействие в выполнении поручений Перовского. Такое доверие вызывал Даль.

И не надо подозревать и губернатора, и его чиновника по особым поручениям в неблаговидной махинации с деньгами, которые якобы передали Пушкину.

Пожалуй, все сказанное - главное опровержение обвинения Перовского в преступлении.

Интересно, насколько серьезны другие аргументы?

Вот, например: Даль не опроверг сведения, появившиеся позже, что он сопровождал Пушкина в Уральск. Действительно, про эту якобы совместную поездку потом вспоминал служивший в Оренбурге в 1833 году К.А. Бух. Больше того, о ней написал первый серьезный биограф Пушкина П.В. Анненков. Причем Даль, вероятно, знал об этих "свидетельствах". И на самом деле - не опроверг, не выступил в печати: "Что вы, мол, пишете? Не ездил я с Пушкиным в Уральск".

Но, заметьте, он и нигде не подтвердил эти сведения, не написал: "Ах, да, только что вспомнил: я ведь с Пушкиным совершил интереснейшее путешествие!"

Разгадку дал, на мой взгляд, еще в 1916 году автор книги "Пушкин в Оренбурге" Д.Н. Соколов.

Во-первых, Анненков спутал Оренбург с Оренбургской губернией. Вот в Оренбурге Даль, действительно, повсюду сопровождал Пушкина. И написал об этом две статьи.

А во-вторых, то, что Даль не поправил сделанное через много лет заявление Анненкова, объясняется просто: Владимир Иванович "если не прямо, то косвенно приписывал себе более значительную роль". Слаб человек, вот и Далю на старости лет захотелось погреться в лучах пушкинской славы чуть больше.

Чтобы иметь представление о мотивированности предположения Фесенко насчет поездки Даля и Пушкина до Уральска, достаточно его аргумента, что охотники, поехавшие вместе с Александром Сергеевичем и Владимиром Ивановичем до Берд, на самом деле были взяты из предосторожности. Поэтому, мол, Даль в целях безопасности гостя и сопровождал его до Уральска.

Нет, ни малейшей опасности и в этой недалекой поездке в мирные Берды, и в Уральск не было. К тому же Даль был таким же штатским человеком, как и Пушкин. А у Александра Сергеевича, как вспоминала симбирская барышня И. Короткова, был с собой дорожный пистолет.

Еще один аргумент Ю.П. Фесенко: Пушкин дал в Берде старухе Бунтовой новенький золотой червонец, значит, получил его из казны от Перовского. Опустим уж вопрос, когда Перовский успел все "провернуть": Пушкин приехал к нему к ночи 18 сентября, а уже с утра 19-го подарил Бунтовой золотой червонец. Просто подумаем: а почему бы Пушкину не привезти новые деньги с собой?

Кстати, у Даля нет ничего о том, что червонец был новеньким. А для Ю.П. Фесенко "новенький" - это синоним "взятый из казенных запасов".

К тому же вспомним еще раз, что написал уже упоминавшийся Н.А. Кайдалов, бывший в Бердах при посещении их Пушкиным: "Наконец расспросы кончились, он встал, поблагодарил Гребеньщикова и стариков, которым раздал несколько серебряных монет, и отправился в Оренбург". У него, как видим, речь идет о серебряных монетах. Это они, а не золотой червонец были, по Кайдалову, "светленькие и новенькие".

В записи Е. Ворониной, сделанной осенью 1833 года, по свежим следам, Бунтова говорит только: Пушкин "наградил меня за рассказы". Золотой червонец был слишком дорогой наградой. И старуха, которая прежде таких денег в глаза не видела, наверно, упомянула бы их точно.

Даль же о том, что Пушкин "дарил золотом" записал через семь лет и не от себя, а передавая рассказ бердинских казаков. Тут тоже вполне может быть неточность.

Существует у сторонников утверждения, что Даль провожал Пушкина до Уральска, еще один довод. Это далевский очерк "Письмо к Гречу из Уральска", помеченный 25 сентября. Вроде бы сильный аргумент. Но Пушкин уехал из Уральска 23 сентября, чего бы тогда Далю оставаться там еще на несколько дней? И еще важнее: 25 сентября - это дата, когда очерк был дописан в Оренбурге и отсюда же отправлен. Этого мнения придерживаются многие исследователи.

Чтобы закончить, рассмотрим последний аргумент Ю.П. Фесенко: из письма девицы Евгении Ворониной, приехавшей в Оренбург вместе с подругами Шелашниковыми, ясно, что 27 сентября жена Даля нанесла им визит одна, без мужа. Следовательно, он еще ездил вместе с Пушкиным.

Ну, положим, 27-го он, Даль, вполне мог и вернуться, ведь Пушкин уехал из Уральска к себе в Болдино четыре дня назад. Да и надо пересчитать то письмо Ворониной: "27 сентября, среда. Приезжали жена доктора Бидермана с м-ме Даль". Обычный дамский визит. С чего бы это Далю ехать с таким визитом?

Кстати, 2 октября, пишет дальше Воронина, мадам Даль была с визитом вместе с мадам Стеллих, а Даль был занят. И ничего необычного она в этом не видит.

Так что зря автор статьи утверждает: "Вопрос о сопровождении Далем Пушкина в Уральск остается открытым". Пора его закрывать.

А о том, что Пушкин вместе с Далем съездил еще в увеселительную поездку на охоту в Ташлу Тюльганского района, написал в "Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии", вып. XXVII, Оренбург, 1913" член комиссии священник Н.Н. Модестов. Забавно, что он ссылается при этом на рассказ Даля "Охота на волков", где действие и на самом деле происходит в Ташле.

Но в этом рассказе о Пушкине сказано лишь то, что он, приехав в Оренбург, мылся в бане у Артюхова, начальника военного училища. Этот Артюхов, названный просто охотником, и есть герой "Охоты на волков". Достаточно было просто прочитать рассказ Даля, на который ссылаешься.

Н.Н. Модестов - оренбуржец, уж он-то знал местную географию и расстояния. А если не знал, то должен был просто вчитаться в строки Даля из "Охоты на волков" о том, что Тимашев, хозяин ташлинского имения, "давал знать немногим окружным помещикам и в Оренбург, что в Ташлах охота, сбор с вечера, такого-то числа; и кто мог отлучиться от дел или службы, являлся на место, проскакав с лишком 200 верст".

Правда, Р.В. Овчинников в книге "За пушкинской строкой" предлагает свою версию: из Берд Пушкин вернулся в Оренбург один, а Даль отправился на охоту в Ташлу к Тимашеву (не везет этой фамилии: один из Тимашевых подсказал губернатору Рейнсдорпу смешную идею ставить капканы на пугачевцев, о чем Пушкин читал в "Летописи" Рычкова, другой, уехав в Уфу, сдавал губернаторам свой дом по Советской, 32, на котором была ошибочно повешена мемориальная доска о пребывании в этом доме Пушкина, и об этом мы уже подробно говорили).

Чтобы убедиться, что и предположение Овчинникова неверно, достаточно обратить внимание на расстояние, указанное Далем, и на то, что сбор на охоту был с вечера. То есть, выехав сразу после посещения Берд ближе к вечеру 19-го сентября, лишь 20-го Пушкин и Даль (а, по Овчинникову, Даль) в лучшем случае только бы добрались до Ташлы. А охота была бы и вовсе 21-го.

Но ведь Даль вечером этого дня, 19 сентября, "перевез к себе" дорогого гостя, беседу их видели те две барышни, о которых рассказывала Е. Воронина. А 20-го утром Пушкин, который должен был бы только еще ехать на охоту в Ташлу, уже отправился из Оренбурга в Уральск.

К такого же рода незагадочным загадкам относятся и воспоминания нескольких "очевидцев", о которых мы уже говорили.

Им в пример и в укор слова из некролога генерал-майора Ивана Васильевича Чернова в "Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии", вып. XVIII, Оренбург, 1907". Чернов был воспитанником приходского училища, которое, должно быть, осматривал Пушкин. Вот эта фраза из некролога: "Поэт даже спрашивал Ивана Васильевича что-то, но за давностью лет он упомянуть не мог". А другой бы написал том мемуаров.

Но есть и настоящие загадки того сентября 1833 года.

Например, некоторые исследователи утверждают, однако без доказательств, что Пушкин посетил и Меновой двор, что за Уралом, в нескольких километрах от города. О Меновом дворе он знал, упомянул в своих дорожных записках, а потом и в "Истории Пугачева".

Правда, странно, что Даль рассказывает, как показывал гостю с набережной Зауральную рощу, но ни слова о Меновом дворе, который с высокой набережной был хорошо виден за рощей и чуть в стороне. Вспомним Е. Воронину: "Строение огромное, одинокое посреди степи". А ведь Н.Н. Модестов писал, что "Меновой двор нашел в Дале самого лучшего своего бытописателя". Действительно, во многих произведениях Даля это место упомянуто. Ну а в рассказе "Бикей и Мауляна" много страниц отведено очень подробному и живописному описанию Менового двора.

Отчего же, в самом деле, он даже не указал его поэту? Ответ может быть только один: Даль был в Оренбурге еще новичком, и его собственное подробное знакомство с этой достопримечательностью оренбургской было еще впереди.

Но вроде бы не в характере Александра Сергеевича упустить такую достопримечательность, не съездить туда посмотреть, а может - и зарисовать.

Тем более, что само это необычное и, наверно, впервые слышанное словосочетание "Меновой двор" Пушкину явно понравилось и глубоко запало в память. В одном из анекдотов "Table talk" у него странная запись: "Когда Пугачев сидел на Меновом дворе..." И дальше рассказывает, как досужие москвичи приезжали туда поглядеть на плененного вождя крестьянско-казахской войны.

Однако откуда в Москве Меновой двор? Пугачев сидел там на Монетном дворе. Пушкин совершил ошибку: писал о Монетном, а рука вывела Меновой.

Так почему же он не поехал на оренбургский Меновой двор? Объяснений можно предложить два.

Первое: времени для этого не оставалось, и он предпочел большую прогулку с Далем по городу.

А второе - в славящемся достоверностью энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона в статье "Оренбург" мы читаем: "Торг на Меновом дворе открывается 1-15 мая и в сентябре или октябре закрывается". Известно, что 15 июня 1833 года на Меновой двор благополучно прибыл с юга караван в 500 верблюдов, доставивший бумажную пряжу, хлопок, сушеные фрукты. Вслед за ним прибыл еще больший караван в 700 верблюдов.

Это было летом. Может, по Брокгаузу и Ефрону, в конце сентября 1833 года Меновой двор уже закончил свою работу, тем более что время было холерное? Но из письма девицы Евгении Ворониной мы знаем, что следующий караван из 200 верблюдов прибыл уже 25 октября. Значит,

когда в Оренбурге был Пушкин, Меновой двор был почти пуст, и смотреть там было нечего.

Еще одна загадка связана с "явкой с повинной" бердинских казаков.

Старуха Бунтова красочно повествовала Ворониной о приезде Пушкина двумя месяцами раньше. И о том, что она ему рассказывала и пела:

"Начавши говорить нам эти песни, она вдруг сказала со слезами на глазах: "Я говорю, а сердце-то у меня не на месте: кто знает, зачем вы расспрашиваете меня о Пугаче? Онамедни тоже приезжали господа, и один все заставлял меня рассказывать, а другие бабы пришли да и говорят: "Смотри, старуха, не наболтай на свою голову, ведь это - Антихрист!" Мы старались ее разуверить. Да и я думаю так: ведь я говорю правду, не выдумываю, так, кажись, что тут за беда? Он же - дай бог ему здоровья - наградил меня за рассказы...

Только он со двора, бабы все так на меня и накинулись. Кто говорит, что его подослали, что меня в тюрьму засадят за мою болтовню; кто говорит: "Антихриста видела, когти-то у него какие! Да и в писании сказано, что Антихрист будет любить старух, заставлять их песни петь и деньгами станет дарить".

Слегла я со страху, велела телегу заложить везти меня в Оренбург к начальству. "Так и говорю: "смилуйтесь, защитите, коли я чего наплела на свою голову; захворала я с думы". Те смеются, "не бойся", говорят: "это ему сам Государь позволил о Пугаче везде расспрашивать. Ну, уж я и успокоилась, никого не стала слушать".

И поэтому на следующий день привезли казаки в Оренбург от греха подальше и саму старуху, и подаренные ей Пушкиным деньги. Эпизод этот абсолютно достоверен, потому что записан и Далем, и Ворониной.

Загадка в другом: почему Владимир Иванович Даль, заключая рассказ об этом эпизоде, написал: "Пушкин много тому смеялся"? Нет, в том, что Пушкина вся эта история насмешила, сомнений никаких нет. Дело в том, когда он смеялся?

Придется опять прибегнуть к расчетам времени и расстояний.

Пушкин был в Бердах 19-го. Казаки приехали "с повинной", по Далю, "на другой же день", 20-го. Пусть даже будет не "день", а "утро". Губернские присутственные часы начинались не раньше 9 утра.

Предположим, что ровно в 9 казаки приехали. Кому-то из чиновников они должны были рассказать суть дела, тот еще какое-то время докладывал "наверх", наконец, дошло до губернатора Перовского. А уже тот, надо полагать, пересказал все Пушкину.

Но тогда выходит, чтобы "много тому смеяться", Пушкин должен был задержаться с отъездом не меньше чем до 10-11 часов. Нет, не получается. Выхать он должен был раньше. Как мы уже рассчитали в главе "День третий", не позже 7 - 8 часов.

Так как же быть с тем, что Пушкин "много смеялся" в Оренбурге часов в 10 или даже позже?

Я уж не говорю о "свидетельстве" Н. Иванова, который много раз уличен в вымыслах. Просто как курьез - вот как, по Н. Иванову, уезжал из Оренбурга Пушкин в тот день, 20 сентября:

"Во дворе В.А. Перовского отъезжающему поэту был дан прощальный обед, на который был приглашен цвет оренбургского общества. Гвоздем застольной беседы были, разумеется, труды Пушкина, эпизоды из пугачевской эпопеи и пожелания видеть скорее в печати историю замечательного в своем роде самозванца. Тут-то и показал Перовский Пушкину забавное донесение о нем бердинских мудрецов, вызвавшее неудержимый смех присутствующих и взрывы острот".

Хоть этот рассказ "очевидца" напечатан в солидных "Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии", выпуск VI, Оренбург, 1900", он уже ни в какие ворота не лезет. Тут вообще выходит, что Пушкин уехал часов в 16. Хотя даже по уже упоминавшемуся свидетельству Е.Вороной она, приехав в Оренбург в 14 часов, Пушкина в городе уже не застала. А уж меловые белые горы поэт проехал бы, поверь мы Иванову, часа в 2 ночи, не увидя их, и часа в 3 ночи началась бы зафиксированная в дорожных записях поэта его беседа с нижеозерненскими старожилками!

С утверждением "Пушкин много тому смеялся" в день отъезда, 20 сентября явно что-то не то. Я предполагаю простое объяснение: Владимир Иванович написал эти слова целых семь лет спустя. И - заметьте - он не говорит, что Пушкин смеялся над "явкой" бердинцев именно в тот же день. Быть может, разгадка в том, что об этом эпизоде мог рассказать Пушкину сам Даль, когда в конце 1836 года приезжал в столицу, или же Перовский, когда бывал в Петербурге в отпуске или в командировках? А вот смеяться Пушкин действительно умел.

Приходит на ум и другое предположение. "Казаки на другой же день снарядили подводу в Оренбург" - это написано Далем, повторю, через семь лет, когда вполне могли забыться некоторые точные обстоятельства. Но ведь Евгения Воронина записала рассказ Бунтовой тут же, осенью 1833 года, и там нет никакого "другого же дня". Просто "велела телегу заложить везти меня в Оренбург к начальству".

Так что старуха Бунтова могла приехать по горячему следу, в тот же день. И Пушкин тогда же, 19-го мог "очень тому смеяться", узнав эту историю вечером от кого-нибудь из чиновников, заглянувших к Далю. Единственное, что может поколебать эту, вторую версию - слова старой женщины: "сlegла со страху" после встречи с Пушкиным. "Сlegла" - вроде бы, значит: не на час-другой.

Есть и еще одна "смешная" загадка.

Во многих брошюрах и статьях о пребывании Пушкина в Оренбурге можно прочесть, что утром 20 сентября, перед отъездом поэта, губер-

натор В.А. Перовский показал ему "только что полученное" (хотя нет у П.И. Бартенева этих слов) письмо от нижегородского губернатора М.П. Бутурлина с дружеским предупреждением:

"Я, зная, конечно, кто он (Пушкин. - В.С.), обласкал его, но должно признаться, никак не верю, чтобы он разъезжал за документами о пугачевском бунте; должно быть, ему дано тайное поручение собирать сведения о неисправностях. Вы знаете мое к вам расположение; я почел долгом посоветовать, чтобы Вы были осторожнее".

Ирония судьбы: Александр Сергеевич состоит под неусыпным секретным полицейским надзором, а его принимают за тайного агента полиции!

П.И. Бартенев полагал, что именно благодаря этому письму в Оренбург зародился сюжет "Ревизора", который Пушкин потом подарил Гоголю.

Кстати, интересно установить, кто, как Бобчинский с Добчинским, "первым сказал э!", о красочном эпизоде: утром Пушкин проснулся от громового хохота Перовского, читающего письмо нижегородского коллеги? Это из записок о Пушкине, собранных П.И. Бартеневым. Но тут нет никакого указания, что произошло это 20 сентября и что, следовательно, Пушкин и ночь с 19-го на 20-е провел тоже на губернаторской даче. На страницах этой книги читатель нашел, на мой взгляд, веские аргументы, что вторую свою оренбургскую ночь Александр Сергеевич провел не на губернаторской даче-павильоне, а в городском доме Даля.

Можно привести, если уж снова зашла речь об этом, еще одно косвенное свидетельство, что вторую оренбургскую ночь поэт провел в доме Даля, - это письмо девицы Евгении Ворониной. Она - помните? - описала подруге, как две барышни узнали от жены Даля, что Пушкин вечером будет у ее мужа, и забрались на дерево, чтобы увидеть великого поэта хоть в освещенное окно. И это опять подтверждает, что "перевоз" Пушкина к Дально был уже запланирован заранее, может, еще с утра, до отъезда в Берды.

Правда, все может оказаться еще проще. Перечитаем Бартенева так, как у него написано, а не как его вольно пересказывают:

"Из Нижнего Пушкин поехал прямо в Оренбург, где командовал его давнишний приятель гр. Василий Алексеевич Перовский. Пушкин у него и остановился. Раз они долго сидели вечером. Поздно утром Пушкина разбудил страшный хохот. Он видит: стоит Перовский, держит письмо в руках и заливается хохотом".

И дальше уже известный нам "ревизорский" рассказ. Еще раз заметим, что тут не сказано, в какое из двух оренбургских утр это произошло. Если это было в первое утро, 19-го, тогда и спорить не о чем. Тут все сойдется, если вспомним наше предположение в главе "День первый", что в вечер приезда в Оренбург, 18-го, Пушкин после первой беседы в городе с Перовским и Далем и бани у Артюхова ночевать поехал на летнюю дачу Перовского, там долго еще беседовал с хозяином ("раз они долго сидели

вечером"). Значит, наутро, до отъезда в Берды он и узнал содержание "ревизорского" письма. И было это "поздно утром", когда Александр Сергеевич, как мы и предполагали, должен был отоспаться после трудной дороги и когда это письмо могли уже доставить генерал-губернатору. Следующее же утро, 20-го, напомним, было для отъезжающего Пушкина только ранним.

Что касается обеда у губернатора, из воспоминаний Даля, то, наверно, жена Владимира Ивановича и сама хотела бы устроить тот обед после возвращения из Берд 19-го - единственный оренбургский обед Пушкина - у себя, но Александр Сергеевич, да и Даль тоже, из долга вежливости отобедали у губернатора.

А вот оренбургский краевед М.Л. Юдин сто лет назад сообщил, что Перовский не только кормил поэта "роскошными обедами и поил на славу", но и передал ему "из своей канцелярии все дела о Пугачеве, и Пушкин их увез с собой".

Откуда взялись "обеда", кажется, понятно. Юдин прочел в воспоминаниях Даля: "обедать ходили вместе к Перовскому". Глагол несовершенного вида может обозначать и многократность действия. Но у Даля смысл такой: в тот день 19 сентября 1833 года, единственный полный пушкинский день в Оренбурге, мы ходили к губернатору на обед.

Что же касается утверждения, что Александр Сергеевич забрал "все дела о Пугачеве" - не копии, а оригинальные казенные бумаги - оно ничем документально не подтверждается. Да это было бы и просто противозаконным поступком. На это не были способны ни Перовский, ни Пушкин. Есть сведения, что через некоторое время служивший в Оренбурге К.А. Бух переписал кое-какие интересные для Пушкина бумаги о пугачевщине и письмом к нему в Петербург предложил их за 500 рублей, но это совсем другое дело.

Вообще к сообщениям этого К.А. Буха, видимо, относиться надо с осторожностью. Например, сомнителен его живописный рассказ о том, как его сослуживец Штакельберг в Петербурге, "зайдя однажды в книжный магазин Гауэра, услышал разговор хозяина магазина с неизвестным ему господином об историческом труде Пушкина (об "Истории Пугачева". - В.С.). Вмешавшись в разговор, Штакельберг, в пылу дружеских ко мне чувств, сказал: "Разве можно признать эту историю серьезным исследованием, когда Пушкин, бывший в Оренбурге, даже не дал себе труда просмотреть местные архивные дела; приятель мой, живя в Оренбурге, их разобрал и сделал чрезвычайно любопытные выписки". - Собеседником Гауэра оказался Пушкин, который, отрекомендовавшись растерявшемуся Штакельбергу, изъявил желание познакомиться с его приятелем и с "любопытным" его трудом.

Заикаясь от смеха и удовольствия, прибежал ко мне (Бух тогда тоже был в Петербурге. - В.С.) Штакельберг и, рассказав свое приключение, советовал поехать к Пушкину.

Пушкин жил на даче, на Каменном Острове; он принял меня чрезвычайно любезно и, просмотрев мою рукопись, просил оставить ее у него на некоторое время. Когда через несколько дней я приехал к Александру Сергеевичу, он мне сказал: "рукопись ваша любопытна, и вы могли бы напечатать в виде приложения к моей истории". Полагая, что Пушкин, пользовавшийся архивными делами Петербурга и Москвы, нашел мало нового в моих извлечениях и только из приличия предложил напечатать их, я похоронил их в куче других бумаг, среди которых они впоследствии затерялись".

Думается, что мы снова имеем дело с желанием современника погреться в лучах пушкинской славы. Правдоподобнее кажется версия о том, что выписки Буха ничего нового Пушкину не сообщили, да и запрошенная сумма в 500 рублей была велика.

Так что мы можем сделать окончательный вывод: Пушкин вечером 19-го сентября долго беседует с Далем, ночует у него. Утром едет прощаться с Перовским и покидает Оренбург.

Здесь нет противоречия с тем, что написал Перовский в ответе на куда более серьезное письмо того же нижегородского коллеги М.П. Бутурлина о секретном полицейском надзоре за Пушкиным. Оно хранится в Оренбургском государственном архиве: "Дело № 78 "Об учреждении тайного полицейского надзора за прибывшим временно в Оренбург по-этом титулярным советником Пушкиным". (Правильно - "Пушкиным" - мы читаем и перепечатаваем по инерции, если же внимательно прочитать лихую писарскую надпись на обложке "Дела", то странно, что никто не исправил "грамотея", хотя читали и губернатор, и его чиновники. Написано: "...за прибывшим временно в Оренбург поэта Тит. Сов. Пушкина". И в слове "поэта" сначала явно было "поета", а потом "е" переправлено на "э". Вот бы Пушкин и понегодовал, конечно, и позабавился, попадись ему эта папка в руки! - В.С.). Началось 23 октября 1833 года. Решено 24 октября". Оно на четырех полулистах. На нем красная печать с орлом. Сверху на обложке другим почерком: "Секр."

Это уже не полукомическое первое, "ревизорское" письмо нижегородского губернатора. Тут служебная строгость:

"С.Петербургский обер-полицмейстер от 20 сент. уведомил меня, что... был учрежден в столице секретный полицейский надзор за образом жизни и поведением известного поэта, титулярного советника (столичный полицейский, в отличие от московского, классность указывает правильно. - В.С.) Пушкина, который 14 сентября выбыл в имение его, состоящее в Нижегородской губернии. Известясь, что он, Пушкин, намерен был отправиться из здешней в Казанскую и Оренбургскую губернию, я долгом считаю о вышесказанном известить ваше пре-во, покорнейше прося, в случае прибытия его в Оренбургскую губернию, учинить надлежащее распоряжение в учреждении за ним во время его пребывания в

оной секретного полицейского надзора за образом жизни и поведением его".

Будучи другом Пушкина и человеком благородным, на этом письме Перовский написал размашистым почерком, коричневыми чернилами:

"Ответить, что сие отношение получено через месяц по отбытии г. Пушкина отсюда, а поэтому, хотя во время кратковременного его в Оренбурге пребывания и не было за ним полицейского надзора, но как останавливался он в моем доме, то я тем лучше могу удостоверить, что поездка его в Оренбургский край не имела другого предмета, кроме нужных ему исторических изысканий".

А что еще мог ответить Перовский? Стал бы детализировать: в первый вечер, мол, Пушкин действительно остановился у меня, да вот на второй исчез из моего поля зрения, потому что Даль перевез его к себе? Нет, конечно. "Останавливался в моем доме" - и делу конец. Кстати, это выражение вполне применимо и в том случае, если Пушкин останавливался у Перовского на одну ночь.

В письме-предупреждении Бутурлина, если вы заметили, неверно указано, что Пушкин отправился из Петербурга 14 сентября. Но тут Бутурлин не виноват: плохо работала столичная полицейская служба надзора, сам Бутурлин просто переписал эту неверную дату из полученного им уведомления обер-полицмейстера С.-Петербурга С.А. Кокошина, где значилось:

"14 сего месяца, как пристав Выборгской части донес мне, г-н Пушкин выбыл в имение, состоящее в Нижегородской губернии".

На самом же деле Пушкин выехал 17-го. И столичный обер-полицмейстер, написав свое уведомление 20-го, мог бы знать об отъезде Пушкина поточнее.

Не говорю уж о том, что служака Бутурлин, который, судя по письму Пушкина к жене, принял поэта хорошо, беседовал с ним и знал, что тот торопится, в следующих городах будет останавливаться всего на несколько дней и в Оренбурге его недели через три точно не будет, все же послал Перовскому свое предупреждение. К тому же отправив его с таким запозданием - 9 октября.

Другое дело, что сам он, Бутурлин, тоже получил такое предупреждение с опозданием, когда Пушкин уже проехал Нижний Новгород. Но Болдино, где закончилось оренбургское путешествие Пушкина, - в Нижегородской губернии, и время надзирать за ним еще было. Если снова представить себе на минуту, что вся эта канительная и порой малограмотная служебная переписка попала бы Пушкину, он смог бы или Гоголю дать какие-то дополнительные обстоятельства или фразы в "Ревизоре", или сам бы использовал, написав о российском чиновничестве.

И еще одна загадка: ружье, которое не выстрелило.

"Мы поехали в Берды... Я взял с собой ружье, и с нами было еще человека два охотников", - так, если помните, записал Даль. Мы уже вспо-

минали затертые слова Чехова о ружье, которое, если висит в начале художественного произведения, обязательно должно потом выстрелить, иначе зачем оно? Далеvское ружье не "выстрелило" не потому, что оно - в "Записках о Пушкине", а не где-нибудь в романе или пьесе, построенных по законам художественного произведения.

Но пока несколько слов о тех двух охотниках. Видимо, один из них - инженер-капитан, начальник Оренбургского Неплюевского военного училища Константин Демьянович Артюхов. Тот, у кого мылся в бане в первый вечер Пушкин и кому прислал потом экземпляр "Истории Пугачева".

Правда, в одном из воспоминаний бердинских старожилов "приезжали двое в штатском" - Пушкин и Даль. Зато в другом прямо указывается и Артюков (так, через "к", почему-то значитсЯ эта фамилия в "Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии", выпуск VI, Оренбург, 1900").

Думаю, что Артюхов действительно поехал и поначалу даже прошел с Пушкиным и Далем по Бердам. Даль был еще человек новый, только за два месяца до этого приехавший в Оренбуржье. Но Артюхова в Бердах знали хорошо. И если б не было его, может, не стала та же старуха Бунтова рассказывать о Пугачеве и пугачевщине и петь песни, уж больно опасно это было и через 60 лет после крестьянской войны. Ведь по рассказу Даля, бердинские казаки так расценили пушкинские расспросы: "подбивал под "пугачевщину". А раз гостей привез Артюхов - "приятель наш", как сказала Бунтова Е. Ворониной, тогда не так страшно, все-таки начальство дозволило.

А другой охотник, как полагает историк Р.В. Овчинников, - кто-то из адъютантов Перовского: либо Н. Калустов (Капустов, по другим источникам), либо Н. Дурасов, либо С. ЧилЯев, уже знакомый Пушкину по встрече на русско-турецкой войне в 1829 году в Закавказье. У оренбургской исследовательницы А.Г. Прокофьевой есть предположение, что это был Г.С. Карелин, прадед Александра Блока.

Итак, ружье было взято Далем для охоты, а не для того, чтобы охранять жизнь Пушкина от несуществующих опасностей. Двое сопровождавших, доехав вместе с Пушкиным и Далем до Берд (а Артюхов и показался в Бердах), отправились охотиться в присакмарские леса, где, по воспоминаниям, тогда водилась во множестве дичь.

Но Даль-то! Он что - довез Пушкина и скорее пострелять за эти три-четыре часа дичи? А потом к отъезду в Оренбург вернуться с охотничьими трофеями? Как в том анекдоте - "наконец-то нашел место и время"?

Нет уж, для Даля пушкинский короткий приезд был таким событием, что он, верно, шагу не отходил. Да разве и не было ему просто интересно еще и как историку и писателю, совсем недавно прибывшему в Оренбуржье, что рассказывают и показывают местные старожилы, что знает и помнит о Пугачеве и пугачевщине их очевидица 73-летняя Ирина Афанасьевна Бунтова?

К тому же он сам подробно указывает в "Записках", как старики показали пугачевский "золотой дворец", где казнили, где гребни с якобы зарытым кладом Пугачева, что за песни пела Бунтова. Так что он, конечно, был при Пушкине неотлучно. Но зачем тогда "невыстрелившее ружье"?

..."То не лестно, что известно". Это из "Пословиц русского народа" Даля, собранных и в наших, оренбургских местах. Разгадывать загадки вроде тех, о которых вы прочитали, чрезвычайно интересно. Иной раз, как мы видели, можно сузить рамки вероятности события даже до одного-двух часов.

Но есть и загадки неразрешимые. Об одной я уже писал: почему Пушкин переслал или передал через полтора года Перовскому "Историю Пугачева" с припиской: "В память прогулки нашей в Берды"? Некоторые исследователи видят в этих словах доказательство, что Перовский сопровождал Пушкина в Берды, и приводят еще аргумент, что губернатор не мог не поехать вместе с гостем, потому что это было бы невежливо.

Но ведь если бы Перовский в тот день тоже поехал в Берды, то участники поездки и жители Берд, конечно, запомнили бы прежде всего именно его приезд. Во всяком случае, старуха Бунтова вскоре после этой поездки в Берды рассказала бы Евгении Ворониной в первую очередь, не что приезжал какой-то неизвестный смуглый человек, а что станицу посетил сам губернатор! Но она и словом об этом не обмолвилась. Да и совершенно точный рассказ Бунтовой, как на другой день после приезда Пушкина, показавшегося подозрительным, станичники повезли ее с покаянием в Оренбург к губернатору, - разве это не лучшее свидетельство, что Перовский накануне не ездил с Пушкиным в Берды? Будь он в Бердах, он бы сам видел и слышал, какую "крамолу" она рассказывала столичному гостю.

Перечитайте приведенные в одной из предыдущих глав рассказы четырех свидетелей пушкинской поездки в Берды: Бунтовой в записи Ворониной, Даля, Кайдалова и Блиновой. Да, с Пушкиным был Даль, был, видимо, и Артюхов. Но о губернаторе и намека нет. Все это, на мой взгляд, опровергает доводы некоторых краеведов: нет, Перовский ездил вместе с Александром Сергеевичем! Но все же - куда деть "в память прогулки нашей"? Разве что слово "нашей" может иметь тут и другой смысл: "нашей с Далем и другими спутниками"?

Однако разгадываемых загадок гораздо больше. И надо руководствоваться опять-таки Далем: "Копнешь, так и найдешь".

"БЫВАЮТ СТРАННЫЕ СБЛИЖЕНИЯ..."

Это фраза - из пушкинских заметок, как часто у Александра Сергеевича бывает, поэтически организованная. И это его четверостишие из стихотворения "Приметы" - о том же:

*Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.*

О судьбе, о природе совпадений и суеверий Пушкин размышлял много и разносторонне.

Вспомним слова, которые предшествуют в "Капитанской дочке" вещицу сну Гринева:

"Читатель извинит меня: ибо, вероятно, знает по опыту, как сродно человеку предаваться суеверию, несмотря на всевозможное презрение к предрассудкам".

И если в повести "судьба" в самой первой главе обыгрывается полушутливо, явившись в образе толстой и рябой прачки Палашки и кривой коровницы Акульки, донесших на учителя-француза, и эта судьба разлучает Петрушу с мосье Бопре, которого выгоняют за пьянство и разврат, - то в дальнейшем рок, "странные сближения" так часто, серьезно и энергично движут сюжет, что еще раз скажу: "Капитанскую дочку" можно назвать повестью провидения, тайных совпадений.

Нет другого пушкинского произведения, где было бы столько "провидения". (Учтем только верное замечание Абрама Терца в "Прогулках с Пушкиным": "Идея рока, однако, действующая с мановением молнии, лишена у него строгости и чистоты религиозной доктрины".)

Не поленимся перечитать повесть с этой точки зрения.

"Но вскоре судьба нас разлучила". "...предав себя божией воле". "Тут судьба моя переменялась". "Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю с ним странные обстоятельства моей жизни". "...стараясь заглушить печальные предчувствия". "Неожиданные происшествия, имевшие важное влияние на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение". "Прежде нежели приступлю к описанию странных происшествий,

коим я был свидетель...". "Неожиданная весть меня сильно поразила". "Я предчувствовал, что застану Марью Ивановну одну". "Я не мог не поддаться странному сцеплению обстоятельств". "Хотя я и предвидел скорую и несомненную перемену в обстоятельствах...". "...совет, должствовавший иметь такое влияние на судьбу мою". "Странная мысль пришла мне в голову: мне показалось, что провидение, вторично приведшее меня к Пугачеву, подавало мне случай привести в действие мое намерение". "Чудные обстоятельства соединили нас неразрывно". "Соединенный так нечаянно с милой девушкою...". "Вдруг нежданная гроза меня поразила".

Вот это слово "вдруг" - сигнал таких резких вмешательств судьбы и сюжетных поворотов.

"Вдруг" батюшка обращается к матушке с вопросом о возрасте Петруши, задумав послать сына на службу в Оренбург. Так же "вдруг" замечает ямщик признаки бурана, который приведет к встрече с Пугачевым, и "вдруг" молодой Гринев первым увидит Пугачева в этом буране. С этого же слова начнется и провидческий сон Петра. И так далее вплоть до последней главы, где в Царскосельском парке "вдруг" залает собачка, Марья Ивановна испугается и вызовет тем первую, успокоительную реплику Екатерины Великой - естественное начало диалога, который решит судьбу героев повести.

Даль посвятил проблеме провидения, судьбы, суеверий треть своих "Воспоминаний о Пушкине", настолько важной он ее считал. Вот что он сообщил:

"Пушкин, я думаю, был иногда и в некоторых отношениях суеверен; он говаривал о приметах, которые никогда его не обманывали, и, угадывая глубоким чувством какую-то таинственную, непостижимую для ума связь между разнородными предметами и явлениями, в коих, по-видимому, нет ничего общего, уважал тысячелетнее предание народа, доискивался в нем смыслу, будучи убежден, что смысл в нем есть и быть должен, если не всегда легко его разгадать".

В воспоминаниях о поэте множество примеров его суеверий. Перечитаем только, как описывала один из эпизодов его последней встречи в Москве с очень близкими друзьями П.В. и В.А. Нащокиными хозяйка дома Вера Александровна. Пушкин за ужином пролил на скатерть масло. Павел Воинович его пожурил.

"- Ну, я на свою голову. Ничего... - ответил Пушкин, которого, видимо, взволновала эта дурная примета.

Благодаря этому маленькому приключению, Пушкин послал за тройкой (тогда ездили еще на перекладных) только после 12 часов ночи. По его мнению, несчастье, каким грозила примета, должно миновать по истечении дня... Последний ужин у нас, действительно, оказался прощальным..."

И в то же время "Не будем ни суеверны, ни односторонни", - призывал Пушкин Дельвига. Отправляясь на дуэль, Александр Сергеевич вышел из

своей квартиры на Мойке, 12, в легкой бекеше. Было морозно. Он вернулся, переоделся, надел шубу. Какой суеверный человек так поступит? Так что не все просто в этой проблеме.

Но все же очень многое в его судьбе необъяснимо или мало объяснимо. А.А. Фукс, с которой он встретился в Казани по дороге в Оренбург, вспоминала:

"- Вам, может быть, покажется удивительным, - начал опять говорить Пушкин, - что я верю многому невероятному и непостижимому; быть так суеверным заставил меня один случай".

"Случай" этот зафиксирован, кроме А.А. Фукс, еще несколькими людьми: Львом Пушкиным, Алексеем Вульфом, и особенно подробно об этом - в статье приятеля Александра Сергеевича С.А. Соболевского "Таинственные приметы в жизни Пушкина". Вот он: 11 ноября 1819 года известная петербургская гадалка Александра Филипповна Кирхгоф предсказала Пушкину скорое получение денег и неожиданного предложения, две ссылки, известность. Она напроорочила, что он может прожить долго, но на 37-м году жизни должен опасаться высокого блондина на белом коне.

П.И. Бартенев записал и такой эпизод: Пушкин, побывав у другой гадалки, рассказал своей хорошей знакомой Е.Н. Ушаковой о предсказании, что он "умрет от своей жены". Если теперь раскинуть задним умом, то можно толковать как предсказание о дуэли за честь жены.

Почему гадалки угадывают? Ведь подавляющее число прозрений не сбывается, почти бесследно для авторитета прозревателей. Несбывшееся мы забываем, это свойство человеческой психологии. Сбывшееся же западает в память навсегда.

Это относится не только к профессиональным гадалкам. К примеру, Н.М. Карамзин не раз говорил и писал, что в литературе должны появиться новые таланты. И его строка из письма И.И. Дмитриеву о том, что в России "родится вновь Пиндар" (древнегреческий лирик, обобщенно - великий поэт), запомнилась нам благодаря совпадению - дате этого предсказания: 1799 год. Год рождения Пушкина.

Дело еще, наверно, и в таком свойстве предсказаний: человек, которому напроорочили что-то страшное, начинает жить в стрессовом напряжении. И именно поэтому плохое может сбыться. В народе это называют "накликать беду". А помните слова из оренбургского письма Александра Сергеевича жене? "Я мнителен, как отец мой".

"Как же ему, человеку крайне впечатлительному, было не ожидать и не бояться конца предсказания, которое дотоле исполнялось с такою буквальною точностию???" - писал Соболевский.

Кирхгоф угадала все. Вскоре Пушкин получил давно позабытый карточный долг от лицейского товарища Корсакова. Спустя некоторое время, как записал Соболевский, "в театре его подозвал к себе Алексей Федорович Орлов (впоследствии князь) и стал отговаривать его от поступления

в гусары, о чем уже прежде была у него речь с П.Д. Киселевым, а напротив, предлагал служить в конной гвардии". Через полгода был отправлен в южную ссылку, в Кишинев и Одессу, через четыре с половиной года - в северную, в Михайловское. Известность тоже пришла к нему довольно рано.

И прожить он мог, действительно, долго. Медик и литератор Борис Михайлович Шубин в книге "Дополнение к портретам" пишет о прекрасной наследственности Пушкиных. "Арап Петра Великого", прадед Абрам Петрович Ганнибал прожил 92 года. Старшая дочь поэта Мария Александровна прожила 87 лет, старший сын Александр Александрович - 81 год. Наталья Александровна - 76 лет. Григорий Александрович - 70 лет.

В одном из писем к жене летом 1834 года вырвалось у Пушкина, терзавшегося, как обеспечить семье хоть какой-то достаток:

"Хорошо, коли проживу я лет еще 25; а коли свернусь прежде десяти, так я не знаю, что ты будешь делать и что скажет Машка и в особенности Сашка. Утешения мало им будет в том, что их папеньку схоронили, как шута и что их маменька ужас как мила была на аничковых балах".

Конечно, как всякий нормальный человек, Александр Сергеевич в душе надеялся, что собственный мрачный прогноз не сбудется. Может, он при этом имел бы в виду в тайной надежде и свою наследственность. И не дано было ему знать, что "свернется" меньше, чем через три года и что похоронят его если не как шута, то с неподобающей памяти великого сына России скрытной поспешностью. Плохое предчувствие сбылось с лихвой.

Сбылось и с убийцей Пушкина. Дантес был высоким блондином, носил белый форменный кавалергардский мундир, и лошади в его полку были белые. А. Муравьев писал, что Пушкин всю оставшуюся после этого гадания жизнь видел в каждом белокуром рокового человека "и даже старался раздражить его, чтобы скорей искутить свою судьбу".

Но в то же время, по словам С.А. Соболевского, поэт старался этого "белого человека" избегать. Пушкин как-то ответил на вопрос, почему он отошел от масонов:

"Это все-таки вследствие предсказания о белой голове. Разве ты не знаешь, что все филантропические и гуманитарные тайные общества, даже и самое масонство, получили от Адама Вейсгаупта направление, подозрительное и враждебное существующим государственным порядкам? Как же мне было приставать к ним? Weisskopf, weisshaupt (белая голова. - В.С.) - одно и то же".

А дальше у Соболевского рассказ Пушкина, как он чуть было не уехал самовольно из михайловской ссылки и не попал в Петербург в самый канун восстания декабристов. После упоминания "дурных примет": зайца и попа, попавшихся по дороге и этим заставивших его вернуться с дороги, следует:

"Я рассчитывал приехать в Петербург поздно вечером, чтоб не огласился слишком скоро мой приезд, и, следовательно, попал бы к Рылееву прямо на совещание 13 декабря. Меня приняли бы с восторгом; вероятно, я забыл бы о Вейсгаупте, попал бы с прочими на Сенатскую площадь и не сидел бы теперь с вами, мои милые!"

А, как вспоминал М.П. Погодин, Пушкин говорил ему, что, по предсказанию какого-то грека летом 1823 года в Одессе, "должен умереть от белого человека или от белой лошади".

Не это ли "или" через два года могло подсознательно трансформироваться в "Песнь о вещем Олеге", который принял смерть, наступив на белый от непогод череп коня? Потому Александр Сергеевич и выбрал именно этот эпизод из всей многотомной "Истории государства Российского" Николая Михайловича Карамзина?

Во всяком случае, относиться к пушкинской вере в предначертанную судьбу надо по-карамзински. В конце V главы тома первого "Истории", где излагается смерть Олега, сказано:

"Уважение к памяти великих людей и любопытство знать все, что до них касается, благоприятствуют таким вымыслам и сообщают их отдаленным потомкам".

Все явления жизни и творчества Пушкина мы стараемся рассматривать в этой книге в связи с тем, что объединяет поэта с оренбургским краем.

И вот как раз в те дни, когда Пушкин был в оренбургской поездке, его "белый человек" - Дантес пересек границу России. Известно, что он прибыл в Петербург на пароходе "Николай I". Некоторые источники указывают, что произошло это 8 октября 1833 года. Но у добросовестнейшего Л.А. Черейского в его своего рода энциклопедии "Пушкин и его окружение" дата приезда Дантеса - 8 сентября. А 26 января 1834 года поэт запишет в "Дневнике":

"Барон д'Антес и маркиз де Пина, два шуана, - будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет".

Хороший знакомый Александра Сергеевича литератор Н.В. Путята, к которому попали некоторые бумаги погибшего Пушкина, обратил особое внимание на эту запись:

"В этот день ничего более не было записано. Что замечательного мог найти Пушкин в их приезде? Это похоже на какое-то предчувствие!"

Вскоре молодой и смазливый Дантес будет усыновлен посланником Голландии в России бароном Геккерном, известным своими противоестественными наклонностями. Незадолго перед дуэлью оскорбленный Пушкин прямо укажет на это обстоятельство: женившись на Е.Н. Гончаровой, Дантес сделал Геккерна рогоносцем.

А в тот день 8 сентября 1833 года Пушкин пишет с дороги в письме к жене:

"Здорова ли ты? здоровы ли вы все? Дорогой я видел годовалую девочку, которая бегаёт на карачках, как котенок, и у которой уже два зубка. Скажи это Машке".

Сколько в этих строках любви и заботы! Молодой отец даже ревниво посчитал эти "два зубка", сравнивая со своей маленькой дочкой Марией.

Такие люди, как Пушкин, самой природой бывают запрограммированы на долгую и счастливую жизнь.

Знал бы он в его оренбургские дни, что его будущий убийца уже въехал в Россию, и это приведет в конце концов к тому роковому выстрелу, после которого поэт упадет на снег, обливаясь кровью! А впрочем - это благодать, что мы не знаем своего смертного часа.

Любопытно, что судьба, провидение или как там оно еще называется словно бы пытались восстановить справедливость. Известно, что Дантесу через два года после дуэли с Пушкиным нечаянно прострелили правую руку, ту самую, в которой был пистолет. А потом так же случайной пулей был убит на охоте секундант Дантеса.

Совпадение и то, что в смертный час Пушкина у его изголовья суждено было быть человеку, с которым он в Оренбурге гулял по городу, ездил в Берды, беседовал о будущем "Толковом словаре", о своих литературных планах - Владимиру Ивановичу Далю. Он был в Петербурге по делам и узнал о ранении Пушкина на второй день, около двух часов пополудни. Будучи к тому же хорошим врачом, он помчался на Мойку, 12.

"Я подошел к болящему, он подал мне руку, улыбнулся и сказал: "Плохо, брат!" Я приблизился к одру смерти и не отходил от него до конца страшных суток. В первый раз сказал он мне ты - я отвечал ему так же и побратался с ним уже не для здешнего мира".

Быть может, при виде Даля, в эти последние часы мелькнуло у Пушкина какое-то оренбургское воспоминание? А, может, он вспомнил, что Петр I, о котором он с таким жаром рассказывал Далю по дороге в Берды, умирал, как записал сам Александр Сергеевич, в таких же страшных мучениях 112 лет назад в этот же день и в этот же час?

Даль вспоминал потом:

"Друзья и ближние молча, сложа руки, окружили изголовье отходящего. Я, по просьбе его, взял его под мышки и приподнял повыше. Он вдруг, будто проснувшись, быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось, и он сказал:

- Кончена жизнь!

Я не дослышал и спросил тихо:

- Что кончено?

- Жизнь кончена, - отвечал он внятно и положительно.

- Тяжело дышать, давит, - были последние слова его.

Всеместное спокойствие разлилось по всему телу, - руки остыли по самые плечи, пальцы на ногах, ступни, колена - также, - отрывистое, частое

дыхание изменялось более и более на медленное, тихое, протяжное, - еще один слабый, едва заметный вздох - и пропасть необъятная, неизмеримая разделяла уже живых от мертвого. Он скончался так тихо, что предстоящие не заметили смерти его. Жуковский изумился, когда я прошептал: "аминь!"

Даль участвовал во вскрытии покойного и написал специальную медицинскую статью.

И еще очень любопытная игра судьбы. Автор книги о Наталье Николаевне "А душу твою люблю..." Агния Кузнецова пишет, что он принял и последний вздох жены Пушкина.

"Мечется в страшной тоске Наталья Николаевна... Она спрашивает Даля, который ежедневно бывает у нее:

- Скоро ли, скоро ли будет мне легче?

- Скоро, Наталья Николаевна, - говорит Даль, - стараясь интонацией не выдать смысл этого "скоро".

И вспоминается ему в эти мгновения, как спрашивал его Пушкин, скоро ли наступит смерть, жалуясь главным образом не на боль, а на изнуряющую его тоску. Вероятно, эту предсмертную неосознанную тоску переживает и Наталья Николаевна".

Совпадениям, связанным с темой "Пушкин и Оренбуржье", несть числа. Вот еще несколько.

...Путешествие Пушкина в Оренбург кончилось 18 сентября 1833 года, когда после долгой дороги въехал он в городские Сакмарские ворота. А ровно за три года до этого, день в день, он окончил "Путешествие Онегина".

...Александр Сергеевич въезжал в Оренбуржье день-в-день с началом пугачевщины, только ровно через 60 лет. Ведь началом восстания считается 17 сентября 1773 года, когда Пугачев обнародовал свой первый именной указ яицким казакам.

...О том, что при въезде в Оренбург, миновав реку Сакмару, Пушкин мог вспомнить, что в одной из былин голова богатыря (помните "Руслана и Людмилу"?) находилась у "Касмары", я уже рассказывал.

...Правнучка Ломоносова и достойная дочь героя войны 1812 года Н.Н. Раевского декабристка Мария Николаевна Волконская, провожая которую в Сибирь, поэт говорил о планах написать о Пугачеве, жила перед отъездом в доме на Мойке, 12. И даже в той комнате, где через одиннадцать лет поэт умрет. Дом этот, кстати, принадлежал Г.С. Волконскому, который в молодости в Оренбуржье воевал с пугачевцами, а потом стал оренбургским военным губернатором.

...Еще совпадение: Пушкин приехал в Оренбург в возрасте Пугачева, когда тот осаждал город - в 33 года (если из двух вероятных дат рождения Пугачева принять 1740 год). Тогда исторически верна чисто фольклорная цифра из эпиграфа к главе VII "Приступ":

*Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года.*

...Что-то мистическое есть вот в этом совпадении: когда после гибели поэта подсчитали в его квартире оставшиеся нераспроданными экземпляры "Истории Пугачева", то их оказалось 1775. А 1775 - это год казни Пугачева.

...И последнее совпадение. Пушкин, уезжая в оренбургское путешествие, оставил семью на даче на Черной речке, тогда это было за окраиной Петербурга. Летом 1836 года, когда заканчивалась работа над "Капитанской дочкой", он с семьей снова жил там же. "5 августа 1833. Черн.(ая) речка" - проставил он под "Проектом вступления к роману" (имеется в виду "Капитанская дочка").

Вспомним пушкинский эпиграф-девиз к "Капитанской дочке": "Береги честь смолоду" (Л.А. Черейский в книге "Пушкин и его окружение" полагает, что эту поговорку сообщил поэту Денис Давыдов). Здесь, на Черной речке, в черный день 27 января 1837 года, оборвался жизненный путь Александра Сергеевича Пушкина. Человека, который даже ценой жизни сберег свою честь.

Совпадения... По какой-то неведомой причине их так много случается в жизни талантливых людей. Эти совпадения загадочно вызывают другие, через века и судьбы. Александру Твардовскому в юбилейной статье "Пушкин" вспомнилось, как он, деревенский мальчишка, как-то сидел в своей избе с первой самостоятельно прочитанной книгой - "Капитанской дочкой":

"Я был захвачен ею и засиделся у окна избы дотемна, и когда дошел до бурана в Оренбургской степи, то увидел, что за окном пошел снег, и это стало неизгладимым до сих пор впечатлением как бы магической силы, изошедшей от пушкинской страницы".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

...И снова отшумел пушкинский юбилей. Александр Сергеевич родился на переломе двух столетий. И это знаменательно: он принес новую эпоху в общественное сознание поколений, в литературу.

200-й его юбилей пришелся на перелом тысячелетий.

Хрестоматийна мысль Гоголя, что Пушкин - "это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет". Но спросим себя: сбылось ли это предвидение? Много ли явилось за это время чего-то похожего по силе духа и таланта?

Или прав был Александр Карамзин, сын замечательного историка и друг Александра Сергеевича: "Плачь, мое бедное отечество! Не скоро родишь ты такого сына! На рождении Пушкина ты истощилось!"

Или надо прислушаться к объяснению, которое дал Андрей Платонов:

"Дух его, творческая торжествующая и оживляющая сила, заимствованная некогда у народа, после смерти поэта опять как бы получила тенденцию возвратиться в свою первородную сферу, в рассеяние безымянных душ, в "энтропию". Пушкин был коллективным произведением народа, качеством, трудно превращенным из количества, - и вот Пушкин погиб, пылающий "уголь" вновь как бы разделен на тлеющие лучинки".

...Есть в "круглых цифрах" особая магия.

Поэтому интересно, как отмечали в Оренбурге его юбилей.

...50-летие гибели. В местной газете "Оренбургский листок" рассказывалось о том, что город "готовит свои поминальные оации великому поэту, тем более, что Пушкин знаком Оренбургу, так сказать, лично. Наше оренбургское торжество начнется заупокойной молитвой в соборе и во всех средних учебных заведениях, в которых учащиеся, освобожденные от урочных занятий с 12 часов, выслушают чтения о Пушкине и сами примут участие в торжестве при чтении отрывков и небольших пьес из сочинений Пушкина. В частности, ученицы женской гимназии купили уже в складчину бюст поэта и украсят его в дни торжества венками. В городском театре антрепренер Н.С. Вехтер с артистами своей труппы дадут пушкинский спектакль из пьес бессмертного поэта с апофеозом бюста. Хорошо было бы в день 29 января устроить также хотя поминальный обед в общественном собрании по подписке".

Интересно, что же было в программе спектакля в театре? Тут были и отрывки из пьес, и живые картины - жанр сейчас позабытый, а в те поры весьма популярный. Представим себе: открывается занавес - и на сцене застывшая группа актеров и любителей в костюмах и в соответствующих декорациях. К примеру, за клавесином, положив руки на клавиши, сидит "юноша бледный со взором горящим", в парике и нарядном костюме галантного XVIII века, а за его спиной хищно изогнувшийся человек в таком же костюме подливает в рюмку яд.

Секунда - и "гром рукоплесканий", как выразился автор отчета о пушкинских торжествах. Узнали: Моцарт и Сальери. По его же свидетельству, особо понравившиеся публике живые картины показывали по несколько раз.

Но вот что показательно: в программе, кроме "Моцарта и Сальери", были отрывки и живые картины из "Бориса Годунова", "Медного всадника", где самый рослый из актеров, одетый и загримированный под Петра Великого, стоял "на берегу пустынных волн", из "Полтавы", "Каменного гостя", "Барышни-крестьянки", "Руслана и Людмилы", "Кавказского пленника".

Казалось бы, где как не в Оренбурге надо бы дать что-то и из "Капитанской дочки" и "Истории Пугачева"? Но напрасно мы будем искать в программе этого пушкинского вечера хоть намек на тему, связанную с крестьянско-казачьей войной. Не раз мы уже видели, как опасна была эта тема, с какими трудностями сталкивался Пушкин, собирая пугачевские материалы. И хоть к этому пятидесятилетию со дня гибели поэта прошло уже больше века со времен пугачевщины, устроители не решились включить в программу оренбургские произведения Александра Сергеевича.

...А семью годами раньше, на открытии памятника Пушкину в Москве, на Тверском бульваре 7 июня 1880 года среди замечательных людей, пришедших сюда, выступил с речью и оренбуржец Павел Николаевич Распов.

"Я как представитель отдаленнейшей окраины европейской России, - сказал он - обязан подтвердить фактом, вероятно, многим неизвестным, справедливость заявлений, сделанных здесь по поводу пророческого предсказания Пушкина, что слух о нем пройдет по всей Руси великой и назовет его всяк сущий в ней язык".

...100-летие со дня рождения. Протоколы заседаний юбилейной комиссии дошли до нас довольно полно.

Готовились задолго до даты. Было предложение издать хотя бы сборник. Но оно было отвергнуто: "Предложенный к изданию юбилейный сборник "Пушкин в Оренбурге" по характеру своему не может быть распространяем в народе". Сэкономили на этом ассигнованные городской Думой 200 рублей. Как несколько неуклюже было написано в "Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии", выпуск VI, Оренбург, 1900", "ко дню

чествования столетнего юбилея со дня рождения А.С. Пушкина выписан бюст поэта ценою в 35 рублей". На этот бюст потом, на празднике, под звуки туша возложили венок.

И еще одно решение пересмотрели: прибить на дом Тимашевых, который к концу прошлого века был уже домом Ладыгина, мемориальную доску в честь Пушкина и Александра II. (Как уже сказано, Пушкин тут не был, а вот царь, будучи еще наследником, в 1837 году проездом действительно останавливался.) Но решили, что, как мы сейчас бы сказали, политически неправильно на одной доске поставить имена поэта - и государя-императора. И поэтому постановили заказать две отдельные доски.

Торжественное заседание состоялось 27 мая 1899 года. Присутствовали председатель П.П. Бирк, три члена комиссии и 50 гостей. Н.Г. Иванов прочел свое стихотворение "А.С. Пушкин". Под оркестр на бюст возложили венок с надписью на ленте "Оренбургская Ученая Архивная Комиссия А.С. Пушкину".

"Покрытую рукоплесканиями гостей" речь прочел о поэте Ф.М. Лисицын. Потом перерыв, во время которого оркестр исполнил "пьесу из "Пиковой дамы". Затем Г.А. Соколов прочел речь "Капитанская дочка" как завершение реального направления в поэтическом творчестве А.С. Пушкина". "Речь Соколова вызвала взрыв рукоплесканий гостей". В конце Н.Г. Иванов опять появился перед публикой теперь уже с речью "Пушкин в Бердах". В конце заседания оркестр сыграл "Боже, Царя храни".

По сравнению с разработанной прежде программой, устроители поджали "пение кантаты, посвященной Пушкину", просто "пение" и "чтение произведений Пушкина". Видимо, не хватило или талантов, или средств.

Хоть это и не указано в протоколе торжественного заседания, состоялась заупокойная литургия в Казанском кафедральном соборе.

И вот в чем тогдашние оренбуржцы подают пример нынешним: городская Дума постановила часть уральской набережной назвать Пушкинской, а на ее продолжении, позади бывшего авиационного училища и военного городка, гимназисты заложили Пушкинский сад. Может, небольшой садик над обрывом к Уралу, известный в городе как "Чилижник", - это остаток того, Пушкинского?

И совестно нам, нынешним, что в городе у нас именем великого поэта названа всего лишь второстепенная улица, к тому же с пребыванием Пушкина никак не связанная.

...А в 1937 году отмечали 100-летие гибели Пушкина. На плохой бумаге с серыми фотографиями, но все же издали книжечку "Пушкин в Оренбурге".

Видимо, торопились, иначе бы не проскочило у В. Волкова:

"В ознаменование великого пушкинского юбилея (все же юбилей - событие радостное, а автор забыл, что отмечается столетие трагической гибели. - В.С.) бердинские жители первыми в области развернули сорев-

нование сельсоветов по ликвидации неграмотности. Станичники так и записали: "К столетию со дня смерти Пушкина в станице Берды не будет ни одного неграмотного. Каждый житель будет сам читать стихи Пушкина".

Самое интересное в книге - большая и содержательная статья К. Сальникова "Оренбург эпохи Пушкина". Бесхитростны и трогательны рассказы простых людей, овладевающих грамотой по "оренбургским" книгам Александра Сергеевича.

С любопытством разглядываешь фотографию старой женщины - Акулины Тимофеевны Блиновой, той самой, которая девочкой присутствовала в Бердах при беседе Пушкина со старухой Бунтовой.

Но есть в этой книге фраза, заставляющая еще раз взглянуть на дату: 1937 год. Фраза о том, что Пушкин "учит нас ненавидеть врагов". Травить, арестовывать, пытаться, высылать или расстреливать миллионы "врагов народа" - именем Пушкина? Искать в великом поэте-гуманисте созвучье идеям расчетливого кровавого сумасшествия, погубившего массу безвинных?

Но ведь он словно о доктрине сталинских палачей "царица доказательств - признание обвиняемого" написал в "Капитанской дочке":

"Думать, что собственное признание преступника необходимо было для его полного обличения, - мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо если отрицание подсудимого не приемлется в доказательство его невинности, то признание его и того менее должно быть доказательством его виновности".

Представляешь, как вскоре после выхода этой книги хватался за голову и прислушивался, не за ним ли приехали, автор первой статьи с невинным названием "А.С. Пушкин и пугачевское восстание" С. Колесниченко. Не знаю, остался ли он жив после того, как был объявлен врагом народа и исключен из партии "как незаслуживающий политического доверия" (а из 22 членов областного юбилейного пушкинского комитета были тогда репрессированы 17), и не применяли ли к нему то, чем тогда добывалось признание - царица доказательств. А всего-то он привел очень толковую цитату о творчестве поэта.

- Черт меня дернул, - наверно, сокрушался он, - написать перед цитатой: "Как удачно выразился т. Косарев". А Косарева вскоре взяли и расстреляли. Не того вождя процитировал! Теперь и меня чего доброго - как пособника врага народа.

Что такой поворот судьбы вполне был вероятен, можно вспомнить хотя бы судьбу А.И. Введенского. На столетие Пушкина он в Ленинграде, наслушавшись речей о том, что Пушкин был первым большевиком, вышел на сцену и с присущим этому замечательному поэту юмором подтвердил: - Выступавшие до меня почему-то не привели главного доказательства: у Пушкина есть строка "Октябрь уж наступил".

Введенского расстреляли.

Кого только не делали из Пушкина! И последовательного революционера, и убежденного монархиста. И истинно верующего, и твердого безбожника.

Его "улучшали". До революции было много попыток инсценировать "Капитанскую дочку", однако лишь одна воплотилась на сцене. Но из нее были исключены и сам Пугачев, и "пугачевский бунт"! Цензор написал:

"Воскрешать подобные эпизоды из времен "Пугачевщины" и к тому же в драматической и популярной форме было бы крайне неосторожно, несвоевременно и неприлично во всех отношениях".

Да и в уже упоминавшемся объяснении П.И. Чайковского, почему он не взялся писать оперу "Капитанская дочка", мы прочтем подробнее:

"Несмотря на самые благоприятные условия, я не думаю, чтобы оказалось возможным появление на сцене Пугачева. Ведь без него обойтись нельзя, а изображать его приходится таким, каким он у Пушкина, т. е. в сущности удивительно симпатичным злодеем. Думаю, что как бы цензура ни оказалась благосклонной, она затруднится пропустить такое сценическое представление, из коего зритель уходит совершенно очарованный Пугачевым. В повести это возможно - в драме и опере вряд ли, по крайней мере у нас".

Мы гневаемся на царскую цензуру. Но справедливости ради надо сказать, что и в советское время Пушкина цензурировали, подгоняли под идеологический заказ. Например, по сценарию В. Шкловского в 1928 году на студии "Совкино" сняли фильм "Капитанская дочка". Главным героем стал Швабрин - последователь идей Радищева и правая рука Пугачева. А Гринев превратился во второстепенного персонажа, который и является - то в Белогорскую только для того, чтобы захватить вольные крестьянские земли. Чтоб уж совсем развенчать его, сценарист сделал Петра Гринева неудачливым любовником императрицы. А верный Савельич стал сподвижником Пугачева.

Нет, Пушкин ни в какие готовые рамки не влезает.

Все дело в том, что Александр Сергеевич был одним из первых интеллигентов в России, если иметь в виду не классово-прослоечное происхождение, коим десятилетия нам морочили голову, а более обширный смысл.

Он был истинным интеллигентом по высокой нравственности дум и деяний. Место его хорошо определил один из подлинных интеллигентов современности академик Дмитрий Сергеевич Лихачев в предисловии к превосходно изданному недавно альбому "А.С. Пушкин. Рабочие тетради":

"В русской литературе Пушкин - главное имя, главное ее откровение, в большей, может быть, степени, нежели Данте - в Италии, Шекспир - в Англии, Гете - в Германии".

...Мы уже говорили о "заветном месте" Оренбурга. Тут, на набережной, незримо, но осязаемо, как незрим, но осязаем аромат прекрасного цвет-

ка, сгущена ноосфера: благородные мысли и чувства людей, со времен создания города приходящих сюда, на это "заветное место". Есть в оренбургской ноосфере, а если говорить шире - в общемировой ноосфере - и толика Пушкина.

Что добавим в эту ноосферу мы, нынешние? Всегда ли осознаем: а достойны ли мы посетившего нас гения?

...Вспомнилось почему-то: я сижу в роскошном и обширном кабинете директора Эрмитажа академика Бориса Борисовича Пиотровского. Вместе с хозяином люблю таким "пушкинским" пейзажем в окнах: серосиняя величавая Нева, низкое петербургское небо проткнуто золотым шпилем Петропавловского собора на том берегу. И беседуем об Оренбурге, где прошло несколько детских лет академика.

Входит старичок. самого простоядного облика: кряжист, курнос, краснолиц. На пиджаке звезда Героя Социалистического труда.

- Знакомьтесь, - сказал Пиотровский, - товарищ из Оренбурга - Михаил Константинович Аникушин.

"Черт возьми! - подумал я, пожимая руку. - Вот эти короткие сильные пальцы сделали Пушкина у Русского музея!"

Аникушин прислушался к нашему разговору:

- А ведь я вам тоже могу кое-что рассказать на оренбургскую тему.

- Вы что, жили и работали у нас? - ухватился было я.

- Нет. Но сколько-то лет назад приезжали из вашего управления культуры и просили сделать Пушкина для Оренбурга. Но с условием: чтобы он стоял непременно вот так, как у Русского музея.

Аникушин встал в позу: закинул голову и простер руку. В исполнении коротенького толстенького автора вдохновенный Пушкин не очень-то угадывался, честно говоря.

- И что же?

- А ничего. Я сказал: повторяться мне неинтересно. Закажите - сделаю совершенно новую работу. И я увлекся, стал делать наброски. Пушкин в расцвете сил и таланта! Он вырвался из Петербурга в вольные оренбургские края, в его голове роятся такие замыслы! Но - так больше ко мне никто и не приехал. И я забросил этот памятник.

Я попытался было словами обрисовать ту жуткую по безвкусице фигуру работы неизвестных закавказских мастеров, которая поставлена, а точнее - посажена на набережной Урала. Толстые бакенбарды, книга на коленях и перо как знаки поэта. Корпус развернут так, что у живого Пушкина хрустнул бы позвоночник.

Аникушин только сокрушался.

В общем, вышло совсем, как у Пушкина: "Не гонялся бы ты, поп, за дешевизною!" (кстати, весьма относительной, этот кошмар из бронзовых листов, выколотых по фигуре, обошелся городской казне в копеечку).

А могли бы иметь в Оренбурге, на самом "пушкинском" месте работу первоклассного мастера, которая стала бы визитной карточкой города!

...Нет смысла фантазировать, как в известном рассказе Кира Булычева: а что было бы, если б писатель прожил больше, чем ему было отмерено? Голова идет кругом, когда пытаешься представить себе Собрание сочинений Александра Сергеевича, если б по его прекрасной наследственности судьба даровала ему еще 30-40 творческих лет! Как изменилась бы наша литература, вся наша жизнь? Применительно к Пушкину - и Оренбуржью: что вылилось бы из-под пера его, если б выполнилось обещание Перовскому: "До свидания в степях или над Уралом"?

К горькому сожалению, историю заново не переиграешь.

А наследие Пушкина и так грандиозно. И, несмотря на горы написанных о нем книг и статей, все еще мало знаем и понимаем мы этого великого человека.

В одной из рабочих тетрадей времен оренбургской поездки Александр Сергеевич легкими летучими штрихами изобразил орла. Орел - и в мудрой сказке, которую Пугачев "с каким-то диким вдохновением" рассказывает Гриневу по дороге в Белогорскую. В определенной мере пушкинская судьба вызывает в нашей памяти эту сказку. Питаться впечатлениями живой жизни, а не клевать из года в год мертвечину догм, - этот основополагающий пушкинский принцип ясен и начинающему читателю, и исследователю.

Поражает, как много, далеко и интересно видел Александр Сергеевич со своей орлиной высоты.

Хотя впереди у поэта было еще несколько лет, поездка в Оренбург стала для него в какой-то мере итоговой. "19 октября 1836 года" - такую дату поставил он, закончив последнюю строку "Капитанской дочки". 19 октября в его жизни и в жизни его друзей-лиценстов - дата особенная: "лицейская годовщина". В тот день окончания повести собрались отпраздновать 25-летнюю, юбилейную годовщину. Пушкин на встрече с друзьями начал было читать стихи, но горло его сдавила спазма, слезы навернулись на глаза. Он не мог читать дальше. Словно предчувствовал: в последний раз.

"История Пугачева" стала последним его законченным научным трудом. "Капитанская дочка" - последним художественным произведением, которое он увидел напечатанным. Она - вершина пушкинской прозы, образец душевной уравновешенности и тихой умиротворенности. Это - изумляет. Ведь великая повесть заканчивалась в самую трудную пору жизни Пушкина.

Финансовые затруднения перерастали в катастрофу. Пришлось заложить ростовщику даже часы, которые, может, были с ним в оренбургской поездке. "Денег! Денег! Нужно их до зареза" - крик души из письма Нашокину.

Враги объединились в стаю, окружали и травили. А друзья словно ослепли. Даже Гоголь, проницательный умница Гоголь, писал, что Пушкин растрчивает свой талант, и его нигде, кроме как на балах, не встретишь. В любимом детище - журнале "Современник", где в последнем номере 1836 года будет напечатана "Капитанская дочка", "бунт на корабле": вроде бы близкие люди - Краевский с Одоевским пытаются ограничить руководство Пушкина, шантажируя своим уходом.

Нравственные терзания. Наглые ухаживания Дантеса за Натальей Николаевной. Все яснее становилось, что добром эта история не кончится.

17 сентября 1836 года, когда на повесть "Капитанская дочка" ложились последние штрихи, веселый бал у Карамзиных. Дочь историографа Софья Николаевна пишет, что Пушкин "все время был грустен, задумчив и озабочен", а его взгляд - "блуждающий, дикий, рассеянный".

И в такой обстановке была закончена эта повесть! Творчество как сотворение воздуха духовности в безвоздушном пространстве? Как пре-возможение обстоятельств? Как спасительное противоядие?

"Капитанская дочка" - это еще и жизненный и творческий подвиг Пушкина.

Минувший 200-летний юбилей - хорошая дата для того, чтобы понять и обдумать это явление в жизни человечества по фамилии Пушкин.

Мудро сказал об этом Ю.М. Лотман в статье "Пушкин притягивает нас, как сама жизнь":

"Особенность глубоких вещей, в том числе и пушкинских текстов, в том, что каждый берет от них столько, сколько может вместить. Так было и будет всегда. Сегодня много говорят о том, что наступило трудное время. За этими словами стоит иждивенчество - сделайте мне легкое время, и я тоже буду честный человек. Что значит трудное время? А когда оно было легким? Разве у Пушкина было легкое время? Для мужества, для работы, для добра - всегда его время".

Пушкин не уходит в историю.

Он всегда - современник.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОРЕНБУРЖЬЕ, "КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА" И "ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВА" В ПИСЬМАХ ПУШКИНА

"Капитанская дочка" - художественное произведение. "История Пугачева" - научное исследование. Важно и интересно, какое отражение в третьем, эпистолярном жанре нашли оренбургский край, крестьянско-казацкая война 1773 - 1775 годов и история появления пушкинских произведений об этих событиях.

Такой трехсторонний, голографический взгляд Александра Сергеевича позволяет объемнее, полнее увидеть всю картину "Оренбуржье в жизни, произведениях и письмах Пушкина".

Поэтому родилась мысль систематизировать и прокомментировать письма поэта, связанные с поездкой в наш край и созданием "оренбургских" произведений.

Примерно 280 дошедших до нас писем написал Пушкин, начиная с прошения графу А.И. Чернышеву 9 февраля 1833 года ознакомиться со следственным делом Пугачева и до преддзельного письма графу К.Ф. Толю 26 января 1837 года об "Истории Пугачева" и некоторых обстоятельствах, связанных с крестьянско-казацкой войной. Из этих 280 более чем четверть - а точнее 76 писем - посвящены Оренбургу и произведениям, связанным с оренбургской поездкой!

Другого подобного примера в эпистолярном наследии Пушкина, пожалуй, нет.

Его письма очень интересны для чтения. На них печать человека талантливого, глубоко мыслящего, все видящего и все умеющего облечь точным и емким словом. А. Кузнецова в своей работе "А душу твою люблю" о пушкинских письмах жене сказала, что для Натальи Николаевны они "были так необычно прекрасны, что она знала их наизусть и воспринимала их как литературные произведения". Как-то Александр Сергеевич написал жене: "Смотри, женка: надеюсь, что ты моих писем списывать никому не даешь", то есть был большой читательский интерес к его письмам не бытовой, а чисто литературный. И что еще интересно, Пушкин как мастер эпистолярного жанра каждому отвечал в стиле, присущем именно письмам этого человека.

Кроме того, письма - своего рода дневник поэта. И что еще важно, по меткому замечанию пушкиниста Г.О. Винокура, частные письма Пушкина прокладывали дорогу к его художественной прозе.

Когда в 1878 году собрали и издали "Новые письма о Пушкине", И.С. Тургенев в своем предисловии заметил:

"Несмотря на свое французское воспитание, Пушкин был не только самым талантливым, но и самым русским человеком своего времени; и уже с одной этой точки зрения его письма достойны внимания каждого образованного русского человека; для историка литературы они - сущий клад: нравы, самый быт известной эпохи отразились в них хотя быстрыми, но яркими чертами".

В ту эпоху письма писались часто, обстоятельно, с заботой о композиции, языке и стиле, с черновиками. Отдельные места пушкинских писем имеют до 15 черновых вариантов. У Пушкина есть выражение "почтовая проза". Роман в письмах был довольно распространенным литературным жанром. Такой "Роман" начал писать и сам Александр Сергеевич. В этом же эпистолярном жанре написана и его "Марья Шонинг". А в повести "Капитанская дочка" дословно приводятся три письма Гриневца-отца: генералу Р., сыну и Савельичу, два письма генерала Р.: капитану Миронову и в следственную комиссию, письма Марьи Ивановны, Савельича. Да еще несколько писем цитируются косвенно.

Исследователи отмечают, что до нас дошла примерно третья часть пушкинских писем. Остальные либо утеряны, либо уничтожены, местонахождение некоторых, предположительно сохранившихся, неизвестно.

И есть большая доля истины в шутивной фразе Александра Сергеевича в письме к жене 25 сентября 1832 года, когда письмо это чуть не утеряли: "Чтоб не пропала ни строка пера моего для тебя и для потомства".

Дабы не рвать ткань эпистолярных произведений, комментарии я буду давать после писем или необходимых отрывков из них.

Даты написания даются во всех случаях в начале письма, хотя Пушкин обычно соблюдал этикет своего времени: если пишет высший - низшему или равный - равному себе, то дата ставится сначала, а если низший - высшему, то дата будет в конце письма. В собраниях сочинений, как правило, для удобства читателя, даже если в письме, скажем, Бенкендорфу дата стоит в конце, ее дублируют и в начале. То же относится и к тем случаям, когда указано место написания письма.

1. А.И. Чернышеву. 1833 год.

9 февраля 1833 г.

В Петербурге.

... Следующие документы, касающиеся истории графа Суворова, должны находиться в архивах главного штаба:

1. Следственное дело о Пугачеве.

2. Донесения графа Суворова во время кампании 1794 года.

3. Донесения его 1799 года.

4. Приказы его к войскам..

Буду ожидать от Вашего сиятельства позволения пользоваться сими драгоценными материалами...

Граф Александр Иванович Чернышев - военный министр.

Без него нельзя было получить доступ к архивам Главного штаба. Пушкину, который задумал и уже сделал наброски произведений о пугачевщине, пришлось идти на хитрость. Пугачевская тема была запретной, поэтому он и просит разрешения исследовать суворовские документы, зная, что среди них есть и интересовавшее его следственное дело о Пугачеве. Ведь Суворов на последнем этапе участвовал в разгроме повстанцев и конвоировании Пугачева.

2. П.В. Нащокину.

Около 25 февраля 1833 года.

Из Петербурга в Москву.

...Летом... съезжу в Нижний да, может быть, в Астрахань... Путешествие нужно мне нравственно и физически.

Павел Воинович Нащокин - один из близких друзей Пушкина.

Исследователи считают, что эту поездку Пушкин задумал для сбора материалов о пугачевщине. Не совсем ясно, почему указаны не самые важные места крестьянско-казацкой войны. В Нижнем Новгороде Пушкин действительно побывал в осеннем путешествии 1833 года на Волгу и Урал. В Астрахани же он не был.

"Нравственно" путешествие нужно было поэту, чтобы вырваться из "свинского", по его словам, Петербурга. "Физически" он хотел достать так остро необходимых денег литературным трудом, произведениями о пугачевщине, которые он создаст в болдинском уединении в конце поездки.

3. А.И. Чернышеву.

27 февраля 1833 г.

В Петербурге.

...Приношу Вашему сиятельству глубочайшую мою благодарность за книги, которые доставлены мне от имени Вашего. Почитаю обязанностью в точности исполнить приказания Вашего сиятельства...

Это ответ Чернышеву, приславшему документы Главного штаба (см. письмо 1). Здесь были архивные материалы Секретной экспедиции Военной коллегии.

"Приказания Вашего сиятельства" - о возврате Пушкиным этих документов.

4. А.И. Чернышеву.

8 марта 1833 г.

В Петербурге.

...Доставленные мне по приказанию Вашего сиятельства из Московского отделения Инспекторского архива книги получить имел я честь...

В бумагах касательно Пугачева, полученных мною перед сим, известия о нем доведены токмо до назначения генерал-аншефа Бибикова, но донесений сего генерала в военную коллегию, так же как и рапортов князя Голицына, Михельсона и самого Суворова - тут не находится. Если угодно будет Вашему сиятельству оные донесения и рапорты (с января 1774 по конец того же года) приказать мне доставить, то почту сие за истинное благодеяние...

Чернышев, немало помогший Пушкину в сборе материалов, прислал дополнительные документы, за что его и благодарит Александр Сергеевич. Обратим внимание на суворовский аспект просимых Пушкиным пугачевских материалов, чтобы продолжить маскировку подлинных своих намерений - писать о пугачевщине. В ответ на это письмо Чернышев прислал книги с рапортами А.И. Бибикова, П.М. Голицына и А.В. Суворова.

5. И.И. Дмитриеву.

Конец мая - начало июня 1833 г.

Из Петербурга в Москву.

...Случай доставил в мои руки некоторые важные бумаги, касающиеся Пугачева (собственные письма Екатерины, Бибикова, Румянцев...

ва, Панина, Державина и других). Я привел их в порядок и надеюсь их издать. В Исторических записках (которые дай бог нам прочесть как можно позже) Вы говорите о Пугачеве - и, как очевидец, описали его смерть. Могут ли надеяться, что Вы, милостивый государь, не откажетесь занять место между знаменитыми людьми, коих имена и свидетельства дадут цену моему труду, и позволите поместить собственные Ваши строки в одном из любопытнейших эпизодов царствования Великой Екатерины?

Иван Иванович Дмитриев - поэт, баснописец. Очевидец некоторых событий пугачевщины, описанных им в записках "Взгляд на мою жизнь", с которыми Пушкин познакомился до их опубликования. В частности, он присутствовал при казни Пугачева и рассказал о ее подробностях. Высоко ценил Пушкина. Да и сам Александр Сергеевич откровенно пишет ему о подлинной своей работе - об истории пугачевщины, а не Суворова.

"Исторические записки" - это как раз труд И.И. Дмитриева "Взгляд на мою жизнь". Пушкин использовал отрывки из него в примечаниях к VIII главе "Истории Пугачева".

6. Г.И. Спасскому.

Около 18 - 22 июля 1833 г.
В Петербурге.

... Мне сказали, что у Вас находится любопытная рукопись Рычкова, касающаяся времен Пугачева. Вы оказали бы мне истинное благодеяние, если бы позволили пользоваться несколько дней сею драгоценностью...

Григорий Иванович Спасский - инженер и историк.

"Рукопись Рычкова" - "Летопись", Пушкину многое дала в работе над произведениями о пугачевщине. Она помещена во II томе "Истории Пугачева". Здесь то же доверие адресату, ведь рычковский труд - это пособие именно по крестьянско-казацкой войне под предводительством Пугачева.

7. А.Х. Бенкендорфу.

22 июля 1833 г.
В Петербурге. (Оригинал по-французски).

...Обстоятельства принуждают меня уехать на 2-3 месяца в мое нижегородское имение - мне хотелось бы воспользоваться этим и съездить в Оренбург и Казань, которых я еще не видел. Прошу его величество позволить мне ознакомиться с архивами этих двух губерний...

Граф Александр Христофорович Бенкендорф - шеф корпуса жандармов и III отделения.

Первое упоминание Оренбурга в письмах Пушкина. Он вынужден проговориться о главном пункте его путешествия, ибо без этого не получил бы проездных документов. Но о намерении собирать материалы о пугачевщине тут ни слова. Хотя проницательному начальству можно было догадаться, что в казанских и оренбургских архивах не может быть ничего особенного ни об участии Суворова в войне, ни о Петре Великом, писать о котором наталкивал царь. Ввиду отсутствия Бенкендорфа Пушкину ответил управляющий III отделением А.Н. Мордвинов.

8. А.Н. Мордвинову.

30 июля 1833 г.

В Петербурге.

...Может быть, государю угодно знать, какую именно книгу хочу я дописать в деревне: это роман, коего большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани, и вот почему хотелось бы мне посетить обе сии губернии...

Александр Николаевич Мордвинов - управляющий III отделением.

Даже руководящие жандармы России А.Х. Бенкендорф и А.Н. Мордвинов не могли дать разрешения состоящему под негласным полицейским надзором Пушкину и сообщили о его просьбе Николаю I. Тот приказал взять у поэта объяснения о целях поездки. Пушкин, как видим, снова не упоминает о пугачевщине, не раскрывая карты до поры до времени.

"Роман" - будущая "Капитанская дочка". События в нем, действительно, будут развиваться в Оренбургской губернии, а в последней главе и в Казани.

9. В министерство иностранных дел.

11 августа 1833 г.

В Петербурге.

В Департамент хозяйственных и счетных дел от состоящего в ведомстве Министерства иностранных дел титулярного советника Пушкина.

Прошение.

Его сиятельство г. генерал-адъютант граф Бенкендорф уведомил меня через г. действительного статского советника Мордвинова,

что его императорскому величеству угодно было изъявить свое высочайшее соизволение на увольнение меня в отпуск на четыре месяца в губернии Казанскую и Оренбургскую. Вследствие сего покорнейше прошу Департамент хозяйственных и счетных дел учинить во исполнение таковой монаршей воли распоряжение о снабжении меня надлежащим для сего свидетельством. Письмо же г. действительного статского советника Мордвинова при сем имею честь представить.

Титулярный советник

Александр Пушкин.

11 августа 1833 года.

Свидетельство Пушкин получил быстро, на следующий день.

10. Н.Н. Пушкиной.

2 сентября 1833 г.

Из Нижнего Новгорода в Петербург.

...Мой ангел, кажется, я глупо сделал, что оставил тебя и начал опять кочевую жизнь... Пугачев не стоит этого...

Наталя Николаевна Пушкина - жена поэта.

Письмо свидетельствует о том, как беспокойно было на душе поэта в поездке на Волгу и Урал. Его заботили недостаток денег, долги, нездоровье жены и детей.

11. Н.Н. Пушкиной.

12 сентября 1833 г.

Из Языкова в Петербург.

...Сегодня еду в Симбирск, отобедаю у губернатора и к вечеру отправлюсь в Оренбург, последняя цель моего путешествия...

Слова "последняя цель моего путешествия" - еще одно подтверждение особой роли Оренбурга в этой пушкинской поездке. Ведь Пушкин, вероятно, наметил Уральск последним городом, который он посетит после Оренбурга.

12. Н.Н. Пушкиной.

14 сентября 1833 г.

Из Симбирска в Петербург.

...Опять я в Симбирске. Третьего дня, выехав ночью, отправился я к Оренбургу. Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне ее. Черт его поberi, дорого бы дал я, чтоб его затравить. На третьей станции стали закладывать мне лошадей - гляжу, нет ямщиков - один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи, решил я возвратиться и ехать другой дорогой...

Пушкин был суеверен: перебежавший дорогу заяц - предвестник несчастья.

"На третьей станции" - в Сенгилее, когда из Симбирска он отправился было на Самару.

Кто знает, не будь этой трехдневной задержки, Пушкин смог бы подольше побыть в Оренбурге.

А это письмо я приведу полностью, единственное пушкинское письмо из Оренбурга.

13. Н.Н. Пушкиной.

19 сентября 1833 г.

Из Оренбурга в Петербург.

19 сент. Оренбург.

Я здесь со вчерашнего дня. Насилу доехал, дорога прескучная, погода холодная, завтра еду к яицким казакам, пробуду у них дни три - и отправляюсь в деревню через Саратов и Пензу.

Что, женка? скучно тебе? мне тоска без тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе, ни строчки не написав. Да нельзя, мой ангел. Взялся за гуж, не говори, что не дюж - то есть: уехал писать - так пиши же роман за романом, поэму за поэмой. А уж чувствую, что дурь на меня находит, я и в коляске сочиняю, что же будет в постеле? Одно меня сокрушает: человек мой. Вообрази себе тон московского канцеляриста, глуп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные дорожные рябчики, пьет мою мадеру, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом. Бесит меня, да и только. Свет-то мой Ипполит! Кстати о хамовом племени: как ты ладишь своим домом? боюсь, людей у тебя мало; не наймешь ли ты кого? На женщин надеюсь, но с мужчинами как тебе ладить? Все это меня беспокоит - я мнителен, как отец мой. Не говорю

уж о детях. Дай бог им здоровья - и тебе, женка. Прощай, женка. Не жди от меня уж писем, до самой деревни. Целую тебя и вас благословляю.

Как я хорошо веду себя! Как ты была бы мной довольна! за бабышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, с калмычками не кокетничаю - и на днях отказался от башкирки, несмотря на любопытство, очень простительное путешественнику. Знаешь ли ты, что есть пословица: на чужой сторонке и старушка божий дар. То-то, женка. Бери с меня пример.

Адрес: "Ее превосходительству милостивой государыне Катерине Ивановне Загряжской. в С.Петербурге в Зимнем дворце. Прошу дост. Н.Н. Пушкиной".

"19 сент. Оренбург". В те годы во многих губерниях России было два "почтовых дня" в неделю, в которые почта прибывала и убывала. В Оренбурге же, по сведениям историков К. Сальникова и С. Попова, "почтовый день" как раз приходился на среду, 20-е. Это письмо Пушкин, видимо, написал утром, перед поездкой в Берды, иначе бы в нем содержалось что-нибудь об этой поездке. К тому же, если б он не успел с утра, письмо пролежало бы до 27-го. В Москве, к примеру, письма принимались до 12 часов (письмо к жене 3 октября 1832 г.). Если Александр Сергеевич захотел бы сдать письмо лично, то должен бы заехать на почтамт, находившийся позади нынешнего драмтеатра.

"Завтра еду к яицким казакам". Пушкин имеет в виду Уральск.

"Пробуду у них дни три". Александр Сергеевич точно рассчитывал маршрут, дабы побольше времени осталось на то, чтобы потом запереться в Болдине и писать, используя прежние заготовки и свежие впечатления. В Уральске, как и в Оренбурге, он, действительно, пробыл неполных три дня.

"Через Саратов и Пензу". Почти все исследователи считают, что в Болдино поэт отправился более северной дорогой.

"Я и в коляске сочиняю". Речь, видимо, о стихотворении "Когда б не смутное влечение...", имеющем пометку: "1833, дорога, сентябрь" и о некоторых будущих произведениях, таких как "Медный всадник", "Анджело", сказки. А в сочетании с последующими словами письма это и томление страсти человека, надолго оторванного от любимой жены.

"Свет-то мой Ипполит!" Из текста письма некоторые предполагают, что глупый, наглый и ленивый "человек", т.е. слуга и есть Ипполит. На самом же деле Пушкин вздыхает о прежнем, надежном слуге, знавшем даже по-французски. В оренбургской же поездке с ним был и досаждал ему слуга Гаврила, Гаврила Михайлович Калашников, брат его "крепостной любви" Ольги.

О встрече с калмычкой - в "Путешествии в Арзрум" и в стихотворении "Калмычке".

Последний абзац от "Как я хорошо веду себя" и кончая "Бери с меня пример" взяты в своеобразные прямые скобки, а от "простительно путешественнику" и до конца еще и подчеркнуто. Интересно, что скобки и подчеркивание - карандашом. С чего бы это Александру Сергеевичу пришлось отложить перо и чернила, которыми написано письмо, и взяться за карандаш? Может, это сделала другая рука? Письмо личное, в одном месте - о "постеле" - интимное. Вряд ли оно могло попасть к какому-то постороннему лицу.

Может, именно Наталья Николаевна поставила несколько раз обведенные скобки и как-то нервно, решительно подчеркивала? Тем более, что в этом последнем абзаце - то, что не могло ей понравиться, даже при явно шутовском тоне письма: о башкирке, от которой ее муж отказался, хотя в долгом путешествии и она могла быть подарком.

Это письмо прожило нелегкую жизнь. Вместе с другими письмами Пушкина к жене, после "посмертного обыска" его было разрешено оставить Наталье Николаевне. После ее смерти оно попало к дочери поэта графине Н.А. Меренберг, потом к его сыну А.А. Пушкину, который передал письма отца к матери Московскому публичному Румянцевскому музею (нынешней Российской государственной библиотеке), а оттуда это письмо вместе с другими попало в Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Кто из тех, через чьи руки проходило письмо, мог бы сделать эти карандашные пометы, если их сделала не Наталья Николаевна?

Думается, надо исключить работников библиотеки и Пушкинского Дома. Было бы служебным преступлением портить автограф великого поэта. Вряд ли мог себе позволить это и И.С.Тургенев, который, по поручению Н.А. Меренберг, работал с письмами, готовя их к публикации, хотя именно его попросила дочь Пушкина убрать из того, что будет напечатано, самые интимные отрывки. Но Тургенев благоговел перед гениальным поэтом, и мог бы найти другие способы указать переписчику, что опустить.

Значит, остаются дочь и сын поэта Наталья Александровна и Александр Александрович. Кажется более вероятным, что это мог бы сделать А.А. Пушкин, если вспомнить, как характеризовал сыновей поэта И.С. Тургенев: "к сожалению, весьма плохенькие". Оба весьма недовольны были, что опубликованы письма отца, оба были в числе, по выражению Тургенева, "благоприличной" публики, которой напечатанные письма "решительно не понравились".

14. Н.Н. Пушкиной.

2 октября 1833 г.

Из Болдина в Петербург.

...Последнее письмо мое должна ты была получить из Оренбурга... В деревне Берде, где Пугачев простоял шесть месяцев, имел я и не вонпе fortune (удачу) - нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год. Я от нее не отставал...

"Нашел 75-летнюю казачку". Речь идет о бердинской казачке Ирине Афанасьевне Бунтовой, которая очень многое рассказала Пушкину о пугачевщине. Тем более что в Нижнеозерной, откуда она была родом, своими глазами видела и штурм, и казни, и милость Пугачева. Правда, Пушкин в письме набавил ей лет. Она родилась в 1760 или 1761 году, так что ко времени этой встречи в Берде (по-нынешнему, Бердах) ей было 72 года, а не 75.

"Как мы с тобою помним 1830 год". Это год сватовства поэта и принятия Натальей Николаевной его предложения. Кроме того, в этом году в России бушевала холера, отрезавшая Пушкина в Болдине от Москвы и невесты.

15. Н.Н. Пушкиной.

8 октября 1833 г.

Из Болдина в Петербург.

...Вот уже неделю, как я в Болдине, привожу в порядок мои записки о Пугачеве... Коли царь позволит мне Записки, то у нас будет тысяча 30 чистых денег...

Началась "вторая болдинская осень", тоже очень плодотворная. Пушкин принялся сопоставлять, проверять, объединять свои наброски и уже имевшиеся у него документы петербургских архивов с воспоминаниями, личными впечатлениями и беседами во время только что закончившейся большой поездки. В Болдине была создана первая редакция "Истории Пугачева".

"Коли царь позволит мне Записки". Понятны опасения Пушкина, частью потом сбывшиеся, что его взгляд на историю царю не понравится.

"У нас будет тысяча 30 чистых денег". Как мы увидим дальше, надеждам этим сбыться не суждено.

16. Н.Н. Пушкиной.

11 октября 1833 г.

Из Болдина в Петербург.

Мой ангел, одно слово: съезди к Плетневу и попроси его, чтоб он к моему приезду велел переписать из Собрания законов (годов 1774 и 1775) [и 1773 - (Примечание А.С.Пушкина)] все указы, относящиеся к Пугачеву...

Петр Александрович Плетнев - писатель, критик, преподаватель, руководитель издательских дел Пушкина.

Отсутствие текстов официальных правительственных указов Пушкин почувствовал, когда в готовившейся им первой редакции "Истории Пугачева" потребовались для исторической точности формулировки этих указов.

"Собрание законов" - "Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб. Печатано в типографии II Отделения Собственной Его имп. величества канцелярии. 1830". Николай I подарил Пушкину это издание, когда узнал, что тот хочет заняться историей петровского времени, не предполагая, что Александра Сергеевича увлечет полузапретная пугачевская тема.

17. Н.Н. Пушкиной.

30 октября 1833 г.

Из Болдина в Петербург.

...Недавно расписался я и уже написал пропасть...

Помимо "Истории Пугачева", а также и в одно время с ней, были созданы "Медный всадник", "Анджело" и несколько других произведений.

18. Из чернового варианта письма А.Х. Бенкендорфу.

Я оставил вымысел и написал "Историю Пугачевщины"... Не знаю, можно ли мне будет ее напечатать, по крайней мере я по совести исполнил долг историка: изыскивал истину с усердием и излагал ее без криводушия, не стараясь льстить ни силе, ни модному образу мыслей.

Теперь, когда научно-исторический труд закончен и пришло время хлопотать о его издании, Александр Сергеевич сообщает Бенкендорфу, о ком и

о чем его "История". Видимо, Пушкин понял, что не для шефа жандармов эти прочувствованные, раскрывающие его творческий метод строки. И поэтому в беловом варианте написал сухо-канцелярски:

19. А.Х. Бенкендорфу.

6 декабря 1833 г.

В Петербурге.

...Хотя я как можно реже старался пользоваться драгоценным мне дозволением утруждать внимание государя императора, но ныне осмеливаюсь просить на то высочайшего соизволения: я думал некогда написать исторический роман, относящийся ко временам Пугачева, но, нашед множество материалов, я оставил вымысел и написал "Историю Пугачевщины". Осмеливаюсь просить через Ваше сиятельство дозволения представить оную на высочайшее рассмотрение. Не знаю, можно ли мне будет ее напечатать, но смею надеяться, что сей исторический отрывок будет любопытен для его величества особенно в отношении тогдашних военных действий, доселе худо известных...

"Исторический роман" - будущая "Капитанская дочка".

"История Пугачевщины" - "История Пугачева".

Николай I после возвращения поэта из михайловской ссылки явил "милость" стать цензором пушкинских произведений. Написанную в одно время с "Историей Пугачева" поэму "Медный всадник" царь велел переделывать, на что Пушкин не согласился, и поэма появилась в печати только после его смерти.

"Доселе худо известных". Не будучи человеком военным, Пушкин сумел создать полную картину всего хода войны, хотя открыть ему полностью все архивы царь так и не соизволил.

20. П.В. Нащокину.

10 декабря 1833 г.

Из Петербурга в Москву.

...Я сговорился было со Смирдиным, и принужден был уничтожить договор, потому что "Медного всадника" цензура не пропустила. Это мне убыток. Если не пропустят "Историю Пугачева", то мне придется ехать в деревню...

Александр Филиппович Смирдин - известный петербургский издатель и книгопродавец.

"История Пугачева" - впервые Пушкин в письмах называет свое произведение так, как хотел, считая, видимо, это название самым точным.

"Придется ехать в деревню" - намек на стесненные денежные обстоятельства, столичная жизнь пушкинскому семейству была не по карману.

1834 год.

21. А.Х. Бенкендорфу.

7-10 февраля 1834 г. В Петербурге.
(Подлинник - по-французски).

Представляя его величеству том II Пугачева, приемлю смелость обратиться к вашему сиятельству по поводу обстоятельств, меня касающихся, и прибегнуть к вашей обычной благосклонности.

Разрешая напечатание этого труда, его величество обеспечил мое благосостояние. Сумма, которую я могу за него выручить, дает мне возможность принять наследство, от которого я вынужден был отказаться за отсутствием сорока тысяч рублей, недостававших мне. Этот труд мне их доставит, если я сам буду его издателем, не прибегая к услугам книгопродавца - 15 000 было бы мне достаточно.

У меня две просьбы: первая - чтобы мне разрешили отпечатать мое сочинение за мой счет в той типографии, которая подведомственная г-ну Сперанскому, - единственной, где, я уверен, меня не обманут; вторая - получить в виде займа на два года 15 000 - сумму, которая дает мне возможность посвятить изданию все необходимое время и старание...

"Принять наследство" - оставшуюся после смерти Василия Львовича, дяди Пушкина, часть Болдина, заложенную в Опекунском совете.

Михаил Михайлович Сперанский, действительный тайный советник, начальник II отделения.

22. А.Х. Бенкендорфу.

26 февраля 1834 г.
В Петербурге.

Не имея ныне способа, независимо от книгопродавцев, приступить к напечатанию мною написанного сочинения, осмеливаюсь прибегнуть к Вашему сиятельству со всепокорнейшею моею просьбою о выдаче мне из казны займообразно, за установленные проценты, 20 000 рублей,

с тем, чтобы я оные заплатил в два года, по срокам, которые угодно будет назначить начальству...

"Мною написанного сочинения" - "Истории Пугачева".

Оказалось, что 15 тысяч рублей будет недостаточно, и поэтому Пушкин просит уже 20 тысяч. В этот же день состоялась и личная встреча Пушкина с Бенкендорфом, на которой речь шла о ссуде.

23. А.Х. Бенкендорфу.

27 февраля 1834 г.

В Петербурге.

...Государю императору угодно было чрез Ваше сиятельство дозволить мне печатать "Историю Пугачева" в одной из типографий, зависящих от его высокопревосходительства М.М. Сперанского: осмеливаюсь прибегнуть к Вашему сиятельству с покорнейшею просьбою дать знать о том куда следует...

К счастью, опасения Пушкина не сбылись, Николай I не запретил его исторический труд и согласился с тем, чтобы печатать в типографии II отделения. Но бюрократическая система требовала от автора просить Бенкендорфа "дать знать" Сперанскому, чтобы тот исполнил указание царя.

24. А.Х. Бенкендорфу.

5 марта 1834 г.

В Петербурге.

...Извещение Вашего сиятельства о высочайшей милости государя императора имел я счастье получить...

Сообщение о согласии Николая I дать ссуду на напечатание "Истории Пугачева" Пушкин получил в письме Бенкендорфа накануне.

25. Л.В. Дубельту.

5 марта 1834 г.

В Петербурге.

...Спешу Вас всепокорнейше известить, что уведомление о высочайшем соизволении государя императора печатать мною написан-

ную историю о Пугачеве в одной из типографий, подведомственных господину действительному тайному советнику Сперанскому, получить имел я честь...

Леонтий Васильевич Дубельт - начальник штаба корпуса жандармов. Его сын впоследствии стал первым мужем дочери Пушкина Натальи.

Письмо Дубельта с извещением, что высочайше разрешено печатать "Историю Пугачева" в типографии II отделения, Пушкин получил накануне.

26. Д.М. Княжевичу.

22 марта 1834 г.
В Петербурге.

...Извещение Вашего превосходительства о том, что государю императору угодно было пожаловать мне 20 000 рублей на напечатание "Истории Пугачевского бунта" с тем, чтобы оные заплатить через два года, получить имел я честь...

Дмитрий Максимович Княжевич - литератор, директор департамента государственного казначейства.

Это извещение Пушкин получил в письме Княжевича от 21 марта.

Впервые Пушкин вынужден именовать свой труд не "Историей Пугачева", а "Историей Пугачевского бунта". Этого потребовал Николай I, заявивший, что у бунтовщика Пугачева не может быть истории.

27. А.Х. Бенкендорфу.

25 марта 1834 г.
В Петербурге.

...Всепокорнейше честь имею известить Ваше сиятельство, что сего 24 марта получено мною уведомление об отзыве г. министра финансов касательно всемилостивейше мне пожалованных денег на издание "Истории Пугачевского бунта"...

Последнее из этой почти месячной серии официальных писем Пушкина, связанных с продвижением по сложной бюрократической системе разрешений царя на ссуду и печатанье в типографии II отделения.

"Министр финансов" - Е.Ф. Канкрин.

28. П.В. Нащокину.

Между 23 и 30 марта 1834 г.

В Петербурге.

...*"Медный всадник"* не пропущен - убытки и неприятности! зато Пугачев пропущен, и я печатаю его на счет государя...

См. примечания 18, 24, 26.

29. М.П. Погодину.

Около 7 апреля 1834 г.

Из Петербурга в Москву.

...Вы спрашиваете меня о *"Медном всаднике"*, о Пугачеве... Первый не будет напечатан, Пугачев выйдет к осени...

Михаил Петрович Погодин - историк, писатель, журналист.

Высоко ценил Пушкина, горячо интересовался его творчеством.

"Пугачев выйдет к осени". На самом деле это случится только в декабре 1834 года.

30. Д.Н. Бантышу-Каменскому.

1 мая 1834 г.

Из Петербурга в Москву.

...Позвольте принести Вас глубочайшую мою благодарность за... снимок с печати Самозванца, который я тотчас и отдал гравировать. Портрет его у меня есть и тоже гравировается. С нетерпением буду ждать биографию Пугачева, которую изволите мне обещать с такою снисходительностью...

Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский - историк и археолог, автор *"Истории Малой России"*.

Пушкин использовал его материалы при написании *"Истории Пугачева"*. В частности, дополнил список сподвижников Пугачева Иваном Белобородовым. А в *"Капитанской дочке"* создал образ этого колоритного атамана. Хотя исторически Белобородов присоединился к Пугачеву лишь через полгода после падения приуральских крепостей, не был стариком и фельдмаршалом, не "заведывал письменными делами у безграмотного Пу-

гачева" и никогда в Бердах не был - все эти неверные сведения Пушкин почерпнул у Бантыш-Каменского и использовал в "Истории Пугачева" и в "Капитанской дочке".

"Снимок с печати Самозванца", портрет Пушкин отослал гравировать в Париж.

Биографию Пугачева и некоторые другие материалы Бантыш-Каменский прислал Пушкину в письме от 7 мая 1834 года.

31. Д.Н. Бантышу-Каменскому.

3 июня 1834 г.

Из Петербурга в Москву.

...Не знаю, как Вас благодарить за доставление бумаг, касающихся Пугачева. Несмотря на то, что я имел уже в руках множество драгоценных матерьялов, я тут нашел неизвестные, любопытные подробности, которыми непременно воспользуюсь...

См. примечание 30.

32. И.И. Лажечникову.

3 июня 1834 г.

Из Петербурга в Тверь.

...С живейшей благодарностью получил я письмо Ваше 30 марта и рукопись о Пугачеве. Рукопись была уже мне известна, она сочинена академиком Рычковым, находившимся в Оренбурге во время осады. В вашем списке я нашел некоторые любопытные прибавления, которыми непременно воспользуюсь...

Иван Иванович Лажечников - автор исторических романов.

"Рукопись" - "Летопись" П.И. Рычкова. Это еще одно из свидетельств того, как ценили Александра Сергеевича и стремились помочь в создании бессмертных произведений лучшие писатели, историки, истинные друзья Пушкина.

33. Н.Н. Пушкиной.

Около 27 июня 1834 г.

Из Петербурга в Полотняный завод.

...Пугачева намерен препоручить Яковлеву...

Пушкин имеет в виду своего лицейского друга Михаила Лукьяновича Яковлева. С февраля 1833 года тот стал директором типографии II отделе-

ния, где при его помощи печаталась "История Пугачева". Выбор Пушкина был не случаен. Царь очень бегло просмотрел рукопись, и поэтому была надежда попробовать внести кое-какие изменения в корректуру. Кроме того, Александр Сергеевич спешил с печатанием книги. И во всем этом ему мог помочь только надежный человек, каким и был М.Л. Яковлев.

34. М.Л. Яковлеву.

3 июля 1834 г. В Петербурге.
Милостивый государь
Михайло Лукьянович,

...Вследствие данного Вам начальством поручения касательно напечатания рукописи моей, под названием "История Пугачевского бунта", и по личному моему с Вами объяснению, спешаю Вас уведомить:

1-е. Желая я, чтобы означенная рукопись была напечатана в 8-ю долю листа, такого же формата, как "Свод законов".

2-е. Число экземпляров полагаю я 3000; из коих для 1200 прошу заготовить бумагу на счет казенный, а потребное количество оной для 1800 экземпляров доставлю я сам в типографию.

3-е. Что касается до шрифта и вообще до издания книги, то на всем полагаюсь на Ваше благоусмотрение.

С глубочайшим почтением честь имею быть,
милостивый государь,

Вашим покорнейшим слугою.

Александр Пушкин.

Письмо написано, видимо, по просьбе М.Л. Яковлева. Такой документ был необходим Яковлеву, чтобы получить от начальства соответствующую резолюцию. И действительно, начальник Отделения распорядился: "В рассуждении заготовления бумаги на печатание сочинения г. Пушкина, формата оной, шрифта и вообще издания книги исполнить по желанию сочинителя". Поскольку письмо официальное, Пушкин обращается к своему лицейскому товарищу на "Вы", по всем требованиям казенной переписки.

Напечатано было действительно 3000 экземпляров, однако до смерти Пушкина раскуплено было менее половины.

Пушкин хочет, чтобы будущая книга выглядела солидно, как истинный исторический труд, и в то же время полагается на опыт и вкус М.Л. Яковлева. Первое издание, действительно, получилось солидным и красивым. На обложке: ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА. Часть первая. (Точно так же оформлена и часть вторая.) Санктпетербург. 1834. Содержание: Предисловие. (Подписано: А. Пушкин, 2 ноября 1833. Село Болдино.)

Оглавление. - История. Главы первая - восьмая. - Примечания к "Истории Пугачевского бунта". - Указатель к "Истории Пугачевского бунта" - Карта и снимки к "Истории Пугачевского бунта". (Во второй части - Манифесты, указы и рескрипты, относящиеся к Пугачевскому бунту. - Рапорт графа Румянцева в военную коллегию и письма Нурали-хана, Бибикова, графа Панина и Державина. - Сказания современников. - Прибавления. - Оглавление.) К изданию были приложены иллюстрации: гравированный портрет Пугачева, карта губерний, листы с изображением печати Пугачева и автографы Пугачева и его писарей.

35. М.Л. Яковлеву.

5 июля 1834 г.
В Петербурге.

Вот тебе, мой благодетель, первая глава - с богом.

Так как это не официальное отношение, а дружеская записка, которой Пушкин сопроводил отсылаемую в типографию рукопись начала "Истории Пугачева", тон тут совсем иной, чем в предыдущем послании. Записка - на обложке 1-й главы рукописи "Истории Пугачева". Пушкин главу за главой возвращал Яковлеву рукопись для набора.

О М.Л. Яковлеву см. примечание 33.

36. Н.Н. Пушкиной.

11 июля 1834 г.
Из Петербурга в Полотняный завод.

...И печатаю Пугачева, и закладываю именные, и вожусь и хлопочу... Кабы ты видела, как я стал прилежен, как читаю корректуру - как тороплю Яковлева!..

Дела с печатанием начала "Истории Пугачева" во многом благодаря содействию М.Л. Яковлева пошли быстро: уже через несколько дней после отсылки рукописи Пушкин получил корректуру.

37. Н.Н. Пушкиной.

Не позднее 14 июля 1834 г.
Из Петербурга в Полотняный завод.

...Я печатаю Пугачева; это займет целый месяц... Дай, сделаю деньги, не для себя, для тебя...

Пушкин под месячным сроком печатания "Истории Пугачева" подразумевает лишь подготовку корректуры к подписанию в печать.

"Сделаю деньги" - Пушкин рассчитывал выручить от продажи "Истории Пугачева" 40 тысяч рублей, вернуть из них казне 20 тысяч с процентами. А оставшиеся деньги должны были поправить трудные денежные обстоятельства его семьи. Но мечтам этим сбыться не было суждено (см. примечание 34).

38. Н.Н. Пушкиной.

14 июля 1834 г.

Из Петербурга в Полотняный завод.

...Яковлев обещает отпустить меня к тебе в августе - я оставлю Пугачева на его попечение...

"История Пугачева" была подписана к печати 12 августа 1834 года.

40. М.Л. Яковлеву.

10-14 мая 1834 г.

В Петербурге.

Не мала ли?

Речь идет о размерах VIII главы. Пушкин послушался совета лицейского товарища и соединил VIII и IX главы.

40. М.Л. Яковлеву.

17 июля 1834 г.

В Петербурге.

Вот и второй том.

Надпись сделана на рукописи II тома, отправленной М.Л. Яковлеву.

41. Н.Н. Пушкиной.

Не позднее 26 июля 1834 г.

Из Петербурга в Полотняный завод.

...Я работаю до низложения риз. Держу корректуру двух томов вдруг, пишу примечания... Сейчас приносили мне корректуру, и я тебя оставил для Пугачева. В корректуре я прочел, что Пугачев поручил

Хлопуше грабеж заводов. Поручаю тебе грабеж Заводов - слышишь ли, моя Хло-Пушкина?.. До тебя мне осталось 9 листов. То есть как еще пересмотрю 9 печатных листов и подпишу: печатать, так и пишу к тебе...

"Двух томов" - "Истории Пугачева".

"Поручаю тебе грабеж Заводов" - Пушкин каламбурит: имя Гончаровых носило название Полотняный завод.

42. Н.Н. Пушкиной.

Не позднее 30 июля 1834 г.

Из Петербурга в Полотняный завод.

...Я приеду к тебе, коль скоро меня Яковлев отпустит. Дела мои подвигаются. Два тома печатаются вдруг... Я очень занят. Работаю целое утро - до четырех часов - никого к себе не пускаю...

Почти дословное повторение того, что Пушкин сообщал жене в письмах 38, 41.

43. Н.Н. Пушкиной.

3 августа 1834 г.

Из Петербурга в Полотняный завод.

...Ты ждешь меня в начале августа. Вот нынче уже 3-е, а я еще не подымаюсь. Яковлев отпустит меня около половины месяца...

Пушкин вынужден повторять одни и те же причины, по которым он не может приехать к семье. Несмотря на тоску по жене и детям, он все же твердо решил закончить сначала все дела, связанные с "Историей Пугачева".

44. М.Л. Яковлеву.

12 августа 1834 г.

В Петербурге.

А почему ж? Вольтер человек очень порядочный, и его сношения с Екатериною суть исторические.

С мнением М.Л. Яковлева Пушкин, как мы уже видели, считался. Тут речь о яковлевском замечании к предисловию "Истории Пугачева": "Нельзя ли без Вольтера? Это хорошо для весьма немногих, но для 2500 читателей... весьма противно". В этот раз Пушкин не согласился, потому что

посчитал, что переписка Вольтера с Екатериной II, касающаяся пугачевского восстания, то есть "его сношения с Екатериною" - "суть исторические".

Написано на рукописи предисловия Пушкина к "Истории Пугачева". В этом предисловии в словах, вошедших в окончательную редакцию: "мой труд, конечно, несовершенный и добросовестный" (потом Пушкин заменил только "и" на "но" и поставил после "мой труд" тире), он зачеркнул написанное было слово "усердный", заметив на полях: "усердие мое к Пугачеву тут лишнее". Кстати сказать, это пушкинское предисловие Яковлев переписал набело.

"Сношения с Екатериною" - переписка Вольтера с Екатериной Великой, касающаяся пугачевских событий.

45. М.Л. Яковлеву.

12-16 августа 1834 г.

В Петербурге.

Вот мой 18-й лист. Справлялся я в других списках и смысла не нашел и там. Из предисловия (ты прав, любимец муз!) должно будет выкинуть имя Вольтера, хоть я и очень люблю его.

№ 14.

"18-й лист" - корректуры "Истории Пугачева".

"В других списках" - речь идет о списках рукописи П.И. Рычкова "Летопись".

"Ты прав, любимец муз" - из "Послания И.М. Муравьеву-Апостолу" К.Н. Батюшкова. М.Л. Яковлев был, действительно, одаренным человеком: артистом, предствлявшим перед лицейскими друзьями около двухсот преподавателей, воспитанников и знакомых, художником, певцом, музыкантом, композитором, написавшим, в частности, музыку к пушкинскому "Я вас люблю, хоть я бешусь..."

"Выкинуть имя Вольтера" - Пушкин все же следует совету М.Л. Яковлева (см. примечание 44), сочтя, что все исторические лица в предисловии имели непосредственное отношение к пугачевщине, а Вольтер - нет.

"№ 14" - лицеисты в письмах друг другу подписывались номерами своих комнат.

46. А.И. Тургеневу.

9 сентября 1834 г.

В Москве.

...Само по себе разумеется, что Пугачев явится к вам первому, как скоро выйдет из печати. Симбирск был осажден не им, а одним из сообщников, по прозвищу Фирска...

Александр Иванович Тургенев - общественный деятель и литератор. Весть о том, что вскоре выйдет исторический труд Пушкина, разошлась широко, и А.И. Тургенев через В.А. Жуковского просил Пушкина поскорее прислать "Историю Пугачева".

"Симбирск осажден был не им" - это реплика на высказывание А.И. Тургенева в одной из бесед с Пушкиным.

"По прозвищу Фирска". В главе VIII "Истории Пугачева" указано правильно: "Разбойник Фирска подступил под Симбирск".

47. А.И. Тургеневу.

9 сентября 1834 г.

В Москве.

Это все уже у меня есть - и будет напечатано в приложении. Благодарен Полевому за его доброе расположение к историографу Пугачева...

Вероятно, А.И. Тургенев предлагал в помощь Пушкину какие-то материалы о пугачевщине.

Ксенофонт Алексеевич Полевой заведовал книжной торговлей братьев Полевых и предлагал Пушкину содействие в продаже "Истории Пугачева".

48. Н.Н. Пушкиной.

15 и 17 сентября 1834 г.

Из Болдина в Петербург.

...Ох! Кабы у меня было 100 000! Как бы я все это уладил; да Пугачев, мой оброчный мужичок, и половины того мне не принесет... Ну, нечего делать: буду жив, будут и деньги...

Пушкин мечтал воссоединить в своих руках родовое поместье Болдино, когда незаконная дочь дяди - Василия Львовича Пушкина - М.В. Васильева-Безобразова продавала принадлежавшую ей часть Болдина. Но для этого надо было иметь средства, поэтому Пушкин и мечтает о 100 000.

"...Пугачев, мой оброчный мужичок" - "История Пугачева", действительно, принесла Пушкину не половину, а всего около пятой части этой суммы.

49. Н.Н. Пушкиной.

20 (не позднее 25) сентября 1834 г.

Из Болдина в Петербург.

"...и стихи в голову нейдут, и роман не переписываю..."

Занятый финансовыми и хозяйственными делами Пушкин вынужден оставить творчество. "Роман" - может быть, как иногда считают, вариант "Капитанской дочки". Хотя вероятнее всего речь о повести "Дубровский", которая осталась неоконченной к весне 1833 года, когда Пушкина увлекла пугачевская тема. А "Капитанская дочка" к этому времени еще не была готова, так что нечего было "переписывать".

50. А.А. Фукс.

19 октября 1834 г.

Из Петербурга в Казань.

...Надеюсь на днях доставить вам отвратительно ужасную историю Пугачева... барона Люцероде я уже не застал в Петербурге, по возвращении моем из Оренбурга.

Александра Андреевна Фукс - жена ректора Казанского университета, поэтесса.

Барон Карл Август Люцероде - писатель и переводчик. А.А. Фукс поручила ему передать Пушкину сборник своих стихов, среди которых было и "На проезд А.С. Пушкина через Казань". Но письмо это попало к Александру Сергеевичу почти через год, потому что К.А. Люцероде, будучи саксонским посланником, с Пушкиным разминутся и увез эти стихи с собой в Дрезден.

51. А.Х. Бенкендорфу.

23 ноября 1834 г.

В Петербурге.

"...История Пугачевского бунта" отпечатана, и для выпуска оной в свет ожидал я разрешения Вашего сиятельства; между тем позвольте беспокоить Вас еще одною покорнейшею просьбою: я желал бы иметь счастье представить первый экземпляр книги государю императору, присовокупив к ней некоторые замечания, которых не решился я напечатать, но которые могут быть любопытны для его величества. Осмеливаюсь прибегнуть к Вашему сиятельству для получения на то позволения...

"Разрешения Вашего сиятельства" - теперь начинаются мытарства Пушкина, чтобы получить тираж "Истории Пугачева" из типографии II отделения.

"Некоторые замечания" - имеются в виду "Замечания о бунте".

52. А.Х. Бенкендорфу.

(Оригинал по-французски).

17 декабря 1834 г.

В Петербурге.

...Я в отчаянии от необходимости вновь докучать вашему сиятельству, но г. Сперанский только что сообщил мне, что так как история Пугачевского бунта отпечатана в его отделении по повелению его величества государя императора, то ему невозможно выдать издание без высочайшего на то соизволения. Умоляю ваше сиятельство извинить меня и устранить это затруднение...

Сперанский (см. приложение № 21).

Последнее точно датированное пушкинское письмо 1834 года снова свидетельствует о бюрократических преградах, которые ему приходилось преодолевать. В набор "История Пугачева" поступила 5 июля, подписана к печати 12 августа, вышла в свет в конце декабря 1834 года.

М.Л. Яковлев присовокупил к книгам записку: "Посылаю тебе Пугачева. Нанял я за пять рублей две подводы, но всего не могли на них взвалить и для того на помощь дана казенная лошадь. Мужикам прошу отдать за провоз.

Прилагаю при сем наставление для переплетчика, которому ты будешь отдавать экземпляры в листах. Перепечатки лежат в особой кипе. Нужно, чтоб переплетающий имел для проверки исправный экземпляр. Я нарочно написал наставление в лист, чтобы оно не затерялось между твоими бумагами.

Сегодня не могу я к тебе зайти: недосуг. Доброе ты дело сделаешь, если пришьлешь мне по обещанию 2 экз. Пугачева портрета. Весь твой М.Я."

"История Пугачева" не оправдала, как уже указывалось, надежд Пушкина доставить его семье хотя бы относительное материальное благополучие. В феврале 1835 г. поэт записал в своем дневнике: "В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже - не покупают". Деньги, вырученные от продажи книги, фактически оказались равны ссуде, взятой в казне - примерно 20 тысячам рублей.

1835 год.

53. П.В. Нащокину.

20 января 1835 г.

Из Петербурга в Москву.

...Ты видел, вероятно, Пугачева и надеюсь, что его не купил. Я храню для тебя особый экземпляр. Каково время? Пугачев сделался добрым исправным плательщиком оброка. Емелька Пугачев оброчный мой мужик! Денег он мне принес довольно, но как около двух лет жил я в долг, то ничего не остается у меня за пазухой, а все идет на расплату...

Пушкин был рад хоть каким-то деньгам, чтобы платить накопившиеся долги. Но "денег он мне принес довольно" противоречит примечанию № 52.

54. А.Х. Бенкендорфу.

26 января 1835 г.

В Петербурге.

...Честь имею препроводить к Вашему сиятельству некоторые замечания, которые не могли войти в "Историю Пугачевского бунта", но которые могут быть любопытны. Я просил о дозволении представить оные государю императору и имел счастье получить на то высочайшее соизволение.

При сем осмеливаюсь просить Ваше сиятельство о испрошении важной для меня милости: о высочайшем дозволении прочесть Пугачевское дело, находящееся в архиве. В свободное время я мог бы из оногo составить краткую выписку, если не для печати, то по крайней мере для полноты моего труда, без того не совершенного, и для успокоения исторической моей совести...

В письме 51 Пушкин просил Бенкендорфа испросить у царя дозволения поднести царю экземпляр только что вышедшей "Истории Пугачева" вместе с добавлением - "Замечаниями о бунте". Разрешение было получено, и Александр Сергеевич через Бенкендорфа пересылает обещанное.

"О высочайшем дозволении прочесть Пугачевское дело". Пушкину, несмотря на царское разрешение написать исторический труд о пугачевщине, не было дано возможности ознакомиться с одним из важнейших источников - следственным делом Пугачева.

Это письмо свидетельствует и о намерении Пушкина продолжать работу над историей пугачевщины.

55. Д.Н. Бантышу-Каменскому.

26 января 1835 г.
Из Петербурга в Москву.

С благодарностию отсылаю к Вам статьи, коими по Вашему благорасположению ко мне пользовался я при составлении моей "Истории". При них препровождаю и экземпляр "Истории" самой. Мнение Ваше о ней, во всяком случае, мне драгоценно: похвала от настоящего историка, а не поверхностного рассказчика или переписчика будет лестна для меня; а из укоризны научуся (чего, знаете Вы сами, не дожидуся от записных наших критиков).

Прошу Вас взять на себя труд исправить две ошибки, справедливо замеченные в "Сыне отечества": На стран. 129 был уже в 15 верстах, должно читать в 50. И в примечании к пятой главе (16) вместо Тобольск, Табинск...

О Д.Н. Бантыше-Каменском и о предоставленных им Пушкину материалах о Пугачеве см. письма и примечания 30, 31. С этим письмом Александр Сергеевич возвращал материалы.

"Похвала от настоящего историка" - Пушкина, естественно, задели невежественные критики, разбранившие "Историю Пугачева" (см. примечание 52). И в то же время он с благодарностью принимал дельные замечания, в частности, историка В.Б. Броневского в журнале "Сын отечества", в общем раскритиковавшего труд Пушкина. И исправил: в 50 верстах вместо 15 ("Пугачев... пошел прямо на Казань и... был уже в пятидесяти верстах от нас" - в главе IV) и Табинске вместо Тобольска ("Михельсон, нигде не останавливаясь, пошел на Табинск" - в главе V).

56. И.И. Дмитриеву.

14 февраля 1835 г.
Из Петербурга в Москву.

...поминутно поджидал портрет Емельяна Ивановича, который гравировался в Париже; я хотел поднести вам книгу свою во всей исправности. Не исполнить того было бы с моей стороны не только скупостию, но и неблагодарностию: хроника моя обязана вам яркой и живой страницей, за которую много будет мне прощено самыми строгими читателями.

Об И.И. Дмитриеве и о просьбе Пушкина использовать дмитриевские материалы в своей работе см. письмо и примечание 5.

Парижская гравюра Пугачева запоздала к первому изданию "Истории Пугачева".

"Хроника моя обязана вам" - воспоминания И.И. Дмитриева Пушкин использовал в главе VIII "Истории Пугачева".

57. В.А. Перовскому.

Около 27 февраля 1835 г.
Из Петербурга в Оренбург.

Посылаю тебе "Историю Пугачева" в память прогулки нашей в Берды; и еще 3 экземпляра, Далю, Покатилкову и тому охотнику, что вальдшнепов сравнивает с Валленштейном или с Кесарем. Жалею, что в Петербурге удалось нам встретиться только на бале. До свидания в степях или над Уралом...

Единственное пушкинское письмо в Оренбург, хотя есть и сведения, что книги могли быть переданы Перовскому во время его пребывания в Петербурге.

Василий Алексеевич Перовский - оренбургский военный губернатор. Пушкин был знаком с ним до своей оренбургской поездки, по Петербургу. Видимо, в послелицейские годы их познакомил Жуковский. И они были друг с другом на "ты". Перовский тепло встретил поэта, когда тот 18 - 20 сентября 1833 года был в Оренбурге, и сделал все, чтобы пребывание Пушкина было плодотворным.

"Историю Пугачева". Очень интересно, что в письмах людям близким Пушкин именует свой труд, как сам назвал, а не по царскому указанию "Историей Пугачевского бунта". В этом письме Перовскому - полным названием, точно отражающим его замысел: "История Пугачева". В некоторых предыдущих письмах добрым знакомым: А.И. Тургеневу (см. письмо 46), П.В. Нащокину (см. письмо 53) - он предпочитает писать просто Пугачев без кавычек. Бантышу-Каменскому (см. письмо 55) - называет "История", И.И. Дмитриеву (см. письмо 56) - "Хроника моя". А "История Пугачевского бунта" появляется лишь в официальных письмах.

"В память прогулки нашей в Берды". В Берды Пушкин поехал по всей вероятности утром 19 сентября 1833 года. Однако остается загадкой слово "нашей". Ведь Перовский вместе с Пушкиным в Берды не ездил, об этом обязательно упомянули бы и сам Пушкин в письме 13, и Владимир Иванович Даль в своих воспоминаниях об этой поездке, и Евгения Захаровна Воронина, через несколько недель тоже побывавшая в Бердах и записавшая рассказ старой казачки Ирины Афанасьевны Бунтовой, с которой беседовал Пушкин. Вместе с Пушкиным ездили чиновник по особым поручениям при военном губернаторе, врач, писатель, создатель буду-

шего "Толкового словаря живого великорусского языка" В.И. Даль и начальник Оренбургского Неплюевского кадетского училища инженер-капитан Константин Демьянович Артюхов. Еще несколько офицеров только доехали с ними до Берд и отправились охотиться.

Покатилов Василий Осипович - атаман Уральского казачьего войска, принимавший Пушкина в Уральске.

"Тому охотнику". Имеется в виду К.Д.Артюхов, страстный и умелый охотник. В.И. Даль вспоминал, как привел Пушкина в баню К.Д. Артюхова, и хозяин живописно и уморительно рассказывал гостю о своих охотничьих похождениях, чему Пушкин очень смеялся. Правда, в далевских воспоминаниях хозяин бани сравнивал вальдшнепа не с Валленштейном или Кесарем, как пишет Пушкин, а с Брутом.

В.Е.А. Валленштейн - германский полководец периода Тридцатилетней войны 1618-1648 годов.

Кесарь - Цезарь, Август, император Рима. Брут - один из убийц Цезаря.

"В Петербурге удалось нам встретиться только на бале" - во время командировки В.А. Перовского в столицу. Таких встреч Пушкина с ним после Оренбурга могло быть несколько. В роковые преддверные дни В.А. Перовский тоже был в Петербурге, но предотвратить трагедию не смог.

"До свидания в степях или над Уралом" - свидетельство того, что Пушкин подумывал о новой поездке в Оренбуржье.

58. Д.Н. Бантышу-Каменскому.

2 апреля 1835 г.

Из Петербурга в Москву.

...С крайней досадою узнал я, что давно уже отосланные Ваши бумаги всееще находились в руках того, кому я их поверил. Простите невольное мое прегрешение. Не знаю, получили ли Вы "Историю Пугачева". Она была мною поручена вместе с Вашими бумагами тому же беспечному комиссионеру...

О Д.Н. Бантыше-Каменском, об истории присылки им Пушкину материалов к "Истории Пугачева" и возвращении этих материалов см. письма и примечания 30, 31, 55.

"Беспечному комиссионеру" - видимо, Сергею Александровичу Соболевскому, приятелю Пушкина, человеку ненадежному и легкомысленному, который более двух месяцев продержал у себя пушкинское письмо Д.Н. Бантышу-Каменскому, материалы и подарочный экземпляр "Истории Пугачева".

"История Пугачева" - Пушкин вновь принципиально называет свою книгу по-своему.

59. И.И. Дмитриеву.

26 апреля 1835 г.

Из Петербурга в Москву.

...приношу искреннюю мою благодарность вашему высокопревосходительству за ласковое слово и за утешительное ободрение моему историческому отрывку. Его побранивают, и поделом: я писал его для себя, не думая, чтоб мог напечатать, и старался только об одном ясном изложении происшествий, довольно запутанных. Читатели любят анекдоты, черты местности и пр.; а я все это отбросил в примечания. Что касается до тех мыслителей, которые негодуют на меня за то, что Пугачев представлен у меня Емелькою Пугачевым, а не Байроновым Ларою, то охотно отсылаю их к г. Полевому, который, вероятно, за сходную цену, возьмется идеализировать это лицо по самому последнему фасону...

О благожелательном отношении и помощи И.И. Дмитриева Пушкину см. письма и примечания 5, 56.

Это пушкинское письмо - ответ на сообщение И.И. Дмитриева о том, что ретрограды "дивились, как вы смели напоминать о том, что некогда велено было предать забвению".

"Исторический отрывок" - "История Пугачева".

"Его побранивают" - отрицательные рецензии, особенно В.Б. Броневского в "Сыне отечества".

Лара - герой романтической поэмы Байрона "Лара".

Полевой - имеется в виду Николай Алексеевич Полевой. Пушкин резко критиковал его "Историю русского народа".

60. В.Д. Вольховскому.

22 июля 1835 г.

Из Петербурга в Тифлис.

...Посылаю тебе последнее мое сочинение "Историю Пугачевского бунта". Я старался в нем исследовать военные тогдашние действия и думал только о ясном их изложении, что стоило мне немалого труда, ибо начальники, действовавшие довольно запутанно, еще запутаннее писали свои донесения, хвастаясь или оправдываясь равно бестолково. Все это нужно было сличать, поверять etc.; мнение твое касательно моей книги во всех отношениях было бы мне драгоценно...

Владимир Дмитриевич Вольховский - лицейский товарищ Пушкина.

Был членом декабристских обществ. Начальник штаба Отдельного кавказского корпуса. Еще в Лицее хотел стать и стал после выпуска

военным, очень способным и широко мыслящим, судившим обо всем бескомпромиссно. Поэтому Пушкин и называет его мнение драгоценным для себя. К тому же Вольховский бывал в Оренбуржье, в пугачевских местах.

61. А.А. Фукс.

15 августа 1835 г.

Из Петербурга в Казань.

...Долго мешкал я доставить вам свою дань, ожидая из Парижа портрета Пугачева; наконец его получил, и спешу препроводить вам мою книгу...

Об А.А. Фукс см. письмо и примечание 50.

"Долго мешкал я доставить вам свою дань" - еще в октябре 1834 года Пушкин обещал ей прислать "Историю Пугачева", но напечатана она была лишь в самом конце 1834 года, а гравировка пугачевского портрета в Париже затянулась до середины 1835 года.

62. В главное управление цензуры.

28 августа 1835 г.

В Петербурге.

...В 1826 году государь император изволил объявить мне, что ему угодно быть самому моим цензором. Вследствие высочайшей воли все, что с тех пор было мною напечатано, доставляемо было мне прямо от его величества из 3-го отделения собственной его канцелярии при подписи одного из чиновников: "С дозволения правительства". Таким образом были напечатаны: ... "История Пугачевского бунта" и проч. /.../ В прошлом мае месяце государь изволил возвратить мне сочинение мое, дозволив оное напечатать, за исключением собственноручно замеченных мест...

Письмо вызвано тем, что, кроме цензуры царя, в судьбу пушкинских произведений стала вмешиваться и обычная цензура.

"Государь изволил возвратить мне сочинение мое" - "Историю Пугачева".

63. В.А. Поленову.

28 августа 1835 г.

В Петербурге.

...Государь император изволил мне приказать распечатать дело о Пугачеве для составления Исторической выписки. В восьми связках, доставленных мне из С-Петербургского сената, не нашел я главнейшего документа: допроса, снятого с самого Пугачева в следственной комиссии, учрежденной в Москве. Осмеливаюсь покорнейше просить Ваше превосходительство, дабы приказали снестись о том с А.Ф. Малиновским, которому, вероятно, известно, где находится сей необходимый документ...

Василий Алексеевич Поленов - управляющий Главным архивом.

Издав "Историю Пугачева", Пушкин продолжал интересоваться темой крестьянско-казацкой войны, тем более что от него были сокрыты многие важные архивные документы. Кроме того, он постепенно вел работу над "Капитанской дочкой", и подлинные исторические свидетельства были для него очень нужны.

Малиновский Алексей Федорович - начальник Московского архива министерства иностранных дел.

"Где находится сей необходимый документ" - сам В.А. Поленов тоже прекрасно знал, где находится следственное дело Пугачева, потому что он им занимался как архивист. На просьбе Пушкина ознакомиться с этим делом была разрешительная резолюция царя. Но следственное дело Пугачева так и не было предоставлено Пушкину.

64. Е.Ф. Канкрину.

6 сентября 1835 г.

В Петербурге.

...Из Государственного казначейства выдано мне вместо 30 000 рублей только 18 000, за вычетом разных процентов и 10 000 (десяти тысяч рублей), выданных мне заимообразно на напечатание одной книги...

Канкрин Е.Ф. - см. приложение 27.

Финансовые дела Пушкина были совершенно расстроены, и 26 июля 1835 г. через А.Х. Бенкендорфа он просил царя ссудить ему 30 тысяч рублей, чтобы заплатить "долги чести". Просьба была удовлетворена. Но вместо этих 30 тысяч рублей поэт получил только 18 231 рубль, так как с него удержали 10 тысяч рублей с набевшими процентами в погашение

первой ссуды в 20 тысяч рублей на "Историю Пугачева" - той самой "одной книги".

В этом письме министру финансов графу Егору Францевичу Канкрину Пушкин просит выплатить ему 30-тысячную сумму сполна, а проценты с прежней ссуды отложить, пока он сможет выплатить сам.

65. Н.Н. Пушкиной.

14 сентября 1835 г.

Из Михайловского в Петербург.

...Что наша экспедиция? Виделась ли ты с графиней Канкриной и что ответ?..

Пушкин надеялся, что Наталья Николаевна сможет через графиню Екатерину Захаровну Канкрину, жену министра, содействовать, чтобы пока не удерживали деньги со ссуды 1834 года на напечатание "Истории Пугачева".

66. Н.Н. Пушкиной.

29 сентября 1835 г.

Из Михайловского в Петербург.

...Канкрин шутит, а мне не до шуток...

Намек на вычет, о котором шла речь в предыдущих двух письмах, министерства финансов при выдаче 30-тысячной ссуды, что противоречило указанию царя.

67. Е.Ф. Канкрину.

23 октября 1835 г.

В Петербурге.

...Возвратясь из деревни, узнал я, что Ваше сиятельство изволили извещать меня о высочайшем соизволении государя на покорнейшую просьбу, Вам принесенную мною...

Видимо, последовало указание не вычитать с Пушкина из ссуды в 30 тысяч части тех денег, которые он получил, чтобы напечатать "Историю Пугачева".

68. И.И. Лажечникову.

3 ноября 1835 г.

Из Петербурга в Москву.

...Портрет Пугачева получил месяц тому назад, и, возвратясь из деревни, узнал я, что до сих пор экземпляра его "Истории" вам не доставлен. Возвращаю вам рукопись Рычкова, коей пользовался я по вашей благосклонности...

Об И.И. Лажечникове и его содействии Пушкину в создании "Истории Пугачева" см. письмо и примечание 32.

"Получил месяц тому назад". На самом деле гравированный в Париже портрет Пугачева был получен в середине июля 1835 года.

69. П.А. Клейнмихелю.

19 ноября 1835 г.

В Петербурге.

...Книги и бумаги, коими пользовался я по благосклонности его сиятельства графа Чернышева, возвращены мною в Военное министерство.

Обращаюсь к Вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою: в Главном штабе находится одна, мне еще не известная, книга, содержащая последние письма и донесения генерала Бибикова (1774 года). Мне было бы необходимо справиться с сими документами...

Граф Петр Андреевич Клейнмихель - директор инспекторского департамента Военного министерства.

Бибиков Александр Ильич - генерал-аншеф, был наделен неограниченными полномочиями при подавлении пугачевщины.

Видимо, просимые Пушкиным документы не нашлись. Интересно, что "История Пугачева" вышла уже почти год назад, но Александр Сергеевич не оставляет пугачевскую тему.

1836 год

70. А.А. Фукс.

20 февраля 1836 г.

Из Петербурга в Казань.

...Не понимаю, каким образом мой бродяга Емельян Пугачев не дошел до Казани, место для него памятное: видно, шатался по сторонам и загулялся по своей привычке...

Об А.А. Фукс и переписке с нею Пушкина см. письма и примечания 50, 61.

71. И.И. Лажечникову.

20 (?) мая 1836 г. В Тверь.

...Я всееще надеялся... лично благодарить вас за... пугачевщину...

Речь идет о рукописи П.И. Рычкова "Летопись", которую писатель И.И. Лажечников присылал Пушкину для использования в работе над "Историей Пугачева (см. письма и примечания 32, 68).

72. П.А. Корсакову.

Около 27 сентября 1836 г.
В Петербурге.

...Осмеливаюсь препроводить на разрешение к Вам первую половину моего романа, прошу Вас сохранить тайну моего имени...

Петр Александрович Корсаков - цензор.

"Роман" - "Капитанская дочка". Первое упоминание Пушкиным, что его давний замысел (см. примечания 8, 48) художественного произведения о пугачевщине воплощен. Вчерне это произведение было закончено 23 июля 1836 года.

Не совсем ясно, почему Пушкин просит скрыть его авторство. Если причина в том, что рассказ ведется от имени Петра Гринева, то ведь, посылая 15 августа 1831 года П.А. Плетневу "Сказки моего друга Ив.П. Белкина", Пушкин указывал: "Смирдину шепнуть мое имя, с тем, чтобы он перешепнул покупателям".

73. П.А. Корсакову.

25 октября 1836 г.
В Петербурге.

...Спешу отвечать на вопросы Ваши. Имя девицы Мироновой вымышлено. Роман мой основан на предании, некогда слышанном мною, будто бы один из офицеров, изменивших своему долгу и перешедших в пугачевские, был помилован императрицей по просьбе престарелого отца, кинувшегося ей в ноги. Роман, как изволисте видеть, ушел далеко от истины. О настоящем имени автора я просил бы не упоминать.

Это письмо - ответ на запрос цензора П.А. Корсакова: "Существовала ли девица Миронова и действительно ли была у покойной императрицы?"

"Имя девицы Мироновой" - имеется в виду, конечно, в более общем смысле: "фамилия". Пушкинист Н.В. Измайлов производил фамилию "Миронова" из отчества реально существовавшего коменданта Татищевой крепости Григория Мироновича Елагина, выдавшего дочь за коменданта Нижнеозерной крепости Харлова. Мне же кажется более основательным, что Пушкин этой фамилией хотел подчеркнуть близость семьи неродовитого коменданта вымышленной Белогорской крепости к народным низам. Ведь по именной моде пушкинских времен имя "Мирон" ощущалось как "низкое", недаром в сцене гадания в "Евгении Онегине": "Как ваше имя? Смотрит он..." - вместо окончательного "Агафон" Пушкин в одном из вариантов пробовал "Мирон".

Цензор интересовался, реальна ли фамилия Миронова, историческая ли эта личность, потому что все аудиенции у императрицы фиксировались, и таким образом комендантом вымышленной крепости стал бы у Пушкина подлинный офицер. А это было бы и художественным, и историческим диссонансом.

"Роман мой основан на предании" - можно полагать, что речь идет об упомянутом в прочитанном Пушкиным приговоре Сената по делу Пугачева офицере Михаиле Шванвиче, взятом пугачевцами в плен и служившим восставшим, и его отце Александре Мартыновиче, о котором Пушкину рассказал петербургский знакомый Никанор Михайлович Свечин.

74. В.Ф. Одоевскому.

Около 24 декабря 1836 г.

В Петербурге.

...Получили ли Вы № 4 "Современника" и довольны ли Вы им?

Князь Владимир Федорович Одоевский - писатель, критик, очень ценил Пушкина, и Александр Сергеевич прислушивался к его мнению.

В № 4 "Современника" была напечатана "Капитанская дочка". На это письмо В.Ф. Одоевский ответил посланием с высокой оценкой "Капитанской дочки" и некоторыми замечаниями.

75. В книжную лавку А.Ф. Смирдина.

26 декабря 1836 г. В Петербурге.

Двадцать пять экземпляров 4-го № "Современника" выдать по сей записке...

А.Ф. Смирдин - см. письмо и примечание 20. Книжная лавка Смирдина на Невском проспекте была своего рода литературным салоном.

"4-го № "Современника" - см. примечание 74.

1837 год.

76. К.Ф. Толю.

26 января 1837 г.

В Петербурге.

Письмо, коего Ваше сиятельство изволили меня удостоить, останется для меня драгоценным памятником Вашего благорасположения, а внимание, коим почтили первый мой исторический опыт, вполне вознаграждает меня за равнодушие публики и критики.

Не менее того порадовало меня мнение Вашего сиятельства о Михельсоне, слишком у нас забытом. Его заслуги были затемнены клеветою; нельзя без негодования видеть, что должен он был претерпеть от зависти или неспособности своих сверстников и начальников. Жалею, что не удалось мне поместить в моей книге несколько строк пера Вашего для полного оправдания заслуженного воина. Как ни сильно предубеждение невежества, как ни жадно приемлется клевета, но одно слово, сказанное таким человеком, каков Вы, навсегда их уничтожает. Гений с одного взгляда открывает истину, а истина сильнее царя, говорит священное писание...

Граф Карл Федорович Толь - генерал-адъютант, военный историк.

В полученном за день до этого Пушкиным письме К.Ф. Толь благодарил его за присылку "Истории Пугачева".

"Мнение о Михельсоне" - К.Ф. Толь восстанавливал историческую справедливость в отношении генерала от кавалерии Ивана Ивановича Михельсона, который немало сделал для разгрома пугачевцев.

В главе "Арест" повести "Капитанская дочка" (а К.Ф. Толь мог бы прочесть ее в "Современнике") есть у Пушкина фраза, которая тоже могла подвигнуть графа Толя написать Александру Сергеевичу. Вот она: "Пугачев бежал, преследуемый Иваном Ивановичем Михельсоном". А в "Истории Пугачева" И.И. Михельсон упомянут 95 раз и оценен Пушкиным очень высоко.

Это письмо, связанное с оренбургской, пугачевской темой, написано А.С. Пушкиным накануне роковой дуэли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пушкин А.С. Полное собр. соч. в 10-т. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1949.
2. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х т. - М.: Худож. лит., 1985.
3. Пушкин А.С. Капитанская дочка. - Изд. 2-е, доп. - Л.: Изд-во "Наука", 1985. - 318 с.
4. Пушкин А.С. Письма к жене / Изд. подгот. Я.Л. Левкович. - Л.: Изд-во "Наука", 1986. - 260 с.
5. А.С. Пушкин. Рабочие тетради. В 8 т. - Петербург - Лондон, 1995.
6. Алпатов М.В. Немеркнувшее наследие. - М.: "Просвещение", 1990. - 303 с.
7. Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина. - М.: "Современник", 1984. - 476 с.
8. Ахматова А.А. О Пушкине: ст. и заметки / (Сост., послесл., с. 316 - 352, и примеч. Э.Г. Герштейн). - Изд. 3-е, испр. и доп. - М.: "Книга", 1989. - 366 с.
9. Бартенев П.И. О Пушкине: Страницы жизни поэта. Воспоминания современников: (Для ст. шк. возраста) / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. А.М. Гордин. - М.: Сов. Россия, 1992. - 458 с.
10. Бегунова А. Путь через века: Фрагменты истории войска российского в очерках, живописи, рисунках, свидетельствах участников событий и очевидцев. - М.: "Мол. гвардия", 1988. - 303 с.
11. Бессараб М.Я. Владимир Даль. - М.: "Моск. рабочий", 1968. - 264 с.
12. Благой Д.Д. Душа в заветной лире: Очерки жизни и творчества Пушкина. - Изд. 2-е, доп. - М.: Сов. писатель, 1979. - 623 с.
13. Блок Г. Пушкин в работе над историческими источниками. - М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1949. - 214 с.
14. Брюсов В. Собр. соч. В семи томах. Т.7. М., "Худож. лит.", 1975. - 528 с.
15. Венок Пушкину. - М.: Сов. Россия, 1987. - 253 с.
16. Вересаев В.В. Соч. В 4-х т. - Т. 3. "Пушкин в жизни"; "Гоголь в жизни". - М.: Изд-во "Правда", 1990. - 560 с.
17. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. - М.: "Высшая школа", 1981. - 320 с..
18. Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин) Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке. - М.: "Лабиринт", 1993. - 189 с.
19. Воронина Е. Письма из Оренбурга 1833 года. // Русский архив. - 1902. - № 8. - С. 643 - 659.
20. Временник Пушкинской комиссии. Выпуск 21. - Л.: Изд-во "Наука", 1987. - 236 с.
21. Временник Пушкинской комиссии. Выпуск 24. - Л.: Изд-во "Наука", 1991. - 199с.
22. Гейченко С.С. Завет внуку. Новеллы о Михайловском. - М.: "Детгиз", 1986. - 286 с.
23. Гершензон М.О. Мудрость Пушкина. - Томск: Изд-во "Водолей", 1997. - 288 с.

24. Гилельсон М.И., Мушина И.Б. Повесть А.С. Пушкина "Капитанская дочка": Комментарий: Пособие для учителя. - Л.: "Просвещение", 1977. - 191 с.
25. Гнамманку Д. Черный прадед // Нева. - 1999. - №6. - С. 7 - 33.
26. Гроссман Л. Пушкин: Изд. 3-е - М.: "Мол. гвардия", 1960. - 527 с. - (Сер. "Жизнь замечательных людей")
27. Губернаторы Оренбургского края / Авторы-составители В.Г. Семенов, В.П. Семенова. - Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 1999. - 399 с.
28. Даль В.И. Повести и рассказы. - М.: "Сов. Россия", 1983. - 429 с.
29. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т.т. - М.: Рус. яз., 1989.
30. Два века с Пушкиным.: Материалы всероссийской научно-практической конференции. - Оренбург: Изд-во ОГПУ, 1999. - 195 с.
31. Дейч Г.М. Все ли мы знаем о Пушкине? - М.: "Сов. Россия", 1989. - 268 с.
32. Дорофеев В.В. Василий Перовский и Оренбуржье: К 200-летию со дня рождения. - Оренбург, 1995. - 47 с. - (Оренб. обл. отд-ние Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры. Оренб. обл. госархив. Ком. по культуре и искусству адм. Оренб. обл.).
33. Дорофеев В.В. Над Уралом-рекой. - Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1988. - 272 с.
34. Дорофеев В.В. Пушкинские места Оренбурга. - Оренбург: Кн. изд-во, 1997. - 31 с.
35. Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2-х т. / Сост., биографические очерки и прим. В.М. Кунина. - М.: Правда, 1984. - Т. 1. - 640 с. - Т. 2. - 640 с.
36. Енишерлов В. "Семья моей матери...". // Прометей. - М., 1983. - Т. 13. - с. 254 - 279.
37. Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина. - Л.: Наука, 1976. - 340 с.
38. Исследования и исследователи Оренбургского края XVIII - начала XX в. в.: Материалы регион. науч. конф. 12 - 14 мая 1983 г., г. Оренбург. - Свердловск, 1983. - 188 с.
39. Керцелли Л. Мир Пушкина в его рисунках. - М.: Моск. рабочий, 1983. - 184 с.
40. Керцелли Л.Ф. Тверской край в рисунках Пушкина. - М.: Моск. рабочий, 1976. - 208 с.
41. Ковалев Ф.В. Золотое сечение в живописи. - Киев.: Выща шк. Головное изд-во, 1989. - 143 с., 90 ил., табл.
42. Корнилова А.В. Картинные книги. - Л.: Дет. лит., 1982. - 204 с.
43. Краваль Л. Рисунки Пушкина как графический дневник. - М.: "Наследие", 1997. - 533 с.
44. Кузнецов А.А. Награды: Энцикл. путеводитель по истории рос. наград. - М.: Современник, 1999. - 478 с.
45. Кузнецова А.А. Под бурями судьбы жестокой. - М.: Дет. лит., 1987. - 414 с.
46. Кузьмин Н. Художник и книга. - М.: Дет. лит., 1985. - 189 с.
47. Курочкин Ю.М. Уральский вояж поэта. - Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1988. - 140 с.
48. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799 - 1826 / Сост. М.А. Цявловский: Изд. 2-е, испр. и доп. - Л.: Наука, 1991. - 784 с.
49. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. - Л.: Просвещение, 1983. - 253 с.

50. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин Лермонтов Гоголь. - М.: Просвещение, 1988. - 351 с.
51. Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. - Т.2. - Таллинн: "Александра", 1992. - 480 с.
52. Лотман Ю.М. Пушкин. - Санкт-Петербург: "Искусство СПб", 1997. - 845 с.
53. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина "Евгений Онегин": Комментарий. Пособие для учителя: Изд. 2-е. - Л.: "Просвещение", 1983. - 415 с.
54. Любовь и Восток. - М.: "Моск. писатель", 1994. - 443 с.
55. Мейлах Б.С. Пушкин и его эпоха. - Л.: "Мол. гвардия", 1958. - 695 с.
56. Модзалевский Б.Л. Пушкин. - М.: "Аграф", 1999. - 352 с.
57. Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина. - М.: Советский писатель, 1987. - 448 с.
58. Никонов В.А. Имя и общество. - М.: "Наука", 1974. - 278 с.
59. Нурмухамедов М.К. Пушкин, Оренбург и оренбуржцы. - Ташкент.: Изд-во "Фан", 1984. - 63.
60. Ободовская И.М., Дементьев М.А. Наталья Николаевна Пушкина. По эпистолярным материалам: Изд. 2-е. - М.: "Сов. Россия", 1987. - 368 с.
61. Овчинников Р.В. За пушкинской строкой. - Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1988. - 207 с.
62. Овчинников Р.В. Над "пугачевскими" страницами Пушкина: 2-е изд., испр. и доп. - М.: "Наука", 1985. - 160 с.
63. Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский. - Оренбург: Оренбургское кн. изд-во, 1999. - 336 с.
64. Оренбургскому краю - 250 лет: Материалы юбил. науч. конф., посвящ. 250-летию Оренб. губ. и 60-летию Оренб. обл. - Оренбург, 1994. - 203 с.
65. Петрунина Н.Н., Фридендер Г.М. Над страницами Пушкина. - Л.: "Наука", 1974. - 166 с.
66. Платонов Андрей. Собр. соч в 3 т. - Т.2. - М.: "Сов. Россия", 1985. - 525 с.
67. Порудоминский В.И. Даль. - М.: "Мол. гвардия", 1971. - 384 с. - (Сер. "Жизнь замечательных людей").
68. Прянишников Н.Е. Записки словесника. - Оренбург: Кн. изд-во, 1963. - 143 с.
69. Прянишников Н.Е. Писатели-классики в Оренбургском крае: Изд. 4-е. - Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1977. - 207 с.
70. Пушкин в Оренбурге: (Сб. ст.) - Оренбург: Кн. изд-во, 1937. - 103 с.
71. Пушкин. Исследования и материалы: Труды 3-й Всесоюз. Пушкин. конф. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. - 464 с.
72. Пушкин. Исследования и материалы: - Т.VIII. - Л.: "Наука", 1978. - 309 с.
73. Пушкинские места России: Путеводитель. - М.: Профиздат, 1984. - 318 с.
74. Пьянов Л., Ильин М. Пушкинские места Верхневолжья. - М.: "Моск. рабочий", 1971. - 80 с.
75. Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. - Л.: Изд-во "Наука", 1974. - 297 с.
76. Рифей: Урал. лит.-краевед. сб. - Челябинск.: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1981. - 270 с.
77. Розанов В.В. Сумерки просвещения / Сост. В.Н. Щербаков. - М.: Педагогика, 1990. - 624 с.

78. Россия, Запад, Восток: встречные течения (К 100-летию со дня рождения акад. М.П. Алексеева). - *Санкт-Петербург: Наука*, 1996. - 446 с.
79. Руденская М., Руденская С. Они учились с Пушкиным. - *Л.: Лениздат*, 1976. - 294 с.
80. Сборник статей к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана. - *Тарту, "Тартусский университет"*, 1992. - 567 с.
81. Северные цветы на 1827 год. - *Санктпетербург.: изданы бароном Дельвигом, 1827.* - 346 с.
82. Славянский Ю.Л. Поездка А.С. Пушкина в Поволжье и на Урал. - *Казань: Тат. кн. изд-во, 1980.* - 144 с.
83. Словарь языка Пушкина. В 4-х т. - *М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956.*
84. Смирнов И.П. Роман тайн "Доктор Живаго". - *М.: Новое литературное обозрение, 1996.* - 205 с.
85. Смирнов-Сокольский Н.П. Рассказы о книгах. - *М.: Изд-во "Книга", 1977.* - 448 с.
86. Смольников И.Ф. Путешествие Пушкина в Оренбургский край. - *М.: "Мысль", 1991.* - 271 с.
87. Сов. военная энцикл. в восьми т.: *Изд 2-е.* - *М.: Воениздат, 1990.*
88. Степанов Н.Л. Проза Пушкина. - *М.: Изд-во АН СССР, 1962.* - 300 с.
89. Тверской венок Пушкину. - *М.: "Моск. рабочий", 1989.* - 142 с.
90. Толстой Л.Н. Собр. Соч. в 12 т. - *М.: Изд-во "Правда", 1987.*
91. Томашевский Б.В. Пушкин: Работы разных лет. - *М.: "Книга", 1990.* - 670 с.
92. Топоров А. Крестьяне о писателях. - *М.: "Книга", 1982.* - 304 с.
93. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. - *Вып. VI. - Оренбург, 1900.*
94. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. - *Вып. XVIII. - Оренбург, 1907.*
95. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. - *Вып. XXVII. - Оренбург, 1913.*
96. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. - *М.: "Наука", 1977.* - 574 с.
97. Тынянов Ю.Н. Пушкин. - *М.: "Худ. лит.", 1987.* - 543 с.
98. Февчук Л.П. Личные вещи А.С. Пушкина: Из собр. Всесоюз. музея А.С. Пушкина. - *Л.: "Сов. художник", 1968.* - 76 с.
99. Фесенко Ю.П. Сентябрь 1833: А.С. Пушкин и В.И. Даль // *Временник пушкинской комиссии. - Вып. 24. - Л.: "Наука", 1991.*
100. Фомичев С.А. Графика Пушкина. - *СПб.: Пушк. Дом, 1993.* - 101 с.
101. Франк С.Л. Русское мировоззрение. - *Санкт-Петербург: "Наука", 1996.* - 736 с.
102. Цветаева М.И. Мой Пушкин. - *М.: "Сов. писатель", 1967.* - 275 с.
103. Цявловская Т. Рисунки Пушкина. - *М.: Изд-во "Искусство", 1970.* - 167 с.
104. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Изд. 2-е, доп. и перераб. - *Л.: "Наука", 1988.* - 544 с.
105. Черейский Л.А. Пушкин и Тверской край: Докум. очерки. - *М.: "Моск. рабочий", 1985.* - 143 с.
106. Шубин Б.М. Дополнение к портретам. - *М.: "Знание", 1989.* - 255 с.
107. Шкловский В. Заметки о прозе Пушкина. - *М.: "Сов. писатель", 1937.* - 142 с.

108. Шкловский В. Заметки о прозе русских классиков. - М.: "Сов. писатель", 1955. - 459 с.
109. Эйдельман Н.Я. Пушкин. Из биографии и творчества. 1826 - 1837. - М.: Худ. лит., 1987. - 403 с.
110. Эйдельман Н.Я. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. - М.: Худ. лит., 1987. - 463 с.
111. Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. - М.: "Гнозис", 1994. - 560 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Предисловие	5
2. Лицейский глобус	9
3. Невозможно иметь больше ума, чем у Пушкина.	18
4. Почему он поехал?	28
5. Когда он приехал в Оренбург?	49
6. Каким Оренбург увидел Пушкина?	67
7. Каким Пушкин увидел Оренбург?	75
8. Адреса подлинные и мнимые.	82
9. Давайте пустим часы.	87
10. День первый.	90
11. День второй.	102
12. День третий.	133
13. Что было в сундучке?	139
14. Четыре "дна" оренбургского рисунка Пушкина.	145
15. От Шванвича до Гринева.	164
16. Мария Ивановна и Марья Ивановна.	187
17. "Зверский ребенок".	204
18. Почему комендант - Миронов и Капитан?	230
19. "Русский калёб"	236
20. Старичок в глазетовом кафтане	243
21. Двуликий Полежаев и другие	248
22. Акулина Памфиловна - тригорская и белогорская	254
23. "Слышь ты!"	259
24. Летний буран, или Почему Иван Андреевич стал Андреем Карловичем	278
25. Скупой рыцарь	305
26. "В должной соразмерности"	309
27. Знаки	321
28. "Операция "ф", или Загадки того сентября.	333
29. "Бывают странные сближения..."	348
Закключение.	356
Приложение	
Оренбуржье, "Капитанская дочка"	
и "История Пугачева" в письмах Пушкина	364
Библиографический список	402

Налоговая льгота ОК-055-93. Т2; 953000

**Савельзон Вильям Львович
ПУШКИН И ОРЕНБУРЖЬЕ**

**Над страницами "Капитанской дочки"
и "Истории Пугачева"**

Худ. редактор Л. Деменкова

Художник Н. Торопова

Техн. редактор И. Жосан

Комп. верстка Т. Чалкина

Корректор Л. Миняева

ЛР 010259 от 22.08.97

Сдано в набор 13.02.2002

Подписано в печать 22.03.2002

Бумага офсетная. Формат 60х90/16

Гарнитура Antigua. Печать офсетная

Усл. печ. л. 25,5. Цвет. вкл. 1 л.

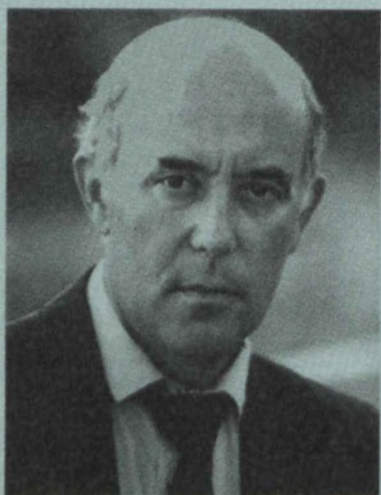
Уч.-изд. л. 28,9. Тираж 1100. Зак. 12017.

Издательско-полиграфический комплекс "Южный Урал",
Оренбург, пер. Свободина, 4.

50p

✓

Вильям Львович САВЕЛЬЗОН - писатель, журналист. По образованию филолог и историк. На радио, телевидении, в газетах работает с 1961 года. Заслуженный работник культуры, лауреат международной премии "За лучший репортаж о России" и премии "Оренбургская лира" (за первое издание книги "Пушкин и Оренбуржье. Над страницами "Капитанской дочки" и "Истории Пугачева"). Кроме этой книги в последние годы вышли "У нас такие есть комбаты", "Оренбургская история в лицах".